

В. А. ЖУКОВСКИЙ

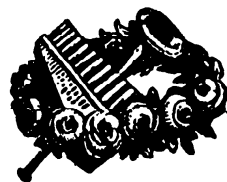
**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

**ТОМ ПЕРВЫЙ
СТИХОТВОРЕНИЯ
1797—1814 годов**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

**СТИХОТВОРЕНИЯ
1797—1814 годов**

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1999

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Ж 86

Издание осуществлено при финансовой поддержке
«Института Открытое Общество. Фонд Содействия»
Проект «В. А. Жуковский на рубеже XXI века»
грант № Н2С707

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Э. М. Жилиякова, Ф. Е. Канунова, О. Б. Лебедева, И. А. Поплавская, Н. Е. Разумова, Н. Б. Реморова, Н. В. Серебренников, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 1. Стихотворения 1797—1814 гг. / Ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. — М.: «Языки русской культуры», 1999. — 760 с.

ISBN 5-7859-0038-6

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

Настоящее издание состоит из 20 томов: тт. 1—2 включают лирику первого русского романтика 1797—1852 гг., тт. 3—6 — баллады и стихотворный эпос, т. 7 впервые представляет все драматургические опыты Жуковского, тт. 8—12 — прозу Жуковского, в том числе перевод «Дон Кишота», тт. 13—14 — полный свод его дневников; наконец, тт. 15—20 — все выявленные на сегодняшний день письма Жуковского.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

На авантитуле: В. А. Жуковский (1818 г.). Гравюра Е. Эстеррейха с портрета О. А. Кипренского.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su), only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-88766-038-4

© О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич.
Редакция 1-го тома, 1999
© А. С. Касьян. Художественное
оформление, 1999

ОТ РЕДАКЦИИ

Творческое наследие В. А. Жуковского имеет сложную судьбу. Несмотря на пять прижизненных изданий его стихотворений и сочинений в прозе, несколько посмертных изданий, в том числе так называемого Полного собрания сочинений (Т. 1—12. СПб., 1902 / Под ред. А. С. Архангельского), два собрания сочинений послереволюционного периода, актуальными остаются слова Н. С. Тихонравова, сказанные еще в 1898 г., о необходимости «критического издания всех произведений Жуковского» (Тихонравов Н. С. Сочинения. М., 1898. Т. 3. Ч. 1. С. 386).

Объяснений этому факту можно найти несколько: это и неоднозначность репутации поэта и его наследия, и сложность разграничения оригинального и переводного творчества, и судьба его рукописного наследия, разбросанного по нескольким архивам и почти не систематизированного, и трудности прочтения его дневников, которые он вел почти всю сознательную жизнь, и колоссальный объем его эпистолярного наследия, по существу еще не собранного, и нерешенность многих текстологических проблем его творчества. Одним словом, даже самое полное собрание его сочинений дает далеко не полное представление о его наследии, а с точки зрения текстологии и комментария не выдерживает никакой критики.

Прижизненные собрания сочинений Жуковского 1815—1816, 1818, 1824, 1835—1844, 1849—1857 (последнее, пятое, было завершено друзьями поэта после его смерти) были прежде всего изданием его стихотворений. Не случайно в их номинации это слово было главным. Каждое из них отражало определенный этап творческой эволюции Жуковско-

го, волю поэта, который далеко не все опубликованные в периодических изданиях произведения включал в эти собрания. Добавлением к этим собраниям стихотворений были «Переводы в прозе» (Ч. 1—5. М., 1816—1817) и «Сочинения в прозе» (СПб., 1826), дающие представление о прозаических опытах поэта, но не исчерпывающие их многообразия.

В посмертных собраниях сочинений Жуковского (С 6—под ред. К. С. Сербиновича. СПб., 1869. Т. 1—6; С 7—10—под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1878—1895) расширился корпус текстов, взятых из периодических изданий, вводились материалы критико-публицистического наследия Жуковского. П. А. Ефремов включил в С 7 (Т. 1—6. СПб., 1878) около 300 писем поэта, что позволило начать работу по систематизации его эпистолярного наследия. Появившиеся отдельные издания «Писем В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу» (М., 1895) и его «Дневников» (СПб., 1901, 1903) с примечаниями И. А. Бычкова стали существенной основой для полного собрания сочинений.

Однако 12-томное собрание сочинений Жуковского под ред. А. С. Архангельского, несмотря на стремление собрать и систематизировать все литературное наследие поэта, своей задачи не выполнило. Художественная проза была представлена выборочно, письма и дневники—в извлечениях и с купюрами, да и стихотворная часть собрания была неполной. Главное же—это издание было лишено почти всяких примечаний. Немногочисленные указания биографического плана носили вполне случайный характер.

В послереволюционное время репутация Жуковского-царедворца и реакционного романтика тормозила не только его серьезное литературоведческое изучение, но и осложняла издание его произведений. В этом отношении прорывом к новому осмыслению наследия Жуковского-поэта стало появление в Большой серии «Библиотеки поэта» «Стихотворений» Жуковского (Т. 1—2. Л., 1939—1940) под ред. и с примечаниями Ц. С. Вольпе. Это издание обогащало эдиционную практику. Его текстологические принципы, ориентирующиеся на рукописное наследие поэта, подробный комментарий к стихотворениям не утратили своего значения и сегодня, хотя, разумеется, специфика издания не позволила ему претендовать на полноту даже в отношении стихотворных текстов Жуковского.

Следующим важным этапом в издании наследия Жуковского стало «Собрание сочинений: В 4 т.» (М.; Л., 1959—1960) под ред. И. М. Семенко, Н. В. Измайлова и И. Д. Гликмана. В нем делалась попытка достаточно полно охарактеризовать поэтическое наследие Жуковского, дать представление о его художественной прозе и эпистолярной. Вырабатывались новые текстологические принципы издания, но само собрание сочинений, как и «Сочинения: В 3 т.» (М., 1980) под ред. И. М. Семенко, носили характер «избранного», составленного по жанрово-хронологическому принципу. Вопрос о полном собрании сочинений В. А. Жуковского оставался открытым.

Многолетняя работа сотрудников кафедры русской литературы Томского университета по изучению творческого наследия поэта (см.: БЖ. Ч. 1—3. Томск, 1978—1988; Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985; Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999; Дневники Жуковского — в печати, и т. д.) позволила подойти к решению этого вопроса.

Предлагаемое издание — первый опыт систематизации всего творческого наследия Жуковского, от первых его пансионских опытов 1787—1800 гг. до последних незаконченных сочинений 1852 г. Около 65 лет литературной деятельности поэта в возможно полном объеме предстают на страницах данного собрания сочинений. Датировки целого ряда произведений Жуковского в настоящем издании уточнены, а в отдельных случаях исправлены. Участниками настоящего издания проведено также фронтальное сличение всех опубликованных текстов Жуковского с их первоисточниками и осуществлено создание максимально полного свода автографов и копий публикуемых произведений.

Настоящее Полное собрание сочинений и писем Жуковского состоит из 20 томов:

1. Стихотворения 1797—1814 гг.
2. Стихотворения 1815—1852 гг.
3. Баллады, стихотворные повести и поэмы
4. Стихотворный эпос
5. Стихотворный эпос
6. Одиссея
7. Драматургические опыты
8. Ранняя проза (1797—1806)
9. Дон Кишот

10. Проза периода «Вестника Европы» (1808—1814)
11. Поздняя проза и публицистика
12. Эстетика и критика
13. Дневники 1804—1822 гг.
14. Дневники 1823—1852 гг.
15. Письма 1797—1810 гг.
16. Письма 1811—1814 гг.
17. Письма 1815—1822 гг.
18. Письма 1823—1833 гг.
19. Письма 1834—1840 гг.
20. Письма 1841—1852 гг.

Общий принцип расположения произведений внутри каждого раздела (тома) издания — хронологический. Материалы каждого жанрового массива располагаются по следующим разделам:

1. Основные тексты данного тома.
2. Наброски, планы, конспекты.
3. Dubia (если имеется).
4. Комментарии.

Раздел «Другие редакции и варианты» специально не выделяется из-за невозможности на данном этапе изучения творчества Жуковского и неразработанности принципов текстологии сочинений провести такую работу. Подобные материалы используются в комментариях к текстам.

Произведения, опубликованные Жуковским при жизни, печатаются по тексту последней публикации или по первой — если она единственная. Во всех случаях это специально оговаривается, кроме случаев использования текста последнего прижизненного издания (С 5), которое положено в основу большинства публикаций.

Тексты сочинений, не публиковавшихся при жизни автора, печатаются по текстам посмертных публикаций со сверкой по автографу, если таковой сохранился, или — по авторизованным копиям. Абсолютное большинство копий создавалось при жизни поэта, под его непосредственным контролем, а потому они могут считаться авторизованными, если даже не содержат его пометок. Явные опечатки, описки и грамматические ошибки в воспроизводимых текстах исправляются без специальных оговорок.

Основная проблема предпринятого издания — выработка его текстологических принципов. Сложность ее решения определяется целым рядом факторов: 1) вариативностью языковых (и в частности, орфографических) норм в эпоху Жуковского; 2) редакторским произволом как в последнем прижизненном собрании сочинений (С 5), так и во всех посмертных изданиях, что приводило к искажению текста и нарушению индивидуальной авторской системы; 3) в отсутствии какой-либо эдиционной традиции в отношении к наследию поэта.

Все эти обстоятельства привели к совершенному разнобою в определении объема творческого наследия Жуковского, в воспроизведении его текстов и их датировке. Что касается первого вопроса, то ответ на него лежит в номинации настоящего издания: *Полное собрание сочинений*. И хотя на данном этапе состояния архивов поэта, изучения и издания его творчества гарантировать абсолютную полноту текстов просто невозможно (автографы Жуковского «осели» в других собраниях, в том числе зарубежных), но стремление к этой цели было главным моментом нашей работы.

Вопрос о датировке целого ряда текстов или об ее уточнении определялся самим принципом хронологического расположения материала внутри тома или томов. Изучение и сравнение известных автографов и авторизованных копий, первых публикаций позволило внести существенные коррективы в общепринятые датировки (см. стих. «К ней» («Имя где для тебя?..»; домашние муратовские стихотворения, впервые опубликованные Н. В. Соловьевым, «К самому себе» и т. д.).

Что касается воспроизведения текстов Жуковского, принципов передачи орфографических и пунктуационных норм его индивидуального стиля, то можно констатировать следующее:

1) последовательно проведена замена устаревших и отсутствующих в современном алфавите букв на их нынешние адекваты;

2) иноязычный текст дается по современным нормам;

3) в соответствии с современными орфографическими правилами даны написания слов типа *делфин*, *волкан*, *естьли*, *дышет*, *другова*, *на веки*, *во век*, но только в тех случаях, когда они не являются стилевой и интонационной характеристикой текста, отражающей живое звучание стиха (например, в рифмах: «портнова — обнова» или в метрике стиха: «Ах! знать, любезна, // Сердцу драгова...»);

4) сохраняются все славянизмы, определяющие метрико-интонационный строй стиха: окончание *-ья* в прилагательных родительного

падежа единственного числа женского рода (*Что сердце мирных весталки возмутило?..*), «Блаженством **страстных** тоски утомлена», «При свете **бледных** луны»); в притяжательных местоимениях женского рода («Пусть роет он поля отчизны **твоя** ~ Прямая слава в ней, лишь в ней ищи **ея**»), хотя сам Жуковский допускал сосуществование славянизмов и русизмов в пределах даже одного стихотворения. Ср.:

*От века **оне** совершенны во всем совершенстве созданья;
Не зрим ни **единой** земная Венера, как прежде **небесной**,
В ее сокровенном исходе из тайных обителей моря...* («Счастье»);

5) унифицированы все клаузулы в рифмах типа «в уверенье — **терпенье**», «в смятенье — в отдаленье», «в твоём дыханье — очарованье», «тополь с ивой — ручеек извивой», что отвечает представлению Жуковского о графическом единообразии рифмующихся окончаний стихов;

6) сохранены вариативное написание слов: «ночь — **ночь**», «сидит — **сидит**», «крыле — **крылья**» (Ср.: «Мрачная **тьма** **черных** **нощи**» — «С туманным **мраком** **полуночи**»; «Ты, на совете их **седающей** **благодатью**» — «Таиса **близ** **царя** **сидит**»; «Развила она **крыле**» — «Орел (...) толкнул **жучка** **крылом**»), а также графика в воссоздании строчных и заглавных букв в словах: «Рок — **рок**», «Небо — **небо**», «Бог — **бог**», «Муза — **музы**», «Отец — **отец**», «Царь — **царь**», «Зефир — **зефир**», «Грация — **грации**» и т. д., дифференцированных у Жуковского как по значению (сакральное — бытовое, реальное; христианское — языческое, мифологическое — поэтическое, славянизм — русизм), так и по общему поэтическому контексту (стихотворения эстетического, символического, общественно-политического, бытового, шуточного характера);

7) с заглавной буквы, как у Жуковского, даны этнонимы типа: *Росс*, *Славянин*, *Галл*, *Сармат*, являющиеся словесным обозначением аллегорических образов — воплощений нации или государства; во всех остальных случаях (см., например, послание «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...»)) этнонимы даются со строчной буквы.

Особого разговора заслуживает поэтический синтаксис и графика Жуковского. Одним из первых в русской поэзии Жуковский «прибегает к внесинтаксическому, внеграмматическому средству выделения слова — к шрифту в печати; он выделяет слово-символ, выпавшее из обычных связей речи, значащее больше, чем оно может значить просто в контексте, курсивом, внешним подчеркиванием» (Жуковский Г. А.

Пушкин и русские романтики. М., 1995. С. 53). Все курсивы Жуковского специально не оговариваются, но последовательно воспроизводятся. Новая мелодика поэзии Жуковского проявилась в обилии вопросительных и восклицательных конструкций (об этом см.: Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха. Пб., 1922. Раздел 2 «Жуковский»). Но если вопросительная интонация последовательно сохраняется от редакции к редакции, от публикации к публикации, то восклицательная и ее графическое выражение — восклицательный знак — заметно редуцируются и часто заменяются эмфатически ослабленным вариантом — точкой или точкой с запятой. Последняя прижизненная публикация или последний по времени автограф (авторизованная копия) в этом случае являются основанием для воспроизведения текста.

Во всех остальных случаях сохраняются такие авторские знаки препинания, как точка, запятая, точка с запятой, тире, двоеточие, многоточие, сочетание запятой и тире, с исправлением очевидных отклонений от современных пунктуационных норм (причастные и деепричастные обороты, обращения, вводные слова, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, прямая речь). Тем более что Жуковский или переписчики его стихотворений иногда при расстановке парных знаков препинания забывали поставить второй знак.

Необходимо подчеркнуть и то, что на протяжении творческой деятельности Жуковского (1797—1852 гг.) менялись нормы русского литературного языка, как орфографические, так и пунктуационные. И чуткий к вопросам развития языка, Жуковский вносил существенные коррективы в свой индивидуальный стиль. Его концепция сближения поэзии и прозы, путь к эпосу вели к ослаблению синтаксической эмфатики, к уменьшению славянизмов, к снятию заглавных букв. Вариативность словоупотребления, своеобразное вхождение графики в стилистику (об этом см.: Жуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. С. 67—68) не позволяют унифицировать тексты Жуковского (особенно это касается стихотворных произведений) с точки зрения каких-то языковых норм. Его творчество в определенной мере отражение процессов развития русского литературного языка, и случаи вариативности в написании отдельных слов, колебания в пунктуации и графике нами сохраняются как материал для дальнейших исследований инди-

видуального стиля Жуковского и изучения динамики поэтического языка вообще.

В комментарий к каждому произведению входят справка об источниках основного текста и их текстологическое описание, сведения о первой публикации, о включении в прижизненные издания, об источнике публикации (кроме случаев вхождения произведения в С 5 — см. выше) и датировка с ее последующим обоснованием (если она не вытекает из указания самого автора). При текстологическом описании автографа, копий и первой публикации не оговаривается заглавие текста в том случае, если оно имелось и соответствовало каноническому. Перед комментарием дается каноническое название описываемого текста и его первая строка, если она не совпадает с заглавием.

Особое место в комментарии занимает вопрос об источниках переводов Жуковского. Большое количество переводных произведений делает актуальной не только проблему их источников, но и включение в комментарий необходимых сведений об авторах переводимых текстов, о характере перевода.

Раздел «Комментарии» в каждом томе предваряется редакторской преамбулой, а иногда двумя статьями, раскрывающими историю публикации разделов творческого наследия Жуковского, их текстологию, эстетическую природу, а по отношению к стихотворным текстам — своеобразие их стиха.

Список условных сокращений, принятых в издании, дан в конце первого тома, но некоторые дополнения к нему, связанные с появлением важных и часто цитируемых изданий и отдельных работ, приводятся в других томах. Во втором томе дается алфавитный указатель всех стихотворений Жуковского; в 8 томе — всех стихотворных произведений, кроме собственно лирических, а также драматических опытов в прозе; в 13 томе — всех прозаических художественных произведений. В 15 томе дан специальный аннотированный указатель имен для «Дневников»; в 16 томе — алфавитный указатель адресатов Жуковского. В последнем томе помещается общий алфавитный указатель всех произведений Жуковского и указатель имен по всему тексту издания.

Полное собрание сочинений и писем Жуковского подготовлено коллективом кафедры русской литературы Томского государственного университета при участии литературоведов Москвы, Санкт-Петер-

бурга, Новгорода и других городов России. Имена принимавших участие в подготовке издания указаны в каждом томе, а все комментарии авторизованы.

Авторский коллектив выражает свою глубочайшую признательность директору РГАЛИ Н. Б. Волковой, зав. рукописным отделом РНБ Л. И. Бучиной и сотруднику этого отдела Н. Б. Роговой, библиографу РНБ Л. В. Карпущенко, зав. рукописным отделом ИРЛИ Т. И. Краснобородько и научному сотруднику ИРЛИ С. В. Березкиной, а также Н. В. Самовер за их помощь и поддержку в подготовке предпринятого издания.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1797—1814

ГОДОВ

МАЙСКОЕ УТРО

Белорумяна
Всходит заря
И разгоняет
Блеском своим
Мрачную тьму
Черных ночи.

Феб златозарный,
Лик свой явивши,
Все оживил.
¹⁰ Вся уж природа
Светом оделась,
И процвела.

Сон встрепенулся,
И отлетает
В царство свое.
Грезы, мечтанья,
Рой как пчелиный,
Мчатся за ним.

Смертны, вспряните!
²⁰ С благоговеньем,
С чистой душой,
Пад пред Всевышним,
Пламень сердечный
Мы излием.

Радужны крылья
Распостирая,
Бабочка пестра
Вьется, кружится,
И лобызает
³⁰ Нежно цветки.

Трудолюбива
Пчелка золотая
Мчится, жужжит.
Все, что бесплодно,
То оставляет —
К розе спешит.

Горлица нежна
Лес наполняет
Стоном своим.
40 Ах! знать, любезна,
Сердцу драгова
С ней уже нет!

Верна подружка!
Для чего тщетно
В грусти, тоске
Время проводишь?
Рвешь и терзаешь
Сердце свое?

Можно ль о благе
50 Плакать другого?..
Он ведь заснул
И не страшится
Лука и злобы
Хитра стрелка.

Жизнь, мой друг, бездна
Слез и страданий..
Счастлив стократ
Тот, кто, достигнув
Мирного берега,
60 Вечным спит сном.

**ОДА. БЛАГОДЕНСТВИЕ РОССИИ,
УСТРОЯЕМОЕ ВЕЛИКИМ ЕЯ САМОДЕРЖЦЕМ
ПАВЛОМ ПЕРВЫМ**

Peuple! à vos intérêts je soumettrai les miens,
Et les besoins du trône à ceux des citoyens.
Si mes soins vigilants vous font des jours propices,
Je serai trop payé des tous mes sacrifices.

Откуда тишина златая
В блаженной Северной стране?
Чьей мощною рукой покрыта,
Ликует в радости она?
В ней воздух светел, небо ясно;
Не видно туч, не слышно бурь.
Как реки в долах тихо льются,
Так счастья льются в ней струи.

Умолкла брань, престали сечи;
¹⁰ Росс на трофеях опочил;
Там щит, и меч, и шлем пернатый,
И булава его лежит..
С улыбкой ангельской, прелестной,
В венце, сплетенном из олив,
Нисшел от горних стран эфира
Сын неба, животворный мир.

Нисшел — Россия восплескала,
Пресветмый зря его приход;
И миллионы погрузились
²⁰ В восторг, в забвенье, в тишину.
Спокоились моря пространны;
С весельем реки потекли;
Зиять престали жерла медны;
Молчит все, тихо. Гром заснул.

И кто же сей — вещай, Россия! —
Кто сей, творящий чудеса?
Кто долу мир с небес низводит,
И нову жизнь тебе дает?

„То *Павел*, Ангел мой хранитель;
30 Пример, краса венчанных глав; —
Покров мой, щит мой и отрада,
Владыка, Пастырь, Иерарх“.

Рекла — и перстом указывает
Одеян славой мирной трон.
О, коль видение прекрасно
Открылось взору моему!..
Там восседит, в сияньи солнца,
Великий *Павел*, будто Бог.
Престол его поставлен твердо
40 На Росских пламенных сердцах.

Блестящим служит балдахинном
Ему святой его закон;
Его скиптр — *кротость*, а держава
Есть *благо* подданных его.
Венец — *премудрость* составляет,
Блистая ярко на главе;
Ее лучами освещает
Полсвета Павел с высоты.

В Его деснице зрится *чаша*,
50 Из коей *милости* Он льет,
Она вовек не истощится:
Источник то воды живой.
Как тихий дождь, шумя в день знойный,
Собой тварь жаждущу свежит:
Так Он струит ток благотворный
В сердца, приверженны к Нему.

Его чертог есть храм священный,
Храм *правосудия, любви*.
Вельможа в золотой одежде,
60 И бедный в рубище простом,
Герой с победоносным лавром,
Вдова с горящею слезой,
Невинный, сильными гнетомый:
Все, все равно к нему текут.

Его недремлющее око
Всегда на чад устремлено.
О их блаженстве Он печется
И славу возвышает их.
Он все содержит, устрояет,
70 Хранит все, движит и живит;
Он *сердце, он душа* России;
Для ней он жертвует собой.

И музы *Павлом* не забыты:
Он им отрада и покров.
Его порфирой осенены,
Оне ликуют в тишине.
Их гласы стройны раздаются,
Златые лиры их звучат;
Оне свой жребий улаживают,
80 В восторге сладостном поют:

„О *Павел!* о монарх любезный!
Под сильною твоей рукой
Мы не страшимся бурь, ненастья:
Спокойны и блаженны мы.
Ты царствуй — мы дела прославим
Твои в грядущи времена;
Из лучезарных звезд созиждем
Бессмертия Тебе венец“.—

И *Павел* кротко песни внемлет,
90 Склоня к ним с престола слух.
„Так, юны Музы,— он вещает,—
Я буду царствовать; а вы
Скажите позднему потомству:
— Он под венцом был *человек*;
О подданных, как чадах, пекся;
Для них, для них лишь Он и жил.

Гнушался лести и коварства;
На троне истине внимал;
Для блага общего покоем
100 Он собственным не дорожил“.—

Вещал — и новые щедроты
Рекою шумной полились;
Вещал — и новые законы
Сама премудрость изрекла.

О Россы! о дражайши Россы!
Каких блаженных, красных дней,
Каких отрад, каких восторгов
Не можете вы ожидать?
Не Царь — Отец, Отец вам *Павел*;
¹¹⁰ Ко благу, к славе верный вождь.
Ступайте вслед за Ним, спешите:
Он в храм бессмертья вас введет!

А вы, избранных Россов чада!
Отечества надежда, цвет!
Растите, в силах укрепляйтесь;
Учитесь сердцем *Павла* чтить;
Питайте огонь к нему любви,
Питайте с самых юных лет,
Чтоб после быть его сынами,
¹²⁰ И жизнью жертвовать ему.

ДОБРОДЕТЕЛЬ

Под звездным кровом тихой ночи,
 При свете бледных луны,
 В тени ветвистых кипарисов,
 Брожу меж множества гробов.
 Повсюду зрю сооруженны
 Богаты памятники там,
 Порфиром, златом обложенны;
 Там мраморны столпы стоят.

Обитель смерти там — покоя;
¹⁰ Усопших прахи там лежат;
 Ничто их сна не прерывает;
 Ничто не грезится во сне...
 Но все ль так мирно почивают,
 И все ли так покойно спят?..
 Не монументы отличают
 И не блестяща пышность нас!

Порфир надгробный не являет
 Душевных истинных красот;
 Гробницы, урны, пирамиды —
²⁰ Не знаки ль суетности то?
 Они блаженства не доставят
 Ни здесь, ни в новом бытии,
 И царь сравнивается с убогим,
 Герой там станет, где пастух.

С косою острой, кровожадной,
 С часами быстрыми в руках,
 С седой всклокоченной брадою,
 Кидая всюду страшный взор,
 Сатурн несытый и свирепый
³⁰ Парит через вселенну всю;
 Парит — и груды оставляет
 Развалин следом за собой.

Валятся дубы вековые,
Трясутся гор пред ним сердца,
Трещат забрала и твердыни,
И медны рушатся врата.
Падут и троны и начальства,
Истлеет посох, как и скиптр;
Венцы лавровые поблекнут,
40 Трофеи гордые сгниют.

Стоял где памятник герою,
Увы! что видим мы теперь? —
Одни развалины ужасны,
Шипят меж коими змеи,
Остались вместо обелиска,
Что гордо высился за век,
За век пред сим — и нет его...
И слава тщетная молчит.

И что ж покажет, что мы жили,
50 Когда все время рушит так? —
Не камень гибнувший величья
В потомстве позднем нам придаст;
И не порфирны обелиски
Прославят нас, превознесут.
Увы! несчастен, кто оставил
Лишь их — и боле ничего!

Исчезнут тщетны украшенья,
Когда застонет вся земля,
Как заревут ужасны громы,
60 Падет, разрушится сей мир.
И тени их тогда не будет,
И самый прах их пропадет.
Все, все развеется, погибнет.
Как пыль, как дым, как тень, как сон.

Тогда останутся нетленны
Одни лишь добрые дела.
Ничто не может их разрушить,
Ничто не может их затмить.

Пред Богом нас они прославят,
70 В одежду Правды облекут;
Тогда мы с радостью явимся
Пред трон всемогущего Творца.

О сколь священна, Добродетель,
Должна ты быть для смертных всех!
Рабы, как и владыки мира,
Должны тебя боготворить...
На что мне памятники горды?
И скиптр и посох — все равно:
Равно под мрамором в могиле,
80 Равно под дерном прах лежит.

ДОБРОДЕТЕЛЬ

От Света светов луч излился,
И Добродетель родилась!
В тьме мир дремавший пробудился,
Земля весельем облеклась;
В священном торжестве Природа
Объемлет дар для смертных рода;
От горних, светлых стран небес
Златой, блаженный век спустился,
Восторг божественный вселился
10 Во глубине святых сердец.

На землю дочь Творца предстала,
Творений хор ей гимн воспел:
Пустыня светлым раем стала;
Как крин, повсюду мир процвел;
Любовь, невинность, кротость нравов;
Без строгости и без уставов,
Правдивость, честность всем эгид;
Повсюду дружба водворилась,
Повсюду истина явилась,
20 Преданность, верность, совесть, стыд.

Дохла Злоба — и родился
Кровавый, яростный Раздор;
Вдохнул он — вздох сей повторился
Среди сердец кремнистых гор;
Ужасный яд — его дыханье,
Убийство, смерть — его желанье,
И мрак — блистанье очей.
Взглянул — и брани воспылали,
Несчастны жертвы застонали,
30 Кровь быстрой полилась струей.

Одеян бурей век железный,
Потрясши круг земли, предстал;
Померк Натуры вид любезный,
И смертный счастлив быть престал.
С цепей своих Борей сорвался,
В полях небесных гром раздался,
Завыл и лес и сонм морей!
С лугов Зефиры улетели,
По рощам птицы онемели,
40 И светлый не журчит ручей.

Дщерь ада — Злоба есть содетель
Бесчисленных лютейших бед;
Но не исчезла Добродетель!
Она еще, еще живет;
Еще ей создают храмы,
Еще курят ей фимнамы;
Но, ах! златой уж век исчез,
В пучине вечности сокрылся,
Один лишь луч к нам отделился
50 И добрым мир с собой принес.

Иной гордыни чтит законы,
Идет неправды по стезям;
Иной коварству зиждет троны
И дышит лестию к царям;
Иной за славою стремится;
Тот злата алчностью томится,
Тот ратует с врагом своим,

И всяк путь ложный избирает,
В ночи как будто бы блуждает;
60 Его дела — ничтожный дым.

И муж, премудростью почтенный,
Во испытаньях поседев,
Муж праведный и просвещенный
Вдохнет, на все сие возрев;
В мечтаньях сих он тленность видит,
Порок и зло он ненавидит,
А Добродетели кумир
В своей душе он обожает,
Свою всю жизнь ей посвящает,
70 Его чертог — пространный мир.

Кто правды, честности уставы
В течение дней своих блюдет,
Тот к счастью обретет путь правый,
Корабль свой в пристань приведет;
Среди он бедствий не погибнет,
В гоненье рока он возникнет,
Его перун не утрашит.
Когда и смерть к нему явится,
То дух его возвеселится,
80 К блаженству спешно полетит.

О вы, подобье юных кринов!
В вас пламень бодрости горит,
В вас зрю я доблесть Славянинов —
Учитесь Добродетель чтить;
В душе ей храм соорудите,
Ей мысли, чувства посвятите,
Стремитесь мудрых по стезям.
Круг жизни вашей совершится,
Но солнце ваших дней затмится,
90 Зарю оставя по следам.

**ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,
ГОСПОДИНУ ТАЙНОМУ СОВЕТНИКУ, ИМПЕРАТОРСКОГО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КУРАТОРУ И КАВАЛЕРУ
МИХАИЛУ МАТВЕЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ НА СЛУЧАЙ ПОЛУЧЕНИЯ
ИМ ОРДЕНА СВ. АННЫ 1-Й СТЕПЕНИ, ОТ ВОСПИТАННИКОВ
УНИВЕРСИТЕТСКОГО БЛАГОРОДНОГО ПАНСИОНА**

Еще, Херасков, друг Минервы,
Еще венец Ты получил!
Сердца в восторге пламенеют
Приверженных к Тебе детей,
Которых нежною рукою
Ведешь Ты в храм святой Наук,—
В тот храм, где Муза озарила
Тебя бессмертия лучом.

Дела благие — вечно живы;
¹⁰ Плоды их зреют в небесах;
И здесь и там их ждет награда:
Здесь царь венчает их, *там* — Бог!

МОГУЩЕСТВО, СЛАВА И БЛАГОДЕНСТВО РОССИИ

На троне светлом, лучезарном,
Что полвселенной на столпах
Внесен, незыблемо поставлен,
Россия в славе восседит —
Златой шелом, огнепернатый
Блится на главе ее;
Венец лавровый осеняет
Ее высокое чело;
Лежит на шуйце щит алмазный;
¹⁰ Расширивши крыла свои,
У ног ее орел полночный
Почит — гром его молчит.

Окрест блестящего престола,
В бесчисленный собравшись сонм,
Стоят полночные народы,
С почтеньем долу преклонясь:
Славянин в шлеме златовидном,
Татар с свинцовой булавой,
Черкес в булатных, тяжких латах,
20 Бобром одетый камчадал,
С сетями финн, живущий в Норде,
С секирой острой алеут,
Киргизец с луком напряженным,
С стальной саблею сармат.

Она сидит — и светлым оком
Зрит на владычество свое;
Прелестный юноша пред нею,
Склоняющ слух к ее словам.
„Мой сын! — гласит ему Россия.—
30 Простри свой взор окрест себя;
Простри и виждь страны цветущи,
Подвластны скиптру моему:
Ты в недрах их рожден, воспитан,
В их недрах счастье — жребий твой;
В их недрах ты свое течение
Со славой должен совершить!

Воззри, и в радостном восторге
Клянись и сердцем и душой
Быть сыном мне нежнейшим, верным,
40 Мне жизнь и чувства посвятить;
Воззри на мощь мою, на славу,
Мои сокровища исчисли;
Смотри: там Бельт пространный воеет;
Там пенится шумящий Понт;
Там Льдистый океан волнится,
В себя приемлющ сонмы рек;
Там бурный океан Восточный
Камчатский опеняет брег.

Здесь Волга белыми струями
50 Катится по полям, лугам,

Благословенье изливает
И радость на хребте несет;
Там Дон клубится, Днепр бунтует;
Уральских исполинов ряд
Делит там Азию с Европой
И подпирает небеса;
Сибирь, хранилище сокровищ,
Здесь возвышает свой хребет;
Херсон гордится там плодами,
60 Прельщающими взоры, вкус.

Цветет обилие повсюду!
На тучных пажитях, лугах
Стада бесчисленны пасутся;
Покрыты класами, поля
Струятся, как моря золотые;
Весельем дышат, земледел
При полных житницах ликует.
Там села мирные мои;
Там грады крепкие, цветущи;
70 Москва, Петрополь и Казань,
На бреге быстрых рек, пенистых
Главы поднимают к облакам.

Повсюду в ратном украшеньи
Блистают воинства ряды;
На шлемах перья развевают,
На копьях солнца луч горит;
Мечи гремят в десницах мощных;
Кони, гордяся, гриву вверх
Вздымают, ржут, бьют ногами,
80 Крутят песок, вьют прах столбом;
Огонь летит багряным вихрем
Из медных челюстей, гремя;
Долины грохот повторяют
И эхо предают горам.

На влаге бурных океанов,
Расширив белые крыла,
Летают в грозных строях флоты,

Нося во мрачных недрах смерть;
Пенят и Бельт и Понт в стремленье:
90 Пред ними ужас, гром летит...
От всех вселенных пределов
Плывут с богатством корабли
И, пристаней моих достигнув,
Тягчат сокровищами брег:
Богатый Альбион приносит
Своих избытков лучшую часть;

Волнисту шерсть и шелк тончайший
Несет с Востока оттоман;
Араб коней приводит быстрых,
100 В своих степях их укротив;
Китай фарфор и муск приносит;
Моголец шлет алмаз, рубин;
Йемен дарит свой кофе вкусный;
Как горы, по полям идут
Верблюды с перскими коврами,—
От всех земли пределов, стран
Народы мне приносят дани,
Цари сокровища мне шлют...

Там в храмах, Музам посвященных,
110 Текут для юношей струи
Премудрости, нравоученья;
Там в кроткой, мирной тишине,
Исполнясь духом Аполлона,
Поэт восторг небесный свой
Чертами пламенными пишет;
Там Праксителев ученик
Влагает жизнь во хладный мрамор,
Велит молчанью говорить;
Там медь являет зрак героя
120 В нем пламень мужества горит;

Там холст под кистью Апеллеса
Рождает тысячи красот;
Там нового Орфея лира
Струнами сладкими звучит...

Везде блестит луч просвещения!
И благотворный свет его,
С лучом религии сливаясь,
Все кроткой теплотой живит
И трон мой блеском одевает...
¹³⁰ Мой сын! кто в свете равен мне?
Какое царство в поднебесной
Блаженней царства моего?"

Се образ радостный России!
Но некогда густая тьма,
Как ночь, поверх ее носилась;
Язычество свой фимиам
На жертвенниках воскуряло,
И кровь под жреческим ножом
Дымилась в честь немых кумиров...
¹⁴⁰ С престола Святославов сын
Простер свой скиптр державный, мощный —
И кроткий Христианства луч
Блеснул во всех концах России:
К Творцу моления вознеслись.

Стенала некогда в оковах
Россия, под пятой врагов
Неистовых, кичливых, злобных...
Ее Сармат и Скандинав
Тягчили скипетром железным;
¹⁵⁰ Москва, с поникшею главой,
Под игом рабства унывала,
Затмилась красота ее,—
И Росс слезящими очами
Взирал на бедства вокруг себя,
На грады, в пепел обращенны,
На кровь, кипящу по полям.

Явился Петр — и иго бедствий
Престало Россов отягчать;
Как холм, одетый тенью ночи,
¹⁶⁰ Являющийся с юным днем:
Так все весельем озарилось;
Главу Россия подняла,

Престол ее, вознесшись к небу,
Рассыпал на вселенну тень;
Ее Алкиды загремели;
Кичливый враг упал, исчез,—
И се, во славу облеченна,
Она блаженствует, цветет!

Се Павел с трона славы, правды,
¹⁷⁰ Простерши милосердья длань,
Блаженство миллионов зиждет,
Струями радость, счастье льет
И царства падшие подьмлет!
Се новый русский Геркулес,
Возникшу гидру поражая,
Тягчит пятой стоголавный Альп,
Щитом вселенну осеняет!
Се знамя русское шумит
Средь тронов, в прахе низложенных!
¹⁸⁰ И се грядет к нам *новый век!*

Падите, Россы, на колена!
Молите с пламенной душой:
„Да управляй царств судьбами
Хранит любовью своей
От бед Россию в век грядущий
И новым светом облечет!
Да снидет мир к нам благодатный
И миру радость принесет!
Да луч премудрости рассеет
¹⁹⁰ Невежества последний мрак
И да всеобщее блаженство
Вселенну в рай преобразит!!!“

СТИХИ НА НОВЫЙ 1800 ГОД

Из недра вечности рожденный,
Парит к нам юный сын веков;
Сотканна из зарей порфира

Струится на плечах его;
Лучи главу его венчают,
Простерт о чреслах Зодиак.
В его деснице зрится чаша,
Где скрыты жребии Судьбы,
Из коей вечными струями
10 Блаженство и беды текут.

Летит — пред ним часы, минуты
Ллются быстрою струей;
Сопутницы, его подруги,
Несут вселенной благодать:
Зима в своей короне лдяной,
В сотканной ризе из снегов;
Весна с цветочными коврами,
С плодами *Осень* для деревьев,
С снопами *Лето* золотыми
20 И благотворной теплотой.

Летит — во сретенье Вселенна
Ему благословенья шлет;
Желанья, робкие надежды
Несутся сонмами к нему;
К нему стремится глас хвалебный,
К нему летит слеза и вздох;
Монарх с блестящего престола,
И нищий с бедного одра,
К нему возводят взор молящий,
30 Благодеяний ждут его...

Лети, сын вечности желанный,
Лети и по следам своим
Цветы блаженства вожделены
И кротку радость насаждай...
Пускай полет твой благодатный,
Как зефир, землю освежит;
Любовь, согласно священно,
Во всей вселенной утвердит.

К ТИБУЛЛУ
НА ПРОШЕДШИЙ ВЕК

Он совершил свое течение
И в бездне вечности исчез...
Могилы пепел, разрушенье,
Пучина бедствий, крови, слез —
Вот путь, его и обелиски!

Тибулл! все под луною тленно!
Давно ль на холме сем стоял
Столетний дуб, густой, надменный,
И дол ветвям осенял?
¹⁰ Ударил гром — и дуб повержен!

Давно ли сей любимец славы
Народов жребием играл,
Вселенной подавал уставы
И небо к распре вызывал?
Дохнула смерть — что он? — горсть пыли.

Тибулл! нам в мире жить не вечно:
Вся наша жизнь лишь только миг.
Как молнья, время скоротечно! —
На быстрых крыльях своих
²⁰ Оно летит, и все с ним гибнет.

Едва на дневный свет мы взглянем,
Едва себя мы ощутим
И жизнью радоваться станем:
Уже в сырой земле лежим,
Уж мы добыча разрушенья!

Тибулл! нельзя, чтобы природа
Лишь для червей нас создала;
Чтоб мы, проживши два, три года,
Прешед сквозь мрачны дебри зла,
³⁰ С лица земли, как тени, скрылись!

На что винить богов напрасно?
Себя мы можем пережить:
Любя добро и мудрость страстно,
Стремясь друзьями миру быть,—
Мы живы в самом гробе будем!..

**ПЛАТОНУ НЕПОДРАЖАЕМОМУ,
ДОСТОЙНО СЛАВЯЩЕМУ ГОСПОДА**

Платон, великий муж, когда ты прославлял
Нам кроткого отца в Зиждителе вселенной,
Тогда я с пламенной душою, восхищенной,
К Творцу Всемощному моенье воссылал:
Да благостью своей Платона сохранит,
И драгоценны дни Великого продлит.

МИР

Проснись, пифийского поэта древня лира,
Вещательница дел геройских, брани, мира!
Проснись — и новый звук от струн своих издай
И сладкою своей игрою нас пленяй —
Исполни дух святым восторгом!

Как лира дивная небесного Орфея,
Гремишь ли битвы ты — наперсники Арея
Берутся за мечи и взорами грозят;
Их бурные кони ярятся и кипят,
¹⁰ Крутя свои волнисты гривы.

Поешь ли тишину — гром Зевса потухает;
Орел, у ног его сидящий, засыпает,
Вздывая медленно пернатый свой хребет;
Ужасный Марс свой меч убийственный кладет
И кротость в сердце ощущает.

Проснись! и *мир* воспой блаженный, благодатный;
Пусть он слетит с небес, как некий бог крылатый,
Вечнозеленою оливою махнет,
И грозну брань с лица вселенной изженет
20 И примирит земные роды!

Где он — там вечное веселье обитает,
Там человечество свободно процветает,
Питаясь щедростью природы и богов;
Там звук не слышится невольничьих оков
И слезы горести не льются.

Там нивы жатвою покрыты золотою;
Там в селах царствует довольство с тишиною;
Спокойно грады там в поля бросают тень;
Там счастье навсегда свою воздвигло сень:
30 Оно лишь с *миром* сопряженно.

Там мирно старец дней закатом веселится,
Могилы на краю — неволи не страшится;
Ступя ногою в гроб — он смотрит со слезой,
Унылой, горестной, на путь скончанный свой
И жить еще — еще желает!

Там воин, лишь в полях сражаться приученный,
Смягчается — и меч, к убийству изощренный,
В отеческом доме под миртами кладет;
Блаженство тишины и дружбы познает,
40 Союз с природой обновляет.

Там Музы чистые, увенчанны оливой,
Веселым пением возносят дни счастливы;
Их лиры стройные согласнее звучат;
Они спокойствие, не страшну брань гласят,
Святую добродетель славят!

Слети, блаженный мир! — вселенная взывает —
Туда, где бранные знамена развевают;
Где мертв природы глас и где ее сыны
На персях матери сражаются, как львы;
50 Где братья братьев поражают.

О страх!.. Как яростно друг на друга стремятся!
Кони в пыли, в поту свирепствуют, ярятся
И топчут всадников, поверженных во прах;
Оружия гремят, кровь льется на мечях,
И стоны к небесам восходят.

Тот сердца не имел, от камня тот родился,
Кто первый с бешенством на брата устремился...
Скажите, кто перун безумцу в руки дал
И жизни моя владыкою назвал,
60 Над коей я и сам не властен?

А слава?.. Нет! Ее злодей лишь в брани ищет;
Лишь он в стенаниях победы гимны слышит.
В кровавых грудах тел трофеи чести зрит;
Потомство извергу проклятие гласит,
И лавр его, поблекши, тлеет.

А твой всегда цветет, о Росс великосердый,
В пример земным родам судьбой превознесенный!
Но время удержать орлиный твой полет;
Колосс незыблем твой, он вечно не падет;
70 Чего ж еще желать осталось?

Ты славы путь протек Алкидовой стопою,
Полсвета покорила могучею рукою;
Тебе возможно все, ни в чем препоны нет:
Но стой, Росс! опочий — *се новый век* грядет!
Он мирт, не лавр тебе приносит.

Возьми сей мирт, возьми и снова будь героем,—
Героем в тишине, не в кроволитном бое.
Будь мира гражданин, венец лавровый свой
Омой сердечною, чувствительной слезой,
80 Тобою падшим посвященной!..

Брось палицу свою и щит необоримый,
Преобрази во плуг свой меч несокрушимый;
Пусть роет он поля отчизны твоея;
Прямая слава в ней, лишь в ней ищи ея;
Лишь в ней ее обрести ты можешь.

На персях тишины, в спокойствии блаженном,
Цвети, с народами земными примиренной!
Цвети, великий Росс! — лишь злобу поражай,
Лишь страсти буйные, строптивы побеждай
90 И будь во брани только с ними.

ГЕРОЙ

I

На лоне облаков румяных
Явилась скромная заря;
Пред нею резвые зephyры,
А позади блестящий Феб,
Одетый в пышну багряницу,
Летит по синеве небес —
Природу снова оживляет
И щедро теплоту лиет.

II

Явилось зрелище прекрасно
10 Моим блуждающим очам:
Среди красот неизъяснимых
Мой взор не зрит себе границ,
Мою все душу восхищает,
В нее восторга чувства льет,
Вдыхает ей благоговенье —
И я блажу светил творца.

III

Но тамо — что пред взор явилось?!
Какие солнца там горят?
То славы храм чело вздымает —
20 Вокруг его венец лучей.
Утес, висящий над валами
Морских бесчисленных пучин,
Веков теченьем поседевший,
Его подъемлет на хребте.

IV

Дерзну ль рукой покров священный,
Молвы богиня, твой поднять?
Дерзну ль святилище проникнуть,
Где лавр с оливою цветет? —
К тебе все смертные стремятся
30 Путиами крови и добра;
Но редко, редко достигают
Под сень престола твоего!

V

Завеса вскрылась — созерцаю:
Се, вижу, сердцу милый Тит,
Се Антонины, Адрианы;
Но Александров — нет нигде.
Главы их лавр не осеняет,
В кровавой пене он погряз,
Он бременем веков подавлен —
40 Но цвел ли в мире он когда?

VI

О Александр, тщеславный, буйный,
Стремился иго наложить
И тяжки узы ты вселенной!
Твой меч был грозен, как перун;
Твой шаг был шагом исполина;
Твоя мысль — молний скорых бег;
Пределов гордость не имела;
Но цель была лишь только дым!

VII

К чему мечтою ты прельщался?
50 Какой ты славе вслед бежал?
Где замысл твой имел пределы?
Где пункт конца желаньям был?
Алкал ты славы — и в безумстве
Себя ты богом чтить дерзал;
Хотел ты бранями быть громок —
Но звук оставил лишь пустой.

VIII

Героя званием священным
Хотел себя украсить ты;
Ах, что герой, когда лишь кровью
60 Его написаны дела?
Когда лишь звуками сражений
Он в краткий век свой знатен был?
Когда лишь мужеством и силой
Он путь свой к славе отверзал?

IX

Но что герой? Неужто бранью
Единой будет славен он?
Неужто, кровию омытый,
Его венец пребудет свеж?
Ах, нет! засохнет и поблекнет,
70 И обелиск его падет;
Он порастет мхом и травой,
И с ним вся память пропадет.

X

Герои света, вы дерзали
Себе сей титул присвоить;
Но кто, какое сердце скажет,
Что вы достойны были впрямь
Сего названия почтенна?
Никто — ползуща токмо лесть,
Виясь у ног, вас прославляет!
80 Но что неискренняя хвала?..

XI

Героем тот лишь назовется,
Кто добродетель красну чтит,
Кто лишь из должности биется,
Не жаждет кровь реками лить;
Кто побеждает — победивши,
Врага лобзает своего
И руку дружбы простирает
К нему, во знак союза с ним.

XII

Кто сирым нежный покровитель;
90 Кто слез поток спешит отерть
Благодеянья струями;
Кто ближних любит, как себя;
Кто благ в деяньях, непорочен,
Кого и враг во злобе чтит —
Единым словом: кто душою
Так чист и светл, как божество.

XIII

Венцов оливных тот достоин,
И лавр его всегда цветет;
Тот храма славы лишь достигнет,
100 В потомстве вечно будет жить,—
И человечество воздвигнет
Ему сердечный мавзолей,
И слезы жаркие польются
К нему на милый сердцу прах...

XIV

Я в куще тихой, безмятежной
Героем также быть могу:
Мое тут поле брани будет
Несчастливых сонм, гоним судьбой;
И меч мой острый, меч огнистый
110 Благодеянья будет луч;
Он потечет — и побеждает
Сердца и души всех людей.

XV

Мой обелиск тогда нетленный
Косою время не сразит;
Мой славы храм не сокрушится:
Он будет иссечен в сердцах;
Меня мечтанья не коснутся,
Я теням вслед не побегу,
И солнце дней моих затмится,
120 Зарю оставя по себе.

ЭЛЕГИЯ

Вечерний колокол печально раздаётся,
 Бледнеющего дня последний час бьет,
 Шумящие стада долины оставляют;
 Усталый земледел задумчиво идет
 В шалаш спокойный свой.— В объятиях природы,
 Под кровом тишины здесь буду я мечтать.
 В туманном сумраке таятся горы, воды;
 Все тихо — лишь в траве кузнечики стучат,
 Лишь слышится вдали пастуший рог унылой;
¹⁰ На древней башне сей, плющом и мхом покрытой,
 Пустынные совы я дикий слышу вой,—
 Она стон жалобный к луне возносит свой
 На странников ночных, которые возмущают
 Ее безмолвного жилища мертвый сон,
 И тайную ее обитель посещают!..
 Здесь, где молчание воздвигло черный трон,
 Где ивы дряхлые, рукою лет согбенны,
 Из ветвей лиственных сплетают кров священный,
 Где вязы древние, развесисты шумят,
²⁰ Бросая мрачну тень на мирные могилы;
 Здесь праотцы села, в безмолвни унылом,
 Почивши навсегда глубоким сном, лежат.
 Дыханье свежее рождающего дня,
 Ни крики ласточки, в гнезде своем сидящей,
 Ни голос петуха, ни стон рогов дрожащий,
 Ничто не воззовет от тяжкого их сна!
 Пылающий огонь, в горнилах извиваясь,
 Их в зимни вечера не будет согревать,
 Не будут более сынов своих лобзать,
³⁰ От тягостных трудов в шалаш свой возвращаясь...
 Как часто их рука сверкающей косой
 Ссекала тонкий клас на ниве золотой!
 Как часто острый плуг, их мышцей напряженный,
 Врывал с усилием упорные поля,

Как часто крепкие, корнистые древа
Валилися, под их секирой сокрушенны!

- Пускай сын роскоши, богатством возгордясь,
Над скромной нищетой кичливо вознось,
Труды полезные и сан их презирает,
40 С улыбкой хладныя надменности внимает
Таящимся во тьме, незвучным их делам:
Часа ужасного нельзя избегнуть нам!
На всех ярится смерть — любимца громкой славы!
Вельможу-Кесаря, дающего уставы,
Всех ищет грозная и некогда найдет!
Путь славы и честей ко гробу нас ведет...
Слепого счастья наперсники надменны,
Не смейте спящих здесь безумно укорять
За то, что кости их в забвении лежат,
50 Что в сей обители, их теням посвященной,
Где в тихом пении, святом, благоговейном
Несется к небесам молений глас святых —
Нет гордых мраморов над скромной перстью их!
Зачем над мертвыми, истлевшими костями
Гробницы возносить, надгробия писать?
Души в холодный прах нам вечно не призвать!
И гимны почестей, гремящи над гробами,
Немого тления не властны оживить!
Неумолиму смерть хвала не обольстит!
60 Ах, может быть, под сей могилою таится
Праха сердца нежного, умевшего любить,
И кровожадный червь в сухой главе гнездится
Рожденной быть с венцом и мыслями парить
Иль восхищаться лир гармонией чудесной!
Науки светлые, питомицы веков,
Не озарили их светильником небесным!
Согбенны тягостью невольничьих оков,
В заветной нищете они свой век влачили,
И дар сердец своих безумно истощили...
Как часто редкий перл таится в мраке волн!
70 Как часто лилия в пустыне расцветает
Не зримая никем, безвестно увядает!
Там, может быть, лежит неведомый Мильтон,

- И в узах гробовых безмолвствуя, хладеет;
Там, может быть, Кромвель неукротимый тлеет,
Что кровью сограждан еще не обаграл
Полей отеческих, и власти не искал!
Сенатом управлять державною рукою,
Сражаться с вихрем бед и грозною судьбою,
80 Обилье, счастье на смертных проливать,
В слезах признательных дела свои читать —
Сего их рок лишил своим определеньем!
Но если путь добра для них он сократил,
То много скрыл от них путей ко преступлениям;
Он им стезей убийств стремиться запретил
К престолом, пышностью и славой окруженным.
Простые их сердца умели сострадать
Несчастливым, жертвам злом, судьбою осужденным;
Ланиты их могли стыдливостью пылать!
- 90 И страсти буйные в их куцах безмятежных
Не смели возмущать невинности святой;
Ни слава, ни вина безвестный жребий свой,
Не зная ни счастья, ни бед ожесточенных,
Без страха и надежд в долине жизни сей
Они спокойно шли тропинкою своей...
В сем месте, где их персть лежит уединенно,
Простою резьбою, не златом украшенной,
Воздвигнут монумент спокойным теням их;
Здесь трудным шествием прохожий утомленной
100 Воссядет и почтит слезою память их —
Нет пышной надписи над скромною могилой!
Чистосердечие на ней рукой нельстивой
Их лета, имена потщилось начертать,
Евангельску мораль вокруг изобразило,
В которой мы должны учиться умирать!
- Сыны безмолвия, почийте мирным сном!
Ваш подвиг совершен! — во мраке гробовом
Угрюмая судьба на вас не ополчится!
Нам всем один предел, но в землю всем сокрыться!
- 110 И мой ударит час последний, роковой,
И я, как юный цвет, увядший в летний зной,
Как нежный гибкий мирт, грозою низложенный,

Поблекну! — наша жизнь лишь быстрый сон мгновенный!
Но кто с сей жизнью без горя разлучался!
Кто прах свой, по себе, забвенью оставлял?
Без сожаления с сим миром расставался,
И взора горького назад не обращал?
Ах, сердце нежное, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой!
¹²⁰ И взоры тусклые, навеки угасая,
Хотят взглянуть на них с последнею слезой!
Для них глас нежности в могиле нашей слышен;
Для них наш мертвый прах и в самом гробе дышит!
Здесь буду я сокрыт! — сюда любимец мой
Придет с задумчивой, унылою тоской,
И оросит мой гроб сердечными слезами,—
Когда ж судьбу мою захочет он узнать,
Седой поселянин, согбенный под летами,
Вспомнит обо мне и будет отвечать:
¹³⁰ „Он часто на заре, в долине мне встречался,
Когда, проснувшись с днем, спешил на холм взойти,
Чтоб солнце в утреннем сиянье обрести...
Там в роще иногда в унынии скитался,
Свои страдания природе поверял,
И взором горестным свой жребий укорял;
Здесь часто, в мрачное безмолвье погруженной,
Стоял над тихою спокойною рекой,
Которая в кустах течет уединенно;
Тут иногда сидел вечернею порой,
¹⁴⁰ Небрежно голову на руки наклонивши,
И взоры томные в источник устремивши,
Который в тростнике вьетса и журчит;
Он часто слезы лил, как будто странник бедный,
Отчизны мпья, друзей, всего лишенный,
Которого и жизнь несчастью тяготит...
Он сохнул и увял; напрасно я в долине,
На холме у ручья несчастного искал!
Увы! нигде его уж больше не встречал..
Все стало без него печальною пустыней..
¹⁵⁰ Наутро колокол надгробный зазвучал,
И стоном медленным, казалось, мне сказал:
Он кончил трудный путь, путь зол и испытаний!

Здесь, в сей юдоли тьмы сокрытой от страданий,
Спит непробудным сном безмолвный прах его,
Прочти надгробие любимца своего!“

Эпитафия

Здесь бедный юноша сокрыт в земле сырой!
Не зная, что счастье? он век окончил свой!
Как странник, в мире сем печально он скитался!
Без утешения с природой он расстался!
¹⁶⁰ Он был душою добр, он сердцем нежен был;
Несчастных, злобою и роком угнетенных
Дарил последним он — слезою сожаленья;
В награду от небес он друга получил!

Прохожий! наша жизнь как молния летит!
Родись! — Страдай! — Умри! — вот все, что рок велит!

ЧЕЛОВЕК

A Worm! a God!
Young

„Ничтожный человек! что жизнь твоя? — Мгновенье.
Взглянул на дневный луч — и нет тебя, пропал!
Из тьмы небытия злой рок тебя призвал
На то лишь, чтоб предать в добычу разрушенья;
Как быстра тень, мелькаешь ты!

Игралище Судьбы, волнуемый страстями,
Как ярим вихрем лист, — ужасный жребий твой
Бороться с горестью, болезнями и собой!
Несчастный, поглощен могучими волнами,
¹⁰ Ты страшну смерть находишь в них.

В бессилии своем, пристанища лишенный,
Гоним со всех сторон, ты странник на земли!
Что твой парящий ум? что замыслы твои?
Дыханье ветерка, — и где ты, прах надменный?
Где жизни твоея следы?

Ты дерзкой мыслию за небеса стремишься! —
Сей низложенный кедр соперник был громам;
Но он разбит, в пыли, добыча он червям.
Где мощь корней его?.. Престань, безумец, льститься;
20 Тебе ли гордым, сильным быть?

Ты ныне, обольщен надеждой, зиждешь стены,—
Завтра же они, рассыпавшись, падут;
И персти твоя под ними не найдут...
Сын разрушения! мечта протекшей тени!
И настоящий миг не твой.

Ты веселишь себя надеждой наслаждений:
Их нет! их нет! Сей мир вертеп страданий, слез;
Ты с жизнью в него блаженства не принес;
Терзайся, рвись и будь игрою заблуждений,
30 Влачи до гроба цепи зол!

Так — в гробе лишь твое спокойство и отрада;
Могила — тихий сон; а жизнь — с бедами брань;
Судьба — невидимый, бесчувственный тиран,
Необоримая ко счастью преграда!
Ничтожность страшный твой удел!

Чего ж искать тебе в сей пропасти мучений?
Скорей, скорей в ничто! Ты небом позабыт,
Один перун его лишь над тобой гремит;
Его проклятием навеки отягченный,
40 Твое убежище лишь смерть!“

Так в гордости своей, слепой, неправосудной,
Безумец восстает на небо и на рок.
Всемощный! гнев твой спит!.. Сотри кичливый рог,
Воздвигнись, облечен во славу неприступной,
Грянь, грянь! — и дерзкий ляжет в пыль.

Или не знаешь ты, мечтатель напыщенный!
Что неприметный червь, сокрывшийся во прах,
И дерзостный орел, парящий в небесах,
Превыше черных туч и молний вознесенный,
50 Пред взором Вечного ничто?..

Тебе ли обвинять премудрость Провиденья?
Иль таинства его открыты пред тобой?
Или в делах его ты избран судьей?
Иль знаешь ты вещей конец, определенье
И взором будущность проник?

В страданиях своих ты небо укоряешь —
Творец твой не тиран: ты страдаешь от себя;
Он благ: для счастья Он в мир призвал тебя;
Из чаши радостей ты горесть испиваешь:
60 Ужели рок виновен в том?

Безумец, пробудись! возри на мир пространный!
Все дышит счастьем, все славит жребий свой;
Всему начертан круг Предвечного рукой,—
Ужели ты один, природы царь избранный,
Краса всего, судьбой забвен?

Познай себя, познай! Коль в дерзком ослепленье
Захочешь ты себя за край миров вознесть,
Сравниться со Творцом — ты неприметна персть!
Но ты велик собой; сей мир твое владенье,
70 Ты духом тварей властелин!

Тебе послушно все — ты смелою рукою
На бурный океан оковы наложил,
Пронзил утесов грудь, перуны потушил;
Подоблачны скалы валятся пред тобою;
Твое веление — закон!

Все бедствия твои — мечты воображенья;
Оружия на них судьбой тебе даны!
Воздвигнись в крепости — и все побеждены!
Великим, мудрым быть — твое определенье;
80 А ты ничтожны слезы льешь!

Сей дерзостный утес, гранитными плечами
Подперши небеса, и вихрям и громам
Смеется, и один противится векам,
У ног его клубит ревущими волнами
Угрюмый, грозный океан.

Орел, ужаленный змеею раздраженной,
Терзает, рвет ее в своих крутых когтях
И, члены разметав, со пламенем в очах,
Расширивши крыла, весь кровью обогренив,
90 Парит с победой к небесам!

Мужайся! — и попрешь противников стопою;
Твой рай и ад в тебе!.. Брань, брань твоим страстям! —
Перед тобой отверст бессмертья вечный храм;
Ты смерти сломишь серп могучею рукою, —
Могла — к вечной жизни путь!

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Элегия

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
 Шумящие стада толпятся над рекой;
 Усталый селянин медлительной стопою
 Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает..
 Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
 Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
 Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь под древним сводом
¹⁰ Той башни, сетует, внимаема луной,
 На возмущившего полуночным приходом
 Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
 Которые окрест, развесившись, стоят,
 Здесь праотцы села, в гробах уединенных
 Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
 Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
 Ни ранней ласточки на кровле щебетанье —
²⁰ Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
 Их в зимни вечера не будет веселить,
 И дети резвые, встречать их выбегая,
 Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
 И плуг их побеждал упорные поля!
 Как часто их секир дубравы трепетали
 И потом их лица кропилася земля!

Пускай рабы сует их жребий унижают,
30 Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть — царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощны судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

А вы, наперсники фортуны ослепленны,
Напрасно спящих здесь спешите презирать
За то, что гробы их непышны и забвенны,
40 Что лесть им алтарей не мыслит воздвигать.

Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи зиждутся, надгробия блестят,
Вотще глас почестей гремит перед гробами —
Угасший пепел наш они не воспалят.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою,
И невозвратную добычу возвратит?
Не слаще мертвых сон под мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть их бременит.

Ах! может быть, под сей могилою таится
50 Прах сердца нежного, умевшего любить,
И гробожитель-червь в сухой главе гнездится,
Рожденной быть в венце иль мыслями парить!

Но просвещенья храм, воздвигнутый веками,
Угрюмою судьбой для них был затворен,
Их рок обременил убожества цепями,
Их гений строгою нуждою умерщвлен.

Как часто редкий перл, волнами сокровенной,
В бездонной пропасти сияет красотой;
Как часто лилия цветет уединенно,
60 В пустынном воздухе теряя запах свой.

Быть может, пылью сей покрыт Гампден надменный,
Защитник сограждан, тиранства смелый враг;
Иль кровию граждан Кромвель необагранный,
Или Мильтон немой, без славы скрытый в прах.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться с бурей бед, фортуны презирать,
Дары обилия на смертных лить рекою,
В слезах признательных дела свои читать —

Того им не дал рок; но вместе преступленьям
70 Он с доблестями их круг тесный положил:
Бежать стезей убийств ко славе, наслажденьям,
И быть жестокими к страдальцам запретил:

Таить в душе своей глас совести и чести,
Румянец робкия стыдливости терять
И, раболепствуя, на жертвенниках лести
Дары небесных Муз гордыне посвящать.

Скрываясь от мирских погибельных смятений,
Без страха и надежд, в долине жизни сей,
Не зная горести, не зная наслаждений,
80 Они беспечно шли тропинкою своей.

И здесь спокойно спят под сенью гробовую —
И скромный памятник, в приюте сосн густых,
С непышной надписью и резьбою простою,
Прохожего зовет вздохнуть над прахом их.

Любовь на камне сем их память сохранила,
Их лета, имена потщившись начертать;
Окрест библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто с сей жизнью без горя расставался?
90 Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленялся,
И взора томного назад не обращал?

Ах! нежная душа, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навеки угасая,
Еще стремятся к ним с последнею слезой;

Их сердце милый глас в могиле нашей слышит;
Наш камень гробовой для них одушевлен;
Для них наш мертвый прах в холодной урне дышит,
¹⁰⁰ Еще огнем любви для них воспламенен.

А ты, почивших друг, певец уединенный,
И твой ударит час, последний, роковой;
И к гробу твоему, мечтой сопровождаемый,
Чувствительный придет услышать жребий твой.

Быть может, селянин с почтенной сединою
Так будет о тебе пришельцу говорить:
„Он часто по утрам встречался здесь со мною,
Когда спешил на холм зарю предупредить.

Там в полдень он сидел под дремлющею ивой,
¹¹⁰ Поднявшей из земли косматый корень свой;
Там часто, в горести беспечной, молчаливой,
Лежал, задумавшись, над светлою рекой;

Нередко ввечеру, скитаясь меж кустами,—
Когда мы с поля шли и в роще соловей
Свистал вечерню песнь,— он томными очами
Уныло следовал за тихою зарей.

Прискорбный, сумрачный, с главою наклоненной,
Он часто уходил в дубраву слезы лить,
Как странник, родины, друзей, всего лишенной,
¹²⁰ Которому ничем души не усладить.

Взошла заря — но он с зарею не являлся,
Ни к иве, ни на холм, ни в лес не приходил;
Опять заря взошла — нигде он не встречался;
Мой взор его искал — искал — не находил.

Наутро пение мы слышим гробовое...
Несчастливого несут в могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробие простое,
Чтоб память доброго слезой благословить“.

Здесь пепел юноши безвременно сокрыли;
¹³⁰ *Что слава, счастье, не знал он в мире сем.*
Но музы от него лица не отвратили,
И меланхолии печать была на нем.

Он кроток сердцем был, чувствителен душою—
Чувствительным Творец награду положил.
Дарил несчастных он—чем только мог—слезою;
В награду от Творца он друга получил.

Прохожий, помолись над этою могилой;
Он в ней нашел приют от всех земных тревог;
Здесь все оставил он, что в нем зреховно было,
¹⁴⁰ *С надеждою, что жив его Спаситель-Бог.*

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ В ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНИЯ

К моей лире и к друзьям моим

О лира, друг мой неизменной,
 Поверенный души моей!
 В часы тоски уединенной
 Утешь меня игрой своей!
 С тобой всегда я неразлучен,
 О лира милая моя!
 Для одиноких мир сей скучен,
 А в нем *один* скитаюсь я!

Мое младенчество сокрылось;
¹⁰ Уж вянет юности цветок;
 Без горя сердце истощилось,
 Вперед присудит что-то рок!
 Но я пред ним не поблднею:
 Пусть будет то, что должно быть!
 Судьба ужасна лишь злодею,
 Судьба меня не устршит.

Не нужны мне венцы вселенной,
 Мне дорог ваш, друзья, венок!
 На что чертог мне позлащенной?
²⁰ Простой, укромный уголок,
 В тени лесов уединенный,
 Где бы свободно я дышал,
 Всем милым сердцу окруженный,
 И лирой дух свой услаждал,—

Вот всё — я больше не желаю,
 В душе моей цветет *мой* рай.
 Я бурный мир сей презираю.
 О лира, друг мой! утешай
 Меня в моем уединенье;
³⁰ А вы, друзья мои, скорей,

Оставя свет сей тревоженный,
Сберитесь к хижине моей.

Там, в мире сердца благодатном,
Наш век как ясный день пройдет;
С друзьями и тоска приятна,
Но и тоска нас не найдет.
Когда ж придет нам расставаться,
Не будем слез мы проливать:
Недолго на земле скитаться;
⁴⁰ Друзья! увидимся опять.

НА СМЕРТЬ А(НДРЕЯ ТУРГЕНЕВА)

О друг мой! неужли твой гроб передо мною!
Того ль, несчастный, я от рока ожидал!
Забывшись, я тебя бессмертным почитал...
Святая благодать да будет над тобою!

Покойся, милый прах; твой сон завиден мне!
В сем мире без тебя, оставленный, забвенный,
Я буду странствовать, как в чуждой стороне,
И в горе слезы лить на пепел твой священный!

Прости! не вечно жить! Увидимся опять;
¹⁰ Во гробе нам судьбой назначено свиданье!
Надежда сладкая! приятно ожиданье! —
С каким веселием я буду умирать!

К К. М. С(ОКОВНИН)ОЙ

Протекших радостей уже не возвратить;
Но в самой скорби есть для сердца наслажденье.
Ужели все мечта? Напрасно ль слезы лить?
Ужели наша жизнь есть только привиденье,

И трудная стезя к ничтожеству ведет?
Ах! нет, мой милый друг, не будем безнадежны;
Есть пристань верная, есть берег безмятежный;
Там все погибшее пред нами оживет;
Незримая рука, простертая над нами,
¹⁰ Ведет нас к *одному различным* путями;
Блаженство наша цель; когда мы к ней придем —
Нам Провидение сей тайны не открыло.
Но рано ль, поздно ли, мы радостно вздохнем:
Надеждой *не вотще* нас Небо одарило.

К ***

Увы! протек свинцовый год,
 Год тяжкий горя, испытанья;
 Но безрассудный, злобный рок
 Не облегчил твои страданья.

Напрасно жалобной слезой
 Смягчить старался Провиденье!
 Оно не тронулось мольбой
 И не смягчило чувств томленье.

Как хладной осени рука
¹⁰ С опустошительной грозою
 Лишает прелести цветка
 Своей безжалостной косою,—

Так ты безжалостной судьбой
 Лишен веселья в жизни брэнной.
 Цветок заблещет вновь весной,
 Твое ж страданье неизменно!

К ПОЭЗИИ

Чудесный дар богов!
 О пламенных сердец веселье и любовь,
 О прелесть тихая, души очарованье —
 Поэзия! С тобой
 И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье —
 Теряют ужас свой!
 В тени дубравы, над потоком,
 Друг Феба, с ясною душой,
¹⁰ В убогой хижине своей,
 Забывший рок, забвенный роком,—

Поет, мечтает и — блажен!
И кто, и кто не оживлен
Твоим божественным влияньем?
Цевницы грубья задумчивым бряцаньем
Лапландец, дикий сын снегов,
Свою туманную отчизну прославляет
И неискusstvenной гармонией стихов,
Смотря на бурные валы, изображает
20 И дымный свой шалаш, и хлад, и шум морей,
И быстрый бег саней,
Летающих по снегам с еленем быстроногим.
Счастливый жребием убогим,
Оратай, наклонясь на плуг,
Влекомый медленно усталыми волами,—
Поет свой лес, свой мирный луг,
Возы, скрипящи под снопами,
И сладость зимних вечеров,
Когда, при шуме вьюг, пред очагом блестящим,
30 В кругу своих сынов,
С напитком пенным и кипящим,
Он радость в сердце льет
И мирно в полночь засыпает,
Забыв на дикие бразды пролитый пот...
Но вы, которых луч небесный оживляет,
Певцы, друзья души моей!
В печальном странствии минутной жизни сей
Тернистую стезю цветами усыпайте
И в пылкие сердца свой пламень изливайте!
40 Да звуком ваших громких лир
Герой, ко славе пробужденный,
Дивит и потрясает мир!
Да юноша воспламененный
От них в восторге слезы льет,
Алтарь отечества лобзает
И смерти за него, как блага, ожидает!
Да бедный труженик душою расцветет
От ваших песней благодатных!
Но да обрушится ваш гром
50 На сих жестоких и развратных,
Которые, в стыде, с возвышенным челом,

Невинность, доблести и честь поправ ногами,
Дерзают величать себя полубогами! —
Друзья небесных Муз! пленимся ль суетой?
Презрев минутные успехи —
Ничтожный глас похвал, кимвальный звон пустой, —
Презревши роскоши утех,
Пойдем великих по следам! —
Стезя к бессмертию судьбой открыта нам!
⁶⁰ Не остыдим себя хвалою
Высоких жребием, презрительных душою, —
Дерзнем достойных увенчать!
Любимцу ль Фебову за призраком гоняться?
Любимцу ль Фебову во прахе пресмыкаться
И унижением Фортуны обольщать?
Потомство раздаст венцы и посрамленье:
Дерзнем свой мавзолей в алтарь преобратить!
О слава, сердца восхищенье!
О жребий сладостный — в любви потомства жить!

ОПУСТЕВШАЯ ДЕРЕВНЯ

О родина моя, Обурн благословенный!
 Страна, где селянин, трудами утомленный,
 Свей тягостный удел обильем услаждал,
 Где ранний луч весны приятнее блистал,
 Где лето медлило разлукою с полями!
 Дубравы тихие с тенистыми главами!
 О сени счастья, друзья весны моей,—
 Ужель не возвращу блаженства оных дней,
 Волшебных, райских дней, когда, судьбой забвенный,
¹⁰ Я миром почитал сей край уединенный!
 О сладостный Обурн! как здесь я счастлив был!
 Какие прелести во всем я находил!
 Как все казалось мне всегда во цвете новом!
 Рыбачья хижина с соломенным покровом,
 Крылатых мельниц ряд, в кустарнике ручей;
 Густой, согбенный дуб с дерновою скамьей,
 Любимый старцами, любовникам знакомый;
 И церковь на холме, и скромны сельски дома —
 Все мой пленяло взор, все дух питало мой!
²⁰ Когда ж, в досужный час, шумящею толпой
 Все жители села под древний вяз стекались,
 Какие тьмы утех очам моим являлись!
 Веселый хоровод, звучащая свирель,
 Сраженья, спорный бег, стрельба в далеку цель,
 Проворства чудеса и силы испытанье,
 Всеобщий крик и плеск победы в воздаянье,
 Отважные скачки, искусство плясунов,
 Свобода, резвость, смех, хор песней, гул рогов,
 Красавиц робкий вид и тайное волненье,
³⁰ Старушек бдительных угрюмость, подозренье,
 И шутки юношей над бедным пастухом,
 Который, весь в пыли, с уродливым лицом,
 Стоя в кругу, смешил своею простотою,
 И живость стариков за чашей круговою —
 Вот прежние твои утехи, мирный край!

Но где они? Где вы, луга, цветущий рай?
Где игры поселян, весельем оживленных?
Где пышность и краса полей одушевленных?
Где счастье? Где любовь? Исчезло все — их нет!..

- 40 О, родина моя, о сладость прежних лет!
О, нивы, о поля, добычи заустенья!
О, виды скорбные развалин, разрушенья!
В пустыню обращен природы пышный сад!
На тучных пажитях не вижу резвых стад!
Унылость на холмах! В окрестности молчанье!
Потока быстрый бег, прозрачность и сверканье
Исчезли в густоте болотных диких трав!
Ни тропки, ни следа под сеньми дубрав!
Все тихо! все мертво! замолкли песней клики!
- 50 Лишь цапли в пустыре пронзительные крики,
Лишь чибиса в глуши печальный, редкий стон,
Лишь изредка вдали звонков овечьих звон
Повременно сие молчанье нарушают!
Но где твои сыны, о край утех, блуждают?
Увы! отчуждены от родины своей!
Далеко странствуют! Их путь среди степей!
Их бедственный удел — скитаться без покрова!..

- Погибель той стране конечная готова,
Где злато множится и вянет цвет людей!
- 60 Презренно счастье вельможей и князей!
Их миг один творит и миг уничтожает!
Но счастье поселян с веками возрастает;
Разрушившись, оно разрушится навек!..

- Где дни, о Альбион, где сельский человек,
Под сенью твоего могущества почтенный,
Владелец нив своих, в трудах не угнетенный,
Природы гордый сын, взлелеян простотой,
Богатый здравием и чистою душой,
Убожества не знал, не льстился благ стяжаньем
- 70 И был стократ блажен сокровищем незнаньем?
Дни счастья! Их нет! Короткою рукой
Оратай отчужден от хижины родной!

Где прежде нив моря, блистая, волновалась,
Где рощи и холмы стадами оглашались,
Там ныне хищников владычество одно!
Там все под грудями богатств погребено!
Там муками сует безумие страдает!
Там роскошь посреди сокровищ издыхает!
А вы, часы отрад, невинность, тихий сон!
80 Желанья скромные! надежды без препон!
Златое здравие, трудов благословенье!
Беспечность! мир души! в заботах наслажденье! —
Где вы, прелестные? Где ваш цветущий след?
В какой далекий край направлен ваш полет?
Ах! с вами сельских благ и доблестей не стало!..

О родина моя, где счастье процветало!
Прошли, навек прошли твои златые дни!
Смотрю — лишь пустыри заглохшие одни,
Лишь дичь безмолвную, лишь тундры обретаю,
90 Лишь ветру в осоке свистящему внимаю,
Скитаюсь по полям — все пусто, все молчит!
К минувшим ли часам душа моя летит?
Ищу ли хижины рыбацкой над рекою
Иль дуба на холме с дерновою скамьею —
Напрасно! Скрылось все! Пустыня предо мной!
И воспоминание сменяется тоской!..

Я в свете странник был, пещец уединенный! —
Влача участок бед, Творцом мне уделенный,
Я сладкою себя надеждой обольщал
100 Там кончить мирно век, где жизни дар приял!
В стране моих отцов, под сенью древ знакомых,
Исторгшись из толпы заботами гнетомых,
Свой тусклый пламенник от траты сохранить
И дни отшествия покоем озлатить!
О гордость!.. Я мечтал, в сих хижинах забвенных,
Слыть чудом посреди оратаев смиренных;
За чарой, у огня, в кругу их толковать
О том, что в долгий век мог слышать и видать!
110 Так заяц, по полям станицей псов гонимый,
Измученный бежит опять в лесок родимый!

Так мнил я, переждав изгнаннычества срок,
Прийти, с остатком дней, в свой отчий уголок!
О, дни преклонные в тени уединенья!
Блажен, кто юных лет заботы и волненья
Венчает в старости беспечной тишиной!..

ДРУЖБА

Скатившись с горной высоты,
Лежал на прахе дуб, перунами разбитый;
А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый..
О Дружба, это ты!

МОЯ ТАЙНА

Вам чудно, отчего во всю я жизнь мою
Так весел? — Вот секрет: *вчера* дарю забвенью,
Покою — *ныне* отдаю,
А *завтра* — Провиденью!

БРУТОВА СМЕРТЬ

Бомбастофил, творец трагических уродов,
Из смерти Брутовой трагедию создал.
„Не правда ли, мой друг, — Тиманту он сказал, —
Что этот Брут дойдет и до чужих народов?“ —
„Избави Бог! Твой Брут — примерный патриот —
В отечестве умрет!“

МИЛОСЕРДИЕ

„Перун мой изостри,— сказал Юпитер Мщенью,—
Устал я мловать! погибель преступленью!“
Но Милосердие, услышав приговор,
Украдкой острие перуна притупляет.
С тех пор
Он только лишь страшит, но редко поражает.

〈АНТИПАТИЯ〉

Однажды пьяница смертельно занемог;
Жена к нему на грудь упала со слезами.
„Мой друг! — сказал больной дрожащими устами,—
Не плачь! Я никогда воды терпеть не мог“.

ПОСЛАНИЕ ЭЛОИЗЫ К АБЕЛЯРУ

В сих мрачных келиях обители святой,
 Где вечно царствует задумчивый покой,
 Где, умиленная, над хладными гробами,
 Душа беседует, забывшись, с небесами,
 Где вера в тишине святыя слезы льет
 И меланхолия печальная живет,
 Что сердце мирныя весталки возмутило?
 Что в нем потухший огонь опять воспламенило?
 Какой волшебный глас, какой прелестный вид
 10 Увядшую в тоске опять животворит?
 Увы! еще люблю!.. исчезни, заблужденье!
 Сей трепет внутренний, сие души волненье
 При виде милых строк знакомыя руки,
 Сие смешение восторга и тоски —
 Не суть ли признаки любви непобежденной?
 Супруг мой, Абельяр! О имя незабвенно!
 Дерзну ль священный храм тобою огласить?
 Дерзну ли с Творческим тебя совокупить,
 Простертая в пыли, молясь пред алтарями?
 20 О страшные черты! да смою их слезами!
 Преступница! к кому, что смеешь ты писать?
 Кого в обителях святыни призывать?
 Небесный твой супруг во гневе пред тобою!
 Творец, Творец! смягчись! вотще борюсь с собою!
 Где власть против любви? Чем сердце укротить?
 Каким могуществом сей пламень потушить?

 О стены мрачныя! о скорбных заточенье!
 Пустыней страшный вид! лесов уединенье!
 О дикие скалы, изрытые мольбой!
 30 О храм, где близ мощей, с лампадой гробовой,
 И юность и краса угаснуть осужденны!
 О лики хладные, слезами орошенны!
 Могу ль, подобно вам, в душе окаменеть?
 Могу ль, огнем любви сгорая, охладеть?

Ах, нет! не божество душой моей владеет!
Она тобой, тобой, супруг мой, пламенеет!
К тебе, мой Абеляр, с молитвами летит!
Тебя в жару, в тоске зовет, боготворит!..
Ах! тщетно рвать себя! вотще томить слезами!

- 40 Когда руки твоей столь милыми чертами
Мой взор был поражен... вся сладость прежних дней,
Все незабвенные часы любви твоей
Воскресли предо мной! О чувств очарованье!
О невозвратного блаженства воспоминанье!
О дни волшебные, которых больше нет!
Вотще, мой Абеляр, твой глас меня зовет —
Простись — навек, навек! — с погибшей Элоизой!
Во мгле монастыря, под иноческой ризой,
В кипенье пылких лет, с толь пламенной душой,
50 Томиться, увядать, угаснуть — жребий мой!
Здесь вера грозная все чувства умерщвляет!
Здесь славы и любви светильник не пылает!

- Но нет! пиши ко мне! пиши! соединим
Мучение мое с мучением твоим!
О мысль отрадная! о сладкое мечтанье!
С тобою духом жить! с тобой делить страданье!
Делить? почто ж делить? — Пусть буду я одна,
Мой друг, мой Абеляр, страдать осуждена!
Пиши ко мне! Писать небес изобретенье!
60 Любовница в тоске, любовник в заточенье,
Быть может, некогда нашли блаженство в нем!
Как сладко, разлучась, беседовать с пером!
Черты волшебные, черты одушевленны!
Черты, святым огнем любви воспламененны!
Им страстная душа вверяет жребий свой!
В них дева робкая с сердечной простотой
Все тайны пылких чувств, весь жар свой изливает!
В них все протекшее для сердца оживает!

- 70 Почто ж протекших дней ничто не возвратит?
Когда любовь твоя, принявши дружбы вид,
В небесной красоте очам моим явилась,

С какой невинностью душа моя пленилась!
Ты мне представился несмертным существом!
Каким твой взор сиял пленительным лучом!
Сколь был красноречив, любовью озаренной!
Земля казалась мне со мною обновленной!
Я в сладкой неге чувств, с открытою душой,
Без страха, все забыв, стояла пред тобой;
Ты с силой божества, с небесным убеждением,
80 Любовь изображал всех благ соединеньем!
Твой глас доверенность во грудь мою вливал!
Ах! как легко меня сей глас очаровал!
В объятиях твоих, в сладчайшем исступленьи,
В непостижимом блаженства упоеньи,
Могла ль я небесам не предпочесть тебя!
Могла ли не забыть людей, Творца, себя!

〈ОТРЫВОК ПЕРЕВОДА ЭЛЕГИИ〉

В разлуке я искал смягченья тяжких бед;
Бежал от милых стран, тобою озаренных,
Бродил во мгле пустынь, ужасных и забвенных...
Повсюду тишина! Нигде покоя нет!
По ребрам диких скал, извитою тропою
Всхожу на сей утес со мшистою главою,—
Каким видением внезапно поражен!
Какая дивная безмерности картина!
Сей древний океан в берегах не заключен!
10 Вдали слилась с ним лазурная пучина!
То свежий ветерок здесь веет надо мной —
То вихрей и громов внимаю треск и вой!
Горе, на горах льдов, чертог зимы блистает —
А долу ярый зной поля опустошает!
Пылающий вулкан пожрал сии страны!
Я зрел его следы на камнях опаленных!
Умолкли хоры птиц! Поля обнажены!
Нет сеней на деревьях, на пепел наклоненных!
В ужасный, мнится, гроб весь мир преобразен!

- ²⁰ Все пусто! все мертво! — Умри же, страстный стон!
Умрите, сладки вспоминанья,
Влекущие мой дух в протекши времена!
Умрите, буйные желанья,—
Или меняйтесь, как она!
Вотще во тьме лесов скрываюсь!
И здесь могучей красотой
Она блистает предо мной!
И здесь слезами обливаюсь,
Стремясь душою к ней одной!
- ³⁰ О небо, ниспошли страданьям утоленья!
Погибни, страстный жар! Смирись, души волненья!
Умри, умри, любовь, воскресшая опять!
О воспоминание жестокой перемены!
Ах! если б мы могли неверных забывать
В минуту их измены!

Природа, пред тобой восторженный смиряюсь!
Коль страшен мрак лесов! коль дик пустыней вид!
Как все, могущая, тебя благовестит!
О грозные красы! Дивлюсь и содрогаюсь!

ПЕСНЯ

Когда я был любим, в восторгах, в наслажденье,
Как сон пленительный, вся жизнь моя текла.
Но я тобой забыт,— где счастья привиденье?
Ах! счастьем моим любовь твоя была!

Когда я был любим, тобою вдохновенный,
Я пел, моя душа хвалою твоей жила.
Но я тобой забыт, погиб мой дар мгновенный:
Ах! гением моим любовь твоя была!

- Когда я был любим, дары благоденья
¹⁰ В обитель нищеты рука моя несла.
Но я тобой забыт, нет в сердце состраданья!
Ах! благостью моей любовь твоя была!

ОТРЫВОК

(Подражание)

О счастье дней моих! Куда, куда стремишься?
Златая, быстрая, фантазия, стой!
Неумолимая! ужель не возвратишься?
Ужель навек?.. Летит, все манит за собой!
Сокрылись сердца привиденья!
Сокрылись сладкие души моей мечты!
Надежды смелые, в надеждах наслажденья!
Увы! прелестный мир, разрушился и ты!
Где луч, которым озарялся
10 Путь юноши среди весенних пылких дней,
Где идеал святой, которым я пленялся?
О вы, творения фантазии моей!
Вас нет, вас нет! Существенностью злою
Что некогда цвело столь пышно предо мною,
Что я божественным, бессмертным почитал,
Навек разрушено! — Стремление к блаженству,
О Вера сладкая земному совершенству,
О Жизнь, которою весь мир я наполнял,
Где вы? Погибло все! погиб творящий гений!
20 Погибли призраки волшебных заблуждений!
Как некогда Пигмалион,
С надеждой и тоской объемля хладный камень,
Мечтая слышать в нем любви унылый стон,
Стремился перелить весь жар, весь страстный пламень,
Всю жизнь своей души в создание резца,
Так я, воспитанник свободы,
С любовью, с радостным волнением певца,
Дышал в объятиях природы
И мнил бездушную согреть, одушевить!
30 Она подвиглась, воспылала!
Безмолвная могла со мною говорить
И пламенным моим лобзаньям отвечала!

.....

САФИНА ОДА

Блажен, кто близ тебя одним тобой пылает,
Кто прелестью твоих речей обворожен,
Кого твой ищет взор, улыбка восхищает,—
С богами он сравнен!

Когда ты предо мной, в душе моей волненье,
В крови палящий огонь! в очах померкнул свет!
В трепещущей груди и скорбь и наслажденье!
Ни слов, ни чувства нет!

Лежу у милых ног, горю огнем желанья!
¹⁰ Блаженством страстных тоски утомлена!
В слезах, вся трепещу без силы, без дыханья!
И жизни лишена!

ИДИЛЛИЯ

Когда она была пастушкою простой,
Цвела невинностью, невинностью блистала,
Когда слыла в селе *девичьей красотой*
И кудри светлые цветами убирала —
Тогда ей нравились и пенистый ручей,
И луг, и сень лесов, и мир моей долины,
Где я пленял ее свирелию моей,
Где я так счастлив был присутствием Алины.
Теперь... теперь прости, души моей покой!
¹⁰ Алина гордая — столицы украшеньё;
Увы! окружена ласкателей толпой,
За лесть их отдала любви боготворенье,
За пышный злата блеск — душистые цветы;
Свирели тихий звук Алину не прельщает;
Алина предпочла блаженству суеты;
Собою занята, меня в лицо не знает.

ПРОЩАНИЕ СТАРИКА

Прости, мятежное души моей волненье,
Прости, палящий огонь цветущих жизни лет,
Прости, безумное за славою стремленье!
Для вас в моей душе ни слез, ни вдоха нет!
Мечты разрушены! исчезло привиденье!
Но ты, восторг души, всех буйных чувств покой,
О сладость тихая, о сердца восхищенье!
Тебя, любовь, тебя теряю со слезой!

ВЕЧЕР

Элегия

Ручей, виющийся по светлomu песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катишься ты в реку!
Приди, о Муза благодатна,

В венке из юных роз, с цевницею златой;
Склонись задумчиво на пенистые воды
И, звуки оживив, туманный вечер пой
На лоне дремлющей природы.

Как солнца за горой пленителен закат,—
¹⁰ Когда поля в тени, а рощи отдаленны
И в зеркале воды колеблющийся град
Багряным блеском озаренны;

Когда с холмов златых стада бегут к реке
И рева гул гремит звучнее над водами;
И, сети склав, рыбак на легком челноке
Плывет у берега меж кустами;

Когда пловцы шумят, сбликаясь по стругам,
И веслами струи согласно рассекают;
И, плуги обратив, по глыбистым браздам
²⁰ С полей оратаи съезжают...

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Все тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под нвоей наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливаясь с рекой,
Поток, кустами осененной.

Как слит с прохладою растений финнам!
30 Как сладко в тишине у берега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над ручьем колышется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит сель;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье Филомелы...

Но что?.. Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
40 В реке дубравы отразились.

Луны ущербный лик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

Сижу задумавшись; в душе моей мечты;
К протекшим временам лечу воспоминаньем...
О дней моих весна, как быстро скрылась ты
С твоим блаженством и страданьем!

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
50 Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

О братья! о друзья! где наш священный круг?
Где песни пламенны и музам и свободе?
Где Вакховы пиры при шуме зимних вьюг?
Где клятвы, данные природе,

Хранить с огнем души нетленность братских уз?
И где же вы, друзья?.. Иль всяк своей тропею,
Лишенный спутников, влача сомнений груз,
60 Разочарованный душою,

Тащиться осужден до бездны гробовой?..
Одни — минутный цвет — почил, и непробудно,
И гроб безвременный любовь кропит слезой.
Другой... о небо правосудно!..

А мы... ужель дерзнем друг другу чужды быть?
Ужель красавиц взор, пль почестей исканье,
Иль суетная честь приятным в свете слыть
Заглядят в сердце воспоминанье

О радостях души, о счастье юных дней,
70 И дружбе, и любви, и музам посвященных?
Нет, нет! пусть всяк идет вослед судьбе своей,
Но в сердце любит незабвенных...

Мне рок судил: брести неведомой стезей,
Быть другом мирных сел, любить красы природы,
Дышать под сумраком дубравной тишиной
И, взор склонив на пенны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспевать.
О песни, чистый плод невинности сердечной!
Блажен, кому дано цевницей оживлять
80 Часы сей жизни скоротечной!

Кто, в тихий утра час, когда туманный дым
Ложится по полям и холмы облачает,
И солнце, восходя, по рощам голубым
Спокойно блеск свой разливают,

Спешит, восторженный, оставя сельский кров,
В дубраве предупредить пернатых пробужденье,
И, лиру соглася с свирелью пастухов,
Поет светила возрожденье!

Так, петь есть мой удел... но долго ль?.. Как узнать?..
90 Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин в час вечера мечтать
Над тихой юноши могилой!

К ЭДВИНУ

О юноша! лети, под зоной отдаленной,
Иных друзей, надежд и радостей искать!
Ищи побед, толпой прелестной окруженной;
Оставь, оставь меня в печалях увядать!
Ах! жить, делясь с тобой и сердцем и судьбою,
Сей жребий сладостный, сей дар не для меня!..
Но если не совсем отринута тобою,
Эдвин, не позабудь, не позабудь меня!

Когда ж — быть может! — вид любовницы в страданье
10 Нарушит тишину, мой друг, души твоей;
Тогда протекшего загладь воспоминанье,
Тогда покой себя, тогда забудь о ней!
Но может быть и то, — что, в ужасах мученья,
Как блага будешь ждать решительного дня,
Ждать будешь, но вотще, друзей и услажденья,
Тогда — не позабудь, не позабудь меня!

ОТРЫВОК ИЗ ДЕЛИЛЕВА ДИФИРАМБА НА БЕССМЕРТИЕ ДУШИ

На лоне вечности безмолвной,
В непомрачаемых лучах,
Бессмертие, порока страх

И щит невинности бескровной,
От Крона, мощного рушителя миров,
Добра подвижников спасает,
И преступленье исторгает
Из страшной пристани гробов!
Так, молний Вечного надменный похититель,
¹⁰ О ты, кичащийся над скорбной правотой,
Земли ничтожный утеснитель!
Страшись: бессмертье жребий твой.
А ты, от сладостной отчизны отлученный,
О жертва мирная, минутный гость земной,
Ты, странник, тайною рукою огражденный,
Страдалец! ободрись: бессмертье жребий твой!

ПЕСНЬ БАРДА НАД ГРОБОМ СЛАВЯН-ПОБЕДИТЕЛЕЙ

„Ударь во звонкий щит! стекитесь, ополченны!
Умолкла брань — враги утихли расточенны!
Лишь пар над пеплом сел густой;
Лишь волк, сокрытый ночи мглой,
Очами блещущий, бежит на лов обильный;
Зажжем костер дубов; изройте ров могильный;
Сложите на щиты поверженных во прах:
Да холм вещает здесь векам о бранных днях,
Да камень здесь хранит могущих след священной!“
¹⁰ Гремит... раздался гул в дубраве пробужденной!
Стеклись; вождей и ратных сонм;
Глухой полнощи тьма кругом;
Пред ними вещий Бард, венчаный сединою,
И падших страшный ряд, простертых на щитах.
Объяты думою, с поникнутой главою;
На грозных лицах кровь и прах;
На копья оперлись; среди них костёр пылает,
И с свистом горный ветер их кудри воздымает.
И се! воздвигся холм, и камень водружен;
²⁰ И дуб, краса полей, воспитанный веками,

Склонил главу на дерн, потоком орошен;
И се! могущими перстами
Певец ударил по струнам —
Одушевленны забряцали!
Воспел — дубравы застенали,
И гул помчался по горам:

„О сладких песней мать, певица битв священна,
О бардов лира вдохновенна!

Проснись — да оживет хвала в твоих струнах!

- 30 Да тени бранные низринутых во прах,
Скитаясь при луне по тучам заторунным,
Сойдут на мрачный дол, где мир над пеплом их,
Обвороженные бряцаньем тихострунным.
Как пали сильные? Как сильных гром утих?
Где вы, сыны побед? Где славных воев сила?
Ответствуй, мрачная бестрепетных могила!..
Как орлий со скалы пустившийся птенец,
Впервые восшумев отважными крылами,
Близ солнца зря трудов и поприща конец,
- 40 Парит, превыспренный, и вдруг, небес громами
Сожженный посреди стремленья к высотам,
В гремящих тучах исчезает...
Так пал с победой Росс! паденье — страх врагам.

О битвы грозный вид! смотри! перун сверкает!
Се мчатся! грудь на грудь! дружин сомкнутых сонм!
Средь дымных вихрей бой и гром;

По шлемам звук мечей; коней пронзенных ржанье
И труб стозвучный треск. От топота копыт,
От прения бойцов, от кликов и стенанья

- 50 Смятенный воев бор и дол, гремя, дрожит.
О страшный вид помятых боев!
Тот зыблется в крови, с глухим кончаясь воем!
Тот, вихрем мчась, погиб бесстрашных впереди;
Тот, шуйцей рану сжав, десной изнеможенной
Оторванну хоругвь скрывает на груди;
Тот страшно восстенал, на копья восхищенной,
И, сверженный во прах, дымясь, оцепенел...
О мужество славян! о витязей предел!

Хвала на жертву принесенным
60 За родших, братьев и супруг;
Хвала отечества хранителям священным!
Хвала, хвала тебе, о падший славы друг!
Пускай безвестный погибает,
Сей житель праха — червь душой;
Пусть в дольном мраке жизнь годами исчисляет...
Бессмертья сын, твой рок громовой течь стезей;
Пари, блистай, превознесенный;
Погибнешь в высоте — весь мир твой мавзолей;
Бесславный ждет, томясь, кончины вялых дней,
70 До времени во мгле могилы погребенный;
Равны концом и час и век;
Разлука с жизнью миг, завтра или ныне;
Перуном ли угас, незримый ли протек;
Царем или рабом судьбине.

Блажен почивший на громах
В виду отчизны благодарной,
И в гробе супротивным страх,
И в гробе озарен денницей лучезарной;
Блажен погибший в цвете лет...
80 О юноша, о ты, бессмертью приобщенный!
Коль быстро совершен твой выпрепный полет;
Вот он, низринутый на щит окровавленный,
Поник геройскою главою;
Над ним кончины час; уж взор недвижный тмится.
Но к кровным, но к друзьям, но к родине святой
Еще с лучом любви, еще с тоской стремится;
Не сетуй, славы сын; оставь сей жизни брег;
Ты смерть предупредил, на одр честей возлег;
Ты спутник в гроб неустрашимых.
90 Увы! завидна ль часть веригой лет томимых?
Герой, одряхший под венком,
Приникший к костылю израненным челом,
Могущих пережив, оставленный друзьями,
Отвсюду окружен возлюбленных гробами,
Усталый ждет конца — и смерть ему покой:
Блажен, кто славный путь со славой довершает;

Когда венки и честь берет во прах с собой
И, в лаврах поседев, на лаврах угасает!

Здесь, братья, вечно мирны вы!
100 Почийте сладко, незабвенны!
О вы — ловца пожрав, в сетях погибши львы!
О спутники побед, коварством низложенны!
Бесстрашных персть — потомству дар.
О вас сей будет холм беседовать с веками:
Он сильным возвестит, как пали вы с громами;
Он в чадах ваших чад родит ко славе жар.

Здесь бард грядущих лет, объят глубокой думой,
В тот час, как всюду мрак полунощи угрюмой,
Когда безмолвен дол, и месяц из-за туч
110 Повременно свой лик задумчивый являет,
И серна, прискакав на шумный в камнях ключ,
Недвижно, робкая, журчанью струй внимает,—
К протекшим воспарит векам,
Пробудит звоном струн насуспенну дубраву
И, мыслию стремясь великих по следам,
Из персти воззовет давно почивших славу.
Здесь, в сумраке воссев,
Пришед из края дальна,
Краса славянских дев,
120 Задумчива, печальна,
Тоску прольет в слезах
И, грудью воспаленной
Припав на хладный прах,
Могилы мир священной
Рыданьем возмутит.
Увы! здесь в сонме падших
Герой прелестный спит;
Здесь радостей увядших
Ее последний след.
130 Воскреснут воспоминанья
О благах прежних лет,
О днях очарованья,
О днях любви святой;
Воскреснет час разлуки,

Когда, летящий в бой,
Приемля громы в руки,
Друг сердца, сильным страх,
Красою образ Дида,
С унынием в очах,
140 С блистаньем Световида,
Сказал: прости навек!
Шелом надвинул бранной,
Вздохнул, как вихрь потек,
И с сонмом ратных сил исчез в дали туманной.
Сюда придет отчизны сын,
Героев племя, славянин,
Делами предков распаленный;
Обымет падших гроб и вонмет глас священный,
К нему из глубины рекуший: будь велик!
150 Предстанут пред него протекших ратей бои
И в молнийных браздах вождей победы лик!
Почийте! мирный сон, о братья, о герои!..“

Умолк... и струн исчез в пустынном небе звон,
И отзыв по горам, и дебри усыпились;
Сонм бранных скорбью осенен:
Их взоры на курган недвижимые вперились;
Безгласны, в грозной тишине;
На лицах мщенья жар — их груди гнев спирает,
И ярости немой в зеницах огонь пылает.
160 Молчат — окрест покой,— над ними в вышине,
Из туч, влекущихся грядою,
Бросая тихий блеск на десь, и дол, и лес,
Луна невидимой стезею
Среди полунощных небес
Свершает, мирная, свой ток уединенный.
Но се! таинственным видением во мгле
Певец воспрянул пораженный;
Седины дыбом на челе;
Смятение в очах и в членах трепетанье;
170 Как вихорь на курган он с лирой возлетел...
Волшебной раздалось бряцанье...
И снова мощный глас пророка загремел:
„Не вы ль, низверженных полунощные лики,

Не вы ли, призраки могущих, предо мной?
Они! среди бурных туч! сплелась рука с рукой!
О страшный сонм! о страшны клики!
Куда их строгий взор столь грозно устремлен?
Над кем воздушный меч вождя их вознесен?
Над кем гремят цепями?
180 **Внимай! внимай! горе песнь гибели поют.**
Отмщенья! крови! — вопиют,
Сверкая из-за туч ужасными очами.
Отмщенья, витязи, отмщенья! гром во длань!
Воздвигнись, дух славян! воздвигнись, месть и брань!
Се ярый исполни, победами надменный!
Постигну! поражу! рассыплю их полки!
Им рабство — дар моей руки! —
Гремит, на гибель ополченный!
Друзья! се час побед! славяне, возгремим!
190 **Прострите взор окрест: лишь дебри заустелы.**
Где пышный вид полей? где радостные селы?
И где тевтонов мощь, низринувшая Рим?
Там мать гладная иссякшими сосцами,
Простертая на прах, в младенца кровь лжет;
Там к пеплу хижины приникший сединою,
Недугом изнурен, кончины старец ждет;
Там чада нищеты — убийство и хищенье;
Там рабства первенец, неистовый разврат.
О ясный мир семей! о нравов осквернение!
200 **О доблесть прежних лет! Лишь цепи там звучат;**
Лишь хищников бичи подъяты над рабами;
Сокрылись Германа последние сыны;
Сокрылись сил вожди, парившие орлами;
В пустынях, очеса к земле преклонены,
Над прахом падшего отечества рыдают.

О братья, о сыны возвышенных славян,
Воспрянем! вам перун для мщенья свыше дан.
Отмщенья! — под ярмом народы восклицают,—
Да в прах, да в прах падут погибели творцы!..
210 **Воззрите вспять... там сонм священный,**
Там счастья наших дней залого драгоценны,

Там матери в слезах, там чада и отцы,
Там лавроносная отчизна в ожиданье.

О вптязи! за вами вслед
Славянских дев любовь, возлюбленных желанье:
Да боги их души с трофеями побед
По бранях притекут, отмстив, непосрамленны.
За вами их мольбы летят воспламененны.
²²⁰ Вонмите и супруг, и чад, и юных дев,
Вонмите, войны, моленье;
Возрите на отцов коленопреклоненье;
Во славе, посреди могущих поседев,
Подъемлют к небесам трепещущие длани
И молят: царь судеб, за них, за них во брани!
О, сколь возвышенны спасающие нас!
(В восторге сердца восклицают
Возлюбленны, узрев на бой текущих вас).
Какие молнии во взоре их блистают!
²³⁰ Коль грозен ополченных сонм!
О, сколь пленительны, неся во дланях гром!
Они ль не полетят на крыльях мести к бою,
Они ль, оставивши все блага за собою?
О незабвенные, о слава наших дней,
Грядите — благодать самих небес над вами;
Враги да будут снедь мечей;
Да вскоре бранными венками
Священные главы отмстивших обовьем,
О час блаженнейший свиданья!
²⁴⁰ Летят — в крови, в пыли, теснятся в отчий дом!
Благословенья, лобызанья!
Восторг души, лишенной слов!
Супруги, в божий храм; встречайте женихов
В одежде брачной, обрученны;
Да льется слез бальзам на раны их священны;
Отрем с ланит геройских прах;
Да видом не страшат, ни грозными бронями
Отцы, на колыбель склоненны над сынами.
А вы, недвижимые пред нами на щитах,
²⁵⁰ Безгласные среди молитв и ликований,
О падшие друзья, о прах полубогов,

Примите скорбный дар и стонов и лобзаний
От жен рыдающих, от родших и сынов.
Могущественный глас, мы ль хладны пред тобою?
Копье во длань! воздвигни щит!
Вперед на огонь и меч громовую стеною!
Уж горный наш орел перунами гремит;
Уж гордо распростер крыла перед полками.
Внимайте... Супостат с погибелью течет;
260 Земля трясется под конями:
„Попру стопую!“ — вопиет.
Ударим! упредим! не Россу посрамленью!
Кто смерти предпочесть дерзнет порабоженью?
Кто сограждан и стыд и плен?
От родины святой беглец отриновен;
Страшись он отческия сени;
Ему ли осязать родителя колени?
Ему ли старца грудь священную лобзать?
Он враг своих друзей; он низкий жизни тать.
270 Нет! нет! всей мощью пораженью
Низринем, Россы, на врагов!
Не нам, не нам стенать под бременем оков!
Не нам предать и жен и чад на возвращенью!
Отчизне ль нашей быть добычей их когтей?
Иль диво нам карать надменных?
О Росс, о ужас дерзновенных!
Пусть смеют испытать, где мощь руки твоей,
Уснули ль полчища орлины,
Которых гром возжег Эвксинские пучины
280 И скандинавского на прах повергнул льва?
Явись, сразившая сарматов булава!“

Умолк... и сонмы всколебались...
Щитами грянули... чрез холм, сквозь дебрь и лес,
Воспламененные помчались...
И праха черный вихрь вознесся до небес.

РАЗГОВОР

- Как звать тебя, чудак? Кто ты? — Я бог Амур!
— Обманывай других! Ты шутишь, балагур!
— Ничуть! Свидетель Бог! Амуром называюсь!
— Быть так! Но кто тебе дал странный сей убор?
— Кто дал? Весь Божий свет! Обычай, город, двор!
— Какой бесстыдный взгляд! нахальность! Удивляюсь!
— Простак! невинности уж нынче негде взять!
— Куда ты дел свой лук, колчан, светильник, стрелы?
¹⁰ — На что они! без них могу торжествовать!
Упорных больше нет! Мужчины стали смелы!
— Какой переворот!.. А где же твой покров,
Омытый иногда прелестных глаз слезами?
— Хватился!.. Потерял.— О жалкий из богов!
Но что? Ты весь в шерсти! с козлиными ногами,
С гремушкой! маскою! в дурацком шушуне!
Зачем такой наряд? Пожалуй, объяснися!
— По милости его весь мир подвластен мне!
— Ты царь? — Я бог! — Не мой! — Всесветный! — Отвяжися!

«МОЙ ДРУГ БЕСЦЕННЫЙ, БУДЬ СПОКОЙНА!..»

Мой друг бесценный, будь спокойна!
Да будущего мрак — тебя не утрашит!
Душа твоя чиста! ты счастья достойна!
Тебя Всевышний наградит!

• Б А С Н И •

МАРТЫШКА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ КИТАЙСКИЕ ТЕНИ

Творцы и прозой и стихами,
Которых громкий слог пугает весь Парнас,
Которые понять себя не властны сами,
Поймите мой рассказ!

Один фигляр в Москве показывал мартышку
С волшебным фонарем. На картах ли гадать,
Взбираться ль по шнуру на крышку,
Или кувыркаться и вприсядку плясать
По гибкому канату,

¹⁰ Иль спичкой выпрямься, под шляпою с пером,
На задни лапки став, ружьем,
Как должно прусскому солдату,
Метать по слову артикул:

Потап всему горазд. Не зверь, а утешенье.
Однажды в воскресенье

Хозяин, подкурив, на улице заснул.

Потапке торжество. „Уж то-то погуляю!

И я штукарь! И я народ как тешить знаю!“

Бежит, зовет гостей:

²⁰ Индюшек, поросят, собак, котят, гусей!

Сошлись. „Сюда! Сюда! скорей скамьи, подушки

В закуту господам!

Добро пожаловать; у входа ни полушки,

Из чести игрище!“ Уж гости по местам,

Приносится фонарь, все окна затворились,

И свечи потушились.

Потап, в суконном колпаке,

С указкою в руке,

С жеманной харею, явился пред собором:

³⁰ Пренизкий всем поклон;

Потом с кадушки речь, как Цицерон:

Заставил всех зевать и хлопать целым хором!

Довольный похвалой,

С картинкою стекло тотчас в фонарь вставляет!

„Смотрите: вот луна, вот солнце! — возглашает.—
Вот с Евою Адам, скоты, ковчег и Ной!
Вот славный царь-горох с морковкою-царицей!
Вот журка-долгонос обедает с лисицей!
Вот небо, вот земля... Что? видно ли?“ Глядят,
40 Моргают, морщатся, кряхтят!
Напрасно! Нет следа великолепной сцены!
„По чести,— кот шепнул, кудрявых много слов!
Но, Бог с ним, где он взял царей, царя, скотов!
Зги божьей не видать! одни в потемках стены!“
„Темно, соседка, скажу и я,—
Примолвила свинья.—
Мне видится! вот!.. вот!... я, правда, близорука!
Но что-то хорошо! Ой старость! то-то скука!
Уж было бы о чем с детьми поговорить!“
50 Индейка крякала, хлоп-хлоп сквозь сон глазами.
А наш Потап? Кричит, гремит, стучит ногами!
Одно лишь позабыл: фонарь свой осветить!

СОКОЛ И ГОЛУБКА

Голубку сокол драл в когтях.
„Попалась! ну, теперь оставь свои затей!
Плутовка! знаю вас, ругательницы, змеи!
Ваш род соколью вечный враг!
Есть боги-мстители!“ — „Ах, я б того желала!“ —
Голубка, чуть дыша, измятая стенала.
„Как! как! отступница! не веровать богам!
Не верить силе Провиденья!
Хотел тебя пустить; не стоишь; вижу сам.
10 Умри! безбожным нет прощенья!“

МАРТЫШКИ И ЛЕВ

Мартышки тешились лаптой;
Вот как: одна из них, сидя на пне, держала
В коленях голову другой;

- Та, лапки за спину, зажмурясь узнавала,
Кто бил.— Хлоп-хлоп! „Потап, проворней! Кто?“— „Мирошка!“—
„Соврал!“— И все, как бесы, врозь!
Прыжки; кувыркание вперед, и назад, и вкось;
Крик, хохот, писк! Одна мяукает, как кошка,
Другая, ноги вверх, повисла на суку;
¹⁰ А третья ну скакать сорокой по песку!
Такого поискать веселья!
Вдруг из лесу на шум выходит лев,
Ученый, смирный принц, брат внучатный царев:
Ботанизировал по роще от безделья.
Мартышкам мат;
Ни пикнут, струсил, дрожат!
„Здесь праздник!— лев сказал.— Что ж тихо? Забавляйтесь!
Играйте, детушки, не опасайтесь!
Я добр! Хотите ли, и сам в игру войду!“—
²⁰ „Ах! милостивый князь, какое снисхождение!
Как вашей светлости быть с нами наряду!
С мартышками играть! ваш сан! наш долг! почтенье!..“—
„Пустое! что за долг! я так хочу! смелей!
Не все ли мы равны! Вы б сами то ж сказали,
Когда бы так, как я, философов читали!
Я, детушки, не чван! Вы знатности моей
Не трусьте! Ну, начнем!“ Мартышки верт глазами
И, веря (как и все) приветника словам,
Опять играть; гвоздят друг друга по рукам.
³⁰ Брат царский хлоп! и вдруг под царскими когтями
Из лапки брызжет кровь ключом!
Мартышка — ой! — и прочь, тряся хвостом,
Кто бил, не думав, отгадала,
Однако промолчала.
Хохочет князь; другие, рот скривя,
Туда ж за барином смеются,
Хотя от смеха слезы льются;
И задом, задом в лес! Бегут и про себя
Бормочут: не играй с большими господами!
⁴⁰ Добрейшие из них — с когтями!

ССОРА ПЛЕШИВЫХ

Два кума лысые дорогой шли
И видят, что-то на траве блистает.
Ну! — думают — мы клад нашли!
„Моя находка!“ — Вздор! — Уж кума кум толкает
И в спину и в бока!
Увы! последнего седого хохолка
На гладких лысинах не стало!
За что же дело стало?
За что свирепый бой? —
10 За гребень роговой!

КОТ И ЗЕРКАЛО

Невежды-мудрецы, которых век проходит
В искании таких вещей,
Каких никто никак в сем мире не находит,
Последуйте коту и будьте поумней!

На дамском туалете
Сидел Федотка-кот
И чистил морду... Вдруг, глядь в зеркало: Федот
И там. Точь-в-точь! сходней двух харей нет на свете.
Шерсть дыбом, прыг к нему и мордой щелк в стекло,
10 Мяукнул, фыркнул!.. „Понимаю!
Стекло прозрачное! он там! поймаю!“
Бежит... О чудо! — никого.
Задумался: куда б так скоро провалиться?
Бежит назад! Опять Федотка перед ним!
„Постой, я знаю как! уж быть тебе моим!“
Наш умница верхом на зеркало садится,
Боясь, чтоб, ходя вокруг, кота не упустить
Или чтоб там и тут в одну минуту быть!
Припал, как вор, вертит глазами;
20 Две лапки здесь, две лапки там;
Весь вытянут, мурчит, глядит по сторонам;
Нагнулся... Вот опять хвост, лапки, нос с усами.
Хвать-хвать! когтями цап-царап!

Дал промах, сорвался и бух на столк с рамы;
Кота же нет как нет. Тогда, жалея лап
 (Заметьте, мудрецы упрямы!)
И ведать не хотя, чего нельзя понять,
Федот наш зеркалу поклон отвесил низкий;
А сам отправился с мышами воевать,
30 Мурлыча про себя: „Не все к нам вещи близки!
Что тягостно уму, того не нужно знать!“

ГОЛУБКА И СОРОКА

Голубка двор об двор с сорокою жила,
 Сокровищем, а не соседкой.
 В гнезде одной любовь цвела;
У той, напротив, день без шума редкой,
Битье яиц, ворчанье, спор!
Лишь только пьяный муж сороку поколотит,
Она тотчас лететь к соседке во двор,
 Щебечет, крехчет, вопит:
„Ох, горьку, мать моя, пришлось мне чашу пить!
10 Уж видно так и век прожить!
Дал Бог мне муженька! мучитель, окаянной!
Житья нет! бьет меня беспощинно, безданно!
Ревнивец! а как сам — таскаться за совой!“
 Голубка слушала, качая головой.
— И ты,— примолвила,— соседка, не святая! —
„То так, не без греха! Случается и мне
И лишнее сказать, и спорить, и в вине
Признаться не хотеть, неправду утверждая;
Но это все пустяк!“ — И нет! какой пустяк?
20 Напротив, мой совет: когда не любишь драк,
Исправь себя! — „А в чем прикажете исправить?
Исправь! Советница! Смешна с своим умом!
Взялась других учить, собой не смысла править!
 Сиди-ка над гнездом!“

СУРКИ И КРОТ

Свои нам недостатки знать
И в недостатках признаваться —
Как небо и земля: скорей от бед страдать,
Чем бед виною называться!
В пример вам расскажу не басенку, а быль.
Чудна, но справедлива.
Я очевидец сам такого дива,
И, право, не хочу пускать в глаза вам пыль.

Однажды на лужок, лишь только солнце село,
¹⁰ Проказники сурки
Сошлись играть в езду, в гулючки, в уголки
И в жмурки! — Да, и в жмурки! Это дело
Так верно, как я здесь, и вот как: осокой
Тому, кому ловить, завязывались глазки,
Концы ж повязки
Под морду в узелок; а там — бреди слепой!
Слепой бредет! другие же беситься,
Кувыркаться, скакать кругом;
Тот под нос шиш ему, тот в зад его пинком;
²⁰ Тот на ухо свистит, а тот пред ним вертится,
Коверкаясь как бес!
Бедняжка, лапки вверх, хватъ-хватъ, не тут-то было!
И где поймать таких увертливых повес!
Ловить бы до утра! но счастье пособило.
Возню услышав под землей,
Из норки вылез крот, монах слепой;
Туда ж играть с сурками!
Растешился, катит и прямо бряк в силки.

Сурки

³⁰ Сошлись и говорят: „Он слеп, а мы с глазами!
Не лучше ли его...“ — И, братцы, что за срам!
Ворчит надувшись крот: игра игрою!
Я пойман! мне ловить, с повязкой, как и вам.
„Пожалуй! но с твоей, приятель, слепотою
Не будет ли нам грех давить тебя узлом?“

— О, это уж обидно!
Как будто и играть невместно мне с сурком!
Стяни, сударь! еще! еще стяни! мне видно!

ИСТИНА И БАСНЯ

Однажды Истина нагая,
Оставя кладезь свой, на белый вышла свет.
Бог с ней! не пригожа, как смерть худая,
Лицом угрюмая, с сутулиной от лет.
Стук-стук у всех ворот: „Пустите, ради Бога!
Я Истина, больна, устала, чуть хожу!
Морозно, ветрено, иззябла и дрожу!“
— Нет места, матушка! счастливая дорога! —
Везде ей был ответ.

¹⁰ Что делать? на бок лечь, пусть снегом занесет!
Присела на сугроб, стучит зубами.
Вдруг Басня, в золоте, облитая парчой,
А правду молвить — мишурой,
Обнизанная жемчугами,
Вся в камнях дорогих,
Блистающих, как жар, хотя фальшивых,
На санках золотых,
На тройке рысаков красивых
Катит, и прямо к ней.— „Зачем ты здесь, сестра?
²⁰ Одна! в такой мороз! прогулкам не пора!“
— Ты видишь, зябну! люди глухи:
Никто мне не дает приюта ни на час.
Я всем страшна! мы жалкий люд, старухи:
Как будто от чумы, все бегают от нас! —
„А ты ведь мне большая,
Не хвастаясь сказать! ну, то ли дело я?
Весь мир моя семья!
И кто ж виной? Зачем таскаешься нагая?
Тебе ль не знать, мой друг, что маску любит свет?
³⁰ Изволь-ка выслушать мой сестринский совет:
Нам должно быть дружнее и жить не так, как прежде,

Жить вместе; а тебе в моей ходить одежде.
С тобой — и для меня отворит дверь мудрец,
Со мною — и тебя не выгонит глупец;
А глупым нынче род — и род весьма обильный!“
Тут Истина, умильный
На Басню обративши взор,
К ней в сани прыг... Летят и следу нет! — С тех пор
Везде сестрицы неразлучно:
40 И Басня не глупа, и с Истиной не скучно!

СМЕРТЬ

Однажды Смерть послала в ад указ,
Чтоб весь подземный двор, не более как в час,
На выбор собрался в сенате,
А заседанью быть в аудиенц-палате.
Ее величеству был нужен фаворит,
Обычнее — министр. Давно уж ей казалось,—
Как и история то ясно говорит,—
Что адских жителей в приходе уменьшалось.
Идут пред страшный трон владычицы своей —
10 Горячка бледная со впалыми щеками,
Подагра, чуть тащась на паре костылей,
И жадная Война с кровавыми глазами.
За ловкость сих бояр поруки мир и ад,
И Смерть их приняла с уклонкой уваженья!
За ними, опустив смиренно-постный взгляд,
Под мышкою таща бичи опустошенья,
Является Чума;
Грех молвить, чтоб и в ней достоинств не сыскалось:
Запас порядочный ума!
20 Собрание всколебалось.
„Ну! — шепчут. — Быть министром ей!“
Но сценка новая: полсотни лекарей
Попарно, в шаг идут и, став пред Смертью рядом,
Поклон ей! „Здравствовать царице много лет!“
Чтоб лучше видеть, Смерть хватилась за лорнет.

Анатомирует хирургов строгим взглядом.
В сомненье ад! как вдруг пороков шумный вход
Отвлек монархини вниманье.
„Как рада! — говорит.— Теперь я без хлопот!“
30 И выбрала *Невоздержанье*.

ЦАПЛЯ

Однажды цапля-долгошея
На паре длинных ног путем-дорогой шла;
Дорога путницу к потоку привела.
День красный был; вода, на солнышке светлея,
Казалась в тишине прозрачнейшим стеклом;
В ней щука-кумушка за карпом-куманьком
У берега резвясь гонялась.
Что ж цапля? носом их? — Ни крошки: зазевалась,
Изволит отдыхать, глазеть по сторонам
10 И аппетита дожидаться:
Ее обычай бы обедать по часам
И диететики Тиссотовой держаться.
Приходит аппетит; причудница в поток;
Глядит: вдруг видит, линь, виль-виль, со дна поднялся!
То вверх на солнышко, то книзу на песок!
Сластене этот кус несладким показался.
Скривила шею, носом щелк:
„Мне, цапле, есть линя! мне челядью такую
Себя кормить? И впрямь! хорош в них толк!
20 Я и трески клевнуть не удостою!“
Но вот и линь уплыл, пожаловал пискарь.
„Пискарь? ну, что за статья! такую удить тварь!
Поганить только нос! избави Бог от срама!“
Ой ты, разборчивая дама!
Приструнил голод! Что? Глядишь туда-сюда?
И лягушоночек теперь тебе еда! —
Друзья мои, друзья! не будем прихотливы!
Кто льстился много взять, тот часто все терял;

Одною скромностью желаний мы счастливы!
30 Никто, никто из нас *всею* не получал.

СОН МОГОЛЬЦА

Однажды доброму могольцу снился сон,
Уж подлинно чудесной:
Вдруг видит, будто он,
Какой-то силой неизвестной,
В обитель вознесен всевышнего царя
И там — подумайте — находит визиря.
Потом открылася пред ним и пропасть ада.
Кого ж — прошу сказать — узнал он в адской мгле?
Дервиша... Да, дервиш, служитель Орозмада,
10 В котле,
В клокочущей смоле
На ужин дьяволам варился.
Моголец в страхе пробудился;
Скорей бежать за колдуном;
Поклоны в пояс; бьет челом:
„Отец мой, изъясни чудесное виденье“.—
„Твой сон есть божий глас,— колдун ему в ответ.—
Визирь в раю за то, что в области сует,
Средь пышного двора, любил уединенье.
20 Дервишу ж поделом; не будь он суесвят;
Не ползай перед тем, кто силен и богат;
Не суйся к визирям ходить на поклоненье“.

Когда б, не бывши колдуном,
И я прибавить мог к словам его два слова,
Тогда смиренно вас молил бы об одном:
Друзья, любите сень родительского крова;
Где ж счастье, как не здесь, на лоне тишины,
С забвением сует, с беспечностью свободы?
О блага чистые, о сладкий дар Природы!
30 Где вы, мои поля? Где вы, любовь весны?
Страна, где я расцвел в тени уединенья,

Где сладость тайная во грудь мою лилась.
О роши, о друзья, когда увижу вас?
Когда, покинув свет, опять без принужденья
Вкушать мне вашу сень, ваш сумрак и покой?
О! кто мне возвратит родимые долины?
Когда, когда и Феб и дщери Мнемозины
Придут под тихий кров беседовать со мной?
При них мои часы весельем окрыленны;
40 Тогда постигну ход таинственных небес
И выпренных светил стези неоткровенны.
Когда ж не мой удел познание сих чудес,
Пусть буду напоен лесов очарованьем;
Пускай пленяюсь источников журчаньем,
Пусть буду воспевать их блеск и тихий ток!
Нить жизни для меня совется не из золота;
Мой низок будет кров, постеля не богата;
Но меньше ль бедных сон и сладок и глубок?
И меньше ль он души невинной усладенье?
50 Ему преобращу мою пустыню в храм;
Придет ли час отбыть к неведомым брегам —
Мой век был тихий день, а смерть успокоенье.

СТАРЫЙ КОТ И МОЛОДОЙ МЫШОНОК

Один неопытный мышонок
У старого кота под лапою пищал
И так его, в слезах, на жалость преклонял:
„Помилуй, дедушка! Ведь я еще ребенок!
Как можно крошечке такой, как я,
Твоим домашним быть в отягощенье?
Твоя хозяйшка и вся ее семья
Придут ли от меня, малютки, в разоренье?
И в чем же мой обед? Зерно, а много два!
10 Орех мне — на неделю!
К тому ж теперь я худ! Едва-едва
Могу дышать! Вчера оставил лишь постелю;
Был болен! Потерпи! Пусти меня пожить!

Пусть деточки твои меня изволят скушать!“ —
„Молчи, молокосос! тебе ль меня учить?
И мне ли, старику, таких рассказов слушать!
Я кот и стар, мой друг! прощения не жди,
А лучше, без хлопот, поди
К Плутону, милости его отвеждать!

²⁰ Моим же деточкам всегда есть что обедать!“
Сказал, мышонка цап; тот пискнул и пропал.
А кот, покушавши, ни в чем как не бывал!

Ужель рассказ без поученья?
Никак, читатель, есть!
Всем юность льстит себя! все мыслит приобрести!
А старость никогда не знает сожаленья!

КАПЛУН И СОКОЛ

Приветы иногда злых умыслов прикраса.

Один

Московский гражданин,

Пришлец из Арзамаса,

Матюшка-долгохвост, по промыслу каплун,

На кухню должен был явиться

И там на очаге с кухмистером судиться.

Вся дворян взбегалась: цып! цып! цып! цып! — Шалун

Проворно,

¹⁰ Смекнувши, что беда,

Давай Бог ноги! „Господа,

Слуга покорный!

По мне, хотя весь день извольте горло драть,

Меня вам не прельстить учтивыми словами!

Теперь: цып! цып! а там меня щипать,

Да в печку! да, сморчками

Набивши брюхо мне, на стол меня! а там

И поминай как звали!“

Тут сокол-крутонос, которого считали

²⁰ По всей округности примером всем бойцам,

Который на жерди, со спесью соколиной,
Раздувши зоб, сидел
И с смехом на гоньбу глядел,
Сказал: „Дурак каплун! с такой, как ты, скотиной
Из силы выбился честной народ!
Тебя зовут, а ты, урод,
И нос отворотил, оглох, ко всем спиною!
Смотри пожалуй! я тебе ль чета? но так
Не горд! лечу на свист! глухарь, дурак,
30 Постой! хозяин ждет! вся дворня за тобою!“
Каплун, кряхтя, пыхтя, советнику в ответ:
„Князь сокол, я не глух! меня хозяин ждет?
Но знать хочу, зачем? а этот твой приятель,
Который в фартуке, как вор с ножом,
Так чванится своим узорным колпаком,
Конечно, каплунов усердный почитатель?
Прогневался, что я не падок к их словам!
Но если б соколам,
Как нашей братье каплунам,
40 На кухне заглянуть случилось
В горшок, где б в кипятке их княжество варилось,
Тогда хозяйский свист и их бы не провел;
Тогда б, как скот-каплун, черкнул и князь-сокол!“

КОТ И МЫШЬ

Случилось так, что кот Федотка-сыроед,
Сова Трофимовна-сопунья,
И мышка-хлебница, и ласточка-прыгунья,
Все плуты, сколько-то не помню лет,
Не вместе, но в одной дуплистой, дряхлой ели
Пристанище имели.
Подметил их стрелок и сетку — на дупло.
Лишь только ночь от дня свой сумрак отделила
(В тот час, как на полях ни темно, ни светло,
10 Когда, не видя, ждешь небесного светила),
Наш кот из норки шасть и прямо бряк под сеть.

- Беда Федотушке! приходит умереть!
Копышется, хлопочет,
Взмяукался мой кот,
А мышка-вор — как тут! ей пир, в ладоши бьет,
Хохочет.
- „Соседушка, нельзя ль помочь мне? — из сетей
Сказал умильно узник ей.—
Бог добрым воздаянье!
- ²⁰ Ты ж, нещечко мое, душа моя, была,
Не знаю почему, всегда мне так мила,
Как свет моих очей! как дневное сиянье!
Я нынче к заутрене спешил
(Всех набожных котов обыкновенье),
Но, зная, неведением пред Богом погрешил,
Знать, окаянному за дело искушенье!
По воле Вышнего под сеть попал!
Но гневный милует: несчастному в спасенье
Тебя мне Бог сюда послал!
- ³⁰ Соседка, помоги!“ — „Помочь тебе! злодею!
Мышатнику! Коту! С ума ли я сошла!
Избавь его себе на шею!“ —
„Ах, мышка! — молвил кот.— Тебе ль хочу я зла?
Напротив, я с тобой сейчас в союз вступаю!
Сова и ласточка твои враги:
Прикажешь, в миг их уберу!“ — „Я знаю,
Что ты сластена-кот! но слов побереги:
Меня не обмануть таким красивым слогом!
Глуха я! оставайся с Богом!“
- ⁴⁰ Лишь хлебница домой,
А ласточка уж там: назад! на ель взбираться!
Тут новая беда: столкнулася с совой.
Куда деваться?
Опять к коту; грызть, грызть тенета! удалось!
Благочестивый распутлялся;
Вдруг ловчий из лесу с дубиной показался;
Союзники скорей давай Бог ноги, врозь!
И тем все дело заключилось.
- Потом опять коту увидеть мышь случилось:
- ⁵⁰ „Ах! друг мой, дай тебя обнять!
Боишься? Постыдись; твой страх мне оскорбленье!

Грешно союзника врагом своим считать!
Могу ли позабыть, что ты мое спасенье,
 Что ты моя вторая мать?“ —
 „А я могу ль не знать,
 Что ты котище — объедало?
Что кошка с мышкою не ладят никогда!
Что благодарности в вас духу не бывало!
И что по нужде связь не может быть тверда?“

ОРЕЛ И ЖУК

Орел, пусться из туч, на кролика напал.
Бедняк, без памяти, куда бы приютиться,
 На норку жука набежал;
Не норка, щель: ему ли в ней укрыться?
И лапке места нет! Наш кролик так и сяк,
 Свернувшись в кулак,
Прилег, дрожит. Орел за ним стрелою,
И хочет драть. Жучок приполз к его ногам:
„Царь птиц! и я, и он — ничто перед тобою!
¹⁰ Но сжался, пощади! позор обоим нам,
Когда в моей норе невинность растерзаешь!
Он мой сосед, мой кум! мы старые друзья!
Ты сам, мой царь, права гостеприимства знаешь;
Смягчись, или пускай погибну с ним и я!“
 Орел с улыбкою надменной,
Ни слова не сказав, толкнул жучка крылом,
Сшиб с места, оглушил. А кума смявши в ком,
Как не бывал! — Жучок жестоко оскорбленной,
В гнездо к орлу! и в миг яички все побил:
²⁰ Яички, дар любви, надежду, утешенье!
Хотя б одно, хотя б одно он пощадил!
Царь птиц, узря в гнезде такое разоренье,
 Наполнил криком лес;
 Стенает:
О, ярость! Кто сей враг? Кому отмстить?.. Не знает!
Напрасно сетует: среди пустых небес
Отчаянного стон бесплодно исчезает.
Что делать! до весны утехи отложить.

Гнездо ж повыше свить.

30 Пришла весна! в гнезде яички! матка села.
Но жук не спит, опять к гнезду,— яичек нет!
Увы! едва ль взглянуть на них она успела!
Страданье выше мер! грустит! противен свет!
И эхо целый год не стихнуло в дубраве!

Отчаянный орел

К престолу Зевса полетел
И мыслит: „Кто дерзнет к сидящему во славе
С злодейской мыслью подступить!
Днесь будет бог богов детей моих хранить!
40 Где место безопасней в мире?
Осмелюсь, хищники, подняться к небесам!“
И яйца кладет на Зевсовой порфире.

Но жук — провор и сам,

На хитрости пустился:

Он платье Вечного закапал грязью. Бог —
Который пятнышка на нем терпеть не мог —
Тряхнулся, яйца хлоп! Орел взбесился,
На Зевса окрик: „Я сейчас с небес долой!
Оставлю и тебя, и гром, и нектар твой!
50 В пустыню спрячусь! Бог с тобою!“ —
Всеvyšний струсил; звать жучка; жучок предстал;
Что было, где и как, Зевесу рассказал,
И вышло, что орел один всему виною.
Мирить их: кстати ли! и слышать не хотят!
Что ж сделал царь вселенной?
Нарушил ход вещей, от века утвержденной:
С тех пор, когда орлы на яицах сидят,
Род жучий, вместе с байбаками,
Не видя света, скрыт под снежными буграми.

АМИНА И ЭНДИМИОН

Амина, приуныв, сидела над рекою.

Подходит к ней Эндимион.

„Амина,— говорит пастушке нежно он,—

Ты страдаешь тайною тоскою!
Иль чувствуешь сию неведомую боль,
 Души восторг и упоенье,
С которою ничто, ничто нейдет в сравненье,
Ни самый Божий рай? Любезная, позволь,
Невинности твоей неопытной в спасенье,
10 Тебя, которою душа моя живет,
Заране охранить от сей приманки лестной.
Зовут ее — любовь; подвержен ей весь свет!
 И ты — с душой твоей прелестной!“ —
 „Без шуток? страх какой!
Скажи ж, Эндимион, что чувствует больной?“ —
 „Мученье несравненно!
Мученье — рай души, пред коим трон вселенной
Теряет весь свой блеск, все прелести свои:
Ты забываешься, ты в сладостном волненье;
20 Под сению лесов мечтаешь в упоенье;
Глядишь ли в тихие источника струи,
Ты видишь не себя, ты видишь образ тайной,
Всегда присутственный, повсюду спутник твой,
Единственный, весь мир украсивший собой...
В деревне есть пастух: увидясь с ним случайно,
Краснеешь, страстный жар в душе твоей горит;
От имени его, от пламенного взора,
От приближения, улыбки, разговора,
Смущаешься! молчишь, но взор твой говорит.
30 Не видясь с ним, невольно унываешь!
Боишься встретиться, и встречи тайно ждешь;
Вздыхаешь — от чего, не зная — но вздыхаешь...“ —
 „Так эту-то болезнь любовью ты зовешь? —
 Воскликнула Амина.—
О, я знакома с ней! Прошедшею весной,
Что ты ни говорил, точь-в-точь сбылось со мной,
 Когда узнала я Эсхина!“ —
Как быть, Эндимион! Не редкость жребий твой!
Наш дух желанием ко счастью влечется,
40 Но счастье другим при нас же достается.

СОКОЛ И ФИЛОМЕЛА

Летел сокол. Все куры всхлопотались
Скликать цыплят; бегут цыпляточки, прижались
Под крылья к маткам; ждут, чтобы напасть прошла.
Певица Филомела,
Которая в лесу пустынною жила
И в тот час, на беду, к подружке полетела
В соседственный лесок,
Попалась к соколу. „Помилуй,— умоляет,—
Ужели соловьев соколией род не знает!
¹⁰ Какой в них вкус! один лишь звонкий голосок,
И только! Вам, бойцы, грешно нас, певчих, кушать!
Не лучше ль песенки моею послушать?
Прикажешь ли? спою
Про ласточку, сестру мою...
Как я досталась безбожнику Терю...“—
„Терей! Терей! я дам тебе Теря, тварь!
Годится ль твой Терей на ужин?“— „Нет, он царь!
Увы! сему злодею
Я вместе с Прогною сестрой
²⁰ На жертву отдана безжалостной судьбой!
Склони соколией слух к несчастной горемыке!
Гармония мила чувствительным сердцам!..“—
„Конечно! натошак и думать о музыке!
Другому пой! я глух!“— „Я нравлюсь и царям!“—
„Царь дело, я другое!
Пусть царь и тешится музыкою твоей!
Для нас, охотников, она — пустое!
Желудок тощий — без ушей!“

ПОХОРОНЫ ЛЬВИЦЫ

В лесу скончалась львица.
Тотчас ко всем зверям повестка. Двор и знать
Стеклись последний долг покойнице отдать.
Усопшая царица

Лежала посреди пещеры на одре,
Покрытом кожею звериной;
В углу, на алтаре
Жгли ладан, и Потап с смиренной образной —
Потап-мартышка, ваш знакомец,— в нос гнуса,
10 С запинкой, заунывным тоном,
Молитвы бормотал. Все звери, принося
Царице скорби дань, к одру с земным поклоном
По очереди шли, и каждый в лапу чмок,
Потом поклон царю, который, над женою
Как каменный сидя и дав свободный ток
Слезам, кивал лишь молча головою
На все поклонников приветствия в ответ.
Потом и вынос. Царь выл голосом, катался
От горя по земле, а двор за ним вослед
20 Ревел, и так ревел, что гулом возмущался
Весь дикий и обширный лес;
Еще ж свидетели с божбой нас уверяли,
Что суслик-камергер без чувств упал от слез
И что лисицу с час мартышки оттирали!
Я двор зову страной, где чудный род людей:
Печальны, веселы, приветливы, суровы;
По виду пламенны, как лед в душе своей;
Всегда на все готовы;
Что царь, то и они; народ — хамелеон,
30 Монарха обезьяны;
Ты скажешь, что во всех единый дух вселен;
Не люди, сущие органы:
Завел — поют, забыл завесь — молчат.
Итак, за гробом все и воют и мычат.
Не плачет лишь олень. Причина? Львица съела
Жену его и дочь. Он смерть ее считал
Отмщением небес. Короче, он молчал.
Тотчас к царю лиса-лестюха подлетела
И шепчет, что олень, бессовестная тварь,
40 Смеялся под рукою.
Вам скажет Соломон, каков во гневе царь!
А как был царь и лев, он гривую густою
Затряс, хвостом забил,
„Смеяться,— возопил,—

Тебе, червяк? Тебе! над их стенаньем!
Когтей не посрамлю преступника терзаньем;
 К волкам его! к волкам!
Да вмиг расторгнется ругатель по частям,
Да казнь его смирит в обителях Плутона
50 Царицы оскорбленной тень!“
 Олень,
Который не читал пророка Соломона,
Царю в ответ: „Не сетуй, государь,
 Часы стенаний миновались!
Да жертву радости положим на алтарь!
Когда в печальный ход все звери собиравлись
 И я за ними вслед бежал,
Царица пред меня в сиянье вдруг предстала;
Хоть я был ослеплен, но вмиг ее узнал.
60 — Олень! — святая мне сказала,—
 Не плачь, я в области богов
Беседую в кругу зверей преобразенных!
 Утешь со мною разлученных!
Скажи царю, что там венец ему готов! —
 И скрылась“. — „Чудо! откровенье!“ —
 Воскликнул хором двор.
 А царь, ослабя взор,
 Сказал: „Оленю в награжденье
 Даем два луга, чин и лань!“
70 Не правда ли, что лесть всегда приятна дань?

КОМАР

Как все, мой нежный друг, неверно под луною!
 Тебе докажет то комар своей судьбою.
 Пленившись пеной золотою,
Он сладости в вине, как ты и я, искал.
Но в сладостном вине конец безумца ждал!
Он там находит смерть, где жизнь для нас с тобою.

• ЭПИГРАММЫ •

[1]

Пускай бы за грехи доход наш убавлялся!
Такой переворот для Хама не печаль!
Он в петлю собирался,
Попал бы в госпиталь!

[2]

„Ты драму, Фефил, написал?“—
„Да! как же удалась! как сыграна! не чаешь!
Хотя бы кто-нибудь для смеха просвистал!“—
„И! Фефил, Фефил! как свистать, когда зеваешь?“

[3]

Не знаю почему, по дружбе или так,
Папуре вздумалось меня визитом мучить!
Папура истинный чудаки
Скучает сам, чтоб мне наскучить.

[4]

С повязкой на глазах за шалости Фемида!—
Уж наказание! уж подлинно обида!
Когда вам хочется проказницу унять,
Так руки ей связать.

[5]

О непостижное злоречие уму!
Поверю ли тому,
Чтобы, Морковкина, ты волосы чернила?
Я знаю сам, что ты их черные купила.

[6]

Для Клима все как дважды два!
Гораций, Ксенофонт, Бова,
Лаланд и Гершель астрономы,
И Мирамонд и Мушенброк

Ему, как нос его, знакомы.
О всем кричит, во всем знаток!
Судить о музыке начните:
Наш Клим первейший музыкант!
О торге речь с ним заведите:
Он в миг торгаш и фабрикант!
Чего в нем нет? Он метафизик,
Платоник, коновал, маляр,
Статистик, журналист, бочар,
Хирургус, проповедник, физик,
Поэт, каретник, то и то,
Клим, словом, все! и Клим — ничто!

[7]

Сей камень над моей возлюбленной женой!
Ей там, мне здесь покой!

[8]

Трим счастья искал ползком и тихомолком;
Нашел — и грудь вперед, нос вздернул, весь иной! —
Кто втерся в чин лисой,
Тот в чине будет волком.

[9]

Ты сердишься за то, приятель мой Гарпас,
Что сын твой по ночам сундук твой посещает!
И философия издревле учит нас,
Что скупость воровство рождает.

[10]

Испытанных друзей для новых забывать
Есть — цвет плоду предпочитать!

[11]

НОВОПОЖАЛОВАННЫЙ

— Приятель, отчего присел? —
„Злодей корону на меня надел!“ —
Что ж! я не вижу в этом зла! —
„Ох, тяжела!“

[12]

Румян французских штукатура;
Шатер, не шляпа на плечах;
Под шалью тощая фигура,
Вихры на лбу и на щеках,
Одежды легкой подозренье;
На перстне в десять крат алмаз:
Все это смертным в удивленье,
По свету возят на показ
В карете модно-золоченой
И называют — Альцидоной!

[13]

У нас в провинции нарядней нет Любви!
По моде с ног до головы:
Наколки, цвет лица, помаду, зубы, брови,—
Все получает из Москвы.

[14]

НА ЧИЧЕРИНА

Сибири управленьем
Мой предок славен был,
А я, судьбы веленьем,
Дормез себе купил.

[15]

„Скажи, чтоб там потише были!“ —
Кричал повайтчику судья,—
„Уже с десяток дел решили,
А ни единого из них не слышал я“.

[16]

НОВЫЙ СТИХОТВОРЕЦ И ДРЕВНОСТЬ

Едва лишь что сказать удастся мне счастливо,
Как Древность заворчит с досадой: „Что за диво!
Я то же до тебя сказала, и давно!“
Смешна беззубая! Вольно
Ей после не придти к невежде!
Тогда б сказал я то же прежде.

[17]

Дидона! как тобой рука судьбы играла!
Каких любовников тебе она дала!
Один скончался — ты бежала;
Другой бежал — ты умерла!

[18]

Барма, нашед Фому чуть жива, на отходе,—
Скорее! закричал,— изволь мне долг платить!
Уж завтраков теперь не будешь мне сулить! —
„Ох! Брат, хоть умереть ты дай мне на свободе!“ —
Вот, право, хорошо! хочу я посмотреть,
Как ты, не заплатив, изволишь умереть!

СОНЕТ

За нежный поцелуй ты требуешь сонета,
Но шутка ль быть творцом четырнадцати строк
На две лишь четки рифм? Скажи сама, Лилета:
„А разве поцелуй безделка!“ Дай мне срок!

Четыре есть стиха, осталось три куплета.
О Феб! о добрый Феб! не будь ко мне жесток,
Хотя немножечко парнасского мне света!
Еще строфа! Смелей! Уж берег недалек!

Но вот уж и устал! О мука, о досада!
¹⁰ Здесь Лила — поцелуй! тут рифма и — надсада!
Как быть? Но Бог помог! еще готов терцет!

Еще б один — и все! пишу! хоть до упада!
Вот!.. Вот! почти совсем!.. О радость, о награда!
Мой, Лила, поцелуй, и вот тебе сонет!

ЭПИТАФИЯ ЛИРИЧЕСКОМУ ПОЭТУ

Здесь кончил век Памфил, без толку од певец!
Сей грешный человек — прости ему Творец! —
По смерти жить сбирался,
Но заживо скончался!

СТАРИК К МОЛОДОЙ И ПРЕКРАСНОЙ ДЕВУШКЕ

Мадригал

Как сладостно твоим присутствием пленяться!
И как опасно мне словам твоим внимать!
Ах, поздно старику надеждой обольщаться,
Но поздно ль, не имев надежды, обожать?

ЭЛЬМИНА К ПОРТРЕТУ СВОЕЙ МАТЕРИ,

писанному ее дочерью, которых она в одно время лишилась

Мой жребий прежде был их страстно обожать;
Теперь при сладостном душе изображенье,
Подобии одной — другой произведенье,
Живу, чтобы по них, погибших, унывать.
Священный, милый след двух сердцу незабвенных,

Последний памятник столь ясных жизни лет!
Питая скорбь об них, толь быстро похищенных,
Ты счастье заменишь, которого уж нет.

**РУШЕ К СВОЕЙ ЖЕНЕ И ДЕТАМ ИЗ ТЮРЬМЫ,
посылая к ним свой портрет**

О вы, которые в душе моей хранились!
Хотите ль знать, почто мой скорбный взор угас?
Когда под кистию черты сии творились,
Я шел на эшафот, но сердцем был у вас!

* * *

Пленять, а не любить я некогда искал,
Одно рассеянье в любви меня прельщало;
Но я с рассеяньем веселье чувств узнал,
И чувств веселие моим блаженством стало!

МЛАДЕНЕЦ

Се он, на жизни путь судьбою приведенной!
Беспечен, весел, тих, играет на цветах!
О чистая краса невинности священной!..
Пред ним веселие на радужных крылах
Летит и дольний мир сияньем украшает!
Он радость бытия из полной чаши пьет!
Он в даль сокрытую очей не устремляет!
Готов в безвестный путь! Готов — куда влечет
Незримая судьба таинственной рукою!
¹⁰ Увы! Что рок ему обречь определил?
К блаженству ль он придет начертанной стезею?

Иль скорбь ему в удел Могучий положил?
Невинность мирная! блажен своим незнаньем...
Гляди с надеждою, с душевной чистотой,
С непоколебимым на благость упованьем!
Довольно: есть Творец, и счастье — жребий твой.

* * *

Опять вы, птички, прилетели
С весною на кусточек мой,
Опять вы веселы, запели.
А я... все с прежнею тоской!
Ах, птички, сжальтесь, замолчите!
Уже со мною друга нет!
Или его мне возвратите
Или за ним пуститесь вслед.
Меня оставил он, жестокой,
¹⁰ И в край безвестный улетел!
Чего искать в стране далекой,
Когда в своей он все нашел?..

⟨М. А. ПРОТАСОВОЙ⟩

[1]

**М* НА НОВЫЙ ГОД
при подарке книги**

На Новый год в воспоминанье
О том, кто всякий час мечтает о тебе!
Кто счастье дней своих, кто радостей исканье
В твоей лишь заключил, бесценный друг, судьбе!

[2] .

ПРИ ПОСЫЛКЕ АЛЬБОМА

Невинность мирная, краса души твоей,
Под сенью матери с тобой да сохранится!
О небо, пусть идет веселая стезей!
Да скорбью никогда сей взор не помрачится!

[3]

* * *

Собой счастливить всех — прелестный жребий твой!
Счастливых близ тебя внимай благословенье!
Невинный, милый друг, храни души покой!
Да сохранит тебя святое Провиденье!

ТОСКА ПО МИЛОМ

Песня

Дубрава шумит;
Сбираются тучи;
На берег зыбучий
Склонившись, сидит

В слезах, пригорюнясь, девица-краса;
И полночь и буря мрачат небеса;
И черные волны, вздымаясь, бушуют;
И тяжкие вздохи грудь белу волнуют.

10 „Душа отцвела;
Природа уныла;
Любовь изменила,
Любовь унесла
Надежду, надежду — мой сладкий удел.
Куда ты, мой ангел, куда улетел?
Ах, полно! я счастьем мирским насладилась:
Жила, и любила... и друга лишилась.

20 „Теките струей
Вы, слезы горючие;
Дубравы дремучи,
Тоскуйте со мной.
Уж боле не встретить мне радостных дней;
Простилась, простилась я с жизнью моей:
Мой друг не воскреснет; что было, не будет...
И бывшего сердце вовек не забудет.

„Ах! скоро ль пройдут
Унылые годы?
С весною — природы
Красы расцветут...
Но сладкое счастье не дважды цветет.
30 Пускай же драгое в слезах оживет;
Любовь, ты погибла; ты, радость, умчалась;
Одна о минувшем тоска мне осталась“.

**НА ПРОСЛАВИТЕЛЯ РУССКИХ ГЕРОЕВ,
в сочинениях которого нет ни начала, ни конца, ни связи**

Мирон схватил перо, надулся, пишет, пишет,
И под собой земли не слышит!
„Пожарский! Филарет! Отечества отец!“
Поставил точку — и конец!

К НИНЕ

Романс

О Пина, о мой друг! ужель без сожаленья
 Покинешь для меня и свет и пышный град?
 И в бедном шалаше, обители смиренья,
 На сельский променяв блестящий свой наряд,
 Не украшенная ни златом, ни парчою,
 Сияя для пустынь невидимой красою,
 Не вспомнишь прежних лет, как в городе цвела
 И *несравненною* в кругу Прелест слыла?!

Ужель, направляя путь в далекую долину,
¹⁰ Назад не обратишь очей своих с тоской?
 Готова ль пронести убожества судьбину,
 Зимы жестокий хлад, палящий лета зной?
 О ты, рожденная быть прелестью природы!
 Ужель, затворница, в весенни жизни годы
 Не вспомнишь сладких дней, как в городе цвела
 И *несравненною* в кругу Прелест слыла?

Ах! будешь ли в бедах мне верная подруга?
 Опасности со мной дерзнешь ли разделить?
 И, в горький жизни час, прискорбного супруга
²⁰ Усмешкою любви придешь ли оживить?
 Ужель, во глубине души тая страданья,
 О Пина! в страшную минуту испытанья
 Не вспомнишь прежних лет, как в городе цвела
 И *несравненною* в кругу Прелест слыла?

В последнее любви и радостей мгновенье,
 Когда мой Нину взор уже не различит,
 Утешит ли меня твое благословенье
 И смертную мою постелю усладит?
 Придешь ли украшать мой тихий гроб цветами?
³⁰ Ужель, простертая на прах мой со слезами,

Не вспомнишь прежних лет, как в городе цвела
И *несравненною* в кругу Прелест слыла?

МАЛЬВИНА

Песня

С тех пор, как ты пленен другою,
Мальвина вянет в цвете лет;
Мне свет прелестен был тобою;
Теперь — прости, прелестный свет!
Ах! не отринь любви моления;
Приди... не сердце мне отдать,
Но взор потухший мой принять
В минуту смертного томленья.

Спеши, спеши! близка кончина;
¹⁰ Смотри, как в час последний свой
Твоя терзается Мальвина
Стыдом, любовью и тоской;
Не смерти страшной содроганье,
Не тусклый, безответный взгляд,
Тебе, о милый, возвестят,
Что жизни кончилось страданье.

Ах, нет!.. когда ж Мальвины муку
Не услаждает твой приход;
Когда хладеющую руку
²⁰ Она тебе не подает;
Когда забыт мой друг единый,
Мой взор престал его искать,
Душа престала обожать:
Тогда — тогда уж нет Мальвины!

МОНАХ

Там, где бьет источник чистой
В берег светлую волной,—
Там, под рощею тенистой,
С томной, томною душой,
Я грустил уединенный!
Там прекрасную узрел! —
Призрак милый, но мгновенный,
Чуть блеснул и улетел!
Вслед за ним душа умчалась!
¹⁰ С той поры прости, покой!
Жизнь изгнанием казалась,—
Келья бездной гробовой!
О страданье! О мученье!
Сладкий сон, возобновись!
Где ты, райское виденье?..
Ангел Божий, воротись!..
Мир лесов, дубравны сени,
Вечный мрак ужасных стен,
Старцы — горестные тени,
²⁰ Крест, обеты, сердца плен,—
Вы ли страсти усмирение?..
Здесь, в могиле дней моих,
В божества изображение,
На обломках гробовых,
Пред святыней преклоненный,
В самый жертвы страшный час,—
Вижу образ незабвенный,
Слышу милый, милый глас!..
.....

СТИХИ,

сочиненные для альбома М. В. П.

Давно унизился поэзии кредит!
И свет, бессмысленный правдивых Муз ругатель,
Нескладной прозою давно нам говорит:

„Поэт — и хитрый лжец, и ложный предсказатель!“
Филлида, свет — Софист, слова его — обман!
Дерзаю оправдать поэта важный сан!

Когда нельстивыми, свободными стихами,
Скажу, что милой быть имеешь редкий дар;
Что Граций нежными украшена цветами;
10 Что блеск твоих очей есть чувства тайный жар;
Что взгляд твой — милая души изображение;
Что ты не хитростью пленяешь — простотой;
Что непритворное *немногих* удивленье
Приятней для тебя блистанья пред *толпой*;
Что искренней любви ты знаешь постоянство;
Что прелести твои, опасные сердцам,
Лишь непорочности наружное убранство;
Что хитрою рукой ты жизнь даешь струнам;
Что в танцах ты — зефир, весельем окрыленный;
20 Что в пеньи побежден тобой весны певец —
Тогда, гармонией стихов моих плененный,
Свет скажет: *он поэт!* И так — поэт не лжец!

Когда же, предузнав сокрытое судьбою
И сняв с ее лица трагический покров,
Я прорицателем предстану пред тобою,
И смело предскажу, по праву всех певцов:
„Достойной счастья быть — твое определение,
И розы для тебя без терна расцветут!
Филлида, не страшись Сатурнова стремленья:
30 Приятностей души лета не унесут!
Краса своей семьи, любимая друзьями,
В них счастье ты найдешь, их счастьем наградишь!
Ты сострадания всеильными слезами
С противною судьбой страдальца примиришь!
Бескровный от тебя в тоске не удалится;
И там, где нищета в терзаньях жизнь клянет,
Приход твой с именем Творца благословится!
Как сладкий, легкий сон твой мирный век пройдет!
И в час последнего с друзьями расставанья,
40 Когда душа полна лишь скорбию одной,
Лишь упованием на близкое свиданье,

Ты ясный кинешь взор на путь минувший свой
И жизнь благословишь как милость Провиденья,
Где все вело к добру — и радость, и тоска;
Где все Творцом любви дано для наслажденья...
И взор тебе смежит возлюбленных рука,
И меланхолией задумчивой хранимый
(Как розы аромат, когда уж розы нет,
Как нежный блеск зари, на тихом небе зримый) —
50 Для них не ответит твой милый, милый след!..“
Тогда лишь истины пристрастный прорицатель
Дерзнет сказать: *поэт, ты ложный предсказатель!*

ГИМН

О Боге нам гласит времен круговращенье,
О благодати Его — исполненный Им год.
Творец! весна — Твоей любви изображенье:
Воскреснули поля; цветет лазурный свод;
Веселые холмы одеты красотою,
И сердце растворил желаний тихий жар.
Ты в лете, окружен и зноем и грозою.
То мирный, благодетельный, несешь нам зрелость в дар,
То нам благодетельный, сокрытый туч громадой.
10 И в полдень пламенный, и ночи в тихий час,
С дыханием дубрав, источников с прохладой,
Не Твой ли к нам летит любви полный глас?
Ты в осень общий пир готовишь для творенья;
И в зиму, гневный Бог, на бурных облаках,
Во ужас облечен, с грозой опустошенья,
Паришь, погубительный... как дольний гонишь прах,
И вьюгу, и метель, и вихорь пред Собою;
В развалинах земля; природы страшен вид;
И мир, оцепенев пред Сильного рукою,
20 Хвалебным трепетом Творца благовестит.
О таинственный круг! каких законов сила
Слияла здесь красу с чудесной простотой,
С великолепием приятность согласила,
Со тьмою — дивный свет, с движением — покой,

- С неизменяемым единством — измененье?
Почто ж ты, человек, слепец среди чудес?
Признай окрест себя Руки напечатленье,
От века правящей течением небес
И строем мирных сфер из тьмы недостижимой.
- 3⁰ Она — весной красу низводит на поля;
Ей жертва дым горы, перунами дробимой;
Пред нею в трепете веселия земля.
Воздвигнись, спящий мир! внуши мой глас, созданье!
Да грянет ваша песнь Чудесного делам!
Слиянные в хвалу, слиянны в обожанье,
Да гимн ваш потрясет Небес огромный храм...
Журчи к Нему любовь под тихой сенью леса,
Порхая по листьям, душистый ветерок;
Вы, ели, наклонясь с седой главы утеса
- 4⁰ На светлый, о скалу биющийся поток,
Его приветствуйте таинственною мглою;
О Нем благовести, крылатых бурей свист,
Когда трепещет брег, терзаемый волною,
И сорванный с лесов крутится клубом лист;
Ручей, невидимо журчащий под дубравой,
С лесистой крутизны ревуший водопад,
Река, блестящая средь дебрей величаво,
Кристаллом отразив на бреге пышный град,
И ты, обитель чуд, бездонная пучина.
- 5⁰ Гремите — песнь Тому, чей бурь звучнейший глас
Велит — и зыбь горой; велит — и зыбь равнина.

- Вы, злаки, вы, цветы, лети к Нему от вас
Хвалебное с полей, с лугов благоуханье:
Он дал вам аромат, Он вас кропит росой,
Из радужных лучей соткал вам одеянье;
Пред Ним утихни, дол; поникни, бор, главой;
И, жатва, трепещи на ниве оживленной,
Пленяя шорохом мечтателя своим,
Когда он при луне, вдоль рощи осребренной,
- 6⁰ Идет задумчивый, и тень вослед за ним;
Луна, по облакам разлей струи златя,
Когда и дебрь, и холм, и лес в тумане спят;
Созвездий лик, сияй средь тверди голубья,

Когда струнами лир превыспренных звучат
Воспламененные любовью Серафимы;
И ты, светило дня, смиритель бурных туч,
Будь щедростию лик Творца боготворимый,
Ему живописуй хвалу твой каждый луч...
Се гром!.. Владыки глас!.. Безмолвствуй, мир смятенный,
70 Внуши... из края в край по тучам гул гремит;
Разрушена скала; дымится дуб сраженный;
И гимн торжественный чрез дебри вдаль парит...
Утих... красуйся, луг... приветственное пенье,
Изникни из лесов; и ты, любовь весны —
Лишь полночь принесет пернатым усыпление,
И тихий от холма восстанет рог луны —
Воркуй под сению дубравной, Филомела.
А ты, глава земли, творения краса,
Наследник ангелов бессмертного удела,
80 Сочти бесчисленны созданья чудеса,
И в горнее пари, хвалою воспламененный.
Сердца, сляинны в песнь, летите к небесам;
Да грады восшумят, мольбами оглашенны;
Да в храмах с алтарей восстанет фимиам;
Да грянут с звоном арф и с ликами органы;
Да в селах, по горам, и в сумраке лесов,
И пастыря свирель, и юных дев тимпаны,
И звучные рога, и шумный глас певцов
Один составят гимн и гул отгрянет: слава!
Будь, каждый звук, хвала; будь, каждый холм, алтарь;
90 Будь храмом, каждая тенистая дубрава,
Где, мнится, в тайной мгле сокрыт природы Царь
И веют в ветерках душистых Серафимы,
И где, возведши взор на светлый неба свод,
Сквозь зыблемую сеть ветвей древесных зримый,
Певец в задумчивом восторге слезы льет.

А я, животворим созданья красотою,
Забуду ли когда хвалебный глас мольбы?
О Неиспытанный! мой пламень пред Тобою!
100 Куда б ни привела рука Твоей судьбы,
Найду ли тишину под отческою сенью,
Беспечный друг полей, возлюбленных в кругу —

Тебя и в знойный день, покрытый роши тенью,
И в ночь, задумчивый, потока на берегу,
И в обиталищах страдания забвенных,
Где бедность и недуг, где рок напечатлел
Отчаянья клеймо на лицах искаженных,
Куда б, влеком Тобой, с отрадой я летел,
И в час торжественный полночного виденья,
¹¹⁰ Как струны, пробудясь, ответствуют перстам
И дух воспламенен восторгом песнопенья,—
Тебя велю искать и сердцу и очам.
Постигнешь ли меня гонения рукою —
Тебя ж благословит тоски молящий глас;
Тебя же обрету под грозной жизни мглою.
Ах! скоро ль прилетит последний, скорбный час,
Конца и тишины желанный возвеститель?
Промчись, печальная неведения тень!
Откройся, тайный брег, утраченных обитель!
¹²⁰ Откройся, мирная, отеческая сень!

〈ИЗ ПИСЬМА К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ〉

Любезнейшего из всех именинников благодарю искренно за его приглашение и за то, что он меня вспомнил, еще раз повторяю ему, что желаю от всего сердца иметь его дружбу; кстати ли это сказано или некстати, не знаю, по крайней мере, для меня всегда кстати.

Но быть к тебе на именины,
О друг бессмертной Мнемозины,
Сказать по правде, не могу!
Прими стихами поздравленье!
Желаю — и поверь, не лгу,—
Чтоб ты, ударясь в одопенье,
Гремел и смертных оглушал!
Чтоб мир, тобою удивленный,
Тебе венок в награду дал
¹⁰ Не из репейника сплетенный,
Но из душистых пышных роз

И свежих лавров Геликона!
Не бойся кроновых угроз!
К тебе не жопа Аполлона,
Но лик бессмертный обращен!
Ликуй во славе на Парнасе
И, восседая на Пегасе,
Не бойся, чтобы он лягнул!
Прошу тебе стихов от неба,
20 Молю превыспренного Феба,
Чтоб дух твой пылкий не заснул!
А я к тебе, мой друг, приеду
Не к именинному обеду;
Когда у вас гостей содом,
Когда ваш пышный, светлый дом
Украшен яркими огнями,
Когда шумящими толпами
При звуке бубнов и гитар
Кружится десять, двадцать пар,
30 Земли не слыша под ногами!
Хочу быть у тебя — с тобой;
Хочу, в покое наслажденья,
В твоём селе, без развлечения,
С твоей беседовать душой.
Не с шумным, мне безвестным светом,
Который лишь с дали видал,
Который никогда предметом
Моих желаний не бывал!
В спокойный час уединенья,
40 Когда не будешь окружен
Толпой, живущей для мгновенья,
Когда с тобою Аполлон
Под тень дубравы уклонится
И лирою тебя пленит,
Тогда твой друг к тебе явится,
Тобою сердце оживит!
Тогда еще тебе он скажет,
Что он в душе тебя хранит,
И если жребий повелит,
50 Он то на опыте докажет!

ПЕСНЯ

„Роза, весенний цвет,
Скройся под тень
Роши развесистой!
Бойся лучей
Солнца палящего,
Нежный цветок!“
Так мотылек золотой
Розе шептал.

Розе невнятен был
10 С скромный совет!
Роза пленяется
Блеском одним!
„Солнце блестящее
Любит меня;
Мне ли, красавице,
Тени искать?“

Гордость безумная!
Бедный цветок!
Солнце рассыпало
20 Гибельный луч:
Роза поникнула
Пышной главой,
Листья поблекнули,
Запах исчез.

Девушка красная,
Нежный цветок!
Розы надменные
Помни пример.
Маткиной-душкою
30 С скромно цвети,
С мирной невинностью
Цветом души.

Данный судьбиною
С скромный удел,

Девушка красная,
Счастье твое!
В роше скрываясь,
Ясный ручей,
Бури не ведая,
40 Мирно журчит!

СТИХИ, ВЫРЕЗАННЫЕ НА ГРОБЕ А. Ф. С(ОКОВНИНО)Й

О! вы, которые в молитвах и слезах
Теснились вокруг моей страдальческой постели,
Которые меня в борьбе с недугом зрели,
О дети, о друзья! на мой спокойный прах
Придите усладить разлуку утешеньем!
В сем гробе тишина; мой спящий взор закрыт;
Мой лик не омрачен ни скорбью, ни мученьем,
И жизни тяжкий крест меня не бременит.
Спокойтесь, зря мою последнюю обитель;
10 Да, мой достигнет к вам из гроба тихий глас,
Да будет он моим любезным утешитель!
Открыто мне теперь все, тайное для вас!
Стремитесь мне вослед с сердечным упованьем,
Хранимы Промысла невидимой рукой:
Он с жизнью нас мирит бессмертья воздаяньем!
За гробом, милые, вы свидитесь со мной!

РАССТРОЙКА СЕМЕЙСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ

Жил муж в согласии с женой,
И в доме их ничто покоя не смущало!
Ребенок, моська, кот, сурок и чиж ручной
В таком ладу, какого не бывало
И в самом Ноевом ковчеге никогда!
Но вот беда!
Случился праздник! муж хлебнул — и в спор с женою!

Что ж вышло? За язык вступилася рука!
Супруг супруге дал щелчка!
¹⁰ Жена сечь сына, сын бить моську, моська с бою
Душить и мять кота, кот лапою сурка,
Сурок перекусил чижу с досады шею.

Нередко целый край один глупец смущал!
И в наказание могущему злодею
Нередко без вины бессильный погибал.

ПЕСНЯ

Мой друг, хранитель-ангел мой,
О ты, с которой нет сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но где для страсти выраженья?
Во всех природы красотах
Твой образ милый я встречаю;
Прелестных вижу — в их чертах
Одну тебя воображаю.

Беру перо — им начертать
¹⁰ Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лире восхищенной:
С тобой, один, вблизи, вдали,
Тебя любить — одна мне радость;
Ты мне все блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

В пустыне, в шуме городском
Одной тебе внимать мечтаю;
Твой образ, забываясь сном,
²⁰ С последней мыслию сливаю;
Приятный звук твоих речей
Со мной во сне не растается;
Проснись — и ты в душе моей
Скорей, чем день очам коснется.

Ах! мне ль разлуку знать с тобой?
Ты всюду спутник мой незримый;
Молчишь — мне взор понятен твой,
Для всех других неизъяснимый;
Я в сердце твой приемлю глас;
30 Я пью любовь в твоём дыханье...
Восторги, кто постигнет вас,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
В тебе природе удивляюсь.
И с чем мне жребий мой сравнить?
Чего желать в толь сладкой доле?
Любовь мне жизнь — ах! я любить
40 Ещё стократ желал бы боле.

К НИНЕ

Послание

О Нина, о Нина, сей пламень любви
Ужели с последним дыханьем угаснет?
Душа, отлетая в незнаемый край,
Ужели во прахе то чувство покинет,
Которым равнялась богам на земле?
Ужели в минуту боренья с кончиной —
Когда уж не буду горящей рукой
В слезах упоенья к трепещущей груди,
Восторженный, руку твою прижимать,
10 Когда прекратятся и сердца волненье,
И пламень ланитный — примета любви,
И тайныя страсти во взорах сиянье,
И тихие вздохи, и сладкая скорбь,
И груди безвестным желаньем стесненье,—
Ужели, о Нина, всем чувствам конец?
Ужели ни тени земного блаженства

С собою в обитель небес не возьмем?
Ах! с чем же предстанем ко трону Любви?
И то, что питало в нас пламень души,
20 Что было в сем мире предчувствием неба,
Ужели то бездна могилы пожрет?
Ах! самое небо мне будет изгнанием,
Когда для бессмертья утрачу любовь;
И в области райской я буду печально
О прежнем, погибшем блаженстве мечтать;
Я с завистью буду — как бедный затворник
Во мраке темницы о нежной семье,
О прежних весельях родительской сени,
Прискорбный, тоскует, на цепи склоняясь,—
30 Смотреть, унывая, на милую землю.
Что в вечности будет заменой любви?
О! первая встречи небесная сладость —
Как тайные сердца созданья, мечты,
В единый слившись пленительный образ,
Являются смутной весельем душе —
Уныния прелесть, волнение надежды,
И радость и трепет при встрече очей,
Ласкающий голос — души восхищенье,
Могущество тихих, таинственных слов,
40 Присутствия сладость, томленье разлуки,
Ужель невозвратно вас с жизнью терять?
Ужели, приближась к безмолвному гробу,
Где хладный, навеки бесчувственный прах
Горевшего прежде любовью сердца,
Мы будем напрасно и скорбью очей
И прежде всеильным любви призываньем
В бесчувственном прахе любовь оживлять?
Ужель из-за гроба ответа не будет?
Ужель переживший один сохранит
50 То чувство, которым так сладко делился;
А прежний спутник, кем в мире он жил,
С которым сливался тоской и блаженством,
Исчезнет за гробом, как утренний пар
С лучом, озлатившим его, исчезает,
Развеянный легким зефира крылом?..
О Нина, я внемлю таинственный голос:

- Нет смерти, вещает, для нежной любви;
Возлюбленный образ, с душой неразлучный,
И в вечность за нею из мира летит —
- 60 Ей спутник до сладкой минуты свиданья.
О Нина, быть может, торжественный час,
Посланник разлуки, уже надо мною;
Ах! скоро, быть может, погаснет мой взор,
К тебе устремляясь с последним блистаньем;
С последнею лаской утихнет мой глас,
И сердце забудет свой сладостный трепет —
Не сетуй и верой себя услаждай,
Что чувства нетленны, что дух мой с тобою;
О сладость! о смертный, блаженнейший час!
- 70 С тобою, о Нина, теснейшим союзом
Он страстную душу мою сопряжет.
Спокойся, друг милый, и в самой разлуке
Я буду хранитель невидимый твой,
Невидимый взору, но видимый сердцу;
В часы испытанья и мрачной тоски
Я в образе тихой, небесной надежды,
Беседуя скрытно с твоею душой,
В прискорбную буду вливать утешенье;
Под сумраком ночи, когда понесешь
- 80 Отраду в обитель недуга и скорби,
Я буду твой спутник, я буду с тобой
Делиться священным добра наслажденьем;
И в тихий, священный моления час,
Когда на коленях, с блистающим взором,
Ты будешь свой пламень к Творцу воссылать,
Быть может тоскуя о друге погибшем,
Я буду молитвы невинной души
Носить в умиленье к небесному трону.
О друг незабвенный, тебя окружив
- 90 Невидимой тенью, всем тайным движениям
Души твоей буду в веселье внимать;
Когда ты — пленившись потока журчаньем,
Иль блеском последним угасшего дня
(Как холмы объемлет задумчивый сумрак
И, с бледным вечерним мерцаньем, в душе
О радостях прежних мечта воскресает),

Иль сладостным пеньем вдали соловья,
Иль веющим с луга душистым зефиром,
Несущим свирели далекия звук,
¹⁰⁰ Иль стройным бряцаньем полуночной арфы —
Нежнейшую томность в душе ощутишь,
Исполнишься тихим, унылым мечтаньем
И, в мир сокровенный душою стремясь,
Присутствие Бога, бессмертья награду,
И с милым свиданье в неизвестной стране
Яснее постигнешь, с живейшею верой,
С живейшей надеждой от сердца вздохнешь...
Знай, Нина, что друга ты голос внимаешь,
Что он и в веселье и в тихой тоске
¹¹⁰ С твоею душою сливается тайно.
Мой друг, не страшися минуты конца:
Посланником мира, с лучом утешенья
Ко смертной постели приникнув твоей,
Я буду игрою небесных арфы
Последнюю муку твою усладить;
Не вопли услышишь грозящие смерти,
Не ужас могилы узришь пред собой:
Но глас восхищенный, поющий свободу,
Но светлый, ведущий к веселию путь
¹²⁰ И прежнего друга, в восторге свиданья
Манящего ясной улыбкой тебя.
О Нина, о Нина, бессмертье наш жребий.

〈НА СМЕРТЬ Е. М. СОКОВНИНОЙ〉

Единый, быстрый миг вся жизнь ее была!
 Одно минутное, но милое явленье,
 Непостижимое в своем определенье,
 Судьба на то ее в сей мир произвела,
 Чтоб, счастья не узнав, увянуть в раннем цвете.
 Все то, что мило нам на свете,
 И сердце нежное, и ясный, твердый ум,
 И нежность ко друзьям, и к скорбным состраданье,
 И в жизни той блаженства ожиданье,
¹⁰ Все грозная с тобой в сем гробе погребла,
 Лишь душу небесам обратно отдала.

НА СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА КАМЕНСКОГО

Еще великий прах... Неизбежимый рок!
 Твоя, твоя рука себя нам здесь явила;
 О сколь разительный смирения урок
 Сия Каменского могила!

Не ты ль, грядущее пред ним окинув мглой,
 Открыл его очам стезю побед и чести?
 Не ты ль его хранил невидимой рукой,
 Разящего перуном мести?

Пред ним, за ним, окрест зияла смерть и брань;
¹⁰ Сомкнутые мечи на грудь его стремились —
 Вотще! твоя над ним горе носилась длань...
 Мечи хранимого страшились.

И мнили мы, что он последний встретит час,
 Простертый на щите, в виду победных строев,

И, угасающий, с улыбкой вонмет глас
О нем рыдающих героев.

Слепцы!.. сей славы блеск лишь бездну украшал;
Сей битвы страшный вид и ратей низложенье,
Лишь гибели мечту очам его являл
20 И славной смерти привиденье...

Куда ж твой тайный путь Каменского привел?
Куда, могучих вождь, тобой руководимый,
Он быстро посреди победных кликов шел?
Увы!.. предел неотразимый!

В сей таинственный лес, где страж твой обитал,
Где рыскал в тишине убийца сокровенный.
Где, избранный тобой, добычи грозно ждал
Топор разбойника презренный...

К ЭРМИНИИ

Трех граций древность признавала!
Тебя ж, Эрминия, природа создала
На то, чтоб граций ты собою затмевала,—
Для граций — грацией была!

К А*** ПРИ ПОДАРКЕ АПОЛЛОНА

Дарю небесного патрона моего
Патрону моему земному!
Да будет он покров хозяину и дому!
Да лирой звучною его
Сосед мой восхищенный
Сперва его сестер, небесных, чистых Муз,
Полюбит и введет в свой дом уединенный;

Потом с харитами заключит свой союз;
Потом, привыкнувши красавиц не чуждаться,
¹⁰ На мать всех радостей, Киприду, бросит взор;
Потом?.. Потом с женой всех радостей собор
К себе переселит — как знать, что может случиться!

В АЛЬБОМ

Когда неопытной рукою
Играть на лире я дерзал,
Ужель бессмертием себя я обольщал?
Ах! нет — я лишь друзей хотел пленять игрою!
Но жребий мне судил быть счастливым певцом!
Не будет и моя теперь презренна лира!
Незнаемым досель стихам моим, Темира,
Даст жизнь и славу твой альбом!

* * *

Прельщать поэзией я дара не имею;
Других бы мог хвалить, тебя хвалить — не смею!

* * *

Ты прав, мой друг, ты прав — хвалить ее не смей!
Кто прелестей ее прямую цену знает,
Тот может ли найти язык приличный ей?
Он все — стихи, свой дар, себя позабывает!

ПЛАЧ ЛЮДМИЛЫ

Ангел был он красотою!
Маем кроткий взор блистал!
Все великою душою
Несравненный превышал!

Поцелуи — сладость рая,
Слитых пламеней струя,
Горних арф игра святая!
Небеса вкушала я!

Взором взор, душа душою
¹⁰ Распалялись — все цвело!
Мир сиял для нас весною,
Все нам радость в дар несло!

Непостижное слиянье
Восхищенья и тоски,
Нежных ласк очарованье,
Огонь сжимающей руки!

Сердца сладостные муки —
Все прости... его уж нет!
Ах! прерви ж печаль разлуки,
²⁰ Смерть, души последний свет!

ПЕСНЯ

Счастлив тот, кому забавы,
Игры, майские цветы,
Соловей в тени дубравы
И весенних лет мечты
В наслажденье, — как и прежде;
Кто на радость лишь глядит,
Кто, вверяясь надежде,
Птичкой вслед за ней летит.

Так виляет по цветочкам
10 Златокрылый мотылек;
Лишь к цветку — прильнул к листочкам,
Полетел — забыл цветок;
Сорвана его лилея —
Он летит на анемон;
Что его — то и милее,
Грусть забвеньем лечит он.

Беден тот, кому забавы,
Игры, майские цветы,
Соловей в тени дубравы
20 И весенних лет мечты
Не в веселье — так, как прежде;
Кто улыбку позабыл;
Кто, сказав: прости! надежде,
Взор ко гробу устремил.

Для души моей плененной
Здесь один и был цветок,
Ароматной, несравненной;
Я сорвать!.. но что же Рок?
„Не тебе им насладиться;
30 Не твоим ему довести!“
Ах, жестокий! чем же льститься?
Где подобный в мире есть?

К ФИЛАЛЕТУ

Где ты, далекий друг? Когда прервем разлуку?
Когда прострешь ко мне ласкающую руку?
Когда мне встретить твой душе понятный взгляд
И сердцем отвечать на дружбы глас священной?..
Где вы, дни радостей? Придешь ли ты назад,
О время прежнее, о время незабвенно?
Или веселие навеки отцвело
И счастье мое с протекшим протекло?..

- Как часто о часах минувших я мечтаю!
10 Но чаще с сладостью конец воображаю,
Конец всему — души покой,
Конец желаньям, конец воспоминаньям,
Конец борению и с жизнью и с собой...
Ах! время, Филалет, свершиться ожиданьям.
Не знаю... но, мой друг, кончины сладкий час
Моей любимую мечтою становится;
Унылость тихая в душе моей хранится;
Во всем внимаю я знакомый смерти глас.
Зовет меня... зовет... куда зовет?.. не знаю;
- 20 Но я зовущему с волнением внимаю;
Я сердцем сопряжен с сей тайною страной,
Куда нас всех влечет судьба неодолима;
Томящейся душе невидимая зрима —
Повсюду вестники могилы предо мной.
Смотрю ли, как заря с закатом угасает —
Так, мнится, юноша цветущий исчезает;
Внимаю ли рогам пастушьим за горой,
Иль ветра горного в дубраве трепетанью,
Иль тихому ручья в кустарнике журчанью,
- 30 Смотрю ль в туману даль вечернею порой,
К клавиру ль преклонясь, гармонии внимаю —
Во всем печальных дней конец воображаю.
Иль предвещание в унынии моем?
Или судил мне рок в весенни жизни годы,
Сокрывшись в мраке гробовом,
Покинуть и поля, и отческие воды,
И мир, где жизнь моя бесплодно расцвела?..
Скажу ль?.. Мне ужасов могила не являет;
И сердце с горестным желаньем ожидает,
- 40 Чтоб промысла рука обратно то взяла,
Чем я безрадостно в сем мире бременился,
Ту жизнь, в которой я столь мало насладился,
Которую давно надежда не златит.
К младенчеству ль душа прискорбная летит,
Считаю ль радости минувшего — как мало!
Нет! счастье к бытию меня не приучало;
Мой юношеский цвет без запаха отцвел.
Едва в душе своей для дружбы я созрел —

- И что же!.. предо мной увядшего могила;
50 Душа, не воспылав, свой пламень угасила.
Любовь... но я в любви нашел одну мечту,
Безумца тяжкий сон, тоску без разделенья
И невозвратное надежд уничтоженье.
Иссякшия души наполню ль пустоту?
Какое счастье мне в будущем известно?
Грядущее для нас протекшим лишь прелестно.
Мой друг, о нежный друг, когда нам не дано
В сем мире жить для тех, кем жизнь для нас священна,
Кем добродетель нам и слава драгоценна,
60 Почто ж, увы! почто судьбой запрещено
За счастье их отдать нам жизнь сию бесплодную?
Почто (дерзну ль спросить?) отъял у нас Творец
Им жертвовать собой свободу превосходную?
С каким бы торжеством я встретил мой конец,
Когда б всех благ земных, всей жизни приношеньем
Я мог — о сладкий сон! — той счастье искупить,
С кем жребий не судил мне жизнь мою делить!..
Когда б стократными и скорбью и мученьем
За каждый миг ее блаженства я платил:
70 Тогда б, мой друг, я рай в сем мире находил
И дня, как дара, ждал, к страданью пробуждаясь;
Тогда, надеждою отрадною питаюсь,
Что каждый жизни миг погибшия моею
Есть жертва тайная для блага милых дней,
Я б смерти звать не смел, страшился бы могилы.
О незабвенная, друг милый, вечно милый!
Почто, повергнувшись в слезах к твоим ногам,
Почто, лобзая их горящими устами,
От сердца не могу воскликнуть к небесам:
80 „Все в жертву за нее! вся жизнь моя пред вами!“
Почто и небеса не могут внять мольбам?
О безрассудного напрасное моленье!
Где тот, кому дано святое наслажденье
За милых слезы лить, страдать и погибать?
Ах! если б мы могли в сей области изгнанья
Столь восхитительно презренну жизнь кончать —
Кто б небо оскорбил безумием роптанья!

СЧАСТИЕ

Блажен, кто, богами еще до рожденья любимый,
На сладостном лоне Киприды взлелеян младенцем;
Кто очи от Феба, от Гермеса дар убеждения принял,
А силы печать на чело от руки громовержца.
Великий, божественный жребий счастливца постигнул;
Еще до начала сраженья победой увенчан;
Любимец Хариты, пленяет, труда не приемля.
Великим да будет, кто, собственной силы создание,
Душою превыше и тайныя Парки и Рока;
¹⁰ Но счастье и Граций улыбка не силе подвластны.
Высокое прямо с Олимпа на избранных небом нисходит;
Как сердце любовницы, полное тайныя страсти,
Так все громовержца дары неподкупны; единый
Закон предпочтенья в жилищах Эрота и Зевса;
И боги в послании благ повинуются сердцу:
Им милы бесстрашного юноши гордая поступь,
И взор непреклонный, владычества смелого полный,
И волны власов, отенивших чело и ланиты.
Веселому чувствовать радость; слепым, а не зрящим
²⁰ Бессмертные в славе чудесной себя открывают:
Им мил простоты непорочныя девственный образ;
И в скромном сосуде небесное любит скрываться;
Презреньем надежду кичливой гордыни смиряют;
Свободные, силе и гласу мольбы неподвластны.
Лишь к избранным с неба орлу-громоносцу Кронион
Велит ниспускаться — да мчит их в обитель Олимпа;
Свободно в толпе земнородных заметив любимцев,
Лишь им на главу налагает рукою пристрастной
То лавр песнопевца, то власти державной повязку;
³⁰ Лишь им предметит стрелоносный сразитель Пифона,
Лишь им и Эрот златокрылый, сердец повелитель;
Их судно трезубец Нептуна, равняющий бездны,
Ведет с неприступной фортуною Кесаря к берегу;
Пред ними смиряется лев, и дельфин из пучины
Хребтом благотворным их, бурей гонимых, изъемлет.
Над всем красота повелитель рожденный; подобие Бога,
Единым спокойным явленьем она побеждает.
Не сетуй, что боги счастливца некупленным лавром венчают,

- Что он, от меча и стрелы покровенный Кипридой,
40 Исходит безвредно из битвы, летя насладиться любовью;
И менее ль славы Ахиллу, что он огражден неведимым
Щитом, искованьем Гефестова дивного млата,
Что смертный единый все древнее небо в смятенье приводит?
Тем выше великий, что боги с великим в союзе,
Что, гневом его распался, любимцу во славу,
Эленов избраннейших в бездну Тенара низводят.
Пусть будет красою краса — не завидуй, что прелесть ей с неба,
Как лилиям пышность, дана без заслуги Цитерой;
Пусть будет блаженна, пленяя; пленяйся — тебе наслажденье.
50 Не сетуй, что дар песнопенья с Олимпа на избранных сходит;
Что сладкий певец вдохновеньем невидимой арфы наполнен:
Скрывающий Бога в душе претворен и для внемлющих в Бога;
Он счастлив собою — ты, им наслаждаясь, блаженствуй.
Пускай пред зеркалом Фемиды венок отдается заслуге —
Но радость лишь боги на смертное око низводят.
Где не было чуда, вотще там искать и счастливица.
Все смертное прежде родится, растет, созревает,
Из образа в образ ведомое зиждущим Кроном;
Но счастья мы и красы никогда в созреванье не видим:
60 От века оне совершенны во всем совершенстве созданья;
Не зрим ни единой земная Венеры, как прежде небесной,
В ее сокровенном исходе из тайных обителей моря;
Как древле Минерва, в бессмертный эгид и шелом ополченна,
Так каждая светлая мысль из главы громовержца родится.

К ДЕЛИЮ

Умерен, Делий, будь в печали
И в счастья не ослеплен:
На миг нам жизнь бессмертны дали;
Всем путь к Тенару проложен.
Хотя б заботы нас томили,
Хотя б токайское вино
Мы, нежася на дерне, пили —
Умрем: так Дием суждено.

Неси ж сюда, где тополь с ивой
10 Из ветвий соплетают кров,
Где вьется ручеек игривой
Среди излучистых берегов,
Вино, и масти ароматны,
И розы, дышащие миг.
О Делий, годы невозвратны:
Играй — пока нить дней твоих
У черной Парки под перстами;
Ударит час — всему конец:
Тогда прости и луг с стадами,
20 И твой из юных роз венец,
И соловья приятны трели
В лесу вечернею порой,
И звук пастушеской свирели,
И дом, и садик над рекой,
Где мы, при факеле Дианы,
Вокруг дернового стола,
Стучим стаканами в стаканы
И пьем из чистого стекла
В вине печалей всех забвенью;
30 Играй — таков есть мой совет;
Не годы жизнь, а наслажденье;
Кто счастье знал, тот жил сто лет;
Пусть быстрым, лишь бы светлым, током
Промчатся дни чрез жизни луг;
Пусть смерть зайдет к нам ненароком,
Как добрый, но *нежданный* друг.

МОЯ БОГИНЯ

Какую бессмертную
Венчать предпочтительно
Пред всеми богинями
Олимпа надзвездного?
Не спорю с питомцами
Разборчивой мудрости,
Учеными, строгими;

Но свежей гирляндой
Венчаю веселую,
10 Крылатую, милую,
Всегда разнovidную,
Всегда животворную,
Любимицу Зевсову,
Богиню Фантазию.
Ей дал он те вымыслы,
Те сны благотворные,
Которыми в области
Олимпа надзвездного
С амврозией, с нектаром
20 Подчас утешается
Он в скуке бессмертия;
Лелея с усмешкою
На персях родительских,
Ее величает он
Богинею-радостью.
То в утреннем веянье
С лилейною веткою,
Одетая ризою,
Сотканной из нежного
30 Денницы сияния,
По долу душистому,
По холмам муравчатым,
По облакам утренним
Малиновкой носится;
На ландыш, на лилию,
На цвет-незабудочку,
На травку дубравную
Спускается пчелкою;
Устами пчелиными
40 Впиваяся в листики,
Пьет росу медвяную;
То, кудри с небрежностью
По ветру развеявши,
Во взоре уныние,
Тоской отуманена,
Глава наклоненная,
Сидит на крутой скале,

И смотрит в мечтании
На море пустынное,
50 И любит прислушивать,
Как волны плескаются,
О камни дробимые;
То внемлет, задумавшись,
Как ветер полуночный
Порой подымается,
Шумит над дубравою,
Качает вершинами
Дерев сеннолиственных;
То в сумраке вечера —
60 (Когда златорогая
Луна из-за облака
Над рощею выглянет
И, сливши дрожащий луч
С вечерними тенями,
Оденет и лес и дол
Туманным сиянием)
Играет с наядами
По гладкой поверхности
Потока дубравного
70 И, струек с журчанием
Мешая гармонию
Волшебного шепота,
Наводит задумчивость,
Дремоту и легкий сон,
Иль, быстро с зефирами
По дремлющим лилиям,
Гвоздикам узорчатым,
Фиалкам и ландышам
Порхая, питается
80 Душистым дыханием
Цветов, ожемчуженных
Росинками светлыми;
Иль с сонмами гениев,
Воздушною цепию
Виясь, развиваяся,
В мерцании месяца,
Невидима-видима,

По облакам носится
И, к роше спустившись,
90 Играет листочками
Осины трепещущей.
Прославим создателя
Могущего, древнего,
Зевеса, пославшего
Нам радость — Фантазию;
В сей жизни, где радости
Прямые — луч молнии,
Он дал нам в ней счастье,
Всегда неизменное,
100 Супругу веселую,
Красой вечно юную,
И с нею нас цепию
Сопряг нераздельною.
„Да будешь,— сказал он ей,—
И в счастье и в горести
Им верная спутница,
Утеха, прибежище“.

Другие творения,
С очами незрящими,
110 В слепых наслаждениях,
С печальями смутными,
Гнетомые бременем
Нужды непреклонныя,
Начавшись, кончаются
В кругу, ограниченном
Чертой настоящего,
Минутною жизнью;
Но мы, отличенные
Зевесовой благостью!..
120 Он дал нам сопутницу
Игривую, нежную,
Летунию, искусницу
На милые вымыслы,
Причудницу резвую,
Любимую дочь свою
Богиню Фантазию!

Ласкайте прелестную;
Кажите внимание
Ко всем ее прихотям
130 Невинным, младенческим!
Пускай почитается
Над вами владычицей
И дома хозяйкою;
Чтоб вотчину старому,
Брюзгливцу суровому,
Рассудку, не вздумалось
Ее переучивать,
Пугать укоризнами
И мучить уроками.
140 Я знаю сестру ее,
Степенную, тихую...
Мой друг утешительный,
Тогда лишь простись со мной,
Когда из очей моих
Луч жизни сокроется;
Тогда лишь покинь меня,
Причина всех добрых дел,
Источник великого,
Нам твердость, и мужество,
150 И силу дающая,
Надежда отрадная!..

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Песня

Дней моих еще весною
Отчий дом покинул я;
Все забыто было мною —
И семейство и друзья.

В ризе странника убогой,
С детской в сердце простотой,
Я пошел путем-дорогой —
Вера был вожатый мой.

И в надежде, в уверенье
10 Путь казался недалек,
„Странник,— слышалось,— терпенье!
Прямо, прямо на восток.

Ты увидишь храм чудесной;
Ты в святилище войдешь;
Там в нетленности *небесной*
Все *земное* обретешь“.

Утро вечером сменялось;
Вечер утру уступал:
Неизвестное скрывалось;
20 Я искал — не обретал.

Там встречались мне пучины;
Здесь высоких гор хребты;
Я взбирался на стремнины;
Через потоки стлал мосты.

Вдруг река передо мною —
Вод склоненье на восток;
Вижу зыблемый струею
Подле берега челнок.

Я в надежде, я в смятенье;
30 Предаю себя волнам;
Счастье вижу в отдаленье;
Все, что мило,— мнится — там!

Ах! в безвестном океане
Очутился мой челнок;
Даль по-прежнему в тумане;
Брег невидим и далек.

И вовеки надо мною
Не сольется, как поднесь,
Небо светлое с землею...
40 Там не будет вечно *здесь*.

НА СМЕРТЬ СЕМНАДЦАТИЛЕТНЕЙ ЭРМИНИИ

Едва с младенчеством рассталась;
 Едва для жизни расцвела;
 Как непорочность улыбалась
 И Ангел красотой была.
 В душе ее, как утро ясной,
 Уже рождался чувства жар...
 Но жребий сей цветок прекрасной
 Могиле приготовил в дар.
 И дни Творцу она вручила;
¹⁰ И очи светлые закрыла,
 Не сетуя на смертный час.
 Так след улыбки исчезает;
 Так за долиной умолкает
 Минутный Филомелы глас.

К Б(ЛУДОВ)У

Послание

Веселого пути
 Любезному желаю
 Ко древнему Дунаю;
 Забудь покой, лети
 За русскими орлами;
 Но в поле, под шатрами,
 Друзей вспоминай
 И сердцу милый край,
 Где ждет тебя, уныла,
¹⁰ Твой друг, твоя Людмила,
 Хранитель-ангел твой...
 С крылатою мечтой
 Проникни сокровенно
 В чертог уединенной,

Где, с верною тоской,
С пылающей душой,
Она одна вздыхает
И Промысл умоляет:
Да будет твой покров
20 В обители врагов.
Смотри, как томны очи,
Как вид ее уныл;
Ей белый свет постыл;
Одна, во мраке ночи,
Сокрылась в терем свой;
Лампаду зажигает,
Письмо твое читает
И робкою рукой
Ответ ко другу пишет,
30 Где в каждом слове дышит
Души ее печаль.
Лети в безвестну даль;
Твой гений над тобою;
Среди опасна бою
Его незримый щит
Тебя приосенит —
И мимо пролетит
Стрела ужасной Гелы.
Ах! скоро ль твой веселый
40 Возврат утешит вновь
И дружбу и любовь?..
Для скорби утоленья
Податель благ, Зевес,
Двум жителям небес
Минуты разлученья
Поверил искони.
„Да будут,— рек,— они,
Один — посол разлуки,
Свидания — другой!“
50 И в час сердечной муки,
Когда, рука с рукой,
В тоске безмолвной, други,
Любовники, супруги
С последнею слезой,

В последнем лобызанье
Последнее прощанье
Друг другу отдают,
Мольбы из сердца льют
И тихими стопами,
60 С поникшими главами,
В душе скрывая стон,
Идут, осиротелы,
В свой терем опустелый;
Сын Дия Абеон,
Задумчивый, бескрылый,
С улыбкою унылой,
С отрадой скорбных слез,
Спускается с небес,
Ведомый Адеоном,
70 Который тихим звоном
Волшебных струн своих
Льет в сердце упованье
На близкое свиданье.
Я вижу обоих:
Один с своей тоскою
И тихою слезою,
С надеждою другой.
Прости, мой друг невестной!
Надолго ль? неизвестно.
80 Но верую душой
(И вера не обманет):
Желанный день настанет —
Мы свидимся с тобой.

Или... увы! незримо
Грядущее для нас!
Быть может — в оный час,
Когда ты, невредимо
Свершив опасный путь,
Свободою вздохнуть
90 Придешь в стране родимой
С Людмилою своей,—
Ты спросишь у друзей:
„Где скрылся друг любимой?“

И что ж тебе в ответ?
„Его уж в мире нет...“
Так, если в цвете лет
Меня возьмет могила,
И участь присудила,
Чтоб первый я исчез
¹⁰⁰ Из милого мне круга,—
Друзья, без скорбных слез
На прах взирайте друга.
Где светлую струей
Плескает в брег зеленый
Извивистый ручей,
Где сенистые клены
Сплетают из ветвей
Покров гостеприимный,
Лобзаясь с ветерком;
¹¹⁰ Туда — лишь над холмом
Луна сквозь облак дымный
При вечере блеснет
И липа разольет
Окрест благоуханье —
Сберитесь, о друзья,
В мое воспоминанье.
Над вами буду я,
Древес под зыбкой сенью,
Невидимую тенью
¹²⁰ Летать, рука с рукой
С утраченным Филоном.
Тогда вам тихим звоном
Покинутая мной
На юном клене лира
Пришельцев возвестит
Из таинственна мира,
И тихо пролетит
Задумчивость над вами;
Увидите сердцами
¹³⁰ В незнаемой дали
Отечество желанно,
Приют обетованный
Для странников земли.

**НАДПИСЬ
К СОЛНЕЧНЫМ ЧАСАМ В САДУ И. И. ДМИТРИЕВА**

И час, и день, и жизнь мелькают быстрой тенью!
Прошла моя весна с минутной красотой!
Прости, любовь! конец мечтам и заблуждению!
Лишь дружба мирная с улыбкой предо мной!

ПЕСНЬ АРАБА НАД МОГИЛОЮ КОНЯ

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.
 О путник, со мною страданья дели:
 Царь быстрого бега простерт на земли;
 И воздухом брани уже он не дышит;
 И грозного ржанья пустыня не слышит;
 В стремленье погибель его нагнала;
 Вонзенная в шею дрожала стрела;
 И кровь благородна струею бежала;
10 И влагу потока струя обаграла.
Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.
 Убийцу сразила моя булава:
 На прах отделенна скатилась глава;
 Железо вкусило напиток кровавый,
 И труп истлевает в пустыне без славы...
 Но спит он, со мною летавший на брань;
 Трикраты воззвал я: сопутник мой, встань!
 Воззвал... безответен... угаснула сила...
20 И бранные кости одеда могила.
Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.
 С того ненавистного, страшного дня
 И солнце не светит с небес для меня;
 Забыл о победе, и в мышцах нет силы;
 Брожу одинокий, задумчив, унылый;
 Имена доселе драгие края

Уже не отчизна — могила моя;
И мною дорога верблюда забвенна,
30 И дерево амвры, и куща священна.
Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.
В час зноя и жажды скакал он со мной
Ко древу прохлады, к струе ключевой;
И Мавра топтали могучи копыта;
И грудь от противных была мне защита;
Мой верный соратник в бою и трудах,
Он, бодрый, при первых денницы лучах,
Стрелюю, покорен велению длани,
40 Летал на свиданья любви и брани.
О друг! кого и ветер в полях не обгонял,
Ты спишь — на зыбкий одр песков пустынных пал.
Ты видел и Зару — блаженны часы! —
Сокровище сердца и чудо красы;
Уста вероломны тебя величали,
И нежные длани хребет твой ласкали;
Ах! Зара, как серна, стыдлива была;
Как юная пальма долины цвела;
Но Зара пришельца пленилась красою
50 И скрылась... ты, спутник, остался со мною.
Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.
О спутник! тоскует твой друг над тобой;
Но скоро, покрыты могилой одной,
Мы вкупе воздремлем в жилище отрады;
Над нами повеет дыханье прохлады;
И скоро, при глазе великого дня,
Из пыльного гроба исторгнув меня,
Величествен, гордый, с бессмертной красою,
60 Ты пламенной солнца помчишься стезею.

СВИСТОК

Посвящено Анне Петровне Юпковой

Какую ворганщицу
Венчать предпочтительно
Пред всеми дудлами
Муратова чудного!
Ни слова не скажем мы
О славном картузнике;
В одно он окошечко
Глядит, избоченяся;
Когда ж, в три погибели
¹⁰ С дерниной тяжелою
Нагнувшись, надуется,
Тогда уж ни Моцарту,
Ни Дицу, ни Гейдену
Толь сладкой мелодии
Слышать не случалось!
Но я увенчаю здесь
Волынщицу звучную,
Трубу мою, трубушку,
Трубыню, воркуньюшку,
²⁰ Помадницу Софьюшку.

Ах! как же ты, Софьюшка,
Сидя за печуркою,
Своей заунывною
Пленяешь гармонией!
Как, скорчась дуга дугой,
С чулком иль с подвязочкой,
Кивая шершавую
Спросонья головкою,
Протяжным шипением,
³⁰ Иль треском отрывистым,
Иль тихим урчанием,
Иль писком и ропотом
Наш слух в восхищение
Приводишь, Кубышница!
Прославим же громкую
Волыночку Софьюшки.

В минуту безмолвия
И сна полунощного
Она, как ручей журчит,
40 Как птичка дубравная,
Щебечет, ерошится,
И крехчет, и квакает,
Как будто лягушечка.

Другие волыночки
Дудят с расстановкою,
Осиплой гармонией;
А эта волыночка,
Когда принадуется,
Что твой соловей в лесу!
50 Делейте же милую
Пискуню и кряковку!
Кормите морковкою,
Горохом и редькою!
Чтоб тоны гармонии
Длились без усилия!
Смотрите, чтоб Софьюшка
Волынки не вздумала
Совсем перестраивать
По строю высокому
60 Певицы заморския,
Козловской Антиповны;
Иль чтоб ей не вздумалось
Пугать нас аккордами
И фугами звучными
Быкова Белевского.

Я знаю соперницу
Волыночки чудныя...
Тихохонько фырскает,
Пищит, как комарий нос!
70 Но эта волыночка
Еще безымянная.

* * *

По щучьему веленью,
По моему прошенью,
Порука вы моя —
И признаюся я,
Что ваш я неоплатный,
Голубушка, должник!
Сей долг вам преприятный,
К нему я так привык,
Что рад в долгу остаться
10 От всей души навек.—
Вот — скажут, может статься,
Чудесный человек.
Но чем же я чудесный!
И как мне не хотеть
Всегда, всегда иметь
Сей долг, ей-ей, прелестный!
Он не тяжел: *любить*
Что так любви достойно.
Сей долг такой спокойной,
20 Что жалко заплатить
И *вовсе* расквитаться,
И так скажу: остаться
Приятней должником!
И рад перед попом
С подъятыми перстами,
Славянскими словами
Обет сей повторить.
И вправе говорить,
Что вам ничуть не стыдно
30 Ручаться за меня.
И, право, необидно,
Что вам назначил я
Порукой быть присяжной!
Сей чин отменно важной:
И должность ваша в том,
Чтоб русским языком
Себе с своей сестрою
По присказке твердить,
Что будет всей душою

40 Вас всякий день любить
Тот дьявольский писатель,
Тот вестника издатель,
Жуковский,— словом, тот,
Который не соврет,
Когда вам просто скажет,
Что очень любит вас,
Он это вам подчас
И опытом докажет.

ПЕВЕЦ

В тени дерев, над чистыми водами
 Дерновый холм вы видите ль, друзья?
 Чуть слышно там плескает в брег струя;
 Чуть ветерок там дышит меж листьями;
 На ветвях лира и венец...
 Увы! друзья, сей холм — могила;
 Здесь прах певца земля сокрыла;
 Бедный певец!

Он сердцем прост, он нежен был душою —
¹⁰ Но в мире он минутный странник был;
 Едва расцвел — и жизнь уж разлюбил
 И ждал конца с волнением и тоскою;
 И рано встретил он конец,
 Заснул желанным сном могилы...
 Твой век был миг, но миг унылый,
 Бедный певец!

Он дружбу пел, дав другу нежну руку —
 Но верный друг во цвете лет угас;
 Он пел любовь — но был печален глас;
²⁰ Увы! он знал любви одну лишь муку;
 Теперь всему, всему конец;
 Твоя душа покой вкусила;
 Ты спишь; тиха твоя могила,
 Бедный певец!

Здесь, у ручья, вечернею порою
 Прощальну песнь он заунывно пел:
 „О красный мир, где я вотще расцвел,
 Прости навек; с обманутой душою
 Я счастья ждал — мечтам конец;
³⁰ Погибло все, умолкни, лира;
 Скорей, скорей в обитель мира,
 Бедный певец!

Что жизнь, когда в ней нет очарованья?
Блаженство знать, к нему лететь душой,
Но пропасть зреть меж ним и меж собой;
Желать всяк час и трепетать желанья...

О пристань горестных сердец,
Могила, верный путь к покою,
Когда же будет взят тобою
40 Бедный певец? "

И нет певца... его не слышно лиры...
Его следы исчезли в сих местах;
И скорбно все в долине, на холмах;
И все молчит... лишь тихие зефиры,
Колбля вянувший венец,
Порою веют над могилой,
И лира вторит им уныло:
Бедный певец!

ЖАЛОБА

Романс

Над прозрачными водами
Сидя, рвал Услад венок;
И шумящими волнами
Уносил цветы поток.
„Так бегут лета молодые
Невозвратною струей;
Так все радости земные —
Цвет увядший полевой.

Ах! безвременной тоскою
10 Умерщвлен мой милый цвет.
Все воскреснуло с весною;
Обновился Божий свет;
Я смотрю — и холм веселой
И поля омрачены;
Для души осиротелой
Нет цветущия весны.

Что в природе, озаренной
Красотою майских дней?
Есть *одна* во всей вселенной —
²⁰ К *ней* душа, и мысль об *ней*;
К *ней* стремлю, забывшись, руки —
Милый призрак прочь летит.
Кто ж мои услышит муки,
Жажду сердца утолит?“

ЦВЕТОК

Романс

Минутная краса полей,
Цветок увядший, одинокой,
Лишен ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! нам тот же дан удел,
И тот же рок нас угнетает:
С тебя листочек облетел —
От нас веселье отлетает.

Отъемлет каждый день у нас
¹⁰ Или мечту, иль наслажденье,
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри... очарованья нет;
Звезда надежды угасает...
Увы! кто скажет: жизнь иль цвет
Быстрее в мире исчезает?

ЖЕЛАНИЕ

Романс

Озарися, дол туманный;
Расступися, мрак густой;
Где найду исход желанный?
Где воскресну я душой?
Испещренные цветами,
Красны холмы вижу там...
Ах! зачем я не с крылами?
Полетел бы я к холмам.

Там поют согласны лиры;
¹⁰ Там обитель тишины;
Мчат ко мне оттоль зефиры
Благовония весны;
Там блестят плоды златые
На сенистых деревьях;
Там не слышны вихри злые
На пригорках, на лугах.

О предел очарованья!
Как прелестна там весна!
Как от юных роз дыханья
²⁰ Там душа оживлена!
Полечу туда... напрасно!
Нет путей к сим берегам;
Предо мной поток ужасной
Грозно мчится по скалам.

Лодку вижу... где ж вожатый?
Едем!.. будь, что суждено...
Паруса ее крылаты
И весло оживлено.
Верь тому, что сердце скажет;
³⁰ Нет залогов от небес;
Нам лишь чудо путь укажет
В сей волшебный край чудес.

〈В АЛЬБОМ 8-ЛЕТНЕЙ Н. Д. АПУХТИНОЙ〉

Тебе вменяют в преступленье,
Что ты милее всех детей!
Ужасный грех! И вот мое определенье:
Пройдет пять лет и десять дней,
Не будешь ты тогда милее всех детей:
Ты будешь страх сердец и взоров восхищенье!

〈А. А. ПРОТАСОВОЙ〉

Честные господа,
За что на нас гоненье?
Ведь радость не беда,
Она нам извиненье!
День первый Сентября
Стал Августа двадцатый!
Такое чудо зря,
Сержанты и солдаты,
Смягчите строгий взгляд!
¹⁰ Будь каждый с нами рад!
Кометы появленье
И милья рожденье
Мы празднуем в сей час!
Но всяк скажи из нас:
Комета, Бог с тобою!
Иди своим путем!
Будь славною звездою,
Да нас не тронь хвостом!
А ты, Александрина,
²⁰ Наш мир не покидай!
Будь счастья в нем причина!
Собою всех пленяй
И жизнью веселися,
Невинная душой!
Но только не сердися,
Что Август ясный твой,

По щучьему веленью,
По нашему прошенью,
Стал мрачным Сентярем!
30 Какая нужда в том!
Все будешь прелесть света!
А тем, кому судьбой
Дано в нем быть с тобой,
И осень лучше лета!

* * *

Стонет витязь наш косматый,
Рыщет он за перстеньком,
Двадцать раз через палаты
Прокатился кубарем.
Комплиментов не воркует,
Табаку уж не клюет,
Лишь о перстне он тоскует!
„Ах! сыщите“, — вопиет!
Из-под лавки на окошко
10 Перепархивает он,
Там пошарит, тут немножко,
Перстня ждет со всех сторон.
Ждет его, увы, но тщетно,
Знать судил ему так рок,
Завалился неизвестно
Наш куда-то перстенок.
Он к паркету прилегает,
Носик в шелку он уткнул,
Не вздыхает, не моргает,
20 Что ж он? ищет? — нет, уснул.
Вдруг воскликнул он впросонках:
Тем, кто найдет, сто рублей,
Огурцов в пяти бочонках,
Пару вороных коней,
Мех прапрадедушкин лисий,
Двух свиней, грибов мешок,
Все отдать... (готов), ах, детки,
Не найдется перстенок.

ОДА

Тебя хочу я днесь прославить
Глупцам, насмешникам назло
И выше матери поставить,
Муратово село.

Аркадин ты нам милее,
В тебе и тихо, и светло,
В тебе веселье веселее,
Муратово село.

В тебе есть мельник, дом высокий,
¹⁰ И пруд, блестящий как стекло,
И полуостров преширокий,
Муратово село.

В тебе Жуковский баснь склоняет,
Хоть неискусен он зело,
Тобой Дементьич управляет,
Муратово село.

ПЕСНЯ

О милый друг! теперь с тобою радость!
А я один — и мой печален путь;
Живи, вкушай невинной жизни сладость;
В душе не изменись; достойна счастья будь...
Но не отринь, в толпе пленяемых тобою,
Ты друга прежнего, увядшего душою;
Веселья их дели — ему отрадой будь;
Его, мой друг, не позабудь.

¹⁰ О милый друг, нам рок велел разлуку:
Дни, месяцы и годы пролетят,
Вотще к тебе простру от сердца руку —
Ни голос твой, ни взор меня не усладят.
Но и вдали моя душа с твоей согласна;
Любовь ни времени, ни месту не подвластна;
Всегда, везде ты мой хранитель-ангел будь,
Меня, мой друг, не позабудь.

О милый друг, пусть будет прах холодный
То сердце, где любовь к тебе жила:
Есть лучший мир; там мы любить свободны;
²⁰ Туда моя душа уж все перенесла;
Туда всечасное влечет меня желанье;
Там свидимся опять; там наше воздаянье;
Сей верой сладкою полна в разлуке будь —
Меня, мой друг, не позабудь.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Мой милый друг,—
Знать недосуг
Писать к друзьям?
Пристал к мужьям!
И с высока,
Как с чердака,
На бедняков —
Холостяков —
Смеясь глядишь!
¹⁰ И говоришь:
„Вы дураки!
Как челноки,
Игрою волн!..
Мой мирный челн
Нашел приют!
Старинный плут,
Эрот слепой —
Бы кормщик мой!..
Ревел борей —
²⁰ И, как злодей,
Сожрать грозил!
Но верой бы
От бурь, друзья,
Избавлен я!
Теперь мне смех:
Гляжу на всех

Из уголка!
Мне жизнь легка,—
Вам тяжкий груз;
30 Без милых уз
Что жизнь для нас!..“—
Ну, в добрый час!
Рад от души!
Да — напиши,
Что, мужем став,
Ты старый нрав
Сберег друзьям!
Ведь по годам,—
Не по часам!—
40 Друзья растут!
Пусть Леля-плут
Или Эрот
Свое возьмет!
Но часть и — нам,
Твоим друзьям!..
Апухтин прав!
Ведь бес лукав:
Он всем вертит —
И твой пиит
50 Лекенем стал!
В Орле играл
В Филине он!
И был смешон!
Под париком,
Как под шатром,
На двух ногах,
Как на клюках,
Он в первый раз
Для трехсот глаз
60 (Хоть и не рад) —
Был адвокат.
Зато уж он
Не селадон!
Роль волокит
Ему не льстит!
Апухтин врал,

Когда сказал,
Что милый взор,
Как хитрый вор,
70 Исподтишка
У чудака
Полсердца сжег!
Свидетель Бог,—
Что это ложь!
Не делай рож!..
Я — не в Орле!
Живу в селе,
Земном раю;
И жизнь свою
80 В труде, во сне
И в тишине,
Таясь, веду,—
И только жду,
Что стукнет в дверь
Плешивый зверь,
С большой косой;
И скажет: „Стой!
Окончен путь;
Пора заснуть!
90 И — добра ночь!..
Вот я — точь-в-точь!..
Ты хочешь знать,
Позволю ль ждать
Меня зимой
Или весной
В Москву? — Ответ
Короткий: нет!..

**ЕЛЕНА ИВАНОВНА ПРОТАСОВА,
ИЛИ ДРУЖБА, НЕТЕРПЕНИЕ И КАПУСТА**

Греческая баллада

„Открывай скорей окошки!
Я оденусь без Матрешки!
Уж карета подана!
Четверней заложена!
Все готово! браво! браво!
Еду, еду за заставой
Афанасьевну встречать,
Катерину обнимать!“

NB. Открывай скорей окошки.

¹⁰ *Sur l'air: (De la bonne aventure).*

Comment peut-on en hiver
Ouvrir la croisée?
Il faut tâcher d'expliquer
Cette obscure idée.
N'est-ce pas un paravent
Que l'auteur étourdiment
Prend pour la croisée?
Oh gai!
Prend pour la croisée.

²⁰ Mais si dans ce vers l'auteur

Au lieu de croisée
A parlé de notre cœur,
Quelle belle idée!
En été, comme en hiver,
Notre cœur vous est ouvert
Mieux que la croisée.
Oh gai!
Mieux que la croisée!

Так Елена, умываясь,
³⁰ Одеваясь, убираясь,
Говорила нараспев!
Лисий свой салоп надев,

Птичкой порх в свою коляску.
Не сочтите быль за сказку!
Села, скачет, снег столбом!
От колес ужасный гром.

*NB. Не сочтите быль за сказку.
Sur (Eh! mais oui da!).*

Sur cette impatience
40 Pourquoi se récrier?
Aucune défiance
Ne devait l'effrayer.
Eh! mais oui da!
L'amitié peut-elle douter de ça!

L'on juge par soi-même!
Si vous veniez chez nous,
L'impatience extrême
Nous tourmenterait tous!
Eh! mais oui da!
50 Votre amitié ne peut douter de ça!

С ней в запас молочна каша;
И Васильевна с ней Маша!
Марья Федоровна с ней!
Кучер борзых бьет коней!
Бьет кнутом и бьет вожжами!
Кони пламя льют ноздрями!
Гривы пышные взвились!
Вот к заставе принеслись!

*NB. С ней в запас молочна каша.
60 Sur l'air (J'ai du bon tabac).*

Manger du kachas!
Courant ventre à terre
Manger du kachas?
Non, je n'y crois pas!

Et puis d'ailleurs qui donc en voudra?
On le jettera,
Le méprisera,
Car depuis l'Arbat jusqu'à la barrière
Le plus chaud kachas
70 Se refroidira.

Ждать! пождать! не тут-то было!
И двенадцать уж пробило!
Катерины нет как нет!
„Афанасьевна мой свет!
Долго ль ждать нам за заставой?
Нам пора обедать, право!
Стол давно уже накрыт!
Повар вертелом грозит!“

NB. Нам пора обедать, право!
80 *Sur l'air (Triste raison).*

Peut-on jamais penser à la mangeaille,
Quand on attend à Moscou ses amis?
On voit par là, notre auteur travaille,
Avant d'avoir ses boyaux bien remplis.

NB. Повар вертелом грозит!

Un cuisinier qui gronde et s'évertue!
Quels mots affreux! impolis! méchants!
Ah! C'est donner une grande étendue
A ce qu'on nomme ici *le droit des gens*¹).

.....

90 „Скоро ль? долго ли? Не знаю!
И от голода страдаю!“
Так Елена, приуныв,
Каши сладостно вкусив,
За заставою вздыхала!
С ней Васильевна стенала!

¹ C'est à dire des domestiques.

Марья Федоровна тож!
Ждать напрасно — острый нож!

*NB. Ждать напрасно — острый нож.
Sur l'air (Je suis Liador).*

¹⁰⁰ Ici l'image est encore plus terrible;
Le tournebroche en poignard est changé!
Pour notre auteur j'en suis bien affligé:
Tout prouve, hélas! qu'il est bien insensible!

Ces noirs couteaux sentent trop l'Allemagne.
Quelques canifs seraient bien mieux placés,
Par ces canifs si vous étiez poussés
Loin de Moscou jusqu'à notre campagne.

Снег туманит отдаленье!
Экипажей приближенье
¹¹⁰ Утешает взоры их!
Бьют опять коней лихих!
Мчатся кони окрыенны!
Час свидания блаженный!
Все забыто: глад, мороз!
Что ж нашли? Капусты воз!..

*NB. Что ж нашли? Капусты воз.
Sur l'air (Oui noir! mais pas si diable).*

Des choux dans un poème!
Quel ignoble sujet!
¹²⁰ Ah! quelle audace extrême!
J'en suis tout stupéfait! (bis)
Et cet horrible trait
On le pardonnerait,
Si dans cette charette
Par adresse parfaite
Vous étiez en cachette
Arrivez tous chez nous.
Les choux,
Les choux
¹³⁰ Paraîtraient (bis) bien plus doux!

О капуста! о страданье!
Не сбылося ожиданье!
Поворачивай домой!
С преклоненною главой!
Возвратились, сели кушать!
Не хотят советов слушать
И смотреть на белый свет:
„Катерины с нами нет!“

NB. Не хотят советов слушать.
140 *Sur l'air (De soirée orageuse).*

Ne point écouter de conseil
Prouve qu'on a du caractère,
Car souvent un mauvais conseil
Influe sur la vie entière.

Le seul bon et sage conseil
Qui'il vous est permis d'entendre,
C'est le salutaire conseil
De venir ici nous surprendre.

Суп и соусы невкусны!
150 Утки жареные грустны;
И в пирожном толку нет:
Но утешил их десерт!
Кофе выпили, сказали:
„Мы напрасно здесь их ждали!
Так поедим же назло
К ним в Муратово село!“

NB. Утки жареные грустны
Sur l'air (Que ne suis-je la fougère).

Tous les genres de tristesse
160 Sont connus, mes chers amis;
L'un gémit sur sa maîtresse,
Un autre attend ses amis,
Qu'une ville enchanteresse
Retient loin de leurs amis.

Mais quelle est donc la tristesse
De ces vieux canards rôtis?

Благородное отмщенье!
Но какое ж угощенье
Им в Муратове селе?
¹⁷⁰ На фарфоре и стекле
Будут лучшие конфеты,
Будут вафли и котлеты,
Борщ, ячница, каймак
И с капустою гусак!

*NB. Будут вафли и котлеты и пр.
Sur l'air (Ah! si je me mets en nage).*

Pourquoi vanter l'omelette
Et la gauffre et la côtelette?
A Mouratoff l'on apprête
¹⁸⁰ Des plats bien plus singuliers.
Les vertus et l'art de plaire,
L'amitié franche et sincère,
C'est le dîner ordinaire
Et les coeurs sont cuisiniers.

В зале плошки и кинкеты;
На пруду трещат ракеты!
Дементеич наряжен
В свой парадный балахон!
Пьян в восторге поп покровский;
¹⁹⁰ А Плещеев и Жуковский,
Припеваючи бычка,
Борзо пляшут козачка.

*NB. Пьян в восторге поп покровский.
Sur l'air (Ah! si je me mets en nage).*

De ce vieux prêtre l'ivresse
Manque de délicatesse.
En parler c'est maladresse.
Tout est ivre en pareil cas.

L'un est ivre d'allegresse,
200 L'autre est ivre de tendresse,
Et de cette noble ivresse
On ne se dégrise pas.

Но увы! увы! капуста!
Вопрошу волхва-Зердуста!
Быть тому или не быть? —
Говорит волшебник: *быть!*
Если быть, так слава Богу!
Собирайтесь же в дорогу!
Встретит радостно зело
210 Вас — Муратово село!

*NB. Говорит волшебник: быть.
Sur l'air (Qu'un autre amant sur sa lyre).*

De cet oracle infallible
Expliquons l'obscurité.
Ce travail n'est pas pénible,
Par le coeur il est dicté.
Ce qu'on désire, on l'espère.
Le sorcier — c'est le désir.
Soyez vous-même sorcière,
220 Changez l'espoir en plaisir.

ДОБРАЯ МАТЬ

Бог в мир ее послал,
Себе на прославление.
„Будь скорбным Провиденье!“
Создав ее, сказал:
„Кто, счастья лишен
Назвал его мечтою,
Да будет здесь тобою
С надеждой примирен“.

Угрюмый нелюдим,
10 Людей возненавидя,
И мир подвластный видя
Порокам лишь одним,
Узнав ее, людей
В жару души прощает,
И снова обретает
Он добродетель в ней.

Что ж Бог в награду дал
Сих доблестей чудесных?
Двух ангелов прелестных
20 Он с неба к ней послал,
Чтоб в сей юдоли слез
Ее не покидали,
И на земле являли
Ей радости небес.

**СТИХИ, ПРИСЛАННЫЕ С КОМЕДИЯМИ,
КОТОРЫЕ К*** ХОТЕЛИ ИГРАТЬ**

Вот вам, прелестные сестрицы,
Дюваль и с ним какой-то *Госс-Степан*,
Взяв на себя чужие лица,
На час введите нас в обман,
Что будто *вы не вы*; мы будем любоваться,
Увидя невзначай переодетых вас!
Но помните, что это лишь для *глаз*,
И что вам надобно тем, что вы есть, остаться,
Чтоб быть прелестными для *глаз* и для *души*!

10 *Аллегро* милая, будь весела как радость,
Храни беспечную, святую сердца младость,
И, горя не узнав, свой жребий соверши!
Смотря, как с жизнью невинно ты играешь,
Невольно сердце вслед тебе увлечено,
Как будто сам наверно знаешь,
Что жизнь и счастье — одно!

О Пенсероза! ты у входа в свет, как гений,
Стоишь пленительна! Высокою душой
Ценишь манящие призраки наслаждений!
²⁰ И кажется, что все угадано тобой!
Ты создана быть выше света!
И что б ни привели с собой грядущи лета,
Не в жизни будешь ты прекрасного искать,
Но все прекрасное ты жизни дашь собою!
Не изменись! Тебе не нужно мне сказать;
Твой *Ангел прелести* с тобою!

ПОСЛАНИЕ К ПЛЕЩЕЕВУ

В день Светлого Воскресения

Ты прав, любезный мой поэт!
 Твое послание на русском Геликоне,
 При русском мерзлом Аполлоне,
 Лишь именем моим бессмертие найдет!
 Но, ах! того себе я в славу не вменяю!
 А почему ж? Читай. И прозу и стихи
 Я буду за грехи
 Марать, марать, марать и много намараю,
 Шесть томов, например (а им, изволишь знать,
¹⁰ Готовы и титул и даже оглавление);
 Потом устану я марать,
 Потом отправлюся в тот мир на поселенье,
 С фельдъегерем-попом,
 Одетый плотным сундуком,
 Который гробом здесь зовут от скуки.
 Вот вздумает какой-нибудь писец
 Составить азбучный писателям венец,
 Ясней: им лексикон. Пройдет он *аз* и *буки*,
 Пройдет *глаголь*, *добро* и *есть*;
²⁰ Дойдет он до *живете*;
 А имя ведь мое, оставя лесть,
 На этом свете
 В огромном списке бытия
 Ознаменовано сей буквой-раскорякой.
 Итак, мой биограф, чтоб знать, каким был я,
 Хорошим иль дурным писакой,
 Мои творенья развернет.
 На первом томе он заснет,
 Потом воскликнет: „Враль бесчинной!..
³⁰ За то, что от него здесь мучились безвинно
 И тот, кто вздор его читал,
 И тот, кто, не читав, в убыток лишь попал,
 За типографию, за то, что им наборщик,

Корректор, цензор, тередорщик
Совсем почти лишились глаз,—
Я не пушу его с другими на Парнас!“
Тогда какой-нибудь моей защитник славы
Шепнет зоилу: „Вы не правы!
И верно, должен был
40 Иметь сей автор дарованье;
А доказательство — Плещеева посланье!“
Посланье пробежав, суровый мой зоил
Смягчится,— и прочтут потомки в лексиконе:
„Жуковский. Не весьма в чести при Аполлоне;
Но боле славен тем, что изредка писал
К нему другой поэт, *Плещеев*;
На счастье русских стиходеев,
Не русским языком сей автор воспевал:
Жил в Болхове, с шестью детьми, с женою;
50 А в доме у него жил Осип Букильон.
Как жаль, что пренебрег язык отчизны он;
Нае мог бы он ссудить богатою статьею“.
Вот так-то, по тебе, и я с другими в ряд.
Но „ухо за ухо, зуб за зуб“, говорят,
Ссылаясь на Писанье;
А я тебе скажу: посланье за посланье!..

Любезен твой конфектный Аполлон!
Но для чего ж, богатый острою,
Столь небогат рассудком здравым он?
60 Как, милый друг, с чувствительной душою,
Завидовать, что мой кривой сосед
И плут, и глуп, и любит всем во вред
Одну свою противную персону;
Что бог его — с червонцами мешок;
Что, подражать поклявшись Гарпагону,
Он обратил и душу в кошелек,—
Куда ничто: ни чувство сожаленья,
Ни дружество, ни жар благотворенья,
Как ангел в ад, не могут проникать;
70 Где место есть лишь вексялям, нулями
Униженным, как будто жемчугами!
Оставь его не живши умирать —

И с общих бед проценты вычислять!
Бесчувственность сама себе мучитель!
И эгоист, слез чуждых хладный зритель,
За этот хлад блаженством заплатил!
Прекрасен мир, но он прекрасен нами!
Лишь добрый в нем с отверстыми очами,
А злобный сам очей себя лишил!

80 Не для него природа воскресает,
Когда в поля нисходит светлый май;
Где друг людей находит жизнь и рай,
Там смерть и ад порочный обретает!
Как древняя святой псалтыри звон,
Так скромного страдальца тихий стон
Чистейшу жизнь в благой душе рождает!
О, сладостный благотворенья жар!
Дар нищете — себе сторичный дар!
Сокровищ сих бесчувственный не знает!

90 Не для него послал Творец с небес
Бальзам души, утеху сладких слез!
Ты скажешь: он не знает и страданья! —
Но разве зло — страдать среди изгнанья,
В надежде зреть отечественный край?..
Сия тоска и тайное стремленье —
Есть с милыми вдали соединенье!
Без редких бед земля была бы рай!
Но что ж беды для веры в Провиденье?
Лишь вестники, что смотрит с высоты

100 На нас святой, незримый Испытатель;
Лишь сердцу глас: крепись! Минутный ты
Жилец земли! Жив Бог, и ждет Создатель
Тебя в другой и лучшей стороне!
Дорога бурь приводит к тишине!
Но, друг, для злых есть зло и Провиденье!
Как страшное ночное привиденье,
Оно родит в них трепет и боязнь,
И Божий суд на языке их — казнь!
Самим собой подпоры сей лишенной,

110 Без всех надежд, без веры здесь злодей,
Как бледный тать, бредет уединенно —
И гроб вся цель его ужасных дней!..

Ты сетуешь на наш климат печальный!
И я с тобой готов его винить!
Шесть месяцев в одежде погребальной
Зима у нас привыкнула гостить!
Так! Чересчур в дарах она богата!
Но... и зимой фантазия крылата!
Украшим то, чего не избежим,
120 Пленительной игрой воображенья,
Согреем мир лучом стихотворенья
И на снегах Темпею насадим!
Томпсон и Клейст, друзья, певцы природы,
Соединят вокруг нас ее красы!
Пускай молчат во льдах уснувши воды
И чуть бредут замерзлые часы,—
Спасенье есть от хлада и мороза:
Пушистый бобр, седой Камчатки дар,
И камелек, откуда легкий жар
130 На нас лиет трескучая береза.
Кто запретит в медвежьих сапогах,
Закутав нос в обширную винтуру,
По холодку на льжах, на коньках
Идти с певцом в пленительных мечтах
На снежный холм, чтоб зимнюю природу
В ее красе весенней созерцать?
Твоя ж жена приятней всякой музыки
Тот милый край умеет описать,
Где пел Марон, где воды Аретузы
140 В тени олив *стадам наводят сон*;
Где падший Рим, покрытый гордым прахом,
Являет свой одряхший Пантеон
Близ той скалы, куда народы с страхом
И их цари, от всех земных концов,
Текли принять ужасный дар оков...
Ясней блестят лазурные там своды!
Я часто сам, мой друг, в волшебном сне
Скитаюсь в сей прелестной стороне,
Под тенью мирт, склонившихся на воды,
150 Или с певцом и Вакха и свободы,
С Горацием, в сабинском уголке,
Среди его простых соседей круга,

В глазах любовь и сердце на руке,
Делю часы беспечного досуга!
Но... часто там, где ручеек журчит
Под темною душистых лавров сенью,
Где б мирному и быть уединенью,
Остря кинжал, скрывается бандит,
И грозные вдаль устремленны очи —
160 Среди листов, добычи ждя, горят,
Как тусклые огни осенней ночи,
Но... часто там, где нив моря шумят,
Поля, холмы наводнены стадами,
И мир в лугах, усыпанных цветами,
Лишь гибели приманкой тишина,
И красотой цветов облечена
Готовая раскрыться пасть вулкана.
Мой друг, взгляни на жребий Геркулана
И не ропщи, что ты гиперборей...
170 Смотри,— сбежал последний снег полей!
Лишь утренник, сын мраза незрелой,
Да по верхам таящийся снежок,
Да сиверкий при солнце ветерок —
Нам о зиме вещают отлетелой;
Но лед исчез, разбившись. Как стекло,
Река, смирясь, блестит между берегами,
Идут в поля оратаи с сохами,
Лишь мельница молчит — ее снесло!
Но что ж? и здесь найдем добро и зло...
180 Ты знаешь сам: у нас от наводнения
Премножество случалось разоренья.
И пользою сих неизбежных бед
Есть то, мой друг, что мой кривой сосед
Чуть не уплыл в чистилище на льдине!
Уже ревел окрест него потоп;
Как Арион чудесный на дельфине,
Уж на икре сидел верхом циклоп;
Но в этот час был невод между льдами
По берегам раскинут рыбаками —
190 И рыбакам прибыток был велик:
Им с щуками достался ростовщик!
Так, милый друг, скажу я в заключенье:

Пророчество для нас твое сравненье!
Растает враг, как хрупкий вешний лед!
Могущество оцепенелых вод,
Стесненное под тяжким игом хлада,
Все то ж, хотя незримо и молчит.
Спасительный дух жизни пролетит —
И вдребезги ничтожная преграда!
²⁰⁰ О, русские отметители-орлы!
Уже взвились! Уже под облаками!
Уж небеса пылают их громами!
Уж огласил их клич ту бездну мглы,
Где сдавлены, обвитые цепями,
Отмщенья ждя, народы и с царями!
О, да грядет пред ними Русский Бог!
Тот грозный Бог, который на Эвксине
Велел пытать трепещущей пучине
И раздробил сармату гордый рог!
²¹⁰ За ними вслед всех правых душ молитвы!
Да грянет час карающия битвы!
За падших месть! Отмщенье за Тильзит!..
Но, милый друг, вернее долетит
Мольба души к престолу Провиденья,
В соупутствии летя благотворенья!
И в светлый день, когда воскресший мир
Поет хвалы Подателю спасенья,
Ужель один не вкусит наслажденья
Сын нищеты? Ужель, забыт и сир,
²²⁰ Средь братии, как в горестном изгнанье,
Он с гимнами соединит стенанье
И лишь слезой на братское лобзанье,
Безрадостный, нам будет отвечать?
Твоей душе легко меня понять!
Еще тот кров в развалинах дымится,
Где нищая вдовица с сиротой
Ждала в тоске минуты роковой:
На пепле сем пускай благословится
Твоих щедрот незримая рука!
²³⁰ Ах! милость нам и тяжкая сладка!
Но ты — отец! Сбирай благословенья
Спасаемых здесь благодатью твоей

На юные главы твоих детей!
Их отличат они для Провиденья!
Увы, мой друг! что сих невинных ждет
На том пути, где скрыт от нас вожатый,
В той жизни, где всего верней утраты,
Где скорбь без крыл, а радости крылаты,
На то с небес к нам голос не сойдет!
²⁴⁰ Но доблестью отцов хранимы чада!
Она для них — твердейшая ограда!

СТИХИ НА ПОРТРЕТЕ (А. А. ПЛЕЩЕЕВА?)

Мой, нежной дружбою написанный, портрет,
Тебе, как дар любви, в сей день я посвящаю;
Мой друг, тобой одним я прелесть жизни знаю,
А без тебя — и счастья нет!

ЭЛИЗИУМ

Песня

Роща, где, податель мира,
Добрый Гений смерти спит,
Где румяный блеск эфира
С тенью зыбких сеней слит,
Где источника журчанье,
Как далекий отзыв лир,
Где печаль, забыв роптанье,
Обретает сладкий мир:

С тайным трепетом, смятенна,
¹⁰ В упоении богов,
Для бессмертья возрожденна,
Сбросив пепельный покров,
Входит в сумрак твой Психея;

Неприкованна к земле,
Юной жизнью пламенея,
Развила она криле.

Полетела в тихом свете,
С обновленною красой,
В дол туманный, к тайной Лете;
20 Мнилось, легкою рукой
Гений влек ее незримый;
Видит мирные луга;
Видит Летою кропимы
Очарованны брега.

В ней надежда, ожиданье;
Наклонилася к водам,
Усмиряющим страданье...
Лик простерся по струям;
Так безоблачен играет
30 В море месяц молодой;
Так в источнике сверкает
Факел Геспера златой.

Лишь фиал воды забвенья
Поднесла к устам она —
Дней минувших привиденья
Скрылись легкой тенью сна.
Заблестала, полетела
К очарованным холмам,
Где журчат, как Филомела,
40 Светлы воды по цветам.

Все в торжественном молчанье.
Притаились ветерки;
Лавров стихло трепетанье;
Спят на розах мотыльки.
Так молчало все творенье —
Море, воздух, берег дик,—
Зря пенистых вод рожденье,
Анадиомены лик.

Всюду яркий блеск Авроры,
50 Никогда такой красой
Не сияли рощи, горы,
 Обновленные весной;
Мирты с зыбкими листьями
 Тонут в пурпурных лучах;
Розы светлыми звездами
 Отразилися в водах.

Так волшебный луч Селены
 В лес Карийский проникал,
Где, ловитвой утомленный,
60 Сладко друг Дианы спал;
Как струи ленивой ропот,
 Как воздушной арфы звон,
Разливался в лесе шепот:
 Пробудись, Эндимион!

К БАТЮШКОВУ

Послание

Сын неги и веселья,
По Музе мне родной,
Приятность новоселья
Лечу вкусить с тобой;
Отдам поклон Пенату,
И милому собрату
В подарок пук стихов.
Увей же скромну хату
Венками из цветов;
10 Узорным покрывалом
Свой шаткий стол одень,
Вооружись фиалом,
Шампанского напень,
И стукнем в чашу чашей,
И выпьем все до дна:
Будь верной Музе нашей,
Дань первого вина.

Вхожу в твою обитель:
Здесь весел ты с собой,
20 И, лени друг, покой
Дверей твоих хранитель.
Все ясно вокруг меня;
Закат румяный дня
Живее здесь играет
На зелени лугов,
И чище отражает
Здесь виды берегов
Источник тихоструйный;
Здесь кроток вихорь буйный;
30 Приятней сень листов
Зефиры здесь колышут
И слаще негой дышут;
Укромный домик твой
Не златом — чистотой
И светлостью пленяет;
В окно твоё влетает
Цветов приятный дух;
Террас пред ним дерновый —
Узорный полукруг;
40 Там ландыши перловы,
Там розовы кусты,
Тюльпан, нарцисс душистой
И тубероза — чистой
Эмблема красоты,
С роскошным анемоном;
Едва приметным склоном
Твой сходит сад к реке;
Шумит невдалеке
Там мельница смиренна:
50 С колес жемчужна пена
И брызгов дым седой;
Мелькает над рекой
Веселая купальня,
И, гость из края дальня,
Уютный домик свой
Там швабский гусь спесивой
На острове под ивой,

Меж дикою крапивой
Беспечно заложил.

- 60 Так! здесь приют поэта:
Душа моя согрета
Влияньем горних сил,
И вся ничтожность света
В глазах моих, как сон...
Незримый Аполлон
Промчался надо мною;
Ликуй, мой друг-поэт.
Довольнее судьбою
Поэтов под луною
- 70 И не было и нет.
Их жизнь очарованье!
Ты помнишь ли преданье?
Разбить в уделы свет
Преемник древний Крона
Задумал искони.
„Делитесь!“ — с горня трона
Бог людям рек. Они
Взроптались, как пчелы,
Шумящи по лугам,—
- 80 И все уже уделы
Земные по рукам.
Смиранный земледелец
Взял труд и сельный плод,
Могущество — владелец;
Купец равнину вод
Наморщил под рулями;
Взял откуп арендарь,
А пастырь душ — алтарь
И силу над умами.
- 90 „Будь каждый при своем
(Рек царь земли и ада);
Вы сейте, добры чада;
Мне жертвуйте плодом“.
Но вот... с земли предела
Приходит и поэт;
Увы! ему удела

Нигде на свете нет;
К Зевесу он с мольбою:
„Отец и властелин,
100 За что забыт тобою
Любимейший твой сын?“ —
„Не я виной забвенья.
Когда я мир делил,
В страну воображенья
Зачем ты уходил?“ —
„Увы! я был с тобою
(В слезах сказал певец);
Величеством, красою
Небес твоих, отец,
110 Мои питался взоры;
Там пели дивны хоры;
Я сердце возносил
К делам твоим чудесным...
Но, ах! пленен *небесным*,
Земное позабыл“.—
„Мой сын, уделы взяты;
Мне жаль твоей утраты;
Но рай перед тобой;
Согласен ли со мной
120 Делиться небесами?
Блаженствуя с богами,
Ты презришь мир земной“.
С тех пор — небожитель
Подсолнечных сует —
Стал верный обитатель
Страны духов поэт,
Страны неоткровенной:
Туда непосвященной
Толпе дороги нет;
130 Там чудотворны боги
Веселые чертоги
Слияли из лучей,
В мерцающей долине,
Любимице своей
Фантазии-богине,
Ее *Природа* мать;

Беспечно ей играть
Дает она собою;
Но, радуясь игрою,
140 Велит ее хранить
Трем чадам первородным,
Чтоб прихотям свободным
Ее не заманить
В туманы заблуждений:
То с пламенником *Гений*,
Наука с свитком Муз
И с легкою уздою
Очами зоркий *Вкус*;
С веселою сестрою
150 Согласные, они
Там нежными перстами
Виют златые дни;
Все их горит лучами;
Во все дух жизни влит:
В потоке там журчит
Гармония *Наяды*;
Храним *Сильваном* лес;
Грудь юныя *Дриады*
Под коркою древес
160 Незримая пылает;
Зефир струи ласкает
И вьется вокруг лилей;
Нарцисс глядит в ручей;
Среди прозрачной пены
Летучих облаков
Мелькает рог *Селены*,
И в сумраке лесов
Тоскует *Филомела*.
Хранят сего удела
170 Магический покой
Невинность — гений милый
С *Беспечностью* — сестрой;
И их улыбки силой
Ни *Скукою* унылой,
Ни мрачной *Суетой*,
Ни *Алчностью* угрюмой,

Ни *Мести* грозной думой,
Ни *Зависти* тоской
Там светлость не мрачится;
180 Там ясная таится,
Веселью верный друг,
Гордынею забыта,
Посредственность — Харита,
И их согласный круг
Одушевляем *Славой* —
Не той богиней бед,
Которая кровавой
Кладет венец побед
В дымящиеся длани
190 Свирепостию брани,—
Но милою, живой
Небесною сестрой
Небесныя *Надежды*;
Чужда порока, враг
Безумца и невежды,
Ее жилища праг
Ужасен недостойным;
Но тем душам спокойным,
Где чувство в простоте
200 Как тихий день сияет,
В могущей красоте
Она себя являет
И, в них воспламенив
К великому порыв,
К прекрасному стремленью,
Ко благу страстный жар,
Им оставляет в дар:
Собою наслажденье.

Мой друг, и ты певец;
210 И твой участок лира;
И ты в мечтах жилец
Незнаемого мира...
В мечтах? Почто ж в мечтах?
Почто мы не с крылами
И вольны лишь мечтами,

А наяву в цепях?
Почто сей тяжкий прах
С себя не можем сринуть,
И мир совсем покинуть,
220 И нам дороги нет
Из мрачного изгнанья
В страну очарованья?
Увы! мой друг... поэт,
Призраками богатый,
Беспечностью дитя,—
Он мог бы жить шутя;
Но горькие утраты
Живут и для него,
Хотя перед слепую
230 Богинею покою
Не тратит своего;
Хотя одной молвою,
Смотря на свет тайком,
В своем углу знаком
С бесславием тщеславных,
С печальями забавных
Фигляров-остряков
И с мукою льстецов,
Пред тронами ползущих
240 И с бешенством падушних
В изрытый ими ров,—
Но те живейши раны,
Которые, как враны,
Вгрызаясь в глубь сердец,
В них радость истребляют
И жизнь их пожирают,
Их знает и певец.
Какими, друг, мечтами
Сберечь души покой,
250 Когда перед глазами,
Под дланью роковой,
Погибнет то, что мило,
И схваченный могилой
Исчезнет пред тобой
Души твоей родной;

А ты, осиротелой,
Дорогой опустелой
Ко гробу осужден
Один, снедая слезы,
260 Тащить свои железы?
И много ли замен
Нам даст мечта крылата
Тогда, как без возврата
Блаженство улетит,
С блаженством упованье
И в сердце замолчит
Унывшее желанье;
И ты, как палачом
Преступник раздробленный
270 И к плахе пригвожденный,
В бессилии своем
Еще быть должен зритель,
Как жребий-истребитель
Все то, чем ты дышал,
Что, сердцем увлеченный,
В надежде восхищенный,
Своим уж называл,
Другому на пожранье
Отдаст в твоих глазах...
280 Тебе ж одно терзанье
Над гробом милых благ?

Но полно!.. Муза с нами;
Бессмертными богами
Не всем, мой друг, она
В сопутницы дана.
Кто слышал в час рожденья
Небесной девы глас,
В ком искра вдохновенья
С огнем души зажглась:
290 Тот верный от судьбины
Найдет здесь уголок.
В покрыты мглой пучины
Замчался мой челнок...
Но светит для унылой

Еще души моей
Поэзии светило.
Хоть прелестью лучей
Бунтующих зыбей
Оно не усмирило...
300 Но мгла озарена;
Но сладостным сияньем,
Как тайным упованьем,
Душа ободрена,
И милая мелькает
В дали моей Мечта...
Доколь, мой друг, пленяет
Добро и красота,
Доколь огнем священным
Душа еще полна
310 И дверь растворена
Пред взором откровенным
В святой Природы храм,
Доколь Хариты нам
Веселые послушны:
Дотоль еще к бедам
Быть можем равнодушны.
О добрый Гений мой,
Последних благ спаситель
И жребия смиритель,
320 Да светит надо мной,
Во мгле путеводитель,
Твой, Муза, милый свет!

А ты, мой друг-поэт,
Храни твой дар бесценный;
То Весты огонь священный;
Пока он не угас —
Мы живы, невредимы,
И Рок неумолимый
Свой гром неотразимый
330 Бросает мимо нас.
Но пламень сей лишь в ясной
Душе неугасим.
Когда любовью страстной

Лишь то боготворим,
Что благо, что прекрасно;
Когда от наших лир
Лиются жизни звуки,
Чарующие муки,
Сердцам даючи мир;
340 Когда мы песнопеньем
Несчастливого дружим
С сокрытым Провиденьем,
Жар славы пламеним
В душе, летящей к благу,
Стезю к убогим прагу
Являем богачам,
Не льстим земным богам,
И дочери стыдливой
Заботливая мать
350 Гармонии игривой
Сама велит внимать:
Тогда и дарованье
Во благо нам самим,
И мы не посраим
Поэтов достоянья.
О друг! служенье Муз
Должно быть их достойно:
Лишь с добрым их союз.
Слияв в душе спокойной
360 Младенца чистоту
С величием свободы,
Боготворя природы
Простую красоту,
Лишь благам неизменным,
Певец — любимец мой,
Доступен будь душой;
Когда к дверям смиренным
Обители твоей
Придет, с толпою Фей
370 *Желаний* прихотливых,
Фортуна — враг счастливых:
Ты двери на замок;
Пускай толпа стучится;

Содом сей в уголок
Поэта не вместится,
Не вытеснив Харит.
Но если залетит
Веселый рой вертяный —
Дверь настезь, милый друг.
380 Пускай в их шумный круг
Войдут: и *Вакс* румяный,
Украшенный венком,
С состаревшим вином,
С наследственной кружкой,
И *Шутка* с погремушкой,
И *Пляски* шумный хор —
Им рад *Досуэ* шутиной;
Они осклабят взор
Работы молчаливой.
390 *Задумчивость* подчас
Впускай в приют укромный:
Ее чуть слышный глас
И взор приятно-томный
Переливают в нас
Покой и услажденье;
Она уединенье
Собой животворит;
Она за дальни горы
Нас к милому стремится —
400 И радостные взоры,
Согласные с душой,
За синевой туманной
Встречаются с желанной
Возлюбленных мечтой;
Ее волшебной силой
В гармонии унылой
Осеннего листка,
И в тихом ветерка
Вдоль рощи трепетанье,
410 И в легком содроганье
Дремавшая волны
Как будто с вышины
Спускается приятной

Минувшего привет,
И то, что невозвратно,
Чего навеки нет,
Опять животворится,
И тихо веют, мнится,
Над нашей головой
42° Воздушною толпой
Жильцы духовной сени —
Невозвратных тенн.
Но, друг мой, приготовь
В обители смиренной
Ты терем отделенной:
Иметь постой бесменной
И *Дружба* и *Любовь*
Привыкли у поэта;
Лпшась блестящих света
43° Отличий и даров,
Ему необходимо
Под свой пустынный кров
Все то, что им любимо,
Собрать в единый круг;
С кем милая и друг,
Тот в угол свой забвенный
Обширныя вселенны
Всю прелесть уместил;
Он мир свой оградил
44° Забором огорода
И вдаль за суетой
Не следует мечтой.
Посредственность, свобода,
Животворящий труд,
Веселие досуга
Близ милья и друга
И пенистый сосуд
В час вечера приятной
Под липой ароматной
45° С забвением сует,
Вот все... Но, друг-поэт,
Любовь — святой хранитель
Иль грозный истребитель

Душевной чистоты.
Отвергни сладострастья
Погибельны мечты
И не восторгов — счастья
В прямой ищи любви;
Восторгов исступленье —
460 Минутное забвенье;
Отринь их, разорви
Ланс коварных узы;
Друзья стыдливых — Музы;
Во храм священный их
Прелестниц записных
Толпа войти страшится...
И что, мой друг, сравнится
С невинною красой?
При ней цветом душой!
470 Она, как ангел милой,
Одной явленья силой,
Могущая собой,
Вливает в сердце радость,
О скромных взоров сладость!
Движений тишина!
Стыдливое молчанье,
Где вся душа слышна!
Речей очарованье!
Беспечность простоты
480 И прелесть без искусства,
Которая для чувства
Прекрасней красоты!
Их несказанной властью
Блаженнейшею страстью
Душа растворена;
Вкушает сладость рая;
Земное отвергая,
Небесного полна.

О друг! доколе младость
490 С мечтами не ушла
И жизнь не отцвела,
Спеши любви сладость

Невинную вкусить.
Увы! пора любить
Умчится невозвратно;
Тогда — всему конец;
Но буйностью развратной
Испорченных сердец,
Мой друг, да не сквернится
500 Твой непорочный жар:
Любовь есть неба дар;
В ней жизни цвет хранится;
Кто любит, тот душой,
Как день весенний, ясен;
Его любви мечтой
Весь мир пред ним прекрасен...
Ах! в мире сем — она...
Ее святым полна
Присутствием природа,
510 С денницею со свода
Небес она летит,
Предвестник наслажденья,
И в смутном пробужденья
Блаженстве говорит:
Я в мире! я с тобою!
В тот час, как тишиною
Земля облечена,
В молчании вселенной
Одна обвороженной
520 Душе она слышна;
К устам твоим она
Касается дыханьем;
Ты слышишь с содроганьем
Знакомый звук речей,
Задумчивых очей
Встречаешь взор приятный,
И запах ароматный
Пленительных кудрей
Во грудь твою лиется,
530 И мыслишь: ангел вьется
Незримый над тобой.
При ней — задумчив, сладкой

Исполненный тоской,
Ты робок, лишь украдкой
Стремишь к ней томный взор:
В нем сердце вылетает;
Несмел твой разговор;
Твой ум не обретает
Ни мыслей, ни речей;
54⁰ Задумчивость, молчанье
И страстное мечтанье —
Язык души твоей;
Забыты все желанья;
Без чувства, без вниманья
К тому, что пред тобой,
Ты одинок с толпой;
Она — в сем слове милом
Вселенная твоя;
С ней розно — лишь в унылом
55⁰ Мечтанье бытия
Ты чувство заключаешь;
Всечасно улетаешь
Душою к тем краям,
Где ангел твой прелестной;
Твое блаженство там,
За синевой небесной,
В туманной сей дали —
Там все, что на земли
И мило и священно,
56⁰ Вся жизнь, весь жребий твой,
Как призрак оживленной,
Мелькает пред тобой.
Живешь воспоминаньем:
Его очарованьем
Преображенный свет
Один везде являет
Душе твоей предмет.
Заря ли угасает,
Летит ли ветерок
57⁰ От дремлющих роши
Или покровом ночи
Одеянный поток

В водах являет тени
Недвижных берегов,
И тихих рощей сени,
И темный ряд холмов —
Она перед тобою;
С природы красотою,
Со всем в душе слита
580 Любимая мечта.
Когда воспламененной
Ты мыслию летишь
К правителю вселенной
Или обет творишь
Забывать стезю порока,
При всех изменах рока
Быть добрым и прямым
И следовать святым
Урокам и веленьям
590 И тайным утешеньям
Лишь совести одной,
Когда, рассудка властью
Торжествовав над страстью,
Ты выше стал душой
Иль сироте, убитой
Страданием, сокрытой
Благотворил рукой,—
Кто, кто тогда с тобой?
Кто чувств твоих свидетель?
600 *Она!*.. твой друг, твоя
Невинность, добродетель.
Лишь счастьем ея
Ты счастье измеряешь,
Лишь в нем соединяешь
Все блага бытия.
Любовь — себя забвеньё!
Ты молишь Провиденье,
Чтоб никогда тоской
Взор милый не затмился,
610 Чтоб грозный лишь с тобой
Суд рока совершился.
Лить слезы, жертвой быть

За ту, кем сердце жило,
Погибнув, жизни милой
Спокойствие купить —
Вот жребий драгоценный!
О друг! тогда для нас
И бедствия священны.
И пусть тот луч угас,
620 Которым украшался
Путь жизни пред тобой,
Пускай навек с мечтой
Блаженства ты расстался —
Своих лишенный благ,
Ты жив блаженством милой:
Как тихое светило,
Оно в твоих глазах
Меж тучами играет,
И дух не унывает
630 При сладостных лучах.

Прости ж, поэт бесценной;
Пускай живут с тобой
В обители смиренной
Посредственность, покой,
И Музы, и Хариты,
И Лары домовиты;
Ты к ним любовь питай,
Строй лиру для забавы
И мимоходом Славы
640 Жилище посещай;
И благодать святая
Ее с тобою будь!
Но, с Музами играя,
Ты друга не забудь,
Который, отстранившись
От всех земных хлопот,
И, матери забот,
Фортуне поклонившись,
Куда глаза глядят,
650 Идет своей тропею
Беспечно за судьбою.

Хотя и не богат
Он милостями Счастья,
Но Муза от ненастья
Дала ему приют;
Туда не забредут
Ни хитрости разврата,
Ни света суеты;
Не зная нищеты,
660 Не знает он и злата;
Мечты — его народ:
Сбирает с них доход
Фантазия крылата.
Что ждет его вдали,
О том он забывает;
Давно не доверяет
Он счастьем на земли.
Но, друг, куда б Судьбою
Он ни был приведен,
670 Всегда, везде душою
Он будет прилеплен
Лишь к жизни непорочной;
Таков к друзьям заочно,
Каков и на глазах —
Для них стихи кропает
И быть таким желает,
Каким в своих стихах
Себя изображает.

НИНА К СВОЕМУ СУПРУГУ

в день его рождения

Друг! в тот миг, как из безвестной
Стороны ты в мир вошел,
Мне привиделся прелестный
Гений, Промысла посол.
Недозревшая душою,
Я младенец лишь была —

Он предстал — и предо мною
Вся природа расцвела.

Он душе моей смятенной
¹⁰ Даль грядущего открыл,
И с поры той незабвенной
Ясный луч мне спутник был;
Никогда не отвращала
От светила я очей,
Сколь душа бы ни страдала,
Все жила надежда в ней.

И всечасно сокровенной
Утешитель мне твердил:
„Ты в единой с ним вселенной,
²⁰ Жребий вас уж обручил!
Ожидай, предстанет милой
С верным счастьем пред тобой...“
Скоро ль? Долго ль? Тайно было,
Но я верила душой!

Все сбылося! Провиденье
Свой исполнило обет!
Сердца стихнуло волненье,
Неизвестности уж нет!
Все, что в жизни сей бесценно,
³⁰ Все в тебе судьбой дано!
Счастье мне мое священно!
Плод твоей любви оно.

РЕЧЬ

〈А. А Плещееву〉

О Братья! хлеб-соль ешь,
А правду так как режь!
Вот текст мой, избранный в сей день для поученья.
Случилось некое сурьезное рожденье.

Его торжествовать в сем месте мы сошлись.
Но кто же родился? Не Герцог, не Маркиз,
Не Квaker, не Султан, не Ректор, не Профессор,
Не Поп, не Николай Иванович Ильин!
Но добрый человек! Коллегии Ассессор
10 Его не важный чин.
Прозваньем Александр, сын Алексеев,
 Фамилия Плещеев.
Родился он, в том чуда нет!
Также чудеса не редко видит свет!—
Но вот что предскажу, и верьте предсказанью:
Он будет, братия, любезен, добр, умен!
Бог даст ему жену, каких немного жен!
И есть, и пить, и спать он станет по преданью!
Да сверх того играть на лире как Орфей,
20 Все превосходное считая за забаву.
 Прекрасных шестерых детей
Он будет здесь, в Черни, воспитывать на славу;
Он будет фокусник, творец больших затей,
 Чудесный лицедей,—
Способный трогать всех или морить со смеха.
 Он будет силой шаропеха
 Смирать издырье шарокат;
В Орле он купит дом; и будет дом сей клад!
Из Суриянина конюшню он достанет;
30 И все как дважды два то сбудется, друзья,
 Хоть я без бороды, но бородою я
Клянусь, что гороскоп мой, верно, не обманет.
 А чтоб яснее вам задачу досказать,
Так знайте: что легко нам в будущем читать,
Когда уже оно для нас прошедшим стало,
Пророчество мое, не много и не мало,
Давно уже сбылось. И я, извольте знать,
Затем лишь перед вас, друзья мои, являлся,
Что был вчера хмелен, а нынче не проспался:
40 Хотел вас поглядеть, себя вам показать.
 Аминь.

**ПИРШЕСТВО АЛЕКСАНДРА,
или
СИЛА ГАРМОНИИ**

По страшной битве той, где царь Персиды пал,
Оставя рать, венец и жизнь в кровавом поле,
 Возвышен восседал,
 В сиянье на престоле,
 Красою бог, Филиппов сын.
 Кругом — вождей и ратных чин;
 Венцами роз главы увиты:
Венец есть дар тебе, сын брани знаменитый!
 Таиса близ царя сидит,
10 Любовь очей, востока диво;
 Как роза — юный цвет ланит,
 И полон страсти взор стыдливой.
 Блаженная чета!
 Величие с красою!
 Лишь бранному герою,
Лишь смелому в боях наградой красота!
И зрелся Тимотей среди поющих клира;
 Летали персты по струнам;
Как вихорь, мощный звон стремился к небесам;
20 Звучала радостью лира.

От Зевса песнь ведет певец:
„О власть любви! Богов отец,
Свои покинув громы, с трона,
Под дивным образом дракона,
Нисходит в мир; дугами вьет
Огнечешуйчатый хребет;
В нем страсти пышет вождельенье;
К Олимпии летит, к грудям ее приник,
Обвил трикраты стан,— и вот Зевесов лик!
30 Вот новый царь земле! Зевесово рожденье!“

И строй внимающих восторгов распален;
Клич шумный: царь наш бог! И стар и млад воспрянул.
И звучно: царь наш бог! — по сводам отзыв грянул.
 Царь славой упоен;

Зрит звезды под стопою;
И мыслит он Зевес;
И движет он главою,
И мнит — подвигнул свод небес.

Хвалою Бахуса воспламенились струны:
40 „Грядет, грядет веселый бог,
Всегда прекрасный, вечно-юный.
Звучи, кимвал; раздайся, рог;
Наш Бахус светлый, сановитый;
Как пурпур, пламенны ланиты;
Звучи, труба! грядет, грядет!
Из кубков пена с шумом бьет;
Кипит в ней пламень сладострастный.
Пей, воин! дар тебе сосуд.
О, Вакха дар бесценный!
50 Вином воспламененный,
Забудь, сын брани, бранный труд“.

И царь, волнуем струн игрою,
В мечтах сзывает рати к бою;
Трикраты враг сраженный им сражен;
Трикраты пленный брошен в плен.

Певец зрит гнева пробужденье
В сверкании очей, во пламени ланит;
И небу и земле грозящу ярость зрит...
Он струны укротил; их заунывно пенье;
60 Едва ласкает слух задумчивый их глас,
И жалость на струнах смиренных родилась.
Он Дария поет: „Царь добрый! Царь великий!
Кто равен с ним?.. Но рок свой грозный суд послал;
Он пал, он страшно пал;
Нет Дария-владыки.
В кипящей зыблется крови;
От всех забыт в ужасной доле;
Нет в мире для него любви;
Хладеет на песчаном поле;
70 Где друг — глаза ему смежить
И прахом сирую главу его покрыть?“

Сидел герой с поникшими очами;
Он мыслию прискорбной пробегал
Стези судьбы, играющей царями;
За вздохом вздох из груди вылетал,
И пролилась печаль его слезами.

И дивный песнопевец зрит,
Что жар любви уже горит
В душе, вкусившей сожаленья,—
80 И песнь выиграл он наслажденья:
„Проснись, лидийский брачный глас;
Проникни душу, пламень сладкой;
О витязь! жизнь — крылатый час;
Мы радость ловим здесь украдкой;
Летучей пены клуб златой,
Надутый пышно и пустой —
Вот честь, надменных душ забава;
Народам казнь героев слава.
Спешь быть счастлив, бог земной;
90 Таиса, цвет любви, с тобой;
К тебе ласкается очами;
В груди желанья тайный жар,
И дышит страсть ее устами.
Вкуси любовь — бессмертных дар“.
Восстал от сонма клич, и своды восстенали:
„Хвала и честь любви! певцу хвала и честь!“
И полон сладостной печали,
Очей не может царь задумчивых отвести
От девы, страстью распаленной;
100 Блажен своей тоской; что взгляд, то нежный вздох;
Горит и гаснет взор, желаньем напоенной,
И, томный, пал на грудь Таисы полубог.

Но струны грянули под сильными перстами,
Их страшный звон, как с треском падший гром;
Звучней, звучней... поднялся царь; кругом
Он бродит смутными очами;
Разрушен неги сладкий сон;
Исчезла прелесть вожденья,
И слух его разит тяжелый, дикий стон:

110 „Сын брани, мщенья! мщенья!
Покорствуй гневу Эменид;
Се девы казни! страшный вид!
Смотри! смотри! меж волосами
Их змеи страшные шипят,
Сверкают грозными очами,
Зияют, жалами блестят...
Но что? Там бледных теней лики;
Воздушный полк на облаках;
Несутся; светочи в руках;
120 Их грозен вид; их взоры дики;
То воины твои... сраженным в битве нет
Последней дани погребенья;
Пустынный вран их трупы рвет,
И воют: мщенья! мщенья!
Бежит от их огней пожар по небесам;
Бедой на Персеполь их гневны очи блещут;
Туда погибель мещут;
К мечам! Бойницы в прах! Огню и дом и храм!..“

И сонмы всколебались к брани;
130 На щит и меч упали длани;
И царь погибельный светильник воспалил.
О горе, Персеполь! грядет владыка сил;
Таиса, вождь герою,
Елена новая, зажжет другую Трою.

Так древней лиры глас — когда еще молчал
Органа мех чудесный —
Перстам послушный, оживлял
В душе восторг, и гнев, и чувства жар прелестный.
Но днесь другую жизнь гармонии дала
140 Сесилия, творец органа.
Бессмертным вымыслом художница слила
Протяжность с быстротой, звон лиры, гром тимпана
И пенье нежных флейт. О древних лет певец,
Клади к ее стопам заслуг твоих венец...
Но нет! вы равны вдохновеньем!
Им смертный к небу вознесен;
На землю Ангел низведен
Ее чудесным сладкопеньем!

К ПЛЕЩЕЕВУ

Ты, Плещепуп,
Весьма неглуп,
Уверен я,
Да, власть твоя!
Не на уме,
Так на письме
Ты короток!
Никак насморк
Тому виной!
¹⁰ И, ангел мой,
Хоть нос распух,
Да крепок дух!

Хвала судьбе!
Скажу тебе:
Гроза прошла,
И расцвела
Душа у нас!
В счастливый час
Наш Бюргав,
²⁰ Здесь прописав
Тово, сево,
Как ничево
Все смастерил
И протурил
Созданье тьмы,
Сестру чумы,
Врагушу в ад!
Не лекарь — клад.
Да вот что грех!
³⁰ Ему на смех
Надежду бьет,
Несет и рвет!
Да захворал
Наш генерал!
Тот человек,
Каких в наш век
Немного есть:

Он любит честь,
Душою прям
4° И дорог нам!
Как Филемон
С Бавкидой, он
С женой живет...
Он хину пьет
Теперь как чай!

Мой друг, прощай!
И жди меня,
Как светла дня
Поп пьяный ждет,
5° И ложки — рот,
И мух паук,
И Павлов — крюк,
Вдовец кривой,
Жены другой!

〈К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ〉

Князь Петр, жилец московский!
Рука твоя легка! Пожалуй сертука!
Твой сельский друг Жуковский
Обнову хочет сшить.
Но ах! не можно быть
(Ведь тело тяжело бремя)
В одно, мой милый, время
В столице и в Орле.
Он за сто верст в селе.
10 Есть муза — нет портнова!
А надобна обнова.
И так пусть твой сертук,
Сиятельный мой друг,
Для Проля или Грея
Послужит образцом.
Портной столичный — фея!

Владеет утюгом
И ножниц острых силой
И ниток колдовством —
20 И будет с сертуком
Твой стиходел унылой.
А старый мой сертук
Уж выбился из рук;
И много превращения,
Несчастный, претерпел;
Под щеткою кряхтел,
А сколько же мученья
От злого голпка!
Пытали, как злодея!
30 Ну право, нет жальчее
На свете сертука!
И так ничуть не диво,
Отставки просит он;
Служил он не лениво
И честно награжден
Заплатами за службу!
А ты — не в службу, в дружбу —
Для образца, мой друг,
Пожалуй без расписки
40 Подателю записки
Твой княжеский сертук!

МЕЧТЫ

Песня

Зачем так рано изменила?
С мечтами, радостью, тоской,
Куда полет свой устремила?
Неумолимая, постой!
О дней моих весна златая,
Постой... тебе возврата нет...
Летит, молитве не внимая;
И все за ней помчалось вслед,

О! где ты, луч, путеводитель
10 Веселых юношеских дней?
Где ты, надежда, обольститель
Неопытной души моей?
Уж нет ее, сей веры милой
К твореньям пламенной мечты..
Добыча истине унылой
Призраков прежних красоты.

Как древле рук своих созданье
Боготворил Пигмалион —
И мрамор внял любви стенанье,
20 И мертвый был одушевлен —
Так пламенно объята мною
Природа хладная была;
И, полная моей душою,
Она подвиглась, ожила.

И, юноши деля желанье,
Немая обрела язык:
Мне отвечала на лобзанье,
И сердца глас в нее проник.
Тогда и древо жизнь прияло,
30 И чувство ощутил ручей,
И мертвое отзывом стало
Пылающей души моей.

И неестественным стремленьем
Весь мир в мою теснился грудь;
Картиной, звуком, выраженьем
Во все я жизнь хотел вдохнуть.
И в нежном семени сокрытой,
Сколь пышным мне казался свет..
Но ах! сколь мало в нем развито!
40 И малое — сколь бедный цвет.

Как бодро, следом за мечтою
Волшебным очарован сном,
Забот не связанный уздою,
Я жизни полетел путем.

Желанье было — исполненье;
Успех отвагу пламенил:
Ни высота, ни отдаленье
Не ужасали смелых крил.

И быстро жизни колесница
50 Стезею младости текла;
Ее воздушная станица
Веселых призраков влекла:
Любовь с прелестными дарами,
С алмазным *Счастье* ключом,
И *Слава* с звездными венцами,
И с ярким *Истина* лучом.

Но, ах!.. еще с полудороги,
Наскучив резвою игрой,
Вожди отстали быстроноги...
60 За роем вслед умчался рой.
Украдкой *Счастье* сокрылось;
Изменой *Знание* ушло;
Сомненья тучей обложилось
Священной *Истины* чело.

Я зрел, как дерзкою рукою
Презренный славу похищал;
И быстро с быстрою весною
Прелестный цвет *Любви* увял.
И все пустынно, тихо стало
70 Окрест меня и предо мной!
Едва *Надежды* лишь сияло
Светило над моей тропой.

Но кто ж из сей толпы крылатой
Один с любовью мне вослед,
Мой до могилы провожатой,
Участник радостей и бед?..
Ты, уз житейских облегчитель,
В душевном мраке милый свет,
Ты, *Дружба*, сердца исцелитель,
80 Мой добрый гений с юных лет.

И ты, товарищ мой любимый,
Души хранитель, как она,
Друг верный, *Труд* неутомимый,
Кому святая власть дана:
Всегда творить не разрушая,
Мирить печального с судьбой,
И, силу в сердце водворяя,
Беречь в нем ясность и покой.

К А. Н. АРБЕНЕВОЙ

„Рассудку глаз! другой воображенью!“ —
Так пишет мне мой стародавний друг.
По совести, такому наставленью
Последовать я соглашусь не вдруг.
Не славно быть циклопом однооком!
Но почему ж славнее быть косым?
А на земле, где опытом жестоким
Мы учены лишь горестям одним,
Не лучший ли нам друг воображенье?
¹⁰ И не оно ль волшебным фонарем
Являет нам на плате роковом
Блестящее блаженства привиденье?
О друг мой! Ум всех радостей палач!
Лишь горький сок дает сей грубый врач!
Он бытие жестоко анатомит:
Едва пленил мечты *наружный* свет,
Уже злодей со *внутренним* знакомит...
Призрак исчез — и Грация — скелет.
Оставим тем, кто благами богаты,
²⁰ Их обнажать, чтоб рок предупредить;
Пускай спешат умом их истребить,
Чтоб не скорбеть от горькой их утраты.
Но у кого они наперечет,
Тому совет: держись воображенья!
Оно всегда в печальный жизни счет
Веселые припишет заблужденья!

- А мой султан — султанам образец!
Не все его придворные поэты
Награждены дипломами диеты
- 30 Иль вервием... Для многих есть венец.
Удавка тем, кто ищет славы низкой,
Кто без заслуг, бескрылые, ползком,
Вскарабкались к вершине Пинда склизкой —
И давит Феб лавровым их венком.
Пост не беда тому, кто пресыщенья
Не попытал, родясь бедняком;
Он с алчностью желаний незнаком.
В поэте нет к излишнему стремленья!
Он не слуга *блистательным* мечтам!
- 40 Он верный друг одним мечтам *счастливым!*
Давно сказал мудрец еврейский нам:
Все суета! Урок всем хлопотливым.
И суета, мой друг, за суету —
Я милую печальной предпочту:
Под губельной Сатурновой косою
Возможно ли *нетленного* искать?
Оно нас ждет за дверью гробовою;
А на земле всего верней — мечтать!
Пленительно твое изображение!
- 50 Ты мне судьбу завидную сулишь
И скромное мое воображенье
Высокою надеждой пламенишь.
Но жребий сей, прекрасный в отдаленье,
Сравнится ль с тем, что вижу пред собой?
Здесь мирный труд, свобода с тишиной,
Посредственность, и круг друзей священной,
И муза, вождь судьбы моей смиренной!
Я не рожден, мой друг, под той звездой,
Которая влечет во храм Фортуны;
- 60 Мне тяжелы Ареевы перуны.
Кого судьба для славы обрекла,
Тому она с отважностью дала
И быстроту, и пламенное рвенье,
И дар: ловить летящее мгновенье,
Препятствия в удачу обращать
И гибкостью упорство побеждать!

- Ему всегда с надеждой исполненье,
Но есть ли что подобное во мне?
И тени нет сих редких дарований!
- 70 Полжизни я истратил в тишине;
Застенчивость, умеренность желаний,
Привычка жить всегда с одним собой,
Доверчивость с беспечной простотой —
Вот все, мой друг; увы, запас убогой!
Пойду ли с ним той страшною дорогой,
Где гибелью грозит нам каждый шаг?
Кто чужд себе, себе тот первый враг!
Не *за своим* он счастьем помчится,
Но с *собственным* безумно разлучится.
- 80 Нельзя искать с надеждой не обрести.
А *неуспех* тяжеле *неисканья*.
И мне на что все счастья даянья?
С кем их делить? Кому их в дар принести?..
„Полезен будь!“ — Так! польза — долг священный!
Но мне твердит мой ум не ослепленный:
Не зная звезд, берегов не покидай!
И сильным вслед, бессильный, не держай!
Им круг большой, ты действуй в малом круге!
Орел летит отважно в горный край!
- 90 Пчела свой мед на скромном копит луге!

И, не входя с моей судьбою в спор,
Без ропота иду вослед за нею!
Что отняла, о том не сожалею!
Чужим добром не обольщаю взор.
Богач ищи богатства быть достойным,
Я обращаю на *пользу* дар певца —
Кому дано бряцаньем лиры стройным
Любовь к добру переливать в сердца,
Тот на земле не тщетный обитатель.

100 Но царь, судья, и воин, и писатель,
Не равные степенями, равны
В возвышенном к прекрасному стремленьи.
Всем на добро одни права даны!
Мой друг, для всех одно здесь Провиденье!
В очах сего незримого Судьи

Мы можем все быть равных благ достойны;
Среди земных превратностей спокойны
И чистыми сберечь сердца свои!
Я с целью сей, для всех единой в мире,
¹¹⁰ Соединю мне сродный труд певца;
Любить добро и петь его на лире —
Вот все, мой друг! Да будет власть Творца!

〈К А. Н. АРБЕНЕВОЙ〉

Хорошо, что ваше письмо коротко, но то дурно,
что оно *не ясно*; почему и не могу я

Сказать вам: *коротко да ясно!*
Истратили напрасно
Зеленых вы чернил!
Какой вам злоязычник
Меня так очернил,
Что будто я — как в птичник
Кукушка иль сова —
Попался в плен опасной
Красавицы прекрасной?!
¹⁰ Что будто голова
Моя совсем вскружилась
От двух каких-то глаз,
Что я забыл Парнас,
Что муза раздружилась
И Феб в вражде со мной?
Такою клеветой
Обижен я жестоко,
Исткните,— пишут,— око,
Смущающее вас!
²⁰ И был бы я циклопом.
Когда б хоть ненароком
От тех смутился глаз,
Которым повелитель
Петр Яковлев, правитель
С округами Орла!

- Но, к счастью, тут нашла
Коса на крепкий камень!
Не тронул сердце пламень!
Избавилось оно
- 3⁰ От нового постоя!..
А служба — вот иное!
Но я служу давно!
Кому? — Султану Фебу!
И лезу прямо к небу,
С простых чинов начав!
Я прежде был пристав
Крылатого Пегаса;
За стойлами Парнаса
Душистыми глядел.
- 4⁰ Но вскоре произвел
Не в очередь, за рвенье,
И прочим в поощренье,
Державный Феб потом
Меня истопником
Своих племянниц Граций,
Которым наш Гораций —
Державин так знаком;
Не торфом, не дровами,
Но глупыми стихами
- 5⁰ У Граций топят печь!
Я, не жалея плеч,
Таскал стихи Хлыстова!
Но как ни раздувал,
Костер мой не пылал...
Злодей водой писал!
И принужден бывал
Кубышкина сухова
С сырым Хлыстовым жечь,
Чтоб хоть немного печь
- 6⁰ Поразогреть харитам!
Досталось и другим,
И русским и чужим,
Проказникам пиитам!
Ах! часто и своим
Уродливым твореньем,

С сердечным сокрушеньем,
Я печку затоплял!
Мой чин на Пинде мал,
Но жду я повышенья!
70 Итак, за приглашенье
Идти служить царю
Я вас благодарю,
Но с Фебом не расстанусь!
Зато всегда останусь,
Так, как и прежде был,
Арбеневою я мпл,
За то, что сам ей душу
Издетства подарил!
А раз что полюбил,
80 К тому уж не нарушу
Любви моей вовек!
Я, право, человек —
Когда судить не строго —
Каких на свете много!..

〈К ЕКАТЕРИНЕ АФАНАСЬЕВНЕ ПРОТАСОВОЙ〉

Скажите, Катерина!
Какая бы причина,
Что вы в душе моей
Сидите да сидите!
Ведь что ни говорите!
Такого сидня в ней
Еще и не бывало!
Не много и не мало,
А двадцать девять лет
10 Как мне лишь вами свет
И весел, и прекрасен!
Недуг сей не опасен,
Зато неизлечим!
И видно, что уж с ним
Тащиться до могилы!

От сей болезни милой
Я заживо умру!
И сам своей рукою
С досады раздеру
²⁰ Подписанный судьбою
На жизнь сию билет!
Пугать собою свет!
Таскаться привиденьем!
Быть скучным мертвецом,
И в свете с отвращеньем —
В занятии таком
Не вижу я отрады!
Я жить для вас готов!
А скучных мертвцов
³⁰ Оставим для баллады!

К А. И. П. (ЛЕЩЕЕВОЙ)

В час веселый всяк пророк!
Вот мое Вам предсказанье!
Перестанет дуться рок!
Кратко скорби испытанье!
Близок счастья милый срок!
Третье августа число
В будущем спокойном годе
Будет все, клянусь, светло
Здесь, и в чувствах, и в природе!
¹⁰ Снова к вам пришедши в круг
Будет Нину петь, и радость,
И златого мира сладость
Возвратившийся ваш друг.

ПЛОВЕЦ

Вихрем бедствия гонимый,
Без кормила и весла,

В океан неисходимый
Буря челн мой занесла.
В тучах звездочка светилась;
„Не скрывайся!“ — я взывал;
Непреклонная сокрылась;
Якорь был — и тот пропал.

Все оделось черной мглою;
¹⁰ Всколыхалися валы;
Бездны в мраке предо мною;
Вкруг ужасные скалы.
„Нет надежды на спасенье!“ —
Я роптал, уныв душой...
О безумец! Провиденье
Было тайный кормщик твой.

Невидимую рукою,
Сквозь ревущие валы,
Сквозь одеты бездны мглою
²⁰ И грозящие скалы,
Мощный вел меня Хранитель.
Вдруг — все тихо! мрак исчез;
Вижу райскую обитель...
В ней трех Ангелов небес.

О Спаситель-Провиденье!
Скорбный ропот мой утих;
На коленях, в восхищенье,
Я смотрю на образ их.
О! кто прелесть их опишет?
³⁰ Кто их силу над душой?
Все окрест их небом дышит
И невинностью святой.

Неиспытанная радость —
Ими жить, для них дышать;
Их речей, их взоров сладость
В душу, в сердце принимать.
О судьба! одно желанье:
Дай все блага им вкусить;

Пусть им радость — мне страданье;
40 Но... не дай их пережить.

* * *

Друзья! „прости“ — слово святое,
Оно не значит розно жить;
Напротив — неразлучней быть
Воспоминанием и старой дружбой вдвое!

Сказав „прости“ моим друзьям,
Себя от них не отдаляю,
В одном лишь слове заключаю
И благодарность к ним, и веру к их сердцам!

„Прости!“ — надежды милый глас,
10 Предвозвещающий свиданье!
В минуту скорби — упованье
На восхитительный вознаграждения час!

Того ужасного „прости“,
Которое жестокой силой
Творит чужим, что было мило,
Не дай нам никогда, Творец, произнести!

„Прости!“ — святое завещанье
Быть вместе даже и вдали,
Залог бродящим на земли
20 Путиами разными — на верное свиданье.

Никто: „прости, и жизнь и свет!“
Сказать не может без волненья,
Но то лишь знак переселенья
В тот край, где о „прости“ уж и помина нет!

ПЕСНЯ В ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Вот вам совет, мои друзья!
Осушим, идя в бой, стаканы!
С одним не пьяный слажу я!
С десятком уберуся пьяный!

Хор

Полней стаканы! пейте в лад!
Так пили наши деды!
Тебе погибель, супостат!
А нам венец победы!

Так! чудеса вино творит!
¹⁰ Кто пьян, тому вселенной мало!
В уме он? — сам всего дрожит!
Сошел с ума? — все задрожало!

Хор

Полней стаканы! и пр.

Не воин тот в моих глазах,
Кому бутылка не по нраву!
Он видит лишь в сраженье страх!
А пьяный в нем лишь видит славу!

Хор

Полней стаканы! и пр.

Друзья! вселенная красна!
²⁰ Но ежели рассудим строго,
Найдем, что мало в ней вина,
И что воды уж слишком много!

Хор

Полней стаканы! и пр.

Так! если Бог не сотворил
Стихией влагу драгоценну,

Он осторожно поступил —
Мы осушили бы вселенну!

Хор

Полней стаканы! пейте в лад!
Так пили наши деды!
3° Тебе погибель, супостат!
А нам венец победы!

ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ

Певец

На поле бранном тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здесь светит нам луна,
Здесь кров небес над нами,
Наполним кубок круговой!
Дружнее! руку в руку!
Запьем вином кровавый бой
И с падшими разлуку.
Кто любит видеть в чашах дно,
10 Тот бодро ищет боя...
О всемогущее вино,
Веселие героя!

Воины

Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О всемогущее вино,
Веселие героя!

Певец

Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья, уже могущих нет;
20 Уж нет вождей победы;

Их дома вихорь разметал;
Их гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожрал
Их шлемы и кольчуги;
Но дух отцов воскрес в сынах;
Их поприще пред нами...
Мы там найдем их славный прах
С их славными делами.

Смотрите, в грозной красоте,
30 Воздушными полками,
Их тени мчатся в высоте
Над нашими шатрами...
О Святослав, бич древних лет,
Се твой полет орлиной.
„Погибнем! мертвым срама нет!“
Гремит перед дружиной.
И ты, неверных страх, Донской,
С четой двух соименных,
Летишь погибельной грозой
40 На рать иноплеменных.

И ты, наш Петр, в толпе вождей.
Внимайте клич: Полтава!
Орды пришельца, снесь мечей,
И мир взывает: слава!
Давно ль, о хищник, пожирал
Ты взором наши грады?
Беги! твой конь и всадник пал:
Твой след — костей громады;
Беги! и стыд и страх сокрой
50 В лесу с твоим Сарматом;
Отчизны враг сопутник твой;
Злодей владыке братом.

Но кто сей рьяный великан,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящий вражий стан
Вперил он страшны очи;
Его завидя в облаках,

Шумящим, смутным роем
На снежных Альпов высотах
60 Взлетели тени с воем;
Бледнеет Галл, дрожит Сармат
В шатрах от гневных взоров...
О горе! горе, супостат!
То грозный наш Суворов!

Хвала вам, чада прежних лет,
Хвала вам, чада славы!
Дружиной смелой вам вослед
Бежим на пир кровавый;
Да мчится ваш победный строй
70 Пред нашими орлами;
Да сеет, нам предтеча в бой,
Погибель над врагами;
Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебе, губитель!

Воины

Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
80 И казнь тебе, губитель!

Певец

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
90 О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Там все — там родных милый дом;
Там наши жены, чада;
О нас их слезы пред Творцом;
Мы жизни их ограда;
Там девы — прелесть наших дней,
И сонм друзей бесценный,
И царский трон, и прах Царей,
¹⁰⁰ И предков прах священный.
За них, друзья, всю нашу кровь!
На вражьих грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

Воины

За них, за них всю нашу кровь!
На вражьих грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

Певец

Тебе сей кубок, Русский царь!
¹¹⁰ Цвети, Твоя Держава;
Священный трон Твой наш алтарь;
Пред ним обет наш: слава.
Не изменим; мы от отцов
Прияли верность с кровью;
О Царь, здесь сонм Твоих сынов,
К Тебе горим любовью;
Наш каждый ратник Славянин;
Все долгу здесь послушны;
Бежит предатель сих дружин,
¹²⁰ И чужд нам малодушный.

Воины

Не изменим; мы от отцов
Прияли верность с кровью;
О Царь, здесь сонм Твоих сынов,
К Тебе горим любовью.

Певец

Сеи кубок ратным и вождам!
В шатрах, на поле чести,
И жизнь и смерть — все пополам;
Там дружество без лести,
Решимость, правда, простота,
130 И нравов непритворство,
И смелость — бранных красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низким уз;
К венцам стезею правой!
Опасность — твердый наш союз;
Одной пылаем славой.

Тот наш, кто первый в бой летит
На гибель супостата,
Кто слабость падшего щадит
140 И грозно мстит за брата;
Он взором жизнь дает полкам;
Он махом мощной длани
Их мчит во сретенье врагам,
В средину шумной брани;
Ему веселье битвы глас,
Спокоен под громами:
Он свой последний видит час
Бесстрашными очами.

Хвала тебе, наш бодрый вождь,
150 Герой под сединами!
Как юный ратник, вихрь, и дождь,
И труд он делит с нами.
О сколь с израненным челом
Пред строем он прекрасен!
И сколь он хладен пред врагом
И сколь врагу ужасен!
О диво! се орел пронзил
Над ним небес равнины...
Могущий вождь главу склонил;
160 Ура! кричат дружины.

Лети ко прадедам, орел,
Пророком славной мести!
Мы тверды: вождь наш перешел
Путь гибели и чести;
С ним опыт, сын труда и лет;
Он бодр и с сединою;
Ему знаком победы след...
Доверенность к герою!
Нет, други, нет! не предана
¹⁷⁰ Москва на расхищенье;
Там стены!.. в Россах вся она;
Мы здесь — и Бог наш мщенье.

Хвала сподвижникам-вождям!
Ермолов, витязь юный,
Ты ратным брат, ты жизнь полкам,
И страх твои перуны.
Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
¹⁸⁰ С отважными сынами.
Наш Милорадович, хвала!
Где он промчался с бранью,
Там, мнится, смерть сама прошла
С губительною дланью.

Наш Витгенштейн, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!.. Он щит стране родной,
Он хищных истребитель.
О сколь величественный вид,
¹⁹⁰ Когда перед рядами,
Один, склонясь на твердый щит,
Он грозными очами
Блюдет противников полки,
Им гибель устрояет
И вдруг... движением руки
Их сонмы рассыпает.

Хвала тебе, Славян любовь,
Наш Коновницын смелый!..
Ничто ему толпы врагов,
²⁰⁰ Ничто мечи и стрелы;
Пред ним, за ним перун гремит,
И пышет пламень боя..
Он весел, он на гибель зрит
С спокойствием героя;
Себя забыл... одним врагам
Готовит истребленье;
Пример и ратным и вождям,
И смелым удивленье.

Хвала, наш вихорь-Атаман;
²¹⁰ Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан
Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь;
Они лишь к лесу — ожил лес,
Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту — мост исчез:
²²⁰ Лишь к селам — пышут селы.

Хвала, наш Нестор-Бенингсон!
И вождь и муж совета,
Блюдет врагов не дремя он,
Как змей орел с полета.
Хвала, наш Остерман-герой,
В час битвы ратник смелый!
И Тормасов, летящий в бой,
Как юноша веселый!
И Багговут, среди громов,
²³⁰ Средь копий безмятежный!
И Дохтуров, гроза врагов,
К победе вождь надежный!

Наш твердый Воронцов, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать Славян, когда стрела
В бесстрашного вонзилась;
Когда полмертв, окровавлен,
С потухшими очами,
Он на щите был изнесен
²⁴⁰ За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
К постеле пригвожденный,
Он страждет, братскою толпой
Увечных окруженный.

Ему возглавье — бранный щит;
Незыблемый в мученье,
Он с ясным взором говорит:
„Друзья, бедам презренье!“
И в их сердцах героя речь
²⁵⁰ Веселье пробуждает,
И, оживясь, до поры меч
Рука их обнажает.
Спеши ж, о витязь наш! воспрянь;
Уж Ангел истребленья
Горе подъял ужасну длань,
И близок час отмщенья.

Хвала, Щербатов, вождь молодой!
Среди грозы военной,
Друзья, он сетует душой
²⁶⁰ О трате незабвенной.
О витязь, ободрись!.. она
Твой спутник невидимый,
И ею свыше знамена
Дружин твоих хранимы.
Любви и скорби оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувших возмутить
Покой ее могилы.

Хвала наш Пален, чести сын!
270 Как бурею носимый,
Везде впреди своих дружин
Разит, неотразимый.
Наш смелый Строгонов, хвала!
Он жаждет чистой славы;
Она из мира увлекла
Его на путь кровавый...
О храбрых сонм, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна к вам взывает: месть!
280 Вселенная: спасенье!

Хвала бестрепетных вождам!
На конях окрыленных
По долам скачут, по горам
Вослед врагов смятенных;
Днем мчатся строй на строй; в ночи
Страшат, как привиденья;
Блистают смертью их мечи;
От стрел их нет спасенья;
По всем рассыпаны путям,
290 Невидимы и зримы;
Сломили здесь, сражают там
И всюду невредимы.

Наш Фигнер старцем в стан врагов
Идет во мраке ночи;
Как тень прокрался вокруг шатров,
Всё зрели быстры очи...
И стан еще в глубоком сне,
День светлый не проглянул —
А он уж, витязь, на коне,
300 Уже с дружиной грянул.
Сеславин — где ни пролетит
С крылатыми полками:
Там брошен в прах и меч, и щит,
И устлан путь врагами.

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы.
Кудашев скоком через ров
310 И летом на стремнину;
Бросает взглядом Чернышов
На меч и гром дружину;
Орлов отважностью орел;
И мчит грозу ударов
Сквозь дым и огонь, по грудам тел,
В среду врагов Кайсаров.

Воины

Вожди Славян, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна к вам зовет: мечь!
320 Вселенная: спасенье!

Певец

Друзья, кипящий кубок сей
Вождям, сраженным в бое.
Уже не придут в сонм друзей,
Не станут в ратном строе,
Уж для врага их грозный лик
Не будет вестник мщенья.
И не помчит их мощный клик
Дружину в пыл сраженья;
Их празден меч, безмолвен щит,
330 Их ратники унылы;
И сир могучих конь стоит
Близ тихой их могилы.

Где Кульнёв наш, рушитель сил,
Свирепый пламень брани?
Он пал — главу на щит склонил
И стиснул меч во длани.
Где жизнь судьба ему дала,
Там брань его сразила;
Где колыбель его была,

- 34⁰ Там днесь его могила.
И тих его последний час:
С молитвою священной
О милой матери, угас
Герой наш незабвенной...
- А ты, Кутайсов, вождь молодой...
Где прелести? где младость?
Увы! он видом и душой
Прекрасен был, как радость;
В броне ли, грозный, выступал —
35⁰ Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударял —
Одушевлялись струны...
О горе! верный конь бежит
Окровавлен из боя;
На нем его разбитый щит...
И нет на нем героя.
- И где же твой, о витязь, прах?
Какою взят могилой?..
Пойдет прекрасная в слезах
36⁰ Искать, где пепел милой...
Там чище ранняя роса,
Там зелень ароматней,
И сладостней цветов краса,
И светлый день приятней,
И тихий дух твой прилетит
Из таинственной сени;
И трепет сердца возвестит
Ей близость дружной тени.
- И ты... и ты, Багратион?
37⁰ Вотще друзей молитвы,
Вотще их плач... во гробе он,
Добыча лютой битвы.
Еще дружин надежда в нем;
Все мнит: с одра восстанет;
И робко шепчет враг с врагом:
„Увы нам! скоро грянет“.

А он... навеки взор смежил,
Решитель бранных споров,
Он в область храбрых воспарил,
380 К тебе, отец Суворов.

И честь вам, падшие друзья!
Ликуйте в горней сени;
Там ваша верная семья —
Вожей минувших тени.
Хвала вам будет оживлять
И поздних лет беседы.
„От них учитесь умирать!“ —
Так скажут внукам деды;
При вашем имени вскипит
390 В вожде ретивом пламя;
Он на твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

Воины

При вашем имени вскипит
В вожде ретивом пламя;
Он на твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

Певец

Сей кубок мщенью! други, в строй!
И к небу грозны длани!
Сразить иль пасть! наш роковой
400 Обет пред богом брани.
Вотще, о враг, из тьмы племен
Ты зиждешь ополченья;
Они бегут твоих знамен
И жаждут низложения.
Сокровищ нет у нас в домах;
Там стрелы и кольчуги;
Мы села — в пепел; грады — в прах;
В мечи — серпы и плуги.

Злодей! он лестью приманил
410 К Москве свои дружины;

Он низким миром нам грозил
С кремлевския вершины.
„Пойду по стогнам с торжеством!
Пойду... и все воспещет!
И в прах падут с своим царем!..“
Пришел... и сам трепещет;
Подвигло мщенье Москву:
Вспылала пред врагами
И грянулась на их главу
⁴²⁰ Губящими стенами.

Веди ж своих царей-рабов
С их стаей в область хлада;
Пробей тропу среди снегов
Во сретенье глада...
Зима, союзник наш, гряди!
Им заперт путь возвратный;
Пустыни в пепле позади;
Пред ними сонмы ратны.
Отведай, хищник, что сильней:
⁴³⁰ Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых Провиденье!

Вонны

Отведай, хищник, что сильней:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых Провиденье!

Певец

Святому братству сей фиал
От верных братий круга!
Блажен, кому Создатель дал
⁴⁴⁰ Усладу жизни, друга;
С ним счастье вдвое; в скорбный час
Он сердцу утешенье;
Он наша совесть; он для нас
Второе Провиденье.
О! будь же, други, святость уз

Закон наш под шатрами;
Написан кровью наш союз:
И жить и пасть друзьями.

Воины

О! будь же, други, святость уз
45° Закон наш под шатрами;
Написан кровью наш союз:
И жить и пасть друзьями.

Певец

Любви сей полный кубок в дар!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жар:
Любовь одно со славой.
Кому здесь жребий уделен
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцем сердцу обручен:
46° Тот смело, с бодрой силой
На все великое летит;
Нет страха; нет преграды;
Чего, чего не совершит
Для сладостной награды?

Ах! мысль о той, кто все для нас,
Нам спутник неизменный;
Везде знакомый слышим глас,
Зрим образ незабвенный!
Она на бранных знаменах,
47° Она в пылу сраженья;
И в шуме стана и в мечтах
Веселых сновиденья.
Отведай, враг, исторгнуть щит,
Рукою данный милой;
Святой обет на нем горит:
Твоя и за могилой!

О сладость тайныя мечты!
Там, там за синей далью
Твой ангел, дева красоты,

480 Одна с своей печалью,
Грустит, о друге слезы льет;
 Душа ее в молитве,
Бойся вести, вести ждет:
„Увы! не пал ли в битве?“
И мыслит: „Скоро ль, дружный глас,
 Твои мне слышать звуки?
Лети, лети, свиданья час,
 Сменить тоску разлуки“.

Друзья! блаженнейшая часть:
490 Любезных быть спасеньем.
Когда ж предел наш в битве пасть —
 Погибнем с наслажденьем;
Святое имя призовем
 В минуту смертной муки;
Кем мы дышали в мире сем,
 С той нет и там разлуки:
Туда душа перенесет
 Любовь и образ милой..
О други, смерть не все возьмет;
500 Есть жизнь и за могилой.

Воины

В тот мир душа перенесет
 Любовь и образ милой..
О други, смерть не все возьмет;
 Есть жизнь и за могилой.

Певец

Сей кубок чистым Музам в дар!
 Друзья, они в героя
Вливают бодрость, славы жар,
 И мечь, и жажду боя.
Гремят их лиры — стар и млад
510 Оделись в бранны латы:
Ничто им стрел свистящих град,
 Ничто твердынь раскаты.
Певцы — сотрудники вождям;
 Их песни — жизнь победам,

И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.

О, радость древних лет, Боян!
Ты, арфой ополченный,
Летал пред строями Славян,
520 И гимн гремел священный;
Петру возник среди снегов
Певец — податель славы;
Честь Задунайскому — Петров.
О камские дубравы,
Гордитесь, ваш Державин-сын!
Готовь свои перуны,
Суворов, чудо-исполин,—
Державин грянет в струны.

О старец! да услышим твой
530 Днесь голос лебединый;
Не тщетной славы пред тобой,
Но мщениа дружины;
Простерли не к добычам длань,
Бегут не за венками —
Их подвиг свят: то правых брань
С злодейскими ордами.
Пришло разрушить их мечам
Племен порабощенье;
Самим губителя рабам
540 Победы их спасенье.

Так, братья, чадам Муз хвала!..
Но я, певец ваш юный...
Увы! почто судьба дала
Незвучные мне струны?
Доселе тихим лишь полям
Моя играла лира...
Вдруг выпал жребий: к знаменам!
Прости, и сладость мира,
И отчий край, и круг друзей,
550 И труд уединенный,

И все... я там, где стук мечей,
Где ужасы военны.

Но буду ль ваши петь дела
И хищных истребленье?
Быть может, ждет меня стрела
И мне удел — паденье.
Но что ж... навеки ль смертный час
Мой след изгладит в мире?
Останется привычный глас
560 В осиротевшей лире.
Пускай губителя во прах
Низринет месть кровава —
Родится жизнь в ее струнах,
И звучно грянут: слава!

Воины

Хвала возвышенным певцам!
Их песни — жизнь победам;
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.

Певец

Подыдем чашу!.. Богу сил!
570 О братья, на колена!
Он искони благословил
Славянские знамена.
Бессильным щит его закон,
И гибнущим спаситель;
Всегда союзник правых он
И гордых истребитель.
О братья, взоры к небесам!
Там жизни сей награда!
Отголь отец незримый нам
580 Гласит: мужайтесь, чада!

Бессмертье, тихий, светлый брег;
Наш путь — к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег!
Вы, странники, терпенье!

Блажен, кого постигнул бой!
Пусть долго, с жизнью хилой,
Старик трепещущей ногой
Влачится над могилой;
Сын брани мигом ношу в прах
590 С могучих плеч свергает
И, бодр, на молнийных крылах
В мир лучший улетает.

А мы?.. Доверенность к Творцу!
Что б ни было — незримой
Ведет нас к лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслед!
Прочь, низкое! прочь, злоба!
Дух бодрый на дороге бед,
600 До самой двери гроба;
В высокой доле — простота;
Нежадность — в наслажденье;
В союзе с ровным — правота;
В могуществе — смирение.

Обетам — вечность; чести — честь;
Покорность — правой власти;
Для дружбы — все, что в мире есть;
Любви — весь пламень страсти;
Утеха — скорби; просьбе — дань;
610 Погибели — спасенье;
Могущему пороку — брань;
Бессильному — презренье;
Неправде — грозный правды глас;
Заслуге — воздаянье;
Спокойствие — в последний час;
При гробе — упование.

О! будь же, Русский Бог, нам щит!
Прострешь Твою десницу —
И метитель-гром Твой раздробит
620 Коня и колесницу.
Как воск перед лицом огня,

Растает враг пред нами...
О страх карающего дня!
Бродя окрест очами,
Речет пришлец: „Врагов я зрел;
И мнил: земли им мало;
И взор их гибелью горел;
Протек — врагов не стало!“

Воины

Речет пришлец: „Врагов я зрел;
630 И мнил: земли им мало;
И взор их гибелью горел;
Протек — врагов не стало!“

Певец

Но светлых облаков гряда
Уж утро возвещает;
Уже восточная звезда
Над холмами играет;
Редее сумрак; сквозь туман
Проглянули равнины,
И дальний лес, и тихий стан,
640 И спящие дружины.
О други, скоро!.. день грядет...
Недвижны рати бурны...
Но... Рок уж жребии берет
Из таинственной урны.

О новый день, когда твой свет
Исчезнет за холмами,
Сколь многих взор наш не найдет
Меж нашими рядами!..
И се блеснул!.. Чу!.. вестовой
650 Перун по холмам грянул;
Внимайте: в поле шум глухой!
Смотрите: стан воспрянул!
И кони ржут, грызя бразды;
И строй сомкнулся с строем;
И вождь летит перед ряды;
И пышет ратник боем.

Друзья, прощанью кубок сей!
И смело в бой кровавой
Под вихорь стрел, на ряд мечей,
660 За смертью пль за славой...
О вы, которых и вдали
Боготворим сердцами,
Вам, вам все блага на земли!
Щит Промысла над вами!..
Всевышний Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
В завет: *здесь* верныя любви,
Там сладкого свиданья!

Волны

Всевышний Царь, благослови!
670 А вы, друзья, лобзанье
В завет: *здесь* верныя любви,
Там сладкого свиданья!

К N. N. ПРИ ПОСЫЛКЕ ПОРТРЕТА

Вот вам стихи, и с ними мой портрет!
О милые, сей бедный дар примите
В залог любви. Меня уж с вами нет!
Но вы мой путь, друзья, благословите.
Вы скажете: печален образ мой;
Увы! друзья, в то самое мгновенье,
Как в пламенном Маньяни вдохновенье
Преображал искусною рукой
Веленевый листок в лицо поэта,
10 Я мыслию печальной был при вас,
Я проходил мечтами *прежних* лет
И предо мной мелькал разлуки час!
Куда ведет меня мой рок, не знаю;
И если б он мне выбрать волю дал
Мой путь... друзья! — не тот бы я избрал;
Но с Промыслом судиться не дерзаю!

Пусть будет то, что свыше суждено!
Готов на все!.. Условие одно:
Чтоб вы, рукой Всесильного хранимы,
²⁰ В сей буре бед остались невредимы.

ВОЖДЮ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Писано после сражения под Красным

Послание

О вождь Славян, дерзнут ли робки струны
Тебе хвалу в сей славный час бряцать?
Везде гремят отмщенья перуны,
И мчится враг, стыдом покрытый, вспять,
И с Россом мир тебе рукоплещает!..
Кто пенью струн средь плесков сих внимает?
Но как молчать? Я сердцем Славянин!
Я зрел, как ты, впреди своих дружин,
В кругу вождей, сопутствуем громами,
¹⁰ Как Божий гнев, шел грозно за врагами.
Со всех сторон дымились небеса;
Окрест земля от громов колебалась...
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!
Сколь дивная являлась мне краса!
О старец-вождь! я мнил, что над тобою
Тогда сам Рок невидимый летел;
Что был сокрыт вселенная предел
В твоей главе, венчанной сединою.

Закон судьбы для нас неизъяеним.
²⁰ Надменный сей не ею ль был храним?
Вотще пески ливийские пылали —
Он путь открыл среди песчаных волн;
Вотще враги пучину осаждали —
Его промчал безвредно легкий челн;
Ступил на брег — в руке его корона;
Уж хищный взор с похищенного трона
Вселенную в неволю оковал;

Уж он царей-рабов своих созвал...
И восстают могущие тевтоны,
30 Достойные Арминия сыны;
Неаполь, Рим собирают легионы;
Богемец, венгр, саксон ополчены;
И стали в строй изменники сарматы;
Им нет числа; дружины их крылаты;
И норд и юг поток сей наводнил!
Вождю вослед, а вождь их за звездою,
Идут, летят — уж всё под их стопою,
Уж Росс главу под низкий мир склонил...
О замыслы! о неба суд ужасный!
40 О хищный враг!.. и труд толиких лет,
И трупами устланный путь побед,
И мощь, и злость, и козни — все напрасно!
Здесь грозная Судьба его ждала;
Она успех на то ему дала,
Чтоб старец наш славней его низринул.
Хвала, наш вождь! Едва дружины двинул —
Уж хищных рать стремглав бежит назад;
Их гонит страх; за ними мчится глад;
И щит и меч бросают с знаменами;
50 Везде пути покрыты их костями;
Их волны жрут; их губит огонь и хлад;
Вотще свой взор подъемлют ко спасенью...
Не узрят их отечески поля!
Обречены в добычу истребленью,
И будет гроб им русская земля!
И скрылася, наш старец, пред тобою
Сия звезда, сей грозный вождь к бедам;
Посол Судьбы, явился ты полкам —
И пред твоей священной сединою
60 Безумная гордыня пала в прах.
Лети, неси за ними смерть и страх;
Еще удар — и всей земле свобода,
И нет следов *великого* народа!
О, сколь тебе завидный жребий дан!
Еще вдали трепещет оттоман —
А ты уж здесь; уж родины спаситель;
Уже погнал, как гений-истребитель,

Кичливые разбойников орды;
И ряд побед — полков твоих следы;
70 И самый враг, неволею гнетомый,
Твоих орлов благословляет громы:
Ты жизнь ему победами даришь...
Когда ж, свершив погибельное мщенье,
Свои полки отчизне возвратишь,
Сколь славное тебе успокоенье!..
Уже в мечтах я вижу твой возврат:
Перед тобой венцы, трофеи брани;
Во сретенье бегут и стар и млад;
К тебе их взор; к тебе поднимают длани;
80 „Вот он! вот он! сей грозный вождь, наш щит;
Сколь величав грядущий пред полками!
Усейте путь спасителя цветами!
Да каждый храм мольбой о нем гремит!
Да слышит он везде благословенье!“
Когда ж, сложив с главы своей шелом
И меч с бедра, ты возвратишься в дом,
Да вкусишь там покоя наслаждение
Пред славными трофеями побед —
Сколь будет ток твоих преклонных лет
90 В сей тишине величествен и ясен!
О, дней благих закат всегда прекрасен!
С веселием вода окрест свой взор,
Ты будешь зреть ликующие нивы,
И скачущи стада по скатам гор,
И хижины оратая счастливы,
И скажешь: мной дана им тишина.
И старец, в гроб ступивший уж ногою,
Тебя в семье вспомянув с мольбою,
В семействе скажет: „Им сбережена
100 Мне мирная в отечестве могила“,
И скажет мать, любуясь на детей:
„Его рука мне милых сохранила“,
На пиршествах, в спокойствии семей,
Пред алтарем, в обители царей,
Везде, о вождь, тебе благословенье.
Тебя предаст потомству песнопенье.

〈К А. А. ПЛЕЩЕЕВУ〉

Плещеев! Сколько сходств с тобою у меня!
Не скучен ты, не грустен я,
Как голенище черны оба,
Известно всем, что мы умны
И оба влюблены,
Обоим обожать до гроба.
Но для профанов продолжим
Еще сие сравненье:
Ты в восхищении, что Ниною любим,
¹⁰ А я от твоего блаженства в восхищенье.

К ФИЛОНУ

Блажен, о Филон, кто Харитам-богиням жертвы приносит.
 Как светлые дни легкокрылого мая в блеске весеннем,
 Как волны ручья, озаренны улыбкой юного утра,
 Дни его легким полетом летят.

И полный фиал, освященный устами дев полногрудых,
 И лира, в кругу окрыляемых пляской фавнов звеняща,
 Да будут от нас, до нисхода в пределы тайного мира,
 Грациям, девам стыдливости, дар.

И горе тому, кто Харитам противен; низкие мысли
¹⁰ Его от земли не восходят к Олимпу; бог песнопенья
 И нежный Эрот с ним враждуют; напрасно лиру он строит:
 Жизни в упорных не будет струнах.

СВЕТЛАНЕ

Хочешь видеть жребий свой
 В зеркале, Светлана?
 Ты спросись с своей душой!
 Скажет без обмана,
 Что тебе здесь суждено!
 Нам душа — зеркало:
 Все в ней, все заключено,
 Что нам обещало
 Провиденье в жизни сей!
¹⁰ Милый друг, в душе твоей,
 Непорочной, ясной,
 С восхищеньем вижу я,
 Что *сходна* судьба твоя
 С сей душой прекрасной!
 Непорочность — спутник твой

И веселость — гений
Всюду будут пред тобой
С чашей наслаждений.
Лишь тому, в ком чувства нет,
20 Путь земной ужасен!

Счастье в нас, и Божий свет
Нами лишь прекрасен.
Милый друг, спокойна будь,
Безопасен твой здесь путь:
Сердце твой хранитель!
Все судьбою в нем дано:
Будет здесь тебе оно
К счастью предводитель!

〈К А. А. ПЛЕЩЕЕВУ〉

[1]

На бал, обед и ужин!
Ты там, конечно, нужен!
Ты с грациями дружен;
На вымыслы богат;
Пифийцу Фебу сват;
Весельям, смехам брат;
А Талия, плутовка,
Твоя, сударь, золовка.
Меня ж, мой милый друг,
10 Нечаянный недуг
(Какой, сказать не знаю)
Схватил — я умираю
И ё горем пополам,
Нахмурясь, восклицаю:
„Увы! не быть мне там,
Где будешь ты с женою;
Где будет пир горою;
Где с милой молодою
Муж будет — молодой;

- 20 Забав и смехов рой;
Шампанское и пиво;
Розина с Альмавивой;
Леге и Букильон;
Пять, шесть Толстых; Нельсон;
Паштеты, буженна,
Тартинки, солонина,
Грибы и... Катерина —
Та, знаешь, Катерина,
Которой напоказ
- 30 Творец дал пару глаз,
Но с этими глазами:
Скажу я между нами...“
Однако, милый друг!
Мне право недосуг;
Я болен, болен, болен;
Так ехать я неволен,
Хотя бы и желал,
На этот званный бал!
Два слова в заключение;
- 40 Скажи мое почтенье
Супружнице своей!..
Что друг мой Алексей?
Совсем здорова ль Маша?
Что Гриша, Алексаша?
И все (коликó есть)
Плутшки Плещенята?
Премилые ребята!
За сим, имею честь
С преданностью, почтеньем,
- 50 С сердечным умиленьем,
Приятель дорогой,
Пребыть твоим слугой.

[2]

Итак — всему конец?
И балам, и беседам,
И в сумерки обедам?
Ты дома, мой певец!

Берешься за Кателя,
За Гайдена, Генделя,
И строишь клавесин!
И дев двенадцать спящих
Без умолку молящих,
¹⁰ Чтоб смелый паладин
Иль юноша невинный
Пришел в их дом пустынный
И казнь их прекратил,
Ждут с страшным нетерпеньем,
Чтоб хитрым нот сложеньем
Ты всех их пробудил.
Ну! в добрый час! к набою!
Да будут над тобою
Державный Аполлон
²⁰ И стая муз крылатых!

Итак, Толстой внесен
В число людей женатых,
То есть, он стал супруг?
Нельзя ли, милый друг,
Прислать мне описанья
Сговора и венчанья?
И кто держал венец?
И кто был, наконец,
У молодых отец,
³⁰ Известно, посаженной?
Какой их поп венчал,
Невежа иль ученой?
Каков был званый бал?
Кто в танцах отличался?
Кто с такту не сбивался?
Севильский брадобрей
С отважным Альмавивой
Сошел ли с рук счастливо?
Еще каких затей
⁴⁰ По милости твоей
Не видели ль поляны?
Вы часто ль были пьяны?
И прочее... У нас,

Промолвить в добрый час,
Теперь все лучше стало,
И лихорадки жало
Белевский Гиппократ
Подрезал горькой хиной!
Я ж жизни половиной
50 Пожертвовать бы рад
(Или готов и всею)
За то, чтоб только с нею
Все блага на земли
Здоровьем расцвели...

Но кучер твой бранится!
Пора с пером проститься!
Поклон твоей жене!
И помни обо мне!

〈ПРОТАСОВЫМ〉

Друзья! пройдет два дни —
Я снова буду с вами!
Явлюсь — но не с стихами!
(Не пишутся они).
Пока парламентаря
Мы шлем к вам, для примера,
Узнать, хорош ли путь!
Боюсь утонуть;
Ведь вам же будет горе.
10 Теперь и лужа море.
А молвить в добрый час,
Без всякой лести, в луже
Сидеть гораздо хуже,
Чем, милые, у вас!
Дай Бог, чтоб я здоровых
Друзей моих нашел
И в путь совсем готовых!
Оставьте сей Орел,

Печальную берлогу!
20 Скорей, скорей в дорогу,
В Муратово село.
Там счастье завело
Колонию веселья;
Там дни быстрее бегут
Меж дела и безделья!
Там нас смиренно ждут:
Единственный Григорий,
Цветник, валет, цикорий,
Гора, винтовка, пруд,
30 И стол, увы! грибовной
С Матреною Петровной!
Там, право, лучший свет!
Там счастливый счастливей,
Там Вендрих говорливей;
А Вицмана там нет.—
Авдотья! Вы Диана!
Камкин — Эндимион!
Он просит не дурмана —
Собаки просит он!
40 В Белеве он почтмейстер!
Намедни он ко мне
Писал, что ваш форејтер
Любезен сатане
И псицей обладает,
Достоиную богов!
А так как обожает
Почтмейстер наш скотов
Из песиева рода,
То псицу у урода
50 Желает он купить!
Нельзя ль благоволить
В Белевскую контору
Урода для разбору
Сей тяжбы отпустить?
Все это не стихами
В письме изложено,
Которое уж вами
Давно получено.

**УЗНИК К МОТЫЛЬКУ,
ВЛЕТЕВШЕМУ В ЕГО ТЕМНИЦУ**

Откуда ты, эфира житель?
Скажи, нежданный гость небес,
Какой зефир тебя занес
В мою печальную обитель?..
Увы! денницы милый свет
До сводов сих не достигает;
В сей бездне ужас обитает;
Веселья здесь и следу нет.

Сколь сладостно твое явленье!
¹⁰ Знать, милый гость мой, с высоты
Страдальца вздох услышал ты —
Тебя примчало сожаленье;
Увы! убитая тоской
Душа весь мир в тебе узрела,
Надежда ясная влетела
В темницу к узнику с тобой.

Скажи ж, любимый друг природы,
Все те же ль неба красоты?
По-прежнему ль в лугах цветы?
²⁰ Душисты ль рощи? ясны ль воды?
По-прежнему ль в тиши ночной
Поет дубравная певица?
Увы! скажи мне, где денница?
Скажи, что сделалось с весной?

Дай весть услышать о свободе;
Слышал ли песнь ее в горах?
Ее видал ли на лугах
В одушевленном хороводе?
Ах! зрел ли милую страну,
³⁰ Где я был счастлив в прежни годы?
Все та же ль там краса природы?
Все так ли там, как в старину?

Весна сих сводов не видала:
Ты не найдешь на них цветка;
На них затворников рука
Страданий повесть начертала;
Не долетает к сим стенам
Зефира легкое дыханье:
Ты внемлешь здесь одно стенанье;
40 Ты здесь порхаешь по цепям.

Лети ж, лети к свободе в поле;
Оставь сей бездны глубину;
Спеши прожить твою весну —
Другой весны не будет боле;
Спеши, творения краса!
Тебя зовут луга шелковы:
Там прихоти — твои оковы;
Твоя темница — небеса.

Будь весел, гость мой легкокрылой,
50 Резвяся в поле по цветам...
Быть может, двух младенцев там
Ты встретишь с матерью унымой.
Ах! если б мог ты усладить
Их муку радости словами;
Сказать: он жив! он дышит вами!
Но... ты не можешь говорить.

Увы! хоть крыльями златыми
Моих младенцев ты прельсти;
По травке тихо полети,
60 Как бы хотел быть пойман ими;
Тебе помчатся вслед они,
Добычи милья желая;
Ты их, с цветка на цвет порхая,
К моей темнице примани.

Забав их зритель равнодушной,
Пойдет за ними вслед их мать —
Ты будешь путь их услаждать
Своею резвостью воздушной.

Любовь их мой последний щит:
70 Они страдальцу Провиденье;
Сирот священное моление
Тюремных стражей победит.

Падут железные затворы —
Детей, супругу, небеса,
Родимый край, холмы, леса
Опять мои увидят взоры...
Но что?.. я цепью загремел;
Сокрылся призрак-обольститель...
Вспорхнул эфирный посетитель...
80 Постой!.. но он уж улетел.

ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ ФЕДОРОВНЕ

Мой слабый дар Царица ободрят;
Владычица, в сиянии венца,
С улыбкой слух от гимнов преклоняет
К гармонии безвестного певца...
Могу ль желать славнейших награды?
Когда сей враг к нам брань и гибель нес,
И русские воспламенились грады:
Я с трепетом зрел Ангела небес,
В сей страшной мгле открывшего пучину
10 Надменному успехом исполину;
Я старца зрел, избранного Царем;
Я зрел Славян, летящих за вождем
На огонь и меч, и в каждом взоре мщенье —
И гением мне было восхищенье,
И я предрек губителю паденье,
И все сбылось — губитель гордый пал...
Но, ах! почто мне жребий ниспослал
Столь бедный дар?.. Внимаемый Царицей,
Отважно б я на лире возгремел,
20 Как месть и гром несущий наш орел
Ударил вслед за робкою станицей

- Постигнутых смятением врагов;
Как под его обширными крылами
Спасенные народы от оков
С возникшими из низости Царями
Воздвигнули свободны знамена.
Или, забыв победные перуны,
Твоей хвалой воспламенил бы струны:
Ах! сей хвалой душа моя полна!
- 30 И где предмет славнее для поэта?
Царица, Мать, Супруга, дочь Царей,
Краса Цариц, веселие полсвета...
О! кто найдет язык, приличный Ей?
Почто лишен я силы вдохновенья?
Тогда б дерзнул я лирою моею
Тебя воспеть, в красе благотворенья
Сидящую без царского венца
В кругу сих дев, питомиц Провиденья.
Прелестный вид! их чистые сердца
- 40 Без робости открыты пред Тобою;
Тебя хотят младенческой игрою
И резвостью невинной утешать;
Царицы нет — они ласкают мать;
Об Ней их мысль, об Ней их разговоры,
Об Ней одной мольбы их пред Творцом,
Одну Ее с небесным Божеством
При алтаре поют их сладки хоры.
Или, мечтой стремясь Тебе вослед,
Дерзнул бы я вступить в сей дом спасенья,
- 50 Туда, где ты, как ангел утешенья,
Льешь сладкую отраду в чашу бед.
О! кто в сей храм войдет без умиленья?
Как Божество невидимое, Ты
Там колыбель забвенной сироты
Спасительной рукою оградила;
В час бытия отверзлась им могила —
Ты приговор судьбы перервала,
И в образе небесныя Надежды
- 60 Другую жизнь отверженным дала;
Едва на мир открыли слабы вежды,
Уж с Творческим слиянный образ Твой

В младенческих сердцах запечатлели;
Без трепета от тихой колыбели
Они идут в путь жизни за Тобой.
И в бурю бед Ты мощный им хранитель!
Вотще окрест их сени брань кипит —
На их главы Ты свой простерла щит,
И задрожал свирепый истребитель
Пред мирною невинностью детей;
70 И не дерзнул пожар внести злодей
В священную сирот Твоих обитель.
И днесь — когда отсюда славы гром,
Когда сражен полуночным орлом,
Бежит в стыде народов притеснитель —
О, сколь предмет высокий для певца!
Владыки мать в величестве Царицы
И с Ней народ, молящие Творца:
Да под щитом всеильная десница
Даст мир земле полсвета властелин!
80 Так, к небесам дойдут Твои молитвы;
Придет, придет, свершив за правду битвы,
Защитник Царств, любовь Царей, Твой Сын,
С венчанными победою полками.
О славный день! о радостный возврат!
Уже я зрю священный Петроград,
Встречающий Спасителя громами;
Грядет! грядет, предшествуем орлами,
Пленяющий величеством, красой,
И близ него наш старец, вождь судьбины,
90 И им вослед вождей блестящий строй,
И грозные Славянские дружины.
И Ты спешишь с супругою молодой,
В кругу детей, во Сретенье желанных...
Блаженный час; в виду героев бранных,
Прославленной склоняется главой
Владыка-сын пред Матерью-Царицей,
Да славу их любовь благословит —
И вкупе с Ним спасенный мир лежит
Перед Твоей священной десницей!

К ИВ. ИВ. ДМИТРИЕВУ

Итак — ее уж нет,
Сей пристани спокойной,
Где добрый наш поэт
Играл на лире стройной,
И, счастья достойной,
Пройдя стезю честей,
Мечтал закатом дней
Веселым насладиться
И с жизнью проститься,
10 Как ясный майский день
Прощается с природой!
Исчезла мирна сень!
С харитами, с свободой,
В сем тихом уголке
Веселость обитала,
И „с сердцем на руке“
Там дружба угощала
Друзей по вечерам!
Но время все умчало,
20 И *здесь* — навеки *там!*
Как весело бывало,
Когда своим друзьям,
Под липою ветвистой
С коньяком чай душистой
Хозяин разливал
И круг наш оживлял
Веселым острым словом!
О, дерево друзей!
Сколь часто темным кровом
30 Развесистых ветвей
Ты добрых осеняло;
Сколь часто ты внимало
Веселым мудрецам,
Кудрявых од разборам,
Шутливым, важным спорам,
И Пушкина стихам!..
Сколь часто прохлажденный
Сей тенью *Карамзин*,

Наш Ливий-Славянин,
40 Как будто вдохновенный,
Пред нами разрывал
Завесу лет минувших,
И смертным сном заснувших
Героев вызывал
Из гроба перед нами!
С подъятыми перстами,
Со пламенем в очах,
Под серым юберроком
И в пыльных сапогах
50 Казался он пророком,
Открывшим в небесах
Все тайны их священные!
И наш мудрец смиренный,
Козлятьев незабвенный
Оратору внимал,
С улыбкой одобрял
И взором выражал
В молчанье все движенья
Души своей простой!
60 Он кончил путь земной!
Но как без восхищенья
О добром говорить!
О! можно ли забыть
Сей взор приятный, ясной,
Орган души прекрасной,
Сей тихий, скромный вид,
Сердечную учтивость,
И старческих ланит
Прелестную стыдливость,
70 И простоту речей!..
Покой сих мирных дней
Смиренье ограждало;
Ничто их не смущало
Сердечной чистоты;
Страдальца, сироты
Молящее стенанье
Внимал он со слезой;
Он скрытною рукой

Благотворил в молчанье!..
80 Увы! его уж нет,
И милой жизни след
Хранит воспоминанье!
Но что ж? очарованье
Сих дружеских бесед
Погибло ль без возврата?..
Пожар не пощадил
Ни доброго Сократа,
Которому грозил
Амур в тени акаций,
90 Ни скромной урны граций,
Ни тесной люльки той,
Где эгоист спокойный,
Под тенью в полдень знойный,
С подругою мечтой
Делил уединенье!
Все грозною рукой
Постигло разрушенье...

УЕДИНЕНИЕ

(Отрывок)

Дружись с *Уединеньем!*
Изнежен наслажденьем,
Сын света незнаком
С сим добрым Божеством,
Ни труженик унылый,
Безмолвный раб могилы,
Презревший Божий свет
Степной анахорет.
Ужасным привиденьем
10 Пред их воображеньем
Является оно:
Как тьмой, облечено
Одеждою печальной
И к урне погребальной

Приникшее челом;
И в сумраке кругом,
Объят безмолвной думой,
Совет его угрюмой:
С толпой видений *Страж*,
20 Унылое *Молчанье*,
И мрачное *Мечтанье*
С безумием в очах,
И душ холодных мука,
Губитель жизни, *Скука...*
О! вид совсем иной
Для тех оно приемлет
Кто зову сердца внемлет,
И с мирною душой,
Младенец простотой,
30 Вслед Промысла стремится,
Ни света, ни людей
Угрюмо не дичится,
Но счастья жизни сей
От них не ожидает,
А в сердце заключает
Прямой источник благ.
С улыбкой на устах,
На дружественном лоне
Подруги — *Тишины*,
40 В сиянии весны,
Простертое на троне
Из лилий молодых,
Как райское виденье
Себя являет их
Очам *Уединенье!*
Вблизи под сенью мирт
Кружится рой *Харит*
И пляску соглашает
С струнами *Дониг*;
50 Смотри на них, смягчает
Наука строгий вид,
При ней, сын размышленья,
С веселым взглядом *Труд* —
В руке его сосуд

Счастливого забвенья
Сразивших душу бед,
И радостей минувших,
И сердце обманувших
Разрушенных надежд;
60 Там зрится *Отдых* ясный,
Труда веселый друг,
И сладостный *Досуг*,
И три сестры, прекрасны,
Как юная весна:
Вчера — воспоминанье,
И *Ныне* — тишина,
И *Завтра* — упование;
Сидят рука с рукой,
Та с розой молодой,
70 Та с розой облетелой,
А та, мечтой веселой
Стремясь к небесам,
В их тайну проникает
И, радуясь, сливает
Неведомое нам
В магическое *там!*

〈К А. А. ПЛЕЩЕЕВУ〉

Друг милый мой,
Прекрасен твой
Гали-Матвей!
Скажу: ей! ей!
Оставля лесь,
Ты Пинду честь!
Но вот и мой
Не мастерской
Гали-Максим,
10 Твоим, поэт,
Стихам в ответ!
На двух стопах,

Как на клюках,
Мои стихи
(Из рифм жмыхи)
К тебе пойдут
И принесут
Приятный сон!
Царь Аполлон
20 Давно судил,
Чтоб я лечил
Микстурой слов,
Клистиром строф
И рвотным од
Бессонных род!

Что ж написать?
Ужель сказать,
Что аплике
На сундуке?
30 Что тюфяки
Не парики?
Что Мовильон,
Хоть и крещен,
Но ренегат
И не женат?
Увы! мой друг!
Мне недосуг!
Меркурий твой:
Пора домой!
40 Мне говорит;
И клей кипит,
И твой пиит,
Сложив кафтан,
Не капитан —
Наклейщик стал!
Чин этот мал,
Да лучше в нем,
Мой друг, тишком
Свой век провести
50 И помнить честь,
Чем все забыть

И первым быть,
С звездой, с крестом,
Секретарем,
И продавать
Отца и мать,
Царя, друзей
За горсть гиней!

Друг, одолжи,
⁶⁰ Мое скажи
Почтенье той
Жене, какой
Здесь, под луной,
Ах! нет другой!

К ПЛЕЩЕЕВУ

Напрасно я, друг милый, говорил,
Что супостат, как вешний лед, растает!..
Увы! грядущего никто, никто не знает!
Ведь не растаял он — застыл!

РАЙ

Есть старинное преданье,
Что навеки рай земной
Загражден нам в наказанье
Непреклонною судьбой!
Что дверей его хранитель
Ангел с пламенным мечом;
Что путей в сию обитель
Никогда мы не найдем.

Нет, друзья! вы в заблужденье!
¹⁰ Есть на свете Божий рай!

Есть! И любит Провиденье
Сей подобный небу край!
Там не виден грозный мститель,
Ангел с пламенным мечом —
Там трех ангелов обитель,
Данных миру Божеством!

Не страшит, но привлекает
Их понятный сердцу взор!
²⁰ Сколь улыбка их пылает!
Сколь их сладок разговор!
В их приюте неизвестно —
Что порок, что суета!
Непорочностью небесной
Их прекрасна красота!

Ты, который здесь уныло
Совершаешь путь земной,
К ним приди — их образ милой
Примиришь тебя с судьбой.
Ах! друзья, кто здесь их знает,
³⁰ Кто им жертвует душой,
Тот отдать не пожелает
За *небесный рай — земной!*

ОБЕТ

Путь жизни мне открыт
И вождь мой Провиденье!
Твое благословенье
Надежнейший мой щит!
Хранитель, гений мой,
Друг верный, неизменный!
Будь образ твой священный
Повсюду предо мной!

Я с именем твоим
¹⁰ Готов лететь за славой!

Опасность чту забавой
Тобой животворим!
Достойным в жизни быть
Любви твоей священной!
Обет сей неизменной
Клянуся сохранить!

Ты будешь всех моих
Сокрытых мыслей зритель,
Печалей ободритель,
²⁰ Причина дел благих.
Каких искать наград?
С душою чистой, правой,
Мне будь наградой, славой
Твой благодарный взгляд.

ПЕРВОЕ ИЮНЯ 1813

Вспомни, вспомни, друг мой милой,
Как сей день приятен был!
Небо радостно светило!
Мнилось, целый мир делил
Наслаждение со мною!
Год минувший — тяжкий сон!
Смутной, горестной мечтою
Без возврата скрылся он.

Снова день сей возвратился,
¹⁰ Снова в сердце тишина!
Вид природы обновился —
И душа обновлена!
Что прошло — тому забвенье!
Верный друг души моей,
Нас хранило Провиденье!
Тот же с нами круг друзей!

О спутник мой бесценный!
Мысль, что в мире ты со мной,

Неразлучный, неизменный,—
20 Будь хранитель в жизни мой!
В ней тобою все мне мило!
В самой скорби страха нет!
Небо нас соединило!
Мы вдвоем покинем свет!

НИНА К СУПРУГУ

в день его рождения

Друг, сопутник и хранитель!
Будь священный кубок сей
Днесь того изобразитель,
Что всегда в душе моей!
Все в одном соединяю
Несравненном чувстве я:
Что вкушала, что вкушаю
И надежды бытия.
Что *прошло*, то предо мною
10 Все теперь обновлено,
Восхитительной мечтою
Мне является оно:
Годы, вместе проведенны,
Жребий твой и мой в одном,
И залогов их священны
Нам ниспосланы Творцом!
Сколь пристрастно Провиденье
Мне удел избрало мой!
Проходило ли мгновенье,
20 Чтобы тайною мольбой
Перед ним не изливалось
Сердце Нины?.. О! для нас
Все прошедшее промчалось,
Как один веселый час!
А *теперь* — о, друг бесценный!
Что ни вижу пред собой,—
Все свидетель мне священный,

Сколь прекрасен жребий мой!
Ты — в едином все что мило!
3^о Дети — в них твои ж черты!
Все, что есть, что будет, было —
Все в тебе и всюду ты!
 И *грядущее* вручаю,
Друг единственный, Тому,
Чья рука вела святая
Нас ко счастью одному.
Я молюсь, чтобы Небесный
Ничего не изменил,
И протекши дни прелестны
4^о В днях грядущих обновил.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЖИЗНИ

Что, когда б одни влачились
Мы дорогою земной
И нигде на ней не льстились
Повстречать души родной?..
И от странствия, друзья,
Отказался б лучше я!

Что тогда красы творенья
В наших были бы глазах?
На источник наслажденья
10 Мы смотрели бы в слезах!
И веселья милый глас
Был бы жалобен для нас!

Кто б отрадными устами
Нам „терпение“ сказал?
Кто б нас братскими руками
Утомленных поддержал?
Кто б в опасный, страшный час
Был покров и щит для нас?

И безрадостно б, уныло
20 Наша вся дорога шла!..
Отчего ж нам жить так мило?
Чем дорога весела?
О! друзья! то сердца глас:
Провожают *братья* нас!

〈К А. А. ПРОТАСОВОЙ〉

Лишь я глаза открыл,
Как мне сказал Никита,
Что ты, моя Харита,
Приехала назад
С Надеждой и каретой!
От милой вести этой
Прошел остаток сна!
Но тайна объяснилась!
Карета возвратилась —
10 Надежда в ней *одна!*
И я *Надежду* в злости
Отчаяньем назвал,
А в утешенье кости
Никите изломал.
Письмо твое читали,
Собравшись мы в кружок;
Смеялись, но вздыхали,
Что милый наш дружок,
Наш легкий мотылек
20 Так улетел далеко.
В разлуке быть жестоко.
Но ты ведь там с друзьями,
А мыслью вместе с нами.
Смотри же — будь умна,
Сиди на стульях прямо!
Не слишком спорь упрямо,
Чтобы не вздумал свет
Назвать тебя кликушей!
(А в кликах правды нет).

30 Табачною папушей,
Ты нос не утирай!
В зубах не ковырай
Перстами — не учтиво!
Не слишком торопливо
И в шахматы играй!
Не делай дураками
Ты матов Бонами,
И пешкой не страми
Того, кто под штыками
40 Стал бедным решетом.

И все тут наставленья.
Еще бы об одном
Сказал я в заключенье!
Верь Богу всей душой!
Но это безделушка!
Короче: будь умна!
И будет мной дана
За то тебе ватрушка
С сметаной, с творогом.

50 Прошу тебя при том
Сказать твоей хозяйке,
Что я на балалайке
Ее рожденья день
Хотел бренчать — но лень!
А тетушке Елене
Скажи: Ей Богу стыд,
Что так меня бранит!
Что на одном колене
Я став, готов просить
60 Ее меня простить
В вине моей безвинной!
Что Меньшиков старинной
Бывал разносчик блинной,
Что правнуки его,
Хотя и отучились
„Блины! блины!“ кричать,
Но в честь ему решились
По свету торговать

Словесными блинами,
70 Которые пекут
Болтушки языками
И сплетнями зовут.
Что блин, где я припекой,
Рукой судьбы жестокой
Немного подожен,—
Что комом вышел он!
Что я жду с нетерпеньем
Минуты милой жду,
Когда с моим почтеньем
80 В Черни к ней подойду!
Что от нее награды
Себе дерзаю ждать:
Чтоб экземпляр баллады
Капустной написать,
Своею мне рукою
Велела для себя!
Вот все и Бог с тобою!
Я сам *люблю тебя!*

〈К Н. П. СВЕЧИНУ〉

Сам Бог тебе порука,
Что я, мой друг, не внука,
А бабушки просил!
Ты сам мне говорил.
Портрет отдам Сергею!
И думать я не смею,
Чтоб мой полковник мог
С своим штабе-капитаном
Разделаться обманом!
10 Мой друг! нам правда Бог!
Давно ль ты из-под шлема? —
Когда бывал лукав? —
Солдатская эмблема
Известно: *гол, да прав!*

ПЕСНЯ МАТЕРИ НАД КОЛЫБЕЛЬЮ СЫНА

Засни, дитя! спи, ангел мой!
Мне душу рвет твоё стenanье!
Ужель страдать и над тобой?
Ах! тяжко и одно страданье!

Когда отец твой обольстил
Меня любви своей мечтою,
Как ты, пленял он красотою,
Как ты, он прост, невинен был!
Вверялось сердце без защиты —
¹⁰ Но он неверен; мы забыты.

Засни, дитя! спи, ангел мой!
Мне душу рвет твоё стenanье!
Ужель страдать и над тобой?
Ах! тяжко и одно страданье!

Когда покинет легкий сон,
Утешь меня улыбкой милой;
Увы! такой же сладкой силой
Повелевал душе и он.
Но сколь он знал, к моей напасти,
²⁰ Что все его покорно власти!

Засни, дитя! спи, ангел мой!
Мне душу рвет твоё стenanье!
Ужель страдать и над тобой?
Ах! тяжко и одно страданье!

Мое он сердце распалил,
Чтобы сразить его изменой;
Почто ж своею переменой
Он и его не изменил?
Моя тоска неутолима;
³⁰ Люблю, хотя и нелюбима.

Засни, дитя! спи, ангел мой!
Мне душу рвет твоё стenanье!

Ужель страдать и над тобой?
Ах! тяжело и одно страданье!

Его краса в твоих чертах;
Открытый вид, живые взоры;
Его услышу разговоры
Я скоро на твоих устах!
Но, ах! красой очарователь,
40 Мой сын, не будь, как он, предатель!

Засни, дитя! спи, ангел мой!
Мне душу рвет твоё стenanье!
Ужель страдать и над тобой?
Ах! тяжело и одно страданье!

В слезах у люльки я твоей —
А ты с улыбкой почиваешь!
О дай, Творец, да не узнаешь
Печаль, подобную моей!
От милых горе нестерпимо!
50 Да пройдет страшный жребий мимо!

Засни, дитя! спи, ангел мой!
Мне душу рвет твоё стenanье!
Ужель страдать и над тобой?
Ах! тяжело и одно страданье!

Навек для нас пустыня свет!
К надежде нам пути закрыты!
Когда единственным забыты,
Нам сердца здесь родного нет,
Не нам веселие земное;
60 Во всей природе мы лишь двое!

Засни, дитя! спи, ангел мой!
Мне душу рвет твоё стenanье!
Ужель страдать и над тобой?
Ах! тяжело и одно страданье!

Пойдем, мой сын, путем одним,
Две жертвы рока злополучны.

О, будем в мире неразлучны,
Сносней страдание двоим!
Я нежных лет твоих хранитель,
70 Ты мне на старость утешитель!

Засни, дитя! спи, ангел мой!
Мне душу рвет твоё стеланье!
Ужель страдать и над тобой?
Ах! тяжело и одно стеланье!

ПЛЕЩЕПУПУ

Есть ли же толк?
Что ты приполк?
Скучно писать!
Лучше зевать,
Глядя на нос
Будешь, друг, кос!
Скинь, Плещепуп,
Лени тулуп;
Сотней стихов
10 (Смертных грехов)
Мне удружи;
То есть скажи:
Скоро ли к нам,
Добрым друзьям,
Врать, пить и есть?
Лошади есть!

Мой же Пегас
С часу на час
Прыгче летит!
20 Так и горит
Лист под пером!
Стих за стихом!
Сон позабыл!
Мало чернил!
Перья изгрыз

Лучше всех крыс.
Вот приезжай,
Сам позевай,
Слушая вздор.
30 Но до тех пор,
Друг Плещепуп,
Если не скуп,
Будь мне отец...
Сам ты писец
Не из простых;
В книгах твоих
Есть Буало.
Я сквозь стекло
Видел, как он,
40 (Переплетен
В красный сафьян
Гром-капитан
Роты певцов)
Против глупцов
Перья острил,
Штык наводил
Страшных сатир.
Он наш Омир —
Вкуса пророк!
50 Мне на часок
Нужен тот том,
Где он, умом
Ясным водим,
Братьям своим,
Стихоткачам,
Как по херам
Все рассказал:
Способы дал
Рифмы ловить,
60 С музами пить
Нектар, не квас,
А на Парнас
Шею и честь
Здраво принести,
Лавров нарвать

И обуздать
Злого коня.
Есть у меня
Свой Буало,
70 Да как назло
Стереотип.
Я не Эдип!
Многим стихам
Толку не дам,
Нот не прочтя,
Дай не шутя
Книжицы сей:
Да поскорей:
Нужно, ей, ей!
80 Да одолжи,
К ней приложи
Тот лексикон,
Что сочинен
Обществом муз.
Я не француз,
(Право, не лгу)
Знать не могу
Силы всех слов.
Будь же готов
90 (Для ради муз)
Этот мне груз
С первым гонцом
В сельский наш дом
Перешвырнуть.
Да не забудь
Связки ключей.
Бес Асмодей
Влез в мой карман;
Я как болван
100 Их потерял
(Как проезжал)
В доме твоём.
Честен твой дом:
Верно они
Целы в Черни.

А ведь без них
Шкапов моих
Мне умереть —
Не отпереть!

¹¹⁰ Будь над тобой
Сильный, святой
Бог Аполлон.
Низкий поклон
Анне твоей,
Музе моей.

Баста стихам!
Буду я к вам —
Вот тебе честь! —
Лишь двадцать шесть
¹²⁰ Канет на двор.
Милый певец,
Будь мне отец,
Книги пришли!
Люли, люли.

К А. П. К. (ИРРЕВСКОЙ) В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МАШИ

Вотще, вотще невинной красотой
И нежностью младенец твой пленяет;
Твой смутный взор ее не замечает!
Ты с хладною сдружилася тоской!
И резвостью, и взором, и улыбкой
Она тебя к веселости зовет!..
Но для тебя в сем зове смысла нет!
Веселие считаешь ты ошибкой
И мнишь, что скорбь есть долг священный твой!
¹⁰ Ах! откажись скорей от заблужденья!
В ее лице надежда пред тобой —
А ты печаль даришь ей в день рожденья!
Увы! в сей день восторженная мать

Спешит Творцу обет священный дать —
И свыше ей внимает Провиденье —
Быть счастливой для счастья детей!
Тебе ж сей день других грустнее дней.
Ты на себя креп черный надеваешь,
И мыслию от радости бежишь!
20 Иль отвратить ее от жизни мнишь
И черную судьбу ей обещаешь?
Кто ж счастья дерзнет здесь ожидать,
Когда в кругу детей прелестных мать
Забыв, что ей и мило и священно,
Меж радостей грустит уединенно
И Промысла не мнит благословлять?
Приди ж, дитя, посол прелестный Бога,
Приди сказать немым ей языком,
Что вам *одна* в сей мир лежит дорога,
30 Что ей твоим ко счастью быть вождем!
Прочтя свой долг в твоём невинном взоре,
Она опять полюбит Божий свет,
И будет дар тебе ее обет:
Не чтить за долг убийственное горе.

МОЛИТВА ДЕТЕЙ

О! не отринь, Отец Небесный, нас!
Все об одной Тебя мы умоляем!
Одно для нас желанье в этот час:
Храни ее! Тебе ее вверяем!

Твоей любви залог мы видим в ней!
Ее любовь наш круг одушевляет!
И счастье ее священных дней
Сопутницей-звездой для нас сияет!

О спутник наш, да Твой отрадный свет
10 Вовек, вовек над нами не затмится!
О царь судьбы! один от нас обет:
Храни ее! в ней наше *все* хранится!

РУССКОМУ ЦАРЮ.

Наш добрый Царь, тебе мы пьем —
Да слава путь твой увенчает!
Твой меч благословен Творцом!
Он не разит, но защищает!

Полней стаканы! Пейте в лад!
Так пили наши деды!
Царю великому виват!
Ему венец победы!

ТУРГЕНЕВУ, В ОТВЕТ НА ЕГО ПИСЬМО

Послание

Друг, отчего печален голос твой?
Ответствуй, брат! реши мое сомненье!
Иль он твоей судьбы изображение?
Иль счастье протиснулось и с тобой?
С стеснением письмо твое читаю;
Увы! на нем уныния печать;
Чего не смел ты ясно мне сказать,
То все, мой друг, я чувством понимаю.
Так! и на твой достался удел!
¹⁰ Разрушен мир фантазии прелестной;
Ты в наготе, друг милый, жизнь узрел;
Что в бездне сей таилось, все известно —
И для тебя уж здесь обмана нет.
И, испытав, сколь сей изменчив свет,
С пленительным простившись ожиданьем,
На прошлы дни ты обращаешь взгляд
И без надежд живешь воспоминаньем.

О! не бывать минувшему назад!
Сколь весело промчались те годы,
²⁰ Когда мы все, товарищи-друзья,
Делили жизнь на лоне у свободы!

Беспечные, мы в чувстве бытия,
Что было, есть и будет, заключали,
Грядущее надеждой украшали —
И радостным оно являлось нам!
Где время то, когда по вечерам
В веселый круг нас музы собирали?
Нет и следов; исчезло все — и сад,
И ветхий дом, где мы в осенний хлад

30 Святой союз любви торжествовали
И звоном чаш шум ветров заглушали!
Где время то, когда наш милый брат
Был с нами, был всех радостей душою?
Не он ли нас приятной остротою
И нежностью сердечной привлекал?
Не он ли нас тесней соединял?
Сколь был он прост, нескрытен в разговоре!
Как для друзей всю душу обнажал!
Как взор его во глубь сердец вникал!

40 Высокий дух пылал в сем быстром взоре.
Бывало, он, с отцом рука с рукой,
Входил в наш круг — и радость с ним являлась:
Старик при нем был юноша живой;
Его седин свобода не чуждалась...
О нет! он был милейший нам собрат;
Он отдыхал от жизни между нами,
От сердца дар его был каждый взгляд,
И он друзей не рознил с сыновьями...
Увы! их нет!.. мы ж каждый по тропам

50 Незнаемым за счастьем полетели,
Нам прошептал какой-то голос: *там!*
Но что? и где? и кто вожатый к цели?
Вдали сиял пленительный призрак —
Нас тайное к нему стремленье мчало;
Но опыт вдруг накиннул покрывало
На нашу даль — и там один лишь мрак!
И верою к грядущему убоги,
Задумчиво глядим с полудороги
На спутников, оставших назади,

60 На милую Фантазию с мечтами...
Изменница! навек простилась с нами,

А все еще твердит свое: *иду!*
Куда идти? что ждет нас в отдаленье?
Чему еще на свете веру дать?
И можно ль, друг, желание питать,
Когда для нас столь бедно исполненье?
Мы разными дорогами пошли:
Но что ж, куда они нас привели?
Всё к одному, что счастье — заблужденье!
70 Сравни, сравни себя с самим собой!
Где прежний ты, цветущий, жизни полный?
Бывало, все — и солнце за горой,
И запах лип, и чуть шумящи волны,
И шорох нив, струимых ветерком,
И темный лес, склоненный над ручьем,
И пастыря в долине песнь простая —
Веселием всю душу растворяя,
С прелестною сливалось мечтой:
Вся жизни даль являлась пред тобой;
80 И ты, восторг предчувствием считая,
В событие надежду обращал.
Природа та ж... но где очарованье?
Ах! с нами, друг, и прежний мир пропал;
Пред опытом умолкло упованье;
Что в *оны дни* будило радость в нас,
То в нас *теперь* унылость пробуждает;
Во всем, во всем прискорбный слышен глас,
Что ничего нам жизнь не обещает.
И мы еще, мой друг, во цвете лет!
90 О, беден, кто себя переживет!
Пред кем сей мир, столь некогда веселый,
Как отчий дом, ужасно опустелый:
Там в старину все жило, все цвело,
Там он играл младенцем в колыбели;
Но время все оттуда унесло,
И с милыми веселья улетели;
Он их зовет... ему ответа нет;
В его глазах развалины унылы;
Один его минувшей жизни след:
100 Утраченных безмолвные могилы.

Неси ж туда, где наш отец и брат
Спокойным сном в приюте гроба спят,
Венки из роз, вино и ароматы;
Воздвигнем, друг, там памятник простой
Их бытия... и скорбной нашей траты.
Один исчез из области земной
В объятиях веселья Надежды.
Увы! он зрел лишь юный жизни цвет;
С усилением его смыкались вежды;
¹¹⁰ Он сетовал, навек теряя свет —
Где милого столь много оставалось —
Что бытие так рано прекращалось.
Но он и в гроб Мечтой сопровождается.
Другой... старик... сколь был он изумлен
Тогда, как смерть, ошибкою ужасной,
Не над его одряхшей головой,
Над юностью обрушилась прекрасной!
Он не роптал; но с тихою тоской
Смотрел на праг покоя и могилы —
¹²⁰ Увы! там ждал его соратник милый;
Он мыслию, безмолвный пред судьбой,
Взывал к Творцу: да пройдет чаша мимо!
Она прошла... и мы в сей край незримой
Летим душой за милыми вослед;
Но к нам от них желанной вести нет;
Лишь тайное живет в нас ожиданье...
Когда ж? когда?.. Друг милый, упованье!
Гробами их рубеж означен тот,
За коим нас свободы гений ждет,
¹³⁰ С спокойствием, бесчувствием, забвеньем.
Пришед туда, о друг, с каким презреньем
Мы бросим взор на жизнь, на гнусный свет;
Где милое один минутный цвет;
Где добродетели следов ко счастью нет;
Где мнение над совестью властитель;
Где все, мой друг, иль жертва, иль губитель!..
Дай руку, брат! как знать, куда наш путь
Нас приведет, и скоро ль он свершится,
И что еще во мгле судьбы таится —
¹⁴⁰ Но дружба нам звездой отрады будь;

**О прочем здесь останемся беспечны;
Нам счастья нет: зато и мы — не вечны.**

ЭПИМЕСИД

**„О жребий смертного унылый!
Твой путь,— Зевес ему сказал,—
От колыбели до могилы
Между пучин и грозных скал;
Его уносит быстро время;
Врага в прошедшем видит он;
Влачить забот и скуки бремя
Он в настоящем осужден;
А счастья будущего сон
10 Все дале, дале улетает
И в гробе с жизнью исчезает:
И пусть случайно оживит
Он сердце радостью мгновенной —
То в бездне луч уединенной:
Он только бездну озарит.
О ты, который самовластно
Даришь нас жизнью ужасной,
Зевес, к тебе взываю я:
Пошли мне дар небытия“.**

**20 В стране, забвенной от природы,
Где мертвый разрушенья вид,
Где с ревом бьют в утесы воды,
Так говорил Эпимесид.
Угрюмый, страшных мыслей полный,
Он пробегал очами волны,
Он в бездну броситься готов...
И грянул глас из облаков:
„Ты лжешь, хулитель Провиденья,
Богам любезен человек:
30 Но благ источник наслажденья;
Отринь, слепец, что в буйстве рек,
И не гневи Творца роптаньем“.**

Эпимесид простерся в прах.
Покорный, с тихим упованьем,
С благословеньем на устах,
Идет он с берега крутова.
Два месяца не протекли —
На берег он приходит снова.
„О небеса! вы отвели
40 Меня от страшной сей пучины;
Хвала вам! тайный перст судьбины
Уже мне друга указал.
О, сколь безумно я роптал!
Не дремлют очи Провиденья,
И часто посреди волненья
Оно являет пристань нам;
Мы живы под Его рукою,
И смертный не к одним бедам
Приходит трудною стезею“.
50 Умолк — и видит: не вдали
Цветет у брега мирт зеленый,
На брата юного склоненный,
И бури ветви их сплели.
Под тенью их он воздвигает
Лик *Дружбы*, в честь благим богам.

Проходит год — опять он там;
Во взорах счастье пылает;
Гименов на челе венки.
„И я винил в безумстве рок!
60 И я терял к бессмертным веру!
Они послали мне Глисеру;
Люблю, о сладкий жизни дар!
О! как мне весь перед богами
Излить благодаренья жар?“
Он пал на землю со слезами;
Потом под юными древами,
Где *Дружбы* лик священный был,
Любви алтарь соорудил.

Свершился год — с лучом Авроры
70 Опять пришел он на утес,

И светлые сияли взоры
Святым спокойствием небес.
„Хвала вам, боги; вашей властью
Узнал в любви и в дружбе я
Все *наслажденья* бытия;
Но вы открыли путь ко *счастью*.
Проклятье дерзостным хулам,
Произнесенным в исступленье!
Наш в мире путь — одно мгновенье,
⁸⁰ Но можем быть равны богам“.
И он воздвиг на бреге храм,
Где все пленяло простотою:
Столбы, обитые корою,
Помост из дерна и цветов,
И скромный из соломы кров,
Под той же дружественной сенью,
Где был алтарь сооружен...
И на простом фронте он
Изобразил: *Благотворенью*.

МОЛИТВА РУССКОГО НАРОДА

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю —
Все ниспошли!

НАДПИСЬ НА КАРТИНКЕ, изображающей три радости и подаренной Е. И. П.

Прими сей дар. Три радости небесны
Здесь для тебя изобразила я:
Одним простым душам они известны —

И знает их, мой друг, душа твоя!
Ах! если б та, которой лик священной
Начертан здесь рукою дерзновенной,
Исполнила обет души моей —
Тебе б не знать на свете черных дней!
Но для чего ж к любви ее сомненье?
¹⁰ Она — благим заступница и щит!
Отринет ли столь правое моление!
О, нет! она твой путь благословит.

〈АВДОТЬЕ ПЕТРОВНЕ КИРЕЕВСКОЙ〉

Авдотья, напишите,
Каков ваш Петрухан,
И Маша, и Иван!
Люблю их — не взыщите!
Люблю от всей души!
Ведь, право, хороши!
Скажу вам без притворства,
Не ради стихотворства,
Вы счастливая мать!
¹⁰ Они ж, ни дать ни взять,
Как милые амуры,
И Ваня белокурый,
И Петя петушок,
И Машенька дружок,
Смеющаяся радость!..
Что в мире лучше их?
В кругу детей таких —
И жизнь не жизнь, а сладость.

〈К А. А. ПЛЕЩЕЕВУ〉

О Негр, чернилами расписанный Натурой,
На коем виден лак искусств;
Из-под экватора пролезший к нам фигурой,

Лица чудесного дивишь архитектурой,
Ты винегрет ролей и чувств;
Вдруг мамкой, цесарем... и се-карикатурой!
Но дело не об том,
Со всем твоим уменьем и умом,
Ты можешь сделаться великою скотиной,
¹⁰ То есть большим скотом,
Когда не подаришь друзей безделкой — днем,
И не останешься у нас сегодня с Ниной.

Плещук!
Не вдруг
Оставь
Друзей!
Ей! Ей!
Поправь
Свой план!
²⁰ Надень
Кафтан;
Брось лень,
Побрей
Себя;
Друзей
Любя,
Им ты
Вещай:
„Скоты!
³⁰ Вам рай,
Где я!
Одна
Моя
Жена,
Да рой
Святой
Плещат —
Ребят,
Каких
⁴⁰ Других
Здесь нет,
Как нет

Мне вас,
Друзей,
Подчас
Милей!
И так,
Чудак
Плещук,
5^о Ваш друг,
У вас,
Скотов,
Не час
Готов,
Но шесть
И шесть
Часов
Провесьть!“

СИРОТКА

Едва она узрела свет,
Уж ей печаль знакома стала;
Веселье — спутник детских лет —
А ей судьба в нем отказала.
В семье томила сиротой;
Ее грядущее страшило...
Но Провидение хранило
Младенца тайною рукой.

О Ты, святое Провиденье!
10 В твоём владенье нет сирот!
Боязнь и ропот — заблужденье;
Всегда к добру Твой путь ведет.

Среди неистовых врагов
Сиротка матерью забыта;
Сгорел ее родимый кров,
И ей невинность не защита;

Но бедный с нищенской клюкой
Ей Богом послан во спасенье...
На крае бездны Провиденье
20 Сдружило слабость с нищетой!

О Промысл, спутник невидимый
И сиротства и нищеты,
Сколь часто путь непостижимый
К спасенью избираешь Ты!

И породнившись судьбой,
Сиротка и старик убогой,
Без трепета, рука с рукой,
Пошли погибельной дорогой:
Дорога бедных привела
30 В гостеприимную обитель...
Им был Всевышний предводитель;
Их Милость в пристани ждала.

О Ты, святое Провиденье!
Сколь нам Твой безопасен след!
Творишь из гибели спасенье;
Ведешь к добру стезею бед.

Играй, дитя, гроза прошла;
Ужасный гром ударил мимо;
Тебя мать *добрая* нашла
40 На место матери *родимой*:
Дорога жизни пред тобой
Цветами счастья покрыта...
Молись же, чтоб Творец защита
Был *той*, кто здесь хранитель твой.

Услышь младенца, Провиденье,
Прими *ее* под щит любви:
Она чужих детей спасенье —
Ее детей благослови.

ЗДРАВСТВУЙ

Справься, справься, мой голубчик,
Ты в который день был купчик
Тех лугов,
Что судьба тебе судила,
Что продал тебе Гаврила,
Сын Петров!
И скажи ты эскулапу,
Что по всем углам, по шкапу
Я искал
¹⁰ Им потерянного тома;
Знать, он был забыт им дома
Иль пропал.

К САМОМУ СЕБЕ

Ты унываешь о днях, невозвратно протекших,
Горестной мыслью, тоской безнадежной их призывая,—
Будь настоящее твой утешительный гений!
Веря ему, свой день проводи безмятежно!
Легким полетом несутся дни быстрые жизни!
Только успеем достигнуть до полныя зрелости мыслей,
Только увидим достойную цель пред очами —
Все уж для нас и прошло, как мечта сновиденья,
Призрак фантазии, то представляющей взору
¹⁰ Луг, испещренный цветами, веселые холмы, долины;
То пролетающей в мрачной одежде печали
Дикую степь, леса и ужасные бездны.
Следуй же мудрым! всегда неизменный душою,
Что посылает судьба, принимай и не сетуй! Безумно
Скорбью бесплодной о благе навеки погибшем
То отвергать, что нам предлагает минута!

〈СТИХИ, ЧИТАННЫЕ В МУРАТОВЕ НА НОВЫЙ 1814 ГОД〉

1.

Друзья! я восемьсот,
Увы! тринадцатый
Весельем не богатый
И старый очень год!
Двенадцать бьет часов,
Отец Сатурн грозитя!
Знать, с вами мне проститься!
Вам мой отчет готов.

2.

А брат наследник мой
¹⁰ Четырнадцатый родом
Утешит вас приходом;
Он щедрою рукой
Все то вам возвратит,
Что было взято мной,
Здоровье с тишиной
И мир вам подарит.

3.

Веселый есть приют
Близ Болховской дороги,
Там вас Пенаты боги
²⁰ С дарами счастья ждут.
Там саженьки и сад,
Дом старый с мезониной,
И негр Плещеев с Ниной,
И близко Болхов град.

4.

Под липою весной,
Зимой подле печи,
Вам Жучка в епанчи
Петь будет век живой;
И будет Суринам —
³⁰ Убежище веселья,

Меж дела и безделья
Промчатся годы там.

5.

Лишь в этот Суринам
Вы ступите ногою,
Подписанный судьбою
Контракт отдастся вам:
„Всегда веселью быть,
Считать дни за мгновенья,
Прошедшие ж мученья
40 Навеки позабыть“.

6.

И вот вам братец мой,
Его вам представляю,
Ему свершить вверяю
Предсказанное мной!
В час добрый, милый брат!
Простимся, до свиданья!
Ты с чашей упованья
Вперед, а я назад.

7.

Друзья, я восемьсот
50 Четырнадцатый,
Надеждою богатый
И новым счастьем год.
От брата получил
Простые завещанья,
Он ваши мне желанья
Исполнить поручил.

В знак того, что предсказаньем
Ложным вам я не польстил,
Вашим сладким воздаяньем
60 В самый этот будет час
Вдохновенная котлетка
И яичница-краса,

И с начинкою насадка,
И маркиша-колбаса.

С ними барин-поросенок,
Кулебяки, пирожки,
И с горчицею утенок,
И Жуковского стишки,
И Плещеева куплеты,
70 И Воейкова гудок
Проскрипит вам *многои леты*,
Как под розгою щенок.

ПИСЬМО К***

Я сам, мой друг, не понимаю,
 Как можно редко так писать
 К друзьям, которых обожаю,
 Которым все бы рад отдать!..
 Подруга детских лет, с тобою
 Бываю сердцем завсегда
 И говорить люблю мечтою...
 Но говорить пером — беда!
 День почтовой есть день мученья!
¹⁰ Для моего воображенья
 Враги — чернильница с пером!
 Сидеть согнувшись за столом
 И, чтоб открыть души движенья,
 Перо в чернила помакать,
 Написанное ж засыпать
 Скорей песком для сбереженья —
 Все это, признаюсь, мне ад!
 Что ясно выражает взгляд
 Иль голоса простые звуки,
²⁰ То на бумаге, невпопад,
 Для услаждения разлуки,
 Должны в определенный день
 Мы выражать пером!.. А лень,
 А мрачное расположение,
 А сердца тяжкое стесненье
 Всегда ль дают свободу нам
 То мертвым поверять строкам,
 Что в глубине души таится?
 Неволи мысль моя страшится:
³⁰ Я автор — но писать ленив!
 Зато всегда, всегда болтлив,
 Когда твои воображаю
 Столь драгоценные черты,
 И *сам себе* изображаю,
 Сколь нежно мной любима ты!

Всегда, всегда разгорячаешь
Ты пламенной своей душой
И сердце и рассудок мой!
О, сколь ты даром обладаешь
40 Быть милой для твоих друзей!
Когда письмо твое читаю,
Себя я лучшим ощущаю,
Довольней участью своей,
И будущих картина дней
Передо мной животворится,
И хоть на миг единый мнится,
Что в жизни *все* имею я:
Любовь друзей — судьба моя.
Храни, о друг мой неизменный,
50 Сей для меня залог священный!
Пиши — когда же долго нет
Письма от твоего поэта,
Все верь, что друг тебе поэт,—
И жди с терпением ответа!

〈ТОСТ〉

Земным сопутникам, друзьям!
Храни Творец союз наш милый!
Пошли единый жребий нам
И неразлучность до могилы.
Полней стаканы! пейте в лад
За дружество святое!
Избранный друг, по сердцу брат!
Живем друзьями вдвое!

Ami, ton retour parmi nous
10 Du six prouve encore l'influence.
Ce jour, qui fût heureux pour tous,
Devait bien finir ton absence.
Buvons, buvons! que notre ami
Partage notre ivresse;

Tous les jours passés avec lui
Sont des six pour notre tendresse.

Любви фиал! — В душе питать
Союз священный и единый!
Что б ни было, не изменять,
²⁰ Любить и вопреки судьбины!
В единой видеть жребий свой;
Все жизни упования,
Все, все на жертву для одной,
Все блага и желанья.

Contre le sort trop animé
Bannissons l'injuste colère!
Nous aimons, nous sommes aimés!
Enfants! bénissons notre père.
L'amitié pour tous les humains
³⁰ Brille comme l'aurore,
Partage même les chagrins —
N'est ce pas un bonheur encore!

* * *

Кто б ни был ты — зephyр, певец иль чародей!
Когда ей сыном быть лишь тот имеет право,
Кто первою своей
И радостью и славой
Считает тишину ее священных дней;
В ком каждое души движенье
Любовью к ней освящено,
И для кого надежд милейших исполненье
В ее желании одном заключено;
¹⁰ Кто ценит счастье жить, но с нею,
И презрит счастье — один:
То право на сие названье я имею!
Ты не ошибся: я ей сын.

К ДОКТОРУ ФОРУ

Сын Эскулапа, Фебов внук,
По платью враг, по сердцу друг,
Тебе нескладными стихами
Я должен то изобразить,
Что ты умел в нас поселить
Пилюлями и порошками,
И хиной и исландским мхом,
И добрым сердцем и умом.
Сперва судьбе благодаренье
¹⁰ За то, что в области зимы
Ты от простудных чумы
Столь чудное приял спасенье.
Мой друг, ее незримый перст,
Тебя чрез столько сотен верст
Меж ратниками, казаками,
Сперва в Рязань, потом в Орел,
Потом и к дружбе в Чернь привел,
Потом и познакомил с нами.
Могу сказать тебе в стихах;
²⁰ Что дар приятным быть имеешь,
Что сердцем добр, как на словах,
И притворяться не умеешь;
Что к шахматам имеешь страсть,
Хотя играешь очень худо;
Что для тебя совсем не чудо,
Зажмурясь, в шар шаром попасть!
Что пишешь умные ответы,
И что всегда твои портреты
Похожи, только не на тех,
³⁰ Кто был твоим оригиналом;
Что ты с друзьями любишь смех
И не боишься за бокалом
Пред ними сердце расстегнуть;
Что, выбрав в свете верный путь,
Идешь за счастьем осторожно,
И, чтоб себя не обмануть,
Судьбу о том, что невозможно,

Пренебрегаешь умолять;
Готов назначенное взять,
40 К отнятому ж храня презренье,
Благословляешь Провиденье!..
И прочее... В стихах писать
Об этом я — хоть и без склада,
Согласен: Муза будет рада!
Но как могу изобразить
Души растроганные чувство,
Смотря, как дружбу и искусство
Спешишь на благо посвятить
Тех, кто и жизни мне милее?
50 Здесь чувство языка сильнее,
И сердце не находит слов!
Для той печали нет стихов,
В которой вяну я душою,
Смотря, как страждут предо мною
Все те, кем мой украшен свет!
И в час — когда без утешенья,
Бессильный зритель их мученья,
Творю напрасный я обет,
Чтоб Провидение приняло
60 В залог всю жизнь мою за них,
Иль мне, как милость, ниспослало
И скорби и недуги их;
Когда я бытием скучаю,
И рад бы нить его порвать,
И дни грядущего считаю,
Страшася смертью опоздать...
Как выразить то восхищенье,
Когда, воскреснувший душой,
Внимаю сладку весть: *спасенье!*
70 Нам приносимую тобой?
Когда одним небесным словом —
О, слова радостнее нет! —
Мне жизнь даешь, и вялый свет
Являешь мне во цвете новом!
О, сколь ничтожен здесь поэт
С своими бедными стихами!..

Мой друг, бросаю лиру в прах!
Сравнится ль что в моих стихах
С нежнейшей матери слезами?..

〈К 16 ЯНВАРЯ 1814 ГОДА〉

Прелестный день, не обмани!
Тебя встречаю я с волнением.
О, если б жизни приношеньем
Я сделать мог, чтоб *оны дни*,
Летящи следом за тобою,
Ей все с собою принесли!..
Мой друг, кто был любим судьбою
Тебя достойней на земли?

〈СТИХИ ИЗ АЛЬБОМОВ〉

1. К Саше

Дразни меня, друг милый Саша!
И я готов тебя дразнить,
В искусстве сладостном с тобой счастливым быть
И так дразнясь пускай и жизнь промчится наша!

2. К Маше

Пришли Воейкова посланье,
Хочу ответ писать!
За песнь волшебную Орфея в воздаянье
Хочу вороной прокричать.

3. К Воейкову

Хвала, Воейков! крот, сады
Делилевы изрывший.
И царскосельские пруды

Стихами затопивший!
Пред ним, за ним свистят свистки
И вост горько муза.
Он бодр! Виргилия в толчки!
Пинком Делиля в пузо!

4. К нему же

Воейков-брат!
Ты славно в шахматы играешь;
Ты счастье *матом* называешь,
И подлинно ты *мат*!

К АРФЕ

Моя вторая мать, друг юношеских лет,
На память о любви ее мне подарила,
И я, как памятник любви, ее хранила,
И вечно сохранить дала себе обет,—
И ныне мысль переменяю!
Мой друг, она — твоя!...
Но что ж, ужели чем обет свой нарушаю?
Ты — та же я!

К САШЕ АРБЕНЕВУ

Мой друг, младенец несравненный,
Ты хочешь, чтобы твой поэт
Стихами написал ответ
На письмецо твое, бесценный?
Готов! И что же гений мой
Воспламенит, как не прелестной,
Идущий к сердцу голос твой?
Твоей невинности святой
Короче таинство известно

¹⁰ Восторгом душу наполнять —
Чем ухищренному искусству,
Которое невнятно чувствую,
И может только удивлять.

И вот тебе мое посланье!
Мой милый вихорь-атаман,
Ты знаешь, что поэту дан
Талант божественный: *предзнание!*..
Но дар сей нужен ли с тобой?
Тебя я видел в колыбели;

²⁰ Я зрел, как близ тебя сидели —
Слетевший с неба ангел твой
И мать, хранитель твой земной;
Как сердце матери вверяло
Тебя в защиту небесам,
Как Провидение внимало
Ее мольбе, ее слезам...
Какого лучше предсказанья?
Верь жизни! Будешь счастлив ты!..
Но я — пророк, и толкованья

³⁰ Хочу искать на те черты,
Которые своей рукою
Ты по линейкам написал,
В которых просто *все* сказал,
Что непорочно душою
Свободно было внушено.
Мой друг! Я вижу в них одно:
Они подобны совершенно
Знакомым, милым тем чертам,
В которых поверяет нам

⁴⁰ Все тайны дружбы неизменной
Твоя — наш добрый гений — мать!
Мой друг! *Ее* в тебе узнать —
Есть верное знаменованье,
Что здешней жизни испытанье
Ты с чистой совершишь душой,
Что вера будет спутник твой,
И что небес рукой пристрастной
(Дабы верней счастливым быть

- Или чтоб счастье заменить),
5° Тебе ниспослан: *дар любить!*
Храни сей дар! С ним безопасно
Пойдешь дорогою земной!
Чувствительность есть откровенье!
Оно рассудку вождь прямой,
Оно и там зрит наслажденье,
Где пред холодною душой
Все, как в могиле, исчезает!..
Но, друг, болтливый твой пророк
Совсем без нужды повторяет
- 6° Тебе знакомый сей урок!
Уж все рука Творца свершила:
Она бессмертную печать
Тебе на сердце положила,
И не властна земная сила
Клейма небесного сорвать!
Ты будешь *добрым* неизменно!..
О где вы! Призываю вас,
С душой внимавших восхищенной,
Когда младенца милый глас,
- 7° Перерываемый слезами,
За мать молился небесам.
И бы внимаем небесами!
Что сердце говорило нам?..
Мой друг! Твоя *верна* дорога:
Уж ты к прекрасному привык!
Уже ты знаешь тот язык,
Которым сердце славит Бога
И небесам передает
Свое блаженство и страданье!
- 8° Мое свершится упованье,
И счастье тебя найдет
Везде — и вопреки судьбины:
Для добрых жребий здесь единый...

Я друг твой! Так ты подписал
Свое письмо, младенец милой;
С волненьем подпись я читал,
И сердце билось с новой силой!

Казалось, ангел спутник мой,
Принявши образ твой прелестной,
90 Тогда явился предо мной
И счастья вестью небесной
Меня обрадовал на час!..
Еще, мой милый, неизвестно
Тебе, что *друг*: твой нежный глас
За матерью лишь повторяет
Все то, что сердце ей внушает,
Что так давно знакомо *нам*!
Но будь угодно небесам,
Чтобы хоть часть пути земнова,
100 Как друг, прошел с тобою я,
Чтоб ты сказал мне: *мы друзья!* —
Всю силу понимая слова!

〈29 ЯНВАРЯ 1814 ГОДА〉

Когда б родиться в свет и жить
Лишь значило: пойти в далекий путь без цели,
Искать безвестного, с надеждой — не найти,
И, от младенческой спокойной колыбели
До колыбели гробовой
Стремясь за тщетною мечтой,
Остановиться вдруг и, взоры обративши,
Спросить с унынием: зачем пускался в путь?
Потом, забвению свой посох посвятивши,
10 На лоне тишины заснуть,—
Тогда бы кто считал за праздник день рожденья?
Но жребий мне иной!
Мне *ангел, мой хранитель,*
Твой вид приняв, сказал: „*Я друг навеки твой!*“
В сем слове *все* сказал небесный утешитель.
В сем слове цель моя, надежда и венец!
Благодарю за жизнь, Творец!

К А. П. (КИРЕЕВСКОЙ)

Сей памятник о нем мне дорог в день рожденья!
Пусть нашу дружбу *он* теснее укрепит,
И нас, до встречи с *ним* в стране соединенья,
Еще блаженных здесь земным блаженством зрит!

К ВОЕЙКОВУ

Послание

Добро пожаловать, певец,
Товарищ-друг, хотя и льстец,
В смиренную обитель брата;
Поставь в мой угол посох свой
И умиленною мольбой
Почти домашнего Пената.
Садись — вот кубок! в честь друзьям!
И сладкому воспоминанью,
И благотворному свиданью,
¹⁰ И нас хранившим небесам!
Ты был под знаменами славы; —
Ты видел, друг, следы кровавы
На Русь нахлынувших врагов,
Их казнь и ужас их побега:
Ты, строя свой бивак из снега,
Себя смиренью научал
И, хлеб водою запивая,
„Хвала, умеренность золотая!“ —
С певцом Тибурским восклицал.
²⁰ Ты видел Азии пределы;
Ты зрел ордынцев лютых край
И лишь обломки обгорелы
Там, где стоял Шери-Сарай,
Батия древняя обитель;
Задумчивый развалин зритель,
Во днях минувших созерцал
Ты настоящего картину

- И в них ужасную судьбину
Батяя новых дней читал.
- 3⁰ В Сарепте зрелище иное:
Там братство Христиан простое
Бесстрашием ограждено
От вредных сердцу заблуждений,
От милых сердцу наслаждений.
Там вечно *то же и одно*;
Всему свой час: труду, безделью;
И легкокрылому веселью
Порядок крылья там сковал.
Там, видя счастье в покое,
- 4⁰ Ты все восторги отдавал
За нестрадание святое;
Ты зрел, как в тишине семей,
Хранимы сердцем матерей,
Там девы простотой счастливы,
А юноши трудолюбивы
От бурных спасены страстей
Рукой занятия целебной;
Ты зрел, как, вшедши в Божий храм,
Они смиренно к небесам
- 5⁰ Возводят взор с мольбой хвалебной
И служат сердцем Божеству,
Отринув мрак предрассуденья...
Что уподобим торжеству,
Которым чудо искупленья
Они в восторге веры чтут?..
Все тихо... полночь... нет движенья...
И в трепете благоговенья
Все братья той минуты ждут,
Когда им звон-благовеститель
- 6⁰ Провозгласит: воскрес Спаситель!..
И вдруг... во мгле... средь тишины,
Как будто с горней вышины
С трубою Ангел-пробудитель,
Нисходит глас... алтарь горит,
И братья пали на колени,
И гимн торжественный гремит,
И се, идут в усопших сени,

О, сердце трогаящий вид!
Под тенью тополей, ветвистых
70 Берез, дубов и шелковиц,
Между тюльпанов, роз душистых
Ряды являются гробниц:
Здесь старцев, там детей могила,
Там юношей, там дев молодых —
И Вера подле пепла их
Надежды факел воспалила...
Идут к возлюбленным гробам
С отрадной вестью воскресенья;
И все — отверзтый светлый храм,
80 Где, мнится, тайна Искупленья
Свершается в сей самый час,
Торжественный поющих глас,
И братий на гробах лобзанье
(Принесших им воспоминанье
И жертву умиленных слез),
И тихое гробов молчанье,
И соприсутственных небес
Незримое с землей слиянье —
Все живо, полно Божества;
90 И верных братий торжества
Свидетели, из тайной сени
Исходят дружеские тени,
И их преображенный вид
На сладку песнь: „*Воскрес спаситель!*...“
Сердцам „*воистину*“ гласит,
И самый гроб их говорит:
Воскреснем! жив наш Искупитель! —
И сей оставивши предел,
Ты зрел, как Терек в быстром беге
100 Меж виноградников шумел,
Где часто, притаясь на бреге,
Чеченец иль черкес сидел
Под буркой, с гибельным арканом;
И вдалеке перед тобой,
Одеты голубым туманом,
Гора вздымалась над горой,
И в сонме их гигант седой,

Как туча, Эльборус двуглавой.
Ужасною и величавой
110 Там все блистает красотой:
Утесов мшистые громады,
Бегущи с ревом водопады
Во мрак пучин с гранитных скал;
Леса, которых сна от века
Ни стук секир, ни человека
Веселый глас не возмущал,
В которых сумрачные сени
Еще луч дневный не проник,
Где изредка одни олени,
120 Орла услышав грозный крик,
Теснясь в толпу, шумят ветвями
И козы легкими ногами
Перебегают по скалам.
Там все является очам
Великолепие творенья!
Но там — среди уединенья
Долин, таящихся в горах,—
Гнездятся и балкар, и бах,
И абазех, и камукинец,
130 И карбулак, и абазинец,
И чечереец, и шапсук;
Пищаль, кольчуга, сабля, лук
И конь — соратник быстроногий
Их и сокровища и боги;
Как серны, скачут по горам,
Бросают смерть из-за утеса;
Или, по топким берегам,
В траве высокой, в чаще леса
Рассыпавшись, добычи ждут.
140 Скалы свободы их приют;
Но дни в аулах их бредут
На костылях угрюмой лени;
Там жизнь их — сон; стеснясь в кружок
И в братский с табаком горшок
Вонзивши чубуки, как тени
В дыму клубящемся сидят
И об убийствах говорят

Иль хвалят меткие пищали,
Из коих деды их стреляли;
150 Иль сабли на кремнях острят,
Готовясь на убийства новы.
Ты видел Дона берега;
Ты зрел, как он поил шелковы
Необозримые луга,
Одушевленны табунами;
Ты зрел, как тихими водами
Меж виноградными садами
Он, зеленея, протекал
И ясной влагой отражал
160 Брега, покрытые стадами,
Ряды стеснившихся стругов
И на склонении холмов
Донских богатырей станицы;
Ты часто слушал, как певичы
Родимый прославляют Дон,
Спокойствие станиц счастливых,
Вождей и коней их ретивых;
С смиреньем отдал ты поклон
Жилищу вихря-Атамана
170 И из заветного стакана
Его здоровье на Цимле
Пил, окруженный стариками,
И витязи под сединами
Соотчичам в чужой земле
„Ура!“ кричали за тобою.

Теперь ты случая рукою
В обитель брата приведен,
С ним вспомнишь призраки златые
Невозвратимых тех времен,
180 Когда мы — гости молодые
У милой Жизни на пиру —
Из полной чаши радость пили
И *счастье наше!* говорили
В своем пророческом жару...
Мой друг, пророчество прелестно!
Когда же сбудется оно?

Еще вдали и неизвестно
Все то, что нам здесь суждено...
А время мчится без возврата,
¹⁹⁰ И жизнь-изменница за ним;
Один уходим за другим;
Друг, оглянись... еще нет брата,
Час от часу пустее свет;
Пустей дорога перед нами.
Но так и быть!.. здесь твой поэт
С смиренной Музою, с друзьями
В смиренном уголке живет
И у моря погоды ждет.
И ты, мой друг, чтобы мечтою
²⁰⁰ Грядущее развеселить,
Спешишь волшебных струн игрою
В нем спящий гений пробудить;
И очарованный тобою,
Как за прозрачной пеленою,
Я вижу древни чудеса:
Вот наше солнышко-краса
Владимир-Князь с богатырями;
Вот Днепр кипит между скалами;
Вот златоверхий Киев град;
²¹⁰ И бусурманов тьмы, как пруги,
Вокруг зубчатых стен кипят;
Сверкают шлемы и кольчуги;
От кликов, топота коней,
От стука палиц, свиста пращей
Далеко слышен гул дрожащий;
Вот, дивной облечен броней,
Добрыня, богатырь могучий,
И конь его Златокопыт;
Чрез степи и леса дремучи
²²⁰ Не скачет витязь, а летит,
Громя Зилантов, и Полканов,
И ведьм, и чуд, и великанов;
И втайне девица-краса
За дальни степи и леса
Вослед ему летит душою;
Склоняся на руку главою,

На путь из терема глядит
И так в раздумье говорит:
„О ветер, ветер! что ты вьешься?
230 Ты не от милого несешься,
Ты не принес веселья мне;
Играй с касаткой в вышине,
По поднебесью с облаками,
По синю морю с кораблями —
Стрелу пернатую отвей
От друга-радости моей“.
Краса-девица ноет, плачет;
А друг по долам, холмам скачет,
Летя за тридевять земель;
240 Ему сыра земля постель;
Возглавье щит; ночлег дубрава;
Там бьется с Бабою-Ягой;
Там из ручья с живой водой,
Под стражей змея шестиглава,
Кувшином черпает златым;
Там машет дубом перед ним
Косматый людоед Дубыня;
Там заслоняет путь Горыня;
И вот внезапно занесен
250 В жилище чародеев он;
Пред ним чернеет лес ужасный.
Сияет блеск вдали прекрасный;
Чем ближе он — тем дале свет;
То тяжкий филина полет,
То вранов раздается рокот;
То слышится русалки хохот;
То вдруг из-за седого пня
Выходит леший козмоногий;
И вдруг стоят пред ним чертоги,
260 Как будто слиты из огня —
Дворец волшебный царь-девицы;
Красою белые колпицы,
Двенадцать дев к нему идут
И песнь приветствия поют;
И он... Но что? куда мечтами
Я залетел тебе вослед —

Ты чародей, а не поэт;
Ты всемогущими струнами
Мой падший гений оживил...
270 И кто, скажи мне, научил
Тебя предречь осмью стихами
В сей книге с белыми листами
Весь сокровенный жребий мой?
Признаться ли?.. Смотрю с тоской,
С волнением непобедимым
На белые сии листы,
И мнится, перстом невидимым
Свои невидимы черты
На них Судьба уж написала.
280 Что б ни было... сей дар тебе
Отныне дружба завещала;
Она твоя... молись Судьбе,
Чтоб в ней наполнились страницы.
Когда, мой друг, тебе я сам
Ее в веселый час подам
И ты прочтешь в ней небылицы,
За быль рассказанные мной,
То знай, что счастлив жребий мой,
Что под надзором Провиденья,
290 Питаясь жизнью в тишине,
Вблизи всего, что мило мне,
Я на крылах воображенья,
Веселый *здесь*, в *тот* мир летал
И что меня не покидал
Мой верный Ангел вдохновенья...
Но, друг, быть может... как узнать?..
Она останется пустая,
И некогда рука чужая
Тебе должна ее отдать
300 В святой залог воспоминанья,
Увы! и в знак, что в жизни сей
Милейшие души моей
Не совершились желанья.
Прими ее... и пожалей.

**ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ В ИГРУ,
НАЗЫВАЕМУЮ СЕКРЕТАРЬ**

1.

Какая разница, или разнота, т. е. разность?

Светлана — ангел красоты
Тут я не вижу разноты!
Светлана — безобразность
Тут всё — и разница, и разнота, и разность!

Милый друг, позволите ли вы мне сказать вам: раздуй вас горой!

Vous me confusioñez, душа моя, между друзьями на что комплименты?

2.

Без друга и без милой можно ли бродить и долго ли пробродишь?

Бреди — пока есть ноги!
Но долго ль — как сказать?
Тогда лишь можно не устать,
Когда нам цель видна с дороги.

3.

Отчего желаем для себя, а ищем разделить?

Губительного я
Не будет, не было на свете хуже слова!
Мне жизнь мила моя
Лишь тем, что может здесь быть жизнью другова.

4.

Радость иль кручину?

Радость за кручиной вслед,
Как за тенью ясный свет.

5.

Скоро ли вырос воп(рос)?

Сперва он веда был кривой,
Потом к нему прилипнул он!
Потом на двух ногах покой.
Потом и рцы, и снова он;

Потом сутулистое слово,
Потом брюхатый ер!
И стал для сплетниц он курьер:
Нескоро, да здорово!

6.

*Нет, вот видите ли, ежели бы, то есть, например, впрочем, буде,
однако, ну вот! Вить а? Что? Как? Где? Ба, ба, ба?*

О друг! Могу ли отвечать!
Сей кортик пламенный косится на кастрюлю!
И хочет поп свинью в кокошник наряжать!
И нос мой стал похож на пудовую дулю!

7.

Всё так ли, как в старину?

Всё так и навсегда! Что лучше старины!
Когда б я мог войти в разбор с судьбою,
Сказал бы: новое перед тобою,
Но чтоб грядущее мне было стариною!

8.

*Идет котик по межке, идет котик по ложке, идет котик по до-
рожке, прыгнул котик в окошко, зачем он прыгнул в окошко?*

Котик лысый, котик бедный!
Для чего прыгнул в окно;
На окне был тазик медный,
Тазик, глиняное дно!
А на тазике Матрешка!
За Матрешкою кулик.
В кулике яиц лукошко
И утёсистый парик.

9.

Надеешься ли ты на авось, или брось?

Когда обманет нас прелестница авось,
Тогда останется одно нам в утешенье:
Сказать: всему забвеньё!
Всё брось.

ю.

На что было город городить?

А на что было город городить?
Чтобы горю к нам дорогу затворить,
Чтобы горе к нам дороги не нашло,
Чтоб от нас веселье не ушло.

п.

С чем сравнить гремушку?

Гремушку можем мы с надеждою сравнить;
Дитя гремушкою играет
И, что вокруг него, того не замечает!
Так можем мы, когда надежда нас пленяет,
Всё настоящее забыть.

г.

Для чего Сократ был не длинноносый?

Сократ был длиннонос, осмелюсь вам сказать!
Но длинный нос его имел премного дела:
Он мудрость стал клевать!
А мудрость нос отъела!

[13]

У Жуковского к Максиму страсть, или просто милая привязанность?

Страсть и ах! неизлечима!
И такая это страсть,
Что Жуковскому напасть
Уж приходит от Максима!

LA GRANDE PENSÉE

Лягушке вздумалось: сем сделаюсь с быка,
Хотя и лопну я — да мысль-то велика!

〈К А. Ф. ВОЕЙКОВУ〉

О друг мой! жизнь крылатый час!
Мы радость ловим здесь украдкой!
Нет прочных благ в сей жизни гадкой;
Настал в Саратов ехать час.

〈К А. А. ПРОТАСОВОЙ〉

Что делаешь, Сандрок?
Кружишь ли, как сверчок,
По стульям, по окошкам?
Стрижешь ли морды кошкам?
Рисуешь ли усы,
Крючки и колбасы
На Вицмановой роже?
Иль чертиков в рогоже
Сажаешь на носы?
¹⁰ Иль мух сажаешь в банки,
Иль проповедь с лежанки
Бутылкам, сундукам,
И рыжим парикам,
И разным женихам
Рассказываешь с жаром?
Иль рожам смешнишь
И споришь с самоваром
И чайники казнишь?
Ты милое творенье;
²⁰ Ты взглядом обратишь
И горе в восхищенье;
С тобой явилась в свет
Веселость, бог крылатый;
Она твой провожатый,
При ней несчастья нет.

К ТУРГЕНЕВУ,
В ОТВЕТ НА СТИХИ,
ПРИСЛАННЫЕ ИМ ВМЕСТО ПИСЬМА

Nei giorni tuoi, felici
Ricordati di me!

В *день счастья* вспомнить о тебе —
На что такое, друг, желанье?
На что нам поверять судьбе
Священное воспоминанье?
Когда б любовь к тебе моя
Моим лишь счастьем измерялась
И им лишь в сердце оживлялась,—
Сколь беден ею был бы я!
Нет, нет, мой брат, мой друг-хранитель;
¹⁰ Воспоминанием иным
Плачу тебе; я вечно с ним;
Оно мой верный утешитель!
Во *дни печали* ты со мной;
И, ободряемый тобой,
Еще я жизнь не презираю;
О, что бы ни было,— я знаю,
Где мне прибежище обрести,
Куда любовь свою принести,
И где любовь не изменится,
²⁰ И где нежнейшее хранится
Участие в судьбе моей.
Дождусь иль пет счастливых дней —
О том, мой милый друг, ни слова;
Каким бы я ни шел путем —
Все ты мне спутником-вождем;
Со мной до камня гробового,
Не изменяясь, иди;
Одна мольба: не упреди!

〈Первое апреля 1814 г.〉

[1]

〈АЛЕКСАНДРЕ АНДРЕЕВНЕ ПРОТАСОВОЙ,
ОПИСАНИЕ ПОЕЗДКИ ЖУКОВСКОГО
К СВОЕМУ ДРУГУ А. А. ПЛЕЩЕЕВУ〉

По кочкам, колеям,
Преследуем суровым
Морозом, с Дербичовым
Я полетел к друзьям;
Кони меня крылаты
Безвредно донесли;
Встречать меня пришли
В передней Плещеняты,
Их мать и Букильон.
10 А сам Плещук копченой,
Быв страшно рассержен
Моей, друзья, изменой,
Ко мне не выходил
И с доктором долбил
В столовой шаропехом
Шары как на убой!
Вы спросите со смехом,
Какой привлек виной
От негра я презренье?
20 Причиною тому
К обеду неявленье.
Однако моему
Он все был рад приезду!
Пускай не выбегал
Он с моськами к подъезду!
Но, верно, прошептал
Сквозь губы раз десяток
Он песню плещеняток:
„Тем лучше! как я рад!..“
30 Почто?.. зовут обедать!
Ах! голод мне не сват!..
Как быть! Извольте ж ведать,
Что я во всякий час

При вас моей душою,
И жертвовать собою
И всем готов за вас!
Сказал хоть не прекрасно —
Да коротко и ясно.
(Приписка). А Светлана? Ох хороша!

[2]

〈ПИСЬМО ЖУКОВСКОГО В СТИХАХ И ПРОЗЕ,
ПИСАННОЕ У ПЛЕЩЕЕВЫХ К ПРОТАСОВЫМ〉

Я собирался к вам
Лететь с моим почтеньем
И с нежным поздравленьем,
Но вздумалось судьбам
Расчет мой переправить,
И я друзей поздравить
Заочно принужден!
Печален сей закон!
Но как же то случилось,
¹⁰ Что и во сне не снилось!
Вот так. Был ясный день!
Прогнавши сон и лень,
По просьбе Плещепупа,
Без кенег, без тулупа,
Пошел я чинно в сад!
Ходили мы, ходили,
Да ноги замочили!
Когда ж пришли назад,
А лихорадка с нами!
²⁰ И ну стучать зубами.
Желанный Плещепуп
В набойчатом тюрбане,
Под дюжиною шуб
В гостиной на диване
Кобенился, кряхтел,
И мерзнул, и потел;
А я как будто с бою,
С двурусной щекою,

С хандрою в голове
На штофных креслах жался
30 И тем уподоблялся
Трофимовне сове.—
Товарищ мой все болен!
А я хоть и уволен
От шелканья зубов,
Но в лапах у Лефорта,
Не доктора, а черта,
Сушителя кишков,
Злодея поваров!
Когда б его послушать,
40 То кухню б на запор!
Он не охотник кушать
И Бог его запор.
Зато уж наша Нина
На голос казачка
Поет исподтишка:
„О рожа! О скотина!
Копченый сатана!“
Не диво! ведь она
Желудку не злодейка!
50 В руках ее индейка
И два-три пирога
Исчезнут в два мига!
Приятно ль ей поститься!
Но я чем виноват!
И можно ль не взбеситься?
Злодеи говорят,
Что будто очень худо
Дарить друзей простудой
(Своей, а не чужой),
60 Что будто в грязь, по стуже
Поеду я домой;
Что, притаившись в луже,
С бутылкой хины ждет
Меня сестра припадка
Злодейка лихорадка!

О милые друзья!
Итак невольню я
Сей день для нас бесценный
Не с вами проведу!
70 Но мыслями найду
Я к милым путь открытой!
Для мыслей хины нет!
И важный факультет
С своей пузыряной свитой
Не властен удержать
Их быстрое стремленье...

[3]

ПОХОЖДЕНИЯ ИЛИ ПОХОД ПЕРВОГО АПРЕЛЯ
(La bonne aventure)

Был-жил в свете Букильон
И поэт Жуковский!
Букильону снился сон
Про пожар Московский!
Видел также он во сне,
Что Профессор на коне
Ехал по Покровской.
Ай, жги!
Ехал по Покровской.
10 О ужасный! грозный сон!
Знать перед кручиной!
Вот проснулся Букильон,
Чистит зубы хиной!
Пробудился и поэт,
И смиренно он одет
В свой тулуп овчинной!
Ай, жги!
В свой тулуп овчинной!

РЕЧИТАТИВ

И важно к Тихону воскликнул Букильон:
20 Будь Тихон спереди! Будь наш посланник сзади!

Спроси, отдав поклон:
Прошел ли пароксизм, пришел ли пот и сон?
И возвратися Бога ради!

АРИЯ

(Oui noir, mais pas si diable)

И Тихон возвратился:
„Больной, оставя лесть,
Почти совсем взбесился!
То на печь хочет лезть!
То спальню ложкой мечь!
То просит: дайте съесть
30 Прикащика с начинкой!
То быть желает свинкой
С серебряною спинкой!
То квохчет, сняв кафтан:
Степан!
Степан!
Несносный, (bis) барабан!“

АРИЯ

(Triste raison)

Увы! Увы! сбылося сновиденье!
О Тихон, дай скорее сапоги!
Скотина, дай нам трубки в утешенье!
40 Скорей!.. о рок!.. за кофеем беги!

РЕЧИТАТИВ

Но что, Тераль, что нам твой вид вещает!
Как тени гробовой его ужасен лик!
Над ним на потолке сияет
Комета грозная, пылающий голик!
Какие перед ним горе несутся духи!
Увы! две шпанские, как две перины, мухи
И сальный докторский парик
Верхом на огненной клистирной трубке,
И Гиппократ в воздушном полушубке!

АРИЯ
(Дубрава шумит)

5^о „Monsieur Vouquillon!“
„Aimable Жуковский!“
Наш лекарь заморский...
Ах! бесится он!

Сидит пригорюнясь и вяжет чулки!
То сам себе на нос задумчиво плюет!
То к сердцу жеманно прижав башмаки,
Ползёт на карачках и томно кукует!“

АРИЯ
(Кассандра)

И слова ещё звучали...
Взбеленился Букильон!
6^о Двери страшно застучали,
Лишь дверями стукнул он!
Побежал... но возвратился...
О, насмешка сатаны!
Так он в страхе торопился,
Что забыл свои штаны!
Одеваться! Новы муки!
Вот внезапный страх каков!
Вместо ног он всунул руки!
Вышел капор из штанов!
7^о Машут девки голиками!
Лагут моськи по углам!
И Визар, всплеснув руками,
Удивляется штанам!

РЕЧИТАТИВ

И побежал во мраке коридора
В тафтяном шлафроке рысистой Букильон!
Уж мимо сени той промчался быстро он,
Где сундуки, тюфяк и некий тайный трон,
На коем прения поноса и запора
Без апелляции решает Афендрон!
8^о Летит... уже театр оставил за собою!
Уж отпер роковую дверь,

На коей белый кит, морской огромный зверь
Написан был искусною рукою!
Вошёл и что же видит он,
Наш добрый Букильон.

АРИЯ

(Минутная краса полей)

В картузе Форт, краса людей,
Унылый доктор одинокой,
Лишенный прелести своей
Рукою колпки жестокой!

⁹⁰ Увы! нам тот же дан удел!
Всех рок запором угнетает!
Тут, скорчась, юный Фор кряхтел!
Степан Максимыч там страдает!

РЕЧИТАТИВ

И Букильон, едва несчастного узрел,
Запел!

АРИЯ

(Сей друг и пр.)

Сей друг, кого запор вовек не побеждал!
Увы! надев картуз, сей друг воскуковал!
Кукушки, кукушки, кукуйте со мной!
Царь горькия хины кряхтит предо мной!
¹⁰⁰ И дымом табачным уже он не дышит
И ссоры Визара с Бароном не слышит!
В картузе горячка его нагнала!
И с кашею ложка в зубах замерла!
И сном он спокойным заснул над Левеком
И сделался тако больным человеком!

РЕЧИТАТИВ

И грянул хохот вдруг с двенадцати сторон:
Вздрыгнул смятенный Букильон,
И видит: личико, одетое картузом,

110 Которое ему казалось арбузом,
Как роза расцвело,
И на картузе вдруг незримыми руками
Пришпилился ярлык с волшебными словами:
Апреля первое число!

АРИЯ
(Светлана)

Что же? что ужасный сон!
Много снится вздора!
Фор здоров! Избавлен он
Всякого запора!
Тот же нос, и на глазах
Те ж густые брови!
120 Так же точно и в щеках
Нет ни капли крови!
А копченый Плещепуп
Так же весел и не глуп!
Те ж и все конфеты!
К черту ж хину! Прочь халат!
Рюмки в руки! Пейте в лад!
Пойте: Многи леты!

〈ПОСТСКРИПТУМ К ПОСЛАНИЮ А. Ф. ВОЕЙКОВУ〉

Мое postscriptum, брат Дашков!
Нельзя ли усмирить певцов
Твоею прозою целебной
И заглянуть с твоим пером
В Парнасский сумасшедший дом?
Какой-то, слышу, дух враждебной
Поэтов так перемутил,
Что Феб, озлясь, их заключил
В бедлам. Теперь за нумерами
10 Опутанные кандалами,
Обритые, табак жуют.
И все, как умные, поют.

Смотри, о горе! вот в чулане
Сидит наш друг, *певец во стане*,
И горькую микстуру пьет
И ей в бесовском иступленьи:
„Хвала, Микстура“ — вопиет.
Вот наш Воейков в заточенье,
Наш стихотворец-готтентот
20 За то, что силой русска слога
Преобратил, забывши Бога,
Сады Делиля в огород
И на Вергилия грозился
Напасть с гекзаметром врасплох!
Три сотни б насчитать я мог!
Но видишь сам, я очутился
В конце страницы и письма!..
Войди! Здесь стихотворцев тьма:
В чулане каждый, с каждым лира!
30 Что здесь услышишь, запиши,
И будет добрая сатира —
Мы посмеемся от души!

⟨К МАРИИ АНДРЕЕВНЕ ПРОТАСОВОЙ⟩

Нет, право, мочи нет,
Какой стал ныне свет!
Быть светупреставленью,
По шучьему веленью,
По моему прошенью!..
Нет! полно жить в Черни!
Здесь каверзы одни!
Не думай, друг мой Маша,
Искать в Черни друзей;
10 Для пользы, знай, твоей
И грешневая каша
Тебя сто раз милей.
Желаешь ты примера!
Спроси у землемера —

Он прям и скажет *ga!*
А Феотраст докажет,
Что пьяный никогда
Неистины не скажет!..
Давно Сократ сказал:
20 Счастлив, кому послал
Создатель в жизни друга,
Подобного тебе!
Тот, верно, мил судьбе,
И радость с ним подруга!
Но Нина шепчет мне:
„Читать довольно скушно!“
И очень равнодушно
У моськи на спине
Изволит по преданью
30 Искать проворных блох!
Кто не воскликнет *oa!*
Как можно блох исканью
Тебя не предпочесть!
Когда, оставя лесть,
Мой друг, перед тобою
Покажется блохою
И все, что в мире есть,
И мило, и прекрасно!
И так, мой друг, напрасно
40 От Нины дружбы ждать!
Будь моськой или маком
Или печеным раком,
И будет обожать...
Но можно ли желать
Такого превращенья!
Прелестнейшего свет
Лишился б украшенья!
Другой в нем Маши нет!

* * *

Мой друг утешительный!
Тогда лишь покинь меня,
Когда из души моей
Луч жизни скроется!
Тогда лишь простись со мной!
Источник великого,
И веры и радости,
И в сердце невинности;
Мне силу и мужество,
И твердость дающа,
Мой ангел — сопутница,
И в жизни и в вечности!

〈К И. П. ЧЕРКАСОВУ〉

Володьковский Барон!
Пора из Петрограда.
Мне шепчет Аполлон,
Что Вам здесь будет рада
И добрая жена,
И рой детей веселый.
Каминная грустна,
И в ней осиротелый
Нахмурен круглый стол.
¹⁰ Итак, за лошадьми!
Являйтесь к нам с вестями
О том, что в добрый час
Случилось *там* у вас;
О том, как победитель
У Бельта встречен был;
Какой стихотворитель
Его в стихах хвалил?
Каков собор Казанский,
Каков и вахт-парад;
²⁰ Поет ли старец Званский

О славе невпопад;
И Батюшков-ленивец,
Малютка и Герой,
В стихах всегда счастливец,
Не сделал ли какой
Парнасския проказы?
Какие вам указы
Открыл наш друг Дашков,
Чтобы от злой заразы,
³⁰ И ябед, и крючков
Вам было избавленье?
Что мой Тургенев-брат...
Скорей, скорей назад
В Володьково! Забвенье
Всем жалким суетам!
Здесь счастье! Скука там!

• ДОЛБИНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ •

ДОБРЫЙ СОВЕТ
В АЛЬБОМ В. А. А. (ЗБУКИНУ)

Любовь, Надежда и Терпенье:
На жизнь порядочный запас.
Вперед без страха; в добрый час!
За все порука Провиденье.

Блажен, кому *Любовь* вослед;
Она веселье в жизнь вливает
И счастья радугу являет
На самой грозной туче бед.

Пока заря не воссияла —
¹⁰ Бездушен, хладен, тих Мемнон;
Заря взошла — и дышит он!
И радость в мраморе взыграла!

Таков Любви волшебный свет,
Великих чувств животворитель,
К делам возвышенным стремитель!
Любви нет в сердце — жизни нет!

Надежда с чашею отрады
Нам добрый спутник — верь, но знай,
Что не земля, а небо рай;
²⁰ Верней быть добрым без награды!

Когда ж *Надежда* улетит —
Взгляни на тихое *Терпенье*;
Оно утехи обольщенье
Прямою силой заменит.

Лишь бы, сокровище святое,
Доброта сохранилась нам;
Достоин будь — а небесам
Оставь на волю остальное!

БИБЛИЯ

Кто сердца не питал, кто не был восхищен
Сей книгой, от небес Евреям вдохновенной!
Ее божественным огнем воспламенен,
Полночный наш Давид на лире обновленной
Пророческую песнь псалтыри пробуждал,—
И север дивному певцу рукоплескал.
Так, там, где цвел Эдем, на бреге Иордана,
На гордых высотах сенистого Ливана
Живет восторг; туда, туда спеши, певец;
¹⁰ Там мир в младенчестве предстанет пред тобою,
И мощный, мыслию сопутствуем одною,
В чудесном торжестве творения Творец...
И слова дивного прекрасное рожденье,
Се первый человек; вкусил минутный сон —
Подругу сладкое дарует пробужденье.

- Уже с невинностью блаженство тратит он.
Повержен праведник — о грозный Бог! о мщенье!
Потоки хлынули... земли преступной нет;
Один, путеводим Предвечного очам,
20 Возносится ковчег над бурными валами,
И в нем с Надеждою таится юный свет.
Вы, пастыри, вожди племен благословенных,
Иаков, Авраам, восторженный мой взгляд
Вас любит обретать, могущих и смиренных,
В родительских шатрах, среди шумящих стад;
Сколь вашей простоты величие пленяет!
Сколь на востоке нам ваш славный след спяет!..
Не ты ли, тихий гроб Рахили, предо мной?..
Но сын ее зовет меня ко берегу Нила;
- 30 Напрасно злобы сеть невинному грозила;
Жив Бог — и он спасен. О! сладкие с тобой,
Прекрасный юноша, мы слезы проливали.
И нет тебя... увы! на чуждых берегах
Сыны Израйля в гонении, в цепях
Скорбят... но небеса склонились к их печали;
Кто ты, спокойное дитя среди шумных волн?
Он, он, Евреев щит, их плена разрушитель!
Спешь, о дочь царей, спасай чудесный чолн;
Да не дерзнет к нему приблизиться губитель —
- 40 В сей колыбели скрыт Израйля предел.
Раздвинься, море... пой, Израиль, искупление!
Синай, не ты ли день завета в страхе зрел?
Не на твою ль главу, дрожащую в смятенье,
Гремящим облаком Егова низлетел?
Скажу ль — и дивный столп в день мрачный, в ночь горящий,
И изумленную пустыню от чудес,
И солнце, ставшее незапно средь небес,
И Руфь, и от руки Самсона храм дрожащий,
И деву юную, которая в слезах,
- 50 Среди младых подруг, на отческих горах,
О жизни сетуя, два месяца бродила?..
Но что? рука Судей Израиль утомила;
Неблагодарным в казнь, Царей послал Творец;
Саул помазан, пал — и пастырю венец;
От племени его народов Искупитель;

- И воину-царю наследник царь-мудрец.
Где вы, Левиты? Ждет божественный строитель;
Стеклись... о, торжество! храм вечный заложен.
Но что? уж десяти во граде нет колен!..
- ⁶⁰ Падите, идолы! Рассыпьте в прах, божницы!
В блистаньи Илия на небо воспарил!..
Иду под вашу сень, Товия, Рагуил...
Се мужи Промысла, Предвечного зеницы;
Грядущие лета как прошлые для них —
И в час показанный народы исчезают.
Увы! Сидон, навек под пеплом ты утих!..
Какие вопли ток Евфрата возмущают?
Ты, плакавший в плену, на вражеских берегах,
Иуда, ободрись; восходит день спасенья!
- ⁷⁰ Смотри: сия рука, разитель преступленья,
Тирану пишет казнь, другим тиранам в страх.
Снон, восторжествуй свиданье с племенами;
Се Эзра, Маккавей с могущими сынами;
И се Младенец-Бог Мессия в пеленах.

БЕСПОДОБНАЯ ЗАПИСКА К ТРЕМ СЕСТРИЦАМ В МОСКВУ

- Скажите, милые сестрицы,
Доехали ль, здоровы ль вы?
И обгорелая столицы
Сочли ли дымные главы?
По Туле много ли гуляли?
Все те же ль там — завод, ряды,
И все ли там пересчитали
Вы наших прежних лет следы?
Покрытая пожарным прахом,
¹⁰ Москва, разбросанный скелет,
Вам душу охладила ль страхом?
А в Туле прах минувших лет
Не возвратил ли вспоминанья
О том, что было *в оны дни?*

Когда нам юность лишь одни
Пленительные обещанья
Давала на далекий путь,
Призвав неопытность в поруку?..
Тогда, подав надежде руку,
20 Не мнили мы, чтоб обмануть
Могла сопутница крымата!
Но время опыт привело;
И многих, многих благ утрата
Велит сквозь темное стекло
Смотреть на счастье земное,
Чтобы сияние живое
Его пленительных лучей
Нам вовсе глаз не заслепило!..
Друзья, что *верно* в жизни сей?
30 Что просто, но что сердцу мило,
Собрав поближе в малый круг,—
(Чтоб взор наш мог окинуть вдруг),
Мечты уступим лишь начавшим
Идти дорогою земной
И жребия не испытавшим!
Для них надежды сон златой!
А нам будь в пользу пробужденье!
И мы, не метя больше вдаль,
Терпеньем усладим печаль,
40 Веселью — верой в Провиđenje —
Неизменяемость дадим!
Сей день покоем озлатим,
Красою мыслей и желаний
И прелестью полезных дел,
Чтоб на неведомый предел
Сокровище воспоминаний,
Прекрасной жизни зрелый плод
Нам вынести из жилища праха
И зреть открытый нам без страха
50 Страны обетованной вход.

РОСПИСКА МАШИ

Что ни пошлет судьба, все пополам!
Без робости, дорогою одною,
В душе добро и вера к небесам,
Идти — тебе вперед, нам за тобою!
Лишь вместе бы, лишь только б заодно,
Лишь в час один, одна бы нам могила! —
Что впрочем здесь ни встретим — все равно!
Я в том за всех и руку приложила.

МОТЫЛЕК

Вчера я долго веселился,
Смотря как мотылек
Мелькал на солнышке, носился
С цветочка на цветок.

И милый цвет его менялся
Всечасно предо мной,
То алой тенью отливался,
То нежной голубой.

Я вслед за ним... но он быстрее
¹⁰ Виляет и кружит!
И вижу, вдруг, прильнув к лилее,
Недвижимый блестит!

Беру... и мой летун вертяной
Дрожит в моих руках.
Но где же блеск его румяной?
Где краски на крылах?

Увы! коснувшись к ним перстами,
Я стер их нежный цвет!
И мотылек... он все с крылами.
²⁰ Но красоты уж нет!

„Так наслажденье изменяет!“ —
Вздыхнувши я сказал:
„Пока не тронута — блистает!
Дотронься — блеск пропал!“

• ЭПИТАФИИ •

I. МОТУ

Здесь Лакомкин лежит — он вечно жил по моде!
Зато и вечно должен был!
А заплатил
Один лишь долг — природе!..

II. ХРОМОМУ

Дамон покинул свет:
На гроб ему два слова:
Был хром и ковылял сто лет!
Довольно для хромова.

III. ПЬЯНИЦЕ

Под камнем сим Бибрис лежит;
Он на земле в таком раздоре был с водою,
Что нам и из земли кричит:
Не плачьте надо мною!

IV. ГРАМОТЕЮ

Здесь Буквин-грамотей. Но что ж об нем сказать?
Был сердцем добр; имел смиренные желанья...
И чести правила старался наблюдать,
Как правила правописанья!

V. ТОЛСТОМУ ЭГОИСТУ

Здесь Никодимову похоронили тушу!
К себе он милостив, а к ближнему был строг;

Зато, когда отдать он вздумал Богу душу,
Его души не принял Бог!

VI. ЗАВОЕВАТЕЛЯМ

Где всемогущие владыки,
Опустошители земли?
Их повелительные лики
Смирились в гробовой пыли!
И мир надменных забывает,
И время с их гробов стирает
Последний титул их и след,
Слова ничтожные: *их нет!*

ЖЕЛАНИЕ И НАСЛАЖДЕНИЕ

„Что так, дружочек, приуныло?
Что твой приятный взор угас?“
Так наслажденье говорило
Желанью в добрый час.

„Приди! Поделимся напастью!
Приди — я друг давнишний твой!
Я покажу дорогу к счастью
И помирю с судьбой!“

Желанье слезы отирает,
¹⁰ И мчится к другу на крылах,
И — в ту ж минуту умирает
У друга на руках!

СОВЕСТЬ

Сколь неизбежна власть твоя,
Гроза преступников, невинных утешитель,

О, совесть! наших дел закон и обвинитель,
Свидетель и судья!

СМЕРТЬ

То сказано глупцом и признано глупцами,
Что будто смерть для нас творит ужасным свет!
Пока на свете *мы*, она еще не с нами;
Когда ж пришла *она*, то нас на свете нет!

ЧТО ТАКОЕ ЗАКОН?

Закон — на улице натянутый канат,
Чтоб останавливать прохожих среди дороги,
Иль их сворачивать назад,
Или им путать ноги.
Но что ж? Напрасный труд! Никто назад нейдет!
Никто и подождать не хочет!
Кто ростом мал — тот вниз проскочит,
А кто велик — перешагнет!

В АЛЬБОМ БАРОНЕССЕ Е. И. ЧЕРКАСОВОЙ

Где искренность встречать выходит на крыльцо,
И вместе с дружбой угощает,
Где все, что говорит лицо,
И сердце молча повторяет,
Где за большим семейственным столом
Сидит веселая свобода,
И где, подчас, когда нахмурится погода,
Перед блестящим камельком,
В непринужденности живого разговора

¹⁰ Позволено дойти до спора —
Зашедши в уголок такой,
Я смело говорю, что я зашел *домой!*

ПОСЛАНИЕ К ПЛЕЩЕЕВУ

Ну, как же вздумал ты, дурак,
Что я забыл тебя! — о, рожа!
Такая мысль весьма похожа
На тот кудрявый буерак,
Который — или нет!.. — в котором...
Иль нет!... ошибся: на котором...
Но мы оставим буерак,
А лучше, не хитря, докажем,
То есть простою прозой скажем,
¹⁰ Что сам кругом ты виноват!
Что ты писать и сам не хват!
Что неписание и забвенье
Так точно то же и одно,
Как горький уксус и вино,
Как вонь и сладкое куренье...
И как же мне тебя забыть?
Ты не боишься белой книги!
Итак, оставь свои интриги!
И не изволь меня рядить
²⁰ В шуты пред дружбою священной!
Скажу тебе, что я один,
То есть, что я уединенно
И не для собственных причин
Живу в соседстве от Белева
Под покровительством Гринева;
То есть, что мне своих детей
Моя хозяйка поручила
И их не оставлять просила,
И что честное слово ей
³⁰ Я дал, и верно исполняю,
А без того бы, друг мой, знай,
Давно бы был я уж в *Черни!*
Мои уединенны дни

Довольно сладко протекают!
Меня и Музы посещают,
И Аполлон доволен мной!
И под пером моим нагой
Трещит — и план и мысли есть,
И мне осталось лишь присесть
+⁰ Да и писать к Царю посланье!
Жди славного, мой милый друг,
И не обманет ожиданье!
Присыпало все к сердцу вдруг,
И наперед я в восхищенье
Предчувствую то наслажденье,
С каким без лестн, в простоте,
Я буду говорить стихами
О той небесной красоте,
Которая в венце пред нами!
5⁰ А ты меня благослови!
Но, ради Бога, оживи
О Гришпном выздоровленье
Прекрасной вестию скорей!
А то растает вдохновенье!
Прости же! Ниночке моей
Любовь, и дружба, и почтенье;
Прошу отдать их, не деля!
А Губареву — киселя!

〈ПОСЛАНИЯ К КН. ВЯЗЕМСКОМУ И В. А. ПУШКИНУ〉

I

Preamble

На этой почте все в стихах,
А низкой прозою ни слова.
Вот два посланья вам — обнова,
Которую для Муз скроил я второпях.
Одно из них для вас, а не для света;
В нем просто критика, и запросто одета
В простой, нестихотворный слог.

Другим я отвечать хотел вам на посланья,
В надежде заслужить рукоплесканья
10 От всех, кому знаком Парнасский бог.
Но вижу, что меня попутала поспешность.
В моем послании великая погрешность!
Слог правилен и чист, но в этом славы нет!
При вас, друзья, писать нечистым слогом стыдно,
Но связи в нем не видно,
А видно, что спешил поэт!
Нет в мыслях полноты и нет соединенья,
А кое-где есть повторенья.
Но так и быть!
20 „Бедой своей ума мы можем прикупить!“
Так Дмитриев, пророк и вкуса и Парнаса,
Сказал давно,
И аксиомой быть для нас теперь должно:
„Что в час сотворено, то не живет и часа!
Лишь то, что писано с трудом, читать легко!
Кто хочет вдруг замчаться далеко,
Тот в хлопотах умчит и глупость за собою!
Спешит не торопясь, но твердою стопою,
И ни на шаг *вперед*,
30 Покуда *тем, что есть*, не сделался довольным,
Пока назад смотреть не смеешь с духом вольным:
Иначе от *загов переднее* умрет
Или напишутся одни *иносказанья!*“
Простите. Ваши же посланья
Оставлю у себя, чтобы друзьям прочесть!
У вас их список есть.
К тому же, Вяземский велит жить осторожно:
Он у меня свои стихи безбожно
На время выпросив, на вечность удержал;
40 Прислать их обещал,
Но все не присылает;
Когда ж придет,
Об этом знает тот,
Кто будущее знает.

*Милостивые государи, имею честь пребыть вашим покорнейшим
слугою. В. Жуковский.*

II

*Милостивый государь Василий Львович
и ваше сиятельство князь Петр Андреевич!*

Вот прямо одолжили,
Друзья! вы и меня писать стихи взманили.
Посланья ваши — в добрый час сказать,
В худой же помолчать —
Прекрасные; и вам их Грации внушили.
Но вы желаете *херов*,
И я хоть тысячу начертать их готов,
Но только с тем, чтобы в Зоилы
И самозванцы-судии
10 Меня не завели мои
Перо, бумага и чернилы.
Послушай, Пушкин-друг, твой слог отменно чист;
Грамматика тебя угодником считает,
И никогда твой вкус не ковыляет.
Но, кажется, что ты подчас многоречист,
Что стихотворный жар твой мог бы быть живее,
А выражения короче и сильнее;
Еще же есть и то, что ты, мой друг, подчас
Предмет свой забываешь!
20 Твое посланье в том живой пример для нас.
В начале ты завистникам пеняешь:
„Зоилы жить нам не дают! —
Так пишешь ты.— При них немеет дарованье,
От их гонения один певцу приют —
Молчанье!“
Потом ты говоришь: „И я любил писать;
Против нелепости глупцов вооружался;
Но гений мой и гнев напрасно истощался:
Не мог безумцев я унять!
30 Скорее бороды их оды вырастают,
И бритву критики лишь только притупляют;
Итак, пришлось молчать!“
Теперь скажи ж мне, что причиною молчанья
Должно быть для певца?
Гоненье ль *зависти*? Или *иносказанья*,
Иль оды пачкунов без смысла, без конца?..

Но тут и все погрешности посланья;
На нем лишь пятнышко одно,
А не пятно.

40 Рассказ твой очень мил: он, кстати, легок, ясен!

Конец прекрасен!

Воображение мое он так кольнул,
Что я, перед собой уж всех вас видя в сборе,
Разинул рот, чтобы в гремящем вашем хоре
Веселию кричать: ура! и протянул
Уж руку, не найду ль волшебного бокала.
Но, ах! моя рука поймала
Лишь Друга юности и всяких лет!
А вас, моих друзей, вина и счастья, нет!..

50 Теперь ты, Вяземский, бесценный мой поэт,

Перед судилище явись с твоим посланьем.
Мой друг, твои стихи блистают дарованьем,
Как дневный свет.

Характер в слоге твой есть точность выраженья,
Искусство — простоту с убранством соглашать,
Что должно в двух словах, то в двух словах сказать
И красками воображенья

Простую мысль для чувства рисовать!

К чему ж тебя твой дар влечет, еще не знаю,

60 Но уверяю,

Что Фебова печать на всех твоих стихах!

Ты в песне с легкостью порхаешь на цветах,
Ты Рифмина убить способен эпиграммой,
Но и высокое тебе не высоко,
Воображение с тобою не упрямо,

И для тебя летать за ним легко

По высотам и по лугам Парнаса.

Пиши! тогда скажу точнее, какой твой род;

Но сомневаюсь, чтоб лень, хромой урод,

70 Которая живет не для веков, для часа,

Тебе за песенку перелететь дала,

А много, много за посланье.

Но кстати о посланье,

О нем ведь, помнится, вначале речь была.

Послание твое — *малютка*, но прекрасно,

- И все в нем коротко, да ясно.
„У каждого свой вкус, свой суд и голос свой!“—
Прелестный стих и точно твой.
„Язык их — брань; искусство —
- 80 Пристрастием заглушать священной правды чувство;
А демон зависти — их мрачный Аполлон!“
Вот сила с точностью и скромной простотою!
Последний стих — огонь! Над трепетной толпою
Глупцов, как метеор, ужасно светит он!
Но, друг, не правда ли, что здесь твое *потомство*
Не к смыслу привело, а к рифме *вероломство*!
Скажи, кто этому словцу отец и мать?
Известно: девственная *вера*
И буйственный глагол — *ломать*.
- 90 Смотри же, ни в одних стихах твоих примера
Такой ошибки нет. Вопрос:
О ком ты говоришь в посланье?
О глупых судиях, которых толкованье
Лишь *косо* потому, что их рассудок *кос*.
Где ж *вероломство* тут? Оно лишь там бывает,
Где на доверенность прекрасная души
Предательством злодей коварный отвечает.
Хоть тысячу зоиц пасквилей напиши,
Не *вероломным* свет хулителя признает,
- 100 А злым *завистником* иль попросту глупцом.
Позволь же заклеить хером
Твое мне *вероломство*.
„Не трогай! (ты кричишь) я вижу, ты хитрец;
Ты в этой тяжбе сам судья и сам истец;
Ты из моих стихов *потомство*
В свои стихи отмежевал,
Да в подтверждение из Фебова закона
Еще и добрую статейку приискал!
Не тронь! иль к самому престолу Аполлона
- 110 Я с апелляцией пойду
И вмиг с тобой процесс за рифму заведу!“
Мой друг, не горячись, отдай мне *вероломство*;
Грабитель ты, не я;
И ум — правдивый судия
Не на твое, а на мое *потомство*

Ему быть рифмой дал приказ,
А Феб уж подписал именной указ.
Поверь, я стою не укора,
А похвалы.

- ¹²⁰ Вот доказательство: „*Как волны от скалы,
Оно несется вспять!*“ — такой стишок умора.
А следующий стих, блистательный на взгляд:
„*Что век зоила — день! век гения — потомство!*“
Есть лишь бессмыслицы обманчивый наряд,
Есть настоящее рассудка вероломство!
Сначала обольстил и мой рассудок он;
Но... с нами буди Аполлон!
И словом, как глупец надменный,
На высоту честей Фортуной вознесенный,
¹³⁰ Забыв свой низкий род,
Дивит других глупцов богатством и чинами,
Так точно этот стих-урод
Дивит невежество парадными словами;
Но мигом может *вкус* обманщика сразить,
Сказав рассудку в подтвержденье:
„*Нельзя потомству веком быть!*“
Но станется и то, что и мое решенье
Своим *быть по сему*
Скрепить бог Пинда не решится;
¹⁴⁰ Да, признаюсь, и сам я рад бы ошибиться:
Люблю я этот стих наперекор уму.
Еще одно пустое замечанье:
„*Укрывшихся веков*“ — нам укрываться страх
Велит; а *страха* нет в *веках*.
Итак, „*укрывшихся*“ — в изгнанье;
„Не ведает врагов“ — не *знает* о врагах —
Так точность строгая писать повелевает,
И Муза точности закон принять должна,
Но лучше самого спроси Карамзина:
¹⁵⁰ *Кого* не ведает или *о ком* не знает,
То самой точности точней он должен знать.
Вот все, что о твоём посланье,
Прелестный мой поэт, я мог тебе сказать.
Чур не пенять на доброе желанье;
Когда ж ошибся я, беды в ошибке нет;

При этой критике есть и *ответ*:
Прочти и сделай замечанье.
А в заключение обоим вам совет:
„Когда завистников свести с ума хотите
¹⁶⁰ И выгнать глупцов из тьмы на белый свет —
Пишите!“

III

К КН. ВЯЗЕМСКОМУ И В. Л. ПУШКИНУ

Послание

Друзья, тот стихотворец — горе,
В ком без похвал восторга нет.
Хотеть, чтоб нас хвалил *весь свет*,
Не то же ли, что выпить море?
Презренью бросим тот венец,
Который *всем* дается светом;
Иная слава нам предметом,
Иной награды ждет певец.
Почто на Фебов дар священный
¹⁰ Так безрассудно клеветать?
Могу ль поверить, чтоб страдать
Певец, от Музы вдохновенный,
Был должен боле, чем глупец,
Земли бесчувственный жилец,
С глухой и вялою душою,
Чем добровольной слепотою
Убивший все, чем красен свет,
Завистник гения и славы?
Нет! жалобы твои неправы,
²⁰ Друг Пушкин; счастлив, кто поэт;
Его блаженство прямо с неба;
Он им не делится с толпой:
Его судьи лишь чада Феба;
Ему ли с пламенной душой
Плоды святого вдохновенья
К ногам холодных повергать
И на коленях ожидать
От недостойных одобренья?

- Один, среди песков, Мемнон,
30 Седя с возвышенной главою,
Молчит — лишь гордою стопою
Касается ко праху он;
Но лишь денницы появленье
Вдали восток воспламенит —
В восторге мрамор песнь гласит.
Таков поэт, друзья; презренье
В пыли таящимся душам!
Оставим их попать стопам,
А взоры устремим к востоку.
- 40 Смотрите: неподвластный року
И находя в себе самом
Покой, и честь, и наслажденья,
Муж праведный прямым путем
Идет — и терпит ли гоненья,
Избавлен ли от них судьбой —
Он сходен там и тут с собой;
Он благ без примеси не просит —
Нет! в лучший мир он переносит
Надежды лучшие свои.
- 50 Так и поэт, друзья мои;
Поэзия есть добродетель;
Наш гений лучший нам свидетель.
Здесь славы чистой не найдем —
На что ж искать? Перенесем
Свои надежды в мир потомства...
Увы! *Димитрия* творец
Не отличил простых сердец
От хитрых, полных вероломства.
Зачем он свой сплетать венец
- 60 Давал завистникам с друзьями?
Пусть Дружба нежными перстами
Из лавров сей венец свила —
В них Зависть терния вплела;
И торжествует: растерзали
Их иглы славное чело —
Простым сердцам смертельно зло:
Певец угаснул от печали.
Ах! если б мог достигнуть глас

- Участия и удивленья
70 К душе, не снесшей оскорбленья,
И усладить ее на час!
Чувствительность его сразила;
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала,
Певцу погибелью была.
Потомство грозное, отмщенья!..
А нам, друзья, из отдаленья
Рассудок опытный велит
Смотреть на сцену, где гремит
80 Хвала — гул шумный и невнятный;
Подале от толпы судей!
Пока мы не смешались с ней,
Свобода друг нам благодатный;
Мы независимо, в тиши
Уютного уединенья,
Богаты ясностью души,
Поем для Муз, для наслажденья,
Для сердца верного друзей;
Для нас все обольщенья славы!
90 Рука завистников-судей
Душеубийственной отравы
В ее сосуд не подольет,
И злобы крик к нам не дойдет.
Страшись к той славе прикоснуться,
Которою прельщает Свет —
Обвитый розами скелет;
Любуйся издали, поэт,
Чтобы вблизи не ужаснуться.
Внимай избранным судиям:
100 Их приговор зеркало нам;
Их одобренье нам награда,
А порицание ограда
От убивающия дар
Надменной мысли совершенства.
Хвала воспламеняет жар;
Но нам не в ней искать блаженства —
В труде... О благотворный труд,
Души печальныя целитель

И счастья животворитель!
110 Что пред тобой ничтожный суд
Толпы, в решениях пристрастной,
И ветреной, и разногласной?
И тот же Карамзин, друзья,
Разимый злобой, несраженный
И сладким лишь трудом блаженный,
Для нас пример и судья.
Спросите: для одной ли славы
Он вопрошает у веков,
Как были, как прошли державы,
120 И чадам подвиги отцов
На прахе древности являет?
Нет! он о славе забывает
В минуту славного труда;
Он беззаботно ждет суда
От современников правдивых,
Не замечая и лица
Завистников несправедливых.
И им не разорвать венца,
Который взяло дарованье;
130 Их злоба — им одним страданье.
Но пусть и очаруют свет —
Собою счастливый поэт,
Твори, будь тверд; их зданья ломки;
А за тебя дадут ответ
Небольстимые потомки.

ЗАПИСКА К СВЕЧИНУ

Извольте, мой полковник, ведать,
Что в завтрашний субботний день
Я буду лично к вам обедать!
Теперь же недосуг. Не лень,
А Феб Зевесович мешает.
Но буду я не ночевать,
А до вечерни поболтать,

Да выкурить две трубки,
Да подсластить коньяком губки,
10 Да сотню прочитатъ
Кое-каких стишонок,
Чтоб мог до утра без просонок
Полковник спать!

ЗАПИСКА К БАРОНЕССЕ

И я прекрасное имею письмецо
От нашей Долбинской Фелицы!
Приписывают в нем и две ее сестрицы;
Ее же самое в лицо
Не прежде среды увидеть уповаю!
Итак, одним пораньше днем
В володьковский эдем,
То есть во вторник, быть с детьми располагаю —
Обедать, ночевать,
10 Чтоб в среду обнять
Свою летунью всем собором
И ей навстречу хором
„Благословен грядый!“ сказать.
Мои цыпляточки с Натальею-наседкой
Благодарят от сердца вас
За то, что помните об них, то есть об нас!
Своею долбинскою клеткой
(Для рифмы клетки здесь) весьма довольны мы!
Без всякой суетной чумы
20 Живем да припеваем!
Детенки учатся, подчас шалят.
А мы их унимаем!
Но сами не умней ребят!
По крайней мере, я — меж рифмами возиться
И над мечтой.
Как над задачею, трудиться!..
Но просим извинить; кто вправе похвалиться,
Что он мечте не жертвует собой!
Все здесь мечта — вся разница в названье!

30 Мечта — веселие, мечта — страданье,
Мечта и красота!
И всяк мечту зовет, как Дон Кишот принцессу!
Но что володьковскую баронессу
Я всей душой люблю... вот это не мечта!

Р. S. Во вторник ввечеру
Я буду (если не умру
Иль не поссорюсь с Аполлоном)
Читать вам погребальным тоном,
Как ведьму черт унес,
40 И напугаю вас до слез.

ЗАПИСКА К ПОЛОНСКИМ

Обещанное исполнять
Есть долг священный христианства,
И знаю точно я, что вы мне не из чванства
Четвероместную карету нынче дать
В четверг прошедший обещали.
Вот мы за нею к вам и лошадей прислали
Она не мне, детеночкам нужна,
Чтобы в Володьково безвредо докатиться!
Линейка есть у нас; но, знаете, она
10 В мороз и ветер холодна:
И дети могут простудиться.
К тому же бедная больна:
В подагре все колеса
И шворень взволдырял!
А я известного вам Аполлоса
В Белев за лекарем еще не посылал.
Четвероместную карету мы имеем;
Но сесть в нее никак не смеем!
Карета — инвалид!
20 И просится давно, давно уже на покаянье!
И вот ее вам описание:
Она имеет вид

Как бы лукошка!
Кто выглянуть захочет из окошка,
Тот верно загремит
Главою вниз, горе ногами;
Понеже дверцы не крючками,
А лычками закреплены!
Сквозь древний ветхий верх ее днем солнце проникает,
30 А ночью блеск луны!
А в добрый час и дождик поливает.
И так, что можете порой
Вы ехать в ней и сушей и водой!
А козлы? Боже мой!
Когда на них Григорий наш трясется,
То, кажется, душа в нем с телом расстается!
Знать душу грешника за то, что здесь
Шалила —
Рука Всевышнего в Григорья нарядила,
40 И осужденная должна
Трястись на козлах тех, в которых сатана
С компанией сидит, до светопреставленья!
Я много б мог еще кое-чего сказать,
Чтобы живей мою чудиху описать
Для вашего воображенья!
Как, например, колеса в ней
Друг с другом в беспрестанной ссоре,
И на заказ визжат! Как странен вид осей!
Как вечно клонится она к одной рессоре,
50 И нечувствительна к другой!
Короче: на земле кареты нет такой!
Но, несмотря на совершенство
Ее красот — сажать в нее детей
Я не считаю за блаженство!
И вас прошу помочь мне в крайности моей!
Чтобы унять чудиху эту,
Четверместную пришлите мне карету!
Не откажите в том хоть нашим лошадям,
Которые вас просят лично!
60 Для вас быть добрыми — обычно,
И дело доброе наградой будет вам!

АМУР И МУДРОСТЬ

Богиня мудрости на землю ниспустилась;
Но у людей она худой прием нашла.
Однажды близ реки она остановилась,—
 Погода бурная была;—
У берега челнок, а в челноке малютка...
Не знает, плыть иль нет?.. А он ее манил!
Решилась! поплыли;— но то была лишь шутка:
 Плутиска Мудрость утопил!

БЕСПОЛЕЗНАЯ СКРОМНОСТЬ

Демид, под одою своей, боясь Зоила,
 Ты имени не подписал!
Но глупость за тебя к ней руку приложила,
 И свет тебя узнал.

ФЕНИКС И ГОЛУБКА

„Я на костре себя сжигаю!“
 — И я горю, и в сердце пламень мой!—
„Я каждый век. Чтобы воскреснуть, умираю!“
 — Бывает то ж, но чаще, и со мной!—
„Эмблема славы я!“— Я счастья простого.—
„Зевес мой друг“.— А мой богиня красоты.—
„На свете я один! Нет Феникса другого!“
 — Бедняк бессмертный, жалок ты!

〈К ВОЕЙКОВУ〉

Воейков, дай же знать,
 Что Дерптские Немчурки!

Пора уж перестать
Играть нам с ними в жмурки!
Когда ж к тебе указ
В дорогу снаряжаться
И для Немецких глаз
В обширный наряжаться
Парик и епанчу?
¹⁰ На почте нет пакета...

К КАВЕЛИНУ

Кавелин! друг, поэт, директор
И медиков протектор,
Я с просьбою к тебе!
Угодно было так судьбе,
Чтоб я в Орле узнал Гаспари.
Природа не дала ему той важной хари,
С какою доктора
Одной чертой пера
Подписывают нам патенты на могилу!
¹⁰ Нет! доктор — Антиной!
Как ртуть живой.
И смерть с ним потеряла силу.
За то, что он в Орле
С известным генерал-штаб-доктором Вицманом
В военном заседал гошпитале,
И докторским своим фирманом
Над ним всех древних прав навеки смерть лишил;
За то, что не дал он потачки
Вербовщикам ее сестры — гнилой горячки;
²⁰ За то, что вовремя те кратеры закрыл,
Из коих к нам понос кровавой
Течет убийственною лавой,
От коей гибнет все, и жизнь и красота,—
За это все, по праву,
Он получил уж славу!
Но для чего еще не получил креста?

Он Эскулапов сын! А за спю прижимку
В большой досаде Аполлон!
Итак, похлопчи, чтоб он
30 Себе мог получить скорее недоимку!

〈К БУКИЛЬОНУ〉

De Bouquillon
Je vais chanter la fête;
Je creuse donc ma tête,
Mais je me sens trop bête
Pour célébrer la fête
De Bouquillon.

Cher Bouquillon!
Je suis trop téméraire,
Je devrais bien me taire;
10 Mais comment ne pas braire,
Que ta fête m'est chère,
Cher Bouquillon!

Pour Bouquillon
Invoquons donc la rime!
Et grimpons sur la cime
De l'Olympe sublime!
La muse nous anime
Pour Bouquillon!

O, Bouquillon!
20 Ce jour, qui va paraître,
Il t'a déjà vu naître,
Mais il me fait connaître
Que tu n'es plus a naître,
O, Bouquillon!

Par Bouquillon
S'embellit la nature!

Son âme est bonne et pure,
Je dis sans imposture,
Je l'aime, et je la jure
30 Par Bouquillon!

В АЛЬБОМ К НИНЕ

Кто нашу жизнь своим добром считает,
За нас вперед заботливо глядит,
О счастье — как мы — за нас мечтает,
Как мы, от наших бед дрожит.
Кто, проводив нас в дальний путь, с тоскою,
В кругу семьи наш празднует возврат —
Того зовем мы братом или сестрою!
Ты мне сестра, а он мне брат!

А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Сашка, Сашка!
Вот тебе бумажка.
Ведь нынче шестое ноября,
И я, тебя бумажкою даря,
Говорю тебе: *здравствуй*;
А ты скажи мне: *благодарствуй*.
И желаю тебе всякого благополучия,
Как здесь, в губернии маркиза Паулучия,
Так во всякой другой губернии и в уезде!
10 Как по отъезде, так и по приезде!
И сохрани тебя Бог от Гробовского!
И почитай и люби господина Жуковского.

К КНЯЗЮ ВЯЗЕМСКОМУ

Нам славит древность Амфиона:
От струн его могущих звона
Воздвигся город сам собой...
Правдоподобно, хоть и чудно.
Что древнему поэту трудно?
А нынче?.. Нынче век иной.
И в наши бедственные леты
Не только лирами поэты
Не строят новых городов,
¹⁰ Но сами часто без домов,
Богатым платят песнопеньем
За скудный угол чердака
И греются воображеньем
Ввиду пустого камелька.
О Амфион, благоговею!
Но, признаюсь, не сожалею,
Что дар твой: говорить стенам,
В наследство не достался нам.
Славнее говорить сердцам,
²⁰ И пробуждать в них чувства пламень,
Чем оживлять бездушный камень
И зданья лирой громоздить.

С тобой хочу я говорить,
Мой друг и брат по Аполлону;
Склонись к знакомой лиры звону;
Один в нас пламенеет жар;
Но мой удел на свете — струны,
А твой: и сладких песней дар
И пышные дары фортуны.
³⁰ Послушай повести моей
(Здесь истина без украшения):
Был пастырь образец смиренья;
От самых юношеских дней
Святого алтаря служитель.
Он чистой жизнью оправдал
Все то, чем верных умилял
В Христовом храме, как учитель;

Прихожан бедных тесный мир
Был подвигов его свидетель;
40 Невидимую добродетель
Его лишь тот, кто наг иль сир,
Иль обречен был униженью,
Вдруг узнавал по облегченью
Тяжелыя судьбы своей.
Ему науки были чужды —
И нет в излишнем знанье нужды —
Он редкую между людей
В простой душе носил науку:
Страдальцу гибнущему руку
50 В благое время подавать.
Не знал он гордого искусства
Умы витийством поражать
И приводить в волненье чувства;
Но, друг, спроси у сироты:
Когда в одежде нищеты,
Потупя взоры торопливо,
Она стояла перед ним
С безмолвным бедствием своим,
Умел ли он красноречиво
60 В ней сердце к жизни оживлять
И мир сей страшный украшать
Надеждою на Провиденье?
Спроси, умел ли в страшный час,
Когда лишь смерти слышно приближенье,
Он с робкой говорить душой
И, скрыв пред нею мир земной,
Являть пред нею мир небесный?
Как часто в угол неизвестный,
70 Где нищий с гладною семьей
От света и стыда скрывался,
Он неожиданный являлся
С святым даяньем богачей,
Растроганных его мольбою!..
Мой милый друг, его уж нет;
Судьба внезапною рукою
Его в другой умчала свет,
Не дав свершить здесь полдороги;

Вдовы ж наследство: одр убогий,
80 На коем жизнь окончил он,
Да пепел хижины сгорелой,
Да плач семьи осиротелой...
Скажи, вотще ль их жалкий стон?
О нет! Он, землю покидая,
За чад своих не трепетал,
Верней он в час последний знал,
Что их найдет рука святая
Неизменяющего нам;
Он добрым завещал сердцам
90 Сирот оставленных спасенье.
Сирот в семействе Бога нет;
Исполним доброго завет,
И оправдаем Провиденье.

**К ВЯЗЕМСКОМУ
ОТВЕТ НА ЕГО ПОСЛАНИЕ К ДРУЗЬЯМ**

Ты, Вяземский, хитрец, хотя ты и Поэт!
Проблему, что в тебе ни крошки дара нет,
Ты вздумал доказать посланьем,
В котором, на беду, стих каждый заклеимен
Высоким дарованьем!
Притворство в сторону! знай, друг, что осужден
Ты своенравными богами
На свете жить и умереть с стихами,
Так точно, как орел над тучами летать,
10 Как благородный конь кипеть пред знаменами,
Как роза на лугу весной благоухать!
Сноси ж без ропота богов определенье!
Не мысли почитать успех за обольщенье
И содрогаться от похвал!
Хвала друзей — Поэту вдохновенье!
Хвала невежд — бряцающий кимвал!
Страшися, мой певец, не смелости, но лени!
Под маской робости не скроешь ты свой дар;
А тлеющий в твоей груди священный жар

- 20 Сильнее, чем друзей и *похвалы и пени!*
Пиши, когда писать внушает Аполлон!
К святилищу, где скрыт его незримый трон,
Известно нам, ведут бесчисленны дороги;
 Прямая же одна!
И только тех очам она, мой друг, видна,
Которых колыбель парнасским лавром боги
Благоволили в час рожденья осенить!
На славном сем пути певца встречает Гений;
И, весел посреди божественных явлений,
30 Он с беззаботностью младенческой идет,
 Куда рукой неодолимой,
Невидимый толпе, его лишь сердцу зримой,
 Крылатый проводник влечет!
Блажен, когда, ступив на путь, он за собою
Покинул гордости угрюмой суеты
И славолюбия убийственны мечты!
Тогда с свободною и ясною душою
Наследие свое, великолепный свет,
Он быстро на крылах могущих облетает
40 И, вдохновенный, восклицает,
Повсюду зря красу и благо: я Поэт!
Но горе, горе тем, на коих Эвмениды,
 За преступленья их отцов,
 Наслали Фурию стихов!
Для них страшилищи и Феб и Аониды!
 И визг карающих свистков
Во сне и наяву их робкий слух терзает!
Их жребий — петь назло суровых к ним судей!
Чем громозвучней смех, тем струны их звучней,
50 И лира, наконец, к перстам их прирастает!
До Леты гонит их свирепый Аполлон;
Но и забвения река их не спасает!
И на берегу ее, сквозь тяжкий смерти сон,
Их тени борются с бесплотными свистками!
Но, друг, не для тебя сей бедственный удел!
Природой научен, ты верный путь обрел!
 Летай неробкими перстами
 По очарованным струнам
И Музы не страшись! В нерукотворный храм

- 60 Стезей цветущею, но скрытою от света
Она ведет Поэта.
Лишь бы любовью красоты
И славой чистою душа в нас пламенела,
Лишь бы, минутное отринув, с высоты
Она к бессмертному летела —
И Муза счастья богиней будет нам!
Пускай слепцы ползут по праху к похвалам,
Венцов презренных ищут в прахе
И, славу позабыв, бледнеют в низком страхе,
70 Чтобы прелестница-хвала,
Как облако, из их объятий не ушла!
Им вечно не узнать тех чистых наслаждений,
Которые дает нам бескорыстный Гений,
Природы властелин,
Парящий посреди безбрежного пучин,
Красы верховной созерцатель
И в чудном мире сем чудесного создатель!
Мой друг, святых добра законов толкователь,
Поэт на свете сем — всех добрых семьянин!
80 И сладкою мечтой потомства оживленной...
Но нет! потомство не мечта!
Не мни, чтоб для меня в дали его священной
Одних лишь почестей блистала суета!
Пускай правдивый суд потомством раздается,
Ему внимать наш прах во гробе не проснется,
Не прикоснется он к бесчувственным костям!
Потомство говорит, мой друг, одним гробам;
Хвалы ж его в гробах почиющим невняты!
Но в жизни мысль о нем нам спутник благодатный!
90 Надежда сердцем жить в веках,
Надежда сладкая — она не заблужденье;
Пускай покроет лиру прах —
В сем прахе не умолкнет пенье
Душой бессмертной полных струн!
Наш гений будет, вечно юн,
Неутомимыми крылами
Парить над дряхлыми племен и царств гробами;
И будет пламень, в нас горевший, согревать
Жар славы, благости и смелых помышлений

- ¹⁰⁰ В сердцах грядущих поколений;
Сих уз ни Крон, ни смерть не властны разорвать!
Пускай, пускай придет пустынный ветер свистать
Над нашею с землей сравнявшеюся могилой —
Что счастием для нас в минутной жизни было,
То будет счастием для близких нам сердец
И долго после нас; грядущих лет певец
От лиры воспылает нашей;
Внимая умиленно ей,
Страдалец подойдет смелей
- ¹¹⁰ К своей ужасной, горькой чаше
И волю промысла, смирясь, благословит;
Сын славы закипит,
Ее послышав, бранью,
И праздный меч сожмет нетерпеливой дланью...
Давно в развалинах Сабинский уголок,
И веки уж над ним толпою пролетели —
Но струны Флакковы еще не онемели!
И, мнится, не забыл их звука тот поток
С одушевленными струями,
- ¹²⁰ Еще шумящий там, где дружными ветвями
В кудрявые венцы сплелися дерева.
Там, под вечер, когда невидимо роса
С роскошной свежестью на землю упадает,
И мирты спящие Селена осребряет,
Дриады стыдливых хоровод
Кружится по цветам, и тень их пролетает
По зыбкому зеркалу вод!
Нередко, в тихий час, как солнце на закате
Лиет румяный блеск на море вдалеке,
- ¹³⁰ И мирты темные дрожат при ветерке,
На ярком отражаясь злате,—
Вдруг разливается как будто тихий звон,
И ветерок, и струй журчанье утихает,
Как бы незримый Аполлон
Полетом легким пролетает —
И путник, погружен в унылость, слышит глас:
„О смертный! жизнь стрелою мчится!
Лови, лови летящий час!
Он, улетев, не возвратится“.

МЛАДЕНЕЦ

(В альбом графини О. П.)

В бурю, в легком челноке,
Окруженный тучи мглою.
Плыл младенец по реке,
И несло челнок волною.

Буря вокруг него кипит,
Челн ужасно колыхает —
Беззаботно он сидит
И веслом своим играет.

Волны плещут на челнок —
¹⁰ Он веселыми глазами
Смотрит, бросив в них цветок,
Как цветок кружит волнами.

Челн, ударясь у берегов
Об утесы, развалился,
И на бреге меж цветов
Мореходец очутился.

Челн забыт... а гибель, страх?
Их невинность и не знает.
Улыбаясь, на цветах
²⁰ Мой младенец засыпает.

Вот пример! Беспечно в свет!
Пусть гроза, пускай волнение;
Нам погибели здесь нет;
Правит челн наш Провиденье.

Здесь стезя твоя верна;
Меньше, чем другим, опасна;
Жизнь красой души красна,
А твоя душа прекрасна.

ЛЮБОВНАЯ КАРУСЕЛЬ,
ИЛИ
ПЯТИЛЕТНИЕ МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЕ СТРУЧЬЯ
СЕРДЕЧНОГО ЛЮБЛЕНИЯ

Тульская баллада

В трактире тульском тишина,
И на столе уж свечки,
Като на канапе одна,
А Азбукин у печки!
Авдотья, Павлов Николай
Тут с ними — нет лишь Анны.
„О, друг души моей, давай
Играть с тобой в Татьяны!“ —
Като сказала так дружку,
¹⁰ И милый приступает,
И просит скромно табачку,
И жгут крутой свивает.

Катошка милого комшит,
А он комшит Катошку;
Сердца их тают — стол накрыт,
И подают окрошку.
Садятся рядом и едят
Весьма, весьма прилежно.
За каждой ложкой поглядят
²⁰ В глаза друг другу нежно.
Едва возлюбленный чихнет —
Катошка тотчас: *здравствуй!*
А он ей головой кивнет
И нежно: *благодарствуй!*

Близ них Плезирка-пес кружит
И моська ростом с лося!
Плезирка! — милый говорит;
Катоша кличет: — *мося!*
И милому дает кольцо...
³⁰ Но вдруг стучит карета —
И на трактирное крыльцо
Идет сестра Анета!

Заметьте: Павлов Николай
Давно уж провалился,
Анета входит невзначай —
И милый подавился!
„О милый! милый! что с тобой?“ —
Катоша закричала.
„Так, ничего, дружочек мой,
40 Мне в горло кость попала!“
Но то лишь выдумка — злодей!
Он струсил от Анеты!
Кольцо в глаза мелькнуло ей
И прочие конжеты!
И говорит: „Что за модель?
Извольте признаваться!“
Като в ответ: „Ложись в постель“,
И стала раздеваться...

Надела спальный свой чепец
50 И ватошник свой алый
И скомкалася наконец
Совсем под одеяло!
Оттуда выставя носок,
Сказала: „Я пылаю!“
Анета ей в ответ: „Дружок,
Я вас благословляю!
Что счастье вам, то счастье мне!“
Като не улежала
И бросилась на шею к ней,—
60 Авдотья заплясала.

А пламенный штабс-капитан
Лежал уже раздетый!
Авдотья в дверь, как в барабан,
Стучит и кличет: „Где ты?“
А он в ответ ей: „Виноват!“
„Скорей!“ — кричит Анета.
А он надел, как на парад,
Мундир, два эполета,
Кресты и шпагу нацепил —
70 Забыл лишь панталоны...

И важно двери растворил
И стал творить поклоны...

Какой же кончу я чертой?
Безделкой: многи лета!
Тебе, Василий! вам, Като,
Авдотья и Анета!
Веселье стало веселей;
Печальное забыто;
И дружба сделалась дружней;
80 И сердце всё открыто!
Кто наш — для счастья тот живи,
И в землю Провиденью!
Ура, надежде и любви
И киселя терпенью!

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ

Когда летящие отвсюду шумны клики,
В один сливаясь глас, Тебя зовут: Великий!
Что скажет лирою незнаемый певец?
Дерзнет ли свой листок он в тот вплести венец,
Который для Тебя вселенная сплетает?..
О Русский Царь, прости! невольно увлекает
Могущая рука меня к мольбе в тот храм,
Где благодарностью возженный фимиам
Стеклися в дар принести Тебе народы мира —
10 И, радости полна, сама играет лира.

Кто славных дел Твоих постигнет красоту?
С благоговением смотрю на высоту,
Которой Ты достиг по тернам испытанья,
Когда, исполнены любви и упования,
Мы шумною толпой тот окружали храм,
Где, верным быть Царем клянясь Творцу и нам,
Ты клал на страшный крест державную десницу
И плечи юные склонял под багряницу,—

- Скажи, в сей важный час, где мысль Твоя была?
20 Скажи, когда венец рука Твоя брала,
Что мыслил Ты, вблизи послышав клики славы,
А в отдалении внимая, как державы
Ниспровергала, враг земных народов, Брань,
Как троны падали под хищникову длань?
Ужель при слухе сем душой не возмутился?
Нет! выше бурь земных Ты ею возносился,
Очами твердыми сей ужас пронизал
И в сердце Промысла судьбу свою читал.
Смиренно приступив к сосуду примиренья,
30 В Себе весь свой народ Ты в руку Провиденья
С спокойной на Него надеждой положил —
И Соприсутственный Тебя благословил!
Когда ж священный храм при громах растворился —
О, сколь пленителен Ты нам тогда явился,
С младым, всех благостей исполненным лицом,
Под прародительским сияющий венцом,
Нам обреченный вождь ко счастью и славе!
Казалось, к пламенной в руке Твоей державы
Тогда весь Твой народ сердцами полетел;
40 Казалось, в ней обет души Твоей горел,
С которым Ты за нас перед алтарь явился —
О Царь, благодарим: обет сей совершился...
И призванный Тобой Тебе не изменил.
Так! и на бедствия земные положил
Он светозарную печать благотворенья;
Ниспосылаемый им Ангел разрушенья
Взрывает, как бразды, земные племена,
В них жизни свежие бросает семена —
И, обновленные, пышнее расцветают;
50 Как бури в зной поля, беды их возрождают;
Давно ль одряхший мир мы зрели в мертвом сне?
Там, в прорицающей паденье тишине,
Стояли царствия, как зданья обветшалы;
К дремоте преклоня главы свои усталы,
Цари сей грозный сон считали за покой;
И, невнимательны, с беспечной слепотой,
В любви к отечеству, ко славе, к вере хладны,
Лишь к наслаждениям одной минуты жадны;

- Под наклонившихся престолов царских тень,
60 Как в неприступную для бурь и бедствий сень,
Народы ликовать стекались толпами..
И первый Ликий трон у галлов над главами
Вспылал, разверзнувшись как гибельный вулкан.
С его дымящихся развалин великан,
Питомец ужасов, безвластия и брани,
Воздвигся, положил на скипетр тяжести длани,
И взорами на мир ужасно засверкал —
И пред страшилищем весь мир затрепетал.
Сказав: нет Промысла! гигантскою стопою
70 Шагнул с престола он и следом за звездой
Помчался по земле во блеске и громах;
И Промысл, утаясь, послал к нему свой Страх;
Он тенью грозною везде летел с ним рядом;
И, раздробляющий полки и грады взглядом,
Огромною рукой ту бездну покрывал,
К которой гордого путем успеха мчал.
Непобедимости мечтою ослепленный,
Он мыслил: „Мой престол престолом будь вселенны!
Порфиры всех царей земных я раздеру
80 И все их скипетры в одной руке сберу;
Народов бедствия — ступени мне ко счастью;
Всё, всё в развалины! на них восседаю с властью,
И буду царствовать, и мне соцарствуй страх;
Исчезни, всё опять, когда я буду прах,
Что из развалин брань и власть соорудила —
Бессмертною моя останется могила“.
И, к человечеству презреньем ополчен,
На первый свой народ он двинул рабства плен,
Чтобы смелей сковать чужим народам длани,—
90 И стала Галлия сокровищницей брани;
Там все, и сам Христов алтарь, вzywало: брань!
Всё, раболепствуя мечтам тирана, дань
К его ужасному престолу приносило:
Оратай, на бразды склоняя взор унылой,
Грабителям свой плуг последний отдавал;
Убогий рубище им в жертву раздирал;
И мздой свою постель страданье выкупало;
И беспощадною косою подсекало

Самовластительство прекрасный цвет людей:
100 Чудовище, склонясь на колыбель детей,
Считало годы их кровавыми перстами;
Сыны в дому отцов минутными гостями
Являлись, чтобы там оставить скорби след —
И юность их была как на могиле цвет.
Все поколение, для жатвы бранной зрея,
И созидать себе грядущего не смея,
Невольно подвигов пленилося мечтой
И бросилось на брань с отважной слепотой...
И вслед ему всяк час за ратью рать летела;
110 Стенящая земля в пожарах пламенела,
И, хитростью подрыв, изменой потрясен,
Добитый громами, за тронем падал трон.
По ним свободы враг отважною стопою
За всемогуществом шагал от боя к бою;
От Рейнских твердынь до Немана валов,
От Скиллы древняя до Бельта берегов
Одна ужасная простерлася могила;
Все смолкло... мрачная, с кровавым взором, Сила
На груди падших царств воссела, страж Царей;
120 Пред сим страшилищем и доблесть прежних дней,
И к просвещенью жар, и помышленья славы,
И непорочные семей смиренных нравы,
Погибло все,— окрест один лишь стук оков
Смущал угрюмое молчание гробов,
Да ратей изредка шумели переходы,
Спешащих истребить еще приют свободы;
Унылость на сердца народов налегла —
Лишь вера в тишине звезды своей ждала,
С святым терпением тяжелый крест лобзала
130 И взоры на восток с надеждой обращала...
И грозно возблистал спасенья страшный год!
За сей могилею народов цвел народ —
О Царь наш, Твой народ,— могущий и смиренный,
Не крепостью твердынь громовых огражденный,
Но верностью к Царю и в славе тишиной.
Как юноша-атлет, всегда готовый в бой,
Смотрел на брани он с беспечною силой...
Так, юные поджав, но опытные крылы,

На поднебесную глядит с гнезда орел...
140 И злобой на него губитель закипел.
В несметну рать столпя рабов ожесточенных
И на полях, стопой врага не оскверненных,
Уж в мыслях сгромоздив престол всемирный свой,
Он кинулся на Русь свирепую войной...
О Провидение! Твоя Россия встала,
Твой Ангел полетел, и брань Твоя вспылала!
Кто, кто изобразит бессмертный оный час,
Когда, в молчании народном, Царский глас
Послышался как весть надежды и спасенья?
150 О глас Царя! о честь народа! пламень мщенья
Ударил молнией по вздрогнувшим сердцам;
Все бранью вспыхнуло, все кинулось к мечам,
И грозно в бой пошла с Насилием Свобода!
Тогда явилось все величие народа,
Спасающего трон и святость алтарей,
И тихий гроб отцов, и колыбель детей,
И старцев седины, и младость дев цветущих,
И славу прежних лет, и славу лет грядущих.
Все в пепел перед ним! разлей пожары, месть!
160 Стеною рать! что шаг, то бой! что бой, то честь!
Пред ним развалины и пепельны пустыни;
Кругом пустынь полки и грозные твердыни,
Везде ревушие погибельной грозой,—
И Старец-вождь среди них с невидимой Судьбой!..
Холмы Бородина, дымитесь жертвой славы!..
Уже растерзанный, едва стопы кровавы
Таща по гибельным отмстителей следам,
Грядет, грядет слепец, Москва, к Твоим стенам!
О радость!.. он вступил!.. зажгись, костер свободы!
170 Пылает!.. цепи в прах! воскресните, народы!
Ваш стыд и плен Москва, обрушась, погребла,
И в пепле мщенья Свобода ожила,
И при сверкании кремлевского пожара,
С развалин вставшая, призрак ужасный, Кара
Пошла по трепетным губителя полкам
И, ужас пригвоздив к надменным знаменам,
Над ними жалобно завыва: горе! горе!
И Глад, при клике сем, с отчаяньем во взоре,

- Свирепый, бросился на ратных и вождей...
- 180 Тогда помчались вспять; и горами костей
И брошенными в прах потухшими громами
Означили свой след пред Русскими полками;
И Неман льдистый мост для бегства их сковал...
Сколь нам величествен Ты, Царь, тогда предстал,
Сжимающий вождю, в виду полков, десницу,
И старца на свою ведущий колесницу,
Чтоб вкупе с ним лететь с отмыщеньем вслед врагам.
О незабвенный час! За Неман знаменам
Уж отверзаешь путь властительной рукою...
- 190 Когда же двинулись дружины пред Тобою,
Когда раздался стук помчавшихся громад
И грозно брег покрыл коней и ратных ряд,
Приосеняемых парящими орлами...
Сие величие окинувши очами,
Что ощутил, наш Царь, тогда в душе Своей?
Перед Тобою мир под бременем цепей
Лежал, растерзанный, еще звать не смея;
И Человечество, из-под стопы злодея
К Тебе подъемля взор, молило им: гряди!
- 200 И, судия Царей, потомство впереди
Вещало, сквозь века явив свой лик священный:
„Дерзай! И нареку Тебя: Благословенный“.
И в грозный между тем полки слиянны строй,
На все готовые, с покорной тишиной
На Твой смотрели взор и ждали мановенья.
А Ты?.. Ты от Небес молил благословенья...
И Ангел их, гремя, на щит Твой низлетел,
И гибелью врагам Твой щит запламенел,
И руку Ты простер... и двинулися рати.
- 210 Как к возвестителю небесной благодати,
Во сретенье Тебе народы потекли,
И вайями Твой путь смиренный облекли.
Приветственной толпой подвиглись веси, грады;
К Тебе желанья, к Тебе сердца и взгляды;
Тебе несет дары от нивы селянин;
Зря бодрого Тебя впреди Твоих дружин,
К мечу от костыля безногий воин рвется;
Младая старику во грудь надежда льется:

- „Свободен, мнит, сойду в свободный гроб отцов!“
220 И смотрит, не страшась, на зреющих сынов.
И Ты средь плесков спх — не гордый победитель,
Но воли Промысла смиренный совершитель —
Шел тихий, благостью великость украшал;
Блеск утешительный окрест Тебя сиял,
И лик Твой ясен был, как ясный лик надежды.
И вожь наш смертию окованные вежды
Подъял с усилением, чтобы на славный путь,
В который Ты вступал уже не с ним, взглянуть
И, угасая, дать Царю благословенье.
- 230 Сколь сладостно его с землею разлученье!
Когда, в последний час, он рать Тебе вручал
И ослабевшею рукою прижимал
К немеющей груди Царя и друга руку —
О! в сей великий час забыл он смерти муку;
Пред ним был тайный свет грядущего открыт;
Он весело принял сединою на щит,
И смерть его крылом надежды осенила.
И чуждый вожь — увь! — судьба его щадила,
Чтоб первой жертвой он на битве правды пал —
- 240 Наш Царь, узнав Тебя, на смерть он не роптал;
Ты руку падшему, как брат, простер средь боя;
И сердцу верному венчанного героя,
Смягчившего слезой его с концом борьбу,
Он смело завещал отечества судьбу..
И лишь горе взлетел орел наш двоеглавый,
Лишь крикнул голосом давно молчавшей славы,
Как всколебались Тевтонов племена!
К ним Герман с норда нес свободы знамена —
И всё помчалось в строй под знамена свободы;
- 250 В одну слиялись грудь воскресшие народы,
И всех Царей рука, наш Царь, в руке Твоей
На жизнь, на смерть, на брань, на честь грядущих дней.
О славный Кульмский бой! о доблесть Славянина!
Вотще на них рвались все рати исполина,
Вотще за громом гром на строй их налетал —
Все опрокинуто, и Русский устоял.
И строем роковым отмстителей дружины
Уж приближаются к святилищу Судьбины;

Уж видят тот рубеж, ту цель, к которой вел
260 Их Неиспытанный по темной бездне зол,
В пылающей грозе носясь над их главою
И тяжелой опыта их бременя рукою;
Се место, где Себя во правде Он явит;
Се то судилище, где миг один решит:
Не быть иль быть Царям; восстать иль пасть вселенной.
И все в собрании... о час, векам священной!..
Народы всех племен, и всех племен Цари,
Под сению знамен святые алтари,
Несметный ряд полков, вожди перед полками,
270 И громы впереди с подъятыми крылами,
И на холме, в броне, на грозный щит склонен,
Союза мстителей молодой Агамемнон,
И тени всех веков внимательной толпою
Над светозарною вождя Царей главою...
И в ожидании священном все молчит...
И тихо мгла еще на небе том лежит,
Отколь с грядущим днем изыдет Вседержитель...
И загорелся день... Бог грянул... пал губитель!
Бегут — во прах и гром, и шлем, и меч, и щит,
280 Впереди, в тылу, с боков и рядом Страх бежит
И жадною рукой Погибель их хватает;
И небо тихое торжественно сияет
Над преклоненною отмстителей главою;
Победная хвала летит из строя в строй,
И Рейн восплескал, послышав ликованья...
О старец вод! о ты, с минуты мирозданья
Не зревший на берегу еще лица Славян,—
Ликуй и отражай в волнах Славянский стан!
И погрузился крест при громах в древни воды;
290 И Рейн, обновлен, потек в берегах свободы,
И заиграл на них веселья звонкий рог;
И быстро ворвались полки в тот страшный лог,
Где, кроясь, хищник царств ковал им цепи плена.
Вотще, вотще воздвиг он черные знамена —
Лишь весть погибели он с ними водрузил;
Гром Русский берега Секваны огласил —
И над Парижем стал орел Москвы и мшенья!..
Тогда, внезапного исполнен изумленья,

- Узрел величие невиданное свет:
- 300 О Русская земля! спасителем грядет
Твой Царь к низринувшим Царей Твоих столицу;
Он распростер на них пощады багряницу;
И мирно, славу скрыв, без блеска, без громов,
По стогнам радостным ряды Его полков
Идут — и тишина вослед им прилетает..
Хвала! хвала, наш Царь! стыдливо отклоняет
Рука Твоя побед торжественный венец!
Ты предстоишь благий семьи врагов отец
И первый их с землей и с небом примиритель.
- 310 О незабвенный день! смотрите — победитель,
С обезоруженным от ужаса челом,
Коленопреклонен, на страшном месте том,
Где Царский мученик под острием секиры,
В виду разорванной отцов своих порфиры,
Молил Всевышнего за бедный свой народ:
Где на дымящийся убийством эшафот
Злодейство бледную Свободу возводило
И Бога поразить своей хулою мнило,—
На страшном месте том смиренный вождь Царей
- 320 Пред миротворною святыней алтарей
Велит своим полкам склонить знамена мщенья
И жертву небесам приносит очищенья.
Простерлись все во прах; все вкупе слезы льют;
И се!.. подымается спасения сосуд..
И звучно грянуло: воскреснул Искупитель!
И побежденному лобзанье победитель,
Как брат по Божеству, в виду небес дает..
Свершилось!.. освящен испытанный народ,
И гордо по зыбям потек от Альбиона
- 330 Спасительный корабль, несущий кровь Бурбона;
Питомец бедствия на трон отцов грядет,
И старцу братскую десницу подает
Победоносный друг в залог любви и мира,
И Людовикова наброшена порфира
На преступления минувших страшных лет!..
Свершилось... Русский Царь! отечество и свет
Уже рекли свой суд делам неизреченным,
И свой дадут ответ потомки современным!..

Богатый чувством благ, содеянных Тобой,
340 И с непреступною для почестей душой,
Сияние сокрыв, Ты в путь летишь желанной —
Отчизна сына ждет! об ней средь бури бранной,
Об ней среди торжеств и плесков Ты скорбел,
И Ты, невидимый, чрез земли полетел,
Где во спасение Твои промчались громы.
Уж всюду запевал свободы глас знакомый:
На оживающих под плугами полях,
На виноградником украшенных холмах,
На градских торжищах, кипящих от народа,
350 На самом прахе сел... везде, везде свобода,
Везде обилие, надежда и покой...
И все сие, Наш Царь, дано земле Тобой.
Но что ж Ты ощутил, когда Твой взор веселый
Завидел вдалеке отечески пределы
И ветер, веющий из-под родных небес,
Ко слуху Твоему глас родины принес?
Что ощутил, когда святого Петрограда
Вдали перед тобой возникнула громада?
Когда пред Матерью колено преклонил;
360 Когда, свершивший все, ко храму приступил,
Где освященный меч приял на совершенье,
Где, истребителя начавший истребленье,
Предтеча в славе Твой, герой спасенья спит?..
Россия, Он грядет; уже алтарь горит;
Уже Его принять отверзлись двери храма,
Уж благодарное куренье фимиама
С сердцами за него взлетело к небесам!
И се!.. прикинувший к престола ступеням
Во прах пред Божеством свою бросает славу!..
370 О Вечный! осени смиренного державу;
Его душа чиста: в ней благость лишь одна,
Лишь пламенем к добру она воспалена...
Отважною вступить дерзаю, Царь, мечтою
В чертог священный Твой, где Ты один с Собою,
Один, в тот мирный час, когда лежит покой
Над скромных жребием беспечною главою,
Когда лишь бодрствуют Цари и Провиденье.
О Царь! в сей важный час — когда Нева в течение

- Объемлет пред Тобой тот усыпленный храм,
380 Где свой бессмертный след, свой прах оставил нам
Твой праотец, наш Петр, Царей земных учитель,—
Я зрю Тебя, племен несметных повелитель,
Сей окруженного всемирной тишиной,
Над полвселенною парящего душой,
Где все Твое, где Ты над всех судьбою властен,
Где ты один всех благ, один всех бед причастен,
Уполномоченный от неба судия —
О, сколь божественна в сей час душа Твоя!
Сей полный взор любви, сей взор воспламененной —
390 За нас он возведен к Правителю вселенной;
За нас Ты предстоишь как жертва перед Ним;
Отечество, внимай: „Творец, все блага им!
Не за величие, не за венец ужасный —
За власть благотворить, удел Царей прекрасный,
Склоняю, Царь земли, колена пред Тобой,
Бесстрашный под Твоей незримою рукой,
Твоих намерений над ними совершитель!..
Покойся, мой народ, не дремлет твой хранитель;
Так, *мой народ!* Творец, он весь в душе моей,
400 На удивление народов и Царей,
Его могуществом и счастьем прославлю,
И трон свой алтарем любви ему поставлю;
Как небо, над моей простертое главой,
Где звезд бесчисленных ненарушимый строй,
Так стройно будь мое владычество земное.
Правленье Божества — зеркало мне святое:
Все здесь для блага будь, как все для блага там!
А Ты, дарующий и трон и власть Царям,
Ты, на совете их сидящий благодатью,
410 Ознаменуй Твоей дела мои печатью:
Да имя чистое в наследие векам
С примером благости и славы передам,
Отец моей семьи и друг Твоей вселенны!..
Вонми ж и Ты своей семье, Благословенный!
Оставь на время Твой великолепный трон —
Хвалою неверною трон Царский окружен,—
Сокрой Свой Царский блеск, втеснись без украшенья,
Один, в толпу, и там внимай благословенья.

- В чертоге, в хижине, везде один язык:
420 На праздниках семей украшенный Твой лик —
Ликующих родных родной благотворитель —
Стоит на пиршеском столе веселья зритель,
И чаша первая, и первый гимн Тебе;
Цветущий юноша благодарит судьбе,
Что в Твой прекрасный век он к жизни приступает,
И славой для него грядущее пылает;
Старик свой взор на гроб боится устремить
И смерть поспешную он молит погодить,
Чтоб жизни лучший цвет расцвел перед могилой;
- 430 И воин, в тишине, своею гордый силой,
Пенатам посвятив изрубленный свой щит,
Друзьям о битвах тех с весельем говорит,
В которых зрел Тебя, всегда в кипящей сече,
Всегда под свистом стрел, везде побед предтечей;
На лиру с гордостью подымлет взор певец...
О дивный век, когда певец Царя — не льстец,
Когда хвала — восторг, глас лиры — глас народа,
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, мир, отечество, алтарь —
- 440 Все, все слилось в одно святое слово: Царь.
И кто не закипит восторгом песнопенья,
Когда и Нищета под кровлею забвенья
Последний бедный лепт за лик твой отдает,
И он, как друга тень, отрадный свет лиет
Немым присутствием в обители страданья!
Пусть облечет во власть святой обряд венчанья;
Пусть верности обет, отечество и честь
Велят нам за Царя на жертву жизнь принести —
От подданных Царю коленопреклоненье;
- 450 Но дань свободная, дань сердца — уваженье,
Не власти, не венцу, но человеку дань.
О Царь, не скипетром блистающая длань,
Не прахом праотцев дарованная сила
Тебе любовь Твоих народов покорила,
Но трона красота — великая душа.
Бессмертные дела смиренно соверша,
Возри на Твой народ, простертый пред тобою,
Благослови его державною рукою;

Тобою предводим, со славой перешед
460 Указанный Творцом путь опыта и бед,
Преобразованный, исполнен жизни новой,
По манию Царя на все, на все готовой —
Доверенность, любовь и благодарность он
С надеждой перед Твоей приносит Царский трон.
Предстатель за Царей народ у Провиденья.
О! наши к небесам дойдут благословенья:
Поверь народу, Царь, им будешь счастлив ты.
Поставивший Тебя в сем блеске красоты
Перед ужасною погибели пучиной,
470 Победоносного над грозною судьбиной —
Ужель на краткий миг Он нам Тебя явил?
О нет! Он наших зол печатью утвердил
Завет: хранить в Тебе все блага, нам священные —
И не обманет нас от века Неизменный.
Прими ж, в виду небес, свободный наш обет:
За благость Царскую, краснейшую побед,
За то величие, в каком явил Ты миру
Столь древле славную отцов Твоих порфиру,
За веру в страшный час к народу Твоему,
480 За имя, данное на все века ему,—
Здесь, окружая Твой престол, Благословенной,
Подъемлем руку все к руке Твоей священной;
Как пред ужасною святыней алтаря
Обет наш перед ней: всё в жертву за Царя.

* * *

Ноябрь, зимы посол, подчас лихой старик
И очень страшный в гневе,
Но милостивый к нам, напудрил свой парик
И вас уже встречать готовится в Белеве;
Уж в Долбине давно,
В двойное мы смотря окно
На обнаженную природу,
Молились, чтоб седой Борей

- Прислал к нам поскорей
10 Сестру свою метель и беглую бы воду
В оковы льдяные сковал;
Борей услышал наш молебен: уж крошится
На землю мелкий снег с небес;
Ощипанный белеет лес,
Прозрачная река уж боле не струится,
И растопорщивши оглобли, сани ждут,
Когда их запрягут.
Иному будет жаль дней ясных,—
А я жду не дождусь холодных и ненастных.
20 Милей мне светлого природы мрачный вид!
Пусть вьюга на поле кипит
И снег в нас шапками бросает,
Пускай нас за носы хватает
Мороз, зимы сердитой кум.
Сквозь страшный вихрей шум
Мне голос сладостный зовет:
„Увидишь скоро их! сей час недалеко!
И будет на душе легко!“
Ах! то знакомый глас надежды неименной!..
30 Как часто вьюгою несчастья окруженной,
С дороги сбившись, пришлец земной,
Пути не видя пред собой
(*Передний* путь во мгле, покрыт *обратный* мглой),
Робеет, света ждет, дождется ли, не знает,
И в нетерпенье унывает...
И вдруг... надежды глас!.. душа ободрена!
Стал веселее мрак ужасной,
И уж незримая дорога не страшна!..
Он верит, что она проложена
40 Вождем всезнающим и к куше безопасной,
И с милым ангелом-надеждой он идет,
И, не дойдя еще, уж счастлив ожиданьем
Того, что в пристани обетованной ждет!
Так для меня своим волшебным обещаньем
Надежда и зиме красу весны дает!
О! жизнь моя верна, и цель моя прекрасна,
И неизвестность мне нимало не ужасна,

Когда все милое со мной!..
Но вот и утро встало!
О, радость! на земле из снега одеяло!
Друзья, домой!

ТЕОН И ЭСХИН

Эсхин возвращался к Пенатам своим,
К брегам благовонным Алфея.
Он долго по свету за счастьем бродил —
Но счастье, как тень, убегало.

И роскошь, и слава, и Вакх, и Эрот —
Лишь сердце они изнурили;
Цвет жизни был сорван; увяла душа;
В ней скука сменила надежду.

Уж взорам его тихоструйный Алфей
¹⁰ В цветущих берегах открывался;
Пред ним оживились минувшие дни,
Давно улетевшая младость...

Все те ж берега, и поля, и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но где ж озарявшая некогда их
Волшебным сияньем Надежда?

Жилища Теонова ищет Эсхин.
Теон, при домашних Пенатах,
В желаниях скромный, без пышных надежд,
²⁰ Остался на бреге Алфея.

Близ места, где в море втекает Алфей,
Под сенью олив и платанов,
Смиренную хижину видит Эсхин —
То было жилище Теона.

С безоблачных солнце сходило небес,
И тихое море горело;
На хижину сыпался розовый блеск,
И мирты окрестны атели.

Из белого мрамора гроб не вдали,
30 Обсаженный миртами, зрелся;
Душистые розы и гибкий ямин
Ветвями над ним соплетались.

На праге сидел в размышленье Теон,
Смотря на багряное море,—
Вдруг видит Эхина и вмиг узнает
Сопутника юныя жизни.

„Да благостно взглянет хранитель Зевес
На мирный возврат твой к Пенатам!“—
С блистающим радостью взором Теон
40 Сказал, обнимая Эхина.

И взгляд на него любопытный вперил —
Лицо его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотрит Эхин —
Взор друга прискорбен, но ясен.

„Когда я с тобой разлучался, Теон,
Надежда сулила мне счастье;
Но опыт иное мне в жизни явил:
Надежда лукавый предатель.

Скажи, о Теон, твой задумчивый взгляд
50 Не ту же ль судьбу возвещает?
Ужель и тебя посетила печаль
При мирных домашних Пенатах?“

Теон указал, вздыхая, на гроб...
„Эхин, вот безмолвный свидетель,
Что боги для счастья послали нам жизнь —
Но с нею печаль неразлучна.

О! нет, не ропщу на Зевесов закон:
И жизнь и вселенна прекрасны.
Не в радостях быстрых, не в ложных мечтах
60 Я видел земное блаженство.

Что может разрушить в минуту судьба,
Эсхин, то на свете не наше;
Но сердца нетленные блага: любовь
И сладость возвышенных мыслей —

Вот счастье; о друг мой, оно не мечта.
Эсхин, я любил и был счастлив;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь в красоте мне предстала.

При блеске возвышенных мыслей я зрел
70 Яснее великость творенья;
Я верил, что путь мой лежит по земле
К прекрасной, возвышенной цели.

Увы! я любил... и ее уже нет!
Но счастье, вдвоем столь живое,
Навеки ль исчезло? И прежние дни
Вотще ли столь были прелестны?

О! нет: никогда не погибнет их след;
Для сердца прошедшее вечно.
Страданье в разлуке есть та же любовь;
80 Над сердцем утрата бессильна.

И скорбь о погибшем не есть ли, Эсхин,
Обет неизменной надежды:
Что где-то в знакомой, но тайной стране
Погибшее нам возвратится?

Кто раз полюбил, тот на свете, мой друг,
Уже одиноким не будет...
Ах! свет, где она предо мною цвела,—
Он тот же: все *ею* он полон.

По той же дороге стремлюся один
90 И к той же возвышенной цели,
К которой так бодро стремился вдвоем —
Сих уз не разрушит могила.

Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взором смотрю благодарным
На землю, где столько рассыпано благ,
На полное славы творенье.

Спокойно смотрю я с земли рубежа
На сторону лучшая жизни;
Сей сладкой надеждою мир озарен,
100 Как небо сияньем Авроры.

С сей сладкой надеждою я выше судьбы,
И жизнь мне земная священна;
При мысли великой, что я человек,
Всегда возвышаюсь душою.

А этот безмолвный, таинственный гроб...
О друг мой, он верный свидетель,
Что лучшее в жизни еще впереди,
Что верно желанное будет;

Сей гроб затворенная к счастью дверь;
110 Отворится... жду и надеюсь!
За ним ожидает сопутник меня,
На миг мне явившийся в жизни.

О друг мой, искав изменяющих благ,
Искав наслаждений минутных,
Ты верные блага утратил свои —
Ты жизнь презирать научился.

С сим гибельным чувством ужасен и свет;
Дай руку: близ верного друга
С природой и жизнью опять примиришь;
120 О! верь мне, прекрасна вселенна.

Все небо нам дало, мой друг, с бытием:
Все в жизни к великому средство;
И горсть и радость — все к цели одной:
Хвала жизнедавцу-Зевесу!“

ДРЕВНИЕ И НОВЫЕ ГРЕКИ

Счастливый путь на берега Фокиды!
Счастливый будь в отечестве богов!
Но, друг, ужель одной корысти виды
Влекут тебя к стране твоих отцов?
Пускай вино и шелковые ткани,
И аромат, и пламенный мока
Собирают там с торговли жадной дани!
Твоя корысть — минувшие века!
Там пред тобой — отчизна вдохновенья
¹⁰ И древности величественный храм!
Вослед тебе мечтой воображенья
Переносусь к чудесным сим брегам!
Вот на волнах рассыпаны Циклады
И пифиев пророческий Делос!
Но что же там твои встречают взгляды?
Пустыню! Храм терновником оброс!..

К НЕИЗВЕСТНОЙ ДАМЕ

в ответ на лестную от нее похвалу

Хваля стихи певца, ты нас сама пленяешь
Гармонией стихов;
И, славя скудный дар его, лишь убеждаешь,
Что твой, а не его родной язык богов.

МАКСИМ

Скажу вам сказку в добрый час!
Друзья, извольте все собраться!
Я рассмешу, наверно, вас —
Как скоро станете смеяться.

Жил-был Максим, он был неглуп;
Прекрасен так, что заглядеться!
Всегда он надевал тулуп —
Когда в тулуп хотел одеться.

Имел он очень скромный вид;
¹⁰ Был вежлив, не любил гордиться;
И лишь тогда бывал сердит —
Когда случалось рассердиться.

Максим за пятерых едал,
И более всего окрошку;
И рот уж, верно, раскрывал —
Когда в него совал он ложку.

Он был кухмистер, господа,
Такой, каких на свете мало,—
И без яиц уж никогда
²⁰ Его яишниц не бывало.

Красавиц восхищал Максим
Губами пухлыми своими;
Они, бывало, все за ним —
Когда гулял он перед ними.

Максим жениться рассудил,
Чтоб быть при случае рогатым:
Но он до тех пор холост был —
Пока не сделался женатым.

Осьмое чудо был Максим
³⁰ В оригинале и портрете;
Никто б не мог сравниться с ним —
Когда б он был один на свете.

Максим талантами блистал
И просвещения дарами;
И вечно прозой сочинял —
Когда не сочинял стихами.

Он жизнь свободную любил,
В деревню часто удалялся;
Когда же он в деревне жил —
40 То в городе не попадался.

Всегда учтивость сохранял,
Был обхождения простова;
Когда он в обществе молчал —
Тогда не говорил ни слова.

Он бегло по складам читал,
Читая, шевелил губами;
Когда же книгу в руки брал —
То вечно брал ее руками.

Однажды бодро поскакал
50 Он на коне по карусели,
И тут себя он показал —
Всем тем, кто на него смотрели.

Ни от кого не трепетал,
А к трусости не знал и следу;
И вечно тех он побеждал —
Над кем одерживал победу.

Он жив еще и проживет
На свете, сколько сам рассудит;
Когда ж, друзья, Максим умрет
60 Тогда он, верно, жив не будет.

**В АЛЬБОМ
БАРОНУ П. И. ЧЕРКАСОВУ**

Мой опытный старик Теон
Сказал: „Прекрасен свет!“, стоя с душой унылой
Перед безмолвною могилой;
Узнав несчастье, все верил жизни он!
А ты, мой милый друг, лишь к жизни приступаешь
И свет сей по одним лишь обещаньям знаешь
Надежды молодой!
Ах, верь им! С ясною твоею, друг, душой
Что б ни случилось здесь, все будет путь твой ясен!
¹⁰ Кто друг прекрасному, тому и свет прекрасен;
Я за тебя порукою тебе!
Ты добр — и так дана быть счастливым свобода!
Оставь проказничать судьбе!
Тебя не выдаст ей заступница природа!

ПЛАЧ О ПИНДАРЕ

БЫЛЬ

Однажды наш поэт Пестов,
Неутомимый ткач стихов
И Аполлонов жрец упрямый,
С какою-то ученой дамой
Сидел, о рифмах рассуждал,
Свои творенья величал,—
Лишь древних сравнивал с собою
И вздор свой клюквенной водою,
Кобенясь в креслах, запивал.
¹⁰ Коснулось до Пиндара слово!
Друзья! хотя совсем не ново,
Что славный был Пиндар поэт
И что он умер в тридцать лет,
Но им Пиндара жалко стало!
Пиндар великий! Грек! Певец!
Пиндар, высоких од творец!

Пиндар, каких и не бывало,
Который мог бы мало-мало
Еще не том, не три, не пять,
20 А десять томов написать,—
Зачем так рано он скончался?
Зачем еще он не остался
Пожить, попеть и побренчать?
С печали дама зарыдала,
С печали зарыдал поэт —
За что, за что судьба сослала
Пиндара к Стиксу в тридцать лет!
Лакей с метлою тут случился,
В слезах их видя, прослезился;
30 И в детской нянька стала выть;
Заплакал с нянькою ребенок;
Заплакал повар, поваренок;
Буфетчик, бросив чашки мыть,
Заголосил при самоваре;
В конюшне конюх зарыдал,—
И словом, целый дом стонал
О песнопевце, о Пиндаре.
Да, признаюсь вам, друзья,
Едва и сам не плачу я.
40 Что ж вышло? Все так громко выли,
Что все соседство взгомозили!
Один сосед к ним второпях
Бежит и вопит: „Что случилось?
О чем вы все в таких слезах?“
Пред ним все горе объяснилось
В немногих жалобных словах.
„Да что за человек чудесной?
Откуда родом ваш Пиндар?
Каких он лет был? молод? стар?
50 И что о нем еще известно?
Какого чину? где служил?
Женат был? вдов? хотел жениться?
Чем умер? кто его лечил?
Имел ли время причаститься?
Иль вдруг свалил его удар?
И словом — кто таков Пиндар?“

Когда ж узнал он из ответа,
Что все несчастья от поэта,
Который между греков жил,
60 Который в славны древни годы
Певал на скачки греков оды,
Язычник, не католик был;
Что одами его пленялся,
Не понимая их, весь свет,
Что более трех тысяч лет,
Как он во младости скончался,—
Поджав бока свои, сосед
Смеяться начал, да смеяться
Так, что от смеха надорваться!
70 И смотрим, за соседом вслед
Все — кучер, повар, поваренок,
Буфетчик, нянька и ребенок,
Лакей с метлой, и сам поэт,
И дама — взапуски смеяться!
И хоть я рад бы удержаться,
Но признаюся вам, друзья,
Смеюсь за ними вслед и я!

К ВОЕЙКОВУ

О Воейков! Видно, нам
Помышлять об исправленьи!
Если должно верить снам,
Скоро Пинда-преставленьи,
Скоро должно наступить!
Скоро, за летящим громом,
Аполлон придет судить
По стихам, а не по томам!

Нам известно с древних лет,
10 Сны, чудовищей явленья
Грозно-пламенных комет
Предвещали измененья

В муравейнике земном!
И всегда бывали правы
Сны в пророчестве своем.
В мире Феба те ж уставы!

Тьма страшилищ меж стихов,
Тьма чудес... дрожу от страху!
Зрел оберткой пирогов
20 Я недавно Андромаху.
Зрел, как некий Асмодей
Мазал, вид приняв лакея,
Грозной кистию своей
На заклею окон Грея.

Зрел недавно, как Пиндар,
В воду огонь свой обративши,
Затушил в Москве пожар,
Всю дожечь ее грозивший.
Зрел, как Сафу бил голик,
30 Как Расин кряхтел под тестом,
Зрел окутанный парик
И Электрой и Орестом.

Зрел в ночи, как в высоте
Кто-то, грозный и унылый,
Избоченясь, на коте
Ехал рысью; в шуйце вилы,
А в деснице грозный Ик;
По-славянски кот мяукал,
А внимающий старик
40 В такт с усмешкой Иком тукал.

Сей скакун по небесам
Прокатился метеором;
Вдруг отверзтый вижу храм,
И к нему идут собором
Феб и музы... Что ж? О страх!
Феб — в ужасных рукавицах,
В русской шапке и котах;
Кички на его сестрицах!

Старика ввели во храм,
50 При печальных Смехов ликах
В стихарях Амуры там
И хариты в черевиках!
На престоле золотом
Старина сидит *богиня*;
Одесную Вкус с бельмом,
Простофиля и разиня.

И как будто близ жены,
Поручив кота Эроту,
Сел старик близ Старины,
60 Сияясь скрыть свою перхоту.
И в гудок для пришлеца
Феб ударил с важным тоном,
И пустилась *голубца*
Мельпомена с Купидоном.

Важно бил каданс старик
И подмигивал старушке;
И его державный Ик
Перед ним лежал в кадушке.
Тут к престолу подошли
70 Стихотворцы для присяги;
Те под мышками несли
Расписные с квасом фляги;

Тот тащил кису морщин,
Тот прабабушкину мушку,
Тот старинных слов кувшин,
Тот *кавык* и *юсов* кружку,
Тот перину из бород,
Древле бритых в Петрограде;
Тот славянский перевод
80 Басен Дмитрева в окладе.

Все, возрев на Старину,
Персты вверх и, ставши рядом:
„Брань и смерть Карамзину! —
Грянули, сверкая взглядом.—

Зубы грешнику порвем,
Осрамм хребет строптивый!
Зад во утро избием,
Нам обиды сотворивый!“

Вздвогнул я. Призрак исчез...
90 Что ж все это предвещает?
Ах, мой друг, то глас небес!
Полно медлить... наступает
Аполлонов страшный суд,
Дни последние Парнаса!
Нас богини мщенья ждут!
Полно мучить нам Пегаса!

Не покаяться ли нам
В прегрешеньях потаенных?
Если верить старикам,
100 Муки Фебом осужденных
Неописанные, друг!
Поспешим же покаяньем,
Чтоб и нам за рифмы — крюк
Не был в аде воздаяньем.

Мук там бездна!.. Вот Хлыстов
Меж огромными ушами,
Как Тантал среди плодов,
С непрочтенными стихами.
Хочет их читать ушам,
110 Но лишь губы шевельнутся,
Чтобы дать простор стихам,—
Уши разом все свернутся!

Вот, на плечи стих взгрузив,
На гору его волочит
Пустопузов, как Сизиф;
Бьется, силится, хлопочет,
На верху горы вдовец —
Здравый смысл — торчит маяком;
Вот уж близко! вот конец!
120 Вот дополз — и книзу раком!..

Вот Груздочкин-траголюб
Убирает лоб в морщины
И хитоном свой тулуп
В угожденье Прозерпины
Величает невпопад;
Но хвастливость не у места:
Всех смешит его наряд,
Даже фурий и Ореста!

Полон треску и огня
130 И на смысл весьма убогий,
Вот на чахлого коня
Лезет Шлих коротконогий.
Лишь уселся, конь распух.
Ножки врозь — нет сил держаться;
Конь галопом; рыцарь — бух!
Снова лезет, чтоб сорваться!..

Ах! покаемся, мой друг!
Исповедь — пол-исправленья!
Мы достойны этих мук!
140 Я за ведьм, за привиденья,
За чертей, за мертвецов;
Ты ж за то, что в переводе
Очутился из Садов
Под капустой в огороде!..

⟨А. А. ВОЕЙКОВОЙ⟩

Не имею я кирхгофа —
Он во власти у Фриофа,
Сей известный вам Фриоф
Есть поистине кирхгоф
Всех бумажек, книг, картинок,
Чашек, чашечек, корзинок,
Мосек, плошек, катехов...
Ох! ты чушечка Фриоф!

ПРЕД СУДИЛИЩЕ МИНОСА

Пред судилище Миноса
Собралися для допроса
Подле Стиксовых берегов
Души бледные скотов.

Ворон, моська, кот, телушка,
Попугай, баран, индюшка,
Соловей, петух с свиньей
Стали пред Миносом — в строй.

„Говорите, как вы жили?
¹⁰ Много ль в свете вы грешили? —
Так сказал им судия.—
Начинай хоть ты, свинья“.

„Я нисколько не грешила;
Не жалея морды, рыла
Я на свете сем навоз;
В этом нет греха, Минос!“

„Я, баран, жил тихомолком,
На беду, столкнулся с волком:
Волк меня и задавил,—
²⁰ Тем лишь я и согрешил“.

„Я смиренная корова;
Нраву я была простова;
Грех мой, право, не велик:
Ободрал меня мясник“.

„Хоть сльву я попугаем,
Но на свете был считаем
С человеком наравне;
Этот грех прости ты мне!“

„Я котом служил на свете
30 И имел одно в предмете:
Бил мышей и сыр таскал;
Этот грех, по чести, мал“.

„Я, пичужка, вечно пела;
По-еллински Филомела,
А по-русски соловей;
Не грешна ни в чем! Ей-ей!“

„Я курносая собака,
Моська, родом забияка,
И зовут меня Барбос;
40 Пощади меня, Минос!“

„Я петух, будильник ночи,
С крику выбился из мочи
И принес на Стикс-реку
Я свое кукареку“.

„Я индюшка-хлопотунья,
Пустомеля и крикунья;
У меня махровый нос;
Не покинь меня, Минос!“

„Ворон я, вещун и плакса;
50 Был я черен так, как вакса,
Каркал часто на беду;
Рад я каркать и в аду“.

Царь Минос сердитым взглядом
На скотов, стоящих рядом,
Разъяренный засверкал...
И — ни слова не сказал.

АРЕОПАГУ

О мой Ареопаг священной,
С моею музою смиренной
Я преклоняюсь пред тобой!
Публичный обвинитель твой,
Малютка Батюшков, гигант по дарованью,
Уж суд твой моему „Посланию“
В парнасский протокол вписал
За крепой Аполлона,
И я к подножию божественного трона
10 С повинной головой предстал,
С поправками „Послания“
И парой слов для оправданья!
Прошу, да пред него и Аристарх-певец
С своею критикой предстанет,
И да небесный Феб, по Пинду наш отец,
На наше прение негневным взором взглянет!
За что ж о плане ты, мой грозный судия,
Ни слова не сказал? О, страшное молчанье!
Им Муза робкая оглушена моя!
20 И ей теперь мое „Послание“
Уродом кажется под маской красоты!
Злодей! молчанием сказал мне больше ты
Один, чем критиков крикливое собранье
Разбора строгого шумящею грозой!
Но так и быть, перед тобой
Все тайные ошибки!
О чем молчишь — о том и я хочу молчать!..
Чтоб безошибочно, мой милый друг, писать,
На то талант твой нужен гибкий!
30 *Дерзнет ли свой листок он в тот влести венец?*
Ужасный стих! так ты воскликнул, мой певец!
И музы все с тобой согласны!
Да я и сам кричу, наморщившись: *ужасный!*
Вотще жую перо, вотще молюсь богам,
Чтоб от сего стиха очистили „Послание“!
Напрасное пера невинного жеванье,
Напрасные мольбы! — поправь его ты сам!

- Не можешь? Пусть живет векам на посмеянье!
Кто славы твоя опишет красоту!
- 40 Ты прав: *опишет* — вздор, написанный водою,
А *твоя* — урод! Готов одной чертою
Убить сей стих! Но, друг! смиренную чету
Двух добрых рифм кто разлучить решится?
Да, может быть, моя поправка пригодится?..
Кто славных дел твоих постигнет красоту? —
Не лучше ли? Прими ж, мой друг, сию поправку,
А прежний вздорный стих в отставку.
Что далее?.. Увы! я слышу не впервой,
Что стих: *Дробила над главою*
- 50 *Земных народов брань*, и что ж еще: *державы!* —
Смешной и темный стих! Быть может, бес лукавый,
Моих баллад герой,
Сшутил таким стихом коварно надо мной.
Над искусителем себя мы позабавим
Балладой новою, а стих хоть так поправим:
Ниспровергала, враг земных народов, брань!.,
Нет! выше бурь венца... Ты здесь, мой друг, в сомненье;
Но *бури жизни* есть для всякого певца
Не запрещенное от Феба выраженье!
- 60 А *бури жизни*, друг, чем лучше *бурь венца?*
Итак, сомнение приняв за одобренье,
Я с *бурями венца* отважно остаюсь —
Вверяясь твоему сомненью,
Спокойно на берегу с моей подругой ленью
Сижу и бурям критики смеюсь.
Другой же стих — твоя, а не моя погрешность;
Затмила, кажется, рассудок твой поспешность:
Ведь *невнимательных царей*
В Посланье нет! лишь ты, по милости своей,
70 Был невнимательный читатель;
А может быть, и то, что мой переписатель
Царей не отделил
От их народов запятою
И так одной пера чертою
Земной порядок помутил.
Итак — здесь виноват не я, а запятая,

И критика твоя косая.—
*Под наклонившихся престолов царских сень
Народы ликовать стекались толпами.*

80 По мненью твоему, туман.
Прости! но с критикой твоей я не согласен,
И в этих двух стихах смысл, кажется мне, ясен!
Зато другие два, как шумный барабан,
Рассудку чуждые, лишь только над ушами
Господествуют: *мой трон у галлов над главами,
Разгерянувшись...*

Своими страшными кусками
Подобен сухарю и так же сух, как он.
Словечко *вспыхнул* мне своею быстротою

90 Понравилось — винюсь, смиряясь пред тобою;
И робкою пишу рукою:
Вспыхнул, развернувшись как гибельный вулкан.
Но чем же странен великан,
С развалин пламенных ужасными очами
Сверкающий на бледный свет? —
Тут, право, милый друг, карикатуры нет!
Вот ты б, малютка, был карикатура,
Когда бы мелкая твоя фигура
Задумала с развалин встать

100 И на вселенну посверкать.
А тень огромная свирепого тирана...
Нет... Я горой за великана!
Зато, мой друг, при сих забавных трех стихах
Пред критикой твоей бросаю лирой в прах
И рад хоть казачка плясать над их могилой:
Там всё...

И вот как этот вздор поправил Феб мой хилой:
Там всё — и весь, и град, и храм — взывало: брань!
Всё, раболепствуя мечтам тирана, дань

110 *К его ужасному престолу приносило...*
Поправка — но вопрос, удачна ли она?
И мздой свою постель страданье выкупало!
Конечно, здесь твой вкус надменный испугало
Словечко бедное: *постель?* Постель бедна
Для пышности стихов — не спорю я нисколько;

- Но если муза скажет нам:
И мздой свой бедный одр страданье выкупало,—
Такой стишок ее понравится ль ушам?
Как быть! но мой припев: поправь, как хочешь, сам!
- ¹²⁰ И дай вздохнуть моей ты лени —
Тем боле, что твои совсем некстати пени
За этот добрый стих, в котором смысла нет;
И юность их была, как на могиле цвет!
Здесь свежесть юная и блеск цветочка милый
Противоположен унынию могилы;
На гробе расцветя, цветок своей красой
Нам о ничтожности сильнее напоминает:
Не украшает он, а только обнажает
 Пред нами ужас гробовой.
- ¹³⁰ И гроба гость, цветок — символ для нас унылый,
Что все живет здесь миг и для одной могилы..
И хитростью...
Мой друг, я не коснусь до первых двух стихов!
В них вся политика видна Наполеона!
И всем известно нам, что, неизбежный ков
Измены, хитрости расставивши близ трона,
Лишь только *добывал* его громами он.
 Не будь Наполеон —
Разбитый громами охотно я б поставил!
- ¹⁴⁰ Последние ж стихи смиренно я поправил,
А может быть, еще поправкой и *добил*:
По ним свободы враг отважною стопою
За всемогуществом шагал от боя к бою!
 Что скажешь? угодил? —
А следующий стих, на *ратей переходы*
Служащий рифмою, я так переменял:
Спешащих раздробить еще престол свободы.
Еще трем карачун; их смуглый мой зоил
(Воейков) На смерть приговорил:
- ¹⁵⁰ *И вслед ему всяк час за ратью рать летела —*
И по следам его на место: вслед всяк час
Поставить рожица мне смуглая велела!
 И я исполнил сей приказ!
Уж указуешь путь державною рукой —

Приказано писать: *Уж отверзаешь путь.*
Перед тобой весь мир — писать: *перед тобою*
Мир — *весь* же зачеркнуть...
Еще на многие стихи он покосился,
Да я не согласился.

〈ПРОЩАНИЕ〉

Воейков, этот день для сердца незабвенный!
Здесь возвращение мое
Ты за год праздновал в родной друзей семье.
Как странник, в круг ее случаем заведенный,
Ты мыслил между нас минуту отдохнуть,
Потом опять идти в свой одинокий путь
С несовершившимся желаньем
И с темным счастья ожиданьем!
Но здесь тебе твое *не дале* рок сказал...
¹⁰ И Провидение здесь всем, что в жизни мило,
Тебя в душе твоей Светланы наградило!
Друг, благодарственный фиал
Незримому, Тому, кто нам не изменяет,
Который всюду спутник нам,
Который и самим бедам
Всегда во благо быть для нас повелевает!
Ему поверим мы! Ему от нас обет —
Украстить жизнь Его прекрасный свет!
И быть в кругу Его прекраснейших созданий,
²⁰ Достойным всех Его святых благодеяний!

* * *

Вам, милая, наш друг-благодетель,
От счастливых детей мольба в веселый час:
Вкушайте счастье беспечно между нас!
Покой ваш нашего спокойствия хранитель!
С доверием подайте руку нам,
И верным ваших чад сердцам
Себя с надеждой поручите;

Их на добро благословите,
А общий жребий свой — оставим небесам!

* * *

30 Друзья, в сей день был мой возврат!
Но он для нас и день разлуки;
На дружбу верную дадим друг другу руки!
Кто брат любовью, тот и в разлуке брат!
О, нет! Не может быть для дружбы расстоянья!
Вдали, как и вблизи, я буду вам родной,
А благодарные об вас воспоминанья
Возьму на самый край земной!

* * *

Вас, добрая сестра, на жизнь друг верный мой,
Всего, что здесь *мое*, со мною разделитель!
40 Вас брат ваш, долбинский минутный житель,
Благодарит растроганной душой
За те немногие мгновенья,
Которые при вас, в тиши уединенья,
Спокойно музам он и дружбе посвятил!
Что б рок ни присудил,
Но с долбинской моей семьею
Разлука самая меня не разлучит!
Она лишь дружеский союз наш утвердит!

* * *

Мой ангел, Ваничка, с невинной красотой,
50 С улыбкой милой на устах,
С слезами на глазах,
Боясь со мной разлуки,
Ко мне бросающийся в руки,
И Машенька, и мой угрюмый Петушок,
Мои друзья бесценны...
Могу ль когда забыть их ласки незабвенны!
О, будь же, долбинский мой уголок,
Спокоен, тих, храним святыми небесами!
Будь радость ясная ваш верный семьянин.
60 И чтоб из нас в сей жизни ни один
Не познакомился с бедами!

А если уж нельзя здесь горе не узнать,
Будь неизменная надежда вам подруга!
Чтоб вы при ней могли и горе забывать...
 Что б ни было, не забывайте друга!..

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. С. Янушкевич

ЛИРИКА ЖУКОВСКОГО

В «поэтическом хозяйстве» В. А. Жуковского границы между «лирикой» и «не лирикой» весьма подвижны и неопределенны. И хотя его репутация как «лирика по преимуществу» (Г. А. Гуковский) достаточно устойчива, корпус его лирического творчества четко не обозначен. Сам поэт во многом провоцировал своих издателей и исследователей на ошибки и неточности в определении состава его лирического наследия.

Прижизненные издания своей поэзии Жуковский обозначал одним понятием — «стихотворения», а жанровыми рубриками: «лирические стихотворения», «послания», «романсы и песни» (С 1—2), с добавлением в С 3 «элегий», «сельских стихотворений», «баллад» — подчеркивал их разнообразие. В этом смысле обозначение «стихотворения» приобретало расширительный характер как аналог поэзии вообще. Характерной тенденцией автоиздательской позиции Жуковского становится увеличение раздела «Смесь», в который легко переходят стихотворения из других разделов. И хотя в «Общем оглавлении» к последнему прижизненному изданию (С 5) рубрикация остается, а раздел «Смесь» все увеличивается¹, Жуковский впервые решается на хронологический принцип расположения материала.

Последовательное выделение баллад и стихотворных повестей, сказок и поэм, что проявилось уже в С 4 и специальном издании «Баллад и повестей» (Ч. 1—2. СПб., 1831), а в С 5 — эпических и драматических стихотворений позволяет говорить о том, что к концу жизни Жуковский воспринимал лирику как самостоятельную часть своего наследия уже без четкой жанровой рубрикации.

¹ Матяш. С. 150—154.

Лирика Жуковского — динамичная творческая система. Она живет в большом контексте времени и в атмосфере творческого развития самого поэта. И в этом смысле ее этапы и проблемы обусловлены как идеями времени, так и глубоко индивидуальными поисками.

Жуковский входит в русскую поэзию на рубеже веков, в предчувствии ее золотого века. В своих пансионских стихотворениях 1797—1800 гг. он постоянно колеблется в выборе традиции: с одной стороны, первые опыты ощутимо связаны с ломоносовско-державинской одой, с другой — в них следы карамзинско-дмитриевской сентиментальной поэзии. Процесс элегизации одической традиции происходит именно через синтез этих традиций, осложненных идеями нравственного самоусовершенствования и масонской эмблематикой. Ранний Жуковский эклектичен, но в этой эклектике — прорыв к новому поэтическому мышлению.

Как известно, «родиной русской поэзии», точнее, «началом истинно человеческой поэзии» (Вл. Соловьев), стало «Сельское кладбище» Жуковского — перевод одноименной элегии английского сентименталиста Т. Грея. Но не менее значим и тот факт, что лирика Жуковского 1801—1805 гг. формируется в тесном взаимодействии с поэтической философией английского предромантизма. Две редакции «Сельского кладбища» (1801—1802 гг.) и другой перевод из Грея (пиндарическая ода «Успехи поэзии») 1802 г., работа над переложением «Опустевшей деревни» Голдсмита (1805), интерес к произведениям Томсона, Драйдена, Попа — все это рождало новый тип поэтической рефлексии, состояние меланхолии, «философии грусти»². По точному замечанию исследователя, «это было утверждение нового направления»³.

Суть этого нового направления определялась выработкой элегического языка русской лирики. Поэтика «кладбищенской элегии», характерные черты которой на русской почве обозначил Жуковский в «Сельском кладбище»⁴, и меланхолическая рефлексия переводов из английских поэтов определили новое содержание поэзии, то, что точно сформулировал еще В. Г. Белинский: «выговорил элегическим языком жалобы человека на жизнь»⁵. Франклиновы дневники 1804—1805 гг.,

² Об этом см.: Виноцкий И. Ю. Утехи меланхолии // Уч. зап. Московского культурологического лица № 1310. Вып. 2. М., 1997. С. 144 и сл.

³ Левин. С. 249.

⁴ Об этом см.: Вацура. Гл. 3.

⁵ Белинский. Т. 7. С. 190.

как «памятники ранних попыток русской мысли анализировать внутреннего человека»⁶, стали своеобразной лабораторией его психологической лирики.

Белевское уединение 1806 г. способствовало лирическому взрыву после затянувшейся творческой паузы. В течение апреля-декабря Жуковский создает около 50 стихотворений разных жанров. Огромная внутренняя работа по самообразованию и самоусовершенствованию дала почву для творческих поисков, вырвалась в лирическом излиянии. Адекватной формой такого выражения становится монолог-исповедь. Уже в переводе «Опустевшей деревни» Голдсмита Жуковский разрабатывает эту форму лирики, но подлинный расцвет она переживает в группе стихотворений 1806 г.: «Послание Элоизы к Абеяру», «Отрывок перевода элегии» (из Парни), «Песня» («Когда я был любим...»), «Сафина ода», «Идиллия» («Когда она была пастушкой простой...»), «Прощание старика», элегия «Вечер», «К Эдвину», «Песнь барда над гробом славян-победителей».

В форму монолога поэт вмещает различное жанровое содержание: послание, элегия, песня, романс, мадригал, ода, идиллия и т. д. Но главным становится не выявление жанровой специфики, а поиск новых форм лирического выражения. Характерно, что Жуковский, по существу, разрушает жанровые каноны, раскрывая прежде всего природу человеческих страстей. Именно с этой авторской установкой связана специфика лирического «я» в монологах 1806 г. Средневековая монахиня, древнегреческая поэтесса, старик, бард, молодые влюбленные — таковы своеобразные маски лирического героя. Басенные опыты Жуковского этого же времени — логическое продолжение поисков в области выражения индивидуальной психологии. Это был путь к тому методу психологического анализа, который так точно позднее определит П. А. Вяземский: «⟨...⟩ дать языку души такую верность, когда говоришь за другую душу...»⁷

Такая многоликость лирического героя Жуковского была связана с процессом создания персонажа-характера, помещенного в различные жизненные ситуации. Общая идея высокой всепоглощающей любви обыгрывается в разных вариантах. В «Послании Элоизы к Абеяру» — любовь, побеждающая схиму, все затворы и запреты; в «Отрывке эле-

⁶ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1977. С. 39.

⁷ ОА. Т. 1. С. 284—285.

гии» — любовь в минуты измены; в «Сафиной оде» — огонь любви; в «Прощании старика» — потеря любви; в «Песне» — память о любви; «К Эдвину» — мольба, заклинание любви. В этом смысле можно говорить о цикле стихотворений 1806 г. — «превратности любви».

Проблема внутреннего человека в лирике Жуковского определяется его пониманием личности вообще. Разделяя просветительскую идею внесловной ценности человека, Жуковский уже рано наметил свой тип героя.

В двух стихотворениях — «Герой» и «Человек», написанных почти одновременно (1800—1801), он дал свое представление об идеале личности. Отталкиваясь в первом стихотворении от традиционного одического понимания героя как высокой по сану личности, прославившейся своими военными победами, Жуковский полемически говорит о герое добродетели, человеке «чистой и светлой души».

«Герой» — «Человек». Эти два названия программны у Жуковского и внутренне связаны. Отстаивая свое понимание героической личности, поэт очеловечивает ее. Само понятие «человек» он наполняет высокими нравственными идеалами, вводит его в систему своих этико-философских поисков. Природа героического в человеке приобретает общечеловеческий смысл и внесловную ценность.

Установка на лирического героя, обыкновенного частного человека, интересного прежде всего своими нравственными поисками, принципиальна в лирике 1806 г. Герои всех монологов — люди с земными страстями. Это сближает и древнегреческую поэтессу Сафо, и средневековую монахиню Элоизу, и современного молодого человека, и оссианического барда, и старика. Не стремясь к исторической и национальной характеристике героев, Жуковский раскрывает родство их душ. Страдания и радости любви приобщают их к человеческому братству.

Осваивая возможности малых поэтических форм, Жуковский ищет новые способы выражения лирического чувства. Этот поиск особенно отчетливо обозначился в стихотворениях 1808—1812 гг., опубликованных на страницах журнала «Вестник Европы», редактором которого в 1808 г. становится Жуковский. Абсолютное большинство стихотворений этого периода имеют подзаголовки: «песня» или «романс» и «подражание немецкому», чаще всего Шиллеру.

Еще в элегии «Вечер» стихия песенности как особой формы лирической суггестивности становится всепроникающей. По точному заме-

чанию И. М. Семенко, «тип лирической эмоциональности в поэзии Жуковского в известном смысле родствен музыка», а его лиризм — «лиризм песенного типа»⁸. Жуковский наполняет стихотворения звуками лиры, арфы, свирели, гуслей, «золотой цевницы», образами барда, певца, песнями. Весь окружающий мир звучит и поет в лирике 1808—1812 гг. Эстетическая рефлексия Жуковского в стихотворениях «К поэзии», «К моей лире и к друзьям моим», Вечер», в переводах из «Идеалов» Шиллера опирается прежде всего на музыку бытия. Обращения «к моей лире», «к арфе», к музе, к поэзии становятся лишь аккомпанементом в этом музыкальном космосе. Как заметил еще Г. А. Гуковский, «Жуковский создает музыкальный словесный поток, качающийся на волнах звуков и эмоций сознание читателя; в этом музыкальном потоке, едином и слитном, как и единый поток душевной жизни, им выражаемый, слова — это ноты»⁹. Система курсивов, экспрессивного синтаксиса, рождающая особую мелодику стиха¹⁰, семантические резервы словоупотребления¹¹ — за всем этим открывались новые горизонты русской лирики.

Шиллеровский энтузиазм нашел в Жуковском свой отклик. Перевод его стихотворения «Die Ideale», получившего у Жуковского название «Мечты» (1812), стал программным: поэт «согласовал свое собственное мироощущение с шиллеровским текстом»¹². Одновременно чувство патриотической экзальтации, вызванное событиями Отечественной войны 1812 г., очевидцем и участником которых был сам поэт, пробудило в нем гражданские чувства. От «Певца во стане русских воинов», послания «Императору Александру» он пролагал дорогу новому типу исторической элегии. И форма кантаты, и гражданское послание способствовали оригинальному синтезу элегических и одических интонаций. Но главное — «патриотизм впервые явился здесь одновременно и гражданской, и личной темой»¹³. Импровизационность как выражение свободы лирического чувства, переходов от темы к те-

⁸ Семенко. С. 86.

⁹ Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1995. С. 42.

¹⁰ Об этом см.: Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха. Пг., 1922 (перепечатано: Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 348—390).

¹¹ Семенко. С. 85—86.

¹² Вацуро. С. 124.

¹³ Семенко. С. 26.

ме, ассоциативных связей, рождения образа прямо на глазах читателя обогащала саму палитру лирики.

В этом контексте эстетической и общественно-философской рефлексии история личной трагедии Жуковского, его драматических отношений с Машей Протасовой, обретала в «Песнях и романсах» не столько автобиографический, сколько автопсихологический характер. Суггестивность его лирического чувства делала эту историю общечеловеческой, выводила ее на философский уровень. «На дне своего растерзанного сердца, во глубине своей груди, истомленной тайными муками» (В. Г. Белинский), он увидел новые источники элегической поэзии, «философии страдания».

Расширялось само представление о душевной жизни человека. Как неоднократно будет повторять поэт, «душа распространяется». Лиризм песенного типа позволял Жуковскому синтезировать различные сферы человеческого бытия. Переводы из Шиллера, как и другие обращения Жуковского в это время к немецкой поэзии (Тидге, Маттисон), способствовали «жанровой диффузии» и широкому пониманию «элегической поэзии»¹⁴.

Этот синтез тем, настроений, мотивов нашел свое ярчайшее воплощение в лирике долбинской осени 1814 г. Лирический взрыв 1814 г. во многом психологический феномен. Находясь в состоянии душевной распутицы, когда «душа разорвана в клочки»¹⁵, поэт пытается в самом страдании увидеть прекрасное, преодолеть отчаяние через поэтическое вдохновение. Долбинские стихотворения, расписанные по дням,—своеобразная лирическая стенограмма, где «Жизнь и Поэзия одно». В альбоме Саши Протасовой Жуковский однажды запишет: «Il faut rire avant d'être heureux, de peur de mourir sans avoir ri»¹⁶.

Словно конкретизируя этот жизненный принцип, Жуковский превращает поэзию в философию жизнестроительства. Его шуточные записки, юмористические послания, стихи по поводу и без повода сочетаются с трагическими балладами о несчастной любви, с набросками «Аббадоны», с философской рефлексией «Теона и Эсхина», с высоким пафосом послания «Императору Александру», со стихотворной лите-

¹⁴ Вацуро. С. 140—141.

¹⁵ ПЖТ. С. 176.

¹⁶ Цит.: Соловьев. Т. 1. С. 12. Перевод: «Надо смеяться прежде, чем быть счастливым, из боязни умереть, не имевши случая посмеяться» (фр.).

ратурной сатирой («Плач о Пиндаре», «Пред судилище Миноса»), с опытами стихотворной эстетики и критики («Послания к В. Л. Пушкину и П. А. Вяземскому», «К Воейкову», «Ареопагу»). Поэт ищет в поэзии ответы на мучительные вопросы жизни. Возникают большие контексты лирического творчества, когда «за словом притаилась целая философия», когда поэт «жаждет создать общечеловеческую модель душевного мира, способную противостоять действительности»¹⁷.

Поэзия как способ самосохранения и внутренней свободы обретает у Жуковского в долбинскую осень 1814 г. статус жизнетворчества и жизнестроительства. Это истоки той концепции «самостояния человека», без которой невозможно понять нравственный феномен Пушкина и роль Жуковского как его наставника.

В лирике 1814 г. Жуковский пытается показать, что ничто человеческое поэзии не чуждо. Его «домашняя поэзия» в определенной степени уравнивает быт и бытие, хотя не находит для них еще одного стиля. Возникают два параллельных ряда поэтических текстов: шуточные экспромты, пронизанные стихией озорства, просторечия, и образцы высокой поэзии о таинствах судьбы, превратностях любви, проблемах творчества. Эти опыты нередко пересекаются, возникают буквально в один день, но границы между поэзией и прозой как различными мироощущениями остаются. Абсолютное большинство своих поэтических шуток Жуковский так и не решился опубликовать при жизни: он их писал для себя и для близкого круга людей.

Конденсатором этих процессов раскрепощения поэтического языка и стиля становится дружеское послание. Многочисленные стихотворные обращения к родным и знакомым, особенно к А. А. Плещееву, соседствуют с эстетической рефлексией в посланиях к друзьям-литераторам — В. Л. Пушкину, П. А. Вяземскому, А. Ф. Воейкову, Д. А. Кавелину, «Ареопагу». Именно здесь отчетливо прослеживается «процесс профессионализации юмористической и шуточной поэзии»¹⁸. Но главное — послания формируют новые литературные принципы, которые получают масштаб «школы гармонической точно-

¹⁷ Грехнев В. А. Слово и большой лирический контекст в поэзии пушкинской поры: Жуковский, Тютчев // А. С. Пушкин: Статьи и материалы: Уч. зап. / Горьковск. ун-т. Вып. 115. Горький, 1971. С.15.

¹⁸ Иезуитова Р. В. Шуточные жанры в поэзии Жуковского и Пушкина 1810-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Т.10. Л., 1982. С. 29.

сти»¹⁹. Жуковский является организатором стихотворной переписки, без которой невозможно представить будущую атмосферу «Арзамаса» и «арзамасского братства»²⁰.

Следующий этап развития лирики Жуковского, хронологически определяемый 1815—1824 гг., особенно значим для русского эстетического и художественного сознания. Это эпоха эстетических манифестов поэта. От элегии «Славянка» (1815), которую справедливо определяют как «прогулку по садам Романтизма»²¹, тянется цепь стихотворений, где каждое звено — отрывок лирической философии и романтической эстетики. «На кончину Ея величества королевы Виртембергской», «Цвет завета», «К мимопролетевшему знакомому гению», «Невыразимое», «Подробный отчет о луне», «Лалла Рук», «Воспоминание», «Море», «Таинственный посетитель», «Явление поэзии в виде Лалла Рук», «Я музу юную, бывало...», «Мотылек и цветы» — каждое из этих произведений органическая часть лирического космоса Жуковского.

Исследователи уже давно обратили внимание на их лейтмотивность и внутреннюю связь. И это естественно: каждое стихотворение ощущалось автором как отрывок, фрагмент его эстетической и философской концепции. На это указывает не только подзаголовок «Отрывок» к стихотворению «Невыразимое», но и общая атмосфера мимолетности, воспоминания, случайности, призрачности, бесконечных вопросов. И, вместе с тем происходит сопряжение всех этих состояний; одно стихотворение как бы переливается в другое, не просто подзаряжая его своим содержанием, но и включая в систему своих образов, настроений.

Когда в дерптских письмах-дневниках 1815 г., обращенных к Маше Протасовой, или в письмах к Александру Тургеневу из первого заграничного путешествия 1821—1822 гг. Жуковский говорил о «philosophie de Lalla Roock», о философии Теона или «старца Эверса», когда он мотивы и образы эстетических манифестов делал лейтмотивными и сквозными словами, он давал «ключ к постижению новых эстетических ценностей», а «с читателем словно бы заключался некий художе-

¹⁹ Об этом см.: Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974. С. 19—50.

²⁰ Об этом см.: Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974.

²¹ Об этом см.: Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 251—252.

ственный контракт на интуитивное постижение того, что не могло быть раскрыто полностью в отдельном лирическом высказывании»²².

Арзамасские гекзаметрические протоколы 1817 г., собрание переводов, представленных в шести выпусках авторского сборника «Für wenige. Для немногих» (1818), полушутливые павловские послания 1819—1820 гг. «не столь различны меж собой», если пристальнее всмотреться в их эстетику.

За буффонадой и галиматьей стихотворных протоколов Светланы (арзамасское прозвище Жуковского) отчетливо выступают новые литературные принципы, особая «стилевая система, порожденная дружеским кружком и несущая на себе печать кружковой психологии и кружкового языка»²³. Жуковский насыщает эти арзамасские документы рефлексией своих эстетических манифестов.

Шесть выпусков «Für wenige. Для немногих» выявляли лицо Жуковского-переводчика, были демонстрацией его переводческих принципов. Композиция сборника, располагающая параллельно текст-оригинал и перевод (*en regard*), организующая переводные тексты в жанрово-стилевые и тематические подборки, намечала определенную психологию восприятия, что своеобразно и точно выразил А. С. Пушкин в послании «К Жуковскому» («Когда к мечтательному миру...»): «Ты прав, творишь ты для *немногих*, // Не для завистливых судей (...)
Но для друзей таланта строгих, // Священной истины друзей».

Пространство павловских посланий Жуковский заполняет обширными пейзажными зарисовками, сочными бытовыми подробностями, историческими экскурсами. Наконец, он опирается в них на свой поэтический опыт, совершает как бы прогулки по страницам собственных произведений. Так, история платка графини Самойловой дает такой взлет фантазии поэта, что весь окружающий мир, подводное царство, романная история Малек-Аделя и поэтическая притча об Арионе приходят в особое сцепление, образующее неразделимое единство быта и бытия, шутки и философской медитации, стихотворного балагурства и высокого лирического чувства.

В этих лирических массивах и контекстах, хронологически продолжающих друг друга как дневниковые записи, вырабатывалась поэтика эстетических манифестов. Оживотворение окружающей жизни че-

²² Грехнев В. А. Указ. соч. С. 21.

²³ Вацура В. Э. В преддверии пушкинской эпохи // Арзамас—2. Кн. 1. С. 22.

рез встречу с поэзией — вот их главная тема. Знаменитая формула Жуковского «Жизнь и Поэзия одно», со всей определенностью выраженная в стихотворении «Я Музу юную, бывало...», выросла из всей поэтической системы этого периода. Эта формула берет свое начало в посвящении к «Двенадцати спящим девам», где обращение к «благодатному гению» влечет за собой оживотворение, поэтизацию прошлого, воспоминание. Концентрация таких слов-понятий, как «мечта», «вдохновение», «очарование», «пленять», «песни звуки», «задумчивая лира», «сердце воскресает», «глас на лире оживает», «гения полет» и т. д., рождает связь жизненных впечатлений и поэтических отзвуков. Именно от этого посвящения 1817 г., восходящего к «Фаусту» Гёте, тянется цепь обращений к символу вдохновения, источнику поэзии: «таинственный посетитель», «милый гость», «гений мой», «пленитель безымянный», «гость прекрасный с вышины», «посол небес крылатый», «призрак, гость прекрасный», «Муза юная». Поэт словно выходит на связь со своим вдохновением, и весь мир оживает, превращаясь в чудные мгновения. «Прекрасному — текущее мгновенье» («Старцу Эверсу») — так Жуковский определил связь поэзии и жизни.

Сквозные мотивы и образы эстетических манифестов, система автореминисценций способствовали обогащению самих возможностей образа в лирике. Уже в «Славянке» обозначилась его способность жить на пересечении двух смыслов: реального, пластического, натурфилософского, и символического, тяготеющего к философско-эстетическому универсуму.

В предисловии к «Овсяному киселю», где с особенной зримостью и эпической детальностью поэт воссоздал мир устойчивых идиллических ценностей, Жуковский пишет: «И тленная былинка неприметно становится эмблемою человеческой жизни». В примечании к «Славянке», описывая памятники Павловска, он вновь подчеркивает их символический смысл.

Само слово «символ» активно входит в поэзию Жуковского, отражая процесс расширения реального смысла вещей, философского обобщения. Вот лишь несколько примеров: «Святой символ надежд и утешенья!» («На кончину Ея величества королевы Виртембергской»), «Символ любви и жизни молодой» («Цвет-завета»), «Таинственный символ его завета» («Старцу Эверсу»).

Не менее важен для поэзии Жуковского этого периода прием уподобления, открытой метафоризации. На этом поэтическом приеме ос-

новано все стихотворение «Таинственный посетитель», в котором каждая строфа — разгадка тайны, открытие символического явления: «Не Надежда ль ты младая...», «Не Любовь ли нам собою тайно ты изобразил?..», «Не волшебница ли Дума // Здесь к тебе явилась нам?», «Иль в тебе сама святая // Здесь Поэзия была?..», «Иль Предчувствие сходило // К нам во образе твоём...» Процесс «развоплощения» явления, переданного в системе понятий-символов, получает у Жуковского эстетическое обоснование. Эстетика «двойного бытия» — нерв его манифестов. Конкретным ее выражением является образ покрыва, занавеса, покрывала, проходящий, по существу, через все его произведения 1818—1824 гг.

Романтическая символика придала им особый масштаб и программность. В течение почти десяти лет поэт формировал в сознании русских читателей и русской эстетической мысли идею творчества как процесса познания тайны бытия, как загадку невыразимого. В системе символов он передал характер этого явления, универсальность и особую его жизненную силу. По точному замечанию исследователя, «появление символического языка было мощным стимулом эволюции. Менялись самые формы поэтической суггестивности»²⁴.

Интонации живой речи, имитация размышления на глазах и слуху читателя через варьирование сквозных образов, вопросительную интонацию, курсивы, элементы проповедничества новых принципов важны для Жуковского, автора эстетических манифестов. Может быть, поэтому у него впервые стихотворение как бы обнажает свою этимологию: творение стиха, творчество в стихах. Оно выявляет свою родовую сущность: непосредственное лирическое высказывание. Именно здесь берет свое начало не только русская философская лирика, но и концепция стихотворения как особого типа поэзии, что проявится в «Стихотворениях Александра Пушкина», где уже в названии — творческая позиция.

Пожалуй, как никогда раньше и позже, Жуковский в этот период мало обращается в лирике к переводам. Стремление найти для некоторых эстетических манифестов Жуковского те или иные источники, в основном немецкие (Шеллинг, Новалис, Ваккенродер), может быть понято. Выработка своей оригинальной системы романтического мирозерцания опиралась на общеромантические идеи, на опыт немецкой ро-

²⁴ Вацура. С. 152.

мантической эстетики. И в этом смысле «Жуковский был переводчиком на русский язык не Шиллера или других каких-нибудь поэтов Германии и Англии», он был «переводчиком на русский язык романтизма...»²⁵

Но в поэтическом воплощении этих идей Жуковский шел своим путем и искал свои формы. Он открыл для русской поэзии особый тип стихотворения, где эстетическая проблематика была прочно связана с натурфилософией и бытовыми зарисовками, с философской символикой и личными чувствами. Он подготовил тот тип лирики, который можно было бы назвать эстетическим и этическим вероисповеданием.

Процесс оживотворения природы, программно выразившийся в эстетических манифестах 1818—1824 гг., проходил у Жуковского в недрах его поэзии 1816—1818 гг. На пути от «Славянки» к манифестам, в атмосфере арзамасских заседаний формировался новый тип поэтического мышления Жуковского. Уже за буффонадой арзамасских протоколов поэта открывался принцип эпической детализации: общая картина заседания в гекзаметрах Жуковского обростала такой массой подробностей из быта арзамасцев, что превращалась в своеобразную шутоэпопею.

Именно на арзамасских заседаниях Жуковский и познакомил своих друзей-единомышленников с опытами в «совершенно новом и нам еще неизвестном роде»²⁶. Речь идет о его переводах идиллий Гебеля, которые он включит в С 3—4 под общим заглавием «Сельские стихотворения». Говоря об опытах Жуковского в области идиллии, необходимо заметить, что ему вообще был близок этот поэтический жанр. Более того, идиллическое мирозерцание как особая концепция бытия присуще поэту на всем протяжении его творчества, включая работу над переводом гомеровского эпоса.

Идиллии Жуковского с их своеобразным топосом, «прелестью простоты и вымысла», элементами русификации и гекзаметрической детализацией остро ставили вопрос о «возвращении к национальным истокам поэзии»²⁷. Но одновременно они были важным этапом на пути к стихотворному эпосу. Баллады и стихотворные повести, поэмы и сказки развивали эти тенденции поэтического повествования.

²⁵ Белинский. Т. 7. С. 167.

²⁶ ПЖТ. С. 164.

²⁷ Вацура В. Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л., 1978. С. 125.

После 1824 г. интенсивность собственно лирического творчества Жуковского резко падает. Его путь к эпосу — перевод образцов мировой эпической поэзии, выход в 1831 г. двумя изданиями «Баллад и повестей» — внес коррективы в само направление лирической поэзии. «Русская песнь на взятие Варшавы» и «Русская слава» (1831), «Народные песни» («Боже, царя храни!» и др.; 1834), «Ночной смотр» (1837), «Бородинская годовщина» (1839), «К русскому великану» (1848), «Четыре сына Франции» (1849) — все эти стихотворения позднего Жуковского являются откликами на важнейшие исторические события. Их объем, характер стиха, публицистический элемент по праву делают их эпическими элегиями. Память о прошлом «певца 1812 года», боль за настоящее России и Европы и предсказание будущего рождают состояние общественно-исторической рефлексии. Образ России, Святой Руси обретает во всех этих стихотворениях историософский характер. Через события русской истории и современность поэт осмысляет опыт мировой истории — от наполеоновских войн до европейских революций 1848 г.

Эпический потенциал поздней лирики Жуковского проявляется и в его новом переводе «Сельского кладбища» (1839), и в лирических циклах «Из альбома, подаренного гр. Ростопчиной» (1837), «Эолова арфа» (1838—1839). Поздний Жуковский насыщает лирику 1840-х гг. идеями христианской философии. Его переложение латинской молитвы «Stabat mater» (1838), стихотворения «Молитвой нашей Бог смягчился» (1839), «1-го июля 1842» выявляют взаимосвязь поэзии и религии.

Меняются формы лирического выражения, характер стиха и поэтического синтаксиса. На смену лирической экзальтации приходят интонации эпического размышления. Жуковский-эпик в 1840-е гг. неотделим от Жуковского-лирика. Вряд ли есть основания говорить о кризисе Жуковского-лирика, об угасании его лирического таланта.

Два последних стихотворения поэта, написанные незадолго до его смерти — «Царскосельский лебедь» и «Розы», — ярчайшее выражение неиссякаемого лиризма. Далеко не сентиментальный Вяземский, прочитав «Царскосельского лебедя», воскликнул: «Ах ты мой старый лебедь, пращур лебединый, да когда же твой голос состарится? (...) Лебедь твой чудно хорош. Да что это за лебедь, вымысел, аллегория или быть?»²⁸

²⁸ Гиллельсон М. И. Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 70.

Эстетический синтетизм Жуковского вел его к поэтическому синтетизму. «Вымысел, аллегория, быль» — это триединство способствовало обогащению лирики как особой формы поэтической рефлексии. Мысли Жуковского о сближении поэзии и прозы приобретают в 1830—1840-е гг. методологический характер. Его попытки переложить на язык поэзии значительные произведения европейской романтической прозы («Ундину» Ф. Ламотт-Фуке, «Белокурого Экберта» Л. Тика, сказки братьев Гримм, «Неожиданное свидание» Гебеля, рейнское сказание «Фалкенбург» и т. д.)²⁹ способствовали выявлению возможностей лирического высказывания, намечали пути взаимодействия лирики и эпоса.

Лирика позднего Жуковского — это одновременно и его стихотворный эпос, так как историческое событие определяет развитие мысли поэта и формы ее выражения. Жуковский постепенно стирает и межродовые границы внутри стихотворных текстов. Лирическое, драматическое и эпическое начала образуют общее стихотворное пространство в творчестве Жуковского 1840-х гг. И все-таки лиризм как особая форма суггестивности не исчезает из поэзии Жуковского. Лирика обнаруживает свою жизненную силу и в контексте стихотворного эпоса позднего Жуковского.

Около 500 произведений определяют лирическое наследие Жуковского. Наверное, не все в нем равноценно и эстетически значимо. Многие шуточные стихотворения могут показаться пустяками и забавой, но если посмотреть на них сквозь призму арзамасской смеховой культуры, пародийной поэзии Козьмы Пруtkова, словесных и стиховых экспериментов обэриутов, то и в них обнаружится свой смысл.

Лирика Жуковского, его «стихов пленительная сладость» прошли «веков завистливую даль». Пушкинское пророчество конкретизируется и в динамике лирической системы Жуковского, и в ее генетической связи с традицией русской поэзии вообще — от Пушкина и Лермонтова до символистов.

²⁹ Об этом подробнее см.: Янушкевич. С. 197—216.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ СТИХОТВОРЕНИЙ

В первый том настоящего издания входят стихотворения Жуковского 1797—1814 гг. Этот период в творческой биографии поэта определяется двумя датами: 1797—начало его поэтической деятельности и 1814—долбинская осень, время подведения итогов и подготовки первого собрания стихотворений, вышедшего в двух частях в начале 1816 г. Включение в состав первого тома трех стихотворений начала 1815 г.: «Пред судилище Миноса» (1 января), «Ареопагу» (4 января), «Прощание» (6 января) продиктовано их органической связью с лирикой долбинской осени (и местом создания, и характером проблематики, и творческой историей). Между этими хронологическими вехами—целый этап нравственного самоусовершенствования, выработки собственного поэтического стиля, формирования идей и образов русского романтизма.

Корпус стихотворений этого периода во всех предшествующих изданиях не был определен с необходимой точностью и в надлежащем объеме. Издатели и редакторы посмертных собраний сочинений Жуковского исключали целые пласты его лирики, находя их то «ученическими», то «не соответствующими характеру дарования поэта». Это в первую очередь касалось пансионских од и шуточных чернско-долбинских стихотворений. Кроме того, традиция издания лирики Жуковского по жанровым рубрикам («песни и романсы», «послания», «элегии», «смесь») приводила к игнорированию логики творческого развития поэта, к нарушению столь важного для поэта-романтика принципа системности, когда динамика жанрово-стилевых поисков определяла этапы его творческого развития.

Состав корпуса стихотворений 1797—1814 гг. нередко нарушался из-за ошибочности датировки многих текстов. Между тем сам Жуковский многочисленными списками своих произведений, их датировкой, иногда (в особенно важные для него периоды) буквально подневными росписями сознательно определял логику своего поэтического пути. В этом смысле его рабочие тетради с автографами или авторизованными копиями (рукою сестер Протасовых или пансионского друга В. И. Губарева) поистине лирические стенограммы, фиксирующие не только процесс работы (см. примечания к «Долбинским стихотворениям»), но и принципы отбора стихотворений, их композицию для предполагаемых изданий. В периоды лирического взрыва (для данного времени это прежде всего 1806 и 1814 г., когда

создавалось около 50 стихотворений) Жуковский особенно планомерно вел работу по систематизации своего наследия. Тщательное изучение этих тетрадей позволяет уточнить датировку многих произведений, а главное — увидеть динамику развития поэта.

В соответствии с общим хронологическим принципом внутри жанрово-родовых разделов, принятым в данном издании и в этом смысле опирающимся на общую эдиционную практику полных собраний сочинений, в первом томе сосредоточены собственно стихотворения, то есть та часть творческого наследия Жуковского, которую можно назвать лирикой (об этом см. вступительную статью «Лирика Жуковского»).

Последовательно выдержанный в пределах тома хронологический принцип позволяет видеть внутри отдельных годовых подборок жанрово-стилевые рубрики. Так, например, опыты в области эпиграмматического, басенного творчества, локализованные во времени, или же «Долбинские стихотворения», задуманные самим поэтом как некое единство в пространстве (Долбино) и времени (долбинская осень 1814 г.), дают возможность выделить их внутри общей хронологии и закрепить их целостность через особую преамбулу к их текстам. По существу такой же целостностью обладают и пансионские стихотворения 1797—1800 гг.

В пределах годовой подборки тексты располагаются в следующем порядке: сначала произведения, имеющие точную дату (число, месяц, год), затем — относящиеся к определенному периоду года (месяц, время года, половина года), наконец — безусловно датируемые годом в целом и предположительно относящиеся к произведениям этого года. Раздел «Наброски. Dubia. Недатированные тексты» войдет в конец второго тома.

В текстологическом описании источников произведений составители опирались на эдиционную практику, принятую в последние годы в академических (М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, лицейские стихотворения А. С. Пушкина) и полуакадемических («Библиотека поэта») изданиях. Выявлены и описаны все известные на сегодняшний день автографы и авторизованные копии. Заглавия стихотворений, отсутствующие в рукописях и прижизненных изданиях, но вошедшие в эдиционную практику, даются в конъектурных скобках; так же отмечены сокращения в названиях или в текстах.

В примечаниях к настоящему тому использовано большое количество материалов, проясняющих творческую историю стихотворений. Не имея возможности на данном этапе (см.: «От редакции») представить раздел «Редакции и варианты», составители в комментариях стремились отметить существенные разночтения, изменения в тексте и заглавии разных публикаций.

Большое количество адресованных стихотворений (причем речь идет не только о собственно посланиях, но и об альбомных текстах и произведениях с посвящением) способствовало разысканиям биографического характера. Все новые сведения об окружении Жуковского, его родственных и дружеских связях составили особый пласт реального комментария.

Биографическая справка об адресатах посланий Жуковского и о реальных персонажах его лирики дается или при первом упоминании его имени, или в произ-

ведении, обращенном к нему (см.: «Записка к Свечину», «Послание к Плещееву. В день Светлого Воскресения», «К доктору Фору», «К Воейкову» и т. д.).

Особое место в корпусе 1-го тома занимают так называемые чернско-долбинские стихотворения разных лет, впервые напечатанные Н. В. Соловьевым (Соловьев. Т. 1—2). Автографы некоторых из них, взятые из альбомов А. А. Воейковой, находившихся в собрании Н. А. Бреверн де ла Гарди, сегодня неизвестны (об этом см.: Вацуро В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского дома (1750—1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома. 1977. Л., 1979. С. 23). Поэтому тексты воспроизводятся по публикации Н. В. Соловьева, с исправлением явных опечаток и более точной датировкой.

Комментарий к лирике Жуковского (т. 1—2) содержит сведения о музыкальных переложениях его текстов. В данном случае использованы указатели: Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 г.): Справочник / Сост. Г. К. Иванов. Вып. 1. М., 1966; Русская литература в советской музыке: Справочник. Вып. 1 / Сост. Н. Н. Григорович, С. И. Шлифштейн. М., 1975. В соответствующих примечаниях сообщены лишь инициалы и фамилия композитора; библиографические описания публикаций нот и т. д. см. в этих справочниках.

1797

Майское утро

(«Белорумяна всходит заря...»)

(С. 19)

Автограф неизвестен.

Впервые: Приятное и полезное препровождение времени. 1797. Ч. 16. С. 286—288, с подписью: «Василий Жуковской».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: май-июнь 1797 г.

Первое печатное стихотворение Жуковского, так как, несмотря на отсутствие в первой публикации даты ц. р., можно говорить о выходе журнала в конце ноября 1797 г.

По всей вероятности, стихотворение было вызвано смертью сводной сестры Жуковского Варвары Афанасьевны Юшковой (урожд. Буниной; 1768—май 1797) и написано в Мишенском в период первых пансионских каникул. В жизни юного поэта дом Юшковых и его хозяйка, мать «соколыбельниц» Жуковского—А. П. Зонтаг и А. П. Киреевской-Елагиной, сыграли важную роль. В годы его учебы в Тульском училище и в первый год московской жизни В. А. Юшкова была для него не только крестной, но и духовной матерью, приобщая одаренного мальчика к миру театра и литературы (см.: Зонтаг. С. 12—14).

По своему настроению и тематике «Майское утро» тесно связано с прозаическим отрывком «Мысли при гробнице» (см.: Жуковский и русская культура. С. 51), появившимся одновременно и в том же издании. Очевидна связь этого первого опыта Жуковского с традицией Дмитриева, особенно с его стихотворением «Прохожий и горлица» (Резанов. Вып. 1. С. 11—12), с «Ночными размышлениями» Юнга и с державинской поэзией (Веселовский. С. 47—48), но речь в большей степени может идти о типологическом соотношении стихотворения с меланхолической поэтикой русского и европейского сентиментализма.

В письме Жуковского к И. И. Дмитриеву от 1823 г. поэт вспоминал: «Ваши стихи „Размышление по случаю грома“, переведенные из Гёте, были первые, выученные мною наизусть в русском классе, и первые же мною написанные стихи (без соблюдения стоп) были их подражанием» (СС 1. Т. 4. С. 576). И хотя еще П. А. Ефремов высказывался против предположения о том, что речь идет о «Майском утре» (С 8. Т. 1. С. 502), есть все основания думать: «стихами, написанными в подражание „Размышлению“, стало „Майское утро“ Жуковского» (Иезуитова. С. 51).

А. Янушкевич

**Ода. Благоденствие России,
устрояемое великим Ея самодержцем Павлом Первым
(«Откуда тишина златая...»)
(С. 21)**

Автограф неизвестен.

Впервые: Речь, разговор и стихи, читанные в Публичном акте, бывшем в Благородном университетском пансионе Декабря 19 дня, 1797 года. М., 1797. С. 1—8 втор. паг., с примечанием: «Читана сочинившим ее воспитанником Василием Жуковским».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 1797 г.

Как явствует из сообщения газеты «Московские ведомости» о пансионском акте 19 октября 1797 г., «после танцев и фехтования двое из воспитанников читали стихи своего сочинения: 1) Александр Чемизов: К счастливой юности; 2) Василий Жуковский Оду: Благоденствие России (...) (1797. 23 дек., № 102. Стб. 2003—2004). Кроме того, на этом же акте Жуковский от лица Праводума вместе с однокашниками Мятневым и Порошиным выступал с «Разговором о том, что всякий член общества необходимо обязан служить ему, отправляя в нем какую-нибудь должность» (см.: Речь, разговор и стихи... С. 1—17 перв. паг.).

Стихотворение принадлежит к циклу пансионских од Жуковского. Исследователи традиционно говорят о том, что Жуковский во время учебы в Московском университетском благородном пансионе (1797—1800) «отдает жанру оды обильную дань» (Иезуитова. С. 53). В работах В. И. Резанова (Вып. 1. С. 50—83), Н. А. Портновой (Вопросы русской литературы. Куйбышев, 1972. Т. 99. С. 43—55),

Р. В. Иезуитовой выявлены эстетические основы, поэтические принципы этих произведений, их связь с ораторской культурой того времени.

Уже в первой строфе оды Жуковского нетрудно увидеть переключку с образной системой знаменитой «Оды на день восшествия на всероссийский престол (...)
Елисаветы Петровны» М. В. Ломоносова. Столь же очевидна связь мотивов и образов первой оды Жуковского с жанровым канон похвальной оды Державина (Иезуитова. С. 54). Так, например, сама концепция идеального монарха, выраженная в пожелании: «под венцом быть человеком», восходит к державинскому требованию: «Будь на троне человек!» («На рождение в Севере порфирородного отрока»). Эта мысль будет особенно близка поэту и получит дальнейшее развитие в его зрелой лирике (см. послание «Государыне вел. княгине Александре Федоровне на рождение вел. князя Александра Николаевича»; 1818).

Возможно, стихотворение было создано в период коронационных торжеств 15 марта—3 мая 1797 г., связанных со вступлением Павла I на русский престол.

* *Peuple! ~ des tous mes sacrifices.*— Народ, твоим интересам я подчиняю мои, // И потребности трона—потребностям граждан. // И если мои заботы дадут вам благоприятные дни, // Я буду сполна вознагражден за все мои жертвы (*фр.*). Источник эпиграфа установить не удалось.

Ст. 10. *Росс на трофеях опочил...*— В. И. Резанов связывает этот стих с виньетками к оде Державина «На покорение Дербента...», которая представляет «молодого витязя, в шлеме, латах, со щитом и мечом, расположившегося отдохнуть на трофеях своих побед» (Резанов. Вып. 2. С. 85).

Ст. 69—70. *Он все содержит, устрояет, // Хранит все, движит и живит.*— Ср. с одой Державина «Бог»: «Кто все собою наполняет, // Объемлет, зиждет, сохраняет...// Ты цепь существ в себя вмещаешь, // Ее содержишь и живишь».

Ст. 87—88. *Из лучезарных звезд ~ венец.*— По мнению В. И. Резанова (Вып. 2. С. 99), «венец из лучезарных звезд» напоминает эмблематические рисунки Державина к его оде «Победителю», изображающие «венец вечности, носящейся в высоте», и к оде «На кончину благотворителя», воссоздающие «бессмертный венец добродетели и самый мрак освещающий» (Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1864. Т. 1. С. 232, 235, 703, 708).

А. Янушкевич

1798

Добродетель

(«Под звездным кровом тихой ночи...»)

(С. 25)

Автограф неизвестен.

Впервые: Приятное и полезное препровождение времени. М., 1798. Ч. 17. С. 153—156, с подписью: «Василий Жуковской».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 1798 г.

Два стихотворения под одним заглавием: «Добродетель», появившиеся в печати буквально друг за другом в течение нескольких месяцев, образуют своеобразную поэтическую диалогию. Первое стихотворение «Под звездным кровом тихой ночи...» — пролог к теме. Само понятие «добродетель» в нем появляется лишь в последней строфе, фиксируя момент его рождения, утверждения в человеческой жизни. Второе — подхватывает тему. Уже первые слова: «От света светов луч излился, // И добродетель родилась!» намечают ее лейтмотивное звучание как важнейшей принадлежности нравственного мира. Именно в таком соотношении обе «Добродетели» Жуковского определяют его вхождение в одну из магистральных проблем нравственной философии рубежа веков.

«Нравоучительные оды» Жуковского на тему добродетели органично вписывались в круг идей Московского университетского пансиона и его кураторов — московских масонов (И. П. Тургенев, И. В. Лопухин, М. М. Херасков, А. А. Прокопович-Антонский): именно в их просветительской деятельности, сочинениях последовательно проповедуются идеи нравственного самоусовершенствования, развиваются принципы новой морали: служение добру, справедливость, всечеловеческое братство (Резанов. Вып. 1. С. 13—50, 73—83). Массонская антропология сделала внутреннего человека объектом пристального рассмотрения, а его путь к добродетели — предметом нравственной философии. Категория добродетели у русских масонов обретает на рубеже веков статус жизненной философии, «науки познания самого себя». «Не то хорошо, чтоб жить, но то, чтоб жить добродетельно», — так И. П. Тургенев сформулировал главную задачу «познания самого себя» (Иоанна Масона. Познание самого себя... М., 1783. Ч. 1. С. 55).

Поэтически осваивая эту философию, Жуковский «следует наметившейся в конце XVIII в. тенденции к расширению жанрово-тематического диапазона оды, наиболее отчетливо выразившейся в творчестве Хераскова, „Нравоучительные оды“ которого оказали заметное воздействие на юного поэта» (Иезуитова. С. 55—56).

Ст. 28—32. *Кидая всюду страшный взор ~ Развалин следом за собой.* — А. Галахов (ОЗ. 1852. Т. 85. Отд. 2. С. 43) обратил внимание на сходство этих стихов со строфой стихотворения И. Кованько (1774 или 1775—1830) «Тленность» (Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 5). Ср.: «Кровавый всюду взор вращая (...) Сатурн несытный и суровый (...) Парят пред ним везде туманы, — А по следам развалин след».

А. Янушкевич

Добродетель

(«От Света светов луч излился...»)

(С. 27)

Автограф неизвестен.

Впервые: Речь, разговор и стихи, читанные в Публичном акте, бывшем в Благородном университетском пансионе. Декабря 22 дня 1798 года. М., 1798. Пе-

репечатано: И отдых в пользу, или Собрание сочинений и переводов в стихах и прозе: Труды Воспитанников Университетского благородного пансиона. М., 1804. С. 38—42, с подписью: «В. Ж.» и ошибочным примечанием на с. 42: «Стихи читаны в Акте на Публичном Пансионском Экзамене 1800 году Декабря 20 дня».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 1798 г.

«Московские ведомости» так освещали пансионский акт 22 декабря 1798 г.: «после танцев и фехтования двое из воспитанников читали стихи своего сочинения: 1) Василий Жуковский под заглавием „Добродетель“, а 2) Семен Родзянка: Любовь к отечеству (...) (1798. № 103. Стб. 2030—2031). Показательно, что рядом с «Добродетелью» в «Речи, разговоре... Декабря 22 дня 1798 года» помещен перевод на французский язык оды Державина «Бог», сделанный Жуковским совместно с С. Родзянкой.

В разработке темы добродетели как истории борьбы за ее принципы в «век железный» Жуковский обращается к образной системе книги Сен-Мартена «О заблуждениях и истине...», но обращение к «доблести Славянинов» придает поэтической рефлексии Жуковского вполне современный характер. Заключительные слова стихотворения воспринимаются как поэтический постскрипtum к трактатам наставников юного пансионера — И. В. Лопухина и И. П. Тургенева.

А. Янушкевич

1799

**Его Превосходительству, Господину Тайному Советнику,
Императорского Московского университета куратору и кавалеру
МИХАИЛУ МАТВЕЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ**

**на случай получения им ордена св. Анны 1-й степени,
от воспитанников Университетского Благородного Пансиона**

(«Еще Херасков, друг Минервы...»)

(С. 30)

Автограф неизвестен.

Впервые: отд. изд., с подписью: «Восп.(итанник) Васил.(ий) Жуковский» и датой: «1799-го года, марта 16 дня».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Репечатано: БЗ. 1859. Т. 2. № 17. С. 542—543.

Печатается по тексту БЗ.

Датируется: 16 марта 1799 г. на основании указания в первом изд.

В БЗ это стихотворение было опубликовано М. Н. Лонгиновым со следующей преамбулой: «Недавно попался мне длинный лист синеватой бумаги, на котором

напечатаны не известные до сих пор библиографам стихи шестнадцатилетнего Жуковского (...). Сообщаем читателям нашу находку, сохраняя текст ее с дипломатической точностью» (С. 542). Наши попытки разыскать этот листок в отечественных книгохранилищах пока не увенчались успехом.

Далее М. Н. Лонгинов замечает: «Известно, что Херасков (род. 25 октября 1733, ум. 27 сентября 1807) был с 1778 по 1803 г. куратором Московского ун-та и, следовательно, начальником университетского благородного пансиона. Он оставил самую добрую память во всех студентах и воспитанниках того времени, и нет никакого сомнения, что все они разделяли чувства, выраженные Жуковским в приведенном нами стихотворении, которое носит на себе отпечаток его поэзии, несмотря на свою немногочисленность» (С. 542).

О справедливости последних слов публикатора говорит следующий факт: свою речь на пансионском акте 14 ноября 1798 г. под заглавием «Добродетель» Жуковский заключил такими словами: «Мы не возмутим тишины вашей [умерших кураторов.—А. Я.] уклонением от пути добродетели. Херасков, добрый, чувствительный, незабвенный основатель сего благотворного места, воспитанию благородных юношей посвященного,—Херасков с досточтимыми своими сотрудниками нас руководствует... И семена премудрости и добродетели, насажденные во дни юности в умах и сердцах наших, возрастут в дерево великое, коего плоды будем мы собирать и в самой вечности» (ПСС. Т. 9. С. 9).

А. Янушкевич.

Могущество, слава и благоденствие России

(«На троне светлом, лучезарном...»)

(С. 30)

Автограф неизвестен.

Впервые: Речь, разговор и стихи, читанные в Публичном акте, бывшем в Университетском благородном пансионе. Декабря 21 дня 1799. М., 1799. С. 5—8.

Перепечатано: УЗ. М., 1800. Кн. 1. С. 1—9, с подписью: «Василий Жуковский». Имеются небольшие изменения стилистического характера.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту УЗ.

Датируется: конец 1799 г.

«Московские ведомости», информируя о торжественном акте 21 декабря 1799 г., сообщали: «После танцев и фехтования двое из воспитанников читали стихи своего сочинения: 1) Семен Родзянка под заглавием „Слава“, 2) Василий Жуковский под заглавием „Могущество, слава и благоденствие России“» (1799. № 103. Стб. 2139—2140). Здесь же говорилось о лучших картинах воспитанников, которые «остаются в пансионской зале—Василия Жуковского, Павла Чернявского и Аггея Абазы» (Стб. 2140).

По мнению В. И. Резанова, «вся ода Жуковского (...) соткана по чужой канве, чужими узорами, из чужих материалов» (Резанов. Вып. 1. С. 108). Многочисленные точки сближения молодого поэта с мотивами и образами его великих пред-

шественников — Ломоносова и Державина, выявленные исследователем (Там же. С. 102—108), достаточно убедительны, но вместе с тем свидетельствуют и об оригинальности автора.

Осваивая традицию торжественной оды, Жуковский ищет новый стиль для русской гражданской поэзии. Его масштабные панорамные картины России органично соотносятся с образами мирной жизни и темой творческого вдохновения. Ода как «ораторский жанр» обретает наряду с риторическим пафосом определенную повествовательность и лиризм. И в этом смысле она открывает перспективы творческого развития молодого поэта, будущего автора «Песни барда над гробом славян-победителей», «Певца во стане русских воинов».

Ст. 29. *«Мой сын!» — гласит ему Россия...* — Образ «радостной России» и картины ее величия восходят к «Слову похвальному имп. Елизавете Петровне...» М. В. Ломоносова (см.: Резанов. Вып. 1. С. 103—104). О чтении Жуковским этого «Слова...» и об отношении его к традиции похвальных слов Ломоносова см.: БЖ. Ч. 1. С. 61—66.

Ст. 94—108. *Тягчат сокровищами брег ~ Цари сокровища мне шлют...* — В описании дани, которую приносят России разные народы, Жуковский опирался вновь на традицию Ломоносова. «Стихи эти, — замечает исследователь, — представляют собственно перифраз и распространение известной летописной речи Святослава о Переяславле, которая Жуковскому должна была стать известной по „Древней Российской истории“ Ломоносова» (Резанов. Вып. 1. С. 106). По мнению того же автора, «Жуковский имел перед собою образец в стихах Державина — в „Описании Потемкинского праздника“» (Там же).

Ст. 110—111. *Текут для юношей струи // Премудрости, нравоученья...* — Отзвук знаменитого ломоносовского стиха «Науки юношей питают» из «Оды на день восшествия <...> имп. Елизаветы Петровны 1747 года».

Ст. 116. *Там Праксителев ученик...* — Имеется в виду древнегреческий скульптор Пракситель (IV в. до н. э.).

Ст. 121. *Там холст под кистью Апеллеса...* — Апеллес (2-я пол. IV в. до н. э.), древнегреческий художник, мастер монументальной живописи.

Ст. 162. *Главу Россия подняла, // Престол ее, вознесишь к небу, // Рассытал на вселенну тень...* — ср. характеристику деяний Петра I в «Оде на день восшествия <...> имп. Елизаветы Петровны 1747 г.»: «<...> он вознес // Главу, победами венчанну, // Россию, грубостью попоранну, // С собой возвысил до небес».

Ст. 163. *Ее Алкиды загремели...* — Алкид (Геракл), герой древнегреческих мифов, символ мужества и героизма.

Ст. 173. *И царства падшие подьмет...* — К этому стиху Жуковский сделал следующее примечание: «Это писано около того времени, когда войска российские одерживали победы в Италии под командою Генералиссимуса» (имеется в виду А. В. Суворов).

А. Янушкевич.

Стихи на Новый 1800 год
(«Из недра вечности рожденный...»)
(С. 35)

Автограф неизвестен.

Впервые: Московские ведомости. 1800. № 1. 4 янв. С. 1, с подписью: «Василий Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: конец 1799 г. по содержанию.

Стихотворение Жуковского, как и две его «Добродетели», диалогически соотносится со стихотворением «К Тибуллу. На прошедший век». Если первое стихотворение — гимн рождению Нового года и связанных с ним надежд, то второе — рефлексия о быстротечности бытия.

Стихотворение открывало номер известной московской газеты; оно было напечатано прямо под титулом издания, на первой же странице и становилось уже достоянием не только пансионско-университетских кругов, но и широкой общест-венности.

А. Янушкевич

1800

К Тибуллу
На прошедший век
(«Он совершил свое течение...»)
(С. 37)

Автограф неизвестен.

Впервые: УЗ. 1800. Кн. 1. С. 16—17, с подписью: «В. Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: начало 1800 г. по содержанию.

Стихотворение Жуковского находится на страницах первой книжки УЗ в большом контексте его раннего творчества. 35 статей, которые «характеризуют направление деятельности „Собрания воспитанников“ Университетского Благородного Пансиона за первые годы его существования» (Резанов. Вып. 1. С. 122—123), включали 5 произведений молодого поэта: под № 1 — «Могущество, слава и благоденствие России», под № 3 — «К Тибуллу. На прошедший век», под № 4 — статья «К надежде», под № 11 и 25 соответственно прозаические опыты — «Мысли на кладбище» и «Истинный герой».

Как уже отмечено исследователями, на стихотворении «сказалось влияние оды Державина „На смерть князя Мещерского“» (Резанов. Вып. 1. С. 122). Нельзя не

увидеть в нем отзвуки «Послания к Александру Алексеевичу Плещееву» (1794) и стихотворения «Опытная Соломонова Мудрость, или Выбранные мысли из Екклезиаста» (1797) Н. М. Карамзина, где важнейший образ Екклезиаста (1. 9—10) обрел новое поэтическое выражение: «Ничто не ново под луною».

Обращение к Тибуллу, последовательно проходящее через весь текст стихотворения, думается, не поэтическая условность. Мотивы и образы 1-й элегии из первой книги римского поэта Альбия Тибулла, известной Жуковскому по переводу И. И. Дмитриева, напечатанному в пансионском изд. «Приятное и полезное препровождение времени» (1795. Ч. 8. С. 8), получили у Жуковского оригинальный отклик. Жуковский позднее, около 1805 г., предполагал перевести эту элегию Тибулла. В список произведений для перевода он в раздел «Элегии» включает ее наряду с «элегиями из Парни» (РНБ, оп. 1, № 79, л. 8; ср.: Резанов. Вып. 2. С. 252).

А. Янушкевич

Платону неподражаемому, достойно славящему Господа

(«Платон, великий муж, когда ты прославлял...»)

(С. 38)

Автограф неизвестен.

Впервые: Ипокрена. 1801. Ч. 8. С. 64, с подписью: «В. Жуковский. Вифания. 25 декабря 1800».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 25 декабря 1800 г. на основании указания в тексте первой публикации.

Митрополит Московский и Коломенский Платон (в миру Петр Егорович Левшин; 1737—1812) заслужил у современников название «второго Златоуста» и «московского апостола». Его речи и проповеди были популярны и изданы при его жизни в 20-ти томах. Любимым местопребыванием митрополита в последние годы его жизни была пустынь Вифания, разросшаяся в монастырь и семинарию, близ Троице-Сергиевой лавры.

Поводом к написанию стихотворения послужило «Слово на день Рождества Христова», произнесенное Платоном в Троице-Сергиевой лавре 25 декабря 1800 г., о чем свидетельствует указание в печатном тексте Слова: «Говорено 1800 года, Декабря 25 дня, в Троицкой Лавре».

Пафосом проповеди митрополита стали слова из текста Евангелия от Иоанна: «Явих имя Твое человеком» (Иоанн. 17. 6). Звучащие рефреном, они прославляли «кроткого отца в Зиждителе вселенной». Вот лишь один фрагмент из этой речи: «О Господи Саваоф! яви нам несчастным человекам другое и новое имя Твое; имя, кое изъясляло бы Твое о нашем несчастии сострадание; имя, кое в нашей горести подало бы нам утешение; имя, которое ободрило бы нас благою надеждою; имя, которое бы заключало Твое милосердие к нам грешным, и любовь отеческую к нам, блудным детям; имя, в коем открывалась бы тайна нашего оправдания и спасения, им же образом весть премудрость Твоя. Сострадание, снисхождение, про-

шение, помилование, кротость, любовь суть свойства Отческие. *Явих имя Твое человеком* (...) Прежде явления Христова нигде и никогда Бог не был призываем и поклоняем под именем Отца» (Поучительные слова Святейшего правительствующего Синода членом, Высокопреосвященнейшим Платоном, Митрополитом Московским и Коломенским, Свято-Троицким Сергиевой лавры Священно-архимандритом, и Орден св. Апостола Андрея и св. Александра Невского кавалером проповеданные. М., 1803. Т. 19. С. 273—274). Именно эти слова проповеди Платона и вызвали поэтический отклик молодого Жуковского.

Жуковский вместе со своими пансионскими друзьями присутствовал при произнесении речи и пережил, видимо, то же состояние, о котором говорил его душевный друг Андрей Тургенев в письме к Андрею Кайсарову из Вены от 26 дек. 1802 г.: «Сейчас вспомнил я то счастливое Рождество, когда мы все были у Троицы (...). Помнишь ли, что мы слушали тогда проповедь прекрасную Платона, которая до слез меня тронула, как он возгласил: „Отец!“» (АБТ. Вып. 2. С. 49—50). Близкий к семье Тургеневых, прежде всего к отцу семейства — Ивану Петровичу (см.: ЖМНП. 1910. Ч. 26. Март. С. 11—14 втор. паг.), митрополит Платон оказал влияние и на формирование молодого Жуковского.

А. Янушкевич

Мир

(«Проснись, пифийского поэта древня лира...»)

(С. 38)

Автограф неизвестен.

Впервые: Речь, разговор и стихи, читанные в Публичном акте, бывшем в Благородном университетском пансионе. Декабря 22 дня, 1800 года. М., 1800. С. 21—24, с подписью: «В. Жуковский».

Перепечатано: УЗ. 1803. Кн. 2. С. 84—91, с подписью: «В. Ж.», с небольшими изменениями стилистического характера и пропуском 7-й строфы.

Печатается по тексту УЗ.

Датируется: декабрь 1800 г.

О чтении оды «Мир» на Публичном акте пансиона сообщала газета «Московские ведомости» (1800. № 103. 26 дек. Стб. 2245—2246).

При перепечатке текста в УЗ после ст. 40 была опущена 7-я строфа:

Беспечно селянин поля там засекает,
Лишь потом их своим, не кровью орошает,
Супруг спокойно спит супруги на руках,
И в самом сне своем, в пленяющих мечтах,
Еще свое блаженство видит.

Пропуск строфы объяснить причинами эстетического характера не представляется возможным. Не исключено, что появившийся в промежуток между первой и второй публикацией «Мира» перевод «Сельского кладбища» повлиял на это решение поэта в связи с явной их переключкой.

Стихотворение написано в духе ломоносовских од и связано с окончанием военных действий русских войск под руководством А. В. Суворова в Италии.

Ст. 1. *Проснись, пифийского поэта древня лира...*— К этому стиху в публикации УЗ Жуковский сделал примечание: «Пиндар. Вторая и третья строфа взяты из одной его оды». Вероятно, речь идет о 8-й Пифийской оде древнегреческого поэта Пиндара (522 или 518—446 до н. э.), написанной в обстановке вспыхнувшей войны между Афинами и Спартой и воспевающей тишину и мир. Ср.: Пиндар. Вакхилид. Оды, фрагменты. М., 1980. С. 98.

Ст. 75. *Но стой, Росс! опочий—се новый век глядет!*— К публикации УЗ сделано примечание: «Стихи эти читаны в Декабре 1800 года на Публичном акте в Пансионе».

А. Янушкевич

Герой

(«На лоне облаков румяных...»)

(С. 41)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, оп. 1, № 12, л. 1—4)—неизвестной рукою, с указанием: «Василий Жуковской», в отдельной тетрадке на бумаге с водяным знаком 1797 г.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 1. С. 10—11.

Печатается по тексту ПСС.

Датируется: предположительно 1800 г.

Принадлежность данного стихотворения Жуковскому специально не была оговорена ни первым публикатором А. С. Архангельским, ни в последующих изданиях. Главным основанием включения текста в корпус лирики Жуковского был сам факт наличия копии стихотворения в черновых бумагах поэта, хотя отдельная тетрадка с его текстом была приплетена к № 12 позднее и является частью конволюта.

Основанием для доказательства авторства Жуковского могут быть прежде всего факты творческой биографии поэта пансионского периода. Стихотворение «Герой» автореминисцентно по отношению к стихотворению 1798 г. «Добродетель» («От Света светов луч излился...»). Не только отдельные мотивы и образы этого стихотворения, но и прямые словесные переключки определяют их внутреннюю связь: «Героем тот лишь назовется, // Кто добродетель красну чтит...» Но, пожалуй, особенно наглядно это проявляется в концовках стихотворений, буквально повторяющих друг друга. Ср.: «Добродетель» — «Но солнце ваших дней затмится, // Зарю оставя по следам...»; «Герой» — «И солнце дней моих затмится, // Зарю оставя по себе...»

Общая концепция и образная система стихотворения «Герой» тесно связана и с прозаическим отрывком Жуковского «Истинный герой», написанным в 1800 г., опубликованным в УЗ (1800. Кн. 1) и являющимся конспектом-планом данного стихотворения.

Именно связь с этими пансионскими произведениями и позволяет высказать предположение о датировке стихотворения «Герой» временем пребывания Жуковского в пансионе, т. е. не позднее 1800 г.

Ст. 19. *То славы храм чело вздымает...*— По мнению В. И. Резанова, «эта ротонда— „храм славы“, тот самый, который представлен воздвигнутым в лучах на высоком утесе на многих виньетках, украшающих издания XVIII в.: см., напр. „Российский Феатр“ (...), рисунки к одам Державина „На умеренность“, „На тщету земной славы“» (Резанов. Вып. 2. С. 88).

Ст. 34—35. *Се, вижу, сердцу милый Тит, // Се Антонины, Адрианъ...*— Имеются в виду римский имп. Флавий Веспасиан Тит (39—81), прославившийся своей справедливостью и получивший прозвище «любовь и утешение человеческого рода», а также другие римские имп.: Адриан Пий Элий (76—138) и его наследник Антонин Пий (86—161), считавшиеся носителями миролюбия и созидания.

Ст. 41. *О Александр, тщеславный, буйный...*— Речь идет о полководце Александре Македонском (356—323 до н. э.), прославившемся прежде всего своими военными кампаниями.

А. Янушкевич

1801

Элегия

(«Вечерний колокол печально раздаётся...»)

(С. 45)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 12, л. 5—6 об.— черновой, с заглавием: «Элегия, писанная на сельском кладбище. Из Грая». Ст. 1—146, без эпитафии.

2) РНБ, оп. 2, № 21, л. 3—7— черновой, с заглавием: «Элегия», с подписью: «Василий Жуковский».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 1. С. 13—15 — по автографу № 1.

Печатается впервые по автографу № 2.

Датируется: первая половина 1801 г.

Стихотворение является первым опытом обращения Жуковского к знаменитой элегии английского поэта-сентименталиста Томаса Грея (Thomas Gray; 1716—1771) «Elegy, Written in a Country Church-Yard» (1751).

Сочинения Грея широко представлены в библиотеке поэта (Описание. № 808, 1171—1172) как отдельными изданиями, так и в составе антологии произведений лучших английских поэтов (№ 808).

Время создания первой редакции «Сельского кладбища» может быть определено на основе косвенных свидетельств концом 1800 — началом 1801 г. В автобиографии «Прошедшая жизнь» Жуковский говорит именно о ней (так как далее спе-

циально отмечает: «Вторичный перевод Греевой элегии») в следующем контексте: «Вступление в Соляную контору. М.(альчик) у ручья. Греева элегия. Литературное собрание.(...) С Карамзиным. Смерть государя» (Дневники. С. 38—39). Все перечисленные события произошли в период с 21 февраля 1800 г. по 19 марта 1801 г., что дает основание говорить о завершении работы над переводом в первой половине 1801 г.

Этот перевод был хорошо известен окружению Жуковского. Так из письма Андрея Тургенева к Жуковскому от 10—14 декабря 1801 г. известно, что М. Н. Свечина «вспомнила о Греевой „Элегии“, которую называет прекрасною» (Письма Андрея Тургенева. С. 378). Заслуживает внимания свидетельство мемуариста о том, что «Грееву элегию „Сельское кладбище“ перевел Жуковский еще в пансионе первый раз в 1801 г.» (Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 182), хотя оно явно с чужих слов, да и не совсем точно: в 1801 г. Жуковский уже не учился в пансионе. Но это свидетельство позволяет предполагать, что уже в последний год учебы, т. е. в 1800 г., Жуковский начал свою работу над переводом. Нельзя не учитывать и замечание другого мемуариста, биографа Жуковского, о создании этого варианта элегии в Мишенском в 1801 г. (Зейдлиц. С. 21—22). Скорее всего, автограф № 1 был создан вскоре после окончания пансиона, а затем был перебелен летом 1801 г. в Мишенском (см. автограф № 2).

По свидетельству М. А. Дмитриева, «Жуковский принес свой перевод к Карамзину для напечатания в начинающемся в 1802 г. „Вестнике Европы“, но Карамзин нашел, что перевод нехорош» (Дмитриев М. А. Указ. соч. С. 182).

О времени знакомства Н. М. Карамзина с этим вариантом перевода можно говорить гипотетически: скорее всего, это произошло в Свирлове уже после женитьбы Карамзина на Е. И. Протасовой и по приезде Жуковского из Мишенского, в августе-сентябре 1801 г. Замысел издавать журнал возник у Карамзина летом 1801 г. (9 октября в «Московских ведомостях», № 81 появилось объявление о его издании). По всей вероятности, Жуковский готовил перевод именно для карамзинского журнала.

Еще сложнее говорить о характере замечаний Карамзина, но сравнение двух автографов позволяет выявить направление переработки текста: Жуковский дополняет перевод эпитафией, придает ему более обобщенный смысл за счет заглавия «Элегия» и снятия подзаголовка, указывающего на источник перевода (кстати, это изменение соотносится с «Элегией» Андрея Тургенева, над которой он работал в это же время). Подпись: «Василий Жуковский» во втором автографе, как и его законченность, дают основания говорить о том, что именно он отражает последнюю стадию работы над 1-й редакцией и может быть источником ее публикации.

Традиционно этот текст перевода элегии Грея печатался в разделе «Варианты и редакции» (см.: Стихотворения. Т. 1. С. 334—339) по автографу № 1. Думается, есть все основания включить его в основной корпус стихотворений Жуковского, так как это важный этап в развитии его лирики, и печатать его по автографу № 2, отражающему последнюю волю поэта.

Ст. 1. *Вечерний колокол печально раздаётся...*— «В Англии со времен Вильгельма Завоевателя обыкновенно по вечерам в восемь часов звонят, для напоминания,

чтоб всяк скрывал огонь и гасил свечи» (Покоящийся трудолюбец. 1785. Ч. 4. С. 187).

Ст. 72. *Там, может быть, лежит неведомый Мильтон...*— Джон Мильтон (1608—1674), великий английский поэт, автор поэмы «Потерянный рай».

Ст. 74. *Там, может быть, Кромвель неукротимый...*— Оливер Кромвель (1599—1658), деятель английской буржуазной революции XVII века.

Э. Жилыкова

Человек

(«Ничтожный человек! что жизнь твоя? — Мгновенье...»)

(С. 49)

Автограф неизвестен.

Впервые: Речь, разговор и стихи, читанные в Публичном акте, бывшем в Университетском благородном пансионе. Декабря 21 дня 1801 года. М., 1801. С. 15—21.

Перепечатано: УЗ. 1803. Кн. 2. С. 9—18, с подписью: «В. Жуковский», незначительными стилистическими изменениями и без последней строфы.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту УЗ.

Датируется: конец 1801 г.

Основанием для датировки являются слова из письма Андрея Тургенева к Жуковскому от 10—14 декабря 1801 г.: «сказал, что ты пишешь оду и что первый куплет самый отчаянный» (Письма Андрея Тургенева. С. 378). Общий контекст письма—воспоминание о первом переводе Жуковским Греевой «Элегии», размышление о новом расположении духа позволяют с уверенностью говорить, что речь идет о его оде «Человек». В. И. Резанов отмечал ее переключку с кругом влияний, «испытанных нашим поэтом в пансионе», имея в виду «Размышления в вечерние часы» Хр. Штурма, «Книгу премудрости и добродетели» Додслея, перевод И. П. Тургеневым книги Иоанна Масона «Познание самого себя» (Резанов. Вып. 1. С. 167—173).

Хотя стихотворение было прочитано на публичном акте в пансионе, оно уже отражало новое состояние Жуковского после окончания учебы и было связано с его службой в Соляной конторе, с неопределенностью положения, с новыми литературными пристрастиями, продиктованными атмосферой Дружеского литературного общества.

В первоначальном варианте текста последняя строфа, отброшенная в публикации УЗ, звучала так:

О вы, птенцы наук, путь жизни перед вами!
Теките, ополчась премудрости мечом,
Изгнав из сердца страх — и бледных бедствий сонм
Исчезнет как туман пред дневными лучами;
Вас радость, слава, вечность ждут.

По всей вероятности, снятие этих стихов, актуальных для чтения на публичном акте в пансионе из-за прямой обращенности к его воспитанникам, публикации 1803 г. придавало большую этико-философскую обобщенность.

Созданная «в подражание Юнгу» (см.: Левин. С. 260), ода Жуковского была уже в большей степени ориентирована на поэзию русского сентиментализма, прежде всего Н. М. Карамзина. Как убедительно показала Н. Д. Кочеткова, «кроме явных параллелей с письмами Мелодора и Филалета здесь можно обнаружить и соотнесенность со стихотворением Карамзина „К самому себе“» (Ж. и русская культура. С. 193).

Необходимо учитывать соотношение оды Жуковского с одой Державина «Бог». Номинация двух од, их юнговско-вольтеровский подтекст позволяют говорить о корректности такой историко-литературной параллели. Это тем более интересно в контексте перевода в 1798 г. юным Жуковским (вместе с С. Е. Родзянкой) на французский язык оды Державина, текст которого пансионеры послали Державину сразу же после его публикации. Ср.: «Плененные редкими, неподражаемыми красотами оды Вашей „Бог“, мы осмелились перенести ее на французский язык, и Вам на суд представляем перевод свой» (письмо от января 1799 г.— СС I. Т. 4. С. 557).

* *A Worm! a God! Young.*— О червь! О Бог! Юнг (*англ.*). Эпиграф восходит к 1-й песне «Ночей» английского поэта-сентименталиста Эдварда Юнга (1683—1765). Этими же словами до Жуковского воспользовался Державин в оде «Бог». Ср.: «Я царь,— я раб,— я червь,— я Бог!» (об этом см.: Резанов. Вып. 1. С. 168—169; Левин. С. 260).

Ст. 32. ... *а жизнь — с бедами брань*...— К этим словам Жуковский сделал примечание: «Юнг», «подразумевая то место из II „Ночи“, где говорится: „Life is war; eternal war with woe“ („Жизнь — война, вечная война с бедствиями“ — Night II. 9—10)» — Левин. С. 260.

Ст. 50. *Пред взором Вечного ничто?*..— Жуковский сопроводил этот стих примечанием: «Вольтер». Ср. с одой Державина «Бог»: «А я перед тобой — ничто».

Ст. 66. *Познай себя, познай!*..— Этот призыв находится в тесной связи с идеями Московского университетского пансиона, нашедшими свое выражение в новиковских изд., и прежде всего в книге Иоанна Масона «Познание самого себя», которую в 1783 г. перевел И. П. Тургенев. Гл. 1 «Важность и свойство сего познания» открывалась словами: «Познай самого себя», которые были выделены курсивом и напечатаны посреди отдельной строки (см.: Иоанна Масона. Познание самого себя (...). Перевел И. (ван) Т. (ургенев). М., 1783. С. 4).

А. Янушкевич

1802

Сельское кладбище

Элегия

(«Уже бледнеет день, скрываясь за горою...»)

(С. 53)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 1—3)—черновой, с заглавием: «Сельское кладбище. Греева Элегия».

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13. л. 5—10 об.—рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского, с заглавием: «Сельское кладбище. 1802 года в сентябре».

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 25—27—рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и заглавием: «Сельское кладбище. Греева Элегия».

Впервые: ВЕ. 1802. Ч. 6. № 24. Декабрь. С. 319—325—с заглавием: «Сельское кладбище, Греева элегия, переведенная с английского» и подзаголовком: «Переводчик посвящает А. И. Тургеневу», с подписью: «В. Жуковский».

В прижизненных изданиях: УЗ. 1803. Кн. 2. С. 103—114; Пантеон русской поэзии, изд. Павлом Никольским. СПб., 1814. Ч. 1. С. 85—92; Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб., 1816. Ч. 5. С. 3—9; С 1—5; в С 1—2 (отдел «Смесь») отнесено к 1801, в С 3—4 (отдел «Элегии»), в С 5 отнесено к 1802 г. и снято посвящение А. И. Тургеневу.

Датируется: май-сентябрь 1802 г. на основании творческой истории и указаний копии № 1.

Элегия Т. Грея «Сельское кладбище» была известна в русских переводах еще в XVIII в. Но прозаические переложения с французского перевода П. Летуэрнера не сделали ее фактом русского литературного сознания. По замечанию исследователя, «решающее значение в истории восприятия Грея в России имел перевод В. А. Жуковского «Сельское кладбище» (Левин. С. 248; там же, с. 274—276—библиография русских переводов элегии). Одновременно с Жуковским делает перевод элегии П. И. Голенищев-Кутузов (подробнее см.: Янушкевич. С. 44—45), но именно перевод Жуковского, по определению Вл. Соловьева, «может считаться началом истинно человеческой поэзии», «родиной русской поэзии» (ВЕ. 1897. № 11. С. 347).

Второе обращение Жуковского к элегии Грея (см. примеч. к «Элегии» 1801 г.) относится к маю-сентябрю 1802 г. Этот перевод был сделан в Мишенском, о чем Жуковский вспоминал в письме А. П. Зонтаг от 29 января 1833 г.: «(...) хочу у подошвы Швейцарских гор посидеть на том низком холмике, на коем стоял наш Мишенский дом со своею смиренною церковью, на коем началась моя поэзия Греевой элегией» (УС. С. 109). А. П. Зонтаг в статье «Несколько слов о детстве Василия Андреевича Жуковского» (1849) писала: «Летом на вакации Василий Андреевич приезжал к нам в Мишенское (...). Местоположение Мишенского прекрасно; оно часто вдохновляло юного поэта. Тут, в 1802 г., на холме возле церкви трудился он над переводом первой своей пьесы, обратившей на него внимание пуб-

лики: Греевой элегии „Сельское кладбище“» (Зонтаг. С. 13). Наконец, в предисловии к своему третьему переводу «Сельского кладбища» (1839) Жуковский сообщил: «Греева элегия переведена мною в 1802 году и напечатана в „Вестнике Европы“, который в 1802 и 1803 г. был издаваем Н. М. Карамзиным. Это мое первое печатное стихотворение» (Современник. 1839. Т. 16. С. 216). Насчет «первого печатного стихотворения» Жуковский был не совсем точен, но, несомненно, Жуковский как поэт начинается именно с этой публикации.

Творческая работа Жуковского над элегией продолжалась и после ее публикации в ВЕ. Вплоть до последнего прижизненного собрания стихотворений (С 5) он вносил в ее текст существенные исправления. Направление этого процесса было связано с углублением нравственно-философского содержания и разработкой принципов психологического анализа, нового элегического языка.

Прежде всего, Жуковский усиливает минорную элегическую суггестию, формируя русский тип «кладбищенской элегии» (подробнее см.: Вацуро. С. 52—73). Ср. ст. 8—9 ВЕ: *«Лишь дикая сова, стена под древним сводом // Мохнатой башни сей, витит перед луной»* — С 1—5: *«Лишь дикая сова, таясь под древним сводом // Сей башни, сетует, внимаема луной...»*.

В изображении мечтательного поэта и чувствительного героя, похороненного на сельском кладбище, акцентируются душевная сосредоточенность, уныние и одиночество. Ср. ст. 112 ВЕ: *«Лежал над тихою, прекрасною рекой»* — С 1—5: *«Лежал, задумавшись, над светлою рекой»*; ст. 117 ВЕ: *«Грустя, задумавшись, тоскоюотягченный»* — С. 1—4: *«Прискорбный, сумрачный, с главою приклоненной»*.

Одновременно Жуковский, в отличие от «Элегии» Андрея Тургенева, усиливает светлую интонацию при описании земного бытия. Он вводит в текст старославянизмы, придающие описанию торжественность, и внедряет элементы сельской идиллии. В работе над переводом в С 1—5 четко просматривается тенденция Жуковского «просветлить» и смягчить настроение уныния и тревоги перед бездной смерти мыслью о бессмертии души каждого из смертных, равных перед судьбой, и вечной духовной связи за пределами земной жизни. Ср. ст. 94 ВЕ, С 1—2: *«Надеется друзьям оставить пепел свой»* — С 3—5: *«Надеется друзьям оставить пламень свой»*; ст. 103 С 1—2: *«И к гробу твоему, тоскою заведенный»* — С 3—5: *«И к гробу твоему мечтой сопровожденный»*; ст. 140, С 1—4: *«Кто знает, что нас ждет за гробовой доской»* — С 5: *«С надеждою, что жив Спаситель-Бог»*.

Многочисленные изменения в С 1—5 связаны с работой Жуковского над одическим строем, отчетливо выражающим идею поэта о значимости человеческого достоинства как высшей нравственной ценности, о социальном равенстве людей. Жуковский варьирует темы, интонации, усложняя одическую структуру «внедрением элегизирующих ее стилевых включений» (см.: Топоров. С. 233). Ср. ст. 38 ВЕ: *«Не смейте спящих здесь безумно укорять»* — С 1—5: *«Напрасно спящих здесь спешите презирать»*; ст. 62 ВЕ: *«Защитник сельских прав, тиранства смелый враг»* — С 4—5: *«Защитник сограждан, тиранства смелый враг»*.

Во второй редакции «Сельского кладбища» определилась художественная система Жуковского, давшая язык русской элегии и получившая развитие во всей его лирике. «Греевский слой» явственно ощутим в его оригинальных произведе-

дениях — в «Вечере», «Певце», «Славянке», «На кончину Ея Величества королевы Виртембергской» и др.

«Сельское кладбище» положило начало целому этапу в истории русской поэзии и явилось эталоном жанра элегии. В этом плане характерно признание К. Н. Батюшкова в письме 1817 г.: «Мне хотелось бы дать новое направление моей крохотной музе и область элегии расширить. К несчастью моему, тут-то я и встречаюсь с тобой. „Павловское“ и „Греево кладбище“! (...) Они глаза колют» (Батюшков. Т. 2. С. 442). Язык «Сельского кладбища» со своей « пленительной сладостью » вошел как целое важной составной частью в фонд русского поэтического языка» (Топоров. С. 208). На этой традиции выростала поэзия Пушкина и поэтов его круга (подробнее см.: Вацуро. С. 48—73).

Плодотворным оказался жанровый синтез оды и элегии, соединение высокой патетики и проникновенного лиризма для Лермонтова в «Смерти поэта». С перевода Жуковского, по мнению С. С. Аверинцева, начинается «русский лиризм в (...) особом, самоуглубленно-лакримозном смысле» (ТОДРЛ. Т. 50. С. 709).

Перевод Жуковского стал известен и в Англии уже при его жизни, так как он вошел в «Российскую антологию» (Specimens of the Russian Poets. L., 1821), изд. Джоном Баурингом (Bowring, 1792—1872).

Ст. 8. *Лишь слышится вдали рогов унылый звон...* — Почувствовав двусмысленность перевода этого стиха, Жуковский снабдил его примечанием при публикации в ВЕ: «В Англии привязывают колокольчик к рогам баранов и коров». Имелось оно и в других публикациях и только в С 1—5 было снято.

Ст. 61. *Быть может, пылью сей покрыт Гампен надменный...* — Джон Гампен (1596—1643), богатый английский землевладелец, прославившийся своим отказом уплатить в пользу короля ничтожную корабельную подать, как незаконную, и сыгравший впоследствии заметную роль в английской революции.

Э. Жилякова

1803

Стихи, сочиненные в день моего рождения

К моей лире и к друзьям моим
(«О лира, друг мой неизменной...»)
(С. 58)

Автограф неизвестен.

Впервые: УЗ. 1803. Кн. 2. С. 169—171 — с подписью: «В. Жуковской».

Перепечатано: Муза новейших российских стихотворцев. М., 1814 — с подписью: «Жуковский», без всяких изменений.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту УЗ.

Датируется: 27 января 1803 г. по времени первой публикации и на основании содержания стихотворения.

Стихотворение, написанное за полгода до смерти Андрея Тургенева, несмотря на меланхолический колорит, передает атмосферу Дружеского литературного общества. Обращение «к моей лире» позволяет говорить о нем как о своеобразном первом эстетическом манифесте поэта, идеи и образы которого получают свое развитие в стихотворении «К поэзии».

Ст. 20—32. *Простой, укромный уголок ~ Сбегитесь к хижине моей.*— По мнению В. И. Резанова, эти «мечты поэта (...) напоминают подобные же мечтания Маттисона» (Резанов. Вып. 2. С. 216). И далее исследователь цитирует восьмистишие из стихотворения немецкого поэта Фридриха фон Маттисона «Der Genfersee», имеющего переключки с приведенным отрывком. Исследователь также говорит о влиянии английского поэта Дж. Томсона, в частности его описательной поэмы «Времена года», на образную систему этого фрагмента и стихотворения в целом (там же).

А. Янушкевич

На смерть А(ндрея Тургенева)

(«О друг мой! неужли твой гроб передо мною!..»)

(С. 59)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 17)—беловой, с заглавием: «На смерть А...»

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 15, л. 15—неизвестной рукою, с заглавием: «Памяти незабвенного человека».

2) РНБ, оп. 1, № 13, л. 11 об.—рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского, заглавием: «На смерть А... (1803 в июле)».

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 6 об.—рукою М. А. Протасовой, с заглавием: «На смерть А...»

4) РНБ, оп. 2, № 2, л. 6—рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «На смерть А(ндрея Тургенева)», причем часть названия, заключенная в конъектурные скобки, дописана Жуковским.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 25—первые три стиха; полностью—ПЖТ. С. 5.

Печатается по ПЖТ.

Датируется: июль 1803 г. на основании содержания (как непосредственный отклик на смерть друга, последовавшую 8 июля 1803 г.).

Жуковского с Андреем Ивановичем Тургеневым (1781—1803) связывала глубокая дружба. Старший из четырех братьев, сыновей директора Московского университетского пансиона И. П. Тургенева, он за свою короткую жизнь сумел проявить себя как оригинальный поэт (см.: Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 231—246), организатор Дружеского литературного общества, незаурядный критик, переводчик сочинений Франклина, популяризатор творчества Гёте и Шиллера в России (см.: Письма Андрея Тургенева), тонкий толкователь наследия Шекспира (Веселовский. С. 58—60), автор интересного дневника (см.: Из дневни-

ка Андрея Ивановича Тургенева / Публ. и комм. М. Н. Виролайнен // Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 100—139). Именно он стал литературным наставником юного Жуковского, определив его интерес к немецкой литературе и культуре. В свою очередь Жуковский был поверенным сердечных дел Тургенева (см.: Письма Андрея Тургенева), соавтором коллективных (при участии А. Ф. Мерзлякова) литературных проектов. Ему Жуковский посвятил свой перевод «Сельского кладбища» (1802), который вышел в свет почти одновременно с «Элегией» Андрея Тургенева.

Внезапная смерть Андрея Тургенева 8 июля 1803 г. в Петербурге от пятнистого тифа потрясла Жуковского. Проживавший в это время в Белеве, он сразу же по получении известия о смерти друга сообщает его отцу, И. П. Тургеневу: «Не думал и не хочу утешать Вас. Я слишком чувствую свою и вашу потерю... Что делать? Мое сердце разрывается, но горесть и слезы его не возвратят. Ах, удар так неожидан! Он так был достоин жизни! За что мы наказаны его потерей? Теперь, признаюсь, жизнь для меня утратила большую часть своей прелести; большая часть надежд моих исчезла. Мысль об нем была соединена в душе моей со всеми понятиями о счастье!» (Истрин В. М. Из архива братьев Тургеневых: Смерть Андрея Тургенева // ЖМНП. 1910. № 3. С. 4).

На письмо И. П. Тургенева Жуковский отвечает пространным посланием, пронизанным мыслями о скоротечности бытия, о смерти и Боге (ПЖТ. С. 8—12). Ему же он прислал стихи — вероятно, элегию «На смерть А...» И. П. Тургенев по этому поводу сообщал: «Ежели захочешь напечатать ему стихи в мое утешение, то подпиши имя свое и его. Пусть знают о вашей редкой дружбе... Он достоин был тебя, и тебе не стыдно публично сказать, кто он был и что для меня, для тебя, для многих...» (АБТ. Вып. 2. С. 288). На это Жуковский отвечал: «Стихов моих не должно печатать: я горд именем его друга, но такими ли стихами я должен почтить кончину его? Они писаны для меня и для вас. Публика смотрит на стихи, а не на чувства. Она не поймет меня...» (ПЖТ. С. 12).

В. И. Резанов, приводя все эти материалы, добавлял: «Элегия так и осталась до последнего времени и напечатана лишь в наши дни» (Резанов. Вып. 2. С. 106).

Однако память о друге Жуковский сохранил на всю оставшуюся жизнь. В предисловии к повести «Вадим Новгородский» (1803), в примечании к «Посланию Александру Тургеневу» (1813), в «Надгробии Ивану Петровичу и Андрею Ивановичу Тургеневым» (1818), в примечании к переводу «Сельского кладбища» 1839 г. — поэтические отзвуки этой памяти. Через 40 лет после его смерти в письме к Александру Тургеневу от 1844 г. Жуковский вспомнит: «...и в поздние наши годы, кажется мне, что жива еще наша молодость: было теперь что-то, напоминавшее те горницы Московского университета, где мы собирались около брата Андрея, который еще мне живо памятен» (С 7. Т. 6. С. 419).

По всей вероятности, текст копии № 1 является первоначальным. Беловой автограф стихотворения находится в альбоме, с надписью на обложке: «Подарок 1806 года генваря 16 дня. Часть I. Белев». Записи в нем ведутся с 14 октября 1806 г. Именно к этому времени относится и автограф элегии «На смерть А...» Все

известные копии элегии (кроме № 1) также были сделаны не раньше 1806 г. и, судя по составу рукописей, предполагались для готовящегося собрания стихотворений. Однако вновь стихотворение напечатано не было.

Разночтения в его тексте отражают различия белого автографа и копий № 2—4, относящихся к более позднему времени, и носят стилистический характер.

Ст. 6. В копии № 2: «В пустынном мире сем»; «В сем мире, без тебя, надежд моих лишённый».

Ст. 8. В копии № 2: «Но долго ль слезы лить...»

Ст. 9. В копии № 2: «Ах, нет, пройдет и жизнь, ты будешь мой опять!»

Ст. 11. В копии № 2: «прелестно ожиданье».

А. Янушкевич

К К. М. С(оковнин)ой

(«Протекших радостей уже не возратить...»)

(С. 59)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 17 об.— 18) — белой, с заглавием: «К К***».

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 11 об.— рукою А. А. Протасовой, с правкою Жуковского, с заглавием: «К К***» и датой: «1803 в декабре»; перечеркнуто. Здесь же (л. 5) под тем же заглавием в списке стихотворений.

2) РНБ, оп. 2, № 1, л. 7 — рукою М. А. Протасовой, под тем же заглавием.

3) РНБ, оп. 2, № 2, л. 6 об.— рукою А. А. Протасовой, под тем же заглавием.

В прижизненных изданиях: С 1—5; в С 1—4 — с заглавием: «К К. М. С...ой» в разделе «Смесь»; С 5 — с тем же заглавием и датировано 1807 г.

Датируется: декабрь 1803 г. на основании указания в копии № 1 и на основе содержания.

Стихотворение обращено к Екатерине (Катерине) Михайловне Соковниной (ум. 1809), сестре пансионского друга Жуковского Сергея Соковнина, дом которого в Москве посещали постоянно Жуковский и братья Тургеневы (Андрей и Александр). Семья состояла из матери, Анны Федоровны, четырех сыновей — Михаила, Николая, Павла и Сергея и трех дочерей — Варвары, Екатерины и Анны. Ко времени отъезда Андрея Тургенева в Петербург у него начался роман с Екатериной Михайловной, который получил отражение в переписке с Жуковским. Жуковский был поверенным этих отношений. Чувство оказалось серьезным лишь со стороны Екатерины Михайловны; в дневнике и письмах Андрея Тургенева слышны постоянные сожаления об утраченной свободе, признания в охлаждении и т. п. После смерти Ан. Тургенева Е. М. Соковнина рассказывала И. П. Тургеневу о своей любви к его сыну и до конца жизни так и не вышла замуж (Письма Андрея Тургенева. С. 373. См. также: Из дневника Андрея Тургенева. С. 130; Веселовский. С. 78—81, 96).

После смерти Андрея Тургенева, 24 августа 1803 г., А. Ф. Мерзляков писал Александру Тургеневу: «Соковниных здесь нет, потому письмо тебе возвращается. Не можешь ли ты написать в деревню. Надо поберечь бедную» (Стихотворения.

Т. 2. С. 500). По справедливому утверждению Ц. С. Вольпе, «посвящение Жуковского очевидно и является одним из таких слов дружеского утешения» (Там же).

У Соковниных было имение недалеко от Белева, и, видимо, Жуковский, живший в это время в Мишенском, первым сообщил им весть о смерти Андрея Тургенева.

Во всех рукописных источниках текст этого посвящения идет вслед за стихотворением «На смерть Андрея Тургенева», что не только свидетельствует об их внутренней связи, но и о стремлении опубликовать их вместе в С 1, так как копии № 2 и 3 были проектом этого издания. В прижизненные собрания, как известно, вошло только второе произведение.

Правка Жуковского в тексте имела чисто стилистический характер: в копии № 1, ст. 1 вместо «не возвратитъ» было «не воротитъ»; ст. 12 вместо «нам Провидение сей тайны не открыло» — «сего решение судьбы нам не открыло».

А. Янушкевич

1804

К ***

(«Увы! протек свинцовый год...»)

(С. 61)

Автограф неизвестен.

Впервые: Общезанимательный вестник. 1857. № 2. С. 67 — в составе текста статьи А. Грена «В. А. Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 1804 г. на основании свидетельства Жуковского в примеч. к тексту первой публикации.

Текст стихотворения, по свидетельству автора публикации в «Общезанимательном вестнике» поэта и журналиста А. Е. Грена (ок. 1806—ок. 1880), был сообщен в письме Жуковского к писательнице Софье Адольфовне Грен от 16 (28) марта 1842 г.

История знакомства Жуковского с ней была следующей: в 1835 г. она издала сборник своего мужа А. Е. Грена «Моей малютке. Книга в пользу воспитания детей» (о книге и ее авторе подробнее см.: Русские писатели. Т. 2. С. 17). Книга была написана для семилетней дочери Гренов, а вырученные от продажи деньги предназначались употребить на ее воспитание. В 1837 г. вышло 2-е изд. книги, и один экземпляр был поднесен Жуковскому. Он отвечал письмом с благодарностью и, лично посетив г-жу Грен, взял 30 экз. для раздачи знакомым (см.: С. 7. Т. 6. С. 548).

В 1842 г. С. А. Грен задумала выпустить новый сборник и попросила Жуковского принять в нем участие. «Вы просите у меня стихов для „Сборника“, — отве-

чал поэт.— Посылаю вам два стихотворения, написанные мною в юности. Я их нашел на днях в моих бумагах. Печатая, выставьте под ними год» (С 7. Т. 6. С. 549).

Речь шла о стихотворениях «Фиалка» и «К *** (Увы! протек свинцовый год...)». Во всяком случае, так утверждал, публикуя эти тексты, А. Е. Грен. Сопровождая эту публикацию своими воспоминаниями, он, в частности, писал: «Стихотворения Василия Андреевича не были напечатаны, потому что предполагаемый госпожою С. „Литературный Сборник“ не состоялся. Стихотворения поэта как драгоценность хранятся в семействе г-жи С.» (Общезанимательный вестник. 1857. № 2. С. 66).

Как удалось установить итальянскому слависту С. Гардзонио (см.: Garzonio S. Gliorissonti della creazione: Studi schede di letteratura russa. Bologna, 1992. P. 38—45), стихотворение «Фиалка» принадлежит Н. М. Карамзину (см.: Московский журнал. 1792. № 3. Ч. 5. С. 329—331) и его публикация под именем: «В. А. Жуковский» — мистификация А. Грена.

Этот факт дал нам основание исключить стих. «Фиалка», традиционно входящее во многие собрания сочинений Жуковского, из корпуса его текстов.

С. Гардзонио предлагает и стих. «К *** (Увы! протек свинцовый год...)» убрать из основного корпуса текстов Жуковского и перенести его в раздел «Dubia» (p. 43). Несмотря на отсутствие автографа и историю со стих. «Фиалка», думается, что это делать преждевременно, так как по мнению авторитетных исследователей творчества поэта (В. И. Резанов, Ц. С. Вольпе), стихотворение соотносится с мыслями Жуковского после смерти его друга Андрея Тургенева и выявляет характерные черты поэтического стиля Жуковского.

Так, Ц. С. Вольпе считал что, стихотворение «написано на годовщину со дня смерти Андрея Тургенева» и «обращено к себе самому (менее вероятно, что оно адресовано А. И. Тургеневу)» (Стихотворения. Т. 2. С. 520). По существу, об этом же говорил еще В. И. Резанов, связывая «мрачные настроения» этого произведения с настроениями стихотворения «К моей лире...», но осложненные «тяжкой скорбью» об утрате друга — Андрея Тургенева» (Резанов. Вып. 2. С. 229). Современный биограф Жуковского без всяких аргументов утверждает, что Жуковский «в январе [1804 г.] пишет стихотворное послание к Александру Тургеневу: «Увы! протек свинцовый год...» (Афанасьев. С. 55). Отсутствие дополнительных источников о тексте стихотворения затрудняет определение его адресата и точное время написания.

Ст. 2. *Год тяжкий горя, испытанья...*— И в первой публикации, и в посмертных изданиях (С 7—8) слово «горя» отсутствовало и заменялось многоточием; начиная с ПСС (Т. 1. С. 18) такое прочтение стиха стало общепринятым.

Ст. 9. *Как холодной осени рука...*— Этот стих восходит к первому стиху «Элегии» Андрея Тургенева: «Угрюмой осени мертвящая рука».

А. Янушкевич

К поэзии

(«Чудесный дар богов!..»)

(С. 61)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 15 об.— 16 об.)—беловой, с заглавием: «К поэзии».

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 12 об.— 13 об.—рукою А. А. Протасовой, с разбивкой на пятистишия самим Жуковским, с заглавием: «К поэзии» и датой: «1804 в декабре».

2) РНБ, оп. 2, № 1, л. 1—2—рукою М. А. Протасовой, с тем же заглавием.

3) РНБ, оп. 2, № 2, л. 1—1 об.—рукою А. А. Протасовой, с тем же заглавием.

Впервые: Речь, разговор и стихи, читанные в Публичном акте, бывшем в Университетском благородном пансионе. Декабря 21 дня 1804. М., 1804. С. 15—17, с подписью: «В. Ж.»

Перепечатано: УЗ. 1805. № 3. С. 91—94—с подписью: «В. Ж.» и небольшими изменениями стилистического характера, а также: Муза новейших стихотворцев. М., 1814. С. 84—86—с подписью: «Жуковский». Тексты идентичны.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту УЗ.

Датируется: декабрь 1804 г. на основании указания в авторизованной копии № 1 и истории публикации.

Стихотворение «К поэзии» занимает особое место в творческой биографии Жуковского. На протяжении почти 10 лет, с 1804 по 1814 г., оно воспринималось его автором как эстетический манифест. В авторизованных копиях № 2 и 3, рассматривавшихся как основа первого собрания стихотворений, «К поэзии» находится под № 1 (нумерация принадлежит Жуковскому) и открывает всю подборку произведений 1806—1808 гг. В списках проекта издания «Стихотворений, относящихся к концу 1814 г.» (см. примеч. к «Долбинским стихотворениям»), «К поэзии» открывает весь первый том и раздел «Лирические стихотворения» (РГАЛИ, ф. 198, оп. 3, № 8, л. 15 об.). Видимо, с согласия самого Жуковского стихотворение было перепечатано в сборнике «Муза новейших стихотворцев» (1814), но открыть им первое издание своих «Стихотворений» 1815—1816 гг. и даже просто включить «К поэзии» в его состав поэт отказался.

Исследователи, начиная с В. И. Резанова (Резанов. Вып. 2. С. 239) и П. Н. Сакулина (Сакулин П. Взгляд В. А. Жуковского на поэзию. М., 1902. С. 10), подчеркивали особое значение этого стихотворения для Жуковского, его программный характер и генетическую связь с поэтическими манифестами Н. М. Карамзина, прежде всего со стихотворениями «Поэзия» и «Дарования» (см.: Кочеткова Н. Д. Жуковский и Карамзин // Ж. и русская культура. Л., 1987. С. 196—198), с идеями Дружеского литературного общества, в частности с речами Андрея Тургенева (Резанов. Вып. 2. С. 240).

Но, пожалуй, особенно наглядно связь Жуковского с литературной традицией сентиментализма проявилась в перекличках и реминисценциях его стихотворения с пиндарической одой Томаса Грея «The Progress of Poesy» (1753). Еще

А. Н. Веселовский, опираясь на слова Андрея Тургенева из его письма Жуковскому от 21 марта 1802 г.: «Что твой Progress of poetry? Отдал ли ты ее? Право, надобно что-нибудь издавать» (ср.: Письма Андрея Тургенева. С. 402), высказал предположение: «Не идет ли дело о Progress of Poesy Грея, которого читал в то время Жуковский?» (Веселовский. С. 61).

Опираясь на это предположение, В. И. Резанов пошел дальше: он выявил реминисценции пиндарической оды Грея в стихотворении Жуковского «К поэзии». Мысли о «бодрящем влиянии поэзии на человека», образ поэта в уединении, выражение тогдашних взглядов Жуковского на поэзию и ее задачи — «служить возвышенным целям и интересам, возбуждать к добру, прямодушно карать зло, быть чуждой лести» — за всем этим исследователь почувствовал не только прямое воздействие оды Грея, но и дух Дружеского литературного общества, отзвуки речи Андрея Тургенева «О поэзии и о злоупотреблении оной», произнесенной 7 апреля 1801 г. (Резанов. Вып. 2. С. 232—240).

Гипотеза Веселовского и Резанова о генетической связи стихотворения Жуковского «К поэзии» с идеями и образами оды Т. Грея «Прогресс поэзии» неожиданно нашла свое документальное подтверждение. В архиве поэта (РГБ, ф. 104, п. 5, № 7, л. 1—3 об.; бумага с водяным знаком 1801 г.) была обнаружена рукопись ее перевода под заглавием «Успехи поэзии. Пиндарическая ода. Вольный перевод с английского из Грея». Сильно поврежденная и неполная рукопись, тем не менее включающая фрагменты как чернового автографа (л. 1—2 об.), так и перебеленной писарской копии (л. 3—3 об.) в двух редакциях, позволяет говорить о серьезности этой работы и о подготовке перевода к печати, о чем свидетельствует и цит. выше письмо Андрея Тургенева: «Отдал ли ты ее? Право, надобно что-нибудь издавать, особливо, когда издатель „Вестника Европы“ [т. е. Н. М. Карамзин] не так-то возвысился, как бы надобно было ожидать» (Письма Андрея Тургенева. С. 402).

Приводим сохранившийся текст первых четырех и начала пятой строфы этого перевода, впервые опубликованного и прокомментированного нами в 1985 г. (Янушкевич. С. 47—51). В квадратные скобки заключена оторванная часть рукописи.

Успехи поэзии

Пиндарическая ода. Вольный перевод с английского из Грея

1. 1.

Проснись, наперсница, подруга Аполлона,
Восторгом движима, играй.
И сердце сладостной гармонией пленяй! —
С высот сенистых Геликона,
Журча в согласии, сверкаючи ручьи,
То быстро, то едва катят свои струи,
Несутся, тихую долину отеняют,
Цветы прохладною росой оживляют.
И слившись в пышную реку,

1. 2.

Пленительница [.....]
Мать гимнов [.....]
О лира сладкая [.....]
Коль дивны [.....]
Забот твоих [.....]
Ты сердце горестью [.....]
Ты мир бунтуя [.....]
На холмах Фракии [.....]
Тобой смягчается [.....]

Проходят по лугам в величии спокойном
 И вдруг, ударившись в гранитную скалу,
 Вздываются, кипят [.....]
 Клубятся, мчатся [.....]
 Все рушат в ярости [.....]
 Далекый, черный [.....]
 Шума, ответствует [.....]¹

I. 3.

Твой голос пляскою шумящей управляет!
 Когда Венеры день священный наступает
 На Кипрских бархатных лугах,
 Амуры, в розовых венках,
 Резвятся с смехами, играми,
 Согласно с звонкими струнами,
 То быстро прыгают, то с легкостью бегут,
 Едва цветы в стремлении волнуя гнут,
 Друг друга гонят — уступают —
 И сплетшись гибкими руками в хоровод
 Кружатся, носятся, мелькают —
 Киприды радостный приход
 Согласно арфы торжествуют.
 Хор юных граций вслед за ней, толпясь,
 спешит,
 Любовь на пламенных щеках ее горит
 И зыблущую грудь желания волнуют.

И буйство гордое и [.....]
 Сгибает пред тобой [.....]
 На скиptrоносную [.....]
 Склонясь, роиет свой [.....]
 И крепость дерзких [.....]
 Теряет, усыплеи игрой волшебных струн.

II. 1.

Раб бедствий, человек,
 в сем мире путь терновой
 Тебе от рока проложен,
 Несокрушимыми цепями пригвожден
 Ты к колеснице зол громовой! —
 Страданье бледное везде как тень с тобой,
 Лишь гроб от бурь судьбы
 покров унылый твой.
 Небесной лиры глас страдальцев утешает —
 Раздастся — туча зол мгновенно исчезает; —
 Так нощи дремлющая мгла,
 И привидения во тьме ее бродящи,
 И птиц зловещих сонм,
 в глуши лесов шумящи,
 Скрываются, едва заря,
 С сияньем озарит утесы отдаленны
 И Феб, стрелюю золотой
 Пронзивши черныи мрак густой,
 Взлетит на эмпирей, лучами окруженный! —

¹ Ср. черновой вариант этой строфы:

Настройся, лира вдохновенна.
 Восторгом движима, звучи:
 Да гласу твоему внимает вся вселенна!
 Быстротекущие ключи,
 Сверкая, с Геликона мчатся,
 Живят росой цветы и пенясь в дол стремятся!
 Поток гармонии то мирною рекой
 Проходит по лугам в величии спокойиом,
 То вдруг, спираясь с гранитною скалой,
 Вздывается, ревет и в иступлеии грозном
 Клубится, мчится, бьет по голым ребрам гор,
 Все рушит, в ярости, стремленьем беспреградным.
 Далекый, черноглавыи бор
 Гром вторит гулом многократным.

II. 2

О муза, дочь небес, и в неприступны зоны,
Где солнце в вечной пре с необозримым льдом,
Блеснула ты благим живительным лучом,
И укротилася жестокость Аквилона!

(На этом стихе рукопись оборвана и повреждена).

Сравнение этого перевода с текстом оригинального стихотворения Жуковского 1804 г. «К поэзии» вполне подтверждает наблюдения В. И. Резанова. Используя весь строй высокой одической поэзии, Жуковский прежде всего был увлечен идеей Грея о преобразовательной силе поэзии, ее активном участии в жизни людей. Греевские пояснения к стихам: «*Раб бедствий человек, в сем мире путь терновой*» и «*О Муза, дочь небес и в неприступны зоны...*» воспроизведены Жуковским в подстрочных примечаниях совсем в духе тургеневской речи «О поэзии и злоупотреблении оной». Ср.: «4) *Поэзия приносит отраду в несчастьях*»; «5) *Власть поэтического гения и на самые отдаленные и необразованные народы*».

Подзаголовком «вольный перевод» Жуковский акцентировал факт творческого отношения к оригиналу. Молодой поэт придает звучанию оды более сдержанный характер, что подчеркнуто четкостью стихотворного ритма, обилием глагольных форм. Жуковский пытается разрушить общую тональность пиндарической оды с ее настроением мифологической легкости, возвышенности, умиротворенности. Он придает ей большую торжественность и эстетическую значимость, заостряя мотив могущества поэзии, ее влияния на окружающий мир.

Не имея возможности сказать что-либо определенное о судьбе рукописи Жуковского, отметим неслучайность его обращения именно к этому произведению. Образ поэта, намеченный в «Сельском кладбище», и тема поэзии, звучащая во фрагментах перевода «Успехов поэзии», — звенья одной цепи.

Так же, как элегия «Вечер» стала оригинальным продолжением «Сельского кладбища», стихотворение «К поэзии» перевело на язык собственных мыслей и чувств греевскую оду «Успехи поэзии».

По всей вероятности, перевод Жуковского должен был появиться в ВЕ вслед за переводом «Сельского кладбища». Но выход в 1803 г. отдельного издания: «Стихотворения Грея, с аглинского языка переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым, с присовокуплением краткого известия о жизни и творениях Грея, и многих исторических и баснословных примечаний» (М., 1803), включающего как уже известный по публикации Жуковского перевод «Сельского кладбища», так и еще не напечатанный перевод пиндарической оды (у Голенищева-Кутузова — под заглавием: «Успехи стихотворства»), мог помешать осуществлению изд. планов Жуковского и Андрея Тургенева. Как явствует из письма А. Ф. Мерзлякова к Жуковскому от 22 сентября 1803 г.: «Писал ли я к тебе о том, что Кутузов в месяц перевел *всего Грея? О бедный Грей!*» (РА. 1871. Стб. 0143), Жуковский был осведомлен об этом издании.

И в этом смысле стихотворение «К поэзии» можно рассматривать не только как вариацию на темы пиндарической оды Грея или как выражение памяти об эс-

тетических заветах умершего друга, но и как эстетическую программу молодого поэта. Не пытаясь соперничать с Голенищевым-Кутузовым в переводе оды Грея, Жуковский создает оригинальный текст на тему «Успехов поэзии». Неослабевающий интерес к этому тексту на протяжении целого десятилетия — тому свидетельство, но изъятие его из С 1 — доказательство творческой неудовлетворенности ее автора как идеями произведения 1804 г., так и, главным образом, его поэтическим языком. На фоне элегии «Славянка», открывающей второй том С 1 и воплощающей его общую эстетическую концепцию в гравюре на обложке, в контексте перевода «Идеалов» Шиллера под заглавием «Мечты» и баллад стихотворение «К поэзии» выглядело бы анахронизмом.

Ст. 3. *О прелесть тихая, души очарованье...* — Это обращение к поэзии становится лейтмотивным для всех эстетических манифестов Жуковского — от стихотворения «К моей лире» («О лира милая моя») и предисловия к «Вадиму Новгородскому» («Тихая Муза моя непорочна») до элегии «Я Музу юную, бывало...» («Не умерло очарованье! // Былое сбудется опять»). Эпитет «тихая» и понятие «душа» определяют «идею стиля» Жуковского (см.: Гуковский. С. 37—38; Семенко. С. 110—111, 119—120).

Ст. 15. *Лапландец, дикий сын снегов...* — В. И. Резанов выявил различные грани «лапландской темы» в русской культуре конца XVIII — начала XIX в. (И. М. Долгоруков, Н. М. Карамзин, переводы из Э. Клейста и И.-Г. Гердера), раскрыв их связь с образной системой стихотворения Жуковского (Резанов. Вып. 2. С. 235—237).

Ст. 23. *Оратай, наклонясь на плуг...* — О связи этого и следующих стихов с идеями Дружеского литературного общества, опытами А. Ф. Мерзлякова в области «народной песни» см.: Там же. С. 237—238.

А. Янушкевич

1805

Опустевшая деревня

(«О родина моя, Обурн благословенный!..»)

(С. 64)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 12, л. 16—18 — черновой, с заглавием: «Опуст(евшая)», «Оставлен(ная)» — зачеркнуто; «Пустая деревня». Опубликовано: Резанов. Вып. 2. С. 312—316.

2) РНБ, оп. 1, № 14, л. 23 об.—24 об.—беловой, с заглавием: «Опустевшая деревня»; заканчивается на ст. 96: «И вспоминание сменяется тоской», с подписью: «Ж.», после которой следует: «Продолжение после».

Копия (РНБ, оп. 1, № 13, л. 14 об.—16) — рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «Опустевшая деревня 1805 году, в декабре»; заканчивается на ст. 96. Текст перечеркнут карандашом крест-накрест.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 10. С. 988—989.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: декабрь 1805 г. на основе указания Жуковского в копии, а также из плана С 1: «Опустевшая деревня, начало. 1805 в декабре: перевод» (РНБ, оп. 1, № 13, л. 5).

«Сильно элегизированный перевод» (Топоров В. Н. Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithiana'ы: к постановке вопроса. Wien, 1992. С. 22) первых 103-х стихов поэмы английского поэта и прозаика Оливера Голдсмита (1728—1774) «The Deserted Village» (1770).

Голдсмит представлен в библиотеке Жуковского многочисленными изданиями поэзии и прозы (см.: Описание. № 1141—1145, 26—28), в том числе и отдельным изд. поэмы «The Deserted Village» (Altenburg, 1773).

Начало интереса Жуковского к поэме Голдсмита относится к 1802 г.— к периоду увлечения Голдсмитом семьей Тургеневых, побуждавшей и Жуковского к переводу поэмы. В начале мая 1802 г. Андрей Тургенев завершил работу над своей элегией, опубликованной в ВЕ (1802, ч. 13). В «Элегии» Тургенева активно разрабатываются идеи поэмы Голдсмита о противоестественных законах, лишаящих человека права на счастье, социальном неравенстве и успокоении среди природы и неиспорченного простого народа. Около 15 мая 1802 г. Тургенев сообщает Жуковскому о своих планах и как бы подталкивает поэта к работе: «На той неделе надобно взяться за „Елоизу“. Если есть здесь поэзия Голдсмита, то ты непременно получишь их» (Письма Андрея Тургенева. С. 408). В этом же письме в связи с предполагаемой поездкой Жуковского в деревню отчетливо слышны голдсмитовские интонации, органично усваиваемые русскими писателями в контексте руссоистских и карамзинских традиций: «Ты, брат, едешь в деревню, нет, еще больше: ты едешь туда, где ты провел свое детство! Счастливая, завидная участь!» В письме из Вены от 26 ноября (7 декабря) 1802 г. Андрей Тургенев спрашивает у Жуковского: «Что твоя „Deserted village“?» (Там же. С. 417), уже имея в виду работу Жуковского над переводом. Но в 1802 г. перевод не состоялся в силу того, что Жуковский в это время активно работал над второй редакцией «Сельского кладбища», в которой дал образец новой жанрово-стилистической системы,— и перевод поэмы Голдсмита, близкой «Сельскому кладбищу» по содержанию и поэтической структуре, означал бы своего рода повторение в решении творческих задач (см.: Топоров В. Н. Указ. соч. С. 20—22).

Обращение к поэме Голдсмита в 1805 г. было данью памяти Андрея Тургенева: в набросках плана «Что сочинить и перевести» в рубрике «Перевести» первыми означены «Элоиза к Абеларду» и «Опустевшая деревня» (РНБ, оп. 1, № 12, л. 56 об.). Возвращение к переводу Голдсмита было продиктовано как художественными достоинствами поэмы — «мягкостью картин, прелестью пейзажа, нежно-меланхолической гармонией стиха» (Резанов. Вып. 2. С. 303), так и потребностью выразить волновавшие Жуковского темы одиночества и странничества и творческими поисками формы исповеди для воссоздания сложной душевной жизни.

Начало работы могло быть связано с впечатлениями поэта от поездки на Орловское пепелище Е. А. Протасовой (Резанов. Вып. 2. С. 303) и с размышлениями поэта о русском крестьянстве (см.: Иезуитова. С. 107—109), высказанными в письме к Александру Тургеневу и Блудову в половине декабря 1806 г. по поводу Манифеста об образовании милиции и ополчения, — о необходимости использовать «благоприятный случай для дарования многих прав крестьянству, которые бы приблизили его несколько к свободному состоянию» (ПЖТ. С. 26).

А. П. Зонтаг в своих воспоминаниях пишет о «пророческом духе» Жуковского, который «написал стихи к опустевшей деревне; эти стихи не были напечатаны, и вряд ли сохранились в рукописи, они начинались так: „О, родина моя! О Бурн благословенный!“» (Зонтаг. С. 12). В процессе перевода (см. подробно: Резанов. Вып. 2. С. 305—314; Бродавко Р. И. Жуковский — переводчик «Опустевшей деревни» Голдсмита // Вопросы русской литературы. Львов, 1976. Вып. 1. С. 102—109) Жуковский опустил прозаическое посвящение сэру Д. Рейнолдсу, в котором выражена основная идея поэмы о разрушительном влиянии растущей буржуазии на положение английской деревни. Жуковский не сохранил деление поэмы на строфы, разбив свой перевод на пять частей с анафорой «*О родина моя...*» в трех из них. Пятистопный ямб с мужскими окончаниями заменен на шестистопный — с чередованием мужских и женских окончаний.

Переведенное Жуковским начало большой поэмы имеет характер законченного произведения (Топоров В. Н. Указ. соч. С. 79—80; Бродавко Р. И. Указ. соч. С. 109), хотя в списках предполагаемых переводов более позднего времени «Deserted Village» упоминается (БЖ. Ч. 2. С. 484). Продолжающийся интерес Жуковского к поэме Голдсмита соотносится с устойчивым вниманием Тургеневых к английскому поэту, о чем свидетельствуют записи в дневнике Николая Тургенева от 20 ноября 1807 г. о чтении «Deserted Village», «прекрасного произведения славного и любимого мною Голдсмита» и о переводе «Счастья деревенского камина. Из Голдсмита» 22 апреля 1807 г. (АБТ. Вып. 1. С. 92, 63).

В жанровом отношении перевод Жуковского характеризуется присущим многим произведениям этого времени синтезом элегии, описательной поэмы и оды. Следуя за Голдсмитом, Жуковский выделил три темы, взаимодействие которых образует внутреннее движение произведения. Перевод открывается описанием сельской идиллии, развернутым в панораму картин природы и деревенских сцен (см.: Топоров В. Н. Указ. соч. С. 23).

Вторая тема, разработанная в жанре оды, по контрасту с первой, рисует картины страшного разрушения и забвения родного края. Тема странничества и духовного возвращения на родину, свободно развиваясь на протяжении всего перевода и составляя основу его лирико-философского сюжета, получает кульминацию в последней части как утверждение нравственной и художественной ценности земного бытия, счастья и красоты, обретаемых в родном краю.

В «Опустевшей деревне» Жуковский овладел поэтическим стилем, совмещающим идиллическое и элегическое начала. «Голдсмитовский слой» получит развитие в творчестве самого Жуковского («Вечер», «Теон и Эсхин»). Печать влияния

«Опустевшей деревни» как в социальном, так и в нравственно-философском плане сказала в пушкинской «Деревне» (см.: Топоров В. Н. Указ. соч. С. 31—41).

Ст. 1. *О родина моя, Обурн благословенный!*..—Auburn, название деревни в Англии.

Ст. 64. *Где дни, о Альбион, где сельский человек...*—Альбион — поэтическое название Англии.

Э. Жилякова

Дружба

(«Скатившись с горной высоты...»)

(С. 67)

Автографы:

1) Pfeffel G.-C. Poetische Versuche. Tübingen, 1802. Bd. 2. S. 180 — черновой, на свободной части страницы (Описание. № 1837).

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 31 об. — черновой; переработка первых 2 стихов «книжного» варианта. Здесь же окончательный текст, с заглавием: «Дружба».

3) РНБ, оп. 1, № 14, л. 62 — белой.

Впервые: С 1. Ч. 2. С. 73.

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 — отдел «Смесь»); в С 5 отнесено к 1805 г.

Датируется: предположительно 1805 г.

Основанием для датировки является как указание самого поэта в С 5, так и время чтения произведений немецкого поэта Готлиба Конрада Пфэффеля (1736—1839). Как установлено при работе с архивом и библиотекой поэта (ПМиЖ. Томск, 1983. Вып. 10. С. 49—52), «Дружба» — вольный перевод, скорее даже вариация на тему стихотворения Г.-К. Пфэффеля «Das Erheu» («Плющ»).

В оригинале это медитация чувствительного автора, начинающаяся приглашением читателя «посмотреть на ствол дуба», который «лежит на печальной равнине („in traurigen Gefilde“). Плющ обвился вокруг него, «упал и умирает вместе с ним». Последняя строка — многословное излияние автора: «О дружба! тебя узнает мое сердце в этой картине» («O Freundschaft! dich erkennt mein Herz in diesem Bilde»).

В переводе изменено не только название и размер (вместо 6-стопного ямба разностопный), но и вся образная система стихотворения. В «Дружбе» Жуковско-го — иная лексика, иные образы, иной эмоциональный настрой. Стиль более возвышен и торжествен. «Горная высота», «лежал во прахе», «перунами разбитый» — все это восходит не столько к сентиментальной, сколько к одической традиции. Справедливо и указание на связь идеи стихотворения с философией дружбы, которую исповедовал Жуковский в пансионе, и выступлений в Дружеском литературном обществе (см.: Резанов. Вып. 2. С. 300—302).

Н. Реморова

Моя тайна

(«Вам чудно, отчего во всю я жизнь мою...»)

(С. 67)

Автографы:

1) РНБ, оп. 2, № 2, л. 31 об.— черновой.

2) ПД. Р. I, оп. 42, № 73, л. 39—беловой, с некоторыми отличиями от печатного текста («странно» вместо «чудно»; «Веселью ныне отдаю» вместо: «Покою ныне отдаю»).

3) РНБ, оп. 1, № 14, л. 62—беловой.

Впервые: ВЕ. 1810. Ч. 50. № 7. Апрель. С. 196—без подписи, с заглавием: «Моя тайна».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту ВЕ, со сверкой по автографу.

Датируется: 1805 г. (см. ниже).

В различных изд. сочинений Жуковского стихотворение «Моя тайна» отнесено к 1809 (ПСС) или 1810 г. (Стихотворения. Т. 2. С. 503; СС 1). Основанием для датировки было время публикации в ВЕ. Однако положение автографа в рукописи—рядом со стихотворением «Дружба» (автограф № 1) или со стих. «Дружба» и «Милосердие» (автограф № 2)—позволяет датировать «Мою тайну» 1805 г. (подробнее см.: ПМиЖ. Томск, 1983. Вып. 10). Другим аргументом в пользу такой датировки является переключка стихотворения с одноименным произведением Г.-К. Пфедфеля «Mein Geheimnis» (см.: От Карамзина до Чехова. Томск, 1992. С. 61—67). Как уже отмечалось (см. примеч. к «Дружке»), чтение этого немецкого поэта и перевод произведений из него относятся к 1805 г.

Установлено, что непосредственным источником «Моей тайны» является эпиграмма французского поэта Франсуа Моржье (1688—1726) «Je donne a l'oubli le passé...» (см.: Русская эпиграмма: XVIII—начало XX века. Л., 1988. С. 581). Жуковский мог знать о другом переводе этой эпиграммы, сделанном А. Котельничким (Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 10. С. 411). Но думается, соотношение миниатюры Жуковского с одноименным стихотворением Пфедфеля позволяет более глубоко определить ее связь с жизненной философией поэта.

Н. Реморова

Брутова смерть

(«Бомбастофил, творец трагических уродов...»)

(С. 67)

Автографы:

1) Pfeffel G.-C. Poetische Versuche. Bd. 6. S. 129 (Описание. № 1837)—черновой, без заглавия, на свободной части страницы.

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 18 об.—беловой, с заглавием: «Брутова смерть».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 229 (по автографу № 2).

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: 1805 г.

Традиционно издатели и комментаторы сочинений Жуковского относят эту миниатюру к 1808—1810 гг. (в С 9—к 1808; в ПСС—к 1810) без всякой аргументации. Обнаружение чернового автографа на странице сочинений Пфеффеля (подробнее см.: ПМиЖ. Вып. 10. С. 53—54) позволило установить источник перевода — стихотворение Г.-К. Пфеффеля «Der Tod des Brutus» и уточнить время его выполнения.

Все переводы на страницах книг Пфеффеля из библиотеки поэта выполнены одним почерком, одинаковыми чернилами и относятся ко времени первого чтения немецкого поэта, к 1805 г. (см.: БЖ. Ч. 3. С. 389), что подтверждается и характером перевода, непосредственным толчком к работе над которым становится яркая запоминающаяся концовка миниатюры. Именно она сразу же получает поэтическое оформление в переводе и остается без изменений до конца работы над остальным текстом, приобретающим под пером переводчика несколько большую, чем в оригинале, обобщенность, за счет чего смягчается ирония (подробнее см.: БЖ. Ч. 3. С. 388—391).

Ст. 1. *Бомбастофил, творец трагических уродов...*— Замена имени героя Пфеффеля «Gorgan» на Бомбастофил имела эстетический смысл. Для Жуковского это имя — символ высокопарности, напыщенности (от нем.: *Bombast*). Ср. в статье «Радамист и Зенобия»: «Имею ли разборчивое ухо, легко оскорбляемое скрипом и визгом проклятых от Аполлона слов? враг ли я бомбаста? (...) И если ваша совесть не усумнится сказать, что вы совершенно чисты от всякого поползновения на галиматью, бомбаст и прочие смертные грехи стихотворцев (...)» (ВЕ. 1810. Ч. 54. № 22. С. 103).

Н. Реморова

Милосердие

(«Перун мой изостри...»)

(С. 68)

Автографы:

1) Ramler K.-W. *Fabellese*. Leipzig, 1783. S. 223 — черновой карандашный набросок напечатанной здесь же басни неизвестного автора «Der donnernde Jupiter» (Описание. № 1896), без заглавия.

2) РНБ, оп. 1, № 14. л. 62 — белой, с заглавием: «Милосердие».

Копия (РНБ, оп. 2, № 2, л. 31 об.) — рукою А. А. Протасовой. Идентична автографу № 2.

Впервые: ВЕ. 1810. Ч. 49. № 3. Февраль. С. 188 — с заглавием: «Баснь» и подписью: «Ж.»

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту ВЕ, со сверкой по автографу и восстановлением заглавия.

Датируется: 1805 г.

Анализ характера перевода и места его расположения рядом с «Дружбой» и «Моей тайной» позволяют уверенно датировать стихотворение 1805 г. (см.: ПМиЖ. Вып. 10. С. 44—49). Басенная антология, составленная немецким поэтом Карлом-Вильгельмом Рамлером (1725—1798), стала источником для перевода «Милосердия».

В переводе изменено заглавие, объем, размер стиха и характер рифмы. Если в немецком оригинале два четверостишия с парной и опоясывающей рифмовкой, то в переводе — 5 стихов шестистопного ямба и 1 — одноstopного, как бы отделяющего «мораль» (итог) от основного повествования. Сокращение объема достигается за счет отказа от некоторых частных деталей и пространных описаний действия, что придало стихотворению большую динамичность и обобщенность, а внимание с гневного и карающего Юпитера (в оригинале) оказалось перенесено на Милосердие, умеряющее гнев надменного властителя.

Н. Реморова

〈Антипатия〉

(«Однажды пьяница смертельно занемог...»)

(С. 68)

Автограф (Pfeffel G.-K. Poetische Versuche. Bd. 3. S. 193 (Описание № 1837) — черновой набросок на свободной части страницы, непосредственно под немецким текстом стихотворения «Die Antipathie», без заглавия.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Впервые: ПМиЖ. Томск, 1983. Вып. 10. С. 52. Публикация Н. Б. Реморовой.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 1805 г.

Озаглавлено по названию текста оригинала. Датируется по времени чтения сочинений Пфеффеля и перекличке с другими переводами из него (см. примеч. к стих. «Дружба», «Брутова смерть»).

Перевод Жуковского близок к оригиналу, в то же время в нем утратилась конкретность действия, принципиально важная для немецкого поэта. В оригинале жена «обливала слезами его лицо» («betrante sein Gesicht»), то есть слезы текли, лились на лицо, видимо попали умирающему в рот, который до сих пор «орошался» только вином. Отсюда и юмор последней строки. В переводе вторая строка превратилась в своеобразный штамп «оплакивания умершего»: «Жена к нему на грудь упала со слезами». Юмор подлинника оказался утраченным. По всей вероятности, перевод не удовлетворил Жуковского, и он так и не опубликовал его.

Н. Реморова

1806

Послание Элоизы к Абеляру
(«В сих мрачных келиях обители святой...»)
(С. 69)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 12, л. 20—21 — черновой, с первоначальным заглавием: «Отрывок» (зачеркнуто); затем — «Начало послания Элоизы к Абеляру».

2) РНБ, оп. 1, № 14, л. 33—34 об.—беловой, с заглавием: «Послание Элоизы к Абеляру (С английского)»; после ст. 86: «Могла ли не забыть людей, Творца, себя!» — строка тире, под которой запись: «Продолжение может быть».

Копия (РНБ, оп. 1, № 13, л. 16 об.—18 об.) — рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского, с заглавием: «Послание Элоизы Абеляру» и датой: «1806 в апреле».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Впервые: С 10. С. 990.

Печатается по тексту С 10, со сверкой по автографу.

Датируется: апрель 1806 г. на основании указания Жуковского в копии.

Свободный перевод начала эпистолы известного английского поэта и переводчика Александра Попа (Pope Alexander; 1688—1744) «Eloisa to Abelard» (1717).

Творчество А. Попа (Поупа) представлено в библиотеке Жуковского различными изданиями его сочинений, в том числе переводами Гомера (Описание. № 2649—2652), в составе английской поэтической антологии (№ 808), 9-томным лондонским собранием его сочинений 1766 г. (№ 2728), во 2-м томе которого в тексте «Послания Элоизы к Абеляру» поэт сделал отчеркивания и небольшие записи, связанные с поиском французских эквивалентов для отдельных английских слов. Все это свидетельствует об устойчивом интересе Жуковского к творчеству английского поэта.

Начало интереса к эпистоле Попа может быть отнесено к 1802 г., когда, судя по письмам Андрея Тургенева, Жуковский был близок к созданию перевода. В письме от 31 декабря 1802 (13 января 1803 г.) из Вены Тургенев пишет: «...оставь уж мне испытать над ней мои силы» (Письма Андрея Тургенева. С. 418). Эту же просьбу он повторяет из Петербурга: «После первого письма твоего об «Элоизе» я было задумался и начал об этом размышлять и после второго (...) скажу тебе: брат, оставь мне „Элоизу“! Признаюсь тебе в моей слабости, я ни к чему иному не готов, о ней много думал, а теперь не так легко к чему-нибудь другому приготовиться» (Там же. С. 420).

В 1802 г. в «Иппокрене» (Ч. 5. С. 337—357) был опубликован перевод «Эпистолы от Элоизы к Абельярду» (подпись: Им-нь) с французского стихотворного перевода Л.-С. Мерсье, что подогревало желание молодых поэтов испробовать свои силы, сделав перевод с оригинала.

Перевод был осуществлен Жуковским в апреле 1806 г., но его замысел нашел отражение в планах, относящихся к 1805 г. Так, в списке «Перевести» первой сто-

ит «Элоиза к Абеларду» (РНБ, оп. 1, № 12, л. 52 об.); дважды «Heloisa to Abelard» отмечена в «Планах сочинений в стихах» (РНБ, оп. 1, № 78, л. 25). Обращение к переводу произведения о страстной и драматичной любви теперь отвечало душевному состоянию самого Жуковского. Став учителем сестер Протасовых, Жуковский, испытывая чувство любви к Маше, соотносил свое положение с положением героя эпистолы. Оставшись в одиночестве в Белеве, Жуковский выразил свое настроение, обратившись к ее переводу (см.: Резанов. Вып. 2. С. 27).

Перевод Жуковского остался неоконченным. В его планах было продолжение работы над переводом. Автограф № 2 заканчивается словами: «Продолжение может быть». Характерно, что все пометы поэта в английском тексте «Heloisa to Abelard» сделаны в непереуведенной части эпистолы. Жуковский, по всей видимости, предполагал включить перевод послания в С 1, когда под номером 6 вписал: «1806. Элоиза к Абелару, начало, в апреле; перевод» (РНБ, оп. 1, № 13, л. 5), но затем вычеркнул, что совпадает с исключением текста из будущего собрания: перевод в копии, сделанной рукою А. А. Протасовой, зачеркнут.

До Жуковского эпистола Попа в России переводилась неоднократно, но с французского языка (Левин. С. 279—280). Первый стихотворный перевод под заглавием: «Элоиза к Абеларду» был сделан В. А. Озеровым в 1794 г. с французского переложения Ш.-П. Колардо. В библиотеке Жуковского сохранилось пятое издание сочинений В. А. Озерова с этим переводом, открывающим третий том (Описание. № 270).

Жуковский выполнил перевод с английского оригинала. Он перевел первые 72 строки (общий объем эпистолы Попа — 366 строк), опустил предпосланное тексту «Краткое содержание». Сюжетной основой для эпистолы послужил известный эпизод из жизни знаменитого средневекового поэта и богослова Пьера Абеляра (1079—1142) и его возлюбленной, подробно описанный самим Абеляром. Жуковского, как и Андрея Тургенева, увлекало «поэтическое дарование» (ПЖТ. С. 247), предоставленная возможность поэтически выразить страстное чувство. Характер избранного Попом материала, драматические контрасты, заложенные в сюжете, образах и языке, содержали огромный потенциал для выражения романтического мировосприятия. Все отрывки, отмеченные Жуковским в английском тексте, отличаются предельной напряженностью. Не удержавшись при чтении, Жуковский набросал на нижнем форзаце с. 31 перевод двух строк: «*Приди ты, мой отец, брат, муж, друг! // Твоя супруга, дочь и твоя любовница*», а затем на с. 32: «*Любя преступника, забываешь о преступлении*» (Описание. № 27—28).

Внутреннее созвучие таланта Жуковского пафосу Поповой эпистолы позже отметит К. Н. Батюшков в письме к поэту от 3 ноября 1814 г.: «Тургенев сказывал, что ты пишешь балладу. Зачем не поэму? Зачем не переводишь ты Попа послание к Абелару? Чудак! Ты имеешь все, чтоб сделать себе прочную славу, основанную на важном деле. У тебя воображение Мильтона, нежность Петрарки... и ты пишешь балладу!» (Батюшков. Т. 2. С. 310).

Особенности перевода Жуковского, отмеченные и проанализированные В. И. Резановым (Резанов. Вып. 2. С. 328—331), явились отражением процесса создания романтической поэтической системы. Жуковский сохраняет и усиливает

характерную для стиля Попа эмфатику (повтор вопросительных слов в начале строки, многочисленные вопросы и восклицания как в конце, так и в середине стиха). Пятистопный ямб с мужскими окончаниями Жуковский заменяет на шестистопный с мужскими и женскими окончаниями, что передает напряженность переживаемого страстного чувства. Отклонения перевода Жуковского от оригинала идут по двум направлениям. В переводе усилен мрачный колорит в описании заточения и страданий Элоизы: *«пустыней страшный вид», «лесов уединенье», «мощи с лампадой гробовой», «дикие скалы, изрытые мольбой»* и т. д. Жуковский, переведя половину третьей строфы, после ст. 39: *«Ах! Тщетно рвать себя! вотще томить слезами...»*, сделал примечание: «Я хотел перевести Делилево выражение *«Uses par la rigière»*, но кажется, перевод не очень счастлив: слишком смело или натянуто» (Автограф № 1, л. 20). Резанов, комментируя эти слова Жуковского, пишет, что они «любопытны для характеристики того, как наш поэт вырабатывал свой стиль, изучая поэтические обороты чужих писателей и пытаясь усвоить их, не всегда удачно, русской речи» (Резанов. Вып. 2. С. 331). В данном случае необычайно интересен момент романтической обработки эпистолы, проявившейся в насыщении текста соответствующей лексикой. Жуковский вводит *«дни волшебные», «невозвратного блаженства вспоминанья», «сладость прежних лет», «чувство очарованья», «душа моя пленилась», «сиял пленительным лучом»*.

Изображению драматизма переживания героини, власти всепоглощающей любви подчинена композиция перевода, отличная от оригинала. Эпистола Попа состоит из 8—10—12-строчных строф, последовательно рисующих колебания героини между доводами ума и требованиями сердца. Перевод Жуковского содержит пять частей с разным количеством стихов (26, 15, 13, 16, 18), в развертывании которых вырисовывается динамика растущего лирического чувства — от отчаяния и сомнения к апофеозу любви. Подобная композиция давала «отрывку», «началу перевода» этическую и художественную завершенность, чем, возможно, объясняется тот факт, что Жуковский не возвратился к переводу эпистолы.

«Послание Элоизы к Абеяру» сыграло важную роль в развитии эпистолярного жанра и принципов психологического анализа в русской и европейской литературе. Образ Элоизы Попа обессмертил Ж.-Ж. Руссо своим романом «Юлия, или Новая Элоиза», необычайно популярным и почитаемым в кругу Жуковского и его молодых друзей (подробнее см.: Канунова. С. 73—75). Работа Жуковского над пламенным и нежным языком письма Элоизы (*«В них дева робкая, с сердечной простотой, // Все тайны пылких чувств, весь жар свой изливает!»*) объективно, всем творчеством поэта, готовила в русской литературе появление письма Татьяны к Онегину.

Э. Жилыкова

⟨Отрывок перевода элегии⟩

(«В разлуке я искал смягченья тяжких бед...»)

(С. 71)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 35—35 об.) — белой, с заглавием: «Отрывок перевода элегии из Парни».

Копия (РНБ, оп. 1, № 13, л. 19 об.—20)—рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 в апреле»; все зачеркнуто.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 1. С. 25—26, с заглавием: «Отрывок перевода элегии».

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: апрель 1806 г.

Как установил В. И. Резанов (Резанов. Вып. 2. С. 343—345), стихотворение является достаточно точным переводом 34 стихов (из 71) VI-й элегии 4-й книги «Poésie érotiques» Эвариста Парни (1753—1814), виднейшего представителя французской «легкой поэзии». Его «Эротические стихотворения» (1788) пользовались огромной славой как в своем отечестве, так и за его пределами. В России, по мнению исследователя, Парни «оказывается достоянием русской сентиментальной поэзии» (Вацуро. С. 86), и Жуковский, обратившийся к переводу VI элегии в 1806 г., находится у истоков нового истолкования французского поэта.

Почти одновременно к переводу элегии из «Эротических стихотворений» Парни обращается К. Н. Батюшков, что дает основание говорить как о параллелизме их литературного развития, так и о любопытной тенденции «диффузии эстетических идей» и своеобразного перевода Парни «по Шиллеру» (Вацуро. С. 90—91).

В VI элегии Жуковского несомненно привлек основной ее мотив — мотив любовной утраты, хорошо вписавшийся в его элегические замыслы 1800-х гг. Вероятно, ситуация певца, окруженного природой и тоскующего о возлюбленной, была созвучна настроению Жуковского, оставшегося в это время в белевском уединении: 1 марта Екатерина Афанасьевна Протасова уехала с дочерьми на три месяца в село Троицкое.

В тот же день поэт записывает в дневнике: «Что мне делать в эти три месяца, которые проживу один совершенно? Надобно хорошенько (...) подумать о будущем и настоящем. Пора выбирать что-нибудь постоянное и быть постоянным в своем выборе!» (Дневники. С. 31). Он уже не раз задавался вопросом: «Неужели для пустых причин и противуречий гордости К. А. пожертвует моим и даже ее счастьем...?» И сейчас он размышляет о том, «какова теперь Маша и какой я ей желаю быть» (Там же. С. 34).

Причиной незавершенности перевода могло явиться несовпадение общего настроения элегии Парни, где развивается мотив страдания героя от неверности милой, с чувствами самого поэта, полного еще надежд и мечтаний о возможном будущем счастье.

В ряду причин отказа поэта от дальнейшей работы над переводом может быть и появление в майском номере ВЕ за 1806 г. (№ 9. С. 22—26) полного перевода этой же элегии, сделанного А. Ф. Мерзляковым, что, судя по письму к А. И. Тургеневу, для поэта было неожиданностью (ПЖТ. С. 21), и, не желая соревноваться с другом, он мог отказаться от дальнейшего перевода.

Уже в 1822 г. Александр Тургенев спрашивал Жуковского: «Зачем не кончил перевод элегии Парни?» (РА. 1902. № 6. С. 340), но никаких следов продолжения перевода после 1806 г. не обнаружено.

Н. Реморова

Песня

(«Когда я был любим...»)

(С. 72)

Автографы:

- 1) РНБ, оп. 1, № 14, л. 12 — белой, с заглавием: «Песня» и подписью: «Ж.»
- 2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 16 — черновой, с заглавием: «Песня».

Копии:

- 1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 20 об. — рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 в мае».
- 2) РНБ, оп. 2, № 1, л. 28 — рукою М. А. Протасовой.
- 3) РНБ, оп. 2, № 2, л. 24 — рукою А. А. Протасовой.
- 4) РНБ, оп. 1, № 15, л. 61 — рукою В. И. Губарева.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 31. № 2. Январь. С. 123 — с заглавием: «Песня» и подписью: «В. Ж...ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило

Печатается по тексту ВЕ.

Датируется: май 1806 г.

В С 5 (Т. 12. С. 3—4) к заглавию «Песня» дан подзаголовок: «Перевод с французского». Но источник перевода неизвестен. Однако интересно, что, вероятно, с того же самого источника и приблизительно в то же время был сделан перевод А. Ф. Мерзляковым, опубликованный в ВЕ (1806. № 15. С. 196) — с заглавием: «К ней: Рондо». Перевод Мерзлякова, как справедливо заметил Ц. С. Вольпе, очень близок к переводу Жуковского, что дает основание говорить не только об одном источнике, но и о достаточной близости передачи оригинала как тем, так и другим автором (см.: Стихотворения. Т. 1. С. 369).

По всей видимости, оригинал имел в заглавии жанровое определение: «рондо», однако не полностью выдерживал требования этой твердой стихотворной формы. В стихотворении соблюдено количество рифм (2) и повторяемость последней строки четверостишия, что и соблюдено обоими переводчиками. Для того чтобы иметь представление о своеобразии стиля каждого из переводчиков и правомерности замены заглавия в переводе Жуковского, попытаемся указать на особенности переводов обоих русских поэтов, приведя текст «рондо» Мерзлякова:

Меня любила ты — я жизнью веселился.
День каждый пробуждал меня к восторгам вновь;
Я потерял тебя — и с счастьем простился:
Ах, счастьем моим была твоя любовь!

Меня любила ты — средь милых вдохновений
Я пел прекрасную с зарею каждой вновь;
Я потерял тебя — и мой затмился гений:
Ах, гением моим была твоя любовь!

Меня любила ты — я добрым быть стремился,
Искал несчастного, чтоб дать ему покров;
Я потерял тебя — мой дух ожесточился:
Добротою моей была твоя любовь!..

Оба переводчика используют один и тот же размер — шестистопный ямб с чередующимися женскими и мужскими клаузулами, однако стихотворения звучат совершенно различно.

Мерзляков строго соблюдает цезуру после третьей стопы, характерную для французского двенадцатисложника, стремясь закрепить ее смысловой паузой в нечетных строках, и подчеркивает ее графически с помощью тире, разделяющих синтаксически самостоятельные предложения. Это существенно утяжеляет текст, но подчеркивает заложенное в них сопоставление двух субъектов — «ты» и «я», двух состояний: «меня любила ты» — «я потерял тебя».

В стихотворении Мерзлякова много инверсий, замедляющих движение стиха: «день каждый», «к восторгам вновь», «с зарею каждой вновь». Инверсированной оказывается и строка рефрена, где поставленное в конце стиха слово «любовь» не только не акцентируется, но буквально затушевывается банальной и неточной рифмой: «вновь» — «любовь» и «покров» — «любовь», как неточно звучит и последняя строка: «Добротою моей была твоя любовь!..» (Доброта — «прочность, достоинство вещи», по Далю).

И, наконец, все рифмы в четных строках — закрытые, т. е. оканчиваются на согласную, что препятствует напевности стихотворения.

Совершенно иную ритмическую организацию находим у Жуковского, который строит стихотворную фразу как сложноподчиненное предложение, которое в силу своей семантической и синтаксической связанности произносится более слитно, не подчеркивая, а сглаживая стихотворную паузу.

Инверсии у Жуковского отсутствуют, речь льется плавно и фраза естественно завершается нисходящей интонацией.

Все рифмы в стихотворении Жуковского открытые, что позволяет продлить звучание строки, пропеть ее, положить на музыку.

Особую роль в стихотворении Жуковского играет рефрен, в котором при отсутствии инверсии логическое ударение падает на слово «любовь», которое, корреспондируя с находящимся также в сильной позиции словом «любим» (ст. 1. 5, 9), становится ключевым в «Песне», ее лейтмотивом. Ведь любовь для автора не только «счастье», «гений», но и «благость» — «высшая степень любви и милосердия, соединение всех добродетелей» (В. Даль).

Н. Реморова

Отрывок

(Подражание)

(«О счастье дней моих! Куда, куда стремишься...»)

(С. 73)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 13 об.— 14) — белой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 21 об.— рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 года в мае» и заглавием рукою Жуковского: «Подражание»; весь текст зачеркнут.

2) РНБ, оп. 2, № 1, л. 26 — рукою М. А. Протасовой, с пометой Жуковского перед началом текста: «Не надо»; весь текст зачеркнут.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ВЕ. 1883. Кн. 2. С. 810. Публикация П. А. Висковатова по копии № 2 (в рукописи помета Висковатова: «1808. В печати нет»), в подборке из 4-х стихотворений. В этой подборке датировано: «около 1810».

Печатается по тексту этой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: май 1806 г. на основании даты в копии № 1.

«Отрывок» является первым опытом поэтического перевода стихотворения Ф. Шиллера «Die Ideale» и вообще первым обращением Жуковского к творчеству великого немецкого поэта. Правда, И. И. Дмитриев в письме к Жуковскому от 8 июля 1805 г. сообщал: «...примите с этим вместе и благодарность мою за приятное ваше письмо, за перевод Шиллеровой оды, который я прочитал два раза сряду с великим удовольствием...» (Сочинения И. И. Дмитриева. СПб., 1893. Т. 2. С. 193), но никаких следов этого перевода обнаружить не удалось.

Подробнее о месте «Отрывка» в творческой биографии поэта см. примеч. к стихотворению «Мечты».

О. Лебедева

Сафина ода

(«Блажен, кто близ тебя одним тобой пылает...»)

(С. 74)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 14, л. 11 — белой, с заглавием: «Ода Сафы к Фаону (Перевод)».

2) РНБ, оп. 1, № 12, л. 22 — черновой, без заглавия.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 22 об. — рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «Ода Сафы к Фаону» и датой: «1806 году в мае».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 59 — рукою В. И. Губарева, с заглавием: «Сафина ода».

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 32. № 5. Март. С. 44 — с заглавием: «Сафина ода» и подписью: «Ж...й».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту ВЕ, со сверкой по автографу.

Датируется: май 1806 г.

Свободное переложение стихотворения древнегреческой поэтессы Сафо (7—6 вв. до н. э.). Являлось образцом изображения могучей любви, овладевающей всем существом человека и несущей ему не только радости, но и жестокие страдания. Подражать ему начали еще в древности (Феокрит, Катулл, Лонгин). Н. Буало перевел его на французский язык. Позднее Ж. Делиль переделал этот перевод.

Самым ранним русским переводом «Сафиной оды» является перевод А. П. Сумарокова (1755). Вслед за ним появились переводы Г. Козицкого, И. Виноградова, Е. Люценко; дважды обращается к ее переводу Г. Р. Державин. В перевод трактата Лонгина «О высоком» включает свой стихотворный перевод И. Марты-

нов, а в примечаниях публикует перевод Ф. Эмина, выполненный с французского перевода Н. Буало. Также с французского перевода Буало делает свой перевод Д. Хвостов (подробнее см.: Свясов Е. В. Античная лирическая поэзия в русских переводах и подражаниях XVIII—XIX веков: О библиографии // РЛ. 1988. № 2. С. 206—215). Вероятно, к самому началу XIX в. относится и перевод А. Ф. Мерзлякова с греческого подлинника (опубликован позднее), который писал осенью 1803 г. Жуковскому: «Пишу, перевожу <...>. Тебя самого представляю я себе всегда почти в соединении или с Анакреоном или с Овидием, из которых кое-что перевожу...» (РА. 1871. № 2. Стб. 0145).

Увлечение поэзией Сафо вызвало к жизни не только переводы, но и попытки реставрировать в нечто целое уцелевшие фрагменты ее произведений, дополнить недостающие части собственными текстами «в духе Сафо». Появились подражания и просто подделки (см.: Резанов. Вып. 2. С. 356), к числу которых принадлежал и перевод оды Сафо, сделанный Буало.

Именно перевод Буало стал источником для перевода многих русских авторов. Этим же источником пользовался и Жуковский, однако он, вероятно, был знаком и с переделкой Ж. Делиля, который попытался создать подобие сапфической строфы. В результате в ритмическом рисунке первых трех строк перевода Жуковский следует за Буало, а в четвертой — за Делилем.

Следуя за текстом Буало (и оригинала), Жуковский первоначально переводит стихотворение как обращение к женщине: «Счастлив, кто близ тебя одной тобой пылает...» Однако по каким-то причинам (возможно, под влиянием стихотворения Н. М. Карамзина, развивающего тему позднеантичного предания о любви Сафо к Фаону и включенного в прозаический текст «Афинской жизни» — Аглая. 1795. С. 26) Жуковский вносит изменения в ст. 1, 10, 12 своего перевода («Блажен, кто близ тебя одним тобой пылает»; «Блаженством страстные тоски утомлена»; «И жизни лишена...») и вписывает заглавие: «Ода Сафы к Фаону».

Между тем во французском тексте (и в оригинале) речь идет об обращении женщины к женщине, и, поняв это, Жуковский, внося еще несколько не меняющих смысла правок, публикует стихотворение под новым заглавием, убрав из него упоминание имени Фаона, — «Сафина ода». Правда, как справедливо замечает Резанов, 9-я строка в окончательном варианте оказывается не совсем адекватной ситуации, изображенной в стихотворении (Резанов. Вып. 2. С. 361).

Н. Реморова

Идиллия

(«Когда она была пастушкой простой...»)

(С. 74)

Автографы:

- 1) РНБ, оп. 1, № 14, л. 10 об. — черновой, с заглавием: «Идиллия (С немецкого)».
- 2) РНБ, оп. 2, № 1, л. 22 — белой, с заглавием: «Идиллия».
- 3) РНБ, оп. 1, № 12, л. 22 — черновой, без заглавия.

4) РНБ, оп. 1, № 13. л. 5 — белой. Здесь же приводится собственноручный перечень стихотворений, внесенных в данную тетрадь, где указано: «Идиллия. Перевод».

К о п и и:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 22 — рукою А. А. Протасовой.

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 59—59 об.— рукою неустановленного лица.

3) РНБ, оп. 2, № 2, л. 15 об.— рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 в мае».

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 32. № 5. С. 44—45 — с заглавием: «Идиллия» и подписью: «В. Ж...ий».

В прижизненных изданиях: С 1—5. В С 1—3 (отдел «Смесь») — с подзаголовком: «Подражание» и датой: «1806», в С 4 — без подзаголовка. В С 5 датировано 1805 г.

Датируется: май 1806 г.

Почему вместо собственноручного указания на то, что «Идиллия» — «перевод», появился ошибочный подзаголовок «Подражание» — не ясно. Однако именно он стал отправной точкой при обращении к стихотворению в работах Вс. Чехихина-Ветринского «Жуковский как переводчик Шиллера» (Рига, 1895. С. 6) и В. И. Резанова (Резанов. Вып. 2. С. 352—354), анализировавшего черновую рукопись. Ими была создана перекочевавшая во все последующие комментарии легенда о том, что «Идиллия» — вольное и сокращенное переложение стихотворения Шиллера «An Minna», переложение, в котором «жизненные краски» оригинала и «размер стиха — все вышло ослабленным у Жуковского» (Резанов. С. 352).

Имя Шиллера возникло у первых комментаторов, по всей видимости, в силу его большей известности и наличия в его творчестве общей для поздних просветителей темы противопоставления сельской идиллии развращенному городу.

Как установлено при работе с архивом и библиотекой поэта (см.: БЖ. Ч. 3. С. 395—399; ПМиЖ. Вып. 13. С. 75—81), «Идиллия» — достаточно верный перевод стихотворения немецкого поэта И.-В.-Л. Глейма (1719—1803) «Amalia» (1780), отмеченного Жуковским в оглавлении и в тексте первого тома сочинений немецкого поэта (Gleim J. W. L. Sämmtliche Schriften. Bd. 1—4. Leipzig, 1802—1803), хранящегося в его библиотеке (Описание. № 1135).

Изменив имя героини и название стихотворения, переводчик сохранил основную систему образов, заданную оригиналом и синтаксически подчеркнутую антитетичность состояния героини, сохранил объем стихотворения, характер авторского отношения к изображаемому (принципиально отличного от шиллеровского). Разностопный ямб Глейма (4, 5 и 6 стоп) заменен 6-стопным (заданным первой строкой оригинала) с постоянными пиррихиями в 5-й стопе (14) и дополнительными во второй и третьей стопах (8), что придает движению стиха особую плавность, усиленную чередованием мужских и женских рифм. При этом строки с женской клаузулой являются логическим и синтаксическим продолжением предыдущей строки с мужской клаузулой, что предопределяет более слитное их прочтение, отличное от парно рифмующихся, преимущественно мужских клаузул оригинала.

Н. Реморова

Прощание старика

(«Прости, мятежное души моей волнение...»)

(С. 75)

Автографы:

- 1) РНБ, оп. 1, № 14, л. 11 — белой, с заглавием: «Прощание старика».
- 2) РНБ, оп. 1, № 12, л. 22 об.— черновой, с заглавием: «Старик».
- 3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 20 об.— белой, с заглавием: «Прощание старика».
- 4) РНБ, оп. 1, № 12, л. 5 — белой. В списке «Сочинения с 1802 по 1807» за 1806 г. под № 18 — «Прощание старика, перевод. В мае».

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 23 об.— рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «Прощание старика» и датой: «1806 в мае».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 60—60 об.— рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 2 — рукою А. А. Протасовой. Перечеркнуто.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 32. № 7. Апрель. С. 194—195, с заглавием: «Прощание старика» и подписью: «В. Ж...й», без подзаголовка.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту ВЕ.

Датируется: май 1806 г.

Подзаголовок в автографе № 4: «перевод» отсутствует во всех публикациях, кроме ПСС (Т. 1. С. 27). Между тем, как установил В. Э. Вацуро, источником вольного перевода для стихотворения «Прощание старика» явилось стихотворение французского поэта аббата Гийома де Шолье (1639—1720) «Retirez-vous de moi, plaisirs tumultueux» («Удайтесь от меня, беспокойные наслаждения») — см.: Вацуро. С. 75—76.

При этом Жуковский вводит отсутствующий у Шолье мотив разрушения мечты, тогда как в оригинале речь идет о прощании с «пустыми, роскошными удовольствиями», а любовь, которую он «теряет со слезой», у Жуковского не просто «нежное и тонкое чувство» («sentiment tendre, délicieux»), но «восторг души», «сладость тихая», определение же чувства как «живого и сладострастного» («voluptueux et vif») Жуковский совсем опускает.

Как справедливо замечает исследователь, стихотворение написано в период «кульминации элегических настроений» (Вацуро. С. 75) в поэзии Жуковского и в этом смысле перекликается с грустными размышлениями, звучащими в «Отрывке перевода элегии» из Парни, относящемся к апрелю того же года.

Нельзя не заметить, что большинство стихотворений, написанных в период белевского уединения 1806 г., — переводные. Поэт, ощущающий, как он сам пишет в дневнике, «волнение в душе, какое-то неизвестное чувство, какое-то неясное желание», заставляющее его «мечтать, *вообразать будущее*» (Дневники. С. 14. Курсив Жуковского), как бы примеряет на себя чувства, отраженные в мировой лирике, пытаясь через «чужое» осознать до конца «свое». Отсюда, вероятно, и незаконченность некоторых переводов, и свобода в передаче оригинала, связанная с

внутренним желанием выразить и свое представление об изображаемой лирической коллизии.

Н. Реморова

Вечер

Элегия

(«Ручей, виющийся по светлому песку...»)

(С. 75)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 12, л. 23 (строфы 1—2), л. 24 (строфы 13—18), л. 25—25 об. (строфы 1—11) — черновой, с первоначальным заглавием: «Ручей» (л. 25), затем — «Вечер», которое зачеркнуто (л. 23).

2) РНБ, оп. 1, № 12, л. 26—27 — черновой, с заглавием: «Вечер».

3) РНБ, оп. 1, № 14, л. 22—23 — белой.

4) РНБ, оп. 1, № 13, л. 55 об. — белой (строфы 18—23).

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 23 об., 24 об. — рукою А. А. Протасовой (строфы 1—17), с датой: «1806 году в мае».

2) РНБ, оп. 1, № 20, л. 11 об. — 12 об. — рукою М. А. Протасовой, с поправками Жуковского.

3) РНБ, оп. 2, № 2, л. 46—47 — рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского.

4) РНБ, оп. 1, № 15, л. 57 — рукою В. И. Губарева, с поправками Жуковского и датой: «Белев, 1806 года в июле».

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 31. № 4. Февраль. С. 278—281 — с подписью: «В. Ж...ий» и датой: «Белев. 1806 года, в июле».

В прижизненных изданиях: С 1—5. В С 1—2 (отдел «Смесь»); С 3—4 (отдел «Элегии»). В С 5 отнесено к 1805 г.

Датируется: май-июль 1806 г. на основании указаний в автографе, копиях и в первой публикации.

«Вечер» является первой оригинальной элегией в творчестве Жуковского и, продолжая основные элегические лейтмотивы «Сельского кладбища» (быстротечность времени, бренность бытия, память как воскрешение из небытия, одухотворение природы), преобразовывает их в устойчивый комплекс художественно-эстетических тем, определяющих дальнейшее развитие исповедально-психологической поэзии и творчества Жуковского в целом.

Творческий процесс и рукописный контекст «Вечера» свидетельствуют о сложных, противоречивых, но закономерных тенденциях воплощения замысла. Это относится к «философии жизни» раннего Жуковского, включающей темы жизнестроительства, натурфилософии, творческого и нравственного самоопределения, что делает элегию квинтэссенцией этих мотивов и одновременно фрагментом целостного, но невоплощенного идеального плана жизни. Об этом свидетельствуют планы и конспекты описательной поэмы «Весна» (1805—1808) — РНБ, оп. 1, № 12, л. 19 об., 21 об.; № 78, л. 4—6 об. Характерный для сентиментализма и

предромантизма жанр дидактической, описательной поэмы соответствовал, с одной стороны, пробуждающемуся чувству природы (Naturgefühl) как воплощению свободы «внутреннего человека» и, с другой стороны, представлял собой форму гармоничной включенности личности в универсальный миропорядок. Но так как 1800-е гг., и 1806 г. в особенности, были временем освоения малых лирических жанров, целостная история становления человеческой души, вписанной в определенный сельский и одновременно космический уклад, воплощается фрагментарно. Так, в перечне задуманных элегий упоминается «Ручей» (будущий «Вечер»), общий проспект элегических сюжетов и тем выглядит так: «Сочинить. Элегии: Отсутствие. Первое впечатление. Присутствие. Знатность. Уединение. Скука. Мечты. Музыка. Ручей. Быстрота времени» (РНБ, оп. 1, № 12, л. 37 об.). Элегия «Вечер» в определенной степени и была синтезом этих тем и образов.

«Вечер» является опытом сознательного «перевода» реального, конкретного, биографического плана бытия в условно-идеальный, синтезирующий общекультурные образцы и формулы в непосредственное лирическое настроение. Поэтому движение от черновых редакций к окончательному тексту в С 5 связано с заменой конкретных реалий на обобщенно-психологические, переход аналитических начал (действительного переживания) в синтетические, художественные формы элегического и идиллического сознания.

Как указал биограф Жуковского К. Зейдлиц, в этой элегии содержится «одно из лучших его описаний вечерней красоты природы, села Мишенского» (Зейдлиц. С. 32) и окрестностей Белева весной отмеченного «лирическим взрывом» 1806 г. Мишенское, находящееся в трех верстах от Белева, явилось, очевидно, точкой отсчета «панорамного взгляда» на заречные луга и расположенный на возвышенности амфитеатром Белев. Ручьем, по всей видимости, названа речка Белевка, впадавшая в Оку, а «журчащий ключ», возможно, относится к реально существовавшему колодезю «Гремячий ключ», почва которого усиливала журчание источника (об этом см.: Мартынов П. Село Мишенское, родина Жуковского // ИВ. 1887. Т. 27. С. 110).

Жуковский последовательно устраняет детали конкретных картин вечера, добиваясь создания обобщенно-психологической картины взаимодействия души героя и мира в динамичных природных и духовных пространственных и временных планах. Черновые редакции строф элегии несут отпечаток интенсивной работы, причем некоторые рождаются практически в белой редакции, а часть строф и отдельные стихи подвергаются значительной переработке. Приведем наиболее показательные варианты такой работы: вместо первоначального варианта: «иволги стенанье» — в окончательном тексте: «стенанье Филомелы»; вместо: «Как воздух прохладен душистою росой» — «Как слит с прохладой растений фимиам!» Последние стихи элегии в ранних редакциях читались так: «Ах! скоро может быть с пастушкой унылой // Придет сюда пастух в час вечера мечтать // Над тихой юноши могилой!» Затем они были заменены на «Придет сюда Кольма». А в окончательном варианте звучали уже так: «Придет сюда Альпин с Минваною унылой». Подверглись переработке и стихи о назначении поэта. Ср. первоначально: «Беспечность и поля, и рощи воспевать! // О песни, сладкий яд невинности сердеч-

ной!» — в окончательном тексте: «Творца, друзей, любовь и счастье воспевать // О песни, чистый плод невинности сердечной».

«Перевод» конкретных реалий на условно-поэтический язык принципиален, поскольку создает идеальную формулу жизни и поэзии, объединенных гармонизирующей их фигурой певца, в песенном монологе сопрягающего основные ценностные сферы бытия (память, дружбу, любовь) в их движении и взаимопроникновении. Принцип элегической суггестии неразрывно связан с природой музыкальности и лиризмом песенного типа.

Песенная интонация и отразившийся в элегии колорит эпохи начала XIX в. предопределили обращение к «Вечеру» композиторов, которые использовали отдельные строфы элегии в качестве самостоятельных романсов. П. И. Чайковский в «Пиковой даме» (действие I, картина 2), в дуэте Лизы и Полины («Уж вечер... облаков померкнули края...») — строфы 6—8. С. С. Прокофьев в опере «Война и мир» использовал для дуэта Наташи и Сони (действие I, картина 1) 1—4 строфы и стилизовал их в традициях романсной лирики начала XIX в.

Ст. 20. *С полей оратаи съезжают...* — Оратаи — т. е. крестьяне, землепашцы.

Ст. 29. *Как слит с прохладю растений фимиам!*.. — Фимиам (греч. *thymíata*, от *thymíao* — жгу, курю), благовонное вещество, сжигаемое при богослужениях. В данном случае — аромат, запах.

Ст. 34. *Глас петела вдали уснувши будит сельы...* — Петел, т. е. петух.

Ст. 36. *В лесу стенашь Филомелы...* — Филомела — условное мифопоэтическое название ласточки.

Ст. 49. *Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?..* — Имеются в виду участники Дружеского литературного общества (1801), повлиявшего на формирование особого культа дружбы, актуального на протяжении всей жизни поэта.

Ст. 62. *Один — минутный свет — почил, и не пробудно...* — Речь идет об Андрее Тургеневе, душевном друге поэта (см. примеч. «На смерть А...»).

Ст. 64. *Другой... о небо правосудно!*.. — Речь идет о Семене Емельяновиче Родзянко (1782—1808), товарище Жуковского по Московскому университетскому пансиону, сошедшем с ума.

Ст. 90—91. *Ах! скоро, может быть, с Минваню уылой // Придет сюда Альпин в час вечера мечтать...* — Минвана и Альпин — условные имена поэтических влюбленных, связанные с оссианической традицией.

Н. Ветшева

К Эдвину

(«О юноша! лети, под зоной отдаленной...»)

(С. 78)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 11 об.) — черновой, с заголовком: «К Едвину (с английского)».

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 24 об., 25 об. — рукою А. А. Протасовой, с разбивкой рукою Жуковского на 2 строфы по 8 стихов, с заглавием: «К Едвину»; на л. 5 — про-

нумерованный собственноручный список стихотворений 1806 г., где под № 15 значится: «К Эдвину, перевод, в сентябре».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 59 об.—рукою В. И. Губарева, в разделе «Смесь», с заглавием: «К Эдвину (М. П. Ю.)».

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 20 об.—рукою М. А. Протасовой, с заглавием: «К Едвину», с большой правкой Жуковского, впоследствии не учтенной.

4) РНБ, оп. 2, № 2, л. 20—рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «К Едвину».

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 32. № 5. С. 45—46, с заглавием: «К Эдвину (М. П. Ю.)» и подписью: «В. Ж-ий».

В прижизненные собрания стихотворений не входило.

Печатается по тексту ВЕ.

Датируется: сентябрь 1806 г. на основании собственного свидетельства Жуковского.

Два указания, варьирующиеся в различных рукописных и печатных источниках текста: «С английского» и «М. П. Ю.», не получили своего объяснения ни у дореволюционных комментаторов (насколько известно, в послереволюционные изд. это произведение никогда не включалось), ни у исследователей творчества Жуковского.

Относительно первого указания, отброшенного при первой и единственной прижизненной публикации, можно сделать только предположение об отсутствии конкретного английского источника. Скорее всего, это своеобразный парафраз на темы «Послания Элоизы к Абеляру» А. Попа, над переводом которого Жуковский работал в апреле. Связь послания с историей драматичной любви Андрея Тургенева к Е. М. Соковниной, постоянное обращение друга к переводу этого произведения (см.: Письма Андрея Тургенева. С. 407, 418—420) могли вызвать в творческом сознании Жуковского этот поэтический отклик (ответное послание героя), хотя обнаружение реального источника вполне возможно.

Подзаголовок «М. П. Ю.», сохранившийся в публикации ВЕ, впервые, правда, без всяких комментариев, был расшифрован П. А. Ефремовым как: «[М. П. Юшкову]» (С 7. Т. 1. С. 62). Появление этого мифического адресата, скорее всего, следствие элементарной опечатки, но эта опечатка повторена и в других дореволюционных изданиях, а также И. А. Бычковым (Бумаги Жуковского. С. 45). Должно быть—М. П. Юшковой, так как речь идет о племяннице Жуковского, подруге его детских лет Марии Петровне Юшковой (в замуж. Офросимовой; 1787—1812), жене его пансионского друга А. М. Офросимова (1782—1846). Сведений о ее судьбе, истории женитьбы обнаружить не удалось, поэтому вопрос о реальном поводе посвящения стихотворения именно ей остается открытым.

А. Янушкевич

Отрывок из Делилева Дифирамба на бессмертие души

(«На лоне вечности безмолвной...»)

(С. 78)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 14, л. 21—21 об.—беловой, с заглавием: «Отрывок из Д. Дифирамба», датой: «28 сентября» и 11 строками, отброшенными при первой публикации.

2) ПД. Р. I, оп. 42, № 73, л. 18—беловой, с отброшенными 11 стихами.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 54 об.—рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «Отрывок из Д. Дифирамба» и небольшой правкой Жуковского; л. 5—рукою Жуковского в списке стихотворений 1806 г.: «№ 45. Отрывок из дифирамба на бессмертие. Сентября 28».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 58—58 об.—рукою В. И. Губарева в разделе «Смесь», с заглавием: «Отрывок из Делилева Дифирамба на бессмертие души», без 11 строк.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 17—рукою М. А. Протасовой, с тем же заглавием, но с дополнительной строфой.

4) РНБ, оп. 2, № 2, л. 16 об.—рукою А. А. Протасовой.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 31. № 4. Февраль. С. 261—262—с заглавием: «Отрывок из Делилева Дифирамба на бессмертие души» и подписью: «В. Ж...й».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту ВЕ, со сверкой по автографу.

Датируется: 28 сентября 1806 г.

Как уже явствует из заглавия, стихотворение Жуковского—перевод отрывка из произведения французского поэта и эстетика Жака Делиля (1738—1813) «Dithyrambe sur l'immortalité de l'âme» (1794). «Это—гимн, написанный Делилем в 24 часа, по настояниям Робеспьера, которому нужна была ода для праздника в честь Высшего Существа, но не подошедший впрочем к цели, для какой назначался» (Резанов. Вып. 2. С. 372). Отрывок, переведенный Жуковским,—это ст. 114—129 оригинала. Весь объем «Дифирамба» Делиля—231 ст., непосредственным источником перевода является отдельное парижское изд. «Дифирамба» 1802 г., хранящееся в библиотеке поэта и имеющее его многочисленные пометки (Описание. № 2603).

О популярности этого произведения Делиля в России свидетельствуют его многочисленные переводы, в том числе того отрывка, к которому впоследствии обратится Жуковский. В 1802—1803 гг. на страницах карамзинского ВЕ сначала А. Ф. Лабзин (1802. № 23. С. 211—212), а затем Ю. А. Нелединский-Мелецкий (1803. № 5, С. 48; с параллельным французским текстом) печатают свои варианты переложения. Ко второму переводу было сделано следующее редакционное примечание: «В „Вестнике“ было напечатано подражание г. Лабзина сим двум Делилевым строфам. Вот другой перевод. Читатели решат, который счастливее» (С. 43—44). Перевод Жуковского стал третьим. Вероятно, отбор материала (отрывка для перевода) был подсказан Жуковскому его предшественниками, тем бо-

лее что перевод А. Лабзина был напечатан почти одновременно с «Сельским кладбищем» (ВЕ. 1802. № 24). Ко времени работы Жуковского над переводом появились и два полных перевода «Дифирамба» — А. Лабзина (СПб., 1804) и А. Палицына (М., 1804). Подробнее о рецепции творчества Делиля в России, в частности его «Дифирамба» см.: Резанов. Вып. 2. С. 373; Письма Андрея Тургенева. С. 423.

Первоначально, как это явствует из рукописных источников, Жуковский колебался в определении объема отрывка для перевода. В рукописях поэта (автографы, копия № 3) сохранился текст следующих за «Отрывком» стихов (ст. 130—139 у Делиля):

**И кто не оживлен сим сладким ожиданьем!
Сомненьем зыблемый, живимый упованьем,
В обитель смерти человек
Приводит смелую надежду за собою
От тьмы небытия спасти свой краткий век.
На пепле гробовом, с заоблачной главою,
Превознесенный мавзолей.
К престолу Вечного из праха восхищает
Кичливую мечту надменных сих костей!
На бренности гробов он след свой сохраняет
И ах! ничтожество свое!..**

Этот текст, впервые опубликованный родственником поэта гр. Н. А. Бревенде-ла-Гарди (РС. 1902. Т. 110. № 4. С. 134—136, с разночтением в ст. 8: «К Предвечного стопам из праха восхищает»), как известно, был отброшен поэтом при первой публикации. Вероятно, Жуковский решил сохранить традицию перевода «Отрывка», заложенную А. Ф. Лабзиным и Ю. А. Нелединским-Мелецким на страницах карамзинского ВЕ.

Работа над переводом «Отрывка» датирована Жуковским 28 сентября 1806 г. Этим же днем обозначено и начало создания «Песни барда над гробом славян-победителей». Такое совпадение имело в сознании Жуковского свою логику: 12 стихов из «Дифирамба» он первоначально использовал в качестве эпиграфа к своему оригинальному сочинению (см. примеч. к «Песни барда...»).

В творческом сознании Жуковского «Дифирамб» и его автор, Жак Делиль, имели свою историю. Еще из письма Андрея Тургенева к Жуковскому от 9 марта 1803 г. известно об интересе к этому произведению. «Читал ли ты весь дифирамб Делилев (...),— вопрошает он, обращая внимание Жуковского на французский текст стихов: «Assise sur l'Éternité...», и добавляет: «Поверишь ли ты, что в одном стихе «Ты чуждых берегов минутный посетитель!» — заключается для меня целый трактат об искусстве переводить стихи. Право, это совершенная правда» (Письма Андрея Тургенева. С. 422). В переводе Жуковского эта строка прозвучит так: «О жертва мирная, минутный гость земной». Словно вспомнив слова умершего друга: «целый трактат об искусстве переводить стихи», Жуковский в 1810 г. переводит заключительную часть предисловия Делиля к его переводу «Георгик» Вергилия и дает ему заглавие: «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов»

(см.: Эстетика и критика. С. 402). Мотивы и образы «Садов» Делиля в переводе А. Ф. Воейкова получают шутивную интерпретацию в долбинских стихотворениях Жуковского.

А. Янушкевич

Песнь барда над гробом славян-победителей
(«Ударь во звонкий щит! стекитесь, ополченны!..»)
(С. 79)

Автографы:

1) РГАЛИ, оп. 1, № 20, л. 1—8 — черновой.

2) РНБ, оп. 1, № 12, л. 28—38 об. — черновой, с первоначальным заглавием: «Певец перед вои» и затем другим: «Песнь барда над гробом падших славянских воинов».

3) РНБ, оп. 1, № 14, л. 36—41 об. — белой, с заглавием: «Бард над гробом падших славян».

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 25 об.—29 об. — рукою А. А. Протасовой с правкой Жуковского, с заглавием: «Бард над гробом падших славян» и датой: «1806 года, сентября 28 и октября 10».

2) РНБ, оп. 2, № 1, л. 9 об.—13 об. — рукою М. А. Протасовой с правкой Жуковского, с заглавием: «Песнь барда над гробом славян-победителей» и подзаголовком: «Посвящается неустрашимым защитникам отечества».

3) РНБ, оп. 2, № 2, л. 9—13 — рукою А. А. Протасовой, с тем же заглавием.

Впервые: ВЕ. 1806. Ч. 30. № 24. Декабрь. С. 266—280 — с подписью: «В. Жуковский» и датой: «Белев, 15 ноября», с подзаголовком: «Посвящается неустрашимым защитникам Отечества» и эпиграфом из Делиля на французском языке*. Отд. брошюрой (СПб., 1807) — с идентичным текстом.

В прижизненных изданиях: С 1—5. В С 1—4 (отдел «Лирические стихотворения») — с датой: «1806»; в С 5 — с датой: «1807» по времени публикации. В С 1 примечание: «Стихи сии написаны в конце 1806 г. и относятся к военным обстоятельствам того времени». В С 1—5 снят эпиграф и подзаголовок.

Датируется: 28 сентября—15 ноября на основании указаний самого Жуковского.

«Рамка стихотворения» была подсказана Жуковскому И. И. Дмитриевым (Резанов. Вып. 2. С. 378), который в письме поэту от середины 1806 г. предложил ему разработать сюжет «барда на поле битвы после ночного сражения» (Сочинения И. И. Дмитриева. СПб., 1895. Т. 2. С. 207).

Поэтическое зерно произведения содержит эпиграф из «Дифирамба на бессмертие души» Жака Делиля. Показательно, что Жуковский выбирает из его текста ст. 150—157 и 224—228 и соединяет их как некое единство. В русском переводе это выглядит так: «Если иногда лесь унижала наши песни, зато чаще наши торжественные звуки заставляют уважать законы и любить отечество. Воинственный бард переходил из строя в строй, чтобы воодушевлять юношество, устремив-

шееся к битвам. Тиртей пожирал Марса своим пламенем (...). Не будем же позорить пыл, нас воодушевляющий; оставим сладостные песни забав и их родную лиру; прославим великодушного и добродетельного человека» (перевод с французского цит. по: С 7. Т. 1. С. 494). Подобная контаминация французского текста Делиля в эпиграфе позволяла отчетливее выявить главный поэтический пафос стихотворения. Сам образ Тиртея как элегического певца военной доблести в русском литературном сознании, особенно после «Певца во стане русских воинов», стал неразрывно связан с именем Жуковского. Так, например, П. А. Вяземский свое поэтическое послание к Жуковскому назвал «К Тиртею славян», а К. Н. Батюшков в «Надписи к портрету Жуковского» писал: «Он храбрым гимны пел, как пламенный Тиртей...» Причина же снятия эпиграфа при последующих изданиях стихотворения (С 1—5) может быть объяснена двумя причинами: нежеланием показать зависимость от Делиля в разработке русского исторического материала и решением специально создать переложение отрывка из этого дифирамба французского поэта (см. примеч. к «Отрывку из Делилева Дифирамба...»).

Заглавие произведения было напоминанием о дарственной надписи на титульном листе первого изд. «Слова о полку Игореве», сделанной Андреем Тургеневым: «Песнь древнего барда новому трубадуру дарит Андрей Тургенев в знак дружбы на память любви. 1800 ноября 24» (Описание. № 2801), тем более что мотивы и образы «Слова...» нашли свое отражение в работе Жуковского над «Песню барда...», да и, по выражению современника, Жуковский «подобно певцу о полку Игореве, в чудесных стихах оплакал падших в поражении Аустерлицком» (Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1891. Ч. 3. С. 136).

Жуковский очень много работал над текстом стихотворения. Об этом свидетельствует не только сравнение чернового и белого автографов, но и последующая работа над текстом уже после его журнального варианта и при дальнейших переизданиях (подробнее см.: Резанов. Вып. 2. С. 378—423). В черновых вариантах стихотворение выглядело как своего рода песня-реквием над гробом падших воинов. Затем, под влиянием необычайного патриотического подъема, связанного не только с героическим сопротивлением Наполеону русских войск и их бесспорной победой под Кремсом и Шенграбенем (октябрь-ноябрь 1805 г.), но и предчувствием нового победного сражения с Наполеоном, под воздействием манифеста Александра I от 30 августа 1806 г. Жуковский меняет тональность «Песни...» Песнь-реквием заменяется хвалой, гимном мужеству русских солдат. Скорбная песнь превращается в песнь славы, о чем свидетельствуют следующие изменения в тексте:

ВЕ	С 5
«Проснись, да оживет печаль	«Проснись, да оживет хвала
в твоих струнах...»;	в твоих струнах»;
«Да путник видит холм	«Да холм вещает здесь векам
в долине гробовой...»;	о бранных днях...»;
«Да камень возвестит,	«Да камень здесь хранит могущих
где ссыльных прах священный»;	след священный».

Здесь и в других стихах видны возвышение и мифологизация образов погибших воинов, заслуживших своею гибелью бессмертие. В этом же направлении использовал Жуковский синтез библейского и античного колорита, а также черт славянской и кельтской мифологии. Очевидны в «Песни...» отзвуки поэтической традиции Ломоносова, Державина, Хераскова и классицистических мотивов, о чем свидетельствует сам образ барда (подробнее см.: Резанов. Вып. 2. С. 399—400).

Однако «Песнь барда...» — важная веха в становлении романтической эстетики Жуковского. Это первая «лирическая интерпретация» батальной темы, пришедшая на смену парения и патетического восторга канонической оды. Поэт вносит элементы субъективности в область гражданско-патриотической поэзии. Большой успех «Песни...» объясняется именно новаторской установкой Жуковского представить патриотизм как выражение личного индивидуального чувства.

«Песнь барда...» как по настроению, так и по форме отвечала чувствам русского читателя. Очень порадовал Жуковского восторженный отзыв А. И. Тургенева и Д. Н. Блудова, о чем он пишет к Тургеневу от 24 декабря 1806 г.: «Стихи напечатаны в „Вестнике“ прежде, нежели я получил твое воспламеняющее письмо, которое оживило мой гений (...) твоя похвала и Блудова стоят для меня похвалы всех наших почтенных сограждан и современников» (ПЖТ. С. 28). О том, что «Песнь...» «прославила автора», говорит А. П. Зонтаг (РА. 1902. кн. 2. С. 132). Ф. Ф. Вигель, сравнивая общую тенденцию «Песни...» со «Словом о полку Игореве», утверждал факт общего восторженного восприятия произведения: «Его полюбили» (Вигель Ф. Ф. То же).

Окрыленный успехом и желая широкого распространения «Песни...», Жуковский просит А. И. Тургенева об отдельном ее издании (ПЖТ. С. 28). Одновременно Жуковский мечтал об инсценировке произведения, полагая, что пьеса для усиления ее «великого действия (...) должна быть представлена мелодрамою на театре» (Там же). В этих же целях поэт договаривается с московским композитором Д. Н. Кашиным положить «Барда» на музыку и пишет для него хор, который сообщает в этом же письме к А. И. Тургеневу:

Росс! И щит и меч во длань!
Враг за гибелью притек!
Смерть ему от Росса дань!
Жертвой рок его нарек!
Прочь покоем наслажденье!
Там отчизна! Там наш царь!
Братья, руки на алтарь!
Клятва: смерть или спасенье!
Мы ль на жертву предадим
Вас, Славян отцы священны?
Мы ль врага не потребим
От отчизны ополченны?
Росс! и щит и меч во длань, и пр. (ПЖТ. С. 29).

Однако факты музыкального исполнения «Барда» не установлены.

* *Si quelque fois la flatterie
A déshonoré nos chansons,
Plus souvent nos sublimes sons
Font respecter les lois font chérir la patrie,
Le bard belliqueux courait des rangs en rangs,
Echauffer la jeunesse quelle combats elancée
Tirtée embrasait Mars des feux plus dévorantes.
Ne profanons point le feu qui nous anime!
Laissons là des plaisirs les chants voluptueux
Et leur lyre pussillanime
Célébrons l'homme magnanime!
Célébrons l'homme vertueux!*

Ст. 54—55. *Тот, шуйцей рану сжав, десной изнеможенной // Оторванну хоругвь скрывает на груди...*— К этим словам в рукописном и варианте ВЕ дано следующее примечание: «Известный поступок солдата Емельянова. Покойный император Павел наградил его саном подпоручика и тем самым знаменем, которого спасение так много ему стоило. Граф Ф. В. Раstopчин, имевший случай видеть сего почтенного воина, приказал списать с него портрет, который выгравирован и продается» (ВЕ. 1806. № 24. С. 269). Ср.: «Подвиг Емельянова относится ко времени голландской экспедиции. В сражении при Петтене, 8 сентября 1799 г., когда был убит знаменосец фанаторийского гренадерского полка, а за ним и рядовой, принявший знамя, тогда раненый уже Емельянов, с трудом поднявшись на ноги, пробился к знамени, отнял у неприятеля, сорвал с древка, обвил около себя и продолжал сражаться; был взят в плен, где и скрывал его несколько месяцев, пока не успел передать в Лилле генералу Спренгпортену, ехавшему во Францию. Портрет Емельянова был выгравирован Н. Соколовым и внизу изображена передача знамени Спренгпортену» (С 7. Т. 1. С. 495).

Ст. 80. *О юноша, о ты, бессмертью приобщенный!*— К этой строке в рукописном и журнальном варианте Жуковский сделал следующее примечание: «Здесь автор думал об одном молодом человеке, Новосильцеве, который в прошедшую войну был изранен в сражении и умер от ран, разлученный со своим отечеством, разлученный с родными, которые и теперь оплакивают его потерю. Автор желал бы назвать всех наших героев, столь недавно принесших в дар отечеству и кровь свою и жизнь, но их имена известны, и благодарность сохранит об них вечное воспоминание».

Ст. 138. *Красою образ Диды...*— Дид, Дидо— божество в славянской мифологии, которому поклонялись в древнем Киеве.

Ст. 140. *С блистаньем Световида...*— Световид— божество, бывшее в высоком почтении у славян.

Ст. 192. *И где тевтонов мощь, низринувшая Рим...*— Имеется в виду разгром Пруссии. Здесь военная мощь тевтонов (германцев) дается по контрасту с униженным положением разгромленной Наполеоном Пруссии.

Ст. 279. *Которых гром возжег эвксинские пучины...*— Т. е. пучины Черного моря. Эвксинский Понт— греческое название Черного моря.

Ст. 280. *И скандинавского на прах повергнул льва...*— Имеется в виду Северная война России против Швеции и победоносное Полтавское сражение 8 июля 1709 г. Лев — геральдический знак Швеции.

Ст. 281. *Явись, сразившая сарматов булава...*— Сарматы — объединение кочевых скотоводческих племен. В IV в. н. э. разгромлены.

Ф. Канунова

Разговор

(«— Как звать тебя, чужак? Кто ты? — Я бог Амур!..»)

(С. 87)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 5) — белой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 29 об.— рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 году, 11 октября», с разбивкой на пятистишия рукою Жуковского; зачеркнуто. Л. 5 — списки стихотворений 1806 г. рукою Жуковского: «№ 17. Разговор, из Парни, перевод. Октября 11».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 61 об.— рукою В. И. Губарева, с заглавием: «Разговор» и с рисунком метрической схемы шестистопного ямба; перечеркнуто. Тексты копий идентичны и соответствуют автографу.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 32. № 7. С. 196—197 — с заглавием: «Разговор» и псевдонимом: «Д. К-ъ» (Дон Кишот).

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту ВЕ, со сверкой по автографу.

Датируется: 11 октября 1806 г.

«Разговор» Жуковского является переводом небольшого шуточного стихотворения французского поэта Эвариста Парни (1753—1814) «Dialogue». В. И. Резанов, подробно исследовавший судьбу наследия Парни в России, констатировал: «... роль Жуковского в процессе усвоения русской литературой поэзии Парни не была значительна: он перевел всего два стихотворения Парни („Диалог“ и „Эпимесид“), целиком и отрывка из третьего (VI элегия), напечатал же только одного „Эпимесиду“; влияние Парни на собственные стихи Жуковского удалось пока предположительно отметить лишь в одном случае — „К моей лире“» (Резанов. Вып. 2. С. 348). Если интерес Батюшкова, которого называли «русским Парни», в 1810-е гг. «приобрел осознанные и устойчивые формы» (Вацуру. С. 104), то почти все опыты освоения Жуковским творчества виднейшего представителя «легкой поэзии» локализованы в пределах 1806 г. и связаны прежде всего с поиском нового стиля.

Перевод Жуковского сохраняет общий характер и структуру стихотворения Парни. Жуковский добивается непринужденности интонации за счет разговорного характера повествования. Так же, как и Парни, он членит стихотворные строки на восклицательно-вопросительные периоды. Вместо разноstopного ямба подлинника он последовательно использует шестистопный ямб с чередованием мужских и женских клаузул. Шестнадцать строк стихотворения Парни он увеличивает

до восемнадцати за счет более развернутой характеристики чар бога Амура и его кокетства (ст. 3, 12). В переводе Жуковского, по замечанию В. И. Резанова, «стерт лишь парижский колорит» (Вып. 2. С. 341). Так, на вопрос «Ты царь?» — Амур у Парни отвечает: «Я еще бог» и добавляет: «Pour tout Paris» («Для всего Парижа»). У Жуковского этот «адресный» ответ расширяется: «Всесветный» (в черновых вариантах: «Все вечный»).

В 1819 г. В. И. Туманский переводит стихотворение Парни под тем же, что и у Жуковского, заглавием (Благонамеренный. 1819. Ч. 6. № 17. С. 271).

А. Янушкевич

«Мой друг бесценный, будь спокойна...»

(С. 87)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 2 об.) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 31.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 14 октября 1806 г. на основе собственноручной записи Жуковского на л. 2 автографа.

Стихотворение открывает золотообрезный альбом в красном сафьяновом переплете, подаренный Жуковским Маше Протасовой на день ее рождения, что зафиксировано на переплете золотым тиснением: «Подарок 1806 года генваря 16 дня».

К ней же обращено стихотворение, вписанное в альбом 14 октября 1806 г.

Н. Реморова

• БАСНИ •

В октябре-ноябре 1806 г. Жуковский переводит 18 басен из Лафонтена и Флориана, которые были опубликованы в ВЕ в начале 1807 г.

Басня привлекала Жуковского как читателя, издателя, критика и переводчика. Его библиотека включала большое количество изданий различных баснописцев, зачастую с его пометами и записями. Наиболее поздние издания относятся к началу 1830-х гг., что свидетельствует о длительности и стабильности интереса Жуковского к басне (подробнее см.: Ж. и русская культура. С. 96).

Первое обращение Жуковского к этому жанру приходится на середину 1800-х гг. В списке намеченных переводов и подражаний 1804 г. (РНБ, оп. 1, № 79, л. 8) упоминаются произведения Лафонтена, Флориана, Ламота, Геллерта, Гагедорна, Лихтвера, Лессинга. Третью часть СРС, выпущенного Жуковским в 1810—1811 гг., а задуманного еще в 1805 г., составили в основном басни Сумарокова, Ломоносова, Хемницера, Дмитриева, Крылова и других авторов. Редактируя ВЕ, Жуковский охотно предоставлял место в журнале произведениям этого жанра.

Около 1805 г. состоялись первые опыты басенных переводов Жуковского из антологии К.-В. Рамлера (Ramler K. W. Fabellese. Leipzig, 1783), а также стихотворений Г.-К. Пфелля и И.-В. Глейма (см.: Ж. и русская культура. С. 98). Но они или были опубликованы намного позднее, или вообще не печатались. Не были опубликованы Жуковским и первые переводы прозаических басен Лессинга, выполненные гекзаметром (см.: Гофман. С. 150—153; Реморова. С. 235—249).

И в последующие десятилетия Жуковский неоднократно обращался к басне. В конце 1820-х гг. он сочинил несколько басен в прозе и в стихах, часть из которых при жизни не публиковалась.

Но в целом известность Жуковского как баснописца определили его первые публикации переводов из французских авторов — Лафонтена и Флориана. Жан де Лафонтен (1621—1695) — поэт, автор стихотворных новелл и нескольких выпусков знаменитых «Басен» (1660-е—1690-е гг.). В библиотеке Жуковского имелось издание: *Fables de Lafontaine; suivies d'Adonis, poëme*. Т. 1. Р., 1799 (Описание. № 2677). Жан-Пьер Кларе Флориан (1755—1794) — автор новелл, романов (в том числе переложения «Дон Кихота» Сервантеса), стихотворений. Басни Флориана были опубликованы в 1792 г. и приобрели большую популярность. В библиотеке Жуковского имелось издание: *J. P. C. Florian. Fables. Nouvelle édition*. В., 1797, с его пометами и записями (Описание. № 1032).

Современники увидели в баснях Жуковского продолжение традиции сентименталистской басни И. И. Дмитриева; такого мнения придерживались в основном и позднейшие исследователи (см., напр.: Резанов. Вып. 2. С. 470; Русская басня XVIII—XIX вв. Л., 1977. С. 577). Не случайно басни Жуковского понравились Дмитриеву, о чем свидетельствует письмо М. П. Офросимовой: «Очень рада, что басни ваши так Дмитриеву понравились. Правду сказать, и невозможно иначе» (РА. 1883. Ч. 1. С. 212).

Уже само обращение Жуковского к басням Флориана напоминало о Дмитриеве, за которым давно закрепилось звание «русского Флориана». Он развивал тот тип басни, который в этот период особенно привлекал Жуковского. В статье «О басне и о баснях Крылова» (1809) предлагается эстетическое обоснование именно такой разновидности жанра, в которой дидактико-сатирическое начало ослаблено в пользу поэтического: «в стихотворной басне рассказ есть главное».

Однако если Дмитриев при переводах басен усиливал прежде всего «чувствительность», то Жуковский стремится к яркости и динамичности басенного действия, к усилению комического эффекта. Переводы Жуковского весьма вольные. Он вводит множество подробностей, придающих действию наглядность и комизм, и увеличивает долю диалога, делая басни живыми и красочными сценками. При этом сюжеты заметно русифицируются: местом действия становится Москва, персонажи получают русские имена, вводятся русские реалии (например, черты русского быта и климата).

Это в целом напоминает о традиции XVIII в., но русификация у Жуковского оказывается более органичной. Он широко использует разговорные и даже просторечные формы выражения, чуждые басням Дмитриева. Если у Дмитриева «фабулист» имеет облик светского человека, то Жуковский его значительно демокра-

тизирует. Не случайно в статье «О басне и баснях Крылова» он называет басню жанром «простым, или, лучше сказать,—простонародным». Такое понимание басни, не способствующее, вместе с тем, ее огрублению и вульгаризации на практике, делало Жуковского в определенной степени предшественником И. А. Крылова, поднявшего жанр до истинной народности.

Показательна неизменно высокая оценка Жуковским Крылова-баснописца начиная с посвященной ему статьи 1809 г. и до последних лет жизни, когда Крылов упоминался Жуковским как один из значительнейших представителей национальной литературы в одном ряду с Державиным, Карамзиным, Пушкиным и Гоголем (см.: Эстетика и критика. С. 323—324, 326—327).

Вероятно, именно появление басен Крылова, в которых Жуковский увидел воплощение своих представлений о подлинно поэтической басне, послужило причиной того, что он больше не возобновлял публикацию своих переводов (за исключением басни «Сон могольца»). Тем самым он как бы признал безраздельное господство Крылова в этом жанре. По мнению Резанова, Жуковский, оценивая свои басни в сравнении с крыловскими, не мог не сознавать, что им недостает «той тонкой, добродушно-язвительной сатиры, которая отличает настоящего баснописца» (Резанов. Вып. 2. С. 471). Но некоторые тенденции, получившие полное развитие в творчестве Крылова,— прежде всего яркая изобразительность, демократичность и национальный колорит—присущи и басенным опытам Жуковского.

Жуковский перевел и опубликовал по девять басен из Лафонтена и Флориана. Кроме того, не были опубликованы им при жизни три незавершенных или неотделанных наброска переводов—один из Флориана и два из Лафонтена. Переводы делались осенью 1806 г., вскоре после завершения работы над переводом флориановской версии «Дон Кихота», и многими чертами сближаются с этим большим прозаическим опытом Жуковского. Сохранившиеся рукописи свидетельствуют, что работа над баснями шла легко. Жуковский наметил для перевода еще ряд басен Флориана, но исполнению задуманного помешали события наполеоновских войн: «Я смешон бы был, когда (...) занимался сочинением басен в такое время, каково настоящее,—писал Жуковский А. И. Тургеневу в декабре 1806 г.—все эти стихотворения написаны в октябре, в спокойнейшие минуты, а теперь ни на чем постороннем нельзя остановить внимания» (ПЖТ. С. 24).

Варианты переводов, сохранившиеся в рукописях, содержат разночтения, связанные главным образом с поиском более удачной формы выражения и не меняющие общего характера стиля.

Мартышка, показывающая китайские тени

(«Творцы и прозой и стихами...»)

(С. 88)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 8 об.)—беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 30 об.—рукою А. А. Протасовой.

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 40 об.—рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 5—5 об.—рукою М. А. Протасовой, с большой правкой Жуковского.

4) РНБ, оп. 2, № 2, л. 4 об.—5—рукою А. А. Протасовой.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 32. № 5. С. 43—с подзаголовком: «Басня» и подписью: «В. Ж...ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 11 октября 1806 г. на основании свидетельства самого Жуковского.

Перевод басни Флориана «Le Singe qui montre la lanterne magique» («Обезьяна, показывающая волшебный фонарь»). Жуковским уменьшено количество стихов (52 вместо 57 у Флориана). Внесены русские черты: действие перенесено в Москву, мартышка из Жако переименована в Потапа, в сюжеты «волшебного фонаря» введены мотивы русских лубочных картинок. Используются разговорные и просторечные слова и выражения. Внешность и действия персонажей получили колоритные подробности: «суконный колпак», «жеманная харя» Потапа и др. Увеличена доля прямой речи. Среди персонажей собака заменена свиньей.

Сокол и голубка

(«Голубку сокол драл в когтях...»)

(С. 89)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 8)—беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 39 об.—рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и датой: «12 октября 1806 года»; зачеркнуто.

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 39 об.—рукою В. И. Губарева.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 31. № 4. С. 262—с подзаголовком: «Басня» и подписью: «В. Ж...ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 12 октября 1806 г.

Перевод басни Флориана «Le Milan et le Pigeon» («Коршун и Голубь»). Жуковским сохранено то же количество стихов, что и в оригинале. Усилены страдания голубки. Присущий басне Флориана языческий колорит ослаблен исключением мотива принесения голубки в жертву богам и введением отсутствующего в оригинале слова «Провидение».

Мартышки и лев

(«Мартышки тешились лаптой...»)

(С. 89)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 9 об.— 10) — черновой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 33 об.— рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и датой: «1806 года 12 октября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 44 об.— 45 — рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 21 об.— 22 — рукою М. А. Протасовой; зачеркнуто.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 32. № 8. С. 278—280 — под общим заголовком: «Басни» с басней «Кот и мышь», с подписью: «В. Ж...ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 12 октября 1806 г.

Перевод басни Флориана «Les Singes et le Leopard» («Обезьяны и Леопард»). В переводе увеличено количество стихов (40 вместо 38 у Флориана). Введены подробности о льве («брат внучатный царев», «ботанизировал по роще от безделья»). Увеличена доля прямой речи. Более разнообразно и динамично изображено действие. Сюжету приданы русские черты благодаря именам мартышек (Потап, Миروشка), упоминанию игры в лапту, использованию разговорной и просторечной лексики.

Ссора плешивых

(«Два кума лысые дорогой шли...»)

(С. 91)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 7) — белой, с заглавием: «Плешивые»

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 33 об.— рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского, с датой: «1806 года 13 октября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 41 рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 2, л. 15 — рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского, с заглавием: «Плешивые».

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 32. № 6. С. 113, под общим заголовком: «Басни» с басней «Цапля» и с подписью: «В. Ж...ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 13 октября 1806 г.

Перевод басни Флориана «Les deux Chauves» («Двое Плешивых»). В переводе увеличено количество стихов (10 вместо 7 у Флориана), введена прямая речь, внесены подробности в изображение драки.

Кот и зеркало

(«Невежды-мудрецы, которых век проходит...»)

(С. 91)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 7 об.)—беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 33 об.—рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и датой: «1806 года 13 октября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 49 об.—50—рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 19 об.—рукою М. А. Протасовой.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 34. № 14. С. 98—99, с подписью: «В. Ж...ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 13 октября 1806 г.

Перевод басни Флориана «Le Chat et le miroir» («Кот и зеркало»). Жуковским незначительно увеличено количество стихов (31 вместо 30 у Флориана). Коту дано русское имя Федотка, его действия изображаются более подробно и комично. Расширена прямая речь. В повествовании использованы разговорные и просторечные слова и обороты, придающие басне русский колорит. Добавлено обращение в скобках к упрямым мудрецам.

Голубка и сорока

(«Голубка двор об двор с сорокою жила...»)

(С. 92)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 6)—беловой, с правкой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 34 об.—рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского, с датой: «1806 года 13 октября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 49—рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 28 об.—рукою М. А. Протасовой.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 35. № 17. С. 32—с подписью: «В. Ж...ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 13 октября 1806 г.

Перевод басни Флориана «La Pie et la Colombe» («Сорока и Голубка»). Жуковским уменьшено количество стихов (24 вместо 33 у Флориана). Убрано нравоучение, присутствующее в рукописях: «Вот люди! в чем себя когда б ни обвинули, // Все только для того, чтоб их опровергали» (РНБ, оп. 1, № 13, л. 34 об.—зачеркнуто; РНБ, оп. 1, № 14, л. 6). Изменены некоторые реалии: в оригинале муж сороки «поглядывает на ворон», у Жуковского здесь фигурирует сова; введен мотив пьянства. Действию и диалогу придан более динамичный характер.

Сурки и крот

(«Свои нам недостатки знать...»)

(С. 93)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 6 об.—7) — беловой, с правкой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 35 об.—рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и датой: «1806 года 14 октября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 48—48 об.—рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 14—рукою М. А. Протасовой, с правкой Жуковского.

4) РНБ, оп. 2, № 2, л. 13 об.—14—рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского, зачеркнуто.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 33. № 10. С. 110—112, с подзаголовком: «Басня» и подписью: «В. Ж...ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 14 октября 1806 г.

Перевод басни Флориана «La Taure et les Lapins» («Крот и Кролики»). В переводе уменьшено количество стихов (38 вместо 44 у Флориана), в основном благодаря большей динамичности и лаконизму повествования. Внесены русские черты — названия игр (гулючки, уголки, жмурки), разговорные и просторечные выражения.

Истина и Басня

(«Однажды Истина нагая...»)

(С. 94)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 12 об.) — беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 36 об.—37 об.—рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 года 16 октября»; зачеркнуто.

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 37—37 об.—рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 7 об.—8—рукою М. А. Протасовой, с правкой Жуковского; зачеркнуто.

4) РНБ, оп. 2, № 2, л. 7—7 об.—рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 31. № 1. С. 56—58 — с подписью: «В. Жквск».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 16 октября 1806 г.

Перевод басни Флориана «La Fable et la Vérité» («Басня и Истина»). Изменив заглавие, Жуковский и в тексте Басню сделал младшей, а не старшей, как у Флориана, сестрой Истины. Количество стихов увеличено (40 вместо 33 в оригинале), в основном за счет введения подробностей в описание персонажей и в повествование о невзгодах Истины. Увеличена доля прямой речи. Внесены русские черты:

реалии (тройка рысаков, мороз, сугроб снега), разговорные и даже просторечные выражения. Заключительное нравоучение, которое у Флориана дано как возможная перспектива, у Жуковского получило утвердительную форму.

Ст. 2. *Оставя кладезь свой...*— Восходит к выражению Демокрита: «Истина скрывается в глубине».

Смерть

(«Однажды Смерть послала в ад указ...»)

(С. 95)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 14 об.— 15)— черновой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 37 об.— рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и датой: «1806 года 17 октября»; зачеркнуто.

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 52—52 об.— рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 25 об.— рукою М. А. Протасовой.

4) РНБ, оп. 2, № 2, л. 21 об.— рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 34. № 13. С. 29—30, без подписи.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 17 октября 1806 г.

Перевод басни Флориана «La Mort» («Смерть»). Жуковский сильно отступил от оригинала, значительно увеличив количество стихов (30 вместо 19 у Флориана), превратив сухую аллегорию в живую сценку. Конкретизировано место действия («сенат», «аудиенц-палата»); введены наглядные изображения действующих лиц, прямая речь. Особенно расширен эпизод с врачами. Благодаря слову «бояре» возник некоторый русский колорит. Сочетание разностильной лексики внесло в повествование иронический характер.

Цапля

(«Однажды цапля-долгошея...»)

(С. 96)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 19 об.)— белой, с последующей правкой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 39 об.— рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и датой: «22 октября 1806 года».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 42 об.— рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 14 об.— рукою М. А. Протасовой, с правкой Жуковского.

4) РНБ, оп. 2, № 2, л. 14 об.— рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 32. № 6. С. 114—115— под общим заголовком: «Басни» с басней «Ссора плешивых» и подписью: «В. Ж-ий».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 22 октября 1806.

Перевод басни Лафонтена «Le Néron» («Цапля»). Жуковский несколько уменьшил количество стихов (30 вместо 34 в оригинале). Сокращено нравоучение, из которого исключена связка со следующей басней по книге басен Лафонтена. Повествованию приданы живые интонации разговорной речи, внесены русские черты. Усилена образность описания (так, добавлено сравнение воды с прозрачным стеклом). Улитка, которой довольствуется цапля у Лафонтена, заменена лягушонком. Убрана отсылка к Горацию — упоминание крысы из VI сатиры 2-й книги; введено упоминание «диететики Тиссотовой».

Ст. 12. *И диететики Тиссотовой держатся...* — Имеется в виду популярная в начале XIX в. в России книга о гигиене известного французского врача С.-А. Тиссо (1728—1797), практиковавшего в Швейцарии (см.: Tissot S. A. Avis au peuple sur la santé. Lausanne, 1761).

Сон могольца

(«Однажды доброму могольцу снился сон...»)

(С. 97)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 20) — беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 40 об. — рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и датой: «1806 года 23 октября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 43—44 — рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 1, № 20, л. 2 — рукою М. А. Протасовой, с правкой Жуковского.

4) РНБ, оп. 2, № 2, л. 37—37 об. — рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 32. № 7. С. 192—194, с подписью: «В. Ж-ий».

В прижизненных изданиях: С 1—5. В С 1—3 (отдел «Смесь») — с подзаголовком «Из Лафонтена» и датой: «1806»; в С 5 — с подзаголовком: «Басня (Из Лафонтена)» и датой: «1805».

Датируется: 23 октября 1806 г.

Перевод басни Лафонтена «Le songe d'un habitant du Mogol» («Сон жителя Моголии»). Сюжет взят Лафонтеном из произведения персидского писателя XIII в. Саади «Гулистан», последние 20 стихов — из II-й книги «Георгик» Вергилия, Жуковский существенно увеличил объем басни (52 стиха вместо 40 у Лафонтена). Фигурирующие в оригинале отшельник и толкователь снов заменены в переводе соответственно на дервиша и колдуна; «служитель Орозмада» — дополнение Жуковского.

При изображении загробного мира убрано упоминание Миноса (одного из судей в языческой преисподней), но добавлена картина адских мук дервиша. Основные изменения коснулись второй части стихотворения. В оригинале она имеет характер рассуждения о преимуществах жизни вдали от света и двора. Жуковский придал ей глубоко лирический характер: введено обращение к друзьям, уединение приобрело черты «родительского крова». Усилено эмоциональное звучание всего фрагмента путем нагнетания вопросительной интонации (у Лафонтена всего

одна вопросительная фраза). Распространены природные образы, подчеркнута трактовка счастья как «дара Природы». В стихах 40—45 горацанский мотив противопоставления великой судьбе довольства малым заменен романтическим мотивом слияния с природой в любых ее проявлениях. Заключительная часть перевода может быть рассмотрена как «маленькая элегия с автобиографическим содержанием» (Вацуро. С. 94).

В 1807—1808 гг. эту же басню под тем же заглавием перевел К. Н. Батюшков (впервые: *Драматический вестник*. 1808. Ч. 5. С. 286—287).

Ст. 1. *Однажды доброму могольцу снился сон...*— Моголия — мусульманское государство на территории средневековой Индии.

Ст. 9. *...служитель Орозмада...*— Очевидно, обозначение верховного божества в ряде азиатских религий Ахурамазда.

Ст. 37. *... И Феб и дочери Мнемозины...*— Т. е. Аполлон и предводительствуемые им Музы — дочери Зевса и богини памяти Мнемозины.

Ст. 46. *Нить жизни для меня совется не из злата...*— Имеется в виду древнегреческий мифологический сюжет о мойрах (др.-рим.— Парки), пряхших и перерезавших нить человеческой судьбы.

Старый кот и молодой мышонок

(«Один неопытный мышонок...»)

(С. 98)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 25)—беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 45 об.—46 — рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и датой: «1806 года 26 октября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 51 — рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 18 — рукою М. А. Протасовой, с правкой Жуковского.

4) РНБ, оп. 2, № 2, л. 17 об.— рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 35. № 19. С. 185—186 — с подписью: «В. Ж-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 26 октября 1806 г.

Перевод басни Лафонтена «*Le vieux Chat et la jeune Souris*» («Старый Кот и молодая Мышь»). Жуковский почти не изменил количество стихов (26 вместо 25 у Лафонтена). Вместо Парок в аналогичном значении упомянут Плутон. Языку басни придан более живой характер; более непосредственным сделано и обращение к читателю.

Каплун и сокол

(«Приветы иногда злых умыслов прикраса...»)

(С. 99)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 12, л. 35 — черновой набросок; зачеркнуто.

2) РНБ, оп. 1, № 14, л. 25 об.—26— с заглавием: «Сокол и каплун» и последующей правкой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 46 об.—рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и датой: «1806 года 27 октября», с заглавием: «Сокол и каплун».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 52—53 — рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 23 — рукою М. А. Протасовой, с правкой Жуковского и заглавием: «Сокол и каплун»

4) РНБ, оп. 2, № 2, л. 27 об.—28 — рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и заглавием: «Сокол и каплун».

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 34. № 15. С. 176—178 — с подписью: «В. Ж-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 27 октября 1806 г.

Перевод басни Лафонтена «Le Faucon et le Charon» («Сокол и Каплун»), сюжет которой восходит к индийской сказке о каплунах и петухе. Жуковский увеличил количество стихов (43 вместо 37 в оригинале). Басня русифицирована: местом действия стала Москва, каплун получил русское имя: «Матюшка-долгохвост», повествованию и речи персонажей придан русский колорит. В характере сокола усилена спесь и грубость.

Ст. 4. *Пришлец из Арзамаса...* — Город Арзамас славился откармливанием гусей. Впоследствии это будет обыграно в шутовском ритуале заседаний литературного общества «Арзамас».

Кот и мышь

(«Случилось так, что кот Федотка-сыроед...»)

(С. 100)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 26 об.—27) — белой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 47 об.—рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и датой: «1806 года 26 октября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 45 об.—46 — рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 1, № 20, л. 4 — рукою М. А. Протасовой с правкой Жуковского.

4) РНБ, оп. 2, № 2, л. 39 об.—40 — рукою А. А. Протасовой с правкой Жуковского.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 32. № 8. С. 280—282 — под заголовком: «Басня» вместе с басней «Мартышки и лев» и с подписью: «В. Ж-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 26 октября 1806 г.

Перевод басни Лафонтена «Le Chat et le Rat» («Кот и Крыса»). Жуковский увеличил количество стихов (59 вместо 55 у Лафонтена). Прямая речь расширена и приобрела более эмоциональный характер. В описании утра слова в скобках добавлены Жуковским. Усилен комизм повествования за счет сочетания лексики разных стилей («благочестивый распутялся»). Создан русский колорит путем введения русских имен персонажей (кот Федотка-сыроед, сова Трофимовна-сопунья) и использования элементов разговорной речи и просторечия.

Орел и жук

(«Орел, пускась из туч, на кролика напал...»)

(С. 102)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 12, л. 34 — черновой.

2) РНБ, оп. 1, № 14, л. 28 — белой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 49 об.— рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и датой: «1806 года 30 октября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 39—40 — рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 8 об.— 9 — рукою М. А. Протасовой, с большой правкой Жуковского; все зачеркнуто.

4) РНБ, оп. 2, № 2, л. 8—8 об.— рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 31, № 3. С. 187—189 — с подзаголовком: «Басня» и подписью: «В. Ж-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 30 октября 1806 г.

Перевод басни Лафонтена «L'Aigle et l'Escarbot» («Орел и Жук»), сюжет которой восходит к Эзопу. Жуковским увеличено количество стихов (59 вместо 55 у Лафонтена). Несколько детализировано изображение (например, орлиного гнезда), косвенная речь заменена прямой. Добавлены комические выражения («все-вышний струсил»; «Бог с тобою» — в обращении к Зевсу). Исключено упоминание Ганимеда, когда-то вознесенного на небо орлом. Басне приданы некоторые русские черты в основном за счет использования элементов разговорной речи и благодаря упоминанию снега в последнем стихе.

Н. Разумова

Амина и Эндимион

(«Амина, приуныв, сидела над рекою...»)

(С. 103)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 30—30 об.) — белой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 43 об.—44 — рукою А. А. Протасовой с датой: «1806 году 1 ноября», с правкой Жуковского; с отличиями от печатного текста; зачеркнуто вертикальной чертой.

2) РНБ, оп. 2, № 1, л. 27 об. — рукою М. А. Протасовой с правкой Жуковского; зачеркнуто вертикальной чертой.

3) РНБ, оп. 1, № 15, л. 47 — рукою В. И. Губарева. Текст совпадает с беловым автографом.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 33. № 10. С. 108—110 — перед басней «Сурки и крот». Обе басни с подписью: «В. Ж-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1 ноября 1806 г.

Перевод басни Лафонтена «Tircis et Amarante» («Тирсис и Амаранта»), посвященной мадемуазель де Силлери, племяннице герцога де Ларошфуко, автора «Максим». В издании басен Лафонтена 1803 г., сохранившемся в составе библиотеки Жуковского (Описание. № 2639), 14 стихов басни, в которых описываются муки и радости любви, отчеркнуты на полях вертикальной чертой (см.: БЖ. Ч. 3. С. 374—375). В переводе Жуковского опущены первые 29 ст. басни Лафонтена, обращенные к м-ль де Силлери; 34 ст. сюжетной части подлинника соответствуют 40 ст. перевода; изменены имена персонажей: Тирсис, Амаранта, Клидамант у Лафонтена — Амина, Эндимион, Эсхин у Жуковского.

В 1883 г. П. А. Висковатов вторично опубликовал басню «Амина и Эндимион» по копии № 2 в подборке с текстами трех других стихотворений: «На прославителя русских героев...», «Смерть» («Однажды смерть послала в ад указ...»), «Отрывок» (из Шиллера), ошибочно отнеся перевод из Лафонтена к 1811 г.

Ст. 2. *Подходит к ней Эндимион...* — Эндимион — по греческой мифологии, возлюбленный богини луны Селены, которого Зевс погрузил в вечный сон, чтобы сохранить ему бессмертие. В контексте сюжета басни имя Эндимион, данное ее герою Жуковским, обретает иронический оттенок: подобно своему мифологическому прообразу, герой басни проспал свое счастье. В принципе подбора имен героев по созвучию очевидны истоки более поздних номинаций в балладах. Ср.: Эльвина и Эдвин, Алина и Альсим, Арминий и Минвана.

Ст. 38—40. *Как быть, Эндимион! ~ Но счастье другим при нас же достается.* — В копии № 2 эти последние три стиха читаются иначе: «Бедняк Эндимион; расчет неверен твой // Давно пословица ведется: // Готовишь для Петра — Ивану достается».

О. Лебедева

Сокол и Филомела

(«Летел сокол. Все куры всклопотались...»)

(С. 105)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 31 об.)—беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 51 об.—рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и датой: «1806 года 2 ноября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 50 об.—51 —рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 22 об.—рукою М. А. Протасовой. Тексты идентичны автографу.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 35. № 18. С. 102—103 —с подписью: «В. Ж-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 2 ноября 1806 г.

Перевод басни Лафонтена «Le Milan et le Rossignol» («Коршун и Соловей»), сюжет которой восходит к «Трудам и дням» Гесиода. Жуковским увеличено количество стихов (28 вместо 20 у Лафонтена). Более детально изображен переполох у кур, речи сокола придан более экспрессивный характер.

Ст. 15. *Как я досталась безбожнику Терею...*— В басне отразился мифологический сюжет о сестрах Прогне и Филомеле, подвергшихся преследованиям со стороны фракийского царя Терей и превращенных богами соответственно в ласточку и соловья (см.: Овидий. *Метаморфозы*. Кн. 6. Ст. 424—674).

Похороны львицы

(«В лесу скончалась львица...»)

(С. 105)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 12, л. 39 — черновой.

2) РНБ, оп. 1, № 14, л. 32—33 — беловой, с правкой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 52 об.—рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и датой: «1806 года 6 ноября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 53 об.—55 —рукою В. И. Губарева. Текст идентичен автографу № 2.

3) РНБ, оп. 2, № 2, л. 30 об.—31 —рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 33, № 11. С. 189—192 —с подписью: «В. Ж-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 6 ноября 1806 г.

Перевод басни Лафонтена «Les obsèques de la Lionne» («Погребение Львицы»). Жуковский значительно увеличил количество стихов (70 вместо 55 у Лафонтена).

Расширено изображение погребального обряда, которому приданы русские черты. Введены дополнительные персонажи (Потап-мартышка, суслик-камергер), эпизод обморока лисицы. Развернуто описание скорби льва. Добавлены подробности о том, чем награжден олень. Нравоучение сокращено (1 стих вместо 4 у Лафонтена).

Н. Разумова

Комар

(«Как все, мой нежный друг, неверно под луною!..»)

(С. 107)

Автографы:

1) Gleim F.-W.-L. *Sämmtliche Schriften*. Bd. 1. Leipzig, 1802. S. 60 (Описание. № 1135) — черновой, на свободной части страницы, без заглавия.

2) РНБ, оп. 1, № 12, л. 22 — черновой, с заглавием: «Комар».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: БЖ. Ч. 3. С. 393. Публикация Н. Б. Реморовой по автографу № 2.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: предположительно 1806 г.

Основание для датировки — местоположение автографа № 2 в рукописи, где он находится на одном листе с черновыми автографами стих. «Сафина ода» и «Идиллия», относящихся к маю 1806 г. Время чтения произведений Глейма также соотносится с этой датировкой.

Вольный перевод стихотворения немецкого поэта Иоганна Вильгельма Людвиг Глейма (1719—1803) «Die Fliege» («Муха»), помещенного у него в раздел «Басни». Отсутствие перебеленного автографа и невключение ни в одно прижизненное издание заставляют думать, что перевод не удовлетворил автора.

Характер записи в книге свидетельствует, что, начав работу с особенно понравившейся афористической концовки глеймовского стихотворения («Und trank den Tod, wo wir das Leben trinken»), переводчик заменяет 8 строк разноstopного ямба с логическими паузами и незамысловатой рифмой, создающими впечатление легкости и шутовства повествования, на 6 строк, из которых 5 — шестистопный ямб (с цезурой после третьей стопы), а одна — четырехстопный, от чего легкость движения стиха утратилась. Кроме того, заменив Муху Комаром, он лишил миниатюру ряда конкретных деталей, что допускал лишь на ранних этапах творчества (подробнее см.: БЖ. Ч. 3. С. 394—395).

Ст. 1. *Как все, мой нежный друг, неверно под луною!*.. — Это отступление от подлинника восходит к известной цитате Н. М. Карамзина из стих. «Опытная Соломонова мудрость, или Выбранные мысли из Екклесиаста» (1797): «Ничто не ново под луною».

Н. Реморова

• ЭПИГРАММЫ •

Около трех десятков произведений — таков итог эпиграмматической деятельности Жуковского, который писал и переводил эпиграммы в течение только одного десятилетия: осень 1806 — осень 1814 гг. Причем октябрь 1806 г. оказывается рекордным по количеству созданного Жуковским в этом жанре: 18 эпиграмм, из которых 17 — переводных, 1 — оригинальная (2 эпиграммы датируются 18 октября, 10 эпиграмм — 25 октября, 6 эпиграмм — концом октября — 1 ноября. О времени написания оригинальной эпиграммы «На прославителя русских героев» см. ниже). Несколько эпиграмм Жуковского следует отнести к 1806—1809 гг., а последние его эпиграммы, часть которых пародирует их жанрового предка — эпитафию, относятся к октябрю 1814 г.

Автографы 16 эпиграмм находятся в альбоме с золотым тиснением, озаглавленном «Подарок 1806 года Генваря 16 дня» (РНБ, оп. 1, № 14). Под № 18 и 20 соответственно «Пускай бы за грехи доход наш убавлялся...» и «Ты драму, Фефил, написал...» Остальные собраны в разделы «Эпиграммы». В первом разделе, идущем в альбоме под № 25, эпиграммы расположены в следующей последовательности:

1. Не знаю почему, по дружбе или так...
2. С повязкой на глазах за шалости Фемида...
3. О, непостижное злоречие уму...
4. Для Клима все как дважды два...
5. Сей камень над моей возлюбленной женой...
6. Трим счастья искал ползком и тихомолком...
7. Ты сердисься за то, приятель мой Гарпас...
8. Испытанных друзей для новых забывать...
9. Приятель, отчего присел...
10. Румян французских штукатура...

У нас в провинции нарядней нет Любви... (без №) (л. 18—18 об., 19).

Под № 35 в альбоме записана эпиграмма «На Чичерина» — она единственная во втором разделе «Эпиграммы». Под № 37 — еще один раздел «Эпиграммы». Здесь пронумерованными записаны:

1. Скажи, чтоб там потише были...
2. Новый стихотворец и древность
3. Дидона! как тобой рука судьбы играла...
4. Барма, нашед Фому чуть жива, на отходе... (л. 29—29 об.).

В той же последовательности эти эпиграммы (за исключением «У нас в провинции...») переписаны рукою А. А. Протасовой в тетради № 13 (имеются поправки Жуковского). Первый раздел «Эпиграммы 1806 году 25 октября» — 10 эпиграмм, 5-я и 10-я зачеркнуты (л. 41 об., 42 об.), второй — «Эпиграммы 1806 году 1 ноября» — 4 эпиграммы, 1-я, 2-я зачеркнуты. О характере правок см. ниже (л. 50 об.). Кроме того, на л. 38 об. рукою А. А. Протасовой записано: «Эпиграммы 1806 году 18 октября»:

1. Пускай бы за грехи доход наш убавлялся... (зачеркнуто Жуковским)
2. Ты драму, Фефил, написал...

Почти в том же составе, но в другой последовательности эпиграммы переписаны рукою В. И. Губарева в тетради № 15. Здесь они вновь сведены в раздел «Эпиграммы», который, в свою очередь, входил в раздел «Смесь»:

1. Для Клима все как дважды два...
2. Пускай бы за грехи доход наш убавлялся...
3. Ты драму, Фефил, написал...
4. Не знаю почему, по дружбе или так...
5. Испытанных друзей для новых забывают...
6. С повязкой на глазах за шалости Фемида...
7. О, непостижное злоречие уму...
8. Ты сердисься за то, приятель мой Гарпас...
9. Румян французских штукатура...
10. Трим счастья искал ползком и тихомолком...
11. Дидона! как тобой рука судьбы играла...
12. Барма, нашед Фому чуть жива, на отходе...
Новый стихотворец и древность
Приятель, отчего присел... (без №, л. 62 об.— 64).

Сюда, как видим, не вошли 2 из 4-х зачеркнутых Жуковским эпиграмм («Сей камень над моей возлюбленной женой...» и «Скажи, чтоб там потише были...»). О характере правок см. ниже. Судя по тому, что эпиграмма «Приятель, отчего присел...» здесь озаглавлена («Баварский король»), а в другой (№ 8) первая строка исправлена и звучит так, как она будет впоследствии опубликована в «Вестнике Европы», эти копии были сделаны позднее. Перечеркнутые поэтом эпиграммы (копии) в № 13 находим в № 1 (оп. 2). Они собраны в раздел «Несколько эпиграмм»:

- Пускай бы за грехи доход наш убавлялся...
Ты драму, Фефил, написал...
Не знаю почему, по дружбе или так...
С повязкой на глазах за шалости Фемида... (л. 15)
Дидона! как тобой рука судьбы играла...
Барма, нашед Фому чуть жива, на отходе... (л. 25).

На этом же листе — черновой автограф эпиграммы «На прославителя русских героев» (перечеркнут). Наконец, в № 2 (оп. 2), представляющем собой альбом, находятся копии, сделанные рукою А. А. Протасовой (практически без правок Жуковского), следующих эпиграмм, собранных и здесь в общий раздел «Эпиграммы»:

1. О, непостижное злоречие уму...
2. Для Клима все как дважды два...
3. Испытанных друзей для новых забывать...
4. Трим счастья искал ползком и тихомолком...
5. Ты сердисься за то, приятель мой Гарпас...
6. Не знаю почему, по дружбе или так...

7. С повязкой на глазах за шалости Фемида...

8. Дидона! как тобой рука судьбы играла...

№ 1, 3—6 зачеркнуты. «Новый стихотворец и древность» переписано как не входящее в раздел (л. 20 об.— 21). Судя по характеру правки, а также по количеству зачеркнутого Жуковским, по полноте состава раздела и даже по его названию «Несколько эпиграмм», копии № 1, 2 (оп. 2) следует считать более ранними по сравнению с копиями № 13 и 15 (оп. 1).

13 эпиграмм 1806 г. были опубликованы почти сразу после их создания, в «Вестнике Европы» (1807. № 2, 4, 6 под рубрикой «Эпиграммы»). При жизни не публиковались эпиграммы, зачеркнутые или не вошедшие в авторские жанровые подборки в автографах и копиях. Эти эпиграммы (за исключением «На прославителя русских героев») частично или полностью впервые были опубликованы И. А. Бычковым в 1887 г. в «Отчете Имп. Публичной библиотеки за 1884 г.» (Приложение. СПб., 1887). Первая полная публикация 2-х эпиграмм («Скажи, чтоб там потише были...» и «На Чичерина») осуществлена А. С. Архангельским в ПСС. Ни одна из эпиграмм 1806 г. не включалась в прижизненные собрания сочинений поэта.

Не вызывая, по-видимому, большого и специального интереса Жуковского и чаще всего не выходя за рамки жанрового эксперимента или «стилистического упражнения» (см. Резанов. С. 477; Иезуитова. С. 210; Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX вв. Л., 1975. С. 22), эпиграмма тем не менее заняла свое место и в эстетическом самообразовании, и в творчестве молодого поэта. Так, библиотека Жуковского, хранящая следы его использования и переосмысления смеховой культуры предшественников, запечатлела попытки изучения эпиграммы в теоретическом и историко-культурном аспектах. Например, пометы Жуковского обнаружены исследователем в «Рассуждении 8. О эпиграмме» «Принципов литературы» Ш. Батте (см. БЖ. Т. 2. С. 103). Эпиграмма входила в ряд планов и программ фронтального изучения литературы и эстетики, составляющихся поэтом в 1800-е гг. Так, судя по одному из них, руководством для изучения эпиграммы должна была служить статья из «Элементов литературы» Ж.-Ф. Мармонтеля (см. БЖ. Т. 2. С. 37). Сборник эпиграмм «*Elite de poésies fugitives. Londres, 1769. T. 1: Epigramme*» Жуковский упоминает в плане задуманных им переводов и подражаний (см. РНБ, оп. 1, № 79, л. 8). Однако большая часть эпиграмм 1806 г. была переведена Жуковским, вероятно, из другого сборника «*Nouvelle Anthologie française, ou Choix des Epigrammes et Madréigaux de tous les poètes Français, depuis Marot jusqu'à ce jour*» (P., 1769. T. 1, 2). Осваивая жанр эпиграммы, поэт, как это часто бывало в его творчестве, опирается на предшествующую мировую (античную, французскую, немецкую) традицию, обращаясь к таким авторам, как Марциал, Ж.-О. Гомбо, Ж.-Б. Руссо, Ж. Дюлоран, Баратон и др. (См. об этом: Резанов. С. 472—476).

Любопытно отметить, что на эпиграмматическое творчество Жуковского влияло несколько традиций. Прежде всего, очевидно активное взаимодействие эпиграммы с близкими и смежными ей жанрами ранней юмористики поэта, особенно с басней. Работа над произведениями этих жанров идет почти одновременно и

как бы параллельно. Показательно, что эпиграммы даже записаны Жуковским (и теми, кто делал копии) среди басен.

Для перевода выбираются эпиграммы, напоминающие бытовые сценки. В них активно используются монологические и диалогические формы речи. Как в басне, в эпиграмме Жуковского всегда сохраняется двухчастная композиция: рассказ о событии и вывод (пуант). По этим же принципам создаются и оригинальные эпиграммы. На эпиграмме, будто в экспериментальной лаборатории, оттачивается умение уплотнить сюжет до нескольких (2—4) строк, живописные подробности — до единственного яркого штриха, монолог — до реплики-афоризма. Заботясь о краткости, как об одном из специфических жанрообразующих признаков эпиграммы, Жуковский в процессе перевода может сократить оригинал вдвое. Средний объем эпиграммы Жуковского — 4,9 стиха (см.: Матяш С. А. Вопросы поэтики русской эпиграммы. Караганда, 1991. С. 92). Из 18 эпиграмм 1806 г. только 3 можно отнести к так называемым развернутым, хотя и это указывает на недостаточную еще дифференциацию сатирических жанров, в частности басни и эпиграммы, в творчестве Жуковского.

Чтобы сообщить эпиграмме динамизм и сохранить при этом ее содержательность, Жуковский прибегает к особому метрическому рисунку стиха. Аналог александрийского стиха — традиционный для эпиграммы XVIII в. 6-стопный ямб оригинала часто заменяется в переводах вольным ямбом. Жуковский пробует возможность применения в эпиграмме и целого ряда других стихотворных размеров, вливаясь тем самым в общее русло метрического обновления русской эпиграммы, жанра достаточно консервативного, с устойчивыми структурными признаками. Эффект свободного гибкого языка и остроумия достигается и недостаточно распространенной в западноевропейской и русской эпиграмме начала XIX в. перекрестной рифмовкой, особенно в случае ее «парадоксальности» (напр.: «Фемида» — «обида», «печаль» — «госпиталь», «написал» — «до смеха просвистал»). Игра слов, каламбур, широкое введение простонародных выражений — переводные эпиграммы Жуковского и в этом плане оказываются весьма вольными. Именно с этим связана в основном авторская правка текстов. К тому же, стремясь, чтобы его переводные эпиграммы откликнулись на события и проблемы русской жизни, Жуковский использует в них «имена-этикетки отечественного происхождения» (см. об этом: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. / Вст. статья Л. Ф. Ершова. С. 22), многие реалии русского быта, место действия часто переносятся в Россию и т. д.

Нередко Жуковский выбирает для перевода эпиграммы, сюжеты которых были очень популярны и передавались уже до него на русский язык многими авторами. Чаще всего поэт присоединяется к наиболее заметной традиции. Так, он обращается к эпиграммам, переведенным к 1806 г. А. П. Сумароковым, И. И. Дмитриевым, запечатлевшим, по утверждению исследователей, переходный момент в развитии жанра, «когда нравоучение, дидактика, в их более или менее обнаженном виде, уступают место эмоционально-образному воплощению идей и мнений, а прямое порицание заменяется (...) иронией» (Ершов Л. Ф. С. 15). Собственно эпиграммы Жуковского органично включаются в этот сложный процесс эволюции

данного жанра и русской сатиры в целом — от непосредственного воздействия на носителя зла к иному пониманию целей и задач смеха, о чем поэт прямо скажет в статье «О сатире и сатирах Кантемира»: «Смех производит веселость, а веселость почитается одним из счастливейших состояний человеческого духа... Смех оживляет душу, или рассеивая мрачность ее (...) или возбуждая в ней деятельность и силу» (Эстетика и критика. С. 197). В своих переводах Жуковский и развивает традицию эпиграммы негрубой, небранной, незлоречивой. И даже в эпиграммах сатирических у Жуковского дидактика, нравоучение оказываются потеснены общим шутивым настроением.

Отличаясь тематическим разнообразием, эпиграммы Жуковского нацелены на отвлеченные пороки, личностное начало выступает только в образе автора. Из эпиграмм 1806 г. лишь одна написана на конкретную личность. Собственно литературные эпиграммы Жуковского чаще всего направлены также не против конкретных авторов, но их объектом являются хотя и общие недостатки и слабости художественного произведения, однако именно те, которые вызывали в 1800-е гг. литературную полемику (напр., 2 эпиграммы ставят вопрос об отношении к поэзии древних и новых, чему впоследствии, как известно, Жуковский посвятит специальную статью).

Таким образом, эпиграмма Жуковского, сотканная из живых шутивых интонаций, комизма и остроумия, вытеснявших назидательность и рационалистическую сухость, органично вписывается в раннее юмористическое творчество поэта, которое, в свою очередь, закладывало основы новой смеховой культуры «Арзамаса», одним из основоположников и бессменным секретарем которого, как известно, являлся Жуковский. Стихия иронии и юмора, возникшая у Жуковского, как утверждает исследователь, «оживет, наполнится смыслом и получит новую жизнь (...) в поэзии Пушкина» (Иезуитова. С. 237).

«Пускай бы за грехи доход наш убавлялся...»

(С. 108)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 15) — белой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 38 об. — рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 году 18 октября», зачеркнуто Жуковским.

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 62 об. — рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 15 — рукою А. А. Протасовой, зачеркнуто Жуковским.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 1 С. 39.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 18 октября 1806 г.

В. И. Резанов указывает на переводной характер этой эпиграммы. (Резанов. С. 472). Источник установить не удалось.

«Ты драму, Фефил, написал?..»

(С. 108)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 16 об.)—беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 38 об.—рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 году 18 октября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 63—рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 15—рукою А. А. Протасовой, зачеркнуто Жуковским.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 31. № 4. С. 263—с подписью: «В. Ж-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 18 октября 1806 г.

Вольный перевод эпиграммы неизвестного французского автора на Н. Прадона. Источник перевода: *Nouvelle Anthologie française...* Т. 2. Р. 63. № 73. Эпиграмма укорочена Жуковским вдвое, облечена в форму диалога, осложнена введением мотива самохвальства и самозванства драматурга.

«Не знаю почему, по дружбе или так...»

(С. 108)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 18)—беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 41 об.—рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 году 25 октября» и поправками Жуковского.

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 63—рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 15—рукою А. А. Протасовой, зачеркнуто Жуковским.

4) РНБ, оп. 2, № 2, л. 21—рукою А. А. Протасовой.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 31. № 4. С. 264—с подписью: «Ж-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 25 октября 1806 г.

Вольный перевод-переделка эпиграммы Ж. О. де Гомбо (*Gombault J. O. de, 1570—1666*). Источник перевода—*Nouvelle Anthologie française...* Т. 2. Р. 291. № 121. Жуковский дает имя безымянному в оригинале герою, написание которого и подвергалось правке: в автографе «Парпура», в копии (№ 13) рукою поэта поправлено: «Папура». Кроме того, снят мотив назойливости героя, в переводе он— «истинный чудака», вызывающий улыбку и сочувствие одновременно, ср.:

*Une fois l'an il me vient voir,
Je lui rends le même devoir:
Nous sommes l'un et l'autre à plaindre;
Il se contraint pour me contraindre.*

«С повязкой на глазах за шалости Фемида!..»

(С. 108)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 18) — беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 41 об. — рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 году 25 октября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 63 — рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 15 — рукою А. А. Протасовой, зачеркнуто.

4) РНБ, оп. 2, № 2, л. 21 — рукою А. А. Протасовой.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 31. № 2. С. 122 — с подписью: «В. Ж...й».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 25 октября 1806 г.

«О непостижное злоречие уму!..»

(С. 108)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 18) — беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 41 об. — рукою А. А. Протасовой, с датой «1806 году 25 октября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 63 — рукою В. И. Губарева

3) РНБ, оп. 2, № 2, л. 20 об. — рукою А. А. Протасовой, зачеркнуто Жуковским.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 32. № 6. С. 115 — с подписью: «В. Ж-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 25 октября 1806 г.

Восходит к эпиграмме Марциала Марка Валерия (Martialis, ок. 40 — ок. 104), римского поэта-эпиграмматиста («Jurat capillos esse, quos emit, suos...»). Жуковский мог воспользоваться интерпретацией немецкого поэта и критика, теоретика эпиграммы Г. Э. Лессинга (Lessing, 1729—1781) «Auf die Galathee»: «Die gute Galathee! Man sagt, sie schwarz' ihr Haar; Da doch ihr Haar schön schwarz, als sie es Kauffe, war». См.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. С. 714—715). Перевод русифицирован, на что указывает появившаяся в переводе фамилия «Морковкина».

«Для Клима все как дважды два!..»

(С. 108)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 18—18 об.) — беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 42 об. — рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 году 25 октября» и правкой Жуковского.

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 62 об. — рукою В. И. Губарева, 6-й стих пропущен.

3) РНБ, оп. 2, № 2, л. 20 об. — рукою А. А. Протасовой.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 31. № 4. С. 263—с подписью: «В. Ж-ий» и авторским примечанием, отсутствовавшим в автографе и копиях, к ст. 4 (Мирамонд):— «Старинный русский роман». В С 5 (Т. 12. С. 10) уточняется автор романа—Ф. Эмин.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 25 октября 1806 г.

Вольный русифицированный перевод эпиграммы Ж.-Б. Руссо (Rousseau J.-B., 1671—1741), знаменитого французского поэта, привлекшего внимание Буало, пламенным поклонником которого был, в свою очередь, Руссо. Его духовные и светские оды считались образцом классической лирики, а эпиграммы—весьма острыми (см.: Энциклопедический словарь / Под ред. Ф. Э. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 27. СПб., 1903. С. 348). Источник перевода—Nouvelle Anthologie française... Т. 1. P. 125. № 78. Для сравнения приведем текст подлинника:

Chrysologue toujours opine;
C'est le vrai Grec de Juvenal;
Tout ouvrage, toute doctrine
Ressortit à son tribunal.
Faut-il disputer de physique?
Chrysologue est Physicien.
Voulez-vous parler de Musique?
Chrysologue est Musicien.
Que n'est-il point? Docte Critique,
Grand Poète, bon Scolastique,
Astronome, Grammairien.
Est-ce tout? Il est Politique,
Jurisconsulte, Historien,
Platoniste, Cartésien, Sophiste,
Rhéteur, Empyrique;
Chrysologue est tout, et n'est rien.

Эпиграмма в переводе Жуковского наполняется разнообразными конкретными именами, названиями, подбираемыми по принципу контраста, который практически не работает в оригинале. В связи с этим всезнающий герой получает простонародное имя «Клим» вместо «Chrysologue»; «Вергилий», встречающийся во 2-й строке автографа и в копии (№ 13), в первой публикации заменяется на «Гораций» (в обоих случаях Жуковский избегает ошибки, допущенной в оригинале, где герой назван «настоящим греком Ювеналом»), а «историк» в 14-й строке на «хирургус», по контрасту с находящимися рядом «бочар» и «проповедник». В одной из копий эта строка читается так: «Фигляр, берейтор, повар, физик».

Ст. 2. *Ксенофонт*—Древнегреческий писатель и историк, автор сочинений на разные темы—от философии до верховой езды; *Бова*—Бова-Королевич, герой русской волшебной богатырской повести, а с конца XVIII в.—любочных сказок.

Ст. 3. *Лаланд*—Лаланд Жозеф Жером (1732—1807), французский астроном, иностранный почетный член Петербургской Академии Наук (1764). Составил ка-

талога свыше 47 тысяч звезд; *Гершель* — Гершель Уильям (Фридрих Вильгельм, 1738—1822), английский астроном, основоположник звездной астрономии, иностранный почетный член Петербургской Академии Наук (1789). Построил первую модель Галактики, установил движение Солнца в пространстве, открыл Уран, его 2 спутника и 2 спутника Сатурна.

Ст. 4. *Мирамонд* — Имеется в виду роман Ф. А. Эмина (1735—1770) «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда» (1763). *Мушенброк* — Мушенбрук (Мюксенбрук) Питер ван (1692—1761), нидерландский физик, иностранный почетный член Петербургской Академии Наук (1754). Изобрел электрический конденсатор, автор первого систематического курса физики.

«Сей камень над моей возлюбленной женой!..»

(С. 109)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 18 об.) — беловой, с подписью: «Ж.»

Копия (РНБ, оп. 1, № 13, л. 42 об.) — рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 году 25 октября», зачеркнуто Жуковским.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 31.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 25 октября 1806 г.

Перевод сатирической эпитафии французского поэта Ж. Дюлорана (J. Du Lorens, 1583—1658). В сборнике «Русская эпитаграмма второй половины XVII — начала XX в.» эта эпитаграмма опубликована под названием «Эпитафия жене». Одна из самых известных эпитаграмм Дюлорана, высоко оцененная Буало, она пошла странствовать по всему свету. В Англии ее перевел Дж. Драйден (Ц. С. Вольпе указывает этот перевод как источник перевода Жуковского), в Италии — С. Беттинелли. В русской эпитаграмматистике она занимает по количеству переводов одно из первых мест. Среди русских переводчиков этой эпитаграммы И. И. Дмитриев, Д. И. Хвостов (см.: Указ. соч. С. 715—716). Источник перевода — *Nouvelle Anthologie française...* Т. 1. Р. 100. № 3 1.

«Трим счастья искал ползком и тихомолком...»

(С. 109)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 18 об.) — беловой, с подписью: «Ж.»

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 42 об. — рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 году 25 октября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 63 об. — рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 2, л. 21 — рукою А. А. Протасовой, зачеркнуто Жуковским.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 31. № 6. С. 116 — с подписью: «В. Ж...ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 25 октября 1806 г.

Ст. 2. В автографе и одной из копий (№ 13) читается: *«Нашедши — грудь вперед, нос вздернул, весь иной»*. Правка стилистического характера.

«Ты сердисься за то, приятель мой Гарпас...»

(С. 109)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 18 об.) — беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 42 об. — рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 году 25 октября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 63 об. — рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 2, л. 21 — рукою А. А. Протасовой, зачеркнуто Жуковским.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 32. № 6. С. 115 — с подписью: «В. Ж-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 25 октября 1806 г.

Ст. 1. В автографе и копиях (кроме № 15) читается: *«Напрасно сетуешь, приятель мой Гарпас...»* Правка стилистического плана, за счет нее изменяется эмоционально-психологическая характеристика состояния героя.

«Испытанных друзей для новых забывать...»

(С. 109)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 18 об.) — беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 41 об. — рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 году 25 октября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 63 — рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 2, л. 21 — рукою А. А. Протасовой.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 31. № 4. С. 264 — с подписью: «В. Ж-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 25 октября 1806 г.

Новопожалованный

(«— Приятель, отчего присел?..»)

(С. 110)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 19) — беловой, без заглавия.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 42 об. — рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 году 25 октября», без заглавия.

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 64 — рукою В. И. Губарева, с заглавием: «Баварский король».

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 31. № 2. С. 123 — с подписью: «В. Ж...й», с заглавием: «Новопожалованный».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 25 октября 1806 г.

В автографе 1-я строка имела первоначальный вариант: «*Зачем, приятель мой, присел...*». Правка стилистического характера. Адресат эпиграммы — баварский курфюрст Максимилиан IV, который этот титул получил в 1806 г. от Наполеона I, за что обязан был поставить императору 30-тысячную армию от объединения западногерманских князей (так называемый «Рейнский союз»).

Ст. 2. *Злодей* — Здесь речь идет о Наполеоне I.

«Румян французских штукатурка...»

(С. 110)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 13, л. 19) — беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 42 об. — рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 году 25 октября». Зачеркнуто Жуковским.

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 63 об. — рукою В. И. Губарева.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 32. № 6. С. 116 — с подписью: «В. Ж-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 25 октября 1806 г.

Переложение эпиграммы Ж. Гомбо (см. примечание к эпиграмме № 3). Источник перевода: *Nouvelle Anthologie française...* Т. 1. Р. 62. № 119. Жуковский развернул описание, дополнив его рядом смешных деталей, в связи с чем эпиграмма увеличилась в объеме (вместо 6 — 10 строк). Динамика же повествования при этом не уменьшилась благодаря размеру, выбранному переводчиком. В автографе и копии (№ 13) стих 4-й имел первоначальный вариант: «*С антиком гребень в волосах...*», который был заменен на: «*Вихры на лбу и на глазах*», что придает описанию модницы юмористическое звучание. В публикации ВЕ фраза поправлена стилистически: «*Вихры на лбу и на щеках*». Кроме того, в автографе и копии (№ 13) героиня получила имя Селимена, что рифмовалось с предыдущей строкой: «*В карете модной, позлащенной*». В публикации ВЕ архаическая форма «позлащенный» заменена на современную, стилистически более подходящую в данном случае форму «золоченый». С этим связана замена имени героини — Альцидона вместо Селимены. Эта эпиграмма была переведена на русский язык в 1804 г. П. П. Сумароковым (ВЕ. 1804. № 6. С. 309). Для сравнения приведем этот перевод:

Тафты, атласы и перкали,
Алмазы, жемчуги и кашемирски шали,
Линоны, кружева, батисты, тарлатан,
Да фунтов несколько притом белил, румян,

**В карете английской двухтысячной катают
И модной дамою сей сверток величают.**

Ст. 6. *На перстне в десять крат алмаз...*— Имеется в виду карат, единица веса драгоценных камней.

«У нас в провинции нарядней нет Любви!...»

(С. 110)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 19)— беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 1. С. 38.

Печатается по этому изданию, со сверкой по автографу.

Датируется: конец октября (после 25-го) 1806 г. на основании положения автографа в альбоме «Подарок 1806 года. Генваря 16 дня» (эпиграмма записана отдельно от тех, которые собраны в раздел «Эпиграммы 1806 году 25 октября» — ниже на листе, но раньше эпиграммы «На Чичерина», датируемой 29—30-м октября 1806 г.— см. об этом далее).

Русифицированный перевод французской анонимной эпиграммы «Lise, quoi-que provincial...» (см.: Русская эпиграмма второй половина XVII—начала XX в. С. 717). В автографе стих 1-й читается: «У нас в провинции нарядней нет Любви...» (ср. в ПСС: «У нас в провинции нарядов нет любви...»). В. И. Резановым был уточнен и 4-й стих: «Все получает из Москвы» (Резанов. С. 473. Ср. в ПСС: «Все получаем из Москвы»).

На Чичерина

(«Сибири управленьем...»)

(С. 110)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 27 об.)— беловой.

При жизни Жуковского не печаталось

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 32 (ст. 1—2).

Впервые полностью: ПСС. Т. 1. С. 38.

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: 29—30 октября 1806 г. на основании положения автографа в альбоме «Подарок 1806 года. Генваря 16 дня» (эпиграмма записана между баснями «Кот и Мышь» — датируется 29 октября 1806 г.— и «Орел и Жук» — датируется 30 октября 1806 г. См.: РНБ, оп. 1, № 13, л. 47 об. и 49 об.).

Одна из немногих оригинальных эпиграмм Жуковского. Ее адресат— Антон Александрович Чичерин (1780—1871), статский советник и камергер, внук Дениса Ивановича Чичерина (1721—1785), генерал-майора и сибирского губернатора с 1762 г. по 1780 г., который также упоминается в этой эпиграмме, отличающейся остроумием и шутивными интонациями. «Эпиграмма эта очень невинна» (Резанов. С. 477).

«Скажи, чтоб там потише были!..»

(С. 110)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 29)—беловой.

Копия: (РНБ, оп. 1, № 13, л. 50 об.)—рукою А. А. Протасовой, зачеркнуто Жуковским.

При жизни Жуковского не печаталось

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 32 (ст. 1—2).

Впервые полностью: ПСС. Т. 1. С. 38 (с ошибкой в ст. 2).

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: 1 ноября 1806 г.

Перевод эпиграммы французского поэта-эпиграмматиста Баратона (Baraton, конец XVII в.— начало XVIII в.). В: Dictionnaire universel encyclopédique (Nouveau Lagousse) эта эпиграмма названа одной из самых известных, написанных Баратоном. Ее текст приведен в Словаре (Т. 1. Р., 1717. Р. 723). Источник перевода Жуковского: Nouvelle Anthologie française... Т. 2. Р. 323. № 29. Эпиграмма в переводе Жуковского короче оригинала на 2 стиха. Место действия перенесено в русскую обстановку. Эту эпиграмму перевел в 1799 г. П. П. Сумароков для своего «Собрания некоторых сочинений, подражаний и переводов» (М., 1799. Ч. 1. С. 112), позднее — Н. М. Мацнев (см. его «Басни, сказки и мелкие сочинения». СПб., 1816. С. 104). В автографе и копии ст. 2 читается: «*Кричал повытчику судья...*» (ср. в ПСС: «*Кричит повытчику судья...*»).

Ст. 2. *Кричал повытчику судья*—Повытчик—судебный делопроизводитель в дореволюционной России.

Новый стихотворец и древность

(«Едва лишь что сказать удастся мне счастливо...»)

(С. 111)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 29)—беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 50 об.—рукою А. А. Протасовой, с датой «1806 году 1 ноября», зачеркнуто Жуковским.

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 64—рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 2, л. 21—рукою А. А. Протасовой.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 31, № 2. С. 122—с подписью: «В. Ж...й».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1 ноября 1806 г.

Перевод эпиграммы д'Асейи (псевдоним, настоящее имя Ж. Кайи—J. Cailly, 1604—1673), французского поэта, который с молодости был известен именно как эпиграмматист. Его эпиграммам «в легком духе» («en esprit fin») в Nouveau Lagousse дается очень высокая оценка. Источник перевода: Nouvelle Anthologie française... Т. 1. Р. 18. № 33. В начале XIX в. сюжет этой эпиграммы был очень по-

пулярен и передавался на русский язык многими авторами, среди которых А. П. и П. П. Сумароковы, И. П. Пнин. «Новый стихотворец и древность» — одно из самых ранних обращений Жуковского к вопросу о соотношении «древних» и «новых» поэтов, тесно связанному со спорами о классической и романтической поэзии (см.: Эстетика и критика. С. 403). В автографе и одной из копий (№ 13) 5-й стих читается: «*Ей после не прийти, невежде...*» (ср.: «*Que ne venait-elle-après moi...*»). В первой публикации стих читается: «*Ей после не прийти к невежде...*» Определение «невежда», отсутствующее в оригинале и отнесенное было в переводе к образу Древности, характеризует в окончательном варианте необразованного читателя. В 1814 г. Жуковский перевел эпитафию д'Асейи «Толстому Эгоисту».

«Дидона! как тобой рука судьбы играла...»

(С. 111)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 29) — беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 50 об. — рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 году 1 ноября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 64 — рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 25 рукою А. А. Протасовой, зачеркнуто Жуковским.

4) РНБ, оп. 2, № 2, л. 21 — рукою А. А. Протасовой.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 32. № 6. С. 116 — с подписью: «В. Ж-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1 ноября 1806 г.

Перевод очень известной эпиграммы Д. М. Авсония (Ausonius D. M., ок. 310 — ок. 394; «*Infelix Dido! Nullo bene nupta marito! Hoc pereunte, fugis, hoc fugiente, peris!*»), римского ритора и поэта, в наиболее распространенной во Франции интерпретации Ф. Шарпентье, члена Французской Академии с 1651 г. (F. Charpentier, 1620—1702). Источник перевода: *Nouvelle Anthologie française...* Т. 1. P. 289. № 74. Вслед за Шарпентье Жуковский допустил неточность: речь должна идти не о двух любовниках, а о муже Дидоны, который был убит ее братом Пигмалионом, и об Энее, в которого Дидона влюбилась. Неверность Энея и его отъезд явились причиной его гибели, ср.:

**Pauvre Didone, où t'a réduite!
De tes amants le triste sort!
L'un en mourant, causa ta fuite;
L'autre, en fuyant, causa ta mort.**

Ст. 2. Каких любовников тебе она дала — Неточность, допущенная Жуковским, — см. выше.

«Барма, нашед Фому чуть жива, на отходе...»

(С. 111)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 29 об.)—беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 50 об.—рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 году 1 ноября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 64—рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1; л. 25—рукою А. А. Протасовой, зачеркнуто Жуковским.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 31. № 2. С. 121—с подписью: «В. Ж...й».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1 ноября 1806 г.

Перевод эпиграммы Б. де Ла Моннуа (La Monnoye B. de, 1641—1728), французского поэта, лауреата Французской Академии (в 1671 и 1685 гг.). Источник перевода: Nouvelle Anthologie française... Т. 1. Р. 16. № 29. Переводная эпиграмма Жуковского короче оригинала (вместо 8-ми—6 строк). Имена героев «Blaise» и «Lucas» заменены русскими «Барма» и «Фома». Судя по автографу и копиям, для Жуковского принципиальным оказывается внесение в текст разговорной лексики и синтаксиса. 3-й стих в связи с этим имел несколько вариантов: «Уж полно завтраком тебе меня кормить» (№ 15), «Уж полно завтраков твоих мне ожидать» (№ 14, зачеркнуто, соответственно изменился и 2-й стих: «Скорее! закричал, изволь мне долг платить»); ср. с первоначальным: «Скорее! Закричал, изволь мне долг отдать»), «Уж полно завтраком тебе меня кормить» (№ 14) и, наконец, последний вариант «Уж завтраков теперь не будешь мне сулить» (ВЕ). Известен перевод этой эпиграммы, выполненный Н. П. Мацневым. В его сборнике «Басни, сказки и мелкие сочинения» (СПб., 1816) она дается, как и в оригинале, с подзаголовком «Сказка»; для сравнения приведем текст этого перевода:

Лука, узнавши, что Сергей
Который должен был ему пятьсот рублей,
В болезни тяжкой умирает,
К нему как можно поскорей
За час до смерти прибегает
И требует, чтобы он долг свой заплатил.
Кажись, в такой бы час тревожить непристойно.
Преслабым голосом Сергей его просил,
Чтобы он дал ему хоть умереть спокойно.
Но наш Лука кричит „Нет... мой голубчик... врешь...
Изволь-ко заплатить — ты прежде не умрешь“.

И. Айзикова

Сонет

(«За нежный поцелуй ты требуешь сонета...»)

(С. 111)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 17)—беловой, с заглавием: «Соннет».

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 38 об.—рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «Соннет» и датой: «1806 октября 19».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 63 —рукою В. И. Губарева.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 32. № 7. С. 196—197—с заглавием: «Соннет», под псевдонимом: «Д. К-ъ» [Дон Кишот].

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту ВЕ, со сверкой по автографу.

Датируется: 19 октября 1806 г.

Вольный перевод знаменитого в Испании и не раз переводившегося в XVII—XVIII вв. на другие европейские языки «Сонета о сонете» известного испанского драматурга и поэта Лопе де Веги (1562—1635). Оригинал сонета—вставное стихотворение в его комедии «Серебряная девушка». Первым на источник стихотворения Жуковского указал С. Ф. Гончаренко (Испанская поэзия в русских переводах. М., 1987. С. 611), опубликовав параллельно тексты Лопе де Веги и Жуковского. Предположение Н. Т. Беляевой (Зарубежная поэзия. Т. 2. С. 630), что перевод делался не с оригинала, а с немецкого (Д. Шибелер) или французского (Ренье-Демаре) переводов, включенных в известную «Хрестоматию» Эшенбурга, справедливо, тем более что Жуковский хорошо был знаком с трудами немецкого эстетика и критика (см.: Описание. № 994—995).

Но вернее всего, что источником при работе Жуковского над переводом сонета были оба текста. Так, если мотив поцелуя как «награды за сонет» подсказан ему немецким переводом, то только во французском есть мотив «парнасского света», где он присутствует как «признание Музы» («l'aveu de la Muse»). Настойчиво повторяемое в рукописи, копиях и даже в публикации ВЕ написание «Соннет» не соответствует испанскому «Soneto», но отвечает как французской транскрипции («Sonnet»), так и немецкой грамматике XVIII в., отраженной в тексте Д. Шиблера («Das Sonnett»).

Н. Реморова

Эпитафия лирическому поэту

(«Здесь кончил век Памфил...»)

(С. 112)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 17)—беловой, с заглавием: «Эпитафия».

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 38 об.—рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 году 19 октября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 63 —рукою В. И. Губарева, с заглавием: «Эпитафия».

3) РНБ, оп. 2, № 2, л. 20 об.—рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «Эпитафия лирику».

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 33. № 12. С. 279—с заглавием: «Эпитафия лирическому поэту» и подписью: «В. Ж-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту ВЕ, со сверкой по автографу.

Датируется: 19 октября 1806 г.

Вольный перевод эпиграммы французского поэта Жана Батиста Руссо (1671—1741) «*Ci-gît l'auteur d'un gros livre...*» («Здесь погребен автор одной толстой книги...»).

Жуковский заменяет нейтральное: «автор одной большой книги» оригинала на эмоционально окрашенное: «без толку од певец», выражая тем самым и свою солидарность с И. И. Дмитриевым, автором сатиры «Чужой толк», направленной против представителей классицизма.

Ж.-Б. Руссо—поэт-одописец, драматург, автор острых эпиграмм, многие из которых были направлены против государственных деятелей. За эти эпиграммы Руссо был в 1712 г. изгнан из Франции и остаток жизни прожил в Брюсселе. А. С. Пушкин высоко ценил Ж.-Б. Руссо: «его похабные эпиграммы,—писал он П. А. Вяземскому,—стократ выше од и гимнов» (Пушкин А. С. XIII. С. 129). Эпиграммы Ж.-Б. Руссо переводили многие русские поэты, в том числе М. Херасков, П. Вяземский, А. С. Пушкин (подробнее см.: Резанов. Вып. 2. С. 472). Н. Реморова

Старик к молодой и прекрасной девушке

Мадригал

(«Как сладостно твоим присутствием пленяться!..»)

(С. 112)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 29 об.)—беловой, с заглавием: «Старик к молодой девушке. Мадригал».

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 43 об.—рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «Мадригал. Старик к молодой девушке» и датой: «1806 году 1 ноября»; зачеркнуто.

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 61—рукою В. И. Губарева, с заглавием: «Старик к молодой и прекрасной девушке».

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 25—рукою М. А. Протасовой, с заглавием: «Мадригал. Старик к молодой девушке»; зачеркнуто.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 33. № 12. Июнь. С. 279—с заглавием: «Старик к молодой и прекрасной девушке» и подписью: «В. Ж-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту ВЕ, со сверкой по автографу.

Датируется: 1 ноября 1806 г.

Подражание стихотворению французского моралиста и писателя Жана Франсуа Сен-Ламбера (1716—1803) «*Je touche aux bornes de ma vie*» («Я приближаюсь

к пределу моей жизни»). Ср.: *Œuvres de Saint-Lambert. Pièces fugitives*. P., 1795. Т. 2, р. 49.

Дневниковая запись от 30 июля 1804 г. свидетельствует об интересе Жуковского к сочинениям французского писателя: «читал Сен-Ламберта», «перебирал листы в Сен-Ламберте» (Дневники. С. 5). Имя Сен-Ламбера включено Жуковским в его «Роспись во всяком роде лучших книг...» (РНБ, оп. 1, № 79, л. 1—4) и в его перечни задуманных сочинений и подражаний (Там же). Но чтение этого автора связано преимущественно с замыслом описательной поэмы «Весна» (см.: Ж. и русская культура. С. 113—115, 118).

Это же стихотворение, имеющее подзаголовок «Мадригал», скорее всего использует общую для «poésie fugitive» тему апологии возлюбленной, подчеркивая ее контрастом старости и прекрасной юности, мотивом обольщения и надежды, утверждения и сомнения. Возможно, это стихотворение опосредованно, в условной, этикетной форме воплощает зарождающееся чувство к М. А. Протасовой, что позволяет увидеть связь этого произведения с дневниковыми записями этого времени.

Н. Ветшева

**Эльмина к портрету своей матери,
писанному ее дочерью, которых она в одно время лишилась
(«Мой жребий прежде был их страстно обожать...»)**

(С. 112)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 30 об.) — белой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 44 об. — рукою А. А. Протасовой, с поправками Жуковского и датой: «1806 году 2 ноября».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 60 об. — рукою В. И. Губарева.

3) РНБ, оп. 2, № 1, л. 20 — рукою М. А. Протасовой; перечеркнуто.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 33. № 12. Июнь. С. 278 — с подписью: «В. Ж-й».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту ВЕ, со сверкой по автографу.

Датируется: 2 ноября 1806 г.

Источник перевода не установлен. Стихотворение вписывается в общую жанровую картину создания поэтической миниатюры 1800-х гг.: надпись, эпитафия, посвящение, обращение (ср. «Руше к своей жене и детям...», «М* на Новый год при подарке книги». «При посылке альбома». «Стихи, вырезанные на гробе А. Ф. С(оковнин)ой» и др.). Для всех этих стихотворений характерен реальный или условный адресат, они представляют собой, с одной стороны, жанр послания в свернутом виде, а с другой — варьируют в достаточно условной стилизованной форме ведущие элегические мотивы и темы творчества Жуковского. В данном случае это тема смерти, усиленная мотивом «двойной смерти» (матери и дочери), искусства-посредника (портрета), питающего память.

Н. Ветшева

**Руше к своей жене и детям из тюрьмы,
посылая к ним свой портрет**
(«О вы, которые в душе моей хранились!..»)
(С. 113)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 31) — беловой, с заглавием: «Руше к своей жене и детям, посылая им свой портрет, писанный за несколько дней до его казни».

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 45 об. — рукою А. А. Протасовой, с заглавием, аналогичным автографу, и датой: «1806 году 2 ноября»; перечеркнуто.

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 61 — рукою В. И. Губарева.

Впервые: ВЕ. 1807. Ч. 33. № 12. Июнь. С. 278 — с заглавием: «Руше к своей жене и детям из тюрьмы, посылая к ним свой портрет», без подписи.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 2 ноября 1806 г.

Перевод стихотворной надписи Ж.-А. Руше (J.-A. Roucher; 1745—1794) — французского поэта, автора дидактической поэмы «Des Mois» («Месяцы»), погибшего на эшафоте во время террора. В основе стихотворения реальный факт: 5 термидора Руше получил известие о том, что он внесен в проскрипционные списки. Предчувствуя свою участь, он предупреждает жену и детей, а 6-го пишет свой портрет, к которому присовокупляет следующие строки: «Ne vous étonnez pas, objets sacrés et doux...». 7-го его казнили (см.: *Consolations de ma captivité, ou Correspondance de Roucher*. P., 1797. V. 2. P. 300—301).

Стихотворение развивает тему трагического противостояния жизни и смерти с оттенком примирения в мотиве «любви, преодолевающей смерть».

Ст. 3. Ср. автограф: «Когда художеством черты сии творились» (л. 31).

Н. Ветшева

«Пленять, а не любить я некогда искал...»
(С. 113)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 31) — беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 51 об. — рукою А. А. Протасовой, с датой: «1806 году 2 ноября»; зачеркнуто.

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 62 — рукою В. И. Губарева.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 1. С. 40.

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: 2 ноября 1806 г.

В перечне произведений 1802—1807 гг. (РНБ, оп. 1, № 13, л. 5) под № 43 это четверостишие обозначено, видимо, как перевод, но оригинал установить не удалось.

Н. Ветшева

Младенец

(«Се он, на жизни путь судьбою приведенной!..»)

(С. 113)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, оп. 1, № 13, л. 55 об.) — рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и датой: «Декабря 21»; зачеркнуто.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 1. С. 41—42.

Датируется: 21 декабря 1806 г.

В списке произведений, написанных во время белевского уединения 1806 г., стихотворение «Младенец» находится под № 46 и датировано «21 декабря» (РНБ, оп. 1, № 13, л. 5). Оно является последним в этом списке.

Можно сделать предположение, что оно имеет конкретного адресата — сына племянницы Жуковского А. П. Киреевской, будущего философа и критика Ивана Васильевича Киреевского, появившегося на свет 22 марта 1806 г. в Москве. Впоследствии Жуковский много сделает для его воспитания и умственного образования, по праву став его наставником (подробнее см. примеч. к стих. «Прощание»).

Стихотворение «Младенец» можно рассматривать как подарок И. В. Киреевскому и его родителям ко дню рождения и как своеобразное напутствие. Отсутствие автографа в архиве поэта можно в таком случае объяснить тем, что стихотворение находилось в письме, которое Жуковский послал в Москву к А. П. Киреевской.

А. Янушкевич

«Опять вы, птички, прилетели...»

(С. 114)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 12, л. 51) — белой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 23. Перепечатано: С 10. С. 989. Тексты идентичны.

Печатается по С 10.

Датируется: 1806 г. по положению в рукописи.

Н. Ветшева

1807

⟨М. А. Протасовой⟩

Три стихотворения: «М* на Новый год при подарке книги», «При посылке альбома», «Собой счастливить всех — прелестный жребий твой...», объединенные в настоящем изд. в редакторский цикл, тесно связаны между собой временем со-

здания (1807 г.), личностью адресата — М. А. Протасовой и общим лирическим настроением.

О том, что сам Жуковский склонен был рассматривать их как единый лирический комплекс, свидетельствует один из их белых автографов (РНБ. оп. 1, № 13, л. 4), в котором все три текста расположены на одном листе в той последовательности, которая воспроизведена в настоящем изд.

Мария Андреевна Протасова (в замуж. Мойер; 1793—1823)—старшая дочь сводной сестры Жуковского Екатерины Афанасьевны Протасовой (урожд. Буниной; 1770—1848), сестра А. А. Воейковой — предмет глубокой и драматичной любви поэта. Чувство любви к Маше Протасовой возникло в 1805 г.: 9 июля этого года датируется первая дневниковая запись, в которой появляются размышления Жуковского о природе его чувства к Маше (Дневники. С. 13). В 1805 г. Е. А. Протасова после смерти мужа поселилась с дочерьми в Белеве, и Жуковский давал Маше и Саше Протасовым уроки. Мать узнала о чувстве Жуковского в 1805 г.— в письме П. И. и М. И. Протасовым от 10 октября 1815 г. она сообщает, что первое предложение Жуковский сделал именно в этот период (УС. С. 295).

В мае 1811 г., после почти одновременной смерти М. Г. Буниной и Е. Д. Турчаниновой (Сальхи) Жуковский попросил разрешения Е. А. Протасовой поселиться в ее семье, в Муратове, и получил его. Вторично он сделал предложение в 1812 г., но получил решительный отказ; Е. А. Протасова потребовала, чтобы Жуковский никому не говорил о своем чувстве. Отличаясь твердыми религиозными убеждениями, она считала греховным такой близкородственный брак. 3 августа 1812 г., на празднике дня рождения А. И. Плещеевой, жены А. А. Плещеева, двоюродного брата сестер Протасовых, Е. А. Протасова усмотрела намек на чувство Жуковского в исполненном им романсе «Пловец» (см. примеч. к «Пловцу») и принудила Жуковского покинуть Муратово — 12 августа поэт вступил в Московское ополчение. После кампании 1812 г. он вернулся в Муратово и прожил в семье Протасовых до июля 1814 г.— до свадьбы А. Ф. Воейкова и А. А. Протасовой. В 1814 г. он дважды просил руки Маши, но вновь получил отказ, в январе 1815 г. семейство Протасовых-Воейковых переселилось в Дерпт, и Жуковский получил разрешение Е. А. Протасовой поселиться с ними. После последней попытки уговорить Е. А. Протасову дать разрешение на брак с Машей (апрель и август 1815 г.— УС. С. 296) Жуковский покинул Дерпт. М. А. Протасова, разделявшая чувство Жуковского, тяжело переживала эту семейную историю: летом 1813 г. она долго болела. К 1814—1815 гг. относится ее переписка с Жуковским (см.: Письма-дневники; Гофман). Когда обстановка в семье стала невыносимой, она с согласия Жуковского вышла замуж за дерптского профессора медицины И. Ф. Мойера (1786—1858). В 1823 г. М. А. Мойер умерла родами.

Три комментируемые стихотворения относятся ко времени начала любви Жуковского: в них очевидно настроение зарождающегося еще вполне безоблачного чувства.

[1]

**М* на Новый год
при подарке книги**
(«На Новый год в воспоминанье...»)
(С. 115)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 4—беловой, с подписью вверху листа: «Сочинения с 1802 по 1807» рукою Жуковского.

2) ПД. № 27.805 / СХСІХ.б.2.—беловой, на об. титульного листа записной книжки «Taschenbuch für das Jahr 1807», без заглавия, с датой: «1807 года Генваря 1-го дня».

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 20, л. 3—рукою М. А. Протасовой.

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 38—рукою А. А. Протасовой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 27. Перепечатано: С 10. С. 990. Тексты идентичные.

Печатается по С 10, со сверкой по автографу.

Датируется: 1 января 1807 г.

Прежде чем войти в ПСС, стихотворение было напечатано П. А. Ефремовым в С 10 по автографу № 2. Особенный интерес представляет собой автограф № 2: он записан на обороте титульного листа печатной записной книжки с подборкой фрагментов литературы для юношества и отрывками из сочинений моралистов—той самой книги, которую Жуковский подарил Маше на Новый год. На нижней крышке переплета книжки есть кармашек (вероятно, для визитных и бальных карточек), в котором сохранились автографы еще двух стихотворений, посвященных М. А. Протасовой:

Естьли б ты не предо мною
По пути земному шла,
Естьли б жизнь моя тобою
Не украшена была —
О сопутник ангел мой,
Я б оставил путь земной. 14 октября

Храни ее, святое Провиденье!
Как ясный день, чиста она душой!
Да будет с ней твое благословенье!
Да будет с ней небесный Ангел твой!

В святом кругу своей семьи прекрасной
На радость нам пускай цветет она!
В ее судьбе, с ее душой
Пусть будет все любовь и тишина.

**Мы ждем тебя, день завтрашний священный!
К нам гением надежды ниспустись!
Прекрасного символ будь неизменный
И ясен к нам стократно возвратись.**

Точно датировать эти тексты не представляется возможным. Кроме них, в кармашке записной книжки сохранилось несколько писем Жуковского к А. А. Воейковой и ее ответы, относящиеся к 1820-м гг. Единственное, что можно предположить—это сравнительно более позднее написание стихотворений, когда отношения Жуковского с семьей Протасовых осложнились, т. е. скорее всего—1812—1815 гг. Сведений о публикации этих текстов не имеется.

[2]

При посылке альбома

(«Невинность мирная, краса души твоей...»)

(С. 115)

Автографы:

- 1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 4—беловой.
- 2) ПД. № 22.726 / CZVIII.б.1, л. 1 об.—беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 20, л. 3—рукою М. А. Протасовой, с заглавием: «К М... при посылке альбома».

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 38—рукою А. А. Протасовой, с тем же заглавием.

При жизни Жуковского не печаталось

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 25, ст. 1—2; полностью: С 10. С. 990.

Печатается по тексту С 10, со сверкой по автографу.

Датируется: 1 января 1807 г.

Стихотворение «При посылке альбома» непосредственно примыкает к стихотворению «М* на Новый год при посылке книги». Вторично оно по автографу № 2 из альбома А. А. Воейковой было опубликовано в РС (1902. Т. 110. № 4. С. 89)—с заглавием: «Подарок на Новый год» и датой: «1808», в подборку с текстом стихотворения «Собой счастливить всех—прелестный жребий твой». Эта публикация легла в основу ПСС. Однако датировка РС противоречит данным автографа № 1, в котором все три стихотворения открывают тетрадь, озаглавленную Жуковским: «Сочинения с 1802 по 1807»

[3]

«Собой счастливить всех—прелестный жребий твой!..»

(С. 115)

Автографы:

- 1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 4—беловой.
- 2) ПД. № 22.726 / CZVIII.б.1, л. 1 об.—беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 20, л. 3—рукою М. А. Протасовой.

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 38 — рукою А. А. Протасовой.

При жизни не печаталось.

Впервые: С 10. С. 990.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1 января 1807 г. на основании положения в автографе № 1 и расположения в автографе № 2 — в подборку с текстом стих. «При посылке альбома».

О. Лебедева

Тоска по милом

Песня

(«Дубрава шумит...»)

(С. 115)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 12, л. 40 — черновой, с датой: «18 февраля», без заглавия.

2) РНБ, оп. 1, № 14, л. 42 — белой, с подзаголовком: «Романс».

Копии:

1) РНБ, оп. 2, № 1, л. 6 — рукою М. А. Протасовой, с подзаголовком: «Романс» и правкой Жуковского в ст. 21, 24, 31.

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 5 об. — рукою А. А. Протасовой, с тем же подзаголовком и аналогичной правкой.

Впервые: ВЕ. 1808. Ч. 37. № 1. Январь. С. 39—40 — с заглавием: «Романс» («Дубрава шумит...»), без подписи.

В прижизненных изданиях: С 1—5. В С 1—4 (отдел «Романсы и песни»); в С 5 отнесено к 1807 г. — с заглавием: «Тоска по милом. Песня».

Датируется: 18 февраля 1807 г. на основании указания самого Жуковского в автографе № 1 и времени первой публикации.

Вольный перевод стихотворения Ф. Шиллера «Des Mädchens Klage» («Жалоба девушки»), две строфы которого как романс Теклы вошли в трагедию Шиллера «Пикколомини» (д. 3, явл. 7). Дореволюционные биографы и исследователи Жуковского объясняли значительные отступления от подлинника недостаточным знанием Жуковского в то время немецкого языка (см.: Зейдлиц. С. 32; Тихонравов. Т. 3. Ч. 1. С. 445). Однако более справедливо мнение Ц. С. Вольпе о том, что «эти отступления говорят не о незнании языка, а о вчитывании в стихотворение Шиллера иного настроения» (Стихотворения. Т. 1. С. 369).

Жуковский не сохранил размер стиха. Он пересказывает текст, психологизируя и распространяя его. Так, седьмой стих Шиллера: «Und weiter gibt sie dem Wunsche nichts mehr» Жуковский передает четырьмя стихами. В последней строфе он выдвигает на первый план столь важную для него тему воспоминания. Очевидны элементы русификации и фольклоризации подлинника: «На берег зыбучий // Склонившись, сидит // В слезах, пригорюнясь, девица-краса».

Романс Жуковского входил во все песенники с 1810-х по 1859 г.; неоднократно был положен на музыку, в том числе А. Плещеевым (1808), А. Верстовским, З. Волконской, М. Глинкой. В музыкальном варианте А. Плещеева его в 1821 г. с

успехом исполняла цыганская певица Шеша (Степанида Сидоровна Солдатова; 1787—1822). Подробнее см.: Песни русских поэтов. Т. 1. С. 594.

А. Янушкевич

**На прославителя русских героев,
в сочинениях которого нет ни начала, ни конца, ни связи
(«Мирон схватил перо, надулся, пишет, пишет...»)**

(С. 117)

Автограф (РНБ, оп. 2, № 1, л. 25) — беловой; зачеркнут.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ВЕ. 1883. Февраль. С. 809. Публикация П. А. Висковатова.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1807 г. (обоснование см. ниже)

Оригинальная эпиграмма Жуковского, по-видимому, направлена на поэму С. А. Шихматова-Ширинского «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (СПб., 1807), на что указывает и упоминание в эпиграмме имени Пожарского, и переключка ст. 3 с 1-й строкой Посвящения Его Имп. Величеству Александру I, которым открывается поэма Шихматова (ср. у Жуковского: «Пожарский! Филарет! Отечества отец!» — у Шихматова: «Отец Отечества, полсвета благодетель!»). Сходен и размер стиха, использованный Шихматовым и Жуковским (у Жуковского, однако, 4-стопный ямб перемежается с 6-стопным).

В связи с этим можно уточнить датировку эпиграммы, предлагаемую А. С. Архангельским — 1806 (см.: ПСС. Т. 1. С. 39) и П. А. Висковатовым и Ц. С. Вольпе — 1810 (см.: ВЕ. 1883. Февраль. С. 809 и Стихотворения. Т. 2. С. 520). Речь должна идти о 1807 г. Впоследствии А. С. Пушкин отозвался об этой поэме, высмеивая те же, что и Жуковский, особенности стиля шишковиста Шихматова-Ширинского, в эпиграмме: «Пожарский, Минин, Гермоген, // Или Спасенная Россия. // Слог дурен, темен, напыщен — // И тяжки словеса пустые...» (подробнее см.: Пушкин А. С. Стихотворения лицейских лет: 1813—1817. СПб., 1994. С. 677—678).

И. Айзикова

1808

К Нине Романс

(«О Нина, о мой друг! ужель без сожаленья...»)

(С. 118)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 43 об.)—беловой, с заглавием: «К Нине (С английского)» и подписью: «Ж.»; без второй строфы.

Копии:

1) РНБ, оп. 2, № 1, л. 21—рукою М. А. Протасовой, с заглавием: «К Нине (С английского)», без второй строфы.

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 22—рукою А. А. Протасовой с тем же заглавием.

Впервые: ВЕ. 1808. Ч. 38. № 8. Апрель. С. 272—273—с заглавием: «К Нине (С английского)» и подписью: «Ж.» (4 строфы).

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 15 апреля 1808 г.

В списке произведений, созданных в 1808 г., под № 47 Жуковский называет: «Песня, с английского. 15 апреля 1808 г.» (РНБ, оп. 1, № 13, л. 5; ср.: Резанов. Вып. 2. С. 319). Думается, речь идет именно о стих. «К Нине», так как других произведений с подобным подзаголовком Жуковский в это время не создавал.

Как установлено английскими исследователями Х. Кеннет и У. Уорреном (*The Slavonic and East European Review*. 1979. Vol. 57. P. 396—402), источником стихотворения послужила «Песня» («A Song») английского поэта Томаса Пёрси (1729—1811), обращенная автором к своей будущей жене Анне Гутеридж,—«O Nancy, wilt thou go with me...» (1758).

Стихотворение Жуковского написано размеренным шестистопным ямбом, отяжеленным постоянной цезурой после третьей стопы, многочисленными причастными и деепричастными оборотами и синтаксически выделяемыми уточнениями. В сохранившихся рукописях (автограф, копии № 1, 2) оно включает 3 строфы-восьмистишия с перекрестной и парной рифмовкой, мужскими и женскими клаузулами; в публикации ВЕ—4 строфы. Именно этот текст считается каноническим.

Во многих отношениях данный вариант стихотворения может быть определен как перевод. Ранний вариант стихотворения под заглавием: «Простишься ли без сожаленья...» (РНБ, оп. 1, № 12, л. 15—беловой автограф, на отдельном листе, с записями занятий с августа по декабрь 1805 г., что позволяет его датировать концом 1805—началом 1806 г.). Впервые: Резанов. Вып. 2. С. 205—206) в этом отношении был более свободным переложением мотивов и образов подлинника. Приводим его текст для сравнения.

К Нине

Простишься ли без сожаленья,
О, Нина, с жизнью городской?

Отдашь ли светски наслажденья
За счастье в хижине простой!
Не украшенном боле златом
В уборе сельском, небогатом
Не вспомнишь ли тех красных дней,
Когда тобою все дышало,
Когда ты город украшала
И милых всех была милей!

Палаты пышны покидая,
Не взглянешь ли на них с тоской?
О прежних радостях мечтая,
Снесешь ли хлад, снесешь ли зной?
Под кровом мирным, но забытым?
С твоим супругом восхищенным
Не вспомнишь ли тех красных дней,
Когда тобою все дышало,
Когда ты город украшала
И милых всех была милей!

О, Нина, любишь ли так страстно,
Чтобы со мною скорбь делить,
Презреть убожество ужасно
И горе в сладость обратить!
Снесешь ли матери страданья,
И в час сердечного терзанья
Не вспомнишь ли тех красных дней,
Когда тобою все дышало,
Когда ты город украшала
И милых всех была милей!

Канонический вариант стихотворения и с формальной, и с содержательной точки зрения ближе к английскому оригиналу: здесь те же четыре восьмистишия, тот же двустихный рефрен с вопросительной интонацией, обращенный к героине; сохранены и все основные мотивы произведения Т. Перси, в том числе и проигнорированный при первом обращении к нему — мотив возможной болезни и смерти супруга и оплакивания героиней его праха (3 и 4 строфы).

Тем не менее несомненно, что повторное обращение к одному и тому же иноязычному тексту было продиктовано не только литературно-эстетической потребностью «уточнить перевод», но и желанием через эмоционально близкое по жизненной ситуации и настроению произведение другого автора передать свои личные чувства так, чтобы быть понятным той, к кому стихотворение обращено, и при этом иметь своего рода «алиби» в виде ссылки на английский источник.

Как известно, свой первый вариант переложения стихотворения Т. Перси Жуковский не только не опубликовал, но, судя по тому, что не вписал его ни в один из альбомов, не решился познакомить с ним ту, которая «милых всех была милей».

Теперь, пользуясь подзаголовком как «ширмой», он решился не только вписать его в альбомы Маши и Саши, но и опубликовать. При этом поэт откровенно стремится избежать возможного личного истолкования отдельных образов и мотивов стихотворения. Так, вписывая стихотворение в альбомы своих племянниц, Жуковский исключает из него вторую строфу перевода, где вне всякого соответствия с оригиналом героиня названа «затворницей в весенни жизни годы», что могло быть истолковано как намек на строгий контроль маменьки Екатерины Афанасьевны за «Журналом» Маши и ее перепиской с поэтом.

В оригинале слово «любовь» как чувство ни разу не употреблено. В раннем варианте перевода заветное слово прозвучало. Влюбленный герой не сомневается во взаимности Нины и желает лишь большей страстности и силы в противостоянии ее жизненным невзгодам: «О, Нина, любишь ли так страстно, // Чтобы со мною скорбь делить...» В новом варианте появляются не совсем точные в контекстуальном смысле «усмешка любви» (ст. 20) и «последнее любви мгновенье» (ст. 25). Радостное мироощущение, которым пронизан первоначальный вариант, исчезает. Поэт как бы «не смеет надеяться» на возможное счастье вдвоем. Отсюда и появление в каждой третьей строке текста (в 11 из 32) вопросительно-усилительных частиц «ужель» и «ли», передающих эмоциональное отношение автора к предмету речи, но, с другой стороны, частицы заключают в себе отрицание и сомнение.

Этой диалектики авторского сознания нет в английском стихотворении, где вопрос, содержащийся в рефрене, так и остается открытым, и ответ на него может быть двояким — как положительным, так и отрицательным. Особый интерес представляет последняя строка перевода, формально достаточно близкая оригиналу. Ср.: «Where thou wert fairest of the fair» («Где ты была прекраснейшая из прекрасных») — у Жуковского: «И *несравненною* в кругу Прелест слыла».

Использование имени Прелеста, достаточно распространенного в сентиментальной литературе, для Жуковского необычно, тем более что употреблено оно здесь как собирательное. Для поэта героиня прежде всего — *Несравненная*, не случайно он выделяет это слово курсивом и в рукописном, и в печатном текстах. Имя же Прелеста, очевидно, заимствовано им из стихотворения И. И. Дмитриева «К Прелесте» (впервые: Московский журнал. 1791), к моменту создания стихотворения Жуковского дважды перепечатанного в изд. его сочинений (1795 и 1803 гг.). Исполненное чувства, но одновременно шутовское стихотворение Дмитриева имеет подзаголовок, как бы уточняющий и без того ясное содержание: «О выгодах быть любовницею стихотворца», который «стоит захотеть, и в миг создаст сонет» или «в элегии восстонет».

Избрав имя Прелеста как символ не просто милой, прелестной, но и Любимой (а именно этот смысл вкладывает Дмитриев в слово «любовница»), поэт надеется, что его Нина, несомненно знавшая стихотворение «К Прелесте», поймет намек, угадает тайные надежды переводчика «с английского».

Н. Реморова

Мальвина

Песня

(«С тех пор, как ты пленен другою...»)

(С. 119)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 43)—беловой, с подзаголовком: «Романс».

Копии:

1) РНБ, оп. 2, № 1, л. 18 об.—рукою М. А. Протасовой, с поправками Жуковского и тем же подзаголовком.

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 18—рукою А. А. Протасовой, с поправками Жуковского. Впервые: ВЕ. 1808. Ч. 39. № 10. Май. С. 102—с заглавием: «Мальвина (Романс)» и подписью: «С франц. Ж.»

В прижизненных изданиях: С 1—5. В С 1—4—отдел «Романсы и песни»; в С 5 датировано 1807 г.

Датируется: 20 апреля 1808 г. (см. ниже).

Основанием для датировки стихотворения является указание самого Жуковского в списке произведений 1808 г.: «Мальвина. Романс. 20 апреля» (РНБ, оп. 1, № 13, л. 5). Перевод романса («Romance: Depuis qu'un autre a su te plaire...») из романа «Мальвина» французской писательницы мадам Коттен (М.-С. Ристо; 1773—1807). Ср.: M-me Cottin. *Malvina*. P., 1825. P. 162.

Романы Марии Коттен «Мальвина» и «Матильда, или Крестовые походы» пользовались популярностью в России. Их добродетельные героини вполне соответствовали сентиментальным вкусам читателей начала XIX в. (об этом см.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983. С. 211). Жуковский впоследствии в своих павловских посланиях 1819 г., обращенных к С. А. Самойловой, воссоздаст историю Матильды и Малек-Аделя, героев романа Коттен.

Общая тональность и настроение романса «Мальвина» очевидно перекликается с предсмертной элегией Ленского из пушкинского «Евгения Онегина».

Романс был переложен на музыку Н. А. Титовым в 1831 г., но уже с начала 1820-х гг. постоянно входил в песенники (см.: Песни русских поэтов. Т. 1. С. 594).

А. Янушкевич

Монах

(«Там, где бьет источник чистой...»)

(С. 120)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 42 об.)—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 33 (ст. 1—10); полностью: ПСС. Т. 1. С. 48.

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: апрель 1808 г. на основании положения автографа в рукописи.

Мотив монашеской схимы, прорывающей запреты и догмы, образ монаха, тоскующего о любимой, занимали особое место в творческой биографии поэта. Замысел перевода «Послания Элоизы к Абеляру» волновал его воображение в течение

1806—1814 гг. (см. примеч. к «Посланию...»). В списке произведений, предназначенных для перевода (1805 г.), вслед за «Елоизой к Абеяру» идут «Монах и Монахиня» (вероятно, баллада Виланда «Mönch und Nonne»), «Пустынники» Парнеля и Голдсмита, «Монастырь» Фонтана (РНБ, оп. 1, № 79, л. 8; ср.: Резанов. Вып. 2. С. 256). За исключением «Пустынника» Голдсмита и отрывка перевода «Послания...», ни один из этих замыслов Жуковский не осуществил.

По всей вероятности, стихотворение «Монах» было реализацией поэтической идеи Жуковского в ее суггестивном выражении, хотя вполне возможно, что это стихотворение является переводом.

Немецкий исследователь Х.-Б. Хардер высказал предположение, что отправной точкой для «Монаха» был романс Шиллера «Der Jungling am Bache» («Мальчик у ручья»), который Жуковский перевел позднее под заглавием «Жалоба» (см.: Harder H.-B. Schiller in Russland: Materialien zu einer Wirkungsgeschichte (1789—1814). Berlin; Zürich, 1969. S. 173—174). Как замечает В. Э. Вацуро, «все это, действительно, довольно близко, и, возможно, что „Монах“ есть свободная переработка шиллеровских мотивов» (Вацуро. С. 127).

А. Янушкевич

**Стихи,
сочиненные для альбома М. В. П.
(«Давно унизился поэзии кредит...»)
(С. 120)**

Автограф неизвестен.

Копии:

1) РНБ, оп. 2, № 1, л. 26 об.—27 — рукою М. А. Протасовой, с первоначальным заглавием: «Стихи, сочиненные для альбома М. В. П.», исправленным рукою Жуковского на: «Стихи для альбома NN».

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 23 об.—24 — рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «Стихи для альбома NN».

Впервые: ВЕ. 1808. Ч. 38. № 8. Апрель. С. 274—276 — с заглавием: «Стихи, сочиненные для альбома М. В. П.» и подписью: «Ж.»

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту ВЕ.

Датируется: апрель 1808 г.

Основанием для датировки может быть находящийся в архиве поэта список его сочинений 1808 г., где среди произведений, точно датированных 14—20 апреля 1808 г., под № 48 указано стихотворение под заглавием «К Филлиде». Думается, текст послания к М. В. П(лещеевой), которая в тексте постоянно называется Филлидой, вполне отвечает этому замыслу и может быть отнесен к апрелю 1808 г.

По всей вероятности, Жуковский готовил это стихотворение для С 1, о чем свидетельствуют авторизованные копии, отражающие процесс собирания и переписывания текстов для этого издания. Снятие инициалов в них было связано пре-

жде всего с выявлением философско-эстетического смысла произведения, усиления его элегической суггестивности.

Адресатом альбомного стихотворения была двоюродная сестра Маши и Саши Протасовой, дочь их дяди Василия Ивановича Протасова (1752—1807) — Мария Васильевна. Е. А. Протасова после смерти мужа была близка к семейству В. И. Протасова. В его имении Троицком Маша и Саша нередко гостили и занимались вместе с Марией Васильевной. Известно, что незадолго до смерти, 14 июля 1807 г., действительный статский советник и кавалер В. И. Протасов подарил своим племянницам «каменный дом с принадлежащими к оному землею, садом и всяким строением. Дом этот находился в 13-м квартале города Белева» (Власов В. А., Назаренко И. И. «Минувших дней очарованье»: Жуковский в Приокском крае. Тула, 1979. С. 116—117). Этот факт подтверждает достаточно близкие отношения двух семейств.

М. В. Протасова, которая ко времени написания стихотворения была незамужней, о чем свидетельствует ее девичья фамилия, вероятно, является героиней шутовой баллады Жуковского 1811 г. «Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста»: «И Васильевна с ней Маша!» После смерти отца она, видимо, жила в Москве, и Жуковский в период редактирования в 1808 г. ВЕ встречался с нею и вписал стихи в альбом «прекрасной Филлиды».

Известно, что позднее она вышла замуж за Аркадия Семеновича Тимирязева, но не была с ним счастлива. Умерла М. В. Протасова-Тимирязева около 1822 г., составив духовную, согласно которой все деньги были оставлены тетушкам на воспитание детей (см.: УС. С. 281—282).

А. Янушкевич

Гимн

(«О Боге нам гласит времен круговращенье...»)

(С. 122)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 44 об.—46 об.) — черновой, с подзаголовком: «Подражание Томпсону».

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 20, л. 13—14 об. — рукою М. А. Протасовой.

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 47—49 — рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и подзаголовком: «Подражание Томпсону».

Впервые: ВЕ. 1808. Ч. 40. № 14. Июль. С. 165—170 — с подзаголовком: «Подражание Томпсону» и подписью: «Ж.»

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—2 — отдел «Смесь»; С 3—4 — «Лирические стихотворения»). В С 5 датировано 1808 г., с подзаголовком: «Из Томпсона».

Датируется: апрель 1808 г.

Основание для датировки — список произведений, относящихся к 1808 г. (РНБ, оп. 1, № 13, л. 5) и по положению автографа в рукописи (вслед за «Мальвиной» и перед «Людмилой»).

Перевод заключительной части «А Нупн» из дидактической описательной поэмы английского поэта Джеймса Томсона (Томпсона) (1700—1748) «The Seasons» («Времена года»).

Жуковский высоко ценил творчество Томсона и ставил его в один ряд с Шекспиром, Мильтоном, Саути, В. Скоттом (см.: БЖ. Ч. 1. С. 30—31). В 1802—1804 гг., когда активизируется интерес Жуковского к описательной поэме, и позднее, в 1805—1806 гг., готовясь к созданию русского аналога подобного жанра под условным заглавием «Весна» (об этом см.: Ветшева Н. Ж. Замысел поэмы «Весна» в творческой эволюции Жуковского // Ж. и русская культура. С. 112—125), он постоянно читает английского поэта, думает о его творчестве (см.: Письма Андрея Тургенева. С. 396; Веселовский. С. 21; Резанов. Вып. 2. С. 220).

Публикацию статьи «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов» Жуковский заканчивает словами: «Ты хочешь переводить Томсона—оставь город, переселись в деревню, пленяйся тою природою, которую хочешь изображать вместе со своим поэтом: она будет для тебя самым лучшим истолкователем его мыслей» (ВЕ. 1810. Ч. 49. № 3. С. 198).

Ко времени создания и публикации «Гимна» Жуковского существовало уже несколько его переводов, в том числе Н. М. Карамзина (см.: Левин. С. 285—286; Топоров. С. 214; Резанов. Вып. 2. С. 217—218). Безусловно, мнение Карамзина о Томсоне, высказанное в стихотворении «Поэзия»: «Натуры сын любезный, // О, Томсон! век тебя я буду прославлять!», и его опыт переводчика «Гимна» были для Жуковского стимулом к созданию своей версии произведения английского поэта. Тем более что в это время он неоднократно встречается и беседует с Карамзиным в Остафьеве.

Переводя «Гимн» Томсона, Жуковский довольно близок к оригиналу. Но не случайно уже при первой публикации он дал подзаголовок: «Подражание Томпсону». Образ меланхолического певца, «беспечного друга полей», который «в задумчивом восторге слезы льет», и вся атмосфера его поэтической рефлексии придают переводу автопсихологический характер (подробнее о характере перевода см.: Резанов. Вып. 2. С. 221—223).

В литературе неоднократно высказывалось предположение о создании Жуковским русского поэтического перевода для оратории Гайдна «Времена года» по мотивам поэмы Томсона. В. И. Резанов даже дает библиографическое его описание: «Слова оратории „Четыре времени года“, музыка г. Гайдена, перевел г. Жуковский. М., 1803» (Вып. 2. С. 220). «К сожалению,—признается исследователь,—я не мог найти в книгохранилищах Петербурга и Москвы этого редчайшего (если не вовсе исчезнувшего) издания» (Там же). До сих пор эти поиски не увенчались успехом.

А. Янушкевич

⟨Из письма к П. А. Вяземскому⟩

⟨«Но быть к тебе на именины...»⟩

(С. 125)

Автограф (РГАЛИ, ф. 195 (П. А. Вяземский), оп. 1, № 1909, л. 135—136)—
беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РЛ. 1983. № 1. С. 188. Публикация В. В. Пухова.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: июнь 1808 г. (см. ниже).

Петр Андреевич Вяземский (1792—1878)—поэт, журналист и литературный критик. Один из ближайших друзей Жуковского, адресат его стихотворных посланий и писем на протяжении более чем сорока лет. Дружеские отношения между поэтами начали складываться с 1807 г., после выпуска Вяземского из пансиона при Петербургском педагогическом институте. Жуковского в дом Вяземских ввел Н. М. Карамзин, женатый вторым браком на сводной сестре П. А. Вяземского, Е. А. Колывановой (см.: Вяземский П. А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 258). В 1815 г. Вяземский—один из инициаторов создания литературного общества «Арзамас», приверженность духу которого он сохранил на всю жизнь: «Арзамасское общество служило тогда только оболочкой нашего нравственного братства» (Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1878—1896. Т. 7. С. 411). В 1820-х гг. оппозиционно настроенный Вяземский нередко критикует Жуковского за односторонность его творчества (ОА. Т. 2. С. 170), но поэтический масштаб Жуковского для него бесспорен. В его критических статьях 1820-х гг. имя Жуковского всегда рядом с именами Карамзина и Пушкина, как носителей нравственных понятий века. В конце 1829 г. Жуковский принял активное участие в судьбе Вяземского, защищая его от обвинений в политической неблагонадежности (см.: ПМиЖ. Вып. 13. Томск, 1986. С. 65—67). Переписка Вяземского и Жуковского 1840-х гг.—«проникновенный реквием ⟨...⟩ временам литературного братства, оставившего свой след в истории „золотого века“ русской литературы» (Гиллельсон М. И. Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842—1852) // Памятники культуры: Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 38).

Ранний период дружеских отношений Жуковского и Вяземского характеризуется интенсивным обменом стихотворными посланиями, которые выполняли одновременно роль дружеской переписки и критических разборов, способствовавших выработке стилевых принципов «школы гармонической точности» (Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974. С. 34—36).

⟨Из письма П. А. Вяземскому⟩—первое из известных стихотворных посланий Жуковского—является поздравлением с днем именин (день святых Петра и Павла отмечался 29 июня). Жуковский в это время находился в Тульской губернии (ср. свидетельство А. П. Зонтаг: «Постоянное жительство Василия Андреевича было Мишенское летом, а зимою московский дом Петра Николаевича Юшкова. Так было до кончины господина Юшкова [в 1805 г.]. ⟨...⟩ Василий Андреевич, издававший „Вестник Европы“, должен был иметь постоянное жилище в Москве, и он

имел его (...) в квартире Антона Антоновича Прокоповича-Антонского» — Зонтаг. С. 11).

Вероятно, откликом на это поздравление явилось первое опубликованное стихотворение Вяземского «Послание к Жуковскому в деревню» (ВЕ., 1808. № 19. Октябрь. С. 178—181). Жуковский в это время был редактором ВЕ, и, по свидетельству Вяземского, «в послании почти все стихи сплошь и целиком переделаны Жуковским. Мне было тогда 16 лет» (Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 441). Этот обмен посланиями кладет начало интенсивной стихотворной переписке поэтов в 1811—1815 гг.

О. Лебедева

Песня

(«Роза, весенний цвет...»)

(С. 127)

Автограф неизвестен.

Впервые: ВЕ. 1808. Ч. 42. № 23. С. 208—без заглавия, в составе прозаической повести Жуковского «Три пояса. Русская сказка».

Впервые отдельно как самостоятельный текст: Эвтерпа. М., 1831. С. 13—15.

В прижизненных изданиях: Переводы в прозе. Ч. 1. М., 1816 в составе повести «Три пояса».

Печатается по тексту ВЕ.

Датируется: 1808 г. на основании времени первой публикации.

Песня «Роза, весенний цвет...» — органическая часть прозаической «русской сказки» Жуковского «Три пояса». В ее составе она появилась впервые в ВЕ и затем входила как часть повести в состав изданных при жизни его «Переводов в прозе». Только один раз при жизни поэта она появилась отдельно, в 1831 г., возможно, без воли автора. И все-таки она является частью лирического наследия поэта.

Настойчивое включение Жуковским «русской сказки» в состав не оригинальных, а переводных прозаических сочинений долгое время было загадкой для комментаторов и исследователей творческого наследия Жуковского. Только в 1970 г. немецкой слависткой Хильдегардт Эйхштедт было установлено, что и сама повесть «Три пояса», и входящая в нее песня восходят к «восточной» сказке французского писателя Адриана де Сарразена (Sarrazin; 1775—1852) «Les trois ceintures» из его сборника «Le Caravansérail...» (Eichstädt. S. 23—36).

Еще А. Н. Веселовский заметил, что «Жуковский не только приладил ее [сказку «Три пояса»] к русской древности, как он понимал ее, но и к своему психологическому настроению» (Веселовский. С. 117). Справедливо замечание Н. Н. Петруниной, что «русская сказка» Жуковского — «своеобразная параллель его „русской балладе“, оконченной 14 апреля 1808 г.» (Ж. и русская культура. С. 71). Разумеется, речь идет о балладе «Людмила». Героиня сказки «Три пояса» у Жуковского носит то же имя и является исполнительницей песни.

В работе над переводом песни, как убедительно и подробно показано Х. Эйхштедт (Eichstädt. S. 32—36), Жуковский шел по пути ее фольклорной стилизации.

Белый двухстопный дактиль, особая ритмика, словарь, включающий характерные фольклорные образы: «маткина-душка», «девица красная», «ясный ручей», исполнение песни под гусли,— все это те новации переводчика, которые позволили ему сделать песню Сарразена вполне оригинальным произведением.

А. Янушкевич

Стихи, вырезанные на гробе А. Ф. С(оковнин)ой

(«О! вы, которые в молитвах и слезах...»)

(С. 128)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 44)—беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 2, № 1, л. 20—рукою М. А. Протасовой, с поправками Жуковского.

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 19—рукою А. А. Протасовой, с поправками Жуковского.

Впервые: ВЕ. 1808. Ч. 40. № 13. Июль. С. 63—с заглавием: «Стихи (вырезанные на гробе А. Ф. С.)», без подписи.

В прижизненных изданиях: С 1—3 (отдел «Смесь») —с заглавием: «Стихи, вырезанные на гробе А. Ф. С-ой».

Печатается по тексту С 3, со сверкой по автографу.

Датируется: предположительно апрель 1808 г. на основании расположения автографа в рукописи и времени первой публикации.

Точная дата смерти А. Ф. Соковниной не установлена, но, вероятно, это — апрель 1808 г.

Анна Федоровна Соковнина (урожд. Арсеньева; 1758—1808), мать пансионского друга Жуковского Сергея Михайловича Соковнина и глава большого семейства (см. примеч. к стих. «К К. М. С(оковнин)ой»). Московский дом Соковниных на Пречистинке в судьбе Жуковского и старших бр. Тургеневых (Андрея и Александра) занимал особое место: здесь к ним пришла первая любовь и пора «сердечного воображения» (А. Н. Веселовский).

В письме к Жуковскому от (20 сентября 1800) Андрей Тургенев так характеризовал А. Ф. Соковнину: «Мать — женщина, связанная всем, что должно составлять почтенную и любезную женщину: ангельскою кротостию, умом и сердцем редким, может быть, в нынешнем веке единственным. Несколько лет уже, как лишилась она своего мужа [М. Н. Соковнин умер в 1794 г.—А. Я.]; эта потеря сокрушила их всех...» (Письма Андрея Тургенева. С. 371).

Сергей Соковнин в 1802 г., еще учась в Московском университетском пансионе, напечатал в переводе с французского «Избранные мысли Томаса и Болинброка и учение древних философов о Боге», с посвящением своей матери (Веселовский. С. 70).

Во время своих приездов в Москву Жуковский неоднократно останавливался в доме Соковниных. «Дружба и любовь тех людей, которые связаны были с нашей семьей, для меня всего дороже, тем более что теперь только в их дружбе и любви могу возратить свои потери»,— писал С. М. Соковнин Александру Тургеневу после смерти сестры Екатерины Михайловны и матери. Это письмо от 2 декабря

1809 г. с припиской Жуковского передавало и отношение поэта к А. Ф. Соковниной (см.: РА. 1901. Апрель. С. 125).

А. Янушкевич

Расстройство семейственного согласия

(«Жил муж в согласии с женой...»)

(С. 128)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 51)—беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 2, № 1, л. 19—рукою М. А. Протасовой, с правкой Жуковского.

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 18 об.—рукою А. А. Протасовой.

Впервые: ВЕ. 1808. Ч. 41. № 17. Сентябрь. С. 45—50—с заглавием: «Расстройство семейственного согласия» и подписью: «Ж.»

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту ВЕ, со сверкой по автографу.

Датируется: май-август 1808 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи. Текст басни находится рядом с датированными апрелем 1808 г. произведениями—«К Нине», «Гимн», «Мальвина». Время публикации—сентябрь (в номере 17 ВЕ рассказывается о политических событиях начиная с 26 августа) позволяет говорить именно о мае-августе 1808 г. как вероятном периоде написания текста стихотворения.

Эта басня—безусловное достижение Жуковского в данном роде поэзии. После опытов 1806 г. Жуковский возвращается к басне, обогащенный опытом психологической лирики. Стремление «живо воображать предметы», «переселять их в воображение читателя», «иметь гибкий стиль»—все эти черты истинного баснописца, о которых он говорит в статье «О басне и баснях Крылова» (Эстетика и критика. С. 190), Жуковский пытается реализовать.

Сам Жуковский не указал при публикации басни на ее переводной характер, что сняло вопрос о ее источнике. Правда, мимо исследователей и комментаторов творчества поэта прошло брошенное вскользь замечание А. С. Архангельского о том, что «пьеса взята из Гофмана (1776—1822)» (ПСС. Т. 1. С. 109). Разумеется, в творчестве знаменитого немецкого прозаика Э. Т. А. Гофмана, годы жизни которого приводятся, ничего подобного не обнаружено, да и, как известно, к жанру стихотворной басни писатель-романтик не обращался.

Как удалось установить, источник текста Жуковского—басня малоизвестного в России французского писателя, драматурга и автора нескольких стихотворных сказок и басен, Франсуа-Бенуа Гоффмана (1760—1828) под заглавием «Le ménage troublé» («Расстроенное домашнее хозяйство»). Ср.: «Œuvres de F.-V. Hoffman. Т. 3. Р., 1829. Р. 451—452». Трудно сказать, каким изданием сочинений французского поэта пользовался Жуковский, но то, что именно эта басня была источником его перевода, несомненно.

Имя Ф.-Б. Гоффмана немного говорит русскому читателю. Правда, А. С. Пушкин в статье «Об Альфреде Мюссе» ставил его в один ряд с Буало, Лагарпом,

Кольне, как характерного представителя французского классицизма. Вместе с другими французскими баснописцами — Гишаром, Эмбером, Обером, Дора — он обычно рассматривался как «эпигон и имитатор Лафонтена» (см.: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 228).

По всей вероятности, басня Гоффмана привлекла внимание Жуковского самой ситуацией, воссоздающей колдоватность бытия, а также динамикой сюжета. Сократив текст басни почти вдвое (вместо 25 стихов подлинника — 15) в основном за счет замедляющих действие описаний, деталей, Жуковский точно сохранил весь басенный сюжет. Лишив басенных персонажей имен (у Гоффмана мужа зовут Блез, а жену — Изабо), Жуковский превратил собаку («le chien») — в моську, белку («l'écureuil») — в сурка, просто птицу («l'oiseau») — в «чижа ручного», тем самым создав свой оригинальный русский зоопарк. Но самое главное изменение коснулось воссоздания общей атмосферы действия. Почти эпическая повествовательность басенного сюжета Гоффмана получила в интерпретации Жуковского за счет экспрессивного синтаксиса, сжатия текста, разностопного ямба особую динамику. Сократив четыре стиха басенной морали до трех, Жуковский заменяет социальную реалию Гоффмана: «une république» образом «целого края», что придает всей басне общефилософский смысл.

А. Янушкевич

Песня

(«Мой друг, хранитель-ангел мой...»)

(С. 129)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 54 об.—55) — с заглавием: «Песня. (С французского)».

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 20, л. 8 — рукою М. А. Протасовой, с правкой Жуковского. В заглавии слово «Песня» зачеркнуто и исправлено на: «К Нине. (С французского)».

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 42 об.—43 — рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «К Нине. (С французского)».

Впервые: ВЕ. 1809. Ч. 45. № 9. Май. С. 33—35 — с заглавием: «Песня. (На голос «Je t'aime tant, je t'aime tant»)» и подписью: «Апреля 1. NN».

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Романсы и песни»). В С 1—2 отнесено к 1808 г., в С 5 — к 1809 г.

Датируется: Конец марта 1808 г.

Как установлено Ц. С. Вольпе (Стихотворения. Т. 1. С. 369—370), «Песня» представляет собой переложение стихотворения Фабра д'Эглантина (1750—1794) «Je délire de l'amour». «Je t'aime tant...» — романс Жана-Пьера Гара на текст д'Эглантина. Этот романс после приезда Ж.-П. Гара в 1802 г. в Петербург сделался популярным в России. Жуковский в переложении восстанавливает количество строф подлинника, две из которых были опущены Гара. Ср.: Œuvres mêlées et posthumes de Ph.-Fr.-Naz. Fabre d'Eglantine. P., 1802. V. 2. P. 209.

Стихотворение обращено к М. А. Протасовой, о чем говорит и дата, проставленная при публикации — 1 апреля, день именин Маши Протасовой, которой в 1808 г. исполнилось 15 лет и мыслью о любви к которой проникнуты многие публикации поэта в ВЕ этого года. Это — сказки «Три сестры» и «Три пояса», стихотворение «К Нине».

Вписывая «Песню» в альбом, Жуковский не стал прибегать даже к условному обращению («К Нине»), которым пользовался неоднократно. Владелица альбома знала, когда было написано стихотворение и к кому оно обращено. У маменьки, Е. А. Протасовой, «Песня», да еще «с французского», вызывала меньше беспокойства. Зато в копии, которую Маша делает в отдельной тетради (№ 20), он зачеркивает название «Песня» и вписывает: «К Нине». Список рукою А. А. Протасовой делался уже с учетом авторской правки.

Решившись в 1809 г. напечатать стихотворение, поэт вновь изменяет заголовок. С одной стороны, возвращается к нейтральному — «Песня», с другой — дает внешне конкретную, но по сути условную отсылку к французскому образцу. И, наконец, Жуковский сопровождает публикацию датой и криптонимом, для него необычным: «NN».

Необычная подпись при более чем понятной для посвященных дате: «Апреля 1» обусловлена теми же причинами, по каким стихотворения, обращенные к Маше Протасовой, не имеют прямого указания на адресат («К ней», «К Нине»).

Будучи всего лишь *переложением* французского романа, «Песня» справедливо воспринималась читателями как оригинальное произведение и была переведена в Дерпте на немецкий язык и положена на музыку А. Вейраухом (см.: Ж. и русская культура. С. 452—453). В 1860 г. она была положена на музыку кн. С. Голицыным.

Н. Реморова

К Нине

Послание

(«О Нина, о Нина, сей пламень любви...»)

(С. 130)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 78, л. 41 — наброски плана послания.

2) РНБ, оп. 1, № 14, л. 60 об.— 61 об.— черновой и перебеленный вариант.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 20, л. 5 — рукою М. А. Протасовой, с правкой Жуковского, учтенной в С 1—5; подчеркнуты ст. 109—110: «Что он и в веселье и в тихой тоске // С твоею душою сливается тайно».

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 40 об.— 41 об.— рукою А. А. Протасовой, без правки.

Впервые: ВЕ. 1808. Ч. 42. № 23. Декабрь. С. 224—228 — с заглавием: «К Нине» и подписью: «Ж.»

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Послания» с датой: «1808»); в С 5 датировано 1807 г.

Датируется: предположительно 1808 г. на основании положения автографа в рукописи и времени публикации.

Вероятно, стихотворение создавалось как отклик на письма, посылаемые поэту летом 1807 г. из Белева в Москву М. А. Протасовой, письма сдержанно-грустные, ибо они все прочитывались «маменькой» и писать можно было только «о веселом». Но чем чаще повторялось как заклятье слово «весело», тем тревожнее было на душе Жуковского.

В строках послания присутствуют «образные составляющие» «Моей тайны». Ключевое слово «тайна» повторяется здесь многократно. Это и «тайные сердца созданья, мечты», и «скрытная» беседа с душой возлюбленной, и голос друга, что «и в веселье и в тихой тоске» с ее «душою сливается тайно». Здесь и тайна «завтра», которое вручается Провиденью и вечности, но исполнено сомнений, что выражено 10 раз анафорически повторенным вопросительным словом «ужели». Здесь и связанные с «вчера» — «веселья родительской сени», и охваченная «весельем душа», и «светлый, ведущий к веселию путь». Пожалуй, нет только «покоя», о котором как о нынешнем состоянии души говорил два года назад поэт. Лишь смутно пробывавшееся, еще не осознанное до конца во время создания «Моей тайны» чувство стало «всесильным любви призываньем», находящим отклик в душе адресата.

Это подтверждает и письмо М. А. Протасовой от 6 сентября 1819 г., где она вспоминает именно об этом стихотворении и цитирует его: «Скажу тебе одно: никогда мне не бывала твоя Нина так понятна,— как теперь; я думаю, вопреки твоему молчанию, что ты держишь то, что в ней обещал (...). Смотри только, сдержи и то, что обещано в последних 12 строках и на что я *надеюсь* как на будущую жизнь» (УС. С. 229—230). Обещание же, которое он «держит», видимо, выражено в подчеркнутых М. А. Протасовой (копия № 1) строках:

Что он и в веселье и в тихой тоске
С твоею душою сливается тайно.

Н. Реморова

1809

〈На смерть Е. М. Соковниной〉

(«Единый, быстрый миг вся жизнь ее была!..»)

(С. 134)

Автограф (РГБ, ф. 104, к. 6, № 49, л. 4 об.) — черновой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Печатается впервые.

Датируется концом марта 1809 г. (см. ниже).

Екатерина Михайловна Соковнина занимала особое место в жизни и судьбе Андрея Тургенева (см. примеч. к стих. «К К. М. С(оковнин)ой»). О ее жизни после его смерти почти ничего не известно, кроме того что замуж она так и не вышла.

В «записочке без числа» Жуковский сообщал А. И. Тургеневу: «Сообщаю тебе известие, которое для тебя также горестно будет, как и для меня: Катерины Михайловны нет на свете» (ПЖТ. С. 308). Комментируя эту записку, И. А. Бычков писал: «К сожалению, год смерти Е. М. Соковниной мне неизвестен» (Там же).

Обнаруженный в архиве поэта набросок эпитафии написан черными чернилами на обороте письма Е. А. Протасовой к Жуковскому из Мишенского от 23 марта 1809 г. Учитывая время, прошедшее между написанием письма и его получением, можно предполагать, что стихотворение Жуковского было написано в конце марта и стало непосредственным откликом на смерть Е. М. Соковниной.

А. Янушкевич

На смерть фельдмаршала графа Каменского

(«Еще великий прах... Неизбежимый рок!...»)

(С. 134)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 58—59 об.)—беловой, с заглавием: «Мысли на гробе Каменского»; 14 строф.

К о п и и:

1) РНБ, оп. 2, № 1, л. 16—16 об.—рукою М. А. Протасовой, с заглавием: «Мысли при гробе Каменского». Строфы 8—14 зачеркнуты.

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 16—рукою А. А. Протасовой, с тем же заглавием.

В п е р в ы е: ВЕ. 1809. Ч. 47. № 18. Сентябрь. С. 145—148—с заглавием: «Мысли над гробом Каменского» и подписью: «Ж.»; объемом 14 строф.

В п р и ж и з н е н н ы х и з д а н и я х: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Лирические стихотворения»), с заглавием: «На смерть фельдмаршала графа Каменского»; в С 5—с ошибочной датой: «1808» (М. Ф. Каменский был убит 12 августа 1809 г.)

Д а т и р у е т с я: август 1809 г.

Михаил Федотович Каменский (1738—1809), генерал-фельдмаршал екатерининского и alexандровского царствования. В его отличавшейся «скандальной неровностью» военной карьере проявились наряду с воинской доблестью черты неограниченного высокомерия, неоправданного стремления подражать Суворову (оригинальничанье), необузданный волюнтаризм. В конце 1806 г. Каменский был назначен главнокомандующим русской армии, действовавшей против Наполеона. Как замечает историк, «только семь дней фельдмаршал предводительствовал войском, после чего он, неожиданно для всех, под предлогом болезни самовольно отказался от звания командующего, написал странное и неубедительное письмо к императору» (Шильдер Н. К. Император Александр I. СПб., 1904. Т. 2. С. 158). С 21 февраля 1807 г. Каменский переселился в свою деревню. Жестокий по отношению к своим крепостным, он был зарублен одним из них топором во время охоты. Н. С. Лесков в «Тупейном художнике» пишет об убитом за жестокость фельдмаршале М. Ф. Каменском, одном из трех братьев, которых орловские старожилы называли «неслыханными тиранами» (Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 7. С. 222). Эти события и определили сюжет произведения.

В процессе работы стихотворение подверглось значительному сокращению. Написанное по живым следам войны с Наполеоном, оно несет на себе ответ наполеоновской темы — сначала в плане живого обращения к ней. Убийство Каменского истолковывается как отмщение неусыпного Провидения, пославшего «презренный конец» генералу-фельдмаршалу «живым лишь только в устрашение». Затем — в плане историко-культурной и нравственно-философской ассоциации.

В силу ряда причин (широкое распространение отрицательного общественного мнения о неблагоприятной роли Каменского в антинаполеоновской кампании 1806 г., собственный военный опыт и близость к «вождю победителей») Жуковский отказывается в С 1 от попытки смягчить «позорный конец» героя. Перерабатывая стихи для С 1, поэт убирает строфы 8—13:

Но будь утешен, вождь! не скорбный твой удел!	Приблизься, брани сын, и в думу погрузись, На гроб могущего склоняя взор унылый!
Он удивление рождаст в умах достоин! Пускай, среди полков, в бою, на пепле сел. Перунами низринут воин!	От праха замыслов смиренью научись! Прими учение могилы:
	«Кончина дней — лишь миг! убийцы ль топором
Пусть гибнет, от других концом не отличен!..	Сраженный, распростерт на прахе, без покрова,
Презренной гибелью судьба тебя почтила! То новый для тебя трофей сооружен — Сия внезапная могила!	В блистающий ли гроб, средь плесков, под венцом, Сведен с престола золотова —
Рекла: будь им урок и самой смерти след Сего, протекшего чрез мир стезею правой! О вождь! для нас твой прах есть промысла завет;	Коль пользы с славою в делах не различал — Твоих священных дел не тронет разрушенье! Здесь рок Каменскому конец презренный дал Живым лишь только в устрашенье!»
Лишь доброю пленяться славой!	

Остается только 14-я строфа, непосредственно обращенная к «преуспевающему» Наполеону:

Так ты, мечтающий вращать земли судьбой,
На счастья высоте страшись, непобедимый!
Пусть сонмы грозных сил ничто перед тобой!
Страшись — не дремлет враг незримый!

В С 4 отбрасывается и последняя 14-я строфа, так как обращение к живому Наполеону к 1835 г. утратило свой смысл: возмездие состоялось. Вместе с тем, осуждение наполеонизма как нравственно-философского и общественного явления осталось важным для Жуковского вплоть до создания поэмы «Агасфер».

Отсечение почти половины произведения изменило его жанр. Наполеоновская тема теперь рассматривается в форме философской медитации на тему превратности не вообще человеческой судьбы, а судьбы наполеоновского героя, у которого «славы блеск лишь бездну украшал». Акцент на морально-философском содержа-

нии объясняет, по мнению Ц. С. Вольпе, перенесение произведения из отдела «Лирические стихотворения» в отдел «Элегии» (Стихотворения. Т. 1. С. 362), о переключке пушкинского «Кинжала» с элегией Жуковского см.: Иезуитова. С. 203—204.

Ф. Канунова

Стихотворения («К Эрминии»; «К А*** при подарке Аполлона»; «В альбом») записаны Жуковским на одном (последнем) 56-м листе переплетенной черновой тетради (РНБ, оп. 1, № 13) и представляют черновые автографы; судя по всему, они писаны подряд, почти одновременно и не позднее 1809 г. Тем более что и единственное из них, перебеленное самим Жуковским,— «К Эрминии» находится среди стихотворений конца 1809—начала 1810 г.

К Эрминии

(«Трех граций древность признавала!..»)

(С. 135)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 56—черновой, с заглавием: «Подражание».

2) РНБ, оп. 1, № 14, л. 62 об.—беловой, без заглавия.

Копия (РНБ, оп. 2, № 2, л. 23)—рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «В альбом».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 1. С. 56.

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: 1809 г.

К А* при подарке Аполлона**

(«Дарю небесного патрона моего...»)

(С. 135)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 13, л. 56)—черновой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 10. С. 990.

Печатается по тексту С 10, со сверкой по автографу.

Датируется: 1809 г.

Возможно, обращено к пансионскому наставнику, которого Жуковский мог считать своим «земным патроном»,—А. А. Прокоповичу-Антонскому, в доме которого он жил в Москве в первой половине 1809 г.

В альбом
(«Когда неопытной рукою...»)
(С. 136)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 13, л. 56 — черновой.

2) РНБ, оп. 2, № 1, л. 28 — черновой, с заглавием: «В альбом после внесения моих стихов»; перечеркнуто.

Копия (РНБ, оп. 2, № 2, л. 24) — рукою А. А. Протасовой, с тем же заглавием; перечеркнуто.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 1. С. 56—57.

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: 1809 г.

Автограф № 2 завершает подборку стихотворений Жуковского 1806—1808 гг., переписанных рукою М. А. Протасовой, вероятно, для готовящегося собрания стихотворений. Заглавие и обращение «к моей Темире» позволяет считать адресатом этого альбомного стихотворения переписчицу — Машу Протасову.

«Прельщать поэзией я дара не имею...»
(С. 136)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 13, л. 56) — черновой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 1. С. 57.

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: 1809 г.

«Ты прав, мой друг, ты прав — хвалить ее не смей!..»
(С. 136)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 13, л. 56) — черновой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 1. С. 57.

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: 1809 г.

Н. Реморова

Плач Людмилы
(«Ангел был он красотою!..»)
(С. 137)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 51 об.) — белой.

Копия (РНБ, оп. 1, № 20, л. 1 об.) — рукою М. А. Протасовой; перечеркнуто.

Впервые: ВЕ. 1809. Ч. 47. № 20. Октябрь. С. 263—264 — с заглавием: «Плач Людмилы» и подписью: «Ж.»

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту ВЕ, со сверкой по автографу.

Датируется: 1809 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи — вслед за балладой «Людмила», законченной 14 апреля 1808 г., — и время первой публикации. Именно в промежуток с апреля 1808 г. по октябрь 1809 г. и могло быть написано стихотворение.

Представляет собой вольный перевод стихотворения Ф. Шиллера «Amalia» (1780). В переложении изменено заглавие, ритмическая организация стиха, количество строф, появился отсутствующий в оригинале мотив желанной встречи в ином мире, изменен характер образов, передающих своеобразие чувств любящих.

Стихотворение Шиллера — пример несколько риторической и эмоционально форсированной поэзии «бурных гениев», любимый герой которых — могучая личность, ярко и сильно чувствующая, ощущающая свое родство со столь же ярким и бурным миром природы. Героиня «Амалии» — «сильная женщина», оплакивающая своего героически погибающего возлюбленного. Пафосный стиль, характерный для немецкой штурмерской литературы, с самого начала задан сравнением погибшего с «ангелом, исполненным блаженства Валгалы» («Schön wie Engel voll Walhallas Wonne...»), в котором совмещены христианские (ангел) и древнескандинавские образы: Валгала — царство мертвых для избранных, для погибших в бою героев.

Взгляд погибшего был подобен майскому солнцу («wie Maiensonne»), в небесно голубых глазах его отражалась «лазурная гладь моря» («blauen Spiegelmeer»), а поцелуи казались «райским прикосновением». И когда души героев, подобные «исполненным небесной гармонии звукам арфы», устремлялись, летели, сливались друг с другом, «земля и небо плавилась, как бы разливаясь вокруг любящих» («Erd' und Himmel schwammen // Wie zerronnen um die Liebenden!»).

«Плач Людмилы» написан четырехстопным хореем (у Шиллера — пятистопный и шестистопный) с чередующейся мужской и женской клаузулами, с рифмовкой преимущественно открытых слогов (16 из 20) и включает 5 строф (у Шиллера 4). Стихотворение ориентировано на фольклорный жанр причитания и напоминает песню.

Образ нежной, любящей героини близок образу Людмилы из одноименной баллады, своеобразным дополнением к которой, вероятно, мыслилось, стихотворение. Необходимо заметить, что в творческом сознании Жуковского-балладника поэтическая система Бюргера, автора «Леноры», переложением которой и стала баллада «Людмила», соотносилась с поэзией Шиллера. Поэтому «Плач Людмилы» — это лирический постскрипtum к балладе из Бюргера.

Герой «Плача Людмилы» также имеет мало общего с героем «Амалии», он тоже подобен ангелу, но в его христианском варианте: взор его кроток, он всех превосходит величию души. И хотя у Жуковского так же речь идет о райской сладости поцелуя, уподобленного слиянию пламенных струй и святой игре «горних арф», о сиянии цветущего весеннего мира, дарующего влюбленным радость, их чувства

элегизированы, представлены в оссианической традиции «непостижимого слиянья Восхищенья и тоски», как «сердца сладостные муки».

Стихотворение поэта не удовлетворило, что было причиной невключения его ни в одно прижизненное собрание сочинений. То, что было вполне допустимо для фантастической баллады — свадьба с мертвецом, — то оказалось неприемлемым для лирического стихотворения, героиня которого в финале призывает смерть как «души последний свет». Это противоречило и религиозным представлениям, и настроению самого автора, написавшего непосредственно за «Плачем Людмилы» «Песню», где читаем: «Беден тот (...) Кто, сказав: «прости!» надежде, // Взор ко гробу устремил».

Н. Реморова

Песня

(«Счастлив тот, кому забавы...»)

(С. 137)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 52) — беловой, без подзаголовка.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 20, л. 7 — рукою М. А. Протасовой, с подзаголовком: «Подражание немецкой».

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 42 — рукою А. А. Протасовой.

Впервые: ВЕ. 1809. Ч. 47. № 18. Сентябрь. С. 92—93 — с подзаголовком: «Подражание немецкой» и подписью: «Ж.»

В прижизненных изданиях: С 1—5. В С 1—2 — с датой: «1810»; в С 5 — «1813», без подзаголовка.

Датируется: предположительно вторая половина 1809 г.

Будучи расположено в рукописи под № 56 непосредственно за «Плачем Людмилы» (см. автограф), стихотворение полемически перекликается с ним (см. примеч. к «Плачу Людмилы»). Время первой публикации и контекст рукописи позволяют говорить о том, что «Песня» была создана не позже сентября 1809 г.

Источник подражания не установлен. Снятие подзаголовка в С 5 свидетельствует о том, что для Жуковского это не имело принципиального значения.

В стихотворении используется традиционный для европейской литературы сюжет о мечте юноши сорвать цветок (чаще всего Розу), составляющий предмет его страсти (средневековый французский «Роман о Розе», стихотворение Гёте «Степная розочка» и др.). Тема преодоления трудностей на пути к достижению цели, в данном случае — жестокого Рока, препятствующего этому, — была для Жуковского глубоко личной, с чем, вероятно, и связано обращение поэта к обработке данного сюжета, приписанные им Року слова «Не тебе им насладиться; // Не твоим ему доцвесть!» были фактически переложением слов отказа Екатерины Афанасьевны в ответ на признание поэта в любви к Маше Протасовой.

Н. Реморова

К Филалету

(«Где ты, далекий друг? Когда прервем разлуку?..»)

(С. 138)

Автографы:

1) ПД. Р I, оп. 9, № 87 — черновой, в письме Жуковского к барону И. П. Черкасову от 27 июля 1808 г.

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 71—71 об. — черновой. Идентичен № 1.

3) РНБ, оп. 1, № 14, л. 55—56 — белой, с поправками, не вошедшими ни в одно собрание сочинений.

Копия (РНБ, оп. 1, № 20, л. 9—10) — рукою М. А. Протасовой, с правкой Жуковского, с заглавием: «К Филалету».

Впервые: ВЕ. 1809. Ч. 43. № 4. Февраль. С. 284—288 — с заглавием: «К Филалету» и подписью «В. А.»

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Послания»).

Датируется: 1808—1809 гг. (обоснование см. ниже).

По вопросу о времени написания послания имеется несколько точек зрения. В С 1—3 отнесено к 1808 г., в С 5 указан 1807 г. В общем оглавлении при подготовке к изданию С 5 отнесено к 1808 г. В С 6—10 указан 1807 г. Зейдлиц тоже относит создание послания к 1807 г. (см. ниже). В ПСС это стихотворение датировано 1808—1809 гг. А. Н. Веселовский также разделял эту точку зрения (Веселовский. С. 112). Современные комментаторы и исследователи Жуковского относят написание послания либо к началу 1808 г. (Ц. С. Вольпе, Н. В. Измайлов, И. М. Семенко), либо к 1808 г. без уточнения (В. П. Петушков, И. Д. Гликман), либо к 1808—1809 гг. (Вацура. С. 75). Характер работы Жуковского над рукописью свидетельствует о том, что даже в дошедшие до нас белой автограф и копию он продолжал вносить поправки, не учтенные впоследствии. Все это позволяет предположить, что Жуковский и после публикации стихотворения продолжал работать над ним и что, таким образом, 1808—1809 гг. кажутся наиболее вероятными для датировки послания.

Существенным представляется вопрос и об адресате стихотворения. Так, в С 1—3 послание посвящено «Ал. Ив. Тургеневу». В С 4—5 посвящение отсутствует вообще. В С 6—10 в качестве адресата вновь указан А. И. Тургенев. К. Зейдлиц считал адресатом послания Д. Н. Блудова. Говоря о грустно-меланхолическом настроении поэта в это время, биограф Жуковского пишет: «(...) его душа не была удовлетворена: это выражается в прекрасном послании «К Филалету» (Блудову), написанном в 1807 году, но напечатанном не прежде как в 1809 году в „Вестнике Европы“» (Зейдлиц. С. 33). В ПСС, а также в Стихотворениях адресат не указывается, лишь в комментариях Ц. Вольпе упоминает в качестве возможного реального адресата послания, помимо А. И. Тургенева, Д. Н. Блудова, еще и барона И. П. Черкасова (Стихотворения. Т. 2. С. 485). Наличие реального адресата ни в коей мере не снимает значимости и условного адресата стихотворения — Филалета. Напротив, двойной адресат послания позволяет рассматривать это произведение как в условно-поэтическом, так и в реально-биографическом контексте, точ-

В окончательном же варианте Жуковский стремится к единству поэтического стиля, отказывается от элементов дружеского стихотворного послания и создает медитативное элегическое стихотворение.

Почти одновременно с посланием «К Филалету» Жуковский печатает в ВЕ переводную критическую статью из И.-Я. Энгеля под заглавием «О нравственной пользе поэзии (Письмо к Филалету)» (ВЕ. 1809. Ч. 43. № 3. Февраль. С. 161—172). Современные исследователи отмечают внутреннюю связь между этими произведениями. Дав статье собственный подзаголовок — «Письмо к Филалету», Жуковский тем самым как бы подключал ее к образному миру своей поэзии. Таким образом, послание «К Филалету» воспринималось как «своеобразный постскрипtum» к этой статье, в которой «имя адресата, общий пафос размышлений о судьбе человека намечают продолжение разговора о нравственной пользе поэзии» (Эстетика и критика. С. 388). Важно подчеркнуть, что и статья, и послание «К Филалету» по своему углубляют и развивают философские размышления о счастье, получившие ранее отражение в публицистике Н. М. Карамзина: «Мелодор к Филалету», «Филалет к Мелодору» (1795), «Разговор о счастья. Филалет и Мелодор» (1797). Причем сама диалогическая форма этих произведений Карамзина оказывается глубоко содержательной и позволяет утверждать, что «в некоторые моменты духовной истории раздвоение личности необходимо — только оно делает эту личность в какой-то мере адекватной окружающему ее миру» (Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М. 1987. С. 240).

Послание «К Филалету» активно входило в культурную жизнь первой трети XIX в. Так, строки из него часто использовались в дружеской переписке этого периода. См. в письме А. И. Тургенева к Жуковскому и Воейкову от марта 1814 г.: «Любите меня, я в вашей любви счастлив буду столько, сколько можно быть счастливым одною дружбою, ибо в любви по сю пору находил я одну мечту, тоску без разделенья И невозвратное надежд уничтоженье» (цит. по: Веселовский. С. 146).

Ритмико-синтаксический строй послания оказал несомненное влияние на поэтическое творчество Пушкина (об этом см.: Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 60, 370, 392).

Из современников Жуковского высокую оценку посланию дал Н. А. Полевой. В статье «Баллады и повести В. А. Жуковского» (1832) критик отмечает оригинальный характер этого стихотворения и его влияние на последующее творчество поэта: «Стихи „К Филалету“ — произведение пламенное, поэтическую исповедь сердца двадцатипятилетнего юноши — эти стихи я не отдам (...) за две трети всего, что потом написал Жуковский... Подобные создания, где воображение слито с сердцем и душою, не пишутся — нет! они сами изливаются из бытия человеческого!» (Полевой Н. А., Полевой Кс. А. Литературная критика. Л., 1990. С. 213). В. Г. Белинский во второй статье цикла «Сочинения Александра Пушкина», процитировав фрагмент из послания, подчеркивал: «Эти прекрасные стихи вдвойне замечательны: они исполнены глубокого чувства; в них слышится вопль души, — и они доказывают *фактически*, что не Пушкин, а Жуковский первый на Руси выговорил элегическим языком жалобы человека на жизнь» (Белинский. Т. 7. С. 190. Курсив автора).

Филалет — условно-литературное имя, в переводе с греческого «любитель истины», ассоциируется с представлениями о творческом и философском уединении, о высокой дружбе, о жертвенной любви.

Ст. 49. *И что же!.. предо мной увядшего могила...* — Видимо, речь идет о рано умершем Андрее Тургеневе. Атмосфера Дружеского литературного общества определяет характер рефлексии в этих стихах.

Ст. 51—53. *Любовь... но я в любви нашел одну мечту ~ И невозвратное надежд уничтоженье...* — Возможно, эти стихи возвращают Жуковского к его увлечению А. М. Соковниной (в замужестве Павловой; 1784—1873). Увлечение Жуковского ею относится, по-видимому, к 1804—1807 гг. (см.: Веселовский. С. 102—107; Вацу-ро. С. 75)

И. Поплавская

Счастье

(«Блажен, кто, богами еще до рожденья любимый...»)

(С. 141)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 56 об.) — белой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 20, л. 10 об. — 11 — рукою М. А. Протасовой, с поправками Жуковского.

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 45—45 об. — рукою А. А. Протасовой.

Впервые: ВЕ. 1809. Ч. 47. № 19. Октябрь. С. 191—195 — с подписью: «Ж.» и указанием на источник перевода: «Из Шиллера».

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—2 отдел «Смесь») с датой: «1810»; в С 5 датировано 1809 г.

Датируется: 1809 г. на основании времени первой публикации и общего контекста автографа в рукописи.

Перевод стихотворения Ф. Шиллера «Das Glück», написанного в 1798 г., впервые опубликованного в «Musenalmanach für das Jahr 1799», затем с небольшими изменениями в собрании стихотворений (Gedichte. 1800. Bd. 1). Перевод Жуковского осуществлен по этому изд. с незначительным сокращением количества стихов (64 вместо 66 оригинала); изменен метр: элегический дистих Шиллера Жуковский передает пятистопным амфибрахием. Видимо, Жуковский придавал своему метрическому новшеству особое значение, поскольку в копиях, а также при первой публикации в ВЕ между заглавием и текстом графически воспроизведена метрическая схема: $\vee-\vee \vee-\vee \vee-\vee \vee-\vee \vee-\vee$. «Счастье» — единственное стихотворение Жуковского, написанное пятистопным амфибрахием (См.: Матяш С. А. Метрика и строфика В. А. Жуковского // Русское стихосложение XIX в. М., 1979. С. 31—31, 94). Текст публикации ВЕ имеет незначительные расхождения с последней прижизненной (С 5) в ст. 2, 4—7, 30, 34, 40, 41, 45, 55, 56, 59. Кроме того, в публикации ВЕ воспроизведены подстрочные примечания, содержащиеся в авторизованных копиях:

К ст. 25. *Лишь к избранным с неба орлу-громоносцу Кронион...* — Юпитер.

К ст. 30. *Лишь им предлетит стрелоносный сразитель Пифона...*—Аполлон.

К ст. 42. *Щитом, искованьем Гефестова дивного млата...*—Вулкан.

К ст. 48. *Как лилиям пышность дана без заслуги Цитерой...*—Венера (в копиях: Афродита).

В С 1—5 эти примечания мифологического характера отсутствуют.

К. Зейдлиц считал перевод «Счастия» «написанным нарочно для журнала» [ВЕ] «образцовым рисунком», но тоже отметил уникальность метра, ошибочно назвав его «пятистопным дактилем» (Зейдлиц. С. 40).

О. Лебедева

К Делию

(«Умерен, Делий, будь в печали...»)

(С. 142)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 14, л. 60—беловой, с заглавием: «К Делию».

2) ПД. Р. I, оп. 9, № 23а—беловой, с тем же заглавием.

Копия (РНБ, оп. 2, № 2, л. 22 об.)—рукою А. А. Протасовой, с тем же заглавием.

Впервые: ВЕ. 1810. Ч. 49. № 3. Февраль. С. 188—189—с заглавием: «К Делию» и подписью: «Ж.»

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Смесь»), с подзаголовком: «Подражание Горацию»; С 5—«Из Горация»; датировано 1809 г.

Датируется: вторая половина 1809 г. на основе расположения автографа в рукописи.

Свободный перевод оды 3-й из 2-й книги (*Carmina*. II. 3) римского поэта Квинта Горация Флакка (65—8 до н. э.). Жуковский переводил с прозаического подстрочника, пользуясь французским изданием латинского текста, опубликованного en regard с французским переводом (*Les Poésies complètes d'Horace. Traduites par Batteux et F. Peugard*. Т. 1—2. Р., 1803. См.: Описание. № 1339).

Интерес к творческому наследию Горация проявился у Жуковского рано, еще в период его самообразования. Во время эстетических штудий 1805—1811 гг. он, опираясь на статью бреславского проф. И.-К.-Ф. Манзо «О римских сатириках» и «Лицей» Лагарпа, создает конспект по истории и теории сатиры, где раздел о Горации, его слоге, соотношении с Ювеналом (параллель Дюсо) занимает существенное место (см.: ПМиЖ. Вып. 17. Томск, 1991. С. 30—35). Творческим развитием этих мыслей становится оригинальная статья «О сатире и сатирах Кантемира» (1810), где особенно подробно говорится о Горациевых сатирах, которые «можно назвать сокровищем опытной нравственности, полезной для всякого, во всякое время, во всех обстоятельствах жизни» и которые «со стороны стихотворной (...) почитаются совершеннейшими из всех нам известных» (Эстетика и критика. С. 201—202). Получает свое развитие и параллель: «Гораций—Ювенал». В эти же годы Жуковский читает послания Горация, в том числе знаменитое «Послание к Пизонам», с его эстетической рефлексией на тему «поэта и толпы», поэзии

«для немногих» (см.: Чупина Г. А. В. А. Жуковский — читатель посланий Горация // Проблемы литературных жанров. Вып. 4. Томск, 1983. С. 172—174). Наконец, в статье «Радамист и Зенобия» (1810) Жуковский формулирует свою позицию переводчика Горация. Он вопрошает: «Пленит ли меня перевод Горациева послания, если переводчик не будет одарен любезным воображением римского поэта, одушевляющим самые обыкновенные мысли его, если не будет ему знакома та привлекательная философия, а в сердце его не будет ни той меланхолической нежности, ни того глубокого чувства натуры, которыми столь часто приводит нас в восхищение Гораций!» (Эстетика и критика. С. 257).

В контексте этих размышлений поэт и обращается к переводу знаменитой оды Горация. Жуковский не сохранил в переводе строфической структуры подлинника — алкееву строфу, заменив ее четырехстопным ямбом. В целом, опираясь на жизненную философию Горация, идею «*aurea mediocritas*», Жуковский создает свой вариант горацианства. Сам же принцип жизненной философии Горация чуть позднее, в послании «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...»; 1814), Жуковский выразит поэтической формулой: «Хвала, умеренность златая! // С певцом Тибурским восклицал...»

В большом контексте размышлений о философской природе Горация, его меланхолии, дневниковой рефлексии 1805 г., писем, стихотворений 1809—1813 гг. перевод оды Горация «К Делию» «имел важное значение для последующей русской элегической лирики» (Вацура. С. 93).

Для самого Жуковского и позднее, в статье «О меланхолии в жизни и поэзии» (1846), Гораций был выражением древнего мирозерцания, а его знаменитый стих: «*Carpè diem, quam minimum credula postero*» он переводит словами: «Лови, лови летящий час! Он, улетев, не возвратится!» (Эстетика и критика. С. 344).

А. Янушкевич

Моя богиня

(«Какую бессмертную...»)

(С. 143)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 90 об.—92)—беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 2, № 1, л. 2—4 об.—рукою М. А. Протасовой, с подзаголовком: «Подражание Гёте».

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 2—4 — рукою А. А. Протасовой, с тем же подзаголовком.

Впервые: ВЕ. 1809. Ч. 48. № 17. Сентябрь. С. 31—33 — с подзаголовком: «Подражание Гёте» и метрической схемой стиха: $\vee-\vee\vee-\vee\vee$. Подпись: «В. Ж.»

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 3—4 отдел «Смесь»). В С 5 датировано 1809 г.

Датируется: 1809 г. на основании расположения автографа в рукописи и времени первой публикации.

Вольное переложение стихотворения Гёте «*Meine Göttin*» (из цикла «Оды и гимны»). Жуковский увеличил количество стихов (151 вместо 78 у Гёте) за счет со-

кращения их длины, унифицировал ритм стихотворения, ввел обязательное дактилическое окончание и изменил стиль стихотворения, придав образу «богини-Фантазии» оссианические, сентиментально-меланхолические черты (см.: Веселовский. С. 329). Образ богини Фантазии получает свое развитие в последующем творчестве Жуковского (послания к Батюшкову, Вяземскому и В. Л. Пушкину).

Это было первое обращение Жуковского к наследию великого немецкого поэта. Как замечает исследователь, «среди немецких переводов Жуковского 18 стихотворных переводов из Гёте занимают второе место после переводов из Шиллера» (Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе. Л., 1992. С. 78). Философическая ода веймарского периода, написанная вольным размером без рифм, получила у русского поэта своеобразное воплощение и заняла определенное место как в его эстетическом развитии, так и среди экспериментов в области стиха.

Н. Реморова

Путешественник

Песня

(«Дней моих еще весною...»)

(С. 147)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 20, л. 3 — черновой, с заглавием: «Путник».

2) РНБ, оп. 1, № 14, л. 65 — белой, с тем же заглавием, без 6-й строфы, которая вписана другим почерком на полях рукописи.

Копии:

1) РНБ, оп. 2, № 2, л. 38 об.—39 — рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «Пустынник», исправленным рукою Жуковского на «Путешественник».

2) РНБ, оп. 2, № 3, л. 38—41 — рукою В. И. Губарева — с заглавием «Путешественник».

Впервые: ВЕ. 1810. Ч. 49. № 4. Февраль. С. 288—289 — с заглавием: «Путешественник» и подписью: «Ж.»

В прижизненных изданиях: С 1—5. В С 1—4 — раздел: «Песни и романсы», с подзаголовком: «Из Шиллера» и датой: «1809»; С 5 — с тем же подзаголовком, но датировано 1813 г.

Датируется: вторая половина 1809 г. на основе расположения автографов в рукописи.

Вольный перевод стихотворения Ф. Шиллера «Der Pilgrim» (1803). Жуковский увеличил объем произведения по сравнению с оригиналом на одну строфу: в белом автографе № 2 количество строф совпадало, но вписанная на полях 7-я строфа подчеркивала все препятствия, встречавшиеся на пути странника. По мнению комментатора, «Жуковский ослабил аллегоричность подлинника введением реальных подробностей скитания пилигрима» (Стихотворения. Т. 1. С. 371). Но, думается, аллегорическая природа «Путешественника» Жуковского, опирающаяся не только на поэтику «элегической песни» Шиллера, но и на источник этой песни — «Паломничество пилигрима» английского писателя и проповедника Дж. Бень-

яна (об этом см.: Вацуро. С. 141), близка к «эстетическому синтезу» эпохи романтизма.

В перевод «Путешественника», отталкиваясь от Шиллера, он включил целый комплекс эстетических идей новой эпохи, формируя символическую лирику своих эстетических манифестов.

На слова стихотворения Жуковского А. А. Плещеев написал романс (Гофман. С. 73).

А. Янушкевич

1810

На смерть семнадцатилетней Эрминии

(«Едва с младенчеством рассталась...»)

(С. 149)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 14, л. 62 об.—беловой.

2) ПД. Р. I, оп. 9, № 236—беловой.

Копии:

1) ПД. Р. I, оп. 42, № 73 — рукою неустановленного лица, в альбоме А. А. Протасовой

2) РНБ, оп. 2, № 2, л. 23 — рукою А. А. Протасовой. Идентична автографу.

Впервые: ВЕ. 1810. Ч. 49. № 3. Февраль. С. 189—190 — с подписью: «Ж.» Перепечатано: Муза новейших стихотворцев. М., 1814 — без изменений.

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Смесь») с заглавием: «На смерть Эрминии» и подзаголовком: «Подражание»; С 5 — с заглавием: «На смерть семнадцатилетней Эрминии», без подзаголовка и с датой: «1809».

Датируется: начало января 1810 г. (обоснование см. ниже).

Несмотря на связь стихотворения с литературной традицией, прежде всего с сонетами Петрарки на смерть Лауры (см.: Титаренко С. Д. Ф. Петрарка и русский сонет конца XVIII — первой трети XIX вв. // ПМиЖ. Вып. 11. Томск, 1985. С. 87—92) и подзаголовок «Подражание» в С 1—4, по всей вероятности, его создание было вызвано конкретным поводом — смертью семнадцатилетней танцовщицы Санкт-Петербургского Императорского театра Марии Даниловой (1793 — 8 января 1810). На ее смерть, которая потрясла современников, откликнулись многие поэты, в том числе Карамзин, Милонов, Измайлов. На страницах ВЕ появляются два поэтических отклика — К. Н. Батюшкова («Стихи на смерть Даниловой, танцовщицы С. Петербургского Императорского театра»; ВЕ. 1810. Ч. 50. № 7. Апрель. С. 189) и Н. И. Гнедича («На смерть Даниловой»; ВЕ. 1810. Ч. 51. № 10. Май. С. 124).

В письме к Гнедичу от мая 1810 г. Батюшков сообщает: «Жуковский благодарит тебя за стихи, и впрямь „На смерть Даниловой“ прекрасны, они будут напе-

чатаны в 1-м №» (Батюшков. Т. 2. С. 135). Не совсем понятно, о каком 1-м № идет речь (в мае уже вышел № 9), но очевидно, что Жуковский как соредактор ВЕ был хорошо осведомлен о произведениях своих друзей, посвященных одному и тому же событию.

Возможно, поэтому он, не вступая с ними в соревнование, придал стихотворению характер поэтического обобщения и определенной условности и в этом смысле сделал его как бы эпиграфом к последующим публикациям «На смерть Даниловой».

А. Янушкевич

К Б(лудов)у

Послание

(«Веселого пути...»)

(С. 149)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л 63—64)—беловой, с незначительной правкой, с нумерацией стихов карандашом по пять строк, с заглавием: «К Блудову. При его отъезде в армию».

Впервые: ВЕ. 1810. Ч. 50. № 5. Март. С. 33—36—с заглавием: «К***. При отъезде его в армию» и подписью: «Ж.»

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Послания»). В С 5—с заглавием «К Б...у. Послание»; датировано 1809 г.

Датируется: февраль 1810 г. (обоснование см. ниже).

О времени написания послания существуют две точки зрения. В С 1—3 и С 5 оно отнесено к 1809 г. В «Общем оглавлении» тоже указан 1809 г. (Матяш. С. 154). В 6—7 датируется 1809 г. Лишь в С 8 впервые упоминается 1810 г. как год возможного написания послания со следующим примечанием: «(...) стихи могли быть написаны никак не ранее февраля 1810 г. Граф Н. М. Каменский только в этом месяце назначен главнокомандующим армией, действовавшей против турок, и, отправляясь к ней, взял Блудова Начальником своей канцелярии. В марте 1810 г. они прибыли в Яссы» (Т. 1. С. 514) И далее в С 9—10, в ПСС, в современных изд. стихотворение датируется 1810 г.

Адресатом послания является Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864), близкий друг Жуковского, двоюродный племянник Г. Р. Державина, двоюродный брат В. А. Озерова, общественный деятель и литератор. В июле 1800 г. он поступил на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел и сблизился с московскими литераторами. Д. В. Дашков познакомил его с Жуковским. Блудов и Жуковский несли совместное дежурство при входе на Кремлевскую площадь в самый день коронации Александра I и впоследствии любили вспоминать об этом (см.: Ковалевский Е. Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 24). После переезда в 1802 г. Блудова в Петербург Жуковский переписывается с ним, а в марте-апреле 1805 г. вместе с Александром Тургеневым живет в его квартире «против Владимирской церкви, в доме, принадлежавшем генералу Варлонту» (см.: Иезуито-

ва Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 31—34). В период подготовки и редакторства ВЕ Жуковский неоднократно обращается к Блудову с просьбой о сотрудничестве, высоко ценя его эстетический вкус (см.: РА. 1900. № 9. С. 5; ПЖТ. С. 35, 37, 38). В письмах этого периода поэт часто упоминает о любви Блудова к княжне Анне Андреевне Щербатовой (1777—1848), мать которой в течение многих лет противилась их браку.

4 февраля 1810 г. генерал Н. М. Каменский был назначен главнокомандующим Дунайской армией и предложил Блудову место правителя дипломатической канцелярии. С обстоятельствами предстоящего отъезда Блудова в действующую армию в феврале 1810 г. и связано появление этого послания Жуковского. Дружеские отношения Блудова и Жуковского продолжались до самой смерти последнего. Возвратившись из-за границы в 1814 г., Блудов включается в литературную жизнь Петербурга, принимает активное участие в организации «Арзамаса», в котором получает прозвище «Кассандра». Характерно, что само название общества, его эстетика во многом связываются с деятельностью Блудова в нем (см.: Арзамас—2. Т. 1. С. 19). Примечательно, что С 2, вышедшее в 1818 г., Жуковский открывает посвящением Блудову. После событий 14 декабря 1825 г. Блудов был назначен делопроизводителем Следственной комиссии, что вызвало к нему охлаждение со стороны многих друзей. Общение же с Жуковским не прерывалось. Все семейство Блудова испытывало к нему чувство любви и глубокой благодарности (РА. 1900. № 1. С. 59). Последние часы своей жизни Блудов, по воспоминаниям его старшей дочери А. Д. Блудовой, «провел (...) в молитве и чтении (...), по временам вспоминал также о Карамзине и Жуковском» (Блудов Д. Н. Мысли и замечания. СПб., 1866. С. 62).

Послание «К Блудову» эстетически (тип лирического героя, образный строй) связано с целым кругом лирических стихотворений Жуковского 1810—1811 гг.: это «Цветок», «Жалоба», «Желание», «Певец» и др. (об этом см.: Веселовский. С. 116). Написанное трехстопным ямбом, оно послужило одним из поэтических образцов для послания «Мои пенаты» Батюшкова и положило начало новой разновидности дружеского стихотворного послания (см.: Грехнев В. А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров. Горький, 1985. С. 23—87; Вацууро. С. 101—102), оказало несомненное влияние на лицейскую лирику Пушкина (Стихотворения. Т. 2. С. 489). Правда, впоследствии Пушкин не жаловал «маркиза Блудова» и говорил об «односторонности его вкуса». В письме к Жуковскому от апреля 1825 г., давая оценку 3-му изданию «Стихотворений Василия Жуковского», Пушкин замечал: «Выбрасывая, уничтожая самовластно, он не исключил из Собрания послания к нему — произведения, конечно, слабого. Нет, Жуковский,

Веселого пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И (...) его (...)

(Пушкин. ПСС. Т. 13. С. 167).

Ст. 9—10. *Где ждет тебя, уныла, // Твой друг, твоя Людмила...*— В этих строках поэтизируется любовное чувство Блудова к А. А. Щербатовой, которое вызывает ассоциации с балладой «Людмила» и стихотворением «Плач Людмилы».

Ст. 38. *Стрела ужасной Гелы...*— Гела (Хель)— в скандинавской мифологии хозяин царства мертвых.

Ст. 64. *Сын Дия Абеон...*— Абеон (неканонич.)— бог, покровитель отъезжающих, сын Зевса.

Ст. 69. *Ведомый Адеоном...*— Адеон (неканонич.)— бог, покровитель возвращающихся.

И. Поплавская

Надпись

к солнечным часам в саду И. И. Дмитриева

(«И час, и день, и жизнь мелькают быстрой тенью!..»)

(С. 153)

Автограф неизвестен.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Впервые: С 5 (посм.). Т. 12. С. 86.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: предположительно 1810 г.

Датировка стихотворения отличается во всех посмертных изданиях и колеблется в пределах 1808—1811 гг. Более реальным представляется 1810 г. С 2 января 1810 г. Дмитриев жил в Петербурге, и не исключено, что стихотворение было приложено к письму от марта 1810 г. (см. ниже) как напоминание о времени, проведенном в московском доме поэта.

В стихотворении речь идет о московском саде, который находился возле дома в приходе св. Харитония у Красных ворот, принадлежащего И. И. Дмитриеву, и в котором он жил в 1808—1809 гг. Упоминание об этом доме и саде встречается в письме Жуковского к И. И. Дмитриеву от 10 марта 1810 г.: «проведя целый день в важнейших государственных заботах, вы засыпаете каждый вечер с приятною мыслию о своем уединенном московском домике, о своем саде, о своей люльке доброго эгоиста, о своих московских знакомых; это я слышал от нашего почтенного, возвратившегося из царства мертвых, историографа» (РА. 1900. № 9. С. 8—9). Видимо, солнечные часы тоже были одной из достопримечательностей сада Дмитриева, страстью которого было «садоводство, или лучше сказать зелень деревьев и луга английского сада» (Дмитриев М. А. Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1985. С. 228)

Ст. 1. *И час, и день, и жизнь мелькают быстрой тенью...*— По мнению П. Загарина (Л. И. Поливанов), эта строка восходит к окончанию стих. Шиллера «Идеалы», которое не было переведено Жуковским (см. примеч. к стих. «Мечты»). В русском переводе это звучит так: «медленно создающий, никогда не разрушающий, присоединяющий одну песчинку к другой для созданий вечных и минутами, днями и годами платящий долг времен» (Загарин. С. 121. Примеч. 1). По замечанию

В. Э. Вацуру, в «Надписи...» Жуковский «в четырех строках намечает всю концепцию, которую развертывают «Мечты» (Вацуру. С. 123).

И. Потлавская

Песнь араба над могилою коня

(«Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял...»)

(С. 153)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 64 об.—65)—беловой.

Копия (РНБ, оп. 2, № 2, л. 32—32 об.)—рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского.

Впервые: ВЕ. 1810. Ч. 50. № 7. Апрель. С. 190—192 — с подписью: «Ж.»

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Романсы и песни»); в С 1—2 отнесено к 1810 г., в С 5—к 1809 г., с подзаголовком в оглавлении «Из Мильвуа».

Датируется: начало 1810 г. на основании положения беловой рукописи в альбоме № 14: стихотворение записано здесь под № 72 в окружении произведений, датируемых концом 1809—началом 1810 г. «К Блудову (при его отъезде в армию)» и «Путник», а также времени первой публикации.

Перевод стихотворения «L'arabe au tombeau de son coursier» («Араб у могилы своего скакуна») Ш. Мильвуа (Millevoye Charles-Hubert; 1782—1816), известного французского поэта, перу которого принадлежит 10 сборников и который с 1804 г. по 1816 г. участвовал в ряде поэтических конкурсов, принесших ему популярность. Романс Мильвуа, переведенный Жуковским, является стилизацией под древнеарабские «верблюжьи баллады» — моаллакаты. Причем, в основу перевода Жуковского легла ранняя редакция стихотворения (ее название — «Le Tombeau du coursier, chant d'un Arabe»), отличающаяся от окончательной лишь последней строфой, которую ошибочно приписывают Жуковскому (см. текст ранней редакции в кн.: *Œuvres de Millevoye*. P., 1880. V. 1. P. 177—178. См. также: Заборов П. Р. Шарль Мильвуа в русских переводах и подражаниях первой трети XIX в. // *Взаимосвязи русской и зарубежных литератур*. Л., 1983. С. 123). Кроме того, в переводе изменено имя возлюбленной Араба — вместо «Азейда» «Зара». Перевод отличается от подлинника, особенно в первоначальном своем варианте, возвышенным стилем, архаической лексикой (ср.: «le flanc» — «выя», «la tristesse» — «стенанья», «Depuis ce jour, tourment de ma mémoire» было сначала переведено так: «С того незабвенна погибели дня», а «J'ai de son sang abreuvé cette lance» как «Копье упоилось рукою кровавой» и т. д.). В дальнейшем эта собственно ораторская торжественная интонация «героической песни» развивается в сторону ее элегического, интимного звучания. Соответственно в публикации ВЕ и других прижизненных изданиях «стенанья» заменены существительным «страданья», «выя» — словом «шея», «сопутник, восстань» словосочетанием «сопутник мой, встань» и т. д.

Величавый, поэтический стиль не уходит из стихотворения (в нем остаются отсутствующие в подлиннике «ветр», «одр песков пустынных», «брань», «булава», «драгие края» — ср. в оригинале: «les vents», «les sables mouvants», «cette lance»,

«tant aimée»), он становится лирическим, эмоциональным. Рефрен стихотворения также приобретает большую эмоциональную силу, так как вытекает из более неожиданных, лирических, образных «картин» (напр., ст. 20: «Et j'élevai sa tombe dans la plaine» — «И бранные кости одела могила» или ст. 35: «A mes côtés il combattait le More» — «И мавра топтали могучи копыта»). Метрика Мильвуа (сплошной десятисложник) заменена на чередование двух стихотворных размеров — 4-стопный амфибрахий и 6-стопный ямб (рефрен). Интересно, что Жуковский вслед за Мильвуа членит текст на куплеты. В автографе и копии для этого используется даже специальный знак #. Тем самым акцентировалась та или иная тема «Песни». Однако темы эти переливаются одна в другую, переключаются за счет рефрена, в целом же текст обретает музыкальность. Позднее «Песнь араба над могилою коня» была положена А. А. Плещеевым на музыку. Один из размеров стихотворения (4-стопный амфибрахий) под несомненным воздействием Жуковского в дальнейшем не раз использовали в условно-ориентальной поэзии, переводной и оригинальной (например, А. С. Пушкин в «Подражании Корану», М. Ю. Лермонтов в «Трех пальмах»). Об этом см.: Заборов П. Р. Указ. соч. С. 123; Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 580—581.

Перевод получил высокую оценку у современников Жуковского. Так, Н. М. Коншин (1793—1859), поэт, прозаик, мемуарист, участник Отечественной войны, с 1824 г. — директор училищ в Твери (место получено при содействии Пушкина и Жуковского), пишет в своих «Записках»: «Мальчик-офицер 1812 г., в Орле я опять увидел его (Жуковского.—И. А.) в „Светлане“, которая мне не понравилась; и в „Песне арапа над могилою коня“: лучше этой песни я не мог представить себе ничего; я выучил ее на память и декламировал ее поминутно». И заканчивает он свои воспоминания цитатой из «Песни араба...» (Н. М. Коншин. Из записок // РС. 1897. № 2. С. 274—277, под заглавием «Жуковский и Дельвиг в изображении современника»). А П. А. Плетнев писал Жуковскому в связи с его «Песней араба...»: «Я убежден, что вы глубже всех проникаете в предметы, яснее всех видите их поэтическую сторону и — даже переводя — лучше самого автора сливаетесь с поэзией его представлений. Вот отчего, например, Мильвуа так неувлекателен, как вы в плаче араба над могилою коня» (РА. 1870. С. 1284).

И. Айзикова

Свисток

Посвящено Анне Петровне Юшковой

(«Какую ворганщицу...»)

(С. 155)

Автограф (ПД.Р. I, оп. 9, № 1) — белой и черновой, с датой: «1810. Августа 26» и заглавием: «Свисток. Посвящено Анне Петровне Юшковой».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 116 — с датой: «1810. 26 августа».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по беловому автографу.

Датируется: 26 августа 1810 г.

Анна Петровна Юшкова (в замуж. Зонтаг; 1786—1864)—детский прозаик, переводчица, мемуарист—старшая дочь сводной сестры Жуковского и его крестной матери В. А. Юшковой, сестра А. П. Киреевской, автор воспоминаний о ранних годах жизни Жуковского.

Время регулярного личного общения Жуковского и А. П. Юшковой ограничено началом 1815 г., когда Жуковский переселился из Орловской губернии в Петербург. Переписка Жуковского и А. П. Зонтаг, хотя и с большими перерывами, продолжалась в течение всей жизни поэта (см.: УС. С. 88—131; РБ. 1912. № 7—8. С. 130—133; см. также: Грот К. Я. Из переписки А. П. Зонтаг с В. А. Жуковским. СПб., 1909; Грот К. Я. В. А. Жуковский и А. П. Зонтаг. СПб., 1904). Стихотворение «Свисток» является одной из самых ранних автопародий Жуковского: оно написано метром стихотворения 1809 г. «Моя богиня» («Какую бессмертную...») — белыми двухстопными амфибрахиями с наращением одного безударного слога во второй стопе, что дает дактилический тип клаузулы.

Ст. 1. *Какую ворганицу...*—«Варган» — простонародное музыкальное орудие (...), железная полоска, согнутая лирой, со вставленным вдоль посредине стальным язычком» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880. Т. 1. С. 165).

Ст. 4. *Муратова чудного...*—Муратово — имение Е. А. Протасовой в Орловской губернии, недалеко от уездного г. Болхова, примерно в 40 верстах от тульских имений членов бунинского семейства и г. Белева, где у Жуковского был свой дом. В 1810—1811 гг. Жуковский принял деятельное участие в постройке господского дома в Муратове, где и прожил, в семействе Е. А. Протасовой, с перерывами и отлучками, с мая 1811 по июль 1814 г.

Ст. 6. *О славном картузнике...*—к этому стиху Жуковский сделал примечание: «Алексей, по прозванию Косоплетинка, ходит обыкновенно в картузе». Вероятно, имеется в виду дворовый человек Протасовых.

Ст. 12—13. *Тогда уж ни Моцарту, // Ни Дицу, ни Гайдону...*—Моцарт Вольфганг Амадей (1756—1791)—австрийский композитор; Диц (Тиц) Фердинанд (1742—1798)—венский скрипач и композитор; Гайдн Франц-Иосиф (1732—1809)—австрийский композитор.

О. Лебедева

* * *

(«По щучьему веленью...»)

(С. 157)

Автограф (ПД. Р. I, оп. 9, № 40)—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 117.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1810 г., не позднее сентября.

Основанием для датировки текста являются ст. 41—42 («Тот дьявольский писатель, // Тот вестника издатель...»). В ст. 42 подразумевается журнал ВЕ, единолич-

ным редактором которого Жуковский был в 1808 — первой половине 1809 г., после чего разделил обязанности редактора с М. Т. Каченовским, а в августе-сентябре 1810 г. окончательно отошел от редактирования журнала, передав свои права Каченовскому, но оставшись активным сотрудником ВЕ (см. письма М. Т. Каченовского к В. А. Жуковскому от сентября-декабря 1810 г.: Из неизданной переписки В. А. Жуковского // Ежегодник Рукописного отдела ПД. 1979. Л., 1981. С. 86—87; 89—106; публикация Р. В. Иезуитовой). Текст стихотворения записан на бумаге с неполным водяным знаком 1810-х гг.—последняя цифра знака «181 (?)» осталась на оторванной части листа. Следовательно, стихотворение не могло быть написано раньше 1810 г., а после сентября 1810 г. Жуковский не мог уже называть себя издателем ВЕ. Косвенным подтверждением этой датировки является и ст. 41, неверно прочитанный Н. В. Соловьевым («Тот долбинский писатель...» — Соловьев. Т. 2. С. 117). Называя себя «дьявольским писателем», Жуковский, безусловно, имел в виду балладу «Громобой», над которой интенсивно работал в 1810 г. и которую опубликовал во втором февральском номере ВЕ за 1811 г. с посвящением Александре Андреевне Протасовой (ВЕ. 1811. № 4).

Н. В. Соловьев, публикуя стихотворение «По щучьему велению...», счел его адресованным А. П. Киреевской и ее старшей сестре А. П. Юшковой (Зонтаг). Это предположение представляется маловероятным, поскольку в 1810 г. наиболее близкий Жуковскому круг родственного общения был ограничен семейством Е. А. Протасовой: Жуковский давал уроки ее дочерям Маше и Саше, активно участвовал в постройке муратовского дома, все лето 1810 г. провел в Муратове и Мишенском (см.: Афанасьев В. В. «Родного неба милый свет...». М., 1980. С. 181, 186). В стихотворении упоминается одна сестра адресата (ст. 37: «Себе с своей сестрою...»), тогда как у А. П. Киреевской их было две: А. П. Юшкова (Зонтаг) и Е. П. Юшкова (Азбукина). Что же касается Е. А. Протасовой, то к 1810 г. из трех ее сестер в живых осталась только одна — Авдотья Афанасьевна Алымова (ум. в 1813 г.); Н. А. Вельяминова скончалась в 1785 г., В. А. Юшкова — в 1797 г. Все это заставляет предположить, что стихотворение обращено к Е. А. Протасовой.

Ст. 3. *Порука вы моя...* — О каком именно поручительстве Е. А. Протасовой за Жуковского идет речь, точно установить не удалось. Возможно, оно связано с приобретением деревни Холх, расположенной в полуверсте от Муратова и принадлежавшей полковнику Ладыженскому. Весной 1810 г. М. Г. Бунина вместе с Е. Д. Турчаниновой, матерью поэта, в складчину приобрели Холх на имя М. Г. Буниной и подарили это поместье Жуковскому (Афанасьев. С. 107—111). Е. А. Протасова, жившая в непосредственной близости от Холха, могла исполнять роль посредницы при переговорах и совершении купчей крепости, и поскольку Жуковский всю первую половину 1810 г. прожил в Москве по делам ВЕ, она могла присматривать за постройкой дома в Холхе. Вероятно, к этому же времени относится и следующее неопубликованное стихотворение Жуковского, записанное на листе такой же бумаги, так же оборванном на уровне последней цифры водяного знака «181 (?)», что и текст комментируемого послания:

Праздник дать затеял я,
И издержки все исчислил!

Роля странная моя!
Я о странности не мыслил!
Угодить старался я!
Но успел ли я, вопрос?
Быть приятным? Ну легко ли?
Что ж, пускай не удалось!
Было много доброй воли!
Холх хотел я подцепить.
Холх урочище вд(о)вое!..
Но, скажу, приятней вдвое
Мне Соседке угодить

(ПД. Р. 1, оп. 9, № 41).

Ст. 25. *С подъятыми перстами...*— Ср. в стихотворении «К Ив. Ив. Дмитриеву» («Итак, ее уж нет...» — 1813) стих, относящийся к характеристике Н. М. Карамзина: «С подъятыми перстами, // Со пламенем в очах...»

О. Лебедева

1811

Певец

(«В тени дерев, над чистыми водами...»)

(С. 159)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 83)—беловой.

Копия (ПД. № 9. 661 / LVIII.6.1, л. 9)—рукою неустановленного лица.

Впервые: ВЕ. 1813. Ч. 68. № 7—8. Апрель. С. 200—201 — с подписью: «В. Ж.»

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Романсы и песни») среди стихотворений 1811 г.; С 5—с датой: «1810»; в «Общем оглавлении» датировано 1811 г. (Матяш. С. 154).

Датируется: предположительно весна 1811 г.

Еще А. Н. Веселовский заметил, что «большая часть стихотворений 1810—1811 годов, свои и заимствованные, выражают тревоги и перебои романтической любви» (Веселовский. С. 126). Перечисляя эти произведения, исследователь включает в них и «Певца». Связь этого оригинального стихотворения с «Пловцом», «Жалобой», «Желанием», «К моему другу» («О милый друг! теперь с тобою радость...») подтверждается включением его в одну песенно-романсную подборку при первой публикации (см.: Янушкевич. С. 109—113).

Реальных оснований для точной датировки «Певца» нет, но положение автографа в рукописи рядом с указанными выше текстами, свидетельства самого Жуковского в первых изданиях позволяют считать 1811 г. временем создания стихотворения. Не исключено, что «Певец» был создан в мае, после объяснения с Е. А. Протасовой по поводу его чувств к Маше Протасовой (Веселовский. С. 125).

Образ «бедного певца», который «знал любви одну лишь муку» и который утратил всякие иллюзии: «мечтам конец», вполне соотносится с настроениями Жуковского весны 1811 г. Смерть в течение нескольких дней мая 1811 г. матери и М. Г. Бунинной, которая была для поэта второй матерью, усугубляла эти настроения.

Стихотворение «Певец» продолжает традицию изображения образа лирического героя в «Сельском кладбище». Текст эпитафии из этой элегии распространяется в лирической рефлексии «бедного певца». Ср.: «Здесь пепел юноши безвременно сокрыли» («Сельское кладбище») — «Здесь прах певца земля сокрыла» («Певец»); «Он кроток сердцем был, чувствителен душою» («Сельское кладбище») — «Он сердцем прост, он нежен был душою» («Певец»); «Как странник, родины, друзей, всего лишенной» («Сельское кладбище») — «Но в мире он минутный странник был» («Певец») и т. д. Воспоминания о «верном друге», который «во цвете лет угас» (несомненно, речь идет об Андрее Тургеневе), проецируются на элегические настроения «Вечера» (ср.: «и где же вы, друзья?.. (...) Один — минутный цвет — почил...»). Образ героя и его рефлексия предвосхищают и балладный мирообраз «Эоловой арфы».

В этом смысле «Певец» стал символом нового героя поэзии Жуковского и его собственной визитной карточкой. Образ «бедного певца» получил в воспоминаниях современников и оценке критиков почти автобиографический смысл. Эпиграмма на Жуковского пародийного характера: «Из савана оделся он в ливрею (...) Бедный певец!» (см.: Стихотворения. Т. 1. С. XXXIV) — была крайней формой такого прочтения.

Для друзей поэта «Певец» — романс — лучше всего» (из письма К. Н. Батюшкова к П. А. Вяземскому от 10 июня 1813 г.). А. С. Пушкин включил цитату из «Певца» в дневниковую запись от 29 ноября 1815 г., а отзвуки романса Жуковского нашли свое выражение в его «Певце» («Слышали ль вы за рощей глас ночной...»; 1816). В число «самых лучших» и «характеристических» произведений Жуковского В. Г. Белинский включал и «Певца» (Белинский. Т. 7. С. 214—215).

Романс Жуковского был положен на музыку М. И. Глинкой от стиха «О красный мир, где я вотще расцвел» под заглавием «Бедный певец» и А. Н. Верстовским — под этим же заглавием.

А. Янушкевич

Жалоба

Романс

(«Над прозрачными водами...»)

(С. 160)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 77 об.) — белой.

Впервые: ВЕ. 1813. Ч. 68. № 7—8. Апрель. С. 199—200 — с подзаголовком: «Подражание немецкой» и подписью: «В. Ж.»

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Романсы и песни»); в С 5 датировано 1810 г.

Датируется: май 1811 г. (обоснование см. ниже).

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи и указания в «Общем оглавлении» (Матяш. С. 154). Есть возможность предполагать, что хронологическая реалья, присутствующая в тексте Жуковского: «что в природе, озаренной // Красотою *майских* дней?» [курсив мой.—А.Я.] и отсутствующая у Шиллера, уточняет время создания стихотворения.

Стихотворение является переводом трех из четырех строф стихотворения Ф. Шиллера «Der Jüngling am Bache» («Юноша у ручья»). В отличие от оригинала, Жуковский рифмует не только четные, но и нечетные стихи; юношу Шиллера заменяет условным Усладом. По мнению Ц. Вольпе, «Жуковский также опустил последнюю строфу оригинала, в которой выясняется недоступность для юноши любимой девушки вследствие неравенства состояния (быть может, это сделано с целью избежать возможности автобиографического истолкования стихов)» — Стихотворения. Т. 1. С. 373. О том же еще раньше говорил и Веселовский: «Стихотворение, хотя и подражательное, получает характер биографический» (Веселовский. С. 127).

Изменение заглавия могло быть продиктовано не только причинами эстетического характера — стремлением придать стихотворению характер суггестивности лирического чувства, но и вполне реальными обстоятельствами творческой биографии — переводом в 1801 г. повести А. Коцебу «Мальчик у ручья». Жуковский не хотел дублировать это заглавие, тем более что в оригинале повесть называлась иначе: «Die jüngsten Kinder meiner Laune» («Младшие детища моей мечты»).

Имя Улада, который в предшествующей мифологической традиции (М. Хераков, С. Глинка, А. Кайсаров) был славянским богом пиршеств и роскоши, у Жуковского «подходящее имя для влюбленного певца, в котором он любил изображать себя» (Веселовский. С. 514). Достаточно вспомнить героя «Марьиной рощи». С легкой руки Жуковского это имя войдет в русскую поэзию как символ чувствительного поэта (П. Вяземский, П. Катенин, Н. Языков).

Впоследствии стихотворение Шиллера с заглавием «Юноша у ручья» полностью перевел К. Фофанов (см.: Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М., 1955. Т. 1. С. 349—350). Отзвуки этого романса можно увидеть в стих. В. К. Кюхельбекера «Ручей» («Мальчик у ручья сидел...»; 1819).

Стихотворение Жуковского было положено на музыку А. А. Плещеевым.

А. Янушкевич

Цветок

Романс

(«Минутная краса полей...»)

(С. 161)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 62) — белой.

Впервые: С 1. Ч. 1. С. 203 — с подзаголовком: «С французского» и датой: «1811».

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Романсы и песни»); в С 5 датировано 1810 г. — с подзаголовком «Романс».

Датируется: предположительно 1811 г.

Источником датировки стихотворения является его единственный известный автограф. В рукописи «Цветок» находится в контексте произведений, написанных в 1811 г. Эта же дата зафиксирована и в первой прижизненной публикации 1815 г. (С 1. Ч. 1. С. 203). Ц. С. Вольпе, а следом за ним и другие комментаторы, ошибочно говорят о втором автографе «Цветка» в альбоме А. А. Воейковой (ПД, ф. 244, № 27807, л. 44), но стихотворение с таким заглавием, относящееся к 1818 г., не имеет ничего общего с данным произведением (см. примеч. к стих. «Цветок» в т. 2).

«Цветок» является подражанием одноименному романсу французского поэта Шарля Мильвуа «La fleur». О характере восприятия этого текста Жуковским подробно говорит П. Р. Заборов, отмечая, что «в поле зрения русского поэта оказалась ранняя редакция стихотворения, состоящая всего из трех строф; первые две из них перешли в окончательную редакцию, а третья позднее была заменена диалогом цветка и „красавца-пастуха“. У Жуковского эта последняя строфа превратилась в две, однако содержание их почти совпадало; лишь мысль об „утрате человеком надежд“ получила некоторое развитие (...); в оригинале стихотворение это именовалось „стансами“, между тем Жуковский воспринимал его как „романс“». Исследователь также отмечает «отзвуки этого романса» в одноименном стихотворении Пушкина «Цветок засохший, безуханный...» (Заборов П. Р. Шарль Мильвуа в русских переводах и подражаниях первой трети XIX века // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983. С. 116—117).

Стихотворение Жуковского быстро стало органической частью русской музыкальной культуры. Оно входило во все песенники — с 1820-х по 1874 г. Музыку к нему написали А. Е. Варламов, А. А. Алябьев, А. Г. Рубинштейн (см.: Песни русских поэтов. Т. 1. С. 595).

А. Янушкевич

Желание

Романс

(«Озарися, дол туманный...»)

(С. 162)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 12, л. 52 — черновой.

2) РНБ, оп. 1, № 14, л. 76 об.—77 — белой.

Впервые: ВЕ. 1813. Ч. 68. № 7—8. Апрель. С. 197 — с подписью «В. Ж.»

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Романсы и песни») с подзаголовком: «Из Шиллера» и датой «1811»; в С 5 датировано 1810 г.—с подзаголовком: «Романс. Из Шиллера».

Датируется: предположительно 1811 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи и указание в С 1—4 и «Общем оглавлении» (Матяш. С. 154).

Перевод стихотворения Ф. Шиллера «Sehnsucht» («Томление»). По замечанию комментатора, «Жуковский смягчил энергический тон душевных движений под-

линника» (Стихотворения. Т. 1. С. 372). В работе над текстом перевода (от черного автографа к беловому) Жуковский снимает некоторые междометия, например: «Ах!» в конце: «Ах! лишь чудо путь укажет», убирает излишнюю эмфатику, выразившуюся в обилии восклицательных знаков, сокращает количество эпитетов. Так, например, вместо: «сладкий голос тишины» — «Там обитель тишины» (ст. 10); вместо: «в сладко дышащих цветах» — «на пригорках, на лугах» (ст. 16) и т. д.

Отдельные стихи «Желания» «становятся формулами лирической философии Жуковского» (Стихотворения. Т. 1. С. 372). Так, в письме к А. П. Киреевской от 5 мая 1814 г., рассказывая о своем чувстве к Маше Протасовой, Жуковский курсивом включает в прозаический текст письма цитаты из стихотворения: «И живое горе — все-таки есть жизнь. А мертвое страшнее смерти. Теперешнее мое бытие для меня так тяжело, как самое ужасное бедствие. Для меня было бы величайшим наслаждением попасть в горячку, в чахотку или что-нибудь подобное и увидеть вдруг вблизи *прелестный край чудес* [в черн. автографе последний стих читался так. — А. Я.]. Но этого вожатого еще нет; а самому броситься, без лодки, в *ужасный поток*, который *грозно мчится по скалам*, нельзя, не должно, — сиди на пустом берегу и рвись с досады глядя на *ту сторону*, где все так прекрасно или, по крайней мере, так тихо. Пускай всякое чувство *гниет* вместе с душою» (РС. 1883. Т. 37. С. 438). Последнее четверостишие (из немецкого оригинала) было взято Жуковским эпиграфом ко второй части «Двенадцати спящих дев» — балладе «Вадим».

Положено на музыку А. А. Плещеевым и А. Г. Вейраухом.

А. Янушкевич

(В альбом 8-летней Н. Д. Апухтиной)
(«Тебе вменяют в преступенье...»)
(С. 163)

Автографы:

1) РГБ, ф. 319, б. 23, л. 104 — беловой, без заглавия, на листке из альбома, с рисунком чернилами заставки и концовки в виде гирлянд из дубовых веток.

2) РГБ, ф. 104, 7. 2, л. 1 — беловой, с датой «1811 августа 3. Чернь».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 12. С. 131.

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: 3 августа 1811 г.

Стихотворение посвящено Наталье Дмитриевне Апухтиной (по первому браку Фон-Визина, жена декабриста М. А. Фонвизина (Фон-Визина); по второму браку Пушина — жена декабриста И. И. Пушина; 1803—1869). Родовое имение ее отца — Дмитрия Акимовича Апухтина (1768—1838) находилось в Болховском уезде Орловской губ., в близком соседстве с тульскими поместьями рода Буниных.

Как явствует из указания в автографе № 2, стихотворение написано в имении Плещеевых Чернь, куда семейство Апухтиных, вероятно, приехало на день рождения хозяйки Анны Ивановны Плещеевой. Точная датировка записи в альбом позволяет уточнить год рождения Н. Д. Апухтиной-Фонвизиной: не 1805, как

принято считать, а 1803 г. О семье Апухтиных и их единственной дочери, детство которой прошло в той среде дворянской интеллигенции, к которой по рождению и традициям принадлежала ее мать, Мария Павловна (урожд. Фонвизина; 1779—1842, двоюродная сестра первого мужа Н. Д. Апухтиной), см.: Литературный сборник: Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке / Под ред. Н. М. Ядринцева. СПб., 1885. С. 207—249 (письма Н. Д. Апухтиной к ее духовнику, протоиерею С. Знаменскому 1839—1859 гг.). В одном из них, от 13 июля 1859 г., она вспоминает, например: «(...) в малолетстве моем дом отца моего богатством славился, как волшебный замок. Чего у нас не было? Как полная чаша!» (С. 216). См. также: Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1979. Т. 1. С. 54—57.

Впечатление, производимое на окружающих красивой и одаренной девочкой, и отразилось в стихотворении Жуковского, сохранившемся в альбоме ее матери. Причем поэт отчасти предугадал судьбу Натальи Дмитриевны. К юности яркость ее натуры и особый психологический облик стали очевидны. Так, например, единственным выходом за рамки будничной жизни юной Н. Д. Апухтиной показался уход в монастырь. Тогда, весной 1821 г, М. А. Фонвизину удалось убедить ее отказаться от своего намерения. Тогда же укрепилось и его чувство к ней. Их свадьба состоялась в сентябре 1822 г. Правда, позднее Наталья Дмитриевна признавалась своему духовнику, что уступила настояниям родителей («свадьбою дом» — за новое имение, купленное после того, как в 1812 г. «при нашествии» прежнее сгорело, на деньги матери М. А. Фонвизина — «сам собою квитался» (С. 217). Во многом на этой основе была рождена легенда о Н. Д. Апухтиной как прототипе пушкинской Татьяны (см.: Кайдаш С. Та, с которой образован Татьяны милый идеал... // Наука и религия. 1976. № 1).

9 января 1826 г. Фонвизин был арестован за участие в декабристском восстании. В апреле 1826 г. Н. Д. Фонвизина, заручившись письмом А. П. Елагиной к Жуковскому, сумела через него добиться свидания с арестованным мужем (УС. С. 43). 21 января 1827 г. М. А. Фонвизина отправляют в Читинский острог. Через год, 17 января 1828 г., вслед за мужем выезжает из Москвы в Сибирь Наталья Дмитриевна, оставив на руках матери годовалого сына. Известно, что Жуковский перед поездкой в Сибирь 15 мая 1837 г. в Макарьеве на Унже встречался с отцом Натальи Дмитриевны, о котором она постоянно вспоминает в своих сибирских письмах (см.: Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 169, 178. Примеч. 61).

И. Айзикова

⟨А. А. Протасовой⟩

(«Честные господа...»)

(С. 163)

Автограф (ПД. Р. 1, оп. 9, № 48, л. 1) — белой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РБ. 1915. № 1. С. 24 (публикация Н. В. Соловьева, предшествующая отдельному изданию его кн.: История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана»: В 2 т. Пг., 1916).

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: 20 августа 1811 г.

Число и месяц создания стихотворения определяются событием, которому оно посвящено: 20 августа — день рождения А. А. Протасовой. Год создания устанавливается по упоминанию кометы 1811 года в ст. 11: «*Кометы явление*». Появление кометы осенью 1811 г. зафиксировано историками Отечественной войны 1812 г.: Богданович М. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 1. С. 92; Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1840. Ч. 1. С. 138—139. См. также: Бродский Н. Л. Комментарий к «Евгению Онегину». М., 1932. С. 20; Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983. С. 143.

Ст. 26—29. *Что Август ясный твой ~ Стал мрачным Сентярем!*.— Подобное каламбурное обыгрывание названия месяцев «август» и «сентябрь» с дополнительной ассоциативной проекцией на имя римского императора Августа (I в. до н. э.), ставшее нарицательным в значении «царствующая особа», встречается в 6-м стихотворении цикла Н. М. Языкова «Песни» («Мы любим шумные пиры...»; август — начало сентября 1823 г.): «Наш Август смотрит сентярем...». Весь цикл написан под явным влиянием поэзии Жуковского, особенно очевидны реминисценции из «Песни в веселый час» и «Певца во стане русских воинов». Аналогичный каламбур находится также в письме А. С. Пушкина Л. С. Пушкину от октября 1822 г. и тоже в контекстуальной близости с именем В. А. Жуковского: «Жуковск.<ому> я писал, он мне не отвечает; <...> О други, Августу мольбы мои несите! Но Август смотрит сентярем...» (ПСС. Т. 13. С. 51).

О. Лебедева

«Стонет витязь наш косматый...»

(С. 164)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 116—117.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: предположительно август-сентябрь 1811 г.

Основание для датировки следующее: в шуточном рукописном журнале «Муратовский сморчок», № 1 от 19 сентября 1811 г., в отделе «Политика» упомянут «генерал-фельдцейгмейстер *Альфабет Косматый*, генерал умный и деятельный, но вечно побеждаемый в сражениях с авангардом Муратова» (Соловьев. Т. 2. С. 123). По условному антропониму «Альфабет» (алфавит) можно предположить, что речь идет об Иване Никифоровиче Гриневе, преподавателе Белевского уездного училища, дававшего в 1810—1811 гг. уроки сестрам Протасовым, тем более что в журнале «Муратовская вошь» под датой 8 августа зафиксирован продолжительный визит Гринева в Муратово (Соловьев. Т. 2. С. 123—124). По совпадению второй части антропонима — «Косматый» с первым ст.— «*Стонет витязь наш косма-*

тый» можно допустить, что в шуточном журнале и стихотворении имеется в виду одно и то же лицо. Стихотворение «Стонет витязь наш косматый...» является пародией одного из популярнейших произведений И. И. Дмитриева — «Песня» («Стонет сизый голубочек...»; 1792).

О. Лебедева

Ода

(«Тебя хочу я днесь прославить...»)

(С. 165)

Автограф (ПД. Р. 1, оп. 9, № 29, л. 1 об.) — белой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 124.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 19 сентября 1811 г.

Стихотворение из домашнего рукописного юмористического журнала «Муратовский сморчок», № 1 от 19 сентября 1811 г.

Ст. 15. *Тобой Дементьич управляет...* — Григорий Дементьевич, управляющий села Муратова, неоднократно упоминается в юмористических журналах «Муратовский сморчок» и «Муратовская вошь» (Соловьев. Т. 2. С. 122—125), а также в домашних стихотворениях 1811—1814 гг.

О. Лебедева

Песня

(«О милый друг! теперь с тобою радость!..»)

(С. 165)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 14, л. 67 — белой, с заглавием: «К моему другу».

2) ПД, Р. 1, оп. 42, № 73 — белой, без заглавия, с датой: «1811. Сентября 29».

Впервые: ВЕ. 1813. Ч. 67. № 7—8. Апрель. С. 196, с заглавием: «К моему другу», с подписью: «В. Ж.»

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Романсы и песни»); в С 1—2 с подзаголовком: «Подражание нем.» и датой: «1811»; в С 5 с заглавием: «Песня», без подзаголовка, датировано 1813 г.

Датируется: 29 сентября 1811 г.

Основанием для датировки является автограф в альбоме А. А. Воейковой (его факсимильное воспроизведение см.: РБ. 1915. Кн. 8. С. 12) — с пометой: «1811. Сентября 29», как установлено И. П. Галюном (Галюн. С. 4—6), «Песня» является подражанием стихотворению немецкого поэта Кристофа Августа Тидге (1752—1841) «Vergiss mein nicht (An Arminia)» («Не забывай меня (К Арминии)»). Романс Тидге в разных изданиях содержит 18 или 22 восьмистишия. Жуковский перевел всего 3 строфы. В альбоме М. А. Протасовой под датой: «1808. 3 septembre» даются по-немецки именно эти строфы (Стихотворения. Т. 1. С. 372). В

библиотеке Жуковского сохранились более поздние издания сочинений Тидге: «Elegien und vermischte Gedichte». Bd. 1—3. Halle, 1814—1823 (Описание. № 2267). У Тидге каждая строфа начинается и заканчивается обращением к Армии: «Vergiss mein nicht». Этот рефрен без адресации к Армии Жуковский сохранил в последнем стихе каждой строфы, но в начале каждой строфы для стройности композиции ввел анафорическое обращение: «О милый друг!» Особенно близко передан оригинал во второй строфе. Сохранен и размер подлинника — 5-стопный ямб.

Во время пребывания в Дрездене Жуковский неоднократно встречался с Тидге в салоне гр. Элизы фон дер Рекке. 12 января 1827 г. Тидге внес в альбом Жуковского следующее двустишие: «Sie, die heilige Kunst, erhebet das Leben zur Wahrheit, // Was die Wirklichkeit nahm, giebt dem Leben zurück» («Оно, святое искусство, возвышает жизнь до истины, // Что отняла действительность, оно возвращает жизни»; см.: Веселовский. С. 342).

«Песня» Жуковского входила в песенники с 1820-х гг. до 1848 г. (Песни русских поэтов. Т. 1. С. 594).

А. Янушкевич

П. А. Вяземскому
(«Мой милый друг...»)
(С. 166)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 12, л. 7—8 об. — черновой, без заглавия.

2) РГАЛИ, оп. 1, № 5, л. 23—24 — белой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 18—19 (ст. 1—9, 76—96).

Впервые полностью: ПСС. Т. 1. С. 97—98.

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: вторая половина (после середины октября) 1811 г.

Стихотворение написано в связи с женитьбой П. А. Вяземского на княжне Вере Федоровне Гагариной. Венчание состоялось 18 октября 1811 г. Жуковский в это время жил в Муратове, орловском имении Е. А. Протасовой, а также в своем поместье в деревне Холх, в полуверсте от Муратова (см.: Афанасьев В. В. «Родного неба милый свет...» В. А. Жуковский в Туле, Орле и Москве: Документальная повесть. М., 1980. С. 186).

Ст. 22—24. *Но верой был ~ Избавлен я...* — Каламбурное обыгрывание имени В. Ф. Вяземской.

Ст. 46. *Апухтин прав...* — Апухтин Дмитрий Акимович (1768—1838), сосед Е. А. Протасовой по поместью (Болхов Орловской губ.), отец Н. Д. Апухтиной (в замуж. Фонвизиной), которой Жуковский в 1813 г. посвятил стихотворение (см. примеч. к стих. «В альбом восьмилетней Н. Д. Апухтиной»).

Ст. 50. *Лекедем стал...* — Лекеп А.-Л. (1729—1778) — знаменитый французский актер.

Ст. 51—52. *В Орле играл // В Филине он...*— Очевидно, в этих и следующих стихах речь идет о спектакле в домашнем театре А. А. Плещеева (см.: Толычева Т. (Новосильцева Е. В.) Рассказы и анекдоты // РА. 1877. Кн. 2. № 7. С. 365—367; Соловьев. Т. 1. Гл. 2). В 1811 г. Жуковский написал для домашнего театра Плещеева несколько оригинальных шуточных пьес. Одна из них — «Коловратно-куриозная сцена между г-ном Леандром, Пальясом и важным господином доктором» — сохранилась. Вяземский был хорошо осведомлен о театральных развлечениях Жуковского. Публикуя в РА «Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива» (отд. изд.: М., 1867), он упоминает и цитирует «Коловратно-куриозную сцену...» и сообщает название еще одной несохранившейся драматической шутки Жуковского — «Скачет груздочек по ельничку» (РА. 1866. С. 875—876). Какая пьеса разумеется под названием «Филина», установить не удалось.

Ст. 63. *Не селадон...*— Селадон, герой романа французского писателя Оноре д'Юрфе «Астрейя» (1609—1619), влюбленный пастух, нарицательное имя сентиментального влюбленного.

О. Лебедева

Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста

Греческая баллада

(«Открывай скорей окошки!..»)

(С. 169)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, Разнояз. Q. XVI, № 67, л. 1—7 об.) — рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста. Греческая баллада, предложенная на русские нравы Маремьяном Даниловичем Жуковятниковым, председателем комиссии о построении Муратовского дома, автором тесной конюшни, огнедышащим экс-президентом старого огорода, кавалером ордена трех печенок и командором Галиматьи. Второе издание, с критическими примечаниями издателя Александра Плещепуповича Чернобрысова, действительного мамелюка и богдыхана, капельмейстера коровьей оспы, привилегированного гальваниста собачьей комедии, издателя топографического описания париков и нежного компониста различных музыкальных чревобесий, между прочим и приложенного здесь нотного завывания» и датой: «Муратово. 1811».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Известия Императорской Академии Наук по отделению русского языка и словесности. СПб., 1911. Т. 16. Кн. 2. С. 25—32 (публикация И. А. Бычкова).

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по рукописи.

Датируется: ноябрь-декабрь 1811 г.

Основанием для датировки являются следующие биографические реалии: первую треть 1811 г., как об этом свидетельствуют письма за январь-апрель 1811 г., Жуковский провел в Москве (ПЖТ. С. 89—94); после смерти М. Г. Буниной (13 мая 1811 г.) он уехал в Белев, а после смерти Елизаветы Дементьевны (Саль-

хи, 25 мая 1811 г.) поселился в Муратове у Е. А. Протасовой. Таким образом, зима 1811 г., во время которой происходит действие баллады, приходится на конец, а не на начало года.

Первое сообщение о существовании этого текста Жуковского принадлежит Я. Юкельсону, в руки которого случайно попали бумаги из архива дерптской знакомой Воейковых, М. Н. Дириной (в замужестве фон Рейц); ее муж, дерптский историк Александр фон Рейц (Reutz, 1799—1862), был племянником Г. фон Рейтерна, тестя Жуковского. В своей заметке Юкельсон привел только полное название баллады (Новое время. 1901. № 9148 за 23 августа. См. то же: ИВ. 1901. Т. 86. № 9. С. 363—365). По публикации ИВ название процитировано А. Н. Веселовским, который ошибочно счел балладу «драматической шуткой» (Веселовский. С. 63). «Елена Ивановна Протасова...» — один из самых ранних образцов пародийной баллады и автопародии в творчестве Жуковского (ср. пародийную «Тульскую балладу» «Любовная карусель, или Пятилетние меланхолические стручья сердечного любления» — 1814, а также автопародию на «Балладу, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди» — см.: Пухов В. В. Неизданные письма В. А. Жуковского // РЛ. 1975. № 1. С. 123—124). Баллада «Елена Ивановна Протасова...» написана метром баллады «Людмила» (4-стопный хорей), 12-стишная строфа «Людмилы» усечена до 8 стихов, с сохранением принципа рифмовки двестишый с чередованием пар женских и мужских рифм.

Заглавие. *Елена Ивановна Протасова* — незамужняя сестра А. И. Протасова, мужа Е. А. Протасовой, тетка М. А. и А. А. Протасовых. *Греческая баллада* — вероятно, этот подзаголовок баллада получила потому, что в ней возникает мотив пророчества (ст. 183—197), сюжетообразующий для баллады Ф. Шиллера «Кассандра», переведенной Жуковским в 1809 г. *Маремьян Данилович Жуковятников* — шуточный псевдоним Жуковского. *Председатель комиссии о построении Муратовского дома* — в 1810—1811 гг. Жуковский принимал деятельное участие в проектировании дома Е. А. Протасовой в Муратове и следил за его постройкой. *Командор Галиматъи* — см. комм. к стих. ⟨К А. А. Плещееву⟩ «Друг милый мой!..» *Александр Плещепупович Чернобрысов* — Александр Алексеевич Плещеев (см. о нем в комм. к стих. «Послание к Плещееву в день Светлого Воскресения» 1812), которому принадлежат все французские куплеты баллады. *Собачьей комедии* — имеются в виду театральные увлечения и домашние спектакли А. А. Плещеева. *Нежного компониста различных музыкальных чревобесий* — будучи одаренным и образованным музыкантом и композитором, А. А. Плещеев положил на музыку тексты многих стихотворений и баллад Жуковского. См.: Баллады и романсы В. А. Жуковского, положенные на музыку для фортепиано А. А. Плещеевым. СПб., 1832. Ноты музыки к балладе «Елена Ивановна Протасова...», упомянутые в ее заглавии, не сохранились.

Ст. 7—8. *Афанасьевну встречать, // Катерину обнимать!* — Речь идет о Е. А. Протасовой и ее предполагавшемся, но отложенном или несостоявшемся визите в Москву, к Е. И. Протасовой.

Ст. 9—26. *NB. Открывай скорей окошки...* — Это и все следующие примечания А. А. Плещеева написаны на мотивы популярных французских куплетов.

Перевод. На голос: (О прекрасном приключении).

Как можно зимой	Но если автор в этом стихе
Открывать окошко?	Вместо окошка
Нужно попытаться объяснить	Заговорил о нашем сердце,
Эту непонятную идею.	Какая это прекрасная идея!
Не ширму ли	И летом, и зимой
Автор необдуманно	Наше сердце вам открыто
Принял за окошко?	Лучше, чем окошко.
О, веселей!	О, веселей!
Принял за окошко!	Лучше, чем окошко!

Ст. 33—34. *Села, скачет, снег столбом! // От колес ужасный гром* — Мотив стремительной конской скачки пародирует соответствующие мотивы баллад «Людмила» и «Светлана».

Ст. 35—46. *NB. Не сочтите быль за сказку...*

Перевод. На голос: (Эх! Ну да, да!).

Такому нетерпению	Мы судим по самим себе!
Что можно возразить?	Если бы вы направлялись к нам,
Никакое недоверие	Крайнее нетерпение
Не должно его утрашить	Нас всех измучило бы!
Эх! Ну да, да!	Эх! Ну да, да!
Может ли дружба сомневаться в этом?	Ваша дружба не может
	сомневаться в этом.

Ст. 48—49. *И Васильевна с ней Маша! // Марья Федоровна с ней...* — О каких лицах идет речь в этих стихах, установить не удалось. Возможно, Мария Васильевна — это та же М. В. П. (ротасова), которой посвящено стихотворение «Стихи, сочиненные для альбома М. В. П.» (см. комм.).

Ст. 55—64. *NB. С ней в запас молочна каша...*

Перевод. На голос: (У меня есть хороший табак).

Есть кашу!	Ее выбросят,
Несясь во весь опор,	Ею пренебрегут,
Есть кашу?	Потому что от Арбата до заставы
Нет, я не верю этому!	Самая горячая каша
А впрочем, кто ж ее захочет?	Остынет.

Ст. 65. *Ждать! пождать! не тут-то было!* — Ср. в балладе «Людмила»: «А Людмила?.. Ждет-пождет...»

Ст. 73—80. (1) *NB. Нам пора обедать право!* (2) *NB. Повар вертелом фрозит!*

Перевод. На голос: (Грустное соображение).

Можно ли вообще думать о жратве	По этому видно, что наш автор писал,
Когда ждешь в Москве друзей?	Прежде чем как следует наполнить кишки

Повар, который ворчит и усердствует!
Какие ужасные! грубые! злые слова!

Ах, это значит дать слишком большой простор
Тому, что здесь называют *правами людей* *)

*) То есть домочадцев.

Ст. 81. *Скоро ль? долго ли? Не знаю!* — Парафраз первого стиха последней строфы баллады «Громобой», ср.: «И скоро ль? Долго ль?.. Как узнать?»

Ст. 89—96. *NB. Ждать напрасно — острый нож...*

Перевод. На голос: (Я Лиадор).

Здесь образ еще более ужасный;
Вертел претворился в кинжал!
Я очень огорчен нашим автором:
Все доказывает, увы! его полную бесчувственность!
Эти черные ножи слишком отдают Германией.
Лучше бы поместить здесь несколько перочинных ножичков,
Если бы они подтолкнули вас продолжить путь
Вдаль от Москвы до нашей деревни.

Ст. 97. *Снег туманит отдаленье!* — Ср. в балладе «Людмила»: «Пыль туманит отдаленье...»

Ст. 105—117. *NB. Что ж нашли? Капусты воз...*

Перевод. На голос: (Да, черен! но не так уж дьявольски).

Капуста в поэме!	Если бы в этой дуэлке
Какой неблагородный сюжет!	С необычайной ловкостью
Ах, какая крайняя дерзость!	Вы все прибыли бы к нам тайком.
Я совершенно изумлен! (bis)	Капуста,
Но эту ужасную черту	Капуста
Можно было бы извинить,	Показалась бы (bis) еще слаще!

Ст. 126—133. *NB. Не хотят советов слушать...*

Перевод. На голос: (Грозным вечером).

Совсем не слушать советов —	Единственный хороший и мудрый совет,
Это доказывает, что у вас есть характер,	К которому вам позволено прислушаться,
Поскольку часто плохой совет	Это спасительный совет
Влияет на целую жизнь	Приехать сюда к нам с неожиданным визитом.

Ст. 142—149. *NB. Утки жареные грустны...*

Перевод. На голос: (Что я, папоротник?). [В романских языках слово «папоротник» имеет переносный смысл, приблизительно передаваемый русской идиомой «лопух». См. аналогичное словоупотребление в романе Умберто Эко «Имя розы» (СПб., 1997. С. 280).— О. Л.]

Все виды грусти	Один томится по своей любовнице,
Известны, дорогие друзья;	Другой ждет своих друзей,

Которых обольстительный город Но что же представляет собой грусть
Удерживает вдали от их друзей. Этих старых зажаренных уток?

Ст. 158—165. *NB. Будут вафли и котлеты и пр.*

Перевод. На голос: (Ах, если я пущусь в плавание).

Зачем перевозносить омет,	Добродетель и обаяние,
И вафлю, и котлету?	Дружба чистосердечная и искренняя —
В Муратове способны приготовить	Вот обыкновенный обед,
Блюда более чем изысканные.	А сердца являются поварами.

Ст. 187—189. *Дементей наряжен ~ Пьян в восторге поп покровский...*— Григорий Дементьевич, управляющий села Муратова (ср. в «Муратовском сморчке»: «Григорий Дементьевич ходил целый день в тулупе и башлыке» — Соловьев. Т. 2. С. 123). *Поп покровский* — священник храма Покрова в сельце Козловке, орловском имении Е. А. Протасовой. В «Муратовском сморчке» упоминается «козловский поп», который «впервые от роду пил воду; и астроном его прихода предсказывает наверное светопреставление» (Соловьев. Т. 2. С. 123).

Ст. 193. *NB. Пьян в восторге поп покровский...*

Перевод. На голос: (Ах, если я пущусь в плавание).

Пьянство этого старого священника	Один пьян от веселья,
Лишено деликатности.	Другой пьян от нежности,
Говорить об этом неловко.	И от этого благородного опьянения
Любой опьянел бы в подобном случае.	Невозможно отрезвиться.

Ст. 206. *Говорит волшебник: быть!..*— Может быть, этот стих содержит каламбурное обыгрывание фамилии мсье Визара, губернатора детей Плещеева (о Визаре см. примеч. к ст. 72 стих. «Похождения, или Поход первого апреля»): Wizard по-английски значит «волшебник».

Ст. 211. *NB. Говорит волшебник: быть!..*

Перевод. На голос: (Пусть другой влюбленный на лире).

Этого безошибочного предсказания	Надеются на то, чего желают.
Поясним невнятность.	Волшебник — это желание.
Несложна работа эта,	Будьте волшебниками вы сами,
Сердцем продиктована она.	Превратите надежду в удовольствие.

О. Лебедева

Добрая мать

(«Бог в мир ее послал...»)

(С. 175)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14. л. 66) — Беловой.

Впервые: С 1. Ч. 1. С. 208—210.

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Романсы и песни») с датой: «1811» (С 1—2). В С 5 отнесено к 1813 г.

Датируется: 1811 г. на основе положения автографа в рукописи и указаний в С 1—2.

Еще в 1883 г. Л. И. Поливанов высказал предположение об обращении этого стихотворения к Е. А. Протасовой (Загарин. С. 166). Чуть позднее А. Н. Веселовский, обратив внимание на внутреннюю связь стихотворения с мотивами и образами «Певца» и «Желания», присоединился к этому мнению (Веселовский. С. 130). Исследователь также в «райской обители» и образах «двух ангелов» увидел проекцию на Муратово и его обитателей. Поэтический, дневниковый и эпистолярный контекст этого времени вполне подтверждает гипотезу дореволюционных исследователей творчества Жуковского.

А. Янушкевич

**Стихи, присланные с комедиями,
которые К*** хотели играть**
(«Вот вам, прелестные сестрицы...»)
(С. 176)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 12)—рукою неустановленного лица.

Впервые: Памятник Отечественных муз на 1827 год. С. 10—11—с подписью: «Жуковский», с примеч. на с. 45: «Сия и другие пиэсы В. А. Жуковского, украшающие сей альманах, сочинены им за несколько лет перед сим».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, сверенному с рукописью.

Датируется: 1811 г. на основании датировки П. А. Ефремова (С 9. Т. 1. С. 520).

Стихотворение адресовано сестрам М. А. и А. А. Протасовым. Литера «К***» в заглавии стихотворения может означать фамилию «Киреевские»—известно, что при жизни В. И. Киреевского в его поместье Долбино часто устраивались сельские праздники и домашние спектакли (Петерсон А. П. Черты старинного дворянского быта // РА. 1877. Кн. 2. № 8. С. 479—482).

Ст. 2. *Дюваль и с ним какой-то Госс Степан...*—к этому стиху Жуковский сделал примечание: «Gausse Etienne». Дюваль Александр (Duval; 1767—1842), французский драматург, член Французской академии, один из популярнейших театральных авторов рубежа XVIII—XIX вв. В России в 1800—1810-х гг. особым успехом пользовалась его одноактная комедия «Влюбленный Шекспир». Госс Этьен (Gosse; 1773—1834), французский писатель, баснописец и драматург. В репертуаре русских театров 1810-х гг. зафиксирована постановка комической оперы в одном действии «Стихотворец и математик, или Сочинитель у себя дома», музыка А.-Б. Брюни, текст Э. Госса (История русского драматического театра: В 7 т. М., 1977. Т. 2. С. 524).

Ст. 10, 17. *Аллегро милая, будь весела как радость; О Пенсероза! ты у входа в свет, как гений...*—Аллегро и Пенсероза (веселая и задумчивая)—прозвища сестер Про-

тасовых: Аллегро—А. А. Протасова, Пенсероза—М. А. Протасова, данные им Жуковским по названиям диптиха поэм Дж. Мильтона (1608—1674) «L'Allegro» и «Il Penseroso» (1631—1633). В 1833 г. Жуковский перевел начало поэмы «L'Allegro» («Прочь отсель, меланхолия...»). Подробно об этом см.: Веницкий И. Ю. Утехи меланхолии // Уч. зап. / Моск. культурологический лицей. № 1310. Сер. Филология. Вып. 2. М., 1997. С. 126—137).

О. Лебедева

1812

Послание к Плещееву
В день Светлого Воскресения
(«Ты прав, любезный мой поэт!..»)
(С. 178)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 87—90 об.)—беловой, с незначительной правкой.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 29—31 об.)—рукою В. И. Губарева, со ст. 57: «Любезен твой конфектный Аполлон!..» и до конца.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Впервые: РА. 1900. Кн. 3. № 10. С. 190—191 (ст. 1—56).

Впервые полностью: ПСС. Т. 1. С. 18—20.

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: 21 апреля 1812 г. (см. ниже).

Адресатом послания является Александр Алексеевич Плещеев (1778—1862), близкий друг и родственник Жуковского. Родители Плещеева Алексей Александрович и Настасья Ивановна состояли в родстве с Карамзиным по его первой жене, Е. И. Протасовой, и вели переписку с ним (см.: Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915). Карамзин посвятил их сыну известное «Послание к Александру Алексеевичу Плещееву», напечатанное в альманахе «Аонида» за 1796 г. Александр Плещеев получил образование в знаменитом пансионе аббата Николая. В 1797 г. был определен на службу в коллегии иностранных дел. В 1799 г. он женился на графине Анне Ивановне Чернышевой, вышел в отставку и поселился в своем родовом имении Чернь, Болховского уезда, Орловской губ. В сорока верстах от Черни находилось имение Е. А. Протасовой Муратово, дочери которой приходились двоюродными сестрами Плещееву.

Вероятно, в Муратове Жуковский и познакомился с Плещеевым и его семьей. Время их наиболее тесного общения приходится на 1811—1814 гг. Подтверждение этому находим в переписке Жуковского с Вяземским. Так, в октябре 1811 г. Жуковский сообщает Вяземскому из Муратова: «Я очень часто выдаюсь с Плещеевыми (...). Я никогда не думал, что можно было мне познакомиться с Плещеев(ым) коротко и дружески» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 10 об.). В другом

письме к Вяземскому от 5 ноября 1811 г. читаем: «Мы с Плещеевым пишем комедии, каких никто никогда не писывал — половина по-русски, половина по-французски и все в стихах. Но этого вздору я не намерен к тебе посылать. Дивись только тому, что я играю на театре, пою и танцую в балете в костюме Жука» (Там же. Л. 23).

«Послание к Плещееву. В день Светлого Воскресения» было написано в апреле 1812 г. Пасхальное воскресенье в этом году приходилось на 21 апреля, поэтому этот день и можно считать датой окончания послания.

В письме к Вяземскому Жуковский говорит об обстоятельствах написания этого стихотворения: «Посылаю тебе вместо красного яичка начало нашей переписки с Плещеевым. Мы побожились друг с другом не переписываться иначе, как в стихах. Это послание не первое; я уже много намарал к нему вздору, — но это, кажется, вышло не вздорное. Критиковать его тебе позволяется, и я за его слог не стою, ибо оно написано в два утра с половиною и писано как письмо на почту» (РА. 1866. № 5. С. 874—875). Это послание возникло как ответ Жуковского на послание Плещеева к нему, написанное по-французски. Французское послание Плещеева до нас не дошло, но упоминание о нем содержится в письме В. Л. Пушкина к Д. Н. Блудову от 23 мая 1812 г.: «Любезный вам поэт до сих пор в деревне, он переписывается с Плещеевым, и они написали друг другу два послания в стихах, один — по-русски, другой — по-французски. Хотя и очевидно, что Жуковский писал свое послание впопыхах, его талант проглядывает везде. Французское послание Плещеева полно ошибками против языка и хромающими рифмами, но и в нем можно найти несколько хороших стихов и заметить, что оно писано человеком умным» (РА. 1899. № 7. С. 460. Подлинник по-французски). Об этом же послании упоминает и Батюшков в письме Жуковскому от июня 1812 г.: «Пришли нам свое послание к Плещееву, которое, говорят, прелестно» (цит. по: Арзамас—2. Т. 1. С. 196). Можно сказать, что это послание Жуковского не только открывает собой поэтическую переписку «двух соседей на двух языках», но и формирует своеобразный «домашний эпос в стихах», отражающий факты творческого и бытового общения Жуковского с семьями Плещеевых, Протасовых, Черкасовых, Киреевских в 1812—1814 гг. (см.: Соловьев. Т. 1. С. 25—34; Гофман. С. 97—109).

Имение Плещеевых Чернь было одним из культурных центров Болховского уезда в это время (об этом см.: Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Ч. 5. С. 45; РА. 1877. № 5. С. 366—368). Сам Плещеев не только писал стихи, но и сочинял комедии, оперы, музыку (см.: Баллады и романсы В. А. Жуковского, положенные на музыку для фортепиано А. А. Плещеевым. СПб., 1832). В 1817 г. после смерти жены Плещеев переезжает в Петербург и одно время (сентябрь 1818—1819) живет вместе с Жуковским в доме Брагина у Кашина моста, на Крюковом канале (см.: Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 290). Он принимает участие в деятельности «Арзамаса», где получает прозвище «Черный Вран». К этому же времени относятся и коллективные стихи «Писать я не умею», «Кн. П. А. Вяземскому», написанные Батюшковым, А. С. Пушкиным, Жуковским и Плещеевым. Об определенном влиянии личности Плещеева и всего «плещеевского» цикла стихов на жизнеповедение арзамасцев и их поэтику говорит Д. В. Дашков в письме к

Вяземскому от 26 ноября 1815 г.: «Неоцененный секретарь наш [Жуковский] недаром жил так долго с Плещеевым и удивительно как наострился в галиматье» (РА. 1866. № 3. С. 500).

В 1819 г. в Петербурге была поставлена комическая опера Плещеева «Принужденная женитьба». В этот же период Плещеев часто посещает дом Олениных, становится личным чтецом имп. Марии Федоровны, а также членом театральной дирекции (см.: Керн А. П. Воспоминания. М., 1988. С. 34). Ср. письмо Карамзина к И. И. Дмитриеву от 20 июня 1819 г.: «... вчера в Павловске (...) Плещеев читал комедию, Все павловские уже недели две восхищаются его чтением» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 267). С 1824 по 1828 гг. Плещеев находился на службе при Министерстве внутренних дел, состоял чиновником при СПб. таможне (с 1832 г.), чиновником при Министерстве финансов и в 1845 г. вышел в отставку по болезни.

Жуковский был знаком со всеми детьми Плещеева: Алексеем (ок. 1800—1842), Александром (1803—1848)—оба привлекались к следствию по делу декабристов; Григорием (1806—1862), Петром (1802—ок. 1859), Варварой и Марией (1811—1887). Сохранились письма Жуковского к М. А. Плещеевой (в замуж. Дороховой), отражающие участие поэта в деле по облегчению судьбы ее мужа. Воспоминания о Черни, которое Жуковский посетил в последний раз в июле 1837 г., о своей неизменной привязанности к Плещееву и его семье находят отражение в этой переписке. Обращаясь к М. А. Дороховой в январе 1841 г., поэт пишет: «Милый друг! Сейчас сажусь в экипаж, чтобы ехать в чужие края, где надеюсь жениться. Помолись за меня и сохрани мне место в твоём сердце, а твое в моём никем не заменится» (ИВ. 1895. № 3. С. 936).

Ст. 9—10. *Шесть томов, например (а им, изволишь знать, // Готовы и титул и даже оглавление)*...— Вероятно, речь идет о подготовке к первому изданию стихотворений В. А. Жуковского, вышедшему из-за условий военного времени только в 1815—1816 г.

Ст. 18—20. *Пройдет он аз и буки ~ Дойдет он до живете*...— Название первых семи букв старославянского алфавита.

Ст. 34. *Корректор, цензор, тередорщик*...— В ПСС напечатано: «Корректор, цензор, переборщик». Тередорщик— печатник; от тередорить— тискать, печатать, отпечатывать форму, готовый набор. См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989—1991. Т. 4. С. 400.

Ст. 38. *Шепнет зоилу: «Вы не правы!..»*— Зоил— древнегреческий критик IV в. до н. э.; условное имя для обозначения придирчивого критика.

Ст. 43—46. *Смягчится, — и прочтут потомки в лексиконе ~ К нему другой поэт, Плещеев*...— Ср. эту шутивную автохарактеристику поэзии с оценкой собственного вклада в русскую литературу в его «Конспекте по истории русской литературы»: «Жуковский. (...) Я думаю, что он привнес кое-что в поэтический язык, выражая в своих стихотворениях некоторые понятия и чувства, которые были новыми» (Эстетика и критика. С. 324).

Ст. 49. *Жил в Болхове, с шестью детьми, с женою*...— Об этом см. выше.

Ст. 50. *А в доме у него жил Осип Букильон...*— Осип Петрович Букильон — француз, управляющий в имении Плещеева. См. примеч. к стих. «К Букильону».

Ст. 54—55. *Но ухо за ухо, зуб за зуб, говорят, // Ссылаясь на Писанье...*— Здесь поэт перефразирует библейское выражение: «Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб» (Лев 24, 20).

Ст. 65. *Что, подражать поклявшись Гарпагону...*— Главное действующее лицо комедии Ж.-Б. Мольера «Скупой».

Ст. 122. *И на снегах Темпеею насадим!..*— Темпейская долина в Греции, расположенная между горами Олимп и Осса, славилась великолепной природой.

Ст. 123. *Томпсон и Клейст, друзья, певцы природы...*— Томсон Джеймс (1700—1748), английский поэт, автор описательной поэмы «Времена года»; Клейст Эвальд Христиан (1715—1759), немецкий поэт, автор поэмы «Весна». К их творчеству Жуковский обращался в 1805—1808 гг. в работе над реализацией замысла описательной поэмы «Весна» (см.: Ж. и русская культура. С. 112—125).

Ст. 132. *Закутав нос в обширную виччуру...*— Винчура, вильчура — волчья шуба, носимая от непогоды шерстью наружу (Даль В. И. Указ соч. Т. 1. С. 204).

Ст. 139. *Где пел Марон, где воды Аретузы...*— Речь идет о римском поэте Вергилии Мароне Публии (70—19 до н. э.). Аретуза — в греческой мифологии нимфа, спутница Артемиды, в которую влюбился речной бог Алфей. По просьбе Аретузы Артемида превратила ее в источник возле Сиракуз на о. Ортигия.

Ст. 140. *В тени олив стадам наводят сон...*— Выделенные слова (у Жуковского — курсив) — цитата из «Оды на день восшествия на престол (...) Имп. Елизаветы Петровны» (1748) М. В. Ломоносова. Ср.:

В полях, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Нева и Дон,
Своими чистыми струями
Шумя, стадам наводят сон...

Ст. 143. *Близ той скалы, куда народы с страхом...*— Тарпейская скала в Древнем Риме, расположенная с западной стороны Капитолийского холма, с которой сбрасывали осужденных на казнь государственных преступников.

Ст. 168. *Мой друг, взгляни на жребий Геркулана...*— Геркуланум — древний город в Италии, в окрестностях Неаполя. Разрушен и засыпан пеплом вместе с Помпеей во время извержения Везувия в 79 г. О переводе Жуковским в 1831 г. фрагмента из стих. Ф. Шиллера «Помпея и Геркуланум» см.: БЖ. Ч. 3. С. 532—535.

Ст. 169. *И не ропщи, что ты гиперборей...*— В греческой мифологии народ, живущий на крайнем севере, «за Бореем». Здесь — житель северной части Европы.

Ст. 194. *Растает враг, как хрупкий вешний лед!..*— Речь идет о войнах Наполеона в Европе и о подготовке его к вторжению в Россию. Дальнейшее развитие этого мотива встречаем в стих. «К Плещееву» («Напрасно я, друг милый, говорил...» (1813). Ср.: «Ведь не растаял он — застыл!..»

Ст. 207—209. *Тот грозный бог, который на Эвксине ~ И раздробил сармату гордый рог!..*— Видимо, речь идет об одном из морских сражений в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг., может быть, о Чесменском (1770). Эвксинский понт —

древнегреческое название Черного моря. Сарматы — древнегреческое название кочевых племен; здесь — турки.

Ст. 212. *За падших мечь! отмщенье за Тильзит!..* — Имеются в виду Тильзитские мирные договоры Франции с Россией и Франции с Пруссией, заключенные в июне 1807 г. в Тильзите.

Ст. 238. *Где скорбь без крыл, а радости крылаты...* — Этот стих будет затем использован Жуковским в элегии «На кончину Ея Величества королевы Виртембергской» (1819).

И. Поплавская

Стихи на портрете (А. А. Плещеева?)

(«Мой, нежной дружбою написанный, портрет...»)

(С. 184)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 90 об.) — белой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 34 — с заглавием: «Стихи на портрете А. И. Плещеева».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 21 апреля 1812 г.

При первой публикации четверостишия И. А. Бычков, опираясь на текст автографа, сделал адресатом послания неизвестного А. И. Плещеева. В ПСС, пытаясь исправить «ошибку», редактор А. С. Архангельский адресовал стихотворение жене Плещеева — Анне Ивановне, озаглавив его «Стихи на портрете А. И. Плещеевой» (ПСС. Т. 2. С. 21), что выглядит достаточно странно при сохранении формы обращения к мужчине: «Мой друг, тобой *одним...*»

Правда, в окружении Плещеевых существовал, как явствует из воспоминаний внука А. А. Плещеева, еще какой-то Алексей Иванович Плещеев (см.: ИВ. 1895. Т. 60. № 4. С. 339), но никаких упоминаний о нем ни в мемуарных источниках, ни в переписке и дневниках Жуковского не обнаружено, что дает основание исключить его из возможных адресатов стихотворения.

Думается, в автографе мы имеем дело с опиской Жуковского: своеобразной контаминацией инициалов Анны Ивановны Плещеевой и фамилии ее мужа. Это тем более вероятно, что в рукописи текст надписи к портрету идет сразу же после «Послания к Плещееву. В день Светлого Воскресения» и очевидно связан с ним как своеобразный постскрипtum. Это дает основание датировать его 21 апреля 1812 г., а адресатом считать А. А. Плещеева.

А. Янушкевич

Элизиум

Песня

(«Роща, где, податель мира...»)

(С. 184)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 83 об.—84 об.)—беловой.

Копия (РНБ, оп. 2, № 3, л. 69—73)—рукою В. И. Губарева.

Впервые: ВЕ. 1813. Ч. 67. № 7—8. Апрель. С. 201—203—без подписи; в составе подборки стихотворений, подписанных: «В. Ж.»

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—2 отдел «Романсы и песни») с подзаголовком: «Из Маттиссона» и датой: «1812»; в С 5 датировано 1813 г., с заглавием: «Элизиум. Песня (Из Маттиссона)».

Датируется: апрель 1812 г. на основании положения автографа в рукописи.

Перевод одноименного стихотворения немецкого поэта Фридриха фон Маттиссона (1761—1831) «Elysium». В работе над переводом Жуковский пользовался, по всей вероятности, следующим изданием сочинений Маттиссона из своей личной библиотеки: *Gedichte von Fr. Mattisson. Zürich, 1802. S. 44—47* (см.: Описание. № 2808; Янушкевич. С. 112).

В основе сюжета—античный миф о душе, попадающей в царство мертвых. Этот сюжет, распространенный в мировой поэзии, приобрел у Маттиссона символическое значение. Жуковский делает «Элизиум» своеобразным эпилогом в песенной подборке, состоящей из 7 стихотворений-песен, которая была опубликована в ВЕ (см.: Янушкевич. С. 109—113). Он подключает весь поэтический строй перевода стихотворения Маттиссона к словесно-образному контексту подборки. Само заглавие «Элизиум» и история рождения души, ее полета в очарованном мире, призыв к пробуждению Эндимиона придают стихотворению важный философско-эстетический смысл. Не случайно «Элизиум» получает отсутствующий у Маттиссона подзаголовок «песня», выступая как выражение лирической суггестивности.

Перевод Жуковского соотносится с «Элизиумом» Батюшкова, но стихотворения содержат «две принципиально разные мифологемы»: «„миф“ Батюшкова содержит элементы преромантической концепции древнего мировоззрения и был одним из первых шагов к антологической лирике; „миф“ Жуковского открывал пути символическому языку» (Вацуро. С. 136).

В сентябре 1827 г. А. И. Тургенев посетил в Штуттгарте Маттиссона, прочел ему перевод «Элизиума», и Маттиссон «восхищался гармонией языка» (Письма Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 146—147).

А. Янушкевич

К Батюшкову

Послание

(«Сын неги и веселья...»)

(С. 186)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 91 об.—112)—беловой, с позднейшей незаконченной и неучтенной правкой.

Копии:

1) РНБ, оп. 2, № 7, л. 1—6—рукою А. А. Протасовой, с правкой Жуковского и замечаниями П. А. Вяземского (см. ниже).

2) РНБ, оп. 2, № 3, л. 104—123—рукою В. И. Губарева; цензурный экз. для С 1.

3) РГАЛИ, оп. 1, № 6, л. 18 об.—22 об.—рукою неустановленного лица.

Впервые: ВЕ. 1813. Ч. 69. № 9—10. Май. С. 32—51—с подзаголовком: «В мае 1812» и подписью: «В. Ж.»

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—3—отдел «Послания») с датой: «1811»; в С 5 датировано 1810 г.

Датируется: май 1812 г.

Особый интерес для творческой истории послания имеет копия № 2—список рукою А. А. Протасовой, сделанный для передачи адресату послания К. Н. Батюшкову. На нем сохранились пометы рукою П. А. Вяземского, которому этот список был первоначально передан для критических замечаний. Дело в том, что послание «К Батюшкову» является ответом на послание Батюшкова «Мои Пенаты. Послание к Ж(уковскому) и В(яземскому)» и его содержание автор счел необходимым первым делом согласовать со вторым адресатом послания. Замечания эти сопровождаются правкой самого Жуковского, не вошедшей в окончательный текст послания. Приводим их целиком (постишно):

Ст. 33. *Укромный домик твой...*—Приписка Жуковского в рукописи, предназначенной для Батюшкова: «Не выдавши твоего дома, я описал свой». Продолжение рукою Вяземского: «и очень дурно сделал, потому что у Батюшкова описание своего жилища, а в послании к Пенатам нимало не сходствует с твоим, а хозяину, кажется, скорее поверят. Притом же Батюшков признается, что обитель его ничуть не завидна, а ты делаешь его владельцем прекрасной дачи. Стихи прекрасны, но вовсе не у места».

Ст. 114. *Но, ах! пленен небесным...*—Правка Жуковского: «И восхищен небесным».

Ст. 128. *Туда непосвященной...*—Вариант Жуковского: «Туда непросвещенной».

Ст. 155—156. *В потоке там журчит // Гармония Наяды...*—Помета Вяземского: «Я этого не понимаю». Правка Жуковского: «В источнике журчит // Там пение наяды».

Ст. 211—212. *И ты в мечтах жилец // Сего блаженных мира...*—Помета Вяземского: «В сих двух стихах слова, кажется, слишком разбиты». Правка Жуковского: «И ты в мечтах жилец // Таинственного мира».

Ст. 251—252. *Под дланью роковой // Погибнет то, что мило...*—Помета Вяземского: «Прекрасно! прекрасно!»

Ст. 268—270. *И ты, как палачом, // Преступник раздробленный // И к плахе приговоренный...*—Помета Вяземского: «Неприятная картина».

Ст. 286—289. *Кто слышал в час рожденья // Небесной девы глас, // В ком искра вдохновенья // С огнем души зажглась...*—Вяземский подчеркнул рифму: «глас—зажглась».

Ст. 348—351. *И дочери стыдливой ~ Сама велит внимать...*—Помета Вяземского: «Сие подражание известному французскому стиху кажется мне некстати. Парни верно один из счастливейших поэтов, а однако ж заботливая мать дочери своей читать его запретит».

Ст. 408—409. *И в шуме ветерка, // И в тихом горлиц пеньи...*—Помета Вяземского: «Что хочешь, только не горлиц, я ничего томнее их не знаю». Жуковский принял это замечание: в окончательной редакции читаем: «И в тихом ветерка // Вдоль рощи трепетаньи».

Ст. 421—422. *Жильцы духовной сени // Невозвратимых тени...*—Помета Вяземского: «Это место прекрасно!»

Ст. 439—440. *Он мир свой оградил // Забором огорода...*—Помета Вяземского: «Сколь предыдущие 4 стиха хороши, столь эти два дурны».

Ст. 464—466. *Во храм священный их // Прелестниц записных // Толпа войти стремится...*—Помета Вяземского: «Зачем мешаешься ты не в свое дело. Записные прелестницы относятся к моей части. Прошу оставить их в покое. С нами Бог!»

Ст. 527—529. *И запах ароматный // Пленительных кудрей // Во грудь твою летит...*—Помета Вяземского: «Как ни сказано пиитически, а все-таки помада».

Ст. 588. *И веровать святым...*—Помета Вяземского: «Как будто мученикам!» Правка Жуковского: «Покорствоваться святым».

Ст. 627—630. *Как тихое светило ~ При сладостных лучах...*—Помета Вяземского: «В этом отрывке на каждом стихе должно восклицать: прекрасно! прекрасно! (разумеется, в предыдущем)».

Под стихом 630-м рукою Вяземского написана общая оценка послания: *«Теперь скажу тебе вообще мнение мое об твоём послании. Оно отрывками прекрасно; в целом нахожу я некоторые погрешности. Во-первых, оно не есть ответ на Батюшкова послание, которое все наполнено сладострастьем, эпикуреизмом, негой. Твое есть послание строгого моралиста, не дозволяющего даже иметь и записных красавиц. Сличая оба послания, скажешь тотчас: любезные поэты верно часто видаться не будут! Ж. (уковский) никогда не может привыкнуть к житию Батюшкова. Пока сей последний будет выходить к калитке навстречу к своей пастушке, первый станет рассуждать о платонической любви, и оба будут удивляться друг другом. Наконец, послание твоё немного длинновато; есть излишности, как, например, описание Батюшкова жилища».* Ниже Жуковский написал — уже для Батюшкова: *«Я ничего не поправил по этим замечаниям, из которых некоторые, замеченные критиком, справедливы. Поправь ты, если хочешь».* (Впервые: Стихотворения. Т. 2. С. 489—490.)

Послание Жуковского действительно написано под впечатлением знаменитого послания Батюшкова «Мои Пенаты», которое не только продолжило культивируемую карамзинистами традицию дружеского послания, но и во многом определило идеологические и структурные особенности этого жанра в его наиболее плодо-

творный — собственно арзамасский — период литературного бытования. Основным литературным образцом послания Батюшкова было послание французского поэта Ж.-Б.-Л. Грессе «La Chartreuse» («Обитель»), переосмысленное в собственно «арзамасском» духе. Батюшков выявил одно важное жанрообразующее новшество: ввел в послание элементы дружеского письма начала XIX в., сделав традиционное послание своеобразной стихотворной разновидностью послания эпистолярного — и это обстоятельство определило особенную живость и привлекательность этого жанра. Культура интимного письма «карамзинистов» (часто включавшего обширные стихотворные вставки) предполагала ряд специфических признаков: ориентацию на разговорную речь, композицию свободной беседы («обмена»), элементы культурной «игры», соединение бытовой эротики и специфически творческих призывов и т. п. мыслей (см.: Тодд У. М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб., 1994), все это — появившись в напечатанном виде — выглядело своеобразным литературным вызовом, нарочитой демонстрацией поэтической индивидуальности как автора послания, так и его адресатов.

Поэтому не случайна та огромная популярность послания Батюшкова, опубликованного лишь в 1814 г. (Пантеон русской поэзии. Ч. 1. С. 56—69), но ставшего известным в кругу поэтов гораздо раньше — и «адресаты» этого послания первыми откликнулись на него. Сначала Жуковский — на его послание Батюшков тут же откликнулся своим, первоначально приложенным к письму Жуковскому от июня 1812 г., — «Прости, отшельник мой...» (см.: Батюшков. Т. 1. С. 221—222), а в 1814 г. опубликованным в «Пантоне...» (Ч. 2. С. 201—205). Вяземский отозвался двумя посланиями, тоже написанными в духе «Моих Пенатов»: «Мой милый, мой поэт...» (1812) и «Ты на пути возвратном...» (1814). Своеобразное продолжение этого «обмена мыслей» представил лицеист Пушкин в стихотворении «Городок» (1815), написанном тем же размером (трехстопным ямбом), что и перечисленные послания.

Послание Жуковского «К Батюшкову» написано во второй половине мая 1812 г. Обмену посланиями предшествовали продолжавшиеся почти два года дружеское общение и переписка поэтов. Они познакомились в конце 1809 г., когда Батюшков оказался в Москве и сблизился с кружком редакции ВЕ. Между Жуковским, Вяземским и Батюшковым с самого начала установились очень теплые приятельские отношения. Залогом их стал подарок Жуковского Батюшкову: 12 мая 1810 г. он преподносит ему записную книжку «Разные замечания», которую первоначально заполнял сам (подробнее см.: ПМиЖ. Вып. 19. С. 32—43). В июне-июле 1810 г. Жуковский и Батюшков гостили в подмосковной деревне Вяземского Остафьево и занимались дурачествами и весьма свободным времяпровождением (см. записку Вяземского и Жуковского к Батюшкову от июня 1810 г. — Литературный архив: материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 119—120). В дружеском кругу Батюшков получил кличку «Пипинька» (иногда «Попинька»), а Жуковский — «Трудолюбивый Жук». Неожиданно покинув Остафьево и уехав в родовую усадьбу Хантоново (Череповского уезда Новгородской губ.), Батюшков одновременно (26 июля 1810 г.) написал «извинительные» письма Жуковскому и Вяземскому (см.: Батюшков. Т. 2. С. 138—142), с кото-

рых и началась дружеская переписка. Это приятельское общение продолжилось зимой 1811 г. в Москве, а осенью (в октябре-ноябре) Батюшков написал свое послание, первоначально названное «К Пенатам». «Конец» этого послания (вероятно, заключительное обращение к его адресатам, от слов: «А вы, смиренной хаты // О, Лары и Пенаты...») был тогда же послан Вяземскому с припиской: «Поэт, то есть я, адресуется к Вяз(емскому) и Жук(овскому); но этого не показывай никому, потому что еще не переправлено...» (Батюшков. Т. 2. С. 189). Вяземский отозвался в письме от 9 декабря: «Браво! браво! Стихи твои прекрасны! сожалею, что не имею начала, и прошу мне его прислать...» (Литературный архив. С. 125). Однако в следующем письме от 19 декабря Батюшков этого послания не прислал, хотя и процитировал: «Когда будет в вашей стороне Жуковский *добрый мой*, то скажи ему, что я его люблю, как душу» (Батюшков. Т. 2. С. 200). Вероятно, послание «Мои Пенаты» распространилось в литературных кругах: в начале 1812 г. Батюшков уехал из своего имения в Петербург, и Вяземский пеняет ему, «написавшему какое-то славное послание к Жуковскому и Вяземскому, о котором все известны, кроме Жуковского и Вяземского» (Литературный архив. С. 129). Наконец, в письме от марта-апреля 1812 г. Вяземский прямо обращается: «Не стыдно ли, что до сих пор не прислал ты мне еще послания своего „К Пенатам“? Заплати 20 копеек какому-нибудь переписчику, а я тебе их отдам, и дело с концом» (Литературный архив. С. 130). Послание, однако, было получено адресатом только в конце апреля: в письме от 1 мая 1812 г. Вяземский дал подробный критический разбор его, указав, между прочим, что «...и название пьесы „К Пенатам“ мне не нравится. Это послание относится более к Жуковскому и ко мне, нежели к Пенатам; об них ты упоминаешь в начале, а после и слуха нет...» (Литературный архив. С. 132; ответ Батюшкова на этот разбор см. в его письме от 10 мая — Т. 2. С. 214). В том же письме Вяземский сообщает, что Жуковского еще нет в Москве, но скоро он должен приехать.

В Москве Жуковский пробыл недолго: 12 июня 1812 г. началась Отечественная война, вслед за нею последовали многочисленные разъезды. Между тем, обширное, 678 ст., послание «К Батюшкову» было готово еще до начала войны. Отправляя его Вяземскому, Жуковский заметил в сопроводительной записке: «... желаю очень, чтобы эта пьеса тебе понравилась; чтобы она *стоила* Батюшковой пьесы, чем я буду и доволен...» (РГАЛИ, оп. 1, № 1909, л. 66).

В этот же период Жуковский написал не дошедшее до нас письмо Батюшкову. Из сохранившегося ответного письма (написанного, несомненно, до 12 июня) мы узнаем, что в письме Жуковского содержались какие-то фрагменты из послания («Твои отеческие наставления — как писать стихи, я принимаю с истинною благодарностию; признаюсь однако же, что ими воспользоваться не могу» — Т. 2. С. 219), что Батюшков, несомненно, знал о существовании послания, но не получил его: «Пришли мне твое послание, которого я ожидаю с нетерпением, как свидетельство в храм славы и бессмертия, и — что всего лестнее для сердца — как свидетельство твоей дружбы к бедному, хилому Батюшкову» (Там же. С. 220). К этому письму и было приложено написанное Батюшковым ответное послание «К Жуковскому».

Послание Жуковского «К Батюшкову» было отдано в печать при первом удобном случае и вышло в свет в начале мая 1813 г. Однако, как свидетельствуют письма Жуковского к Вяземскому, автор собирался еще продолжить работу над ним. Так, он просил Вяземского в письме от 13 июня 1813 г.: «Если твой Астафьевский дом не сожжен и не совсем разграблен, то ты верно найдешь в нем мои бумаги, отправленные тобою туда из Москвы: *список моих стихов, послание Батюшкову и пр.* Прошу тебя все это мне поскорее доставить. Жаль очень, если эти chefs-d'œuvre употреблены на разжигание французских трубок и на подтирание французских жоп» (РГАЛИ, оп. 1, № 1909, л. 27). В письме от 27 июня эта же просьба детализирована: «Еще другая просьба: я оставил тебе при нашем расставании некоторые стихотворные бумаги свои; если они избегли хищных когтей французских, то ты верно найдешь их в Астафьеве. Потрудись отыскать и поскорее доставить: жаль будет, если пропали; жаль послания Батюшкова к Пенатам и моего к Батюшкову. *Последнее напечатано, но по старому стилю; у тебя было поправленное*» (Там же. Л. 29. Курсив мой.—В. К.). Вяземский, однако, так и не смог отыскать этих текстов в разграбленной французами подмосковной; 7 июля 1813 г. он отвечал Жуковскому: «Вопрос твой о стихотворных бумагах твоих разодрал мое сердце: не перестаю до сих пор шарить в своих сундуках и шкапах и требовать от людей и от неба собрания твоего, но все напрасно! Бумаг твоих нет! (...) Тем более досажаю о жребии твоих стихов, что все мои дрянные бумаги остались целы. Видно однако же, что похититель был не без вкуса» (РГАЛИ, оп. 2, № 20, л. 20). Поскольку «переправленный» экземпляр послания так и не нашелся, Жуковский в дальнейших изданиях не вносил в его текст сколько-либо значительной правки.

Желание же как можно скорее напечатать послание «К Батюшкову» (до появления в печати исходного послания «Мои Пенаты») объясняется существенным идеологическим противостоянием двух поэтов, отразившимся в содержании обоих посланий,—и Вяземский в приведенных выше замечаниях абсолютно точно отметил, что, в сущности, послание Жуковского «не есть ответ на Батюшково послание. «Мои Пенаты» Батюшкова были развитием «эпистолярной» мысли, высказанной им еще в 1809 г. (письмо к Н. И. Гнедичу от 3 мая 1809 г. из Финляндии): «женимся, мой друг, и скажем вместе: Святая невинность, чистая непорочность и тихое сердечное удовольствие, живите вместе в бедном доме, где нет ни бронзы, ни драгоценных сосудов, где скатерть постлана гостеприимством, где сердце на языке, где Фортуна не чествует в почетном углу, но где мирный Пенат улыбается друзьям и супругам... мы вас издали приветствуем!» (Батюшков. Т. 2. С. 94). Эта общая идея в конце 1811 г. наполнилась дополнительным смыслом, относящимся прежде всего к поэтам-адресатам его послания: Вяземский в сентябре 1811 г. женился на В. Ф. Гагариной, а Жуковский завершил строительство своего «домика» в Белеве и стал восприниматься как «Белева мирный житель» (так назвал его Батюшков в послании «К Жуковскому»). Сам Батюшков между тем оказался в одиночестве в «хижине убогой», в старой небогатой наследственной усадьбе — и поневоле должен был сравнивать собственную судьбу с жизнью своих приятелей. Поэтому послание «Мои Пенаты» оказалось построено на характерных антиномиях и недоговоренности.

Жуковский в ответном послании представляет похожую конструкцию — но на место французской поэтической стихии сознательно ставит немецкую. Послание «К Батюшкову» может быть разделено на шесть условных частей: 1) Включение в ситуацию «поэтического новоселья», приветствие поэту в его Доме и описание самого Дома, построенное на реалиях из «Моих Пенатов»; 2) ситуация «новоселья» переносится в символический план, для чего Жуковский подробно пересказывает содержание стихотворения Ф. Шиллера «Die Teilung der Erde» («Раздел земли»; ст. 72—122) и представляет образ богини Фантазии из стихотворения Гёте «Meine Göttin» («Моя богиня»; ст. 123—208), переведенного Жуковским еще в 1809 г. (см.: Галюн. С. 1—9); 3) утверждение облика поэта как «жильца незнаемого мира», при этом поэтический мир предстает как противостоящий миру действительной жизни, а поэт, соответственно, как антипод всем остальным смертным; 4) обширное отступление о «кодексе чести» истинного поэта и серия советов-требований в этом отношении, предъявленных к адресату; 5) пример поэтического разрешения поставленных задач: по аналогии с «Моей Лилетой», представленной Батюшковым, Жуковский разрабатывает поэтическую тему «любви невинной», в осмыслении которой использованы мотивы стихотворения Исаака фон Гернинга «Chloe an Amyntas» («Хлоя к Аминту»; ст. 501—605). См.: Галюн. С. 1—4; 6) финальная часть послания — откровенная мораль, прочитанная адресату, который не прав в ряде своих утверждений, а более всего в том, что «быть таким желает, // Каким в своих стихах // Себя изображает». Позднее Жуковский, вероятно, воспринимал идеологию этого послания как в определенной мере консервативную, поэтому и «сдвигал» время его создания то к 1811, то даже к 1810 г.

Батюшков, видимо, ничего не поправил в послании Жуковского, так как оно привело его в восторг. «Послание к Бат(юшкову) прелестно,— писал он Вяземскому.— Жуковский писал его влюбленный. Редкая душа! Редкое дарование! Душа и дарование, которому цену, кроме тебя, меня и Блудова, вряд ли кто знает. Мы должны гордиться Жуковским. Он наш, мы его понимаем» (Батюшков. Т. 2. С. 239). И одновременно в письме Н. Ф. Грамматину: «...дивная поэзия, в которой множество прелестных стихов и в которой прекрасная душа — душа поэта дышит, видна как в зеркале!» (Там же). Сам Батюшков воспринял послание как «ответ „Пенатам“» (Там же).

Ст. 43—45. *И тубероза — чистой // Эмблема красоты, // С роскошным анемоном...* — Тубероза (от лат. *tuberosus*, «покрытый бугорками», декоративное растение с душистыми белыми, собранными в кисть цветами, используемое в парфюмерии. Анемон — травянистое растение семейства лютиковых с характерным запахом. Определяя эмблемой «чистой красоты» растения, основным признаком которых является приятный запах, Жуковский тем самым подчеркивает особое значение именно обоняния в эстетическом восприятии.

Ст. 49. *Там мельница смиренна...* — В «Моих Пенатах» и других стихотворениях Батюшкова, представляющих условное поэтическое жилище, никакой мельницы нет. Однако, например, Пушкин, выводя образ Батюшкова в сатире «Тень Фон-Визина» (1815), пишет: «Но вдруг близь мельницы стучащей...» (ст. 271). В дан-

ном случае «мельница» возникла именно как воспоминание Пушкина об этом послании Жуковского.

Ст. 90. *Будь каждый при своем!*...—Этот стих был использован Пушкиным как заключительный стих послания «Батюшкову» («В пещерах Геликона...»; 1815). Пушкин лишь несколько изменил его («Будь всякий при своем» — ст. 32) и выделил курсивом, т. е. оформил как прямую цитату. Предшествующий стих пушкинского послания («Бреду своим путем...» — ст. 31) — тоже измененная цитата из послания Жуковского; ср. ст. 650: «Идет своей тропкою...»

Ст. 157. *Храним Сильваном лес...*—Сильван (рим. миф.), бог лесов и дикой природы; отождествлялся с Паном.

Ст. 158. *Грудь юныя Дриады...*—Дриады (греч. миф.) — нимфы деревьев.

Ст. 166. *Мелькает рог Селены...*—Селена в греч. мифологии — олицетворение луны.

Ст. 168. *Тоскует Филомела...*—Филомела (греч. миф.) — афинская царевна, превращенная богами в соловья; в поэтической традиции — обозначение соловья.

Ст. 183. *Посредственность — Харита...*—Хариты (греч. миф.), благодетельные богини, спутницы Афродиты, воплощающие доброе, радостное и вечно юное начало в жизни.

Ст. 325. *То Весты огонь священный...*—Веста (рим. миф.) богиня священного очага городской общины и дома.

Ст. 348—351. *И дочери стыдливой ~ Сама велит внимать...*—Перевод крылатого выражения из комедии Алексиса Пирона «Метромания» (1760): «La mère en prescrire la lecture à sa fille» («Мать предпишет читать ее своей дочери» — *фр.*). В поэтической традиции «старших карамзинистов» этот совет воспринимался как свидетельство «чистоты» поэтических помыслов; ср. двестише И. И. Дмитриева «К портрету М. Н. Муравьева» (1803): «Я лучшей не могу хвалы ему сказать: // Мать дочери велит труды его читать». Батюшков в восприятии современников не принадлежал к числу «целомудренных» поэтов — и в этом отношении его часто сравнивали именно с Жуковским; ср. в письме А. Ф. Воейкова к Вяземскому от 25 декабря 1816 г.: «Бат(юшков) заставляет нередко краснеть женщин. Не об нем, а об Жуковском думал тот поэт, который написал стих: «La mère en prescrire la lecture à sa fille» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1602, л. 4).

Ст. 422. *Невозвратимых тени...*—намеки на воспоминания о поэтах-предшественниках в послании Батюшкова «Мои Пенаты» (у Батюшкова: «... Веселы тени // Любимых мне певцов»).

Ст. 462. *Лаис коварных узы...*—Лаисы — имена известных греческих гетер.

Ст. 580. *Любимая мечта...*—Намек на стихотворение Батюшкова «Мечта» (1804, 1810, 1817). Вторая редакция его была послана автором Жуковскому для публикации в ВЕ (1810. Ч. 49. № 4. С. 283—285), а в 1811 г. была переработана и отослана Жуковскому для СРС, где помещена в расширенном виде (Ч. 5. С. 323—331).

В. Кошелев

**Нина к своему супругу
в день его рождения**

(«Друг! в тот миг, как из безвестной...»)

(С. 203)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 105 об.) — белой, с подзаголовком: «1812 года 1 июня».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 1. С. 105.

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: 1 июня 1812 г.

Вероятно, стихотворение предназначалось для празднования в с. Черни дня рождения его хозяина, Александра Алексеевича Плещеева (о нем см. примеч. к «Посланию А. А. Плещееву. В день Светлого Воскресения»), мастера устраивать веселые представления и концерты, где он часто был и автором, и исполнителем музыкальных и поэтических дивертисментов. Неизменной участницей спектаклей и исполнительницей романсов была его жена Анна Иваница Плещеева (урожд. гр. Чернышева), которую супруг обычно называл Ниной.

В этом дружном и дружественном по отношению к нему доме очень часто бывал Жуковский и его родственники — племянницы Маша и Саша с матерью Екатериной Афанасьевной Протасовой, приходившейся по мужу теткой А. А. Плещееву.

Стихотворение, видимо, было (или должно было быть) преподнесено или читано Анной Ивановной А. А. Плещееву в день его рождения 1 июня. Все праздники в доме Плещеевых проходили многолюдно, и программа их проведения готовилась тщательно. Заранее написал стихотворение и Жуковский, которому в Черни всегда были рады, всегда были готовы помочь и сочувственно относились к переживаниям поэта, связанным с безуспешными попытками получить от Екатерины Афанасьевны согласие на брак с Машей.

Тема стихотворения, создававшегося «на случай», была близка его создателю, а потому вольно или невольно в стихотворении отразились многие очень личные мотивы, уже звучавшие в послании «К Нине» («О Нина, о мой друг!...»).

Прежде всего, это тема счастливого и долгого супружества «в единой с ним вселенной», заключенного по воле Провидения, которое «свой исполнило обет». Вероятно, поэту казалось, что дружное семейство Плещеевых являет собой реальное воплощение того «мыслимого», «мечтаемого» счастья, которого он желал и для себя, а потому лично желаемое имело некоторый оттенок универсальности и прекрасно подходило к случаю.

В то же время некоторые детали стихотворения не совсем соответствовали реальной ситуации, для которой оно предназначалось, и больше соотносились с личной коллизией жизни поэта. Таковы, например, строки, говорящие об истории встречи супругов: она — «младенец», «недозрелая душою», он — «Гений, Промысла посол», «Что душе ее смятенной // Даль грядущего открыл».

Стихотворение получилось настолько личным, что не было напечатано, но даже будучи вписано самим поэтом в альбом, некогда подаренный им М. А. Прота-

совой, ни в одну из личных тетрадей сестер Протасовых переписано не было. Читано оно на празднике, видимо, тоже не было. По свидетельству современников, Екатерина Афанасьевна, увидев в строках исполненного в домашнем концерте Жуковским романса «Пловец» намек на ее семью, не только покинула зал, взяв за руку дочерей, но и настояла на немедленном отъезде Жуковского в Москву, которую поэт, добровольно вступив в московское ополчение, покинет уже 12 августа (см. подробнее примеч. к стих. «Пловец»).

Н. Реморова

Речь

(А. А. Плещееву)

(«О Братья! Хлеб-соль ешь...»)

(С. 204)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 127—128.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 1 июня 1812 г.

Число и месяц создания текста «Речи» определяются днем рождения А. А. Плещеева (1 июня), поскольку стихотворение является поздравлением с этой датой. Год устанавливается предположительно, исходя из реалий текста. В ст. 8 упомянут Николай Иванович Ильин (1777 или 1779—1823), драматург-сентименталист, автор чрезвычайно популярных в 1800-х гг. драм «Лиза, или Торжество благодарности» (1802) и «Великодушие, или Рекрутский набор» (1803). Обе пьесы явились объектом иронии Жуковского в «Коловратно-куриозной сцене между г-ном Леандром, Пальясом и важным господином доктором», написанной для домашнего театра А. А. Плещеева в 1811 г. (см.: РА. 1866. С. 875):

Леандр (отчаянно): Я не могу играть *Рекрутского набора!*

Пальяс: Ну, в сторону его—еще есть много вздора!
Вот *благодарности* вам русской *торжество*,
То ж *Лиза*...

Леандр: О, позор! о, злое ханжество!

Фрагментарная копия этой сценки, выполненная рукою М. А. Протасовой, сохранилась в тетради ее выписок из альбомов Плещеевых и Воейковых, вместе с копиями двух посланий Жуковского А. А. Плещееву 1812—1813 гг. («Ты, Плещепуп...» и «Плещепупу»), а также поздравительного стихотворения А. И. Плещеевой от 3 августа 1812 г. «В час веселый всяк пророк...» (ПД. № 27. 795 / СХСVIII. б.66, л. 5 об.—6). Кроме того, в ст. 29 упомянута деревня Плещеева Сурьянино, проданная им около 1813 г. Е. А. Протасовой: в письмах Жуковского к А. Ф. Воейкову и А. П. Киреевской от 1813—1814 гг. Сурьянино неоднократно упоминается как обитель будущего семейного счастья Жуковского (см.: РА. 1900. Т. 3. № 9.

С. 26; РС. 1883. Т. 37. № 2. С. 446. См. также комментарий к стих. «Стихи, читанные в Муратове на новый 1814 год»).

Ст. 9. *Но добрый человек! Коллегии Ассессор...*— Коллежский ассессор—чин VIII класса по номенклатуре гражданских чинов в начале XIX в.

Ст. 26—27. *Он будет силой шаропеха // Смирять издырье шарокат...*— «Шаропех» — кий, «издырье» — луза, «шарокат» — бильярд. Эти неоднократно встречающиеся в посланиях к Плещееву словечки пародируют шишковский принцип «корнесловия» — замены варваризмов русскими неологизмами, составленными из исконно славянских корней.

О. Лебедева

**Пиршество Александра,
или Сила гармонии**

(«По страшной битве той, где царь Персиды пал...»)

(С. 206)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 85—87 об.) — белой, с заглавием: «Пиршество Александра, или Сила гармонии».

Впервые: ВЕ. 1813. Ч. 68. № 7—8. С. 204—208 — с заглавием: «Пиршество Александра, или Сила Гармонии», с подписью: «В. Ж.» и указанием в конце публикации: «С английского».

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—2 отдел «Смесь», в С 3—4 отдел «Лирические стихотворения»), в оглавлении указание на источник перевода: «Из Драйдена»; в С 1—4 отнесено к 1812, в С 5 — к 1810 г.

Датируется: первая половина 1812 г.

Основанием для датировки являются следующие моменты: во-первых, указание в С 1—4, а во-вторых, письмо К. Н. Батюшкова к Жуковскому от июня 1812 г.: «Утешь нас, мой милый друг, пришли нам своего Драйдена, который, конечно, доставит нам несколько приятных дней...» (Батюшков. Т. 2. С. 220). Не исключено, что эту датировку можно и уточнить: сразу же после 12 июня 1812 г., когда наполеоновские войска пересекли территорию России и началась Отечественная война. Перевод мог явиться откликом на эти события.

Переводы оды английского поэта, драматурга, переводчика, теоретика и критика Джона Драйдена (1631—1700) «Alexander's Feast: or the Power of Music. An Ode in Honour of St. Cecilia's Day» (1697) появились в России еще в конце XVIII в. В журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (1798. Ч. 20. С. 97—106), хорошо знакомом юному Жуковскому, анонимный переводчик опубликовал его под заглавием: «Торжество Александра, или Могущество музыки». Этот стихотворный перевод, как и появившиеся почти одновременно в 1806 г. переводы А. Х. Востокова и А. Ф. Мерзлякова (подробнее см.: Левин. С. 273), не могли не обратить на себя внимание Жуковского. В этом смысле его обращение к оде Драйдена в 1812 г. было подготовлено и историей переводов «Торжества Александра...» в России, и собственным эстетическим развитием поэта, и событиями русской истории.

В его личной библиотеке ода Драйдена представлена двумя изданиями:

1. Choice of the Best Poetical Pieces of the Most Eminent English Poets. Vienna, 1783. V. 2. P. 3—9 (Описание № 808).
2. J. Dryden. The poetical works. L., s. a. V. 3. P. 77—87 (Описание. № 2317).

Жуковский относил Драйдена, вместе с Уаллером, Греем, Попом и Вестом, к «превосходнейшим торжественным лирикам» у англичан (Резанов. Вып. 2. С. 283). Именно сочинения Драйдена и Попа он считал этапом в развитии национального содержания английской литературы (БЖ. Ч. 2. С. 210).

Обращение Жуковского к переводу оды именно в 1812 г. обусловлено событиями русской и европейской истории. Наполеоновские войны соотносились в сознании поэта по масштабу и грандиозности с греко-персидскими войнами Александра Македонского. Торжественный, победный и одновременно мужественный и скорбный тон оды Драйдена соответствовал патриотическим настроениям Жуковского этого периода, глубоко переживавшего бедствия наполеоновского нашествия, но убежденного в победе русской армии. Не случайно начиная с С 3 Жуковский помещает «Пиршество Александра» в раздел «Лирические стихотворения», в одном контексте с произведениями, посвященными событиям национальной истории.

Особенность перевода Жуковского состояла в воссоздании высокого стиля торжественной оды Драйдена и в ряде изменений, обусловленных временем создания перевода и своеобразием эстетики Жуковского.

В заглавии Жуковский исключил жанровое определение: «An Ode in Honour of St. Cecilia's Day» («Ода в честь святой Цецилии») и не поддержал сложившуюся к этому времени традицию определять «Пиршество Александра» как кантату, что было характерно для переводов Мерзлякова и Востокова. Последний исполнил свой перевод с немецкого перевода Рамлера (см.: Срезневский И. И. Заметки А. Х. Востокова о его жизни // Сб. Отд. яз. и словесности Имп. АН. СПб., 1901. № 6. С. 73, 97). Перевод Рамлера был известен и Жуковскому: в его библиотеке имеется следующее издание: Karl Wilhelm Ramlers poetische Werke. Th. 1—2. Wien, 1801 (Описание. № 1895), где во второй части напечатан перевод оды Драйдена. Многочисленные подчеркивания Жуковским отдельных отрывков свидетельствуют о его ориентации на опыт перевода Рамлера.

Жуковский изменил в заглавии выражение «power of music» («сила музыки») на «сила гармонии», а также исключил посвящение в честь святой Цецилии. Эти изменения были связаны со стремлением Жуковского подчеркнуть не столько музыкальное искусство певца, сколько силу воздействия его вдохновенных образов на душу человека.

Жуковский изменил композицию оды Драйдена: как и Рамлер, он исключил «хор» (38 стихов), отказался от деления оды на 7 частей, ввел строфическую организацию, создав тем самым целостное лиро-эпическое повествование, в котором патетическое описание пира Александра перемежается с картинами военных сражений. Для Жуковского это была своеобразная школа батальной поэзии.

Стремясь передать торжественный, дифирамбический стиль Драйдена, Жуковский опирается на одическую традицию в русской поэзии, активно используя

церковно-славянскую лексику. На страницах перевода оды Драйдена Востоковым Жуковский оставил многочисленные пометы, касающиеся композиции оды: он всюду вычеркнул «хор». Подчеркиваниями он отмечает случаи злоупотребления Востоковым архаикой, нарушающей стиль и ведущей к эстетическому эклектизму (см.: Востоков А. Х. *Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах*: В 2 ч. СПб., 1805—1806. Ч. 2—Описание. № 50). В процессе работы над текстом перевода (от публикации ВЕ к С 5) Жуковский значительно сокращает объем архаической лексики.

Жуковский привнес существенные изменения и дополнения в текст перевода: он увеличил объем по сравнению с оригиналом (148 ст. вместо 138), несмотря на исключение партии «хора». Переводчик усилил драматическое звучание оды, что было продиктовано событиями 1812 г. Вместо первой ликующей строки Драйдена: «*Twas at the royal feast, for Persia won*» («Это был царственный пир в честь победы над Персией») у Жуковского в первых двух строках развернута драматическая ситуация: «По страшной битве той, где царь Персиды пал, // Оставля рать, венец и жизнь в кровавом поле...». Только в первой строфе Жуковский использовал 8 раз слова с драматическим подтекстом: «кровавый», «пал», «битва», «бранный», «ратный», тогда как у Драйдена преобладают определения, возвеличивающие героя: доблестный, воинственный, смелый.

Жуковский усилил лирическое звучание оды, более всего сказавшееся в описании Таисы, возлюбленной Александра, и в изображении горестной судьбы царя Дария, преданного друзьями. Строку у Драйдена «*Lovely Thais sits beside thee*» («Любимая Таис сидит возле тебя») Жуковский развернул в апофеоз любви: «Таиса, цвет любви, с тобой; // К тебе ласкается очами; // В груди желанья тайный жар, // И дышит страсть ее устами».

Жуковский дорожил своим переводом. 16 апреля 1814 г. он пишет А. И. Тургеневу: «...на следующей почте пришлю тебе свои переписанные творения. Прошу тебя с компанией добрых критиков—именно Уварова и Дашкова—переглядеть их, и то, что нужно выбросить, выбросить без сожаления. Пощади только „Пиршество Александра“. Что ни бредит Воейков, а этот перевод хорош» (ПЖТ. С. 114). Известен отзыв К. Н. Батюшкова в письме к Вяземскому: «Переводом Драйдена я не очень доволен» (Батюшков. Т. 2. С. 251).

Опыт перевода нашел отражение в содержании и поэтическом строе «Певца во стане русских воинов», написанного спустя несколько месяцев: это сочетание эпического и лирического, образ вдохновенного певца; композиционная структура, включающая в себя песни, хоровые партии, повторяющие концовки строф.

«Пиршество Александра» вновь возникает в творческих раздумьях Жуковского в 1814 г. в связи с замыслом «Послания Александру» как оды, которая положила бы традицию отмечать поэтическими творениями день рождения Александра I. «При имени государя,—пишет Жуковский А. И. Тургеневу в ноябре 1814 г.,—сердце распаляет воображение. Кто подумает о лести! Россия должна благодарить его за тот великий характер, который он к славе ее явил в таких решительных обстоятельствах (...). У меня бродит в голове мысль, что если б 25 декабря было бы

для нас то же, что для англичан день Святой Сесилии, чтобы непременно каждый год была бы сочинена ода на этот день и положена на музыку? Почему не быть у нас Драйденам, Попам и Конгривам? А какой сюжет!» (ПЖТ. С. 127)

Ст. 1. *По страшной битве той, где царь Персиды пал...*— Драйден использует в оде эпизод из истории Александра Македонского — пир в Персеполе после победы над Дарием III в 330 г. до н. э., рассказанный в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха (гл. 32 «Александр»).

Ст. 5. *Красою бог, Филиппов сын...*— имеется в виду Александр Македонский (356—323 до н. э.), сын Филиппа II.

Ст. 17. *И зрелся Тимотей среди поющих клира...*— Речь идет о греческом музыканте и поэте из Милета, жившем в 446—357 гг. до н. э. Тимотей создал мощное песнопение для мужского хора, которое было по душе Александру.

Ст. 28. *К Олимпис летит, к грудям ее приник...*— Олимпия (Олимпиада) — мать Александра Македонского, жена царя Филиппа II. По преданию, Олимпиаде накануне брачной ночи «привиделось, что раздался удар грома и молния ударила ей в чрево, отчего вспыхнул сильный огонь» (Плутарх). Отсюда у Драйдена образ Александра богоподобного.

Ст. 63. *Он Дария поет: «Царь добрый! Царь великий!»...*— речь идет о Дарии III, который умер после битвы с Александром Македонским из-за измены своих соратников.

Ст. 81. *Проснись, лидийский брачный глас...*— Тип песнопения от названия Лидии, средней области на западном берегу Малой Азии, знаменитой искусством хоровой поэзии, исполнявшейся под звуки флейты и отличавшейся от фригийской и дорической нежностью и мягкостью тона.

Ст. 111. *Покорствуй гневу Эвменид...*— Богини мщения в греч. мифологии.

Ст. 126. *Бедой на Персеполь их гневны очи блещут...*— название столицы древней Персии, разрушенной Александром Македонским.

Ст. 133—134. *Таиса, вождь герою, // Елена новая, зажжет другую Трою...*— Аналогия с историей войны греков с троянцами, начавшейся из-за любви троянского царя Париса к Елене.

Ст. 140. *Сесилия, творец органа...*— имя святой католической церкви (I пол. III в.), считается изобретательницей органа и покровительницей духовной музыки. Ее память в Лондоне чтят 22 ноября.

Э. Жилькова

К Плещееву
(«Ты, Плещепуп...»)
(С. 210)

Автограф неизвестен.

Копия (ПД. № 27. 795 / СХСVIII.6.66, л. 1—1 об.) — рукою М. А. Протасовой, с датой: «1812».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Гофман. С. 92—93.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по рукописи.

Датируется: первая половина 1812 г.

Это послание к А. А. Плещееву не могло быть написано после августа 1812 г., когда Жуковский покинул Муратово и вступил в Московское ополчение. Наиболее вероятное время его написания — весна 1812 г., поскольку в стихотворении идет речь о весенних простудных заболеваниях.

Ст. 19. *Наш Бюргав...* — Бургаве (Boerhaave) Герман (1668—1736), знаменитый нидерландский врач, ботаник и химик. Здесь Бюргавом назван один из орловских врачей, с которыми у Жуковского, Протасовых и Плещеевых были наиболее тесные отношения: Вицман или Гаспари. Вицман упоминается в стих. «Друзья! пройдет два дни...» и «Что делаешь, Сандрок?», Гаспари — в ПЖТ (С. 108—110, 134).

Ст. 33—34. *Да захворал // Наш генерал!* — М. Л. Гофман сделал следующее примечание к этим стихам: «Генерал Бонами, участник литературных упражнений в селе Черни» (Гофман. С. 93). Бонами не может быть тем лицом, которое упомянуто в послании Жуковского, поскольку Бонами прибыл в Орел только 27 февраля 1813 г. (см. примеч. к стих. «К доктору Фору»). Из ближайшего окружения Жуковского здесь наиболее вероятен Павел Иванович Протасов (1760—1828), брат А. И. Протасова, мужа Е. А. Протасовой. В 1810-х гг. П. И. Протасов был вице-губернатором г. Орла и, таким образом, имел штатский чин, соответствующий генеральскому. П. И. Протасов неоднократно упоминается в письмах и дневниках 1814 г. (Письма-дневники. С. 166—168. 171—172).

Ст. 52. *И Павлов-кряк...* — Может быть, тот же Павлов, который упомянут в стих. «Любовная карусель...» Сведений об этом лице обнаружить не удалось.

О. Лебедева

⟨К П. А. Вяземскому⟩
(«Князь Петр, жилец московский!..»)
(С. 211)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 5, л. 21) — белой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПМиЖ. Вып. 13. Томск, 1986. С. 58—59. Публикация О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича.

Печатается по рукописи.

Датируется: 2-я пол. 1811 — 1-я пол. 1812 г.

Основанием для датировки стихотворения, написанного на бумаге с водяным знаком 1805 г., служат его топографические реалии: ст. «Он за сто верст в селе» и упоминание Орловской губ. как местопребывания Жуковского свидетельствуют, что речь идет о том периоде жизни поэта (июнь 1811 — начало августа 1812 г.), который он почти безвыездно провел в Орловской губ.: в поместьях Е. А. Протасовой Муратово, А. А. Плещеева Большая Чернь и в собственном доме в деревне Холх, в полуверсте от Муратова (см.: ПЖТ. С. 94—96; комм. к стих. ⟨П. А. Вяземскому⟩ «Мой милый друг...»).

На обороте листа, на котором записан текст послания, сохранился фрагмент сургучной печати и адрес: «Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому в Москве, на Кисловке, в доме Смирнова, в приходе Иоанна Милостивого», подробность которого доказывает, что письмо было отправлено по почте, а не передано с оказией. Адрес Вяземского на Кисловке в допожарной Москве подтверждается его письмом к А. И. Тургеневу от 16 октября 1812 г. из Вологды: «Давно ли беседовали мы с тобою на Кисловке?» (ОА. Т. 1. С. 4).

Ст. 27—28. *А сколько же мученья // От злого голика!..*— Образ голика (веника) весьма продуктивен в домашней поэзии Жуковского, в шуточных экспромтах 1811—1813 гг. Он встречается в «Коловратно-куриозной сцене...» и стих. «Похождения, или Поход первого апреля».

О. Лебедева

Мечты

Песня

(«Зачем так рано изменила?..»)

(С. 212)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 107—108)—беловой.

Копия (РНБ, оп. 1, № 12, л. 35 об.—36 об.)—рукою М. А. Протасовой.

Впервые: ВЕ. 1813. Ч. 70. № 14. С. 81—84—с подписью: «В. Ж.», без указания на источник перевода. «Мечты»—единственный поэтический текст этого номера. Первая строфа стих. «Мечты», подписанная: «Жуковский», была напечатана В. К. Кюхельбекером в качестве эпиграфа к его стих. «Элегия. К Дельвигу» (СО. 1817. Ч. 41. № 41. С. 105).

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Романсы и песни»); в С 1—2—с указанием на источник: «Из Шиллера», в С 3 «Сочинение Шиллера». В С 1—2 отнесено к 1812., в С 5—к 1810 г., в «Общем оглавлении»—к 1811 г. (см.: Матяш. С. 154).

Датируется: первая половина 1812 г.

Основанием для датировки являются следующие аргументы: а) положение автографа среди стихотворений 1812 г. («Элизиум», «Послание к Плещееву. В день Светлого Воскресения», «К Батюшкову», «К А. Н. Арбеновой. 16 июля 1812 года» и др.); б) датировки в С 1—2—1812 г.; в) план собрания стихотворений в 3 томах (С 1, вышло в 2 т.), над которым Жуковский работал в Долбине осенью 1814 г.: в списке стихотворений 2-го тома «Мечты» отнесены к 1812 г. (РГАЛИ, ф. 198, оп. 3, № 8, л. 15 об.)

Стихотворение «Мечты» является свободным переводом элегии Ф. Шиллера «Die Ideale» («Идеалы», 1795), впервые напечатанной в «Musenalmanach für das Jahr 1796», переработанной и сокращенной для собрания стихотворений 1800 г. Перевод выполнен по этой второй редакции. Жуковский сохранил метрику и строфику оригинала (4-стопный ямб с чередованием женских и мужских клаузул, 11 8-стишных строф с рифмовкой аБаБвГвГ), но, в целом следуя лирическому сю-

жету оригинала, меняет его образную структуру, особенно к концу: последние две строфы переведены наиболее свободно.

По замечанию А. Г. Горнфельда, «как глубоко лирическое признание, „Идеалы“ в высшей степени важны для характеристики мировоззрения и настроения Шиллера» (Шиллер Ф. Собр. соч. в переводе русских писателей / Под ред. С. А. Венгерова: В 4 т. СПб., 1901. Т. 1. С. 377).

Сам Шиллер в письме В. фон Гумбольдту от 7 сентября 1795 г. оставил следующую характеристику «Идеалов»: «Ваше мнение, что „Идеалам“ недостает силы и огня, совершенно справедливо, но меня удивляет, что вы ставите мне это в упрек. „Идеалы“ — стихотворная жалоба, где сжатость, в сущности, неуместна. Жалоба по природе своей многословна и всегда нечто вялое; ибо сила не жалуется. (...) Настроение, из которого вытекло это стихотворение, сообщается читателю, — а этим, по самой его сущности, ограничиваются его притязания. (...) С этим чувством спокойной покорности я хотел расстаться с читателем» (Шиллер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 376—377).

Рецепция «Идеалов» Шиллера в русской поэтической традиции имеет долгую историю. По замечанию В. Э. Вацура, для этого процесса оказалось «существенно, что и сам исходный текст Шиллера варьировал общеэлегические формулы (...). В русской поэзии и у Шиллера они появились одновременно» (Вацура. С. 118). Основные поэтические мотивы, образующие эмоциональный рисунок «Идеалов» — «весна дней», «золотое время» как метафоры юности, а также мотивы «увядания» и «отцветших лет» как метафоры скоротечности юности, встречаются в стихотворениях И. А. Крылова «К реке М...» (1795), Н. И. Гнедича «Скоротечность юности» (1806), В. М. Перевощикова «Утро» (1809), В. С. Филимонова «К Лауре» (1809). См. об этом: Гиппиус В. В. К вопросу о пушкинских «плагиатах» // Пушкин и его современники. Вып. 38—39. Л., 1930. С. 44—45; Вацура. С. 118 и далее.

Закономерный итог «контаминации лирических мотивов, восходящих к разным источникам», — обращение русских поэтов-переводчиков к тексту, который оказался «своего рода центром кристаллизации» (Вацура. С. 119) — «Идеалам» Шиллера. Это стихотворение оптимально соответствовало представлению о жанре элегии в эстетическом сознании эпохи.

В 1812 г. были осуществлены два перевода «Идеалов»: М. В. Милоновым под заглавием «К юности: Подражание Шиллеровым „Идеалам“» (СПб. вестник. 1812. Ч. 1. С. 161—163) и В. А. Жуковским под заглавием «Мечты».

Переводу Жуковского предшествует почти десятилетняя история. Факт сравнительно раннего знакомства поэта с элегией Шиллера удостоверен своеобразным прозаическим парафразом первых четырех строф «Идеалов» в статье «О путешествии в Малороссию» (1803), рецензии на одноименную книгу писателя-сентименталиста кн. П. И. Шаликова. Ср.: «... вспомним о прошедшем, которое невозвратно, которое быстро сокрылось и, может быть, унесло наше счастье. (...) Молодой человек, с пламенной душою, хотел бы, кажется, всю натуру прижать к своему сердцу. Всюду летают за ним мечты, сии метеоры юного воображения, (...) он вопрошает судьбу; (...) сам за нее отвечает себе, играет призраками и счастлив. (...) Увядают чувства, и бедный человек, лишенный магической силы, которая

прежде созидала вокруг него волшебный мир, напрасно унылым взором ищет прелестей в пышной, великолепной натуре: вокруг него — развалины! (...) Ах! кому не дороги сии минуты слишком быстрые, сии цветы увядшие?» (ПСС. Т. 8. С. 11—12). Реминисценции из Шиллера в этом пассаже отметил В. Э. Вацуро (Вацуро. С. 85).

В 1806 г. Жуковский предпринял опыт поэтического перевода трех начальных строк «Идеалов», при этом он пользовался ранней, более пространной редакцией подлинника (Резанов. Вып. 2. С. 351). Это стихотворение, известное под названием «Отрывок» («О счастье дней моих! Куда, куда стремишься...»). Ранний перевод «Идеалов» более свободен в формальном отношении: он выполнен в астрофической форме, с чередованием стихов 6- и 4-стопного ямба, со значительными смысловыми и образными отклонениями от текста подлинника. Фрагментарность перевода подчеркнута эквивалентом текста в его конце. Соотношение стихотворений «Отрывок» и «Мечты» в принципе аналогично соотношению двух переводов элегии Т. Грея «Сельское кладбище» (1802 и 1839), двух переводов баллады Бюргера «Ленора» (1808 и 1831), которые всегда осознавались Жуковским как разные произведения: в обоих этих случаях налицо именно метрические и строфические различия перевода. Поэтому «Отрывок» должен входить в основной корпус текстов Жуковского на правах самостоятельного произведения, не опубликованного при жизни, а пара переводов «Отрывок» — «Мечты» — дополнить вышеприведенный список переводов-дублетов, которые традиционно рассматриваются как эстетические манифесты Жуковского.

По своему образно-словесному ряду «Отрывок» больше соотносится с контекстом русской поэзии 1800-х гг. и лирики самого Жуковского, чем с оригиналом. Реминисцентные мотивы разочарования и мимолетности юности связывают «Отрывок» с вышеуказанными текстами И. А. Крылова, В. М. Перевощикова, Н. И. Гнедича, В. С. Филомонова, а также со стих. Жуковского «Прощанье старика» (1806) и элегией «Вечер».

Число подобных реминисценций продолжает увеличиваться в лирике Жуковского 1811 г., причем они относятся и к тем поэтическим образам Шиллера, которые не были переданы в двух переводах Жуковского. Так, мотив последней строфы подлинника («Minuten, Tage, Jahre streicht») явно повлиял на аналогичные образы быстротекущего времени в стихотворениях 1811 г. «Надпись к солнечным часам в саду И. И. Дмитриева» («И час, и день, и жизнь мелькают быстрой тенью») и «Песня» («О милый друг! теперь с тобою радость...» — «Дни, месяцы и годы пролетят»); см.: Загарин. С. 120—121, Вацуро. С. 128. Характерная для «Идеалов» Шиллера и стихотворения «Мечты» Жуковского филиация идей невозвратимой юности, цветения-увядания и мечтательности организует эмоциональный рисунок стихотворений «Жалоба» и «Послание к Батюшкову», которые написаны в 1812 г. в непосредственной хронологической близости ко второму переводу «Идеалов».

Основные поэтические формулы и образы этого романса-элегии продолжают давать рефлексы в поэтических текстах Жуковского вплоть до начала 1820-х гг.: «Тургеневу в ответ на его письмо» (1813), «К самому себе» (1814), «Невыразимое» (1818). К числу наиболее поздних отзвуков образности «Идеалов» следует отнести

реминисценцию стихов «И неестественным стремленьем // Весь мир в мою теснилась грудь» в статье 1821 г. «Рафаэлева Мадонна»: «... все стеснено в малом пространстве и, несмотря на то, все необъятно, все неограниченно!»

История рецепции стихотворения «Мечты» в русской литературе также весьма насыщена. Из числа критических откликов необходимо отметить специальную рецензию В. Княжевича «Разбор двух стихотворений, преложенных из Шиллера В. А. Жуковским и М. В. Милоновым» (Благонамеренный. 1821. № 23—24), где рецензент отдает предпочтение подражанию Милонова на основании большей близости его к подлиннику — мнение это вполне субъективно, поскольку переложение Милонова еще более свободно, чем перевод Жуковского.

Несравненно бóльшая эстетическая актуальность перевода Жуковского засвидетельствована самим Милоновым, ряд стихотворений которого прямо ориентирован на элегизмы Жуковского, связанные со стихотворением «Мечты» и его большим лирическим контекстом (ср. стихотворение Милонова «Несчастный поэт», «Падение листьев»). Прямые реминисценции из «Идеалов» Шиллера в переводе Жуковского обнаруживают стихотворения В. Л. Пушкина «Элегия» (1816), В. К. Кюхельбекера «Элегия. К Дельвигу» (1817) и «Пробуждение» (1820). Своеобразным итогом движения всех этих элегических мотивов, формул и поэтизм, сконцентрированных для русской лирики 1800—1810-х гг. в переводе «Идеалов» Шиллера Жуковским, стала шестая глава пушкинского романа «Евгений Онегин», где в образе поэта Ленского дается собирательный образ русского романтика, в характеристике его стихов — панорама русской романтической лирики 1810-х гг., а в предсмертной элегии, навеянной чтением Шиллера (и, может быть, именно стихотворения «Идеалы», ср.: «На модном слове „идеал“ // Тихонько Ленский задремал» — гл. 6, стр. XXII), — квинтэссенция элегических мотивов русской лирики. См. об этом: Гиппиус В. В. Указ. соч. С. 44—45; Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 172—173; Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 284—285; Розова З. Пушкин и «Идеалы» Шиллера // *Slavia*. 1937. Т. 14. № 3. С. 378—404; Вацуро. С. 118—119; Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983. С. 295—302.

На протяжении XIX в. «Идеалы» Шиллера были одним из самых переводимых произведений немецкого поэта. С 1812 по 1899 г. зафиксировано 17 переводов «Идеалов» (см.: Собр. соч. Шиллера в переводе русских писателей / Под ред. С. А. Венгерова: В 4 т. СПб., 1901. Т. 1. С. 377—382, библиография А. Г. Горнфельда).

О. Лебедева

К А. Н. Арбеновой

(«Рассудку глаз! другой воображенью!..»)

(С. 215)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 104 об.—105 об.)—с датой: «16 июля 1812».

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 73 об.—74 об.)—рукою В. И. Губарева, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 34—36 (отрывок); полностью: ПСС. Т. 1. С. 105—106.

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: 16 июля 1812 г.

Авдотья Николаевна Арбенева (урожд. Вельяминова; 1784—1831), дочь Натальи Афанасьевны (урожд. Буниной), племянница Жуковского, для которого она была одной из подруг детства (Зонтаг. С. 280). Позднее, в 1814 г., имея влияние на Екатерину Афанасьевну, приняла ее сторону в конфликте по поводу сватовства поэта к М. А. Протасовой.

Жуковский трижды обращался к А. Н. Арбеновой со стихотворными посланиями (см. стих. «Хорошо, что ваше письмо коротко...» и «Письмо к ***»). Первое из них по времени написания, данное послание в наибольшей степени отражает те дружеские отношения, которые еще связывали поэта и его адресата. Очевидна связь послания с эстетической позицией Жуковского, с его лирической философией этого периода.

Ст. 41—42. *Давно сказал мудрец еврейский нам: // Все суета!..*— сокращенное выражение: «Суета сует, все — суета и томление духа» из книги Екклесиаста, авторство которой приписывается царю Израильско-Иудейского царства Соломону (X в. до н. э.).

Н. Реморова

⟨К А. Н. Арбеновой⟩

(«Хорошо, что ваше письмо коротко...»)

(С. 218)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 73—73 об.)—рукою А. И. Тургенева, с правкой П. А. Вяземского и поправками Жуковского.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 47 (ст. 1—9); полностью: РА. 1900. Кн. 3. № 9. С. 192—194 — с заглавием: «Послание к неизвестному лицу» и датой: «1812».

Печатается по тексту первой публикации, сверенному с авторизованной копией, но без заглавия.

Датируется: начало августа 1812 г.

В письме к Н. Ф. Грамматину от января 1813 г. К. Н. Батюшков сообщал: «Князь Вяземский прислал мне стихи Жуковского: два послания к его знакомке, г-же Арбеновой, и послание ко мне, ответ „Пенатам“...» (Батюшков. Т. 2. С. 239). Традиционно комментаторы говорят лишь об одном послании к А. Н. Арбеновой — «Рассудку глаз! другой воображенью!..»

Но есть все основания предполагать, что именно данное послание получил Батюшков от Вяземского в январе 1813 г. Во-первых, в копии, извлечения из которой, видимо, и были сделаны для Батюшкова Вяземским, о чем свидетельствует его правка, оно непосредственно предшествует посланию «К А. Н. Арбеновой»

(«Рассудку глаз! другой воображенью!..»). Во-вторых, очевидна переключка образов двух посланий (ср.: «... Не славно быть циклопом однооком» — «И был бы я циклопом»; «А мой султан — султанам образец» — «Но я служу давно! // Кому? — Султану Фебу!» и т. д.), да и само упоминание фамилии адресата в тексте более чем красноречиво. Содержание послания позволяет говорить и о времени его написания: между 3 и 12 августа 1812 г. 3 августа, на дне рождения А. И. Плещеевой в Черни, Жуковский спел романс «Пловец», вызвавший гнев Е. А. Протасовой (см. примеч. к стих. «Пловец»). Видимо, слухи об этом дошли до Н. Арбеновой, которая посоветовала Жуковскому идти в армию: «Итак, за приглашение // Идти служить царю // Я вас благодарю...»

Ст. 20—21. *Исткните (...) око, // Смущающее вас...* — Мф 18 9.

Ст. 27—28. *Петр Яковлев, правитель с округами Орла!*... — речь идет о Петре Ивановиче Яковлеве, бывшем в то время орловским губернатором.

Ст. 54. *Таскал стихи Хлыстова...* — рукою П. А. Вяземского в копии поправлено: «Хвостова». Речь идет о гр. Д. И. Хвостове (1757—1835), члене «Беседы», получившем в карамзинских кругах прозвище Хлыстов. Ср. в послании «К Воейкову» («О Воейков! Видно нам...»): «... Вот Хлыстов // Меж огромными ушами, // Как Тантал среди плодов, // С непрочтенными стихами». В «Доме сумасшедших» Воейкова (гл. 23) он также выведен под этим прозвищем.

Ст. 59. *Кубышкина сухого...* — рукою П. А. Вяземского исправлено на: «Кутузова». Имеется в виду П. И. Голенищев-Кутузов (1767—1829), поэт и переводчик, соперник Жуковского в переводе сочинений Т. Грея, адресат многих эпиграмм.

А. Янушкевич

(К Екатерине Афанасьевне Протасовой)

(«Скажите, Катерина!..»)

(С. 220)

Автограф (ПД. Р. I, оп. 9, № 34, л. 1 об.) — белой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РБ. 1915. № 1. С. 27 — с датой: «1812». Публикация Н. В. Соловьева.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: не позже 3 августа 1812 г.

Стихотворение обращено к Е. А. Протасовой (урожд. Буниной; 1770—1848), матери Маши и Саши Протасовых. Год создания стихотворения определяется из контекста: в ст. 9 указан возраст Жуковского — 29 лет в момент его написания. Так обозначаются крайние даты: 29 лет Жуковскому исполнилось 29 января 1812 г., разрыв отношений с Е. А. Протасовой и удаление из ее дома произошли 3 августа 1812 г. Сам тон обращения Жуковского к Е. А. Протасовой исключает возможность написания комментируемого стихотворения после этих событий.

Ст. 29—30. *А скучных мертвецов // Оставим для баллады...* — Вероятно, имеется в виду баллада «Светлана», над которой Жуковский работал в 1808—1812 гг. В «Светлане» варьируется мотив мертвого жениха, на котором выстроен сюжет бал-

лады Бюргера «Ленора», переведенной Жуковским еще в 1808 г. Баллада «Светлана» посвящена младшей дочери Е. А. Протасовой — А. А. Протасовой-Восейковой.

О. Лебедева

К А. И. П. (Плещеевой)

(«В час веселый всяк пророк!..»)

(С. 221)

Автограф (ПД. Р. I, оп. 9, № 9) — белой.

Копия (ПД. № 27. 795 / СХСVIII.6.66, л. 5) — рукою М. А. Протасовой, с заглавием: «К А. И. П.» и датой: «3 августа 1812».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 113.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 3 августа 1812 г.

Стихотворение обращено к Анне Ивановне Плещеевой, написано в день ее рождения. Некоторые его реалии, в частности намек на предполагающийся скорый и продолжительный отъезд Жуковского в ст. 13 («Возвратившийся к вам друг...»), свидетельствуют о том, что поэт собирался принять участие в кампании 1812 г. еще до известных событий 3 августа 1812 г., ускоривших его отъезд из Муратова и вступление в Московское ополчение (см. примеч. к стих. «Пловец»).

О. Лебедева

Пловец

(«Вихрем бедствия гонимый...»)

(С. 221)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 66 об.—67) — белой.

Впервые: ВЕ. 1813. Ч. 68. № 7—8. Апрель. С. 195—196 — с подписью: «В. Ж.»

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Романсы и песни»). В С 1—2 отнесено к 1811 г.; в С 5 датировано 1813 г.

Датируется: около 3 августа 1812 г.

Сведения, дающие основание для датировки, приводит К. К. Зейдлиц: «Об одной песне мы наверное знаем, что она была сочинена в 1812 г.: это было стихотворение „Пловец“. В Черни, в доме Плещеева, на празднике дня рождения хозяина (3 августа 1812 г.) Жуковский пел романс «Пловец», положенный на музыку Плещеевым» (Зейдлиц. С. 49). По другим сведениям, 3 августа было днем рождения А. И. Плещеевой (см. об этом: Толычева Т. Рассказы и анекдоты // РА. 1877. Кн. 2. № 7. С. 366—367; РС. 1883. Т. 37. № 2. С. 451). На этом празднике присутствовала и Е. А. Протасова, сводная сестра Жуковского, с дочерьми М. А. и А. А. Протасовыми. В январе 1812 г. Е. А. Протасова отказала Жуковскому в руке старшей дочери Маши и запретила ему говорить о своей любви кому бы то ни было, включая и Машу. В романсе Жуковского Е. А. Протасова «усмотрела в последней строфе

намек на чувство Жуковского и принудила его на следующий день покинуть Муратово» (Зейдлиц. С. 50).

При первой публикации стихотворение «Пловец» открывало подборку из 7 песен. Две из них — оригинальные тексты Жуковского («Пловец», «Певец»); две — переводы романсов Шиллера «Sehnsucht» («Желание») и «Der Jungling am Bache» («Жалоба»); две — переводы стихотворений Маттисона «Elysium» («Элизиум») и «Die Grazien» («К Филону»); песня «К моему другу» («Мой друг, хранитель-ангел мой...») — вольный перевод песни Тидге «Vergiss mein nicht (An Arminia)». Все эти песни тесно связаны между собой единством образно-словесного, сюжетного и эмоционально-лирического рядов (см.: Вацуру. С. 142; Янушкевич. С. 108—112).

В прижизненных собраниях сочинений тексту «Пловца» неизменно предшествует песня «Добрая мать» (1811), посвященная Е. А. Протасовой и двум ее дочерям, в которой содержатся реминисцентные «Пловцу» мотивы: «Будь скорбным Провиденье» (ср. «Пловец»: «Провиденье // Было тайный кормщик мой»); «Двух ангелов прелестных» (ср. в «Пловце»: «Вижу райскую обитель, // В ней — трех ангелов небес»); под ангелами разумеются Е. А. Протасова и ее дочери.

Вероятно, еще до публикации в ВЕ, романс Жуковского «Пловец» стал известен М. В. Милонову и послужил последнему поводом для создания одноименного стихотворения, которое представляет собой очень близкую вариацию-парафраз текста Жуковского. Милонов был знаком с Жуковским со времени своей учебы в Московском университетском благородном пансионе (1803—1805; см.: РС. 1887. № 11. С. 364). В 1812 г. Жуковский и Милонов могли встретиться в Москве, в августе месяце. Жуковский 12 августа 1812 г. вступил в Московское ополчение в чине поручика (Зейдлиц. С. 50), а Милонов в этом же месяце «сделал попытку определиться в Московское ополчение» (Русские писатели: Биобиблиографический словарь. М., 1990. Т. 2. С. 34). Ср. также факт одновременного перевода Жуковским и Милоновым стихотворения Ф. Шиллера «Идеалы» в 1812 г. («Мечты», «К юности»), который косвенно свидетельствует об их общении в первой половине 1812 г. Ц. Вольпе приводит сведения о подражании Милонова «Пловцу» Жуковского, не указывая автора: «После появления в печати он [романс „Пловец“] вызвал ряд подражаний (см., напр., в СО. 1814. Ч. 18. С. 226: „Пловец“, подписанное: М.)» — Стихотворения. Т. 1. С. 373. Стихотворение Милонова «Пловец» вошло в сборник: Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения Михайла Милонова. СПб., 1819, экземпляр которого с пометами Жуковского имеется в его библиотеке (Описание. № 222).

Кроме А. А. Плещеева музыку к романсу «Пловец» написали также А. Н. Верстовский и М. И. Глинка. В 1815—1816 гг. стихотворение Жуковского «Пловец» было переведено на немецкий язык К. Ф. фон дер Боргом; этот перевод вошел в двухтомную антологию *Poetische Erzeugnisse der Russen / Ein Versuch von K. Fr. von der Borg*. Dorpat, 1820—1823. Bd. 1—2.

О. Лебедева

«Друзья! „прости“— слово святое...»

(С. 223)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Русская беседа. 1859. Кн. 16. № 4. С. 1—2 — с редакционным заглавием: «Неизданное стихотворение Жуковского».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: предположительно вторая половина августа 1812 г.

Комментируя этот текст в С 7, П. А. Ефремов писал: «... относится к отъезду Жуковского из деревни, т. е. к 1811 или к августу 1812 г.» (Т. 1. С. 500). В С 9 тот же комментатор был более категоричен: «... относится к отъезду Жуковского из деревни в 1811 г.» (Т. 1. С. 520). Никаких аргументов в пользу той или иной датировки не приводится. Отсутствие автографа затрудняет датировку произведения, но более вероятным можно считать август 1812 г., время отъезда Жуковского в действующую армию после решительного несогласия Е. А. Протасовой на брак поэта с Машей Протасовой.

А. Янушкевич

Песня в веселый час

(«Вот вам совет, мои друзья!..»)

(С. 224)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 59 об.) — белой, с заглавием: «Солдатская песня», без партий хора.

Впервые: ВЕ. 1813. Ч. 67. № 1—2. Январь. С. 76—77 (Ц. р. от 18 марта) — с заглавием: «Песня в веселый час» и подписью: «В. Ж.»

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту ВЕ, со сверкой по автографу.

Датируется: вторая половина 1809 г., с доработкой в 1812 г.

Вопрос о датировке стихотворения является достаточно спорным. С одной стороны, начиная с С 5 (посм., т. 12) и по традиции во всех последующих изд. «Песню в веселый час» относили к 1812 г., справедливо связывая ее пафос с событиями Отечественной войны. С другой (см. ПСС. Т. 1. С. 62) — на основе рукописных источников произведение условно датируют 1808—1809 гг. Во всяком случае, и кантатная форма «Песни...» (с певцом и хором), и партия хора корреспондируют с «Певцом во стане русских воинов», а «Песня в веселый час» воспринималась как вариация к «Певцу...», своеобразная «солдатская песня» эпохи Отечественной войны 1812 г. Ее публикация в 1813 г. лишь подтверждала эту версию. Однако местоположение автографа, находящегося в контексте произведений 1809 г. (рукопись «Солдатской песни» находится между автографами «На смерть фельдмаршала Каменского» и перевода из Горация «К Делию»), а также характер текста — отсутствие хоровых партий, особенно актуализирующих связь с событиями 1812 г., позволяет говорить, что текст песни был закончен во второй половине 1809 г.

В своем первоначальном варианте «Солдатская песня» Жуковского вполне соотносилась с традицией вакхической песни. «Веселый час» (в журнальном варианте 1791 г.—«Песня веселых») Н. М. Карамзина и «Веселый час» (ВЕ. 1810. Ч. 49. № 4. С. 280—285) К. Н. Батюшкова наиболее четко обозначили некий канон жанра. Не исключено, что «Песня в веселый час» Жуковского возникла, как это нередко бывало, в творческом соревновании с Батюшковым, тем более что процесс переработки «Совета друзьям» (1806) в «Веселый час» у Батюшкова и создание песни Жуковского происходили почти одновременно. По какой-то неизвестной причине Жуковский не опубликовал этот текст.

В 1812 г., доработав текст в духе времени, Жуковский напечатал «Песню...» в первом же номере ВЕ за 1813 г. Весь контекст номера (в разделе «Стихотворения» «Песня в веселый час» идет вслед за балладой Жуковского «Светлана», рядом с ними находится патриотическая песня Н. Грамматина; разделы «Политическая история» и «Смесь» насыщены материалами «О пребывании в Москве французов», о нынешнем положении Москвы, о Наполеоне вплоть до публикации «Французской песни о Бонапарте») способствовал новому прочтению произведения Жуковского и органично соотносил его с «Певцом во стане русских воинов».

А. А. Плещеев сочинил романс на слова Жуковского, назвав его «Песнь воинов» (Гофман. С. 73).

А. Ялушкевич

Певец во стане русских воинов
(«На поле бранишом тишина...»)
(С. 225)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 25, л. 4—23 — черновой, с перебеливанием отдельных стихов в процессе работы, с датами: «Октября 13. Чернь» после ст. 92 (л. 7) и «Кончено 20-го» (л. 23); л. 27—28, 35—36 — более бледными чернилами, черновые наброски отдельных стихов: о Наполеоне, Коновницыне, Витгенштейне, Щербатове, которые вошли во второе изд.

2) РНБ, оп. 1, № 14, л. 111—117 — белой, включающий изменения для 2-го изд.

Копии:

1) РНБ, оп. 2, № 3, л. 16—37 — рукою В. И. Губарева, с карандашной правкой Жуковского, без ст. 269—280. Цензурный экз. первой части «Стихотворений Жуковского» (1815) — с подписью на каждой странице цензора И. Ф. Тимковского.

2) РГАЛИ, оп. 1, № 21, л. 1—9 — рукою неустановленного лица.

Впервые: Отд. изд. СПб.: В Морской тип., 1813. 24 с. (Ц. р. от 24 янв. 1813) и ВЕ. 1812. Ч. 66. № 23—24. Ноябрь-декабрь. С. 179—196. Тексты идентичны.

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Лирические стихотворения») с датой: «1812»; в С 5 ошибочно датировано 1811 г., что является очевидным анахронизмом по отношению к описываемым событиям.

Датируется: 13—20 октября 1812 г., с доработкой отдельных стрóf в 1813—1814 гг. (см. ниже).

Начиная с Ц. Вольпе (Стихотворения. Т. 1. С. 365) исследователи и комментаторы в число автографов «Певца» включают и наброски плана «стихотворения о событиях Отечественной войны» (РНБ, оп. 1, № 77, л. 1). Ср.: «На бреге неподвижного Немана стало воинство мстителей. Огни зажглись. В богатом шатре, окруженный вождями, возлежал юный царь. Одесную старец, избранный роком, в блестящих бронях. Чаша торжественная ходила кругом. Звуки торжественные гремели. Певцы ударили в струны и воспели песнь победы. Воспой славу Промысла. Кто видит его путь. О Всемогущий, куда ты мчишь сии рати. Смотрите, как грозен лик сего. Ужели возобновились для нас страдания прошлые. О Москва, ужели ты должна исчезнуть» (в автографе — в колонку). Однако содержание плана не позволяет говорить о его связи с «Певцом...». Скорее всего, это черновой набросок стихотворения «На победы русских в 1813 г» (подробнее см.: Портнова Н. А. Замысел неизвестного стихотворения В. А. Жуковского // РЛ. 1973. № 2. С. 162—165).

Традиционно исследователи и комментаторы считали первой по времени публикацию ВЕ, но, как установлено М. А. Любавиным (РЛ. 1979. № 4. С. 191), в силу обстоятельств военного времени этот номер вышел из печати лишь в середине марта 1813 г. Отдельное же изд., подготовленное А. И. Тургеневым, появилось в самом начале февраля: уже 4 февраля издатель сообщил П. А. Вяземскому: «Сегодня выйдут из печати стихи его» (РА. 1866. Стб. 254), а в «Прибавлениях» к № 14 «СПб. ведомостей» от 18 февраля появилось объявление о том, что «у книгопродавца Ивана Глазунова продается вновь вышедшая книга: *Певец во стане русских воинов*. Соч. Василия Жуковского». Поэтому вопрос о первой публикации «Певца...» следует решить в пользу отдельного (тургеневского) изд.

Данное уточнение актуализирует гипотезу П. А. Ефремова о существовании еще более раннего издания «Певца...», относящегося к 1812 г. и сделанного «в военно-походной канцелярии кн. Смоленского» (С. 7. Т. 1. С. 501). Несмотря на то, что это изд. до сих пор не обнаружено, свидетельства многих мемуаристов о чтении и обсуждении «Певца...» в конце 1812 — самом начале 1813 гг. (см., напр.: сообщение И. И. Лажечникова от 20 дек. 1812 г. — Лажечников И. И. Походные записки русского офицера 1812, 1814 и 1815 годов. М., 1836. С. 69; Ф. Н. Глинки от 18 дек. 1812 г. — Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1985. С. 179; А. Е. Измайлова из его письма Н. Ф. Грамматину от 13 янв. 1813 г. — БЗ. 1859. № 14. Стб. 418) позволяют говорить о возможности его существования, так как столь широкое распространение стих. Жуковского в списках кажется маловероятным, особенно в условиях военного времени.

Время создания «Певца...» связано с его творческой историей. Первоначальный подзаголовок: «Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине», имеющийся в беловом автографе и затем перешедший в примечания, определяет лишь начало работы Жуковского над стихотворением: первые числа сентября (отдача Москвы) — 6 окт. 1812 г. (сражение при Тарутине). Однако черновой автограф содержит еще две хронологические пометы: после ст. 92 «Какое сердце не дрожит, тебя благословляя» — «Октября 13. Чернь» (л. 7) и на л. 23 — «Кончено 20 октября». Так как первоначальный вариант содержал более 500 ст., то пометы

позволяют говорить об основной работе над текстом первого изд. в течение октября 1812 г.

Говоря о времени написания «Певца...», необходимо учитывать один из эпизодов военной службы Жуковского, ставший известным лишь в последнее время (см.: Власов В. А. Певец русской славы // Орловская правда. 1983. № 33 (18304) от 9 февр. С. 3; Афанасьев. С. 128; Иезуитова. С. 144—146). Речь идет о посещении поэтом Орла и Черни в сент.-окт. 1812 г., что было связано с его служебными поручениями. Именно это обстоятельство и определило появление в черновом автографе пометы: «Чернь» (имение А. А. Плещеева). В обнаруженной дневниковой записи Маши Протасовой от конца окт. 1812 г. сообщается о чтении только что законченного варианта «Певца...»: «Приехал человек Плещеевых и привез стихи Жуковского, которые бесподобны, и мы перечитывали их раз десять» (Афанасьев. С. 131).

Работа над текстом «Певца...» продолжалась и позднее. 20 февр. 1813 г. И. И. Дмитриев в письме Жуковскому по получении экземпляра отдельного (тургеневского) изд. говорит о желании вдовствующей имп. Марии Федоровны «сделать ей второе издание» и высказывает собственную просьбу, «чтоб вы позволили мне препоручить кому-либо из моих знакомцев припечатать в конце пиесы легкие исторические примечания, иные даже необходимые» (Сочинения И. И. Дмитриева. СПб., 1893. Т. 2. С. 217). Жуковский принял это предложение, внося существенные дополнения в текст стихотворения, добавив 122 ст. в строфы, касающиеся характеристики полководцев и героев Отечественной войны 1812 г. Кроме того, вместе с сослуживцем И. И. Дмитриева в Министерстве юстиции, будущим арзамасцем и другом, Д. В. Дашковым (1788—1839), он подготовил для этого изд. специальные примечания: всего 15 (9 подписаны «Д. Д.» и принадлежат Дашкову; остальные, без подписи,— Жуковскому).

Это второе отдельное (дмитриевское) изд. (СПб., 1813; Ц. р.— 12 мая 1813 г.) появилось в 20-х числах октября. Жуковский хотел предпослать ему поэтическое послание к имп. Марии Федоровне «Мой слабый дар царица одобряет...», но, по словам И. И. Дмитриева, «государыня не благоволила позволить ее [дедикацию] напечатать при вашем сочинении» (Сочинения И. И. Дмитриева. Т. 2. С. 219). Послание было напечатано отдельно (ВЕ. 1814. Ч. 73. № 4). Императрица велела напечатать 300 экз. «Певца...» на ее счет в пользу автора и наградила Жуковского перстнем (РА. 1871. Стб. 421).

Издание вышло двумя тиражами: первый—с виньеткою и кашкою, выполненными художниками М. и И. Ивановыми по рисункам А. Н. Оленина; второй—без виньеток. По словам П. А. Ефремова, было и 3-е изд., с нотами Д. С. Бортнянского (С 7. Т. 1. С. 501), но оно до сих пор не обнаружено, хотя известен автограф партитуры Бортнянского (см.: Ковалев К. Бортнянский. М., 1989. Вклейка 3 между с. 240—241).

Как известно из письма Жуковского к А. И. Тургеневу от последней трети 1813 г., автор «Певца...» был доволен виньетками ко второму изд. и просил Тургенева переслать Оленину благодарственное письмо (ПЖТ. С. 105). Характер виньетки так описал К. Н. Батюшков в письме к Жуковскому от 30 июня 1813 г.:

«...изображен вдали стан при лунном сиянии и в облаках тени Петра, Суворова и Святослава, гениев России. Твои куплеты подали идею рисунка...» (Батюшков. Т. 2. С. 253—254). На концовке-кашке, по словам самого Оленина, «...изображен русский Геркулес, около него двуглавый орел, поразивший змеевидное чудовище, на помощь орлу спешат «Гарпия в виде глаза» и «Мщение в виде мраза» (РБ. 1912. Ноябрь — декабрь. С. 49).

Текст этого изд. стал основой для всех последующих прижизненных публикаций (см.: 1—5), с сохранением примечаний в конце тома (их полный текст см. ниже, в составе реального комментария). Существует еще одна не учтенная комментаторами публикация «Певца...» в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 1814. Ч. 1. С. 38—58, с подписью: В. Жуковский; ц. р.— 13 апр. 1814; вышло в свет не позже октября 1814 г.). Текст этой публикации содержит 568 ст. и отличается как от первого, так и от второго изд., являясь промежуточным звеном между ними. Все пять построчных замечаний на с. 43, 46, 47, 48 принадлежат автору стихотворения; примечания Д. Дашкова отсутствуют.

В 1837 г. появилось еще одно отдельное изд. «Певца...» с музыкой А. Н. Верстовского, с сокращениями, вызванными распределением стихов для поющих голосов (Стихотворения. Т. 1. С. 364).

Характер работы Жуковского над текстом «Певца...» показывает, что он «дорабатывал его в 1812—1814 гг. и что в процессе работы он ввел много новых стрóf и „пересадил“ ряд генералов из одних стрóf в другие» (Стихотворения. Т. 1. С. 365). Но подобные «пересадки», а также расширение и сужение характеристик, изъятие одних и добавление других, весь ход переработки текста невозможно объяснить только «зависимостью от непрерывных военных переоценок репутаций» (Стихотворения. Т. 1. С. 367), хотя подобная зависимость и существовала. Так, в цит. выше письме к А. И. Тургеневу Жуковский сообщает: «*Певца* ты напечатал в Петербурге. Я некоторые места поправил, и жаль, если твой экземпляр напечатан по старому стилю; жаль, если в этом экземпляре остался Чичагов, которого я выкинул после той проказы, которую он с нами сыграл на переходе Березиной» (ПЖТ. С. 98). В письме к Д. Н. Блудову от начала 1815 г. Жуковский говорит и о некоторых этических принципах, связанных с теми или иными конкретными оценками: «Строгонов достоин хвалы менее Дибича, Сабанеева и Ламберта и всех прочих; но об нем *было написано*; но он дрался; но он также принадлежит по храбрости и по имени к 1812 г. Оставить его имя в стихе из уважения к этой храбрости (без всяких личных видов), потом выбрасывать это имя из уважения к толкам людей (...) будет мерзко! Если б надобно было писать *Певца теперь*, то, вероятно, явились бы в нем имена, выбранные с большею строгостью; но он написан — пусть все, что в нем есть, в нем и останется. Прибавленные стрóфы дают ему вялость — согласен! И лучше, когда бы их не было! Но они уже есть, и я не имею права уничтожить их... Все имена, стоящие в *Певце*, внесены в него тогда, когда я был в деревне (и имя Строгонова также); личных видов во мне вам предполагать невозможно; до других же дела нет» (Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1887 г. С. 216).

Но особенности характеристик героев войны, принципы их отбора (например, прославление Кутузова и полное отсутствие имени Барклая) невозможно объяснить только зависимостью Жуковского от отечественной «официозной литературы» (История русской литературы. М., 1941. Т. 5. С. 370). По мнению Ю. М. Лотмана, «для времени Тарутинского лагеря подобные настроения свойственны были именно атмосфере ставки Кутузова, а не духу правительственной интерпретации событий» (Лотман Ю. М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958. С. 188).

Вопрос о поэтической традиции «Певца...» неоднократно возникал в критике и литературоведении. Еще Ц. Вольпе говорил о том, что Жуковский «в качестве образцов для себя выдвигает представителей классической одической поэзии: Петрова, Ломоносова, Державина», что «нетрудно было бы установить и влияние на „Певца“ одической поэзии XVIII в.». Он же говорит о «несомненной связи „Певца во стане“ с аналогичной патриотической песней Томаса Грея „The Bard“, с шиллеровской „Песнью к радости“ („An die Freude“), опираясь на суждение С. Шевырева (История русской литературы. Т. 5. С. 370). Ю. М. Лотман считает гораздо более вероятным то, что «Жуковский учел опыты по созданию образцов гражданской поэзии его друзьями из Дружеского литературного общества и, в частности, Мерзляковым...» (Указ. соч. С. 188). Н. Б. Реморова отмечает связь «Певца...» с «Песнями гренадера» и в целом с книгой «Прусских военных песен» («Preussische Kriegslieder») И. В. Л. Глейма (ПМиЖ. Вып. 13. Томск, 1986. С. 81—88), а Л. М. Аринштейн (Ж. и русская культура. Л., 1987. С. 311—322) выдвигает предположение о связи «Певца...» с поэмой Р. Саути «Поход на Москву» («The March to Moscow»).

Столь же противоречивы определения жанровой специфики «Певца...»: от похвальной оды и кантаты до поэмы, баллады и элегии (см.: Янушкевич А. С. Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 года и «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского // ПМиЖ. Вып. 9. Томск, 1983. С. 16).

Однако уже современники почувствовали принципиальное новаторство «русского Тиртея» и особое значение «Певца...» для русской поэзии и русского общественного сознания. Одним из первых подробную оценку стихотворения дал И. И. Лажечников в дневниковой записи от 20 дек. 1812 г., афористически резюмируя: «*Певец во стане русских* сделал эпоху в Русской словесности и — в сердцах воинов!» (Указ. соч. С. 74). Ему вторил В. Л. Пушкин: «*Певец во стане русских воинов*» есть, по моему мнению, лучшее произведение на российском языке» (Пушкин Василий. Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 218). Василий Туманский назвал автора «Певца...» «летописцем битв народных» (Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. С. 259). Николай Коншин писал о «Певце...»: «Эта поэма, по моему мнению, достойная Георгия 1-й степени, делала со мной лихорадку» (РС. 1897. № 2. С. 275). Показательно, что в «Словаре древней и новой поэзии» Н. Остолопова (СПб., 1821. Ч. 2. С. 306—307, 323) строки из «Певца...» приводятся как «прекраснейшие образцы (...) описания» и примеры «пиитического определения».

В 1822 г. появляется анонимное «Рассуждение о Певце во стане русских воинов» (СПб., 1822. 66 с.), большое критическое истолкование произведения Жуков-

ского. Его автор (как было установлено, М. А. Бестужев-Рюмин), восторженно говоря о «кисти Поэта-Живописца» (С. 50), в заключение своего опыта констатирует: «*Певец во стане русских воинов* должен жить вместе с воспоминанием того времени, которое останется в веках блистательнейшим украшением отечественной славы, а достопамятными и беспримерными событиями своими неизгладимым памятником в летописях Отечественной истории» (С. 66).

В. Г. Белинский во второй статье из цикла «Сочинения Александра Пушкина», несмотря на упреки автору «Певца...» в отсутствии «даже чувства современной действительности» и наличии «признаков реторики», вынужден был признать: «„Певцу во стане русских воинов“ Жуковский обязан своею славою: только через эту пьесу узнала вся Россия своего великого поэта; и это произведение было весьма полезно в свое время» (Белинский. Т. 7. С. 186).

Столь же активно текст «Певца...» входит в русское общественное сознание. По замечанию Ц. С. Вольпе, «характеристики героев были подхвачены и сделались крылатыми словами» (История русской литературы. Т. 5. С. 369), «стало обычным статьи об участниках Бородинского сражения начинать с цитации стихов из „Певца“ (Стихотворения. Т. 1. С. 368). Свидетельством этому могут стать материалы журналов РВ и СО за 1813 г., а также многочисленные подражания Жуковскому, использующие форму „Певца...“» (об этом см.: Янушкевич А. С. Указ. соч. С. 14—16, 21—22).

В начале 1820-х гг. «Певец...» получает европейскую известность. В 1820 г. он напечатан в немецком переводе К.-Ф. фон дер Борга (*Poetische Erzeugnisse der Russen / Ein Versuch von K. Fr. von der Borg. Bd. 1. Dorpat, 1820*). В 1823—1826 гг. появляются английские переводы «Певца...»: в «Российской антологии» Дж. Бауринга (*Specimens of the Russian Poets... V. 2. L., 1825. P. 59—91*; под названием «*The Minstrel in the Russian Camp*») и в сборнике Уильяма Генри Сондерса (*Poetical Translations from the Russian Language / By William Henry Saunders. L., 1826. P. 17—47*; под названием «*The Bard in the Camp of the Russian Warriors*»).

Сам Жуковский гордился титулом «певца во стане русских воинов» и в «Письме о Бородинской годовщине» (1839) замечал: «В армии многие повторяли моего „Певца во стане русских воинов“, песню—современницу Бородинской битвы. Признаюсь, это меня тронуло до глубины сердца. Жить в памяти людей по смерти не есть мечта: это высокая надежда здешней жизни. Но меня вспомнили живо, новое поколение повторило давнишнюю песню мою на гробе минувшего» (ПСС. Т. 12. С. 55).

Музыкальные переложения «Певца...» связаны с именами Д. С. Бортнянского и А. Н. Верстовского (см. выше).

В реальном комментарии приводятся все примечания Жуковского и Д. В. Дашкова к С 5.: примечания Жуковского—без подписи; Д. В. Дашкова—с инициалами «Д. Д.» Как и в С 5, они даются постишно, в кавычках, курсивом.

Певец во стане русских воинов.—Начиная со второго (дмитриевского) изд. Жуковский снабжал название подзаголовком (в скобках): *Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине*. В С 1—5 подзаголовок перешел в отделенные от

текста примечания и получил следующий вид: *Автор писал эти стихи после отдачи Москвы, перед сражением при Тарутине, находясь в Московском Ополчении.*

Ст. 35. *«Погибнем! мертвым срама нет!» — «Древние летописи сохранили нам краткую, но сильную речь Великого князя Святослава Игоревича к его воинам, на походе против греков. „Не посрамим земли Русския,— сказал он,— ляжем zde костями: мертви бо срама не имут!“ Воины, одушевленные словами и примером вождя, устремились на многочисленного неприятеля и одержали победу. Д. Д.»*

Ст. 37—38. *И ты, неверных страх, Донской, // С четой двух соименных... — «Великий князь Димитрий Иоаннович, избавитель России от постыдного рабства. Со времени несчастного сражения при Калке (1223) татары господствовали над князьями Российскими, свергая их по произволению с престола, и, налагая тяжкие дани, Димитрий отомстил за сии поругания и, предводительствуя сам соединенными Русскими силами, истребил на берегу Дона несметное воинство Мамаю. Он положил первое основание могуществу России, утвержденному потом великою четой соименных (Иоаннами III и IV) и вознесенному на высочайшую степень Петром и Августейшими его преемниками. Д. Д.»*

Ст. 42. *Внимайте клич: Полтава! — «Сражение при Полтаве решило навсегда участь России. Обыкновенные последствия войны суть всеобщее опустошение и грабительство; но сей знаменитый день был виною благополучия многих миллионов, увенчав труды, подъятые Великим Петром для преобразования своего отечества. Дерзкий Карл, ворвавшийся в пределы Российские с непобедимым воинством, едва мог спастись бегством с немногими спутниками, в числе коих был изменник Мазепа, названный здесь братом владыки (Карла XII). Д. Д.»*

Ст. 63—64. *О горе! горе, супостат! ~ То грозный наш Суворов! — «Кому из современников наших неизвестны подвиги Российского Аннибала, преодолевшего самую природу на вершинах Альпийских? Потомство будет с удивлением читать в летописях беспристрастной Истории дела Вождя победы, грозы Оттоманов и Сарматов, избавителя Италии. Он скончал славные дни свои, но дух его еще предводит полками нашими и вливает новое мужество в сердца воинов. Д. Д.»*

Ст. 81. *Отчизне кубок сей, друзья! — «Воздав должную хвалу павшим героям, певец посвящает сей кубок любви к отечеству, столь славно ознаменовавшей народ Российский при нашествии свирепого неприятеля. Все состояния стремились наперерыв показать прилежность свою и Вере и Престолу. Дворянство образовало страшную рать из миролюбивых земледельцев и радостно проливало кровь свою, предводительствуя ими на поле чести; духовенство воссылало теплые мольбы ко Всевышнему о спасении благочестивого царства и вместе с купечеством спешило жертвовать имуществом своим общей пользе. Повсюду хищный враг встречал непреодолимые препятствия, и гибельный для него конец войны доказал вселенной, сколь силен народ, исполненный пламенной любви к Государю и отечеству. Д. Д.»*

Ст. 149. *Хвала тебе, наш бодрый вождь! — «Имя князя Смоленского, спасителя России, пребудет всегда незабвенным для истинных патриотов. В то печальное время, когда враги гнездились в древней столице, угрожая разрушить последний оплот вольности Европы, мудрый вождь не унывал духом и готовил достойную казнь гордыне их. С быстротою молнии перелетел он от берегов Москвы до Эльбы, расточив сонмища иноплеменных и устлав путь свой бесчисленными их трупами. Орлиный взор его измерял уже берега Рейна,*

когда жестокая смерть, которой он столько раз подвергал себя во брани, сразила его на одре болезни, посреди блистательного поприща. Но благодарное отечество, почтившее героя доверенностью своею, сохранит навеки память его вместе с бессмертною памятию Пожарского; а мужественные воины, сражавшиеся под его знаменами, с гордостью некогда скажут юным товарищам и детям своим: „И мы были его сподвижниками, и мы мстили за Москву, обращенную в пепел неистовою злобою!“ Д. Д.»

Ст. 157—158. *О диво! се орел пронзил ~ Над ним небес равнины...—* «У древних парящий орел почитаем был предвестником победы; знамение сие не обмануло и нас на достопамятном Бородинском поле. Когда Российский вождь устраивал полки свои, орел пролетел над ним при радостных кликах воинов и был верным предтечею погибели врагов наших. Д. Д.»

Ст. 174. *Ермолов, витязь юный...—* Речь идет об известном генерале А. П. Ермолове (1777—1861), которому Жуковский в 1837 г. посвятит специальное четверостишие, являющееся дарственной надписью на экземпляре первого тома С 4: «Жизнь чудная его в потомство перейдет...»

Ст. 177. *Раевский, слава наших дней...—* Имеется в виду генерал Н. Н. Раевский (1771—1829), который, согласно легенде, шел на французов, ведя рядом двух своих малолетних сынов (опровержение этой легенды см.: Батюшков. Т. 2. С. 37). Этот стих, а также два варианта ст. 180: первоначальный — «с младенцами сынами» и окончательный — «с отважными сынами» А. С. Пушкин обыграл в стихотворной «Записке к Жуковскому» (1819): «Раевский, *молоденец* прежний // А там уже *отважный* сын (...) Тебя зовет на чашку чаю // Раевский — *слава наших дней*».

Ст. 181. *Наш Милорадович, хвала!..—* Жуковский воспевает М. А. Милорадовича (1771—1825), ученика Суворова, генерала от инфантерии, будущего петербургского генерал-губернатора (1818—1825), убитого 14 дек. 1825 г. на Сенатской площади.

Ст. 185. *Наш Витгенштейн, вождь-герой...—* Вся строфа, посвященная генералу П. Х. Витгенштейну (1768—1842), командовавшему 1-м корпусом и прикрывавшему пути к Петербургу — отсюда «Петрополя спаситель», в первом изд. занимала две строки: «И Витгенштейн наш Арей! // Твердыня Петрограда...» Расширение характеристики генерала было вызвано следующими обстоятельствами: после смерти М. И. Кутузова он был назначен главнокомандующим русской армией и в первом же серьезном сражении, которым ему пришлось руководить, 20 апреля (5 мая) 1813 г. при Люцене, одержал победу, за что получил орден Св. Андрея Первозванного. В ответ на это событие Жуковский писал А. И. Тургеневу 20 мая 1813 г.: «Слава Витгенштейну! Первый шаг — победа. С ним Русская слава не погибнет!» (ПЖТ. С. 102).

Ст. 198. *Наш Коновницын смелый!..—* Вся характеристика генерала П. П. Коновницына (1766—1822) первоначально была заключена в одном стихе: «Наш Коновницын смелый...» Свое отношение к генералу, тяжело раненному в сражении при Люцене, Жуковский достаточно эмоционально выразил в цит. выше письме к А. И. Тургеневу: «А Коновницын ранен! Храни его Русский Бог! Я этого человека обожаю. Воплощенная доброта и храбрость!» (ПЖТ. С. 102). Вероятно, к этому времени относится расширение характеристики генерала до одной строфы (ст. 197—208).

Ст. 209. *Хвала, наш вихорь-Атаман...*—Эти стихи, посвященные атаману донских казаков М. И. Платову (1751—1818), отзвучат в послании Жуковского «К Воейкову» (1814): «С смиренным отдал ты поклон // Жилищу вихря-Атамана...»

Ст. 221. *Хвала, наш Нестор-Бенингсон!*...—Первоначально начальнику штаба армии генералу Л. Л. Бенингсену (1745—1826) было посвящено две строки. Он назван Жуковским Нестором (имя старейшего вождя греков в Троянской войне из «Илиады» Гомера), потому что по возрасту был старше других военачальников, участвовавших в Отечественной войне 1812 г.

Ст. 225. *Хвала, наш Остерман-герой!*...—Речь идет о генерал-лейтенанте и командире 4-го пехотного корпуса графе А. И. Остермане-Толстом (1770—1857), который, по замечанию его адъютанта, будущего писателя И. И. Лажечникова, «для стрел, откуда бы ни шли, смело выставлял грудь свою» (РВ. 1864. № 1. С. 308).

Ст. 227. *И Тормасов, летящий в бой!*...—А. П. Тормасов (1752—1819), граф, генерал от кавалерии, командующий 3-й резервной армией.

Ст. 229. *И Багговут, среди громов!*...—Речь идет о генерал-лейтенанте К. Ф. Багговуте (1761—1812), командующем 2-м пехотным корпусом и убитом в Тарутинском сражении. Жуковский к этим стихам сделал следующее примечание: «*Стихи сии сочинены прежде Тарутинского сражения. Багговут был первою его жертвою*». Дата в черновом автографе после ст. 92: «Октября 13 Чернь» опровергает это примечание, но по всей вероятности эта дата фиксирует лишь момент переписывания уже готовых стихов.

Ст. 231. *И Дохтуров, гроза врагов!*...—Имеется в виду генерал от инфантерии, командующий 6-м пехотным корпусом Д. С. Дохтуров (1759—1816), который после ранения П. И. Багратиона в Бородинском сражении командовал войсками 2-й Западной армии.

Ст. 233. *Наш твердый Воронцов, хвала!*...—Жуковский не случайно уделяет характеристике генерал-майора графа М. С. Воронцова (1782—1856), впоследствии светлейшего князя и генерал-фельдмаршала, целых две строфы (в первом изд. ему была посвящена всего одна строка). Его тяжелое ранение при Бородине и благотворительная деятельность (находясь на излечении в своем имении, он пригласил туда 50 раненых офицеров и более 300 рядовых, которых лечил и содержал на свой счет) вызвали глубокое уважение поэта к его личности.

Ст. 257. *Хвала, Щербатов, вождь молодой!*...—Характеристика генерал-адъютанта кн. А. Г. Щербатова (1777—1848), который «...сетует душой // О трате незабвенной...», обусловлена трагическим событием в его жизни — смертью в 1809 г. жены Екатерины Андреевны, сестры П. А. Вяземского.

Ст. 269. *Хвала наш Пален, чести сын!*...—Речь идет о графе, генерал-майоре, командире пехотной дивизии П. П. Палене (1778—1864).

Ст. 273. *Наш смелый Строганов, хвала!*...—Характеристика гр. П. А. Строганова (1774—1817), добровольно вступившего в армию (отсюда — «он жаждет чистой славы», «она из мира увлекла»), а впоследствии отличавшегося оппозиционными антикрепостническими настроениями, получила свое развитие и обоснование в цит. выше письме Жуковского к Д. Н. Блудову от начала 1815 г. Блудов, намекая на разные «деликатные обстоятельства», порекомендовал Жуковскому вообще не

упоминать Строганова, на что автор «Певца...» ответил резким отказом, заметив: «он также принадлежит по храбрости и по имени к 1812 году» (Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1887 г. С. 216).

Ст. 281. *Хвала бестрепетных вождям!..*— К этому стиху Жуковский сделал следующее примечание: «*Вождями бестрепетных названы здесь партизаны, которые в прошедшую войну, особенно в кампанию 1812, много способствовали к истреблению неприятеля*».

Ст. 293. *Наш Фигнер старцем в стан врагов...*— Речь идет о А. С. Фигнере (1787—1813), известном организаторе партизанских отрядов. Переодеваясь в различные костюмы, в том числе старика, он пробирался в тыл к французам как разведчик.

Ст. 301. *Сеславин—где ни пролетит...*— А. Н. Сеславин (1780—1858), генерал-майор, предводительствовавший в 1812—1813 гг. партизанскими отрядами.

Ст. 305. *Давыдов, пламенный боец...*— Обращение Жуковского к известному поэту-партизану Д. В. Давыдову (1784—1839). Свообразным ответом Давыдова на эти стихи явилось его послание «Жуковский, милый друг! Долг красен платежом...» (Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1984. С. 78).

Ст. 309. *Кудашев скоком через ров...*— Н. Д. Кудашев (1784—1813), князь, зять М. И. Кутузова, в 1812 г. полковник (затем генерал-майор), командовал партизанскими отрядами. Умер от ран, полученных в Лейпцигском сражении.

Ст. 311. *Бросает взглядом Чернышов...*— Имеется в виду А. И. Чернышев (1785—1857), с ноября 1812 г. генерал-майор и генерал-адъютант. В конце 1812 г. командовал летучими кавалерийскими отрядами, а в кампании 1813 г.— армейскими партизанскими отрядами в составе корпуса П. Х. Витгенштейна и Северной армии.

Ст. 313. *Орлов отважностью орел...*— Эта каламбурная характеристика относится к М. Ф. Орлову (1788—1842), командовавшему партизанскими отрядами и отличившемуся во многих сражениях кампаний 1812—1814 гг., впоследствии члену «Арзамаса».

Ст. 316. *В среду врагов Кайсаров...*— Речь идет, скорее всего, о А. С. Кайсарове (1782—1813), товарище Жуковского по Московскому университетскому пансиону, профессоре русской словесности и языка Дерптского ун-та, убитом 14 мая 1813 г. под Ганану. Об этих стихах, посвященных Кайсарову, К. Н. Батюшков говорил, что их «можно объяснить только стихом из того же „Певца“: „Для друга—все что в мире есть“» (Вяземский П. А. Сочинения. СПб., 1883. Т. 8. С. 432). Узнав о смерти друга, Жуковский писал А. И. Тургеневу в июле 1813 г.: «О брате Андрее я погрузил. Славная, завидная смерть! *Мигом ношу в прах!* [ср. в «Певце...»: «Сын брани мигом ношу в прах // С могучих плеч свергает...»] Надобно друга и товарища помянуть стихами...» (ПЖТ. С. 103). Стихи в память Андрея Кайсарова неизвестны, но в архиве Жуковского в списке задуманных им стихотворений 1813 г. есть заголовки: «На с(мерть) Кайсарова» (РНБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 78, л. 30). Ц. С. Вольпе высказывал предположение о том, что, возможно, стихи эти посвящены не А. С. Кайсарову, а его брату, генералу П. С. Кайсарову (1783—1844), в 1812 г. «дежурному генералу армии» (Стихотворения. Т. 1. С. 366).

Ст. 333. *Где Кульнев наш, рушитель сил...*— Речь идет о генерале Я. П. Кульневе (1763—1812).

Ст. 337—338. *Где жизнь судьба ему дала, // Там брань его сразила...*— К этим стихам Жуковский сделал следующее примечание: «Кульнев убит в 30 верстах от местечка Люцина, где жила его мать и где провел он свое младенчество».

Ст. 345. *А ты, Кутайсов, вождь молодой...*— К этому стиху, посвященному памяти генерал-майора, начальника артиллерии 1-й Западной армии гр. А. И. Кутайсова (1784—1812), Жуковский сделал следующее примечание: «Кутайсов убит под Бородиным. В нем погибла одна из блистательнейших надежд нашей армии. С великими дарованиями война соединял он ум приятный и прекрасный характер нравственный. Он любил словесность и в свободное время писал стихи.—После Бородинского сражения увидели его лошадь, обогренную кровию, бегущую без седока, и долго не могли отыскать его тела».

Ст. 373. *Еще дружин надежда в нем!...*—О ранении знаменитого полководца П. И. Багратиона (1765—1812) и надеждах, связанных с его выздоровлением, Жуковский так говорит в своем примечании: «Багратион умер от раны, полученной в сражении под Бородиным. Армия несколько времени надеялась на его выздоровление, но судьба решила иначе».

Ст. 379—380. *Он в область храбрых воспарил, // К тебе, отец Суворов!*—«По мифологии Северных народов, витязи, сраженные во бранях, переселялись в Валгаллу, к отцу своему Одну. Стихотворец заменил здесь баснословного Одена бессмертным Суворовым, наставником покойного князя Багратиона в воинском искусстве. Герой Итальянский с отеческою нежностью приемлет в жилища небесных вождей, запечатлевших кровью своею одержанные победы; Кульнев, Кутайсов, Багратион возносятся к нему со славою и радостно взирают на храбрых своих сподвижников, карающих дерзновенных Галлов. Д. Д.».

Ст. 409. *Злодей! он лестью приманил...*—Эта строфа, отсутствовавшая в первом изд., обращена к Наполеону, который нигде не назван прямо.

Ст. 517. *О радость древних лет, Боян!...*—«Автор соглашается здесь с мнением некоторых писателей, приемлющих Бояна за великого стихотворца, который процветал в мрачные времена Истории нашей и, подобно греческому Тиртею, возбуждал песнями своими мужество Славянских воинов. Д. Д.».

Ст. 521—522. *Петру возник ~ податель славы...*— Речь идет о М. В. Ломоносове как сподвижнике Петра I и дается указание на его родину: «...возник среди снегов...»

Ст. 523. *Честь Задунайскому—Петров...*— Имеется в виду поэт В. П. Петров (1736—1799), воспевавший победы фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского (1725—1796) над турками.

Ст. 524—530. *О Камские дубравы ~ голос лебединый...*— Жуковский говорит о Г. Р. Державине, воспевавшем победы Суворова.

Ст. 581—583. *Бессмертье, тихий, светлый брег ~ Покойся, кто свой кончил бег!...*— В истории русской литературы эти стихи получили свой отзвук в пьесе М. А. Булгакова «Бег», став эпиграфом к ней. Об этом см.: Янушкевич А. С. В. А. Жуковский в мире Михаила Булгакова // Филология — Philologica. № 9. Краснодар, 1996. С. 27—28.

А. Янушкевич

К NN при посылке портрета

(«Вот вам стихи, и с ними мой портрет!...»)

(С. 244)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 25, л. 24 об.—25 — черновой, в двух вариантах, без заглавия.

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 25 — белой, с заглавием: «К родным, при посылке портрета» и датой: «Чернь. 1812, 22 октября».

Копия: (РГАЛИ, ф. 195 (П. А. Вяземский), оп. 1, № 1004, л. 16 об.) — рукою В. Ф. Вяземской, с правкой П. А. Вяземского, с заглавием: «К NN при посылке портрета».

Впервые: МТ. 1827. Ч. 14. № 6. Отд. II. С. 49 — без подписи, но с указанием авторства Жуковского на обложке, с заглавием: «К NN (при посылке портрета)» и датой: «1812, октябрь».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Датируется: 22 октября 1812 г.

Поводом к написанию стихотворения явилось создание художником А. Маньяни портрета Жуковского. 20 октября 1812 г., находясь в имении А. А. Плещеева Чернь во время приезда из армии, в связи со служебными поручениями, Жуковский заканчивает «Певца во стане русских воинов». Это событие получает восторженный отклик всего плещеевского окружения и, как сообщает А. Глумов (правда, без указания источника), вызывает стремление запечатлеть облик поэта (Глумов А. Судьба Плещеевых. М., 1982. С. 112). Лучшим был признан портрет работы А. Маньяни, который был сразу же послан в Муратово к Протасовым. В дневнике Маши Протасовой от конца октября 1812 г. читаем: «Приехал человек Плещеевых и привез стихи Жуковского, которые бесподобны, и мы перечитывали их раз десять» (Афанасьев. С. 131). По всей вероятности, к стихам был приложен и портрет.

Об авторе портрета — итальянце по национальности, А. Маньяни (родился в конце XVIII в., умер после 1827 г.) известно очень немного. Он был домашним учителем рисования в семье Чернышевых и жил в их имении Ярополец. Жена А. А. Плещеева Анна Ивановна (урожд. Чернышева) была сестрой владельца имения Г. И. Чернышева и теткой Александрины Муравьевой, поэтому пребывание Маньяни в Черни было естественным.

Известны многочисленные рисунки Маньяни карандашом и сангиной, сделанные в основном в 1815—1817 гг. и запечатлевшие членов семьи Чернышевых и их близкого окружения (см.: Государственный Исторический музей. Портреты декабристов в собрании музея. М., 1927; Принцева Г. А. Декабристы в изобразительном искусстве. М., 1990). Эти рисунки значительно расширяют декабристскую иконографию. И хотя Александрина Муравьева скептически относилась к таланту Маньяни и просила Е. Ф. Муравьеву в письме от 12 августа 1827 г. не заказывать ему портрета дочери, так как «что бы он ни делал, получается карикатура» (цит. по: Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. 3-е изд., доп.

М., 1988. С. 153), детские портреты самой А. Г. Муравьевой и ее сестер покоряют непосредственностью и обаянием.

Портрет Жуковского, о котором идет речь в стихотворении, остается неизвестным, хотя характер рисунка, возраст портретируемого позволяют высказать предположение, что репродуцируемый в последнее время «Рисунок неизвестного художника» (см.: Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 43; Афанасьев. Вклейка 1, [№ 15]) может быть именно портретом, написанным А. Маньяни в Черни 22 октября 1812 г.

А. Янушкевич

Вождю победителей

Писано после сражения под Красным

Послание

(«О вождь Славян, дерзнут ли робки струны...»)

(С. 245)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 14, л. 119—120 — белой, с заглавием: «К старцу Кутузову».

2) РНБ, оп. 1, № 25, л. 30 об.—31 — черновой, с тем же заглавием.

Впервые: Отд. изд.: В походной тип. штаба Кутузова при главной квартире русской армии, в селе Романове, с указанием: «1812 года. Ноября 10». Не обнаружено. Перепечатано: ВЕ. 1812. Ч. 66. № 21—22. С. 12—15 — с заглавием: «Вождю победителей» и примеч.: «С печатанного в селе Романове 1812 года ноября 10 в походной типографии». В 1813 г. вышло отд. изд.—с заглавием: «К князю Смоленскому» (СПб., 1813).

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Послания») с заглавием: «Вождю победителей» и датой: «1812»; в С 5 ошибочно отнесено к 1811 г.

Датируется: 10 ноября 1812 г.

Стихотворение создавалось по живым впечатлениям поэта. 12 августа 1812 г. Жуковский вступил в Московское ополчение в чине поручика. Вместе со сформированным наскоро мамонтовским полком он 26 августа в день Бородинской битвы находился позади главной армии, в двух верстах от гренадерской дивизии. А. С. Кайсаров, товарищ Жуковского по Университетскому Благородному пансиону, директор полковой типографии, через брата своего, полковника П. С. Кайсарова, отрекомендовал Жуковского фельдмаршалу Кутузову «для лучшего употребления таланта поэта» (Зейдлиц. С. 51; см. также: Лотман Ю. М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958. С. 71—75; Березкина С. В. А. С. Кайсаров и Жуковский в военной типографии при штабе Кутузова // РЛ. 1986. № 1. С. 145). Находясь постоянно в штабе главнокомандующего армиями, Жуковский, «как Тиртей», сопровождал русское войско. Поэт, по свидетельству А. П. Ермолова, помогал Скобелеву писать бюллетени о военных действиях и по своей скромности позволял пользоваться ему незаслуженной славой (Зейдлиц. С. 51—52)

Живое участие в событиях и опыт военных наблюдений явились той почвой, на которой возникли военные стихи 1812—1814 гг. Поэт сам подтверждает это в «Подробном отчете о луне» (1820), где описывает вечер, когда в лагере под Тарутином он вдохновлял бойцов на подвиг:

В рядах отечественной рати,
 Певец, по слуху знавший бой,
 Стоял и с лирой боевой
 И мщенье пел для ратных братий.

Здесь та же лирическая интерпретация батальной темы, что и в произведениях 1812—1814 гг. Образ Кутузова овеян субъективностью поэта, воспевающего в нем и великого «вождя победителей», и мудрого старца, принесшего людям тишину и радость мирного труда.

Сличение рукописных и печатных редакций свидетельствует о том, что сколько-нибудь значительной переработке текст послания не подвергался, однако, как всегда, у Жуковского шла целенаправленная работа над словом в сторону укрупнения патриотического, исторического значения подвига Кутузова. В результате конфликт с Наполеоном приобретает универсально-онтологическое значение и соответственно этому слог стихотворения — поэтико-мифологический характер. Ср.

Беловой автограф	ВЕ	С 5
<i>Как Промысел явился</i>	<i>Как Божий дар...</i>	<i>Посол судьбы, явился ты</i>
<i>ты полкам</i>		<i>полкам...</i>
<i>Сколь Промысл Вышнего</i>		<i>Закон судьбы для нас</i>
<i>неизъясним...</i>		<i>неизъясним...</i>
<i>В стране отцов спокойная</i>		<i>...мирная в отечестве</i>
<i>могила</i>		<i>могила...</i>

Подзаголовок: *Писано после сражения под Красным* — Сражение под Красным, расположенным между Смоленском и Оршей, происходило 3—6 ноября. Видимо, в период с 7 по 10 ноября 1812 г. Жуковский работал над текстом послания.

Ст. 21. *...пески ливийские пылали...* — Имеется в виду египетская экспедиция Наполеона, когда после изнурительного похода по раскаленным пескам Даматургийской пустыни армия Наполеона одержала победу в сражении с мамелюками (21 июля 1796 г.).

Ст. 23. *Вотще враги пучину осождали...* — Речь идет об изобретательном обходе преследующей его эскадры английского адмирала Нельсона в 1798 г.

Ст. 30. *Достойные Арминия сыны...* — Имеются в виду потомки легендарного вождя германского племени херусков Арминия (18—21 до н. э), разгромившего в 9 в. н. э. римскую армию, — германские правители, склонившие голову перед Наполеоном.

Ст. 38. *Уж Росс главу под низкий мир склонил...* Речь идет об унижительном, по мнению Жуковского, для России Тильзитском мире 1807 г.

Ст. 65. *Еще вдали трепещет оттоман...*— Имеются в виду победы Кутузова над турками и заключение мира с Турцией в 1812 г.

Ф. Канунова

⟨**К А. А. Плещееву**⟩

(«Плещеев! сколько сходств с тобою у меня...»)

(С. 248)

Автограф неизвестен.

Копия (ПД, Р. 1, оп. 9, № 21д, л. 1)— рукою не установленного лица.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 113.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии.

Датируется: предположительно 1812—1814 гг.

Более точно датировать текст не представляется возможным. В публикации Н. В. Соловьева он расположен под № 5, вслед за альбомным стихотворением, посвященным А. И. Плещеевой («В час веселый всяк пророк...»; 3 авг. 1812 г.) и перед посланием к А. А. Плещееву «О Негр, чернилами расписанный натурой...», датировка которого также не ясна. По общему тону и настроению примыкает к черненским стихотворениям 1812—1814 гг.

О. Лебедева

1813

К Филону

(«Блажен, о Филон, кто Харитам-богиням жертвы приносит...»)

(С. 249)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 77)— белой.

Впервые: ВЕ. 1813. Ч. 68. № 7—8. Апрель. С. 198—199—с подписью: «В. Ж.»

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Смесь»); в С 1—3 — с подзаголовком: «Из Маттиссона» и датой: «1813» (С 1—2). В С 5 датировано 1809 г., с подзаголовком: «Из Маттиссона».

Датируется: январь-март 1813 г.

Вопрос о времени создания стихотворения остается открытым. В С 5 и «Общем оглавлении» (Матяш. С. 154) оно датировано 1809 г.; в С 1—2—1813 г. Существует еще автограф в альбоме Н. Д. Иванчина-Писарева, с указанием даты: «1819, февр. 9. СПб.» (СИН. 1905. Кн. 10. С. 483). Но это явно запись уже известного опубликованного текста. Время первой публикации и общий контекст рукописи, в которой находится белой автограф, позволяют датировать стихотворение январем-мартом 1813 г. Более вероятно, что и в С 1, появившемся вскоре после первой публикации стихотворения, датировка точнее, чем в С 5.

Это было второе обращение Жуковского к творчеству немецкого поэта Фридриха Маттисона (см. примеч. к стих. «Элизиум»). «К Филону» — перевод стих. Маттисона «Die Grazien» («Грации»).

Более всего в переводе изменилась последняя строфа оригинала. Жуковский заменил Тартар (темную бездну, царство грешников) характеристикой творческого бессилия как наказания за вражду с Харитами и Аполлоном, «богом песнопенья». Изменение названия связано с переакцентировкой темы: в центр выдвигается адресат — любимец граций Филон.

Перевод явился экспериментом в области стиха: «немецкий дольник на русской почве оказался логэдом» (Ж. и русская культура. С. 88).

А. Янушкевич

Светлане

(«Хочешь видеть жребий свой...»)

(С. 249)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 121 об.) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1900. Кн. 3. № 10. С. 194. Публикация И. А. Бычкова по беловому автографу.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: предположительно начало 1813 г.

Традиционная датировка стихотворения 1813 г. (Стихотворения. Т. 1. С. 521; СС 1. Т. 1. С. 436; СС 2. Т. 1. С. 406) представляется верной, хотя может быть уточнена — начало 1813 г. Это уточнение связано с творческой историей баллады «Светлана» и ее публикацией (ВЕ. 1813. Ч. 67. № 1—2. Январь. С. 67—75). Характер строфики, стиха, общее содержание баллады позволяют считать эти две строфы стихотворения «Светлане» эпилогом баллады «Светлана». Автограф стихотворения находится в одной тетради с автографом баллады.

Стихотворение обращено к А. А. Протасовой, которой Жуковский посвятил свою балладу и за которой закрепилось это литературное имя. Предположение комментаторов (см. указ. выше издания) о том, что поводом для написания послужило стремление Жуковского рассеять тревоги и опасения родных, связанные с ее предстоящим замужеством, не имеют реальных оснований. А. Ф. Воейков приехал в имение Протасовых Муратово по приглашению Жуковского в самом конце 1813 г., накануне Нового года, а о его женитьбе на А. А. Протасовой стали говорить лишь в конце марта 1814 г.: 23 марта он был объявлен женихом, а свадьба состоялась 14 июля 1814 г. (см.: РС. 1883. № 1. С. 209—212).

Стихотворение имеет чисто литературный характер и связано прежде всего с текстом баллады, а не с жизненной судьбой А. А. Воейковой — Светланы. Две последние строфы баллады, имеющие характер эпилога и графически отделенные от остального текста, соотносятся с текстом стихотворения «Светлане». Вполне возможно, что, завершая в начале 1813 г. после возвращения из армии 6 января

текст баллады и готовя его к печати в январе-феврале, Жуковский сделал вариант эпилога, который впоследствии отбросил.

А. Янушкевич

⟨К А. А. Плещееву⟩

Два послания Жуковского к А. А. Плещееву по поводу свадьбы гр. Варфоломея Васильевича Толстого (ум. 1838), владельца известного крепостного театра в Царском селе, женившегося в 1813 г. на Анне Петровне Протасовой (1794—1869), племяннице Е. А. Протасовой по мужу, могут быть датированы с достаточной определенностью исходя из возможных сроков свадьбы. Известно, что в декабре 1813 г. у Толстых родилась дочь Анна Варфоломеевна (12. XII. 1813 — 6. XII. 1831 — Черейский. С. 440), следовательно, свадьба должна была состояться в начале 1813 г.— не раньше 6 января (дата возвращения Жуковского в Муратово после кампании 1812 г.), поскольку Жуковский был в числе приглашенных, и не позже 22 февраля (дата начала Великого поста, в течение которого нельзя было венчаться — Пасха в 1813 г. приходилась на 13 апреля). Таким образом, оба послания Жуковского были написаны в этот промежуток времени. Свадьба гр. В. В. Толстого упомянута в письмах-дневниках 1814 г. в связи с визитом Жуковского к Павлу Ивановичу Протасову, дяде А. П. Протасовой-Толстой, который принимал деятельное участие в подготовке свадьбы (Письма-дневники. С. 171).

[1]

(«На бал, обед и ужин...»)

(С. 250)

Автограф (ПД. Р. 1, оп. 9, № 30) — белой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 114—115.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: между 6 января и 22 февраля 1813 г.

В примечании к тексту публикации Н. В. Соловьев приводит надпись на стихотворном послании: «Александр Чернобрывовичу Плещепупову. Красный билет получил — и не еду! Счастливый тебе путь, Плещепупович!»

Ст. 22. *Розина с Альмавивой...* — Имеются в виду персонажи комедии Бомарше «Севильский цирюльник» и одноименной оперы Дж. Паэзиелло (1741—1816). Судя по тексту послания, этот спектакль входил в программу свадебных увеселений. Любопытно, что персонажи Бомарше-Паэзиелло упомянуты в первом лицейском стихотворении А. С. Пушкина «К Наталье», которое традиционно связывается с именем актрисы крепостного театра гр. Толстого и датируется летними месяцами (июнь-июль) 1813 г.: «Иль седым опекуном // Легкой миленькой Розины» (см.: Пушкин А. С. Стихотворения лицейских лет. 1813—1817. СПб., 1994. С. 6, 515—516).

Ст. 23. *Леге и Букильон...* — Кто такой Леге, установить не удалось. Букильон Осип Петрович — француз, управляющий имением Большая Чернь, постоянно

упоминается в шуточных экспромтах Жуковского 1812—1814 гг. (см. примеч. к стих. «De Vouquillion»).

Ст. 27. *Грибы и... Катерина...*—Имеется в виду Е. А. Протасова, которая чрезмерно увлекалась грибами в качестве постной пищи, что неоднократно иронически и неодобрительно отмечено Жуковским, считавшим грибы вредными для ее здоровья. Ср. в стих. «Друзья! Пройдет два дни...»: «И стол, увы! грибовной...», а также в письме к А. Ф. Воейкову от 20 февраля 1814 г. (РА. 1900. Т. 3. № 9. С. 24) и в дневниковой записи от 25—26 февраля 1814 г.: «Говеть не значит: есть грибы, в известные часы класть земные поклоны и тому подобное...» (ПСС. Т. 12. С. 142).

[2]

(«Итак—всему конец?..»)

(С. 251)

Автограф (ПД. Р. 1, оп. 9, № 22)—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 115.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: между 6 января и 22 февраля 1813 г.

Ст. 5—6. *Берешься за Кателя, // За Гайдена, Генделя...*—Катель Шарль-Симон (1773—1830)—французский композитор и музыкальный теоретик, автор учебника гармонии (*Traité d'harmonie*. Р., 1802); в конце 1822 г. Катель вместе с К. А. Кавосом написал музыку к опере-балладе «Светлана, или Сто лет в один день» (либретто по мотивам баллады В. А. Жуковского «Светлана», представлена в Пб. 29 декабря 1822 г.). Гайдн Йозеф (1732—1809)—австрийский композитор, один из основоположников венской классической школы. Гендель Георг Фридрих (1685—1759)—немецкий композитор, тяготевший к синтезу хора и инструментальной музыки.

Ст. 8—16. *И дев двенадцать спящих ~ Ты всех их пробудил...*—Имеется в виду замысел А. А. Плещеева написать музыку к балладе Жуковского «Громобой».

Ст. 47. *Белевский Гиппократ...*—Гиппократ (ок. 460—ок. 370 до н. э.)—греческий врач, основоположник научной медицины. Кого именно из врачей, близких к семейству Протасовых, Жуковский имел в виду, не установлено.

О. Лебедева

⟨Протасовым⟩

(«Друзья! Пройдет два дни...»)

(С. 253)

Автограф (ПД. Р. 1, оп. 9, № 16)—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РБ. 1915. № 1. С. 21. Публикация Н. В. Соловьева.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: между 23 февраля и 13 апреля 1813 г.

Публикуя текст этого послания, Н. В. Соловьев отнес его к весне 1811 г. Такая датировка представляется сомнительной, потому что до начала мая 1811 г. Жуковский был в Москве; кроме того, в послании, адресованном семейству Протасовых, присутствуют строки, обращенные к А. П. Киреевской, которая, судя по тексту послания, тоже находилась в Орле вместе с Протасовыми. Это обстоятельство исключает весну 1811 и 1812 гг.—в это время А. П. Киреевская жила в Долбине, имении ее мужа. Как явствует из мемуаров Т. Толычевой (Е. В. Новосильцевой), записанных со слов самой А. П. Киреевской или кого-то из ее близких родственников, последнюю треть 1812 г., весь 1813 г. и первые месяцы 1814 г. А. П. Киреевская с детьми и сестрами А. П. и Е. П. Юшковыми прожила в Орловской губ., где у В. И. Киреевского было небольшое имение (РА. 1877. Кн. 2. № 7. С. 363—364). В Долбино она вернулась только в апреле 1814 г. (РС. 1883. Т. 37. № 1. С. 199—201), через год с лишним после смерти мужа (В. И. Киреевский умер в ноябре 1812 г., заразившись тифом в военном госпитале Орла). Реалии послания недвусмысленно свидетельствуют о том, что оно написано в период весенней распутицы, а единственная весна, которую А. П. Киреевская прожила вместе с Протасовыми, приходится на 1813 г. Крайние даты написания послания определяются числами, на которые в 1813 г. пришлись начало Великого поста и праздник Пасхи: ст. 30: «*И стол, увь! грибовной...*» (подробнее см. в комментарии к нему) косвенно свидетельствует о том, что послание написано во время Великого поста, т. е. между 23 февраля и 13 апреля 1813 г.

Ст. 18. *Оставьте сей Орел...*—Обстоятельства, при которых все родственники Жуковского оказались в Орле, а он сам остался в Муратове, можно реконструировать из сравнения реалий комментируемого послания с текстами двух стихотворных записок (К. А. А. Плещееву) по поводу свадьбы графа В. В. Толстого. В. В. Толстой, владелец крепостного театра в Царском Селе, женился на А. П. Протасовой, родственнице Протасовых и Плещеевых (подробнее см. комментарий к упомянутым посланиям). Судя по текстам посланий, свадьба была пышная, с балами, концертами и домашними спектаклями, на которые съехались все родственники. Жуковский, тоже получивший приглашение на свадьбу, не смог поехать из-за болезни.

Ст. 23—25. *Колонию веселья ~ Меж дела и безделья!*— ср. в «Стихах, читанных в Муратове на новый 1814 год»: «*Убежище веселья, // Меж дела и безделья // Промчатся годы там*».

Ст. 27. *Единственный Григорий...*—Григорий Дементьевич, управляющий поместьем Муратово.

Ст. 30. *И стол, увь! грибовной...*— Стих косвенно свидетельствует о приуроченности послания к одной из семи недель Великого поста. Известно, что Е. А. Протасова в своих религиозных взглядах отличалась суровостью и формализмом: в дневниковых записях и письмах Жуковского дважды упоминается ее приверженность к грибным блюдам во время поста. В письме А. Ф. Воейкову от 20 февраля 1814 г., сообщая об очередном приступе мигрени у Е. А. Протасовой, Жуковский приписал его «первой неделе поста, которая *comme de raison* [как обычно] снабжала ее желудок грибами, пустыми щами и тому подобным (...)» (РА. 1900. Т. 3. № 9. С. 24; см. также: ПСС. Т. 12. С. 142).

Ст. 34—35. Там Вендрих говорливей; // А Вицмана там нет...— Вендрих Федор Григорьевич (годы жизни неизвестны)— помещик Орловской губ., друг В. И. Киреевского, переводчик и знаток немецкой литературы. В дневниковой записи «Прошедшая жизнь» Жуковский отнес знакомство с Вендрихом к 1805 г. (Дневники. С. 40). См. также письмо Жуковского к Вендриху от 19 декабря 1805 г. (СС 1. Т. 4. С. 558—561); Власов В. А., Назаренко И. И. «Минувших дней очарование...»: В. А. Жуковский в Приокском крае. Тула, 1979. С. 84—86. Вицман — орловский врач, упоминается также в стихотворениях (А. А. Протасовой) «Что делаешь, Сандрок?» и «К Кавелину» («Кавелин, друг, поэт, директор...»).

Ст. 36. Авдотья! Вы Диана!..— Авдотья Петровна Киреевская. Жуковский называет ее Дианой (лат. аналог имени Артемиды, в греч. мифологии богини-охотницы), поскольку далее в послании речь идет об охотничьей собаке, принадлежащей одному из ее домочадцев. Просьба о продаже охотничьей собаки, обращенная к А. П. Киреевской, а не к ее мужу, что было бы уместнее, косвенно подтверждает, что послание было написано после смерти В. И. Киреевского.

Ст. 37. Камкин — Эндимион!..— Камкин Федор Александрович (год рождения неизвестен, ум. в 1815), почтмейстер г. Белева Тульской губ., недалеко от которого находилось поместье Долбино. Жуковский называет Камкина своим «искренним приятелем» в письме к А. И. Тургеневу от сер. августа 1815 г. (ПЖТ. С. 152). Соболезнуя о кончине Камкина, поэт писал родным из Дерпта 2 августа 1815 г.: «еще одним прекрасным, благородным человеком менее в нашем кругу» (РС. 1883. Т. 38. № 4. С. 100. В этой публикации фамилия Камкина прочитана неверно: «Кашкин»). Эндимион — в греч. мифологии прекрасный юноша-охотник, возлюбленный богини луны Селены (в рим. мифологии Диана), которого Зевс погрузил в вечный сон, чтобы сохранить ему бессмертие; ср. следующий ст.: «Он просит не дурмана», намекающий на мифологический сюжет.

О. Лебедева

Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу

(«Откуда ты, эфира житель?..»)

(С. 255)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 106 об.—107)— беловой.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 33)— рукою В. И. Губарева.

Впервые: ВЕ. 1813. Ч. 67. № 3—4. Февраль. С. 209—с подзаголовком: «Подражание Мейстеру».

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Романсы и песни»). В С 1—2—с подзаголовком: «С франц.» и датой: «1813»; в С 3—с заглавием: «Узник к мотыльку (Из Местера)»; в С 5—с заглавием: «Узник к мотыльку (Из Местера)» и датировкой 1810 г.

Датируется: начало 1813 г. на основании контекста автографа в рукописи и времени первой публикации.

Перевод романса французского писателя, ученого, художника гр. Ксавье де Местра «Le prisonnier et le papillon» («Узник и бабочка»).

Граф Ксавье де Местр (1763—1852), младший брат известного французского философа и публициста Жозефа де Местра, французский эмигрант, с 1800 г. жил в России, участвовал в Отечественной войне 1812 г. на стороне русских. Женившись в 1813 г. на Софье Ивановне Загряжской, сестре будущей тещи А. С. Пушкина — Н. И. Гончаровой, и переехав в Петербург в 1816 г., Ксавье де Местр был близок к петербургскому кругу писателей. По словам П. А. Вяземского, он «до самой кончины своей сохранил блеск, живость и свежесть ума и всю прелесть тонкой и добродушной общежительности» (РА. 1868. С. 499).

О знакомстве Жуковского с семейством Местров сохранилось немного сведений. Известно, что он нередко посещал их в Риме в 1833 г. (Дневники. С. 276, 282, 284), где они жили в 1825—1839 гг. После их возвращения в Россию Жуковский был в их петербургском доме (Дневники. С. 510, 514). Поэзия Ксавье де Местра вдохновила Жуковского в 1824 г. на создание одного из лучших его стих. «Мотылек и цветы», своеобразно развивающего лирическую философию «Узника к мотыльку...» В библиотеке поэта сохранилось собрание сочинений Кс. де Местра (*Œuvres complètes du Comte Xavier de Maistre*. P., 1839—см.: Описание. № 1587).

Работая над переводом стихотворения Местра «Узник и бабочка», Жуковский сделал отступления от оригинала. Изменив заглавие, он четче обозначил важную для него «узническую» тему. Появление мотылька в образной системе перевода было связано с «формированием символического языка поэзии Жуковского» (Вацуро. С. 137). В этом отношении характерны существенные изменения в 4-й строфе. В 9-й строфе переводчик ввел понятие «Провидение» и переделал «слезы детства» в «моления сирот».

А. Янушкевич

Государыне Императрице Марии Федоровне

(«Мой слабый дар Царица ободряет...»)

(С. 257)

Автографы:

- 1) РНБ, оп. 1, № 25, л. 35—35 об.— план послания.
- 2) РНБ, оп. 1, № 14, л. 114 об.—115— беловой.
- 3) ПД. Р. 1, оп. 9, № 27 — беловой.

Впервые: ВЕ. 1814. Ч. 73. № 4. Февраль. С. 283—286—с заглавием: «К Е. И. В., Вдовствующей Государыне Императрице Марии Феодоровне» и подписью: «В. Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Послания»). В С 1—3, 5 датировано 1813 г.; в С 5—с заглавием: «К Государыне Императрице Марии Феодоровне».

Датируется: апрель 1813 г.

Время написания послания и его творческая история неразрывно связаны с подготовкой ко 2 изд. «Певца во стане русских воинов». Из письма И. И. Дмитриева к Жуковскому от 20 февраля 1813 г. известно, что «вчера [т. е. 19 февраля] Государыня, вдовствующая Императрица, можно сказать, с восторгом изволила хвалить

ее [речь идет о «Певце...»] и препоручила мне просить вас, чтобы вы прислали ко мне вашу пиесу, переписанною собственной вашей рукою. Она желает сама сделать ей второе издание...» (Сочинения И. И. Дмитриева. СПб., 1893. Т. 2. С. 217).

Вдохновленный этой инициативой императрицы, Жуковский готовит новое изд. «Певца...» (об этом см. примеч. к «Певцу во стане русских воинов») и одновременно решает предпослать ему посвящение, обращенное к имп. Марии Федоровне. Из ее письма к И. И. Дмитриеву от 8 мая 1813 г. явствует, что к этому времени она уже познакомилась с посланием и одобрила его: «(...) я прошу вас изъяснить ему признательность мою и за посвящение,— новый опыт отличного его стихотворного дара показывающее и тронувшее меня чувствительным своим выражением», но согласия на его публикацию в качестве посвящения не дала: «Что же касается до посвящения, то при всей красоте стихотворения, делающего честь автору, предмет и содержание оно не позволяют мне дать согласие мое на издание его в свет» (РА. 1871. № 3. Стб. 421).

Сообщая Жуковскому об этом решении императрицы, И. И. Дмитриев в письме от 22 октября 1813 г. комментирует его так: «Искренне благодарю вас за дружеское письмо и доставление прекрасной вашей дедикации. Желая и советуя вам напечатать ее в Вестнике. Государыня не благоволила позволить ее напечатать при вашем сочинении, единственно из скромности, будучи сама издательницею оного» (Сочинения И. И. Дмитриева. Т. 2. С. 219).

В дальнейшем императрица Мария Федоровна активно участвовала в судьбе Жуковского. Она была одной из первых слушательниц послания «Императору Александру», следствием чего был рескрипт, а затем его официальное представление ко двору (см.: ПЖТ. С. 144, 153). На смерть императрицы в 1828 г. поэт откликнулся прочувствованным стих. «У гроба государыни императрицы Марии Феодоровны».

А. Янушкевич

К Ив. Ив. Дмитриеву

(«Итак — ее уж нет...»)

(С. 260)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 129 об.— 130 об.) — белой.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 26—27) — рукою В. И. Губарева.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Москвитянин. 1852. Т. 6. № 21. С. 6—9.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: апрель — начало мая 1813 г.

Требует уточнения вопрос о датировке послания. При первой публикации в журнале «Москвитянин» стихотворение сопровождалось примечанием: «Редактор получил этот подарок от М. А. Дмитриева при следующей записке: «Вот стихи В. А. Жуковского, нигде не напечатанные и никому не известные. Они написаны были в письме к моему дяде И. И. Дмитриеву, после пожара Москвы 1812 года, в котором сгорел его московский дом, бывший у Харитония, в Огородниках. Посылаю их для Москвитянина» (С. 6). В «Мелочах из запаса моей памяти» М. А. Дмит-

риев уточнял текст своей записки: «Это писано в 1813 году; но относится ко времени, предшествовавшему 1812 году» (Дмитриев М. А. Московские элегии... М., 1985. С. 181). В Т. 12 (С 5), вышедшем уже после смерти поэта, послание напечатано с заглавием: «Отрывок письма к Ивану Ивановичу Дмитриеву» и датируется временем после 1812 г. В С 7—10 напечатано под заглавием: «Отрывок из письма к Ив. Ив. Дмитриеву» и помещено под 1813 г. При этом в С 7 в примечаниях указывается: «Оно писано после оставления Москвы французами, почему и отнесено нами к 1813 г.» (С 7. Т. 1. С. 503)

Данное послание представляет собой фрагмент, взятый из письма Жуковского к Дмитриеву, которое до нас не дошло. Однако сохранились два письма Дмитриева к Жуковскому, на основании которых можно датировать этот стихотворный фрагмент. В письме от 20 февраля 1813 г. из СПб. Дмитриев сообщает Жуковскому: «... я все еще здесь, но часто мысленно гляжу на собственное пепелище, где некогда надеялся

Что солнце дней моих в безмолвии зайдет.

И мой последний взор на друга устремя...» (РА. 1871. № 3. С. 419). В следующем письме от 12 мая 1813 г. Дмитриев пишет: «Примите (...) чувствительную мою благодарность за письмо ваше. (...) Оно живо напомнило мне Москву, друзей моих и приятные часы, проведенные с ними. (...) Р. С. Сердечно благодарю вас (...) и за дань, которую вы вместо меня заплатили незабвенному Козлятеву. Вы знаете, как я любил его и чего мне стоит эта потеря!» (Там же. С. 420). Это последнее письмо Дмитриева и представляет собой, вероятно, ответ на не дошедшее до нас письмо Жуковского со стихами, обращенными к Дмитриеву, и, таким образом, с учетом положения автографа в рукописи может быть датировано апрелем — началом мая (до 12-го) 1813 г. Дмитриев также упоминает об этом письме и послании Жуковского в своих записках: «Поэт Жуковский (...), вспоминая в письме своем ко мне о московском моем домике, сгоревшем в 1812 году, (...) достойно себя и милого Козлятева оплакал его кончину» (Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 158). И далее в примечаниях цитирует фрагмент из этого послания Жуковского, в котором идет речь о Ф. И. Козлятеве (Там же. С. 169—170).

Адресат послания Иван Иванович Дмитриев (1760—1837), известный поэт, виднейший представитель русского сентиментализма, государственный деятель, близкий знакомый Жуковского. После выхода в отставку в 1799 г., которая длилась 6 лет, Дмитриев переезжает из Петербурга в Москву. Здесь, в Москве, вероятно, в 1800 г. и состоялось знакомство Жуковского с Дмитриевым. Об этом можно судить на основании дневниковой записи, рассказывающей о событиях 1800—начала 1801 г. В разделе «Прошедшая жизнь» поэт отмечает: «Знакомство с Дмитриевым. Козлятев. С Карамзиным. Смерть Государя» (Дневники. С. 39). О своем знакомстве с Дмитриевым сообщает в письме к Жуковскому от 11 августа 1800 г. и Андрей Тургенев (Письма Андрея Тургенева. С. 368). См. также упоминание о частом посещении Жуковским Дмитриева в начале 1802 г. в Москве, в его собственном доме, расположенном в приходе Харитония в Огородниках (Дмитриев И. И. Сочинения. СПб., 1895. Т. 2. С. 54). Вероятно, именно об этом доме и идет речь в послании. Кроме того, в письме Андрея Тургенева к Жуковскому от

начала мая 1803 г. читаем: «Ты славно проводишь время твое, и я тебя поздравляю с дружбою и связью с Карамзиным и Дмитриевым» (Письма Андрея Тургенева. С. 425).

Жуковского связывали с Дмитриевым многолетние личные и творческие отношения. Время их наиболее интенсивного общения — 1801—1802 и 1807—1809 гг. Известно, что в библиотеке Жуковского находились собрания сочинений и сборники произведений Дмитриева (см.: БЖ. Ч. 1. С. 27—51). При издании СРС Жуковский включил в него произведения Дмитриева «К Волге», «Послание к Н. М. Карамзину», 17 басен и другие стихотворения (см.: БЖ. Ч. 3. С. 399—409). По просьбе Дмитриева Жуковский держал корректуру третьего издания его сочинений, вышедшего в Москве в 1810 г. (РА. 1900. № 9. С. 8—10). В свою очередь Дмитриев принимал самое живое участие в литературной судьбе Жуковского (см. примеч. к «Песни барда...» и «Певцу во стане русских воинов»).

Жуковский считал Дмитриева одним из своих учителей в поэзии и неоднократно говорил об этом. Так, в 1823 г., посылая Дмитриеву в подарок портрет Гёте, Жуковский писал ему: «Принося вашему высокопревосходительству этот подарок, я некоторым образом плачу долг благодарности: ваши стихи „Размышление по случаю грома“, переведенные из Гёте, были первые, выученные мною наизусть в русском классе, и первые же мною написанные стихи были их подражанием. Итак мне прилично подарить вас портретом Гёте. *Вы мой учитель*» (РА. 1866. № 12, Стб. 1632—1633). Работая в 1826—1827 гг. над «Конспектом по истории русской литературы», поэт писал о Дмитриеве: «Вкус, свойственный Карамзину в прозе, является свойством Дмитриева в стихах. (...) Как и Карамзин, он показал тайну употребления слова в прямом значении без ущерба для поэтической свободы выражения» (Эстетика и критика. С. 322). В 1837 г., посылая Дмитриеву (незадолго до его смерти) экземпляр нового издания своих сочинений и стихотворную повесть «Ундина», Жуковский писал: «Прошу учителя принять благосклонно приношение ученика» (РА. 1866. № 12. Стб. 1641).

Ст. 7—9. *Мечтал закатом дней ~ И с жизнью проститься...*—Эти строки являются откликом на стихи Дмитриева: «Где солнце дней моих в безмолвьи закатится, // И мой последний взор на друга устремится...», взятые из его послания «К друзьям моим по случаю первого свидания с ними после моей отставки из обер-прокуроров Пр. (авительствующего) сената» (1800) и включенные в несколько измененном виде в письмо Дмитриева к Жуковскому от 20 февраля 1813 г. (см. выше).

Ст. 16. *И «с сердцем на руке»...*—Реминисценция из стихотворения Дмитриева «К друзьям моим...»: «Где сердце на руке, где разум не язвит...» К этому стиху Дмитриев дал следующее примечание: «Древние представляли дружбу в образе женщины, держащей на ладони сердце» (Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1967. С. 155). Позднее эти слова для характеристики Жуковского использует К. Н. Батюшков в письме к Н. И. Гнедичу от 17 марта 1810 г.: «...Жуковский истинно с дарованием, мил, любезен и добр. У него сердце на ладони» (Батюшков. Т. 2. С. 124).

Ст. 36. *И Пушкина стихам!..*—Имеется в виду В. А. Пушкин.

Ст. 38—39. *Сей тенью Карамзин, // Наш Ливий-Славянин...*—Ливий Тит (59 до н. э.—17 н. э.)—древнеримский историк, автор многотомной «Римской истории».

Карамзин уподобляется ему как автор «Истории Государства Российского», в предисловии которой он писал о Ливии-историке: «Никто не превзошел Ливия в красоте повествования» (Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 19).

Ст. 46—47. *С поднятыми перстами, // Со пламенем в очах...*—Комментируя этот портрет Карамзина, М. А. Дмитриев в своих воспоминаниях замечал: «Я видал Карамзина в этом виде: с поднятыми перстами и с пламенем в очах. Изображение очень верное» (Дмитриев М. А. Московские элегии... С. 182).

Ст. 48. *Под серым юберфроком...*—От нем. der Übergock—сюртук, точнее, военный сюртук (см.: Дмитриев М. А. Московские элегии... С. 289).

Ст. 53—82. *И наш мудрец смиренный ~ Хранит воспоминанье!..*—Эти стихи посвящены памяти умершего в 1808 г. Федора Ильича Козлятева, генерал-майора, близкого друга Дмитриева и Карамзина и знакомого Жуковского. Ср.: «... это было эпохой, с которой я начал выбираться на прямой путь словесности. (...) Одна беседа с Козлятевым уже была для меня училищем изящного и вкуса» (Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. С. 47—48).

Ст. 87—95. *Ни доброго Сократа ~ Делил уединенье!..*—Здесь, по-видимому, дается описание московского сада Дмитриева (подробнее см.: письмо Жуковского к Дмитриеву от 10 марта 1810 г.—РА. 1900. № 9. С. 8). Сократ (470 или 469 до н. э.—399 до н. э.)—известный древнегреческий философ.

И. Поплавская

Уединение

(Отрывок)

(«Дружись с Уединеньем...»)

(С. 262)

Автограф (РНБ, оп 1, № 14, л. 129—129 об.)—беловой.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 28—29)—рукою В. И. Губарева, с поправками Жуковского.

Впервые: С 1. Ч. 2. С. 79—82.

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Смесь»); в С 1—3 датировано 1813 г., С 5—с заглавием: «Уединение. Отрывок» и датой: «1810».

Датируется: предположительно конец апреля—начало мая 1813 г.

В список задуманных сочинений, относящийся к 1805 г., накануне лирического взрыва 1806 г., Жуковский включает элегию под заглавием: «Уединение» (РНБ, оп. 1, № 79, л. 8). В этом же списке находим «Послание к Дмитриеву о моем уединении» и статью «О уединении и общественной жизни писателя» (Там же).

Рудименты всех этих замыслов можно обнаружить уже в творчестве Жуковского 1805—1806 гг. Мотив блаженного уединения прозвучит и в переводе «Опустевшей деревни» Голдсмита («О, дни преклонные в тени уединенья!..»), и в вольной интерпретации басни Лафонтена «Сон Могольца» («Страна, где я расцвел в тени уединенья...»). В статье «Писатель в обществе» (ВЕ. 1808. Ч. 42. № 22. С. 118—135) он создает гимн уединению: «Обязанность писателя привязывает его

к уединенному кабинету (...) Уединение делает писателя глубокомысленным (...) неприятность играемой в обществе роли прилепляет его час от часу более к уединению (...) вселенная, со всеми ее радостями, должна быть заключена в той мирной обители, где он мыслит и где он любит» (Эстетика и критика. С. 170, 171, 174, 176). «Уединение пусть будет главным театром его [писателя] действий, когда желает произвести нечто полезное для общества» (Там же. С. 165),— решительно заявляет Жуковский в своей программной статье «Письмо из уезда к издателю», открывающей 1-й номер ВЕ за 1808 г. Примеры подобных рассуждений многочисленны: В «Дневнике» (запись от 21 июля 1805 г.) он подробно развивает эти идеи в связи с чтением сочинения немецкого «практического философа» Х. Гарве «Об уединении и обществе» (Дневник. С. 22—24), в письме к А. И. Тургеневу от 8 января 1806 г. говорит о пользе уединения для творчества и прославляет Ж. Ж. Руссо, который «жил всегда в уединении» (ПЖТ. С. 22). «Уединение содействовало пробуждению музыки Жуковского» (Резанов. Вып. 2. С. 317),— констатирует исследователь, говоря о творческой плодовитости поэта в период белевского уединения 1806 г. Одним словом, философия уединения определяет мирозерцание поэта и его творческое развитие на протяжении длительного периода, с 1805 по 1813 гг.

В послании «К Ив. Ив. Дмитриеву»(1813), говоря о гибели «пристани спокойной», московского дома Дмитриева, в пожаре 1812 г., Жуковский вспоминает о времени, когда «... эгоист спокойный, // Под тенью в полдень знойный, // С подрукою мечтой // Делил уединенье...» Это послание, созданное в апреле—начале мая 1813 г., находится в рукописи (см. автограф) непосредственно за «Уединением», а в копии—перед ним, и по своему общему пафосу, характеру стиха (трехстопный ямб) не просто соотносится с ним, составляя как бы поэтическую дилогию под заглавием «Послание к Дмитриеву о моем уединении», но и является реализацией давнего замысла (см. выше список задуманных сочинений).

Это соображение подкрепляется и подзаголовком «Отрывок», которым Жуковский сопроводил стихотворение при первой публикации и сохранил во всех прижизненных изданиях. Показательно, что в С 4 вслед за стих. «Уединение. Отрывок» идет послание «К Ив. Ив. Дмитриеву», написанное в 1831 г.

Сам характер текста, насыщенного необычным даже для Жуковского количеством слов-курсивов: «уединение», «страх», «молчание», «мечтанье», «скука», «тишина», «хариты», «аониды», «наука», «труд», «отдых» и т. д., позволяет говорить о стих. «Уединение» как о программном, своеобразном поэтическом итоге его философии уединения.

Ст. 65—67. *Вчера—воспоминанье, // И Ныне—тишина, // И Завтра—упование...*—Ср. со стих. «Моя тайна» (1805):

Вам чудно, отчего во всю я жизнь мою
Так весел? Вот секрет *вчера* дарю забвенью,
Покою — *ныне* отдаю,
А *завтра* — Провиденью!

А. Янушкевич

⟨К А. А. Плещееву⟩

«Друг милый мой...»)

(С. 264)

Автограф (ПД. Р. 1, оп. 9, № 15)—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 111—112.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: апрель-май 1813 г. (обоснование см. ниже).

Основанием для датировки послания служат ст. 42—44: «И твой пиит ~ Не капитан...», где упомянут военный чин, с которым Жуковский вышел в отставку: штабс-капитан. О производстве в чин Жуковский сообщал в письме А. И. Тургеневу от 9 апреля 1813 г.: «... Теперь остаюсь в нерешимости: ехать ли назад или остаться? Мне дали чин и *наверное* обещали Анну на шею, если я пробуду еще месяц» (ПЖТ. С. 98). О твердом намерении уйти в отставку и об окончании военной службы Жуковский писал Тургеневу 9 мая 1813.: «... я очень рад, что еще отселе не уехал: милиция наша распущена, и мне надобно скидывать мундир» (ПЖТ. С. 99) и в июле 1813 г.: «О службе моей, кажется, могу сказать, что она кончилась; полк мой будет к концу августа в Москве, где и распустится» (Там же. С. 103).

Ст. 3. *Гали-Матвей!*..—Каламбур, образованный из имени слуги А. А. Плещеева Матвея и слова «галиматья», которым Плещеев и Жуковский называли свои шуточные стихи. Вероятно, послание Жуковского написано в ответ на стихи Плещеева, переданные ему с Матвеем. Известно о написании около 1815 г. А. А. Плещеевым комической оперы «Galimathias» по мотивам водевиля М.-А. Дезожье «Je fais mes farces» («Я проказничаю»), которая в 1819 г. была даже поставлена в Пб. французской оперной труппой (см.: Глузов А. И. Судьба Плещеевых. М., 1982. С. 208, 239—факсимиле титульного листа партитуры). Само слово «галиматья» восходит к средневековой латыни: «ballimathea» — неприличная, безнравственная речь. В старофранцузском «galimafrée» и староанглийском «gallimafray» — кушанье, смешанное из разных остатков и обрезков. По поводу происхождения более современного значения слова «галиматья» — бессмыслица, чепуха — существуют две апокрифические версии. Одна из них приписывает возникновение слова «галиматья» со значением «путаница» ошибкам некоего французского адвоката, выступавшего в процессе о краже петуха у некоего Матвея (Mathieu) в латинских грамматических формах: «gallus Mathiae» — «петух Матвея» и «galli Mathias» — «Матвей петуха». Другая версия связывает слово «галиматья» с именем легендарного парижского врача Гали Матье, который лечил своих пациентов смехом и вызывал его анекдотами и бессмысленной болтовней. Судя по тому, что далее в послании Жуковский уподобляет свои стихи лекарству (ср. ст. 21—25: «Чтоб я лечил ~ Бессонных род», ему была известна именно эта версия возникновения слова «галиматья».

Ст. 9. *Гали-Максим.*— Еще один каламбур от слова «галиматья» и имени слуги Жуковского Максим (см. примеч. к стих. «Максим»), с которым Жуковский отправил Плещееву это послание.

Ст. 12. *На двух стопах...*— Здесь обозначен метр даншого послания — двухстопный ямб.

Ст. 28. *Что апплике...*— От фр. l'appliqué — накладка, накладное серебро. Этот и следующие стихи — образец галиматьи.

Ст. 32. *...Мовильон...*— Имеется в виду Осип Букильон, управляющий А. А. Плещеева. И. М. Семенко видит в этом антропониме каламбур на основе имени управляющего и слов: «mauvais» (плохой), «mauviette» (тщедушный человечек) и «bouquin» (старый козел, заяц). См.: СС 2. Т. 1. С. 426.

Ст. 38. *Меркурий твой...*— Меркурий в греческой мифологии — вестник богов (греч. имя — Гермес); здесь — посланный Плещеева.

О. Лебедева

К Плещееву

(«Напрасно я, друг милый, говорил...»)

(С. 266)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 121) — белой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 38

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: начало 1813 г.

Стихотворение датируется 1813 г. на основании расположения в рукописи. Вероятно, оно было создано вскоре после возвращения Жуковского 6 января 1813 г. в Муратово. Это четверостишие своеобразная реплика к известному «Посланию к Плещееву. В день Светлого Воскресения», написанному 21 апреля 1812 г. Ср.: ст. 194 «Послания...»: «Растает враг, как хрупкий вешний лед!..» и ст. 4 «К Плещееву»: «Ведь не растаял он — застыл». Здесь идет речь о событиях, связанных с наполеоновской кампанией. Изгнание французской армии из пределов России зимой 1812 г. (в декабре) определяет своеобразный каламбурный характер реплики. Стихотворение является продолжением прервавшейся стихотворной переписки Жуковского и Плещеева, «двух поэтов на двух языках» (см. примеч. к «Посланию...»).

И. Потлавская

Рай

(«Есть старинное преданье...»)

(С. 266)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 121) — белой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 37 (ст. 1—10)

Впервые полностью: РА. 1900. Кн. 3. № 10. С. 196.

Печатается по тексту РА, со сверкой по автографу.

Датируется: начало 1813 г.

По положению автографа в рукописи и содержанию стихотворение относится к началу 1813 г. После возвращения Жуковского из действующей армии 6 января 1813 г. он воспринимает окружающую жизнь в Муратове как своеобразный остров надежды. Стихотворение «Рай» отражает новые иллюзии поэта.

Общеэстетическая проблематика в житнетворчестве Жуковского приобретает символический характер. «Старинное предание», восходящее к библейской легенде о сотворении мира, приобретает у него одновременно и бытовой характер. Рай, «трех ангелов обитель» для Жуковского — это прежде всего Муратово и его обитатели — Е. А. Протасова и ее две дочери. Ср.: «Аркадии ты нам милее, // В тебе и тихо и светло, // В тебе веселье веселее, // Муратово — село». И позднее, вспоминая о днях молодости, Жуковский замечал: «Муратово — это место, где протекал мой золотой век» (С. 7. Т. 6. С. 513—514). Образ «двух ангелов прелестных» возникает и в стих. «Добрая мать», адресованном к Е. А. Протасовой. Атмосфера муратовских шуточных изданий, жизни в доме Протасовых, наконец, любовь к Маше — все это вдохновляло Жуковского в первой половине 1813 г. и вселяло надежды на продолжение «райской жизни». В этом смысле стих. «Рай» соотносится с другими произведениями этого периода — «Обет», «Первое июня 1813» и др.

И. Поплавская

Обет

(«Путь жизни мне открыт...»)

(С. 267)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 124) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 38 (ст. 1—8)

Впервые полностью: РА. 1900. Кн. 3. № 10. С. 195.

Печатается по тексту РА, со сверкой по автографу.

Датируется: первая половина 1813 г.

По расположению автографа в рукописи и по содержанию стихотворение при-
мыкает к другим произведениям, написанным в первой половине 1813 г. и отра-
жает историю отношений Жуковского с семейством Протасовых.

И. Поплавская

Первое июня 1813

(«Вспомни, вспомни, друг мой милой...»)

(С. 268)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 124) — беловой, с заглавием: «Первое июня 1813».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 39 (первая строфа).

Впервые полностью: ПСС. Т. 2. С. 34.

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: 1 июня 1813 г.

По всей вероятности, стихотворение обращено к М. А. Протасовой. Дата создания, вынесенная в заглавие, определяет «память сердца» — воспоминание о 1 июня 1812 г.

1 июня — день рождения А. А. Плещеева, обычно торжественно отмечаемый в Черни. Но в истории отношений Жуковского с Машей Протасовой этот день имел и какой-то другой смысл. В письме к А. П. Киреевской из Дерпта от 1 июня 1815 г. Маша, в частности, сообщает: «Сегодня, 1 июня, может быть, ты вместе с моими милыми Плещеевыми, и вы все думаете часто об нас — Бог с вами, мои голубчики!» (УС. С. 146). «1 июня» в письме выделено курсивом, что позволяет предполагать его особое значение. Во всяком случае, накануне скандала и решительного отказа Е. А. Протасовой, последовавших 3 августа 1812 г. (см. примеч. к «Пловцу»), этот день ретроспективно осмыслялся как день радости и надежды. Вероятно, в этот день произошло объяснение в любви Жуковского и Маши. Последовавшие события и в личной биографии поэта, и в судьбе России воспринимаются как «тяжкий сон».

А. Янушкевич

**Нина к супругу
в день его рождения**
(«Друг, соратник и хранитель!..»)
(С. 269)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 120) — белой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 10. С. 991.

Печатается по С 10, со сверкой по автографу.

Датируется: 1 июня 1813 г.

Как и стихотворение «Нина к своему супругу в день его рождения» («Друг! в тот миг, как из безвестной...» — см. примеч.), данное стихотворение написано от имени А. И. Плещеевой, намеревавшейся, судя по тексту, присовокупить его к подарку в виде кубка, предназначенного А. А. Плещееву.

День рождения Плещеева — 1 июня — позволяет достаточно определенно датировать этот текст, относящийся к 1813 г., по расположению автографа в рукописи. Как и предыдущее, написанное ко дню рождения в 1812 г., данное послание создавалось «на случай», и с формальной точки зрения они очень похожи. Оба написаны восьмистишиями четырехстопного хорея с многочисленными пиррихиями (преимущественно в третьей стопе), с перекрестной рифмой и чередованием женской и мужской клаузул. В первом случае в стихотворении 4 строфы, во втором — 5. Появление дополнительной строфы формально мотивировано самим поводом написания — подарком, который должен передать виновнику торжества всю полноту чувства дарителя: «Что вкушала, что вкушаю // И надежды бытия...»

Но именно в этой, принципиально заданной обобщенности чувства и состоит отличие данного послания от предшествующего. Если в первом стихотворении обращение Нины к супругу звучало просто: «Друг!», то теперь оно расширяется,

вбирая в себя лексику некоторых других стихотворных обращений поэта: «Друг, сопутник и хранитель!», что сразу вызывает в памяти известные строки: «Мой друг, хранитель-ангел мой...», обращенные к М. А. Протасовой, а для современного читателя и более позднее — «О милых спутниках, которые наш свет...»

Если каждая строфа предыдущего послания говорила об этапах, пройденных душой героини до мгновения осознания высшего счастья, о прошлом и настоящем, последовательно завершаясь строками: «Вся природа расцвела» — «Все жила надежда в ней» — «Но я верила душой!» — «Счастье мое священно! // Плод твоей любви оно», то в стихотворении 1813 г. поэт как бы пытается заглянуть в будущее и включает в текст графически выделенные слова: «*прошло*», «*теперь*», «*грядущее*», как семь лет назад подчеркивал в «Моей тайне»: «вчера», «ныне» и «завтра». Однако если в «Моей тайне» эта триада, как ему казалось, была во многом подвластна его желанию («дарю», «отдаю»), то теперь она определяется «пристрастным Провиденьем» и «ниспослана Творцом». Все прошедшее не забыто, оно «...промчалось, // Как один веселый час», «теперь» связано лишь с «бесценным другом»: «Все, что есть, что будет, было — // Все к тебе и всюду ты!», а «завтра» еще не ясно и неопределенно, а потому — «Я молюсь, чтобы Небесный // Ничего не изменил, // И протекши дни прелестны // В днях грядущих обновил».

Однако изменения надвигались. Это ощущал поэт. Его чувства к Маше ни для кого уже не были тайной, но видеться, разговаривать с ней становилось все труднее из-за постоянного надзора Екатерины Афанасьевны, и поэт использует любой повод, чтобы опосредованно, в лирическом излиянии выразить свою любовь. В этом смысле послание Нины (тем более что в раннем творчестве под этим литературным именем выступала Маша Протасова) имело и автобиографический, и автопсихологический характер.

Н. Реморова

Путешествие жизни

(«Что, когда б одни влачили...»)

(С. 270)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 124 об.) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 2. С. 34.

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: предположительно июнь 1813 г.

По расположению в рукописи (непосредственно за автографом стих. «Первое июня 1813») «Путешествие жизни» может быть отнесено к июню 1813 г. Общее настроение стихотворения перекликается с размышлениями Жуковского этого времени о «пути счастья», о «пользе терпения», о «священном мысе Дружбы» и «алтаре Любви» (см.: Веселовский. С. 134—135). Заглавие стихотворения и его пафос предвосхищают такие образцы русской элегии, как «Дорога жизни» Е. А. Баратынского и «Телега жизни» А. С. Пушкина.

А. Янушкевич

⟨К А. А. Протасовой⟩
(«Лишь я глаза открыл...»)
(С. 271)

Автограф (ПД. Р. 1, оп. 9, № 26)—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РБ. 1915. № 1. С. 33—34. Публикация Н. В. Соловьева.

Печатается по тексту РБ, со сверкой по автографу.

Датируется: конец июля 1813 г.

Стихотворное послание Жуковского, адресованное А. А. Протасовой, отправлено из Муратова в Чернь, где она гостила у Плещеевых. Год создания определяется упоминанием имени генерала Бонами в ст. 37—40 (подробнее см. ниже); месяц — по упоминанию дня рождения А. И. Плещеевой (3 августа) в ст. 52—54.

Ст. 30. *Табачною папушей...*— «Папуха, папуша, папушка—связка сухих, широких листьев, особенно табачных» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 3. С. 17).

Ст. 35. *И в шахматы играй!..*— О том, что А. А. Протасова была хорошей шахматисткой, свидетельствуют и два стихотворных экспромта А. Ф. Воейкова: «К Александре Андреевне, победительнице в шахматной игре» и «К Александре Андреевне Протасовой» («Несходно с вами мне играть, боюсь...», опубликованные П. И. Бартеневым (РА. 1912. Кн. 1. № 3. С. 415—416).

Ст. 37—40. *Ты матов Бонами ~ Стал бедным решетом...*— Бонами Шарль Огюст (ум. 1830)—французский генерал, взятый в плен при Бородине и во время атаки на батарею Раевского получивший множество штыковых ранений. Бонами упомянут в воспоминаниях А. П. Ермолова (Ермолов А. П. Записки. 1798—1826. М., 1991. С. 191), который отбивал захваченную корпусом Бонами батарею. Ермолов распорядился отправить Бонами в Орел. Дальнейший его маршрут может быть отчасти восстановлен по мемуарам доктора Раймонда Фора, который встретился с Бонами в Рязани между 15 и 20 ноября 1812 г. и остался там, чтобы ухаживать за израненным генералом. 12 февраля 1813 г. Фор и Бонами были эвакуированы в Орел, куда и прибыли 27 февраля 1813 г. (см.: Faure M.-R. Souvenirs du Nord, ou la Guerre; La Russie et les Russes, ou l'Esclavage. P., 1821. P. 79—80, 84—88).

9 мая 1813 г. Жуковский просил А. И. Тургенева выхлопотать у военного министра разрешение для Бонами остаться в Орле: «Здесь в Орле есть пленный генерал Бонами, храбрый и благородный человек. Я видел его после Можайского сражения, с десятью или и более ран, сделанных штыком (...). Очень бы я желал, чтобы можно было помочь этому хорошему человеку, умному и храброму» (ПЖТ. С. 99). См. также: РА. 1877. Кн. 2. № 7. С. 365.

Ст. 50—51. *Прошу тебя при том // Сказать твоей хозяйке...*— Жуковский имеет в виду А. И. Плещееву, день рождения которой — 3 августа — был почти что семейным праздником в родственном окружении Жуковского.

Ст. 55. *А тетушке Елене...*— Елена Ивановна Протасова, сестра А. И. Протасова, отца Саши.

Ст. 82—83. *Чтоб экземпляр баллады // Капустной написать...*— Е. И. Протасовой посвящена пародийная баллада «Елена Ивановна, или Дружба, нетерпение и капуста. Греческая баллада...» (см. примеч. в наст. изд.).

О. Лебедева

〈К Н. П. Свечину〉
(«Сам Бог тебе порука...»)
(С. 273)

Автограф неизвестен.

Копия (ПД. Р. 1, оп. 9, № 56)—рукою А. П. Юшковой (Зонтаг).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 118.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по рукописи.

Датируется: после июня 1813 г. (обоснование см. ниже).

Адресат стихотворения Жуковского определяется предположительно из ее контекста: записка обращена от штабс-капитана (чин, с которым Жуковский вышел в отставку) к полковнику (ст. 7—8). В ближайшем тульско-орловском дружеском и родственном окружении Жуковского чин полковника имел Николай Петрович Свечин (о нем подробнее см. в примеч. к стих. «Записка к Свечину»), муж племянницы Жуковского Марии Николаевны Вельяминовой. Кампанию 1812 г. Свечин закончил в чине полковника Московского ополчения, таким образом, Жуковский служил под его началом. Свечин вышел в отставку в июне 1813 г. (ср. ст. 11: «Давно ль ты из-под шлема?»)

Ст. 2—5. *Что я, мой друг, не внука ~ Портрет отдам Сергею!..*—О чьих портретах идет речь в записке и кто такой Сергей, установить не удалось. Возможно, речь идет о семействе Соковниных и Сергее Соковнине.

О. Лебедева

Песня матери над колыбелью сына
(«Засни, дитя! спи, ангел мой...»)
(С. 274)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 14, л. 101 об.—102 об.—беловой.

2) ПД. Р. 1, оп. 9, № 19, л. 1—беловой (ст. 1—8).

Впервые: ВЕ. 1813. Ч. 69. № 11—12. Июнь. С. 185—187—с подписью: «В. Ж.»

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: первая половина 1813 г.

Имелся еще один автограф стихотворения, на который указывает Ц. С. Вольпе: «...в ПД из шкафа № 7» (Стихотворения. Т. 1. С. 375). Возможно о нем же, но как о копии рукою А. А. Воейковой из собрания Н. А. Бреверн де ла Гарди говорит Н. В. Соловьев (Т. 2. С. 128—129). Обнаружить его не удалось.

Перевод романса «*Plaints d'une femme abandonnée par son amant*» («Жалобы женщины, покинутой ее возлюбленным») французского поэта Арно Беркена (1749—1791), которого называли «французским Гесснером» за его увлечение жанром идиллии. Беркен также был известен как детский писатель. Одно из его педагогических сочинений было в библиотеке Жуковского: «*L'ami des enfants et des adolescents*» (Р., 1845; Описание. № 647) и, видимо, было связано с воспитанием собственных детей.

Жуковский познакомился с его сочинениями еще в пансионе, как по «*Детскому чтению...*» Н. И. Новикова, так и по участию в инсценировке его пьес (РВ. 1875. Май. С. 116). Стихотворение «Жалобы женщины...», как установлено Ц. С. Вольпе, было напечатано Беркеном сначала в «*Almanach des Muses*» за 1776 г. (Р., 1777. Р. 139) с приложением нот и сразу же стало популярным романсом. Но Жуковский перевел романс не по этому изданию, а по собранию сочинений Беркена, где к заглавию было прибавлено: «У колыбели ребенка» (*Œuvres complètes de Berquin*. Р., 1803. Т. 14. Р. 155 — см.: Стихотворения. Т. 1. С. 375).

Жуковский при переводе меняет интонацию и ритмику стиха оригинала. Создавая «песню матери», он добивается более страстного выражения чувства через внесение в текст своих любимых эпитетов и слов-символов, имеющих автопсихологический подтекст: «сладкий», «пустыня», «надежда», «хранитель», «утешитель», «жертвы рока» и т. д.

В литературе указывалось на определенную связь с переводом Жуковского романса юного Пушкина «Под вечер, осенью ненастной» (1814). См.: Владимиров П. В. А. С. Пушкин и его предшественники в русской литературе // Сб. Университета св. Владимира: Памяти Пушкина. Киев, 1899. С. 62—63, а также: А. С. Пушкин. Стихотворения лицейских лет. 1813—1817. СПб., 1994. С. 555.

А. Янушкевич

Плещепупу

(«Есть ли же толк?..»)

(С. 276)

Автограф неизвестен.

Копия (ПД. № 27. 795 / СХСVIII.6.66, л. 2—3 об.) — рукою М. А. Протасовой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Гофман. С. 94—97.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по рукописи.

Датируется: первая половина 1813 г.

Датировка послания предположительная. В тетради выписок М. А. Протасовой из альбомов Плещеевых и А. А. Воейковой, где находится копия послания, его тексту предшествует датированная 1812 г. стихотворная записка «К Плещееву» («Ты, Плещепуп...»), а на следующих после комментируемого послания листах записаны копии четырех альбомных стихотворений, относящихся к январю 1814 г. (см. «Стихи из альбомов» в наст. изд.). В пользу датировки послания 1813 г. можно привести следующие аргументы. Во-первых, Жуковский обращает-

ся к А. А. Плещееву с просьбой передать ему две книги: «Поэтическое искусство» Буало и «Словарь французской академии», причем из контекста послания ясно, что они понадобились ему в связи с каким-то стихотворным переводом с французского языка. За 1811—1812 г. известен только один перевод Жуковского из французской поэзии — романс «Цветок» («Минутная краса полей...») из Мильвуа. Вряд ли справка по французской версификации и академический словарь могли понадобиться поэту для этого перевода. В первой же половине 1813 г. Жуковский перевел три стихотворения с французского: «Узник к мотыльку...», «Эпимесид» и «Песня матери...» В самом начале 1813 г. у него возникает замысел перевода сложного стихотворения Л. Фонтана «Библия», о чем свидетельствует записанный его рукою в альбоме М. А. Протасовой в феврале 1813 г. французский текст этого произведения (см. примеч. к стих. «Библия»). Во-вторых, на мысль о 1813 г. наводит актуальность военных профессионализмов, которые были слишком свежи в памяти Жуковского после недавней военной службы, в тексте послания: «Гром-капитан // Роты певцов...», «Штык наводил // Страшных сатир...» и т. д., а также четкий четырехтактный маршевый ритм послания, написанного уникальным для Жуковского метром — сочетанием хорейческой и ямбической стоп в каждом стихе.

Ст. 28—29. *Сам позовай, // Слушая вздор...*— Ср. в послании к Плещееву («Друг милый мой...») 1813 г.: «Мои стихи (<...>) // К тебе придут // И принесут // Приятный сон...»

Ст. 37. *Есть Буало...*— Буало-Депрео Никола (1636—1711)— французский поэт, прославившийся своими сатирами, и теоретик литературы, автор эстетического трактата в стихотворной форме «Поэтическое искусство». Имя Буало и название его трактата периодически встречаются в списках произведений для чтения, конспектирования и перевода, которые Жуковский составлял в 1800—1810-х гг. (Резанов. Вып. 2. С. 246, 257; Дневники. С. 49).

Ст. 51. *Нужен тот том...*— К этому стиху Жуковский сделал примечание: «Art poétique для желудка», имея в виду «Поэтическое искусство» Буало.

Ст. 67. *Злого коня...*— Имеется в виду мифологический крылатый конь Пегас, символ поэтического вдохновения.

Ст. 69—71. *Свой Буало ~ Стереотип...*— В составе библиотеки Жуковского сохранилось два издания сочинений Буало: Voileau-Despréaux N. Art poétique et poésies diverses. P., s. a. (Bibliothèque pour tout le monde; Описание. № 700). Скорее всего, называя свое издание «стереотипным», Жуковский имел в виду именно это, поскольку оно было популярным и массовым. Другое изд.— более позднее: Œuvres de Voileau-Despréaux / Avec un nouveau commentaire par M. Amar. T. 1—4. P., 1821 (Описание. № 2586).

Ст. 72. *Я не Эдип!..*— Имеется в виду один из эпизодов греческого мифа об Эдипе — Эдип, разгадывающий загадку Сфинкса.

Ст. 82—84. *Тот лексикон ~ Обществом муз...*— К ст. 84 Жуковский сделал примечание: «Dictionnaire de l'Académie française» («Словарь французской академии»). Этот словарь внесен Жуковским в «Роспись во всяком роде лучших книг и сочинений, из которых большей части должно сделать экстракты» (Резанов. Вып. 2. С. 244).

Ст. 114. *Анне твоей...*— Т. е. Анне Ивановне, жене А. А. Плещеева.

О. Лебедева

К А. П. К. (Киреевской)
в день рождения Маши
(«Вотще, вотще невинной красотой...»)
(С. 279)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 123 об.) — белой, с заглавием: «К А. П. К. в день рождения Маши».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 38 (ст. 1—4).

Впервые полностью: С 10. С. 991—992.

Печатается по тексту С 10, со сверкой по автографу.

Датируется: 8 августа 1813 г.

Дата создания стихотворения определяется временем смерти В. И. Киреевского (1 ноября 1812 г.) и днем рождения младшей дочери А. П. Киреевской от первого брака — 8 августа 1811 г. Авдотья Петровна Киреевская (урожд. Юшкова, во втором браке Елагина; 1789—1877), племянница Жуковского, переводчица, хозяйка литературного салона, мать И. В. и П. В. Киреевских.

Рано потеряв мать, А. П. Киреевская воспитывалась в доме своей бабушки, М. Г. Буниной, рядом с Жуковским, кумиром и наставником ее и ее сестер. Взаимная духовная близость и теплые родственно-дружеские отношения между Жуковским и А. П. Киреевской сохранились на всю жизнь. Особенно близкой их дружба сделалась в 1813—1814 гг., когда А. П. Киреевская, решительно став на сторону Жуковского и М. А. Протасовой, приняла самое деятельное участие в их судьбе — вплоть до того, что обещала Е. А. Протасовой взять на себя «грех» родственного брака и уйти в монастырь отмаливать его (УС. С. 290—291). Вторую половину 1814 г., когда отношения Жуковского с Е. А. Протасовой особенно обострились, поэт нашел приют в Долбине, имении А. П. Киреевской. Долбинская осень ознаменовалась в творческой биографии Жуковского невиданным взлетом поэтического вдохновения; переписка Жуковского и Киреевской, длившаяся около полувека, является ценнейшим документом для изучения биографии и творчества поэта (наиболее значительные подборки этой переписки см.: РС. 1883. Т. 37—40. № 1—10; УС. С. 7—87; РБ. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 89—130).

Стихотворение написано в тяжелый момент жизни А. П. Киреевской. Смерть мужа глубоко ее потрясла. Письма Жуковского 1813 — начала 1814 гг., адресованные ей, свидетельствуют о беспокойстве поэта по поводу душевного состояния его племянницы, оставшейся с тремя маленькими детьми. В июле 1813 г. Жуковский писал ей: «Наше путешествие в Долбино, признаюсь, пугает меня и за вас, и за прочих. (...) Очень понимаю, что весьма тяжело возвратиться в такое место, где все напоминает о милом человеке; но я не понимаю, как можно давать волю над собою печальному чувству, не понимаю, как можно даже находить наслаждение в этом раздражении горести» (РС. 1883. Т. 37. № 1. С. 197). Отзвуки этих мыслей встречаются в стихотворениях «Молитва детей», «Росписка Маши», (Авдотье Петровне Киреевской) («Авдотья, напишите...»). В этих стихотворениях, пытаясь повлиять на Киреевскую, Жуковский напоминает ей о долге матери перед детьми.

Ст. 2. *И нежностью младенец твой пленяет...*— Речь идет о М. В. Киреевской (1811—1859), младшей дочери А. П. Киреевской, которой в момент написания стихотворения исполнилось 2 года.

Ст. 8—9. *Веселие считаешь ты ошибкой, // И мнишь, что скорбь есть долг священный твой...*— Ср. в письме Жуковского к А. П. Киреевской от июля 1813 г.: «...сочтете, что вы *обязаны* ей [горести] предаваться, что не иметь ее есть оскорбление вашей должности, вашей любви...» (РС. 1883. Т. 37. № 1. С. 198). Любопытный отзвук этих стихов Жуковского можно найти в элегии Е. А. Баратынского «Ропот» (1820, 1827): «Все мнится, счастлив я ошибкой, // И не к лицу веселье мне», хотя вряд ли можно предполагать знакомство ее автора со стихотворением Жуковского.

Ст. 16. *Быть счастливой для счастья детей!*— Ср. в том же письме: «Стараться быть счастливою, сколько возможно, есть ваша обязанность, ибо вы мать» (Там же. С. 199).

О. Лебедева

Молитва детей

(«О! не отринь, Отец Небесный, нас!..»)

(С. 280)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 125)—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 10. С. 99.

Печатается по тексту С 10, со сверкой по автографу.

Датируется: август 1813 г.

Основанием для датировки служит положение автографа в рукописи и совпадение его мотивов с тематикой стихотворений, адресованных Жуковским А. П. Киреевской в 1813 г. «Молитва детей» написана от имени детей А. П. Киреевской. Поводом к созданию стихотворения послужило тяжелое душевное состояние Киреевской после смерти мужа и стремление Жуковского вернуть ее к жизни, к заботе о детях (см. примеч. к стих. «К А. П. К. (иреевской) в день рождения Маши».

О. Лебедева

Русскому Царю

(«Наш добрый Царь, тебе мы пьем...»)

(С. 281)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 123 об.)—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 11. С. 131.

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: приблизительно 30 августа 1813 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи: сразу же после стихотворения «К А. П. К. (иреевской) в день рождения Маши», датированного 8 августа 1813 г. 30-го же августа праздновался день перенесения в СПб. мо-

шей св. Александра Невского, которого Александр I считал своим покровителем. К этому событию и приурочено стихотворение.

Н. Серебрянников

Тургеневу, в ответ на его письмо

Послание

(«Друг, отчего печален голос твой?..»)

(С. 281)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 78, л. 1об.—2—планы послания (см. ниже).

2) РНБ, оп. 1, № 14, л. 117 об.—119—беловой.

3) РНБ, оп. 1, № 26, л. 1—беловой; конец послания от ст.: «Неси ж туда, где наш отец и брат».

Впервые: С 1. Ч. 1. С. 183—192.

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Послания»); в С 1—3—с заглавием «К Тургеневу» и датой: «1813»; в С 4—5—с заглавием: «К Тургеневу, в ответ на его письмо» и той же датой. В С 5 отсутствуют авторские примечания, имевшиеся в С 1—4.

Датируется: первая половина сентября 1813 г.

Основанием для датировки послания является указание в письме Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу от 2 сентября 1813 г.: «Получил твои два милые письма, брат и друг, и начал отвечать на них стихами: низкая проза их не стоит. Думаю, что на будущей почте отправлю к тебе мое послание» (ПЖТ. С. 103).

Первым этапом работы над текстом стал «План послания к Тургеневу». Этот развернутый прозаический конспект, относящийся к первым числам сентября, дает представление о процессе вызревания замысла и характере его поэтического оформления. Приводим его по автографу № 1:

«Что значит это уныние, которое замечаю в твоих письмах—видно и на твою часть досталось, милый друг—видно уже разрушен этот мечтательный мир. Фантазия, которая вела тебя вперед, оборотилась назад, и ты живешь только воспоминаниями. И я бы хотел ими жить, но они не приличны—а настоящее так бедно, что нет бодрости смотреть на будущее, что принесет оно мне с собою. Я ищу счастья, но именно того, чтобы его (хотел) и нет—а другое мог бы иметь, но не хочу, итак прикован к настоящему—и иногда спрашиваю, почему эти слова священные. Друг, самое бедное положение пережить себя—сам вообразил себя [нрзб.] и этот идеал был в душе—вдруг все исчезает, одни только гробы наших друзей остались нам памятниками минувшей нашей жизни. О друг, где же они? Где наш старец—Андрей—эти гробы пусть будут для нас указательными столбами к будущей жизни. Пока скажу вместе с тобою: слава Богу, что мы здесь не бессмертны (л. 1).

Добрый, приближься с чувством к сему мирному памятнику; здесь лежит отец и сын—один был другом отца—и старец пережил юношу—смерть соединила их—сыновья воздвигли сей памятник отцу, нежные братья брату—три из них

даны натурой, четвертый по выбору. Вот место, близ которого они соединяются мыслями; здесь чувство потери стесняет житейские узы, дабы союз их и там не был разорван.

Как изъяснить уныние

Я замечаю, что настоящее тебя обременяет

Или и на твою часть досталось —

Или уже разрушен мир.

Фантазия отлетела ко дням минувшим

И ты остащенный спутниками печально смотришь за ними вслед.

И живешь воспоминаниями.

Друг, я понимаю тебя.

Этот язык мне знаком.

Этот печальный голос мне слышался часто

Сравниваю самого себя с собою бывшим теперь.

О беден тот, кто переживает и самого себя.

Помнишь те годы, которые провели мы вместе

Беспечность, веселость, надежда присутствовали при наших пирах

Потом разбрелись — каждый начал своею дорогою искать счастье.

Что ж — мы откликаемся на зов друг друга —

И голос его один — скрылся из нашего круга, а мы...

Бывало выйдешь в поле.

Ясный день, благоволие липы — все возбуждало в душе земное чувство

Тогда еще будущее было подымластно воображению,

Которое населяло его всем приятным.

Теперь отчето живое чувство всегда производит уныние.

Увы! уже воображение не обманет.

Живое чувство то же,

Но мечты, соединенные с ним, не те...

Все то представится, что бы можно сделать [нрзб.]

Но голос говорит: этого не будет.

Друг! Беден тот, кто переживает самого себя.

Он останется один, прикован к настоящему —

Которое мрачно, не смея смотреть на будущее,

Которое ничего не обещает.

Гробы друзей единственные памятники его минувшей жизни,

Которая уже не возвратится.

Друг и брат — неси же мирты и розы на гробы нашего старца и нашего Андрея!

Один в миг из области надежды в область исполнения

Он не успел узнать уныние

Он отворил своему старцу дверь желанного мира

Их памятники пусть будут для нас указателями на дороге к тому миру.

Пока скажу вместе с тобою: какое счастье, что мы в этом свете не бессмертны (л. 2).

Этот план дает представление об этапах разработки элегической темы и о событиях, отраженных в послании. В июле 1813 г. исполнилось 10 лет со дня смерти задушевного друга Жуковского и старшего брата А. И. Тургенева — Андрея (см. примеч. к стих. «На смерть А(ндрея Тургенева)»). Послание Жуковского стало залогом памяти о годах юности, атмосфере Дружеского литературного общества и дома Тургеневых. Авторские примечания Жуковского, приводимые ниже по стишно, так как Жуковский снял их в последней прижизненной публикации (С 5. Т. 2. С. 11—18), передают эту атмосферу. В сентябре 1813 г. из Муратова Жуковский писал Воейкову: «Я получил твое письмо в то время, когда писал к Тургеневу послание, касающееся и до тебя; я доставляю его и к тебе, ибо ты имеешь на него такое же право, как и Тургенев. Ты один из действующих лиц той прекрасной комедии, которую мы играли во время оно и которая называется *счастье*. Многие из актеров сошли со сцены, а для остальных пиеса кончилась; они разделись, устали и просят, чтобы их скорее отпустили по домам» (РА. 1900. Кн. 3. № 9. С. 16).

Послание вызвало восторженную оценку адресата. «Читал ли ты его послание ко мне,— писал А. И. Тургенев к Воейкову.— Какие мысли и какая дружба! Я возьму стихи его в сень бессмертных и там стану услаждать и утешать их в скуке бессмертия. Она же мне даст право восседать между Орестом и Пиладом, Мюллером и Бонштеттенном, между двумя Андрееми [Тургеневым и Кайсаровым] и с ними ожидать вас, друзья мои». И далее, обращаясь непосредственно к Жуковскому, заключает: «Слезы, которые несколько раз проливал я при чтении послания твоего, слезы восхищения и благодарности за дружбу к незабвенным и ко мне, лучше слов выразят тебе все, что душа моя желала бы передать твоей...» (цит. по: Веселовский. С. 150). В октябре 1813 г. Тургенев писал к Вяземскому: «Сию минуту получил я его [Жуковского] послание ко мне, в ответ на мое письмо к нему. Превосходно! Боюсь напечатать его, ибо из его стихов узнают тайну души моей, которая от Жуковского не была скрыта» (ОА. Вып. 1. С. 16).

Тургеневу, в ответ на его письмо.— В С 1—4 Жуковский к заглавию сделал следующее примечание: «*Сие послание посвящено воспоминаниям молодости: двух друзей, украсивших ее, нет уже на свете*». Речь идет об Андрее Ивановиче Тургеневе и Андрее Сергеевиче Кайсарове (1782—1813). Последний незадолго до написания послания, 14(26) мая 1813 г., погиб под Ганану в составе одного из партизанских отрядов, в тылу врага. Жуковский хотел посвятить его памяти стихотворение. В письме к А. И. Тургеневу от июля 1813 г. Жуковский сообщает: «Надобно друга и товарища помянуть стихами. Напишу и доставляю к тебе» (ПЖТ. С. 103). В перечне задуманных стихотворений 1813 г. встречается заголовок: «На с(мерть) Кайсарова» (РНБ, оп. 1, № 78, л. 30), но само стихотворение или не было написано, или до сих пор не обнаружено.

Ст. 5. С стеснением письмо твое читаю...— Это письмо до сих пор не известно в печати.

Ст. 28—30. ... исчезло все — и сад, // И ветхий дом, где мы в осенний хлад // Святой союз любви торжествовали.— Здесь Жуковский вспоминает о заседаниях Дружеского литературного общества в 1801 г., о встречах пансионских друзей в московском доме А. Ф. Воейкова на Девичьем поле («поддевический дом»). Эти стихи являют-

ся реминисценцией из стихотворения Андрея Тургенева «К ветхому поддевическому дому А. Ф. В(оейкова)»: «Сей ветхий дом, сей дикий сад глухой, // Убежище друзей, соединенных Фебом...» (Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 238). Подробнее см.: Веселовский. С. 137—140.

Ст. 32—33. *Где время то, когда наш милый брат // Был с нами, был всех радостей душою?..*—Здесь и далее речь идет об Андрее Тургеневе, который был организатором Дружеского литературного общества.

Ст. 43—48. *Старик при нем был юноша живой ~ И он друзей не рознил с сыновьями...*—Жуковский отдает здесь дань признательности и благодарности отцу братьев Тургеневых, директору Московского университетского пансиона И. П. Тургеневу (1752—1807), которого считал своим духовным отцом. Ср. в планах: «Сыновья воздвигли сей памятник отцу, нежные братья брату—три из них даны, четвертый—по выбору». Жуковский имеет в виду братьев Тургеневых—Александра, Николая и Сергея и себя самого.

Ст. 106—107. *Один исчез из области земной // В объятиях веселья Надежды...*—К этим стихам в С 1—4 Жуковский сделал развернутое примечание: «Андрей Иванович Тургенев. Он умер в полном цвете жизни. Ум необыкновенно пронизательный, острый и ясный; чистое, исполненное любви к прекрасному сердце. В сем послании изображен он таким, каков был.

Наружность его отвечала его характеру; быстрый взор, казалось, ясно читал в каждом сердце; но этот взор никого не приводил в замешательство—в нем сияла кроткая, нефитворная, доброжелательная душа. И разговор его был таков же: невозможно было иметь более остроты, и ничья острота не имела в себе столь много привлекательного, ибо она была нефинужденная, не оскорбляла самолюбия, соединялась с нежностью сердечною и была самым приятным ее выражением. Стих: Не он ли нас тесней соединял? есть самое верное изображение той дружбы, которую питали к нему его товарищи: этим одним, общим для всех них чувством, теснее были они соединены и между собою. Он точно был для них душою всех радостей. И теперь с живым об нем воспоминанием всегда возобновляется сладкое чувство прежней молодой жизни, а вместе с этим чувством и все, что было лучшего в этом лучшем времени. Жизнь его можно назвать прекрасною неисполнившейся надеждою: в нем созревало все, что составляет прямое достоинство человека; но это все бесплодно погибло для здешнего света».

Ст. 114—117. *Другой... старик... ~ Над юностью обрушилась прекрасной!..*—Примечание Жуковского в С 1—4 к этим стихам: «Иван Петрович Тургенев. Он имел несчастье пережить милого сына, и эта потеря, кажется, была отчасти причиною собственной преждевременной смерти его: он умер не в дряхлых летах, от паралича, лишенный памяти, языка, руки и ноги. Любовь его к детям была товариществом зрелого, опытного мужа с юношами, привязанными к нему свободною доверенностью, сходством мыслей и чувств и самую нежную благодарность».

Нельзя без сладкого чувства вспомнить об этом старце. Он был живой юноша в кругу молодых людей, из которых каждый готов был сказать ему все, что имел на сердце, будучи привлечен его прямодушием, отеческим участием, веселостью, простотою. Последние годы жизни его были горестны. Тяжелая болезнь мало-помалу его уничтожала».

Ст. 123. Она прошла...—Примечание Жуковского: «И отец и сын покоятся вместе. Они погребены на кладбище Невского монастыря. Один камень покрывает их могилы». Впоследствии, в конце 1818—начале 1819 г. Жуковский сочинит эпитафию к их надгробию (см. примеч. к стих. «Надгробие И. П. и А. И. Тургеневым» в т. 2).

А. Янушкевич

Эпимесид

(«О, жребий смертного унылый!..»)

(С. 285)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 122)—беловой.

Впервые: РМ. 1815. № 2. С. 129—131—с подзаголовком: «Из Парни» и подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Смесь»); в С 1—2—с заглавием: «Эпимесид. Из Парни» и датой: «1813». В С 5—с заглавием: «Эпимесид (Из Парни)» и датировано 1810 г.

Датируется: 1813 г. на основании положения автографа в рукописи и указаний в С 1—2.

Стихотворение «Эпимесид»—перевод одноименной элегии Э. Парни «Ephiméside», содержание которой во многом отвечало пафосу элегического творчества Жуковского—«жалобы человека на жизнь» (В. Г. Белинский). Как уже было точно замечено, «начало стихотворения [Парни] содержит жалобы в духе ветхозаветного Иова; троекратное исполнение желаний героя скорее напоминает волшебную сказку» (Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989. С. 621). Этот своеобразный сюжет не мог не привлечь внимания Жуковского, переживавшего в 1813 г. состояние отчаяния и пробуждавшихся надежд, связанных с историей его любви. В этом смысле элегия Парни в переводе Жуковского обретала автобиографический подтекст. Тема Благотворения, которое дарует человеку истинное блаженство, звучала в тексте перевода как своеобразное заклинание.

Еще В. И. Резанов, анализируя перевод Жуковского, констатировал: «исполненный Жуковским перевод этого стихотворения отличается большой близостью к подлиннику. Отступления незначительны, они вызваны главным образом техническими требованиями версификации» (Резанов. Вып. 2. С. 346). Необходимо заметить, что Жуковский при переводе снял подзаголовок (ср. у Парни: «Ephiméside. Imitation du grec»), тем самым максимально редуцировав античный колорит и насытив жалобы героя христианскими идеями: «... в древнем эллине Жуковский увидел христианина» (Загарин. С. 117).

А. Янушкевич

Молитва Русского народа

(«Боже, Царя храни!..»)

(С. 287)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 134)—беловой, с вариантом ст. 2: «Доброму долги дни...»

Впервые: СО. 1815. № 48. С. 96—с заглавием: «Молитва Русских. (На голос: God save the King)» и подписью: «В. Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—3 отдел «Смесь», с заглавием: «Молитва Русского народа»); С 4—5—без заглавия как 3-я из «Народных песен» и с датой в С 5: «1834».

Печатается по С 3 как самостоятельное произведение.

Датируется: приблизительно конец 1813 г. по расположению в рукописи.

За основу стихотворения Жуковский взял английский гимн «Боже, храни короля», первый стих которого упомянут в первой публикации в подзаголовке, снятом в С 1—5. Авторы текста и музыки английского гимна остаются предметом полемики, и вероятнее всего, текст восходит к французским стихам XVII в., написанным в честь Людовика XIV г-жой Брюнон и положенным на музыку Ж.-Б. Люлли (Бернштейн Н. История национальных гимнов. Пг., 1914. С. 11—19).

Исполнявшиеся в торжественных случаях полонез И. А. Козловского на стихи Г. Р. Державина «Гром победы, раздавайся!..» и духовный гимн Д. С. Бортнянского на стихи М. М. Хераскова «Коль славен наш Господь в Сионе...» были оттеснены текстом Жуковского, исполняемым на мотив английского гимна как символа дружественной коалиции государств.

Первое пение «Боже, Царя храни» зафиксированно 12 декабря 1815 г., когда в Дерптском клубе отдыха эти стихи пелись «неоднократно» (Змигродский И. И. Памяти В. А. Жуковского. Юрьев, 1902. С. 21).

По воспоминаниям М. А. Корфа, уже летом 1816 г. лицеисты, узнавая, что Александр I находится рядом, «начинали петь „Боже, Царя храни!“ по тогдашнему тексту и тогдашней английской мелодии» (Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Статьи и материалы. СПб., 1899. С. 247). А. С. Пушкин приписал к стихотворению Жуковского три строфы, из которых две первые следом за шестистишием Жуковского были петы на лицейской годовщине 19 октября 1816 г. (Пушкин А. С. Стихотворения лицейских лет. 1813—1817. СПб., 1994. С. 286, 375).

18 (30) сентября 1816 г. в Варшаве по приказу великого князя Константина Павловича Александр I был встречен в войсках пением «Боже, Царя храни!..» Вскоре текст Жуковского получил статус государственного гимна с прежней английской мелодией—вплоть до 1833 г. включительно.

К «Молитве русского народа» Жуковский возвращался неоднократно: он дополнил ее пятью строфами, включил в подборку «Народных песен» и т. д.

Известно стихотворение А. Х. Востокова «Песнь Русскому царю. С немецкого: Neil dir im Siegerkranz. На голос: God save the King», написанное к возвращению Александра I в Россию в 1814 г. и опубликованное в 1821 г. в собрании сочинений

А. Х. Востокова (см.: Срезневский И. И. Заметки А. Х. Востокова о его жизни // Сб. Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1901. Т. 70. № 6. С. 105).

Н. Серебрянников

**Надпись на картинке,
изображающей три радости и подаренной Е. И. П.**
(«Прими сей дар. Три радости небесны...»)
(С. 287)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 14, л. 125 — белой.

2) ПД. Р. 1, оп. 9, № 42 — черновой и белой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С 39 (ст. 1—2).

Впервые полностью: С 10. С. 992.

Печатается по тексту С 10, со сверкой по автографу № 1.

Датируется: предположительно 1813 г.

Автограф № 1 «Надписи...» примыкает в рукописи непосредственно к июньским стихотворениям 1813 г., в частности к стих. «Первое июня 1813», и находится в контексте произведений 1813 г., что дает основание датировать его этим годом.

По всей вероятности, «картинка, изображающая три радости» была подарена Маше Протасовой ее теткой Еленой Ивановной Протасовой. От ее имени Жуковский и сочинил эту надпись.

А. Янушкевич

⟨Авдотье Петровне Киреевской⟩
(«Авдотья, напишите...»)
(С. 288)

Автограф (ПД. Р. 1, оп. 9, № 34, л. 2 об.) — белой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РБ. 1915. № 1. С. 27. Публикация Н. В. Соловьева.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1813 г.

Датировка стихотворения предположительная. Послание не могло быть написано раньше августа 1811 г. (М. В. Киреевская — Маша, младшая дочь А. П. Киреевской, родилась 8 августа 1811 г.). Оно не могло быть написано также в промежуток между 3 августа 1812 г. — днем отъезда Жуковского в Москву для вступления в Московское ополчение — и 6 января 1813 г. — датой его возвращения в Муратово после кампании 1812 г. В пользу датировки 1813 г. (и скорее, второй его половиной) говорит совпадение мотивов стихотворения с письмами и стихами Жуков-

ского, обращенными к А. П. Киреевской в этот период. В ноябре 1812 г. она потеряла мужа, тяжело переживала эту утрату. Беспокойство Жуковского за ее состояние выразилось в стих. «К А. П. К. (иреевской) в день рождения Маши», «Молитва детей» (см. примеч.). В данном послании — развитие этих же мотивов и образов.

Ст. 2—3. *Каков ваш Петрухан, // И Маша, и Иван!..*— Дети А. П. Киреевской от первого брака: Петр Васильевич, Мария Васильевна и Иван Васильевич Киреевские.

Ст. 17—18. *В кругу детей таких — // И жизнь не жизнь, а сладость...*— Ср. в стих. «К А. П. К. (иреевской) в день рождения Маши»: «Когда в кругу детей прелестных мать (...) // Меж радостей грустит уединенно...»

О. Лебедева

⟨К А. А. Плещееву⟩

⟨О Негр, чернилами расписанный Натурой...⟩

(С. 288)

Автограф (ПД. Р. 1, оп. 9, № 35) — белой (ст. 13—58).

Копия (ПД. Р. 1, оп. 9, № 35) — рукою неизвестного лица (ст. 1—12).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 113—114.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по рукописи.

Датируется: 1813 г.

Датировка послания предположительная. И. М. Семенко, впервые после первой публикации включившая этот текст в собрание сочинений Жуковского (СС 2. Т. 1. С. 347—348), датировала его «1813 или 1814 г.» без всякой мотивировки. Наиболее вероятным все же представляется 1813 г., поскольку известно, что к началу 1814 г. отношения между семейством Протасовых и Плещеевыми несколько охладились: Екатерина Афанасьевна винила А. И. Плещееву в слишком деятельном участии в любви Жуковского к Маше Протасовой (см. ее письмо от 10 октября 1815 г.—УС. С. 295). Тот же вывод можно сделать из эпистолярного отчета Жуковского А. Ф. Воейкову о муратовской жизни за время отсутствия последнего: «Плещеевы были у нас один только раз, а мы у них ни разу, и не думаю, чтобы скоро собрались. Из этого *мы* исключая *я*» (РА. 1900. Кн. 3. № 9. С. 25).

Ст. 1. *О Негр, чернилами расписанный Натурой...*— Жуковский называл Плещееву «Негром» и «копченым Плещуком» за смуглый цвет лица и черные курчавые волосы.

Ст. 5. *Ты вилегрет ролей и чувств...*— Имеются в виду театральные увлечения А. А. Плещеева и его артистизм чтеца и декламатора, позволявший ему блистать в домашних спектаклях.

О. Лебедева

Сиротка

(«Едва она узрела свет...»)

(С. 290)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 123)—беловой, с заглавием: «Нищий и сиротка. Баллада».

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 34 об.)—рукою В. И. Губарева, с заглавием: «Нищий и сиротка. Баллада».

Впервые: С 1. Ч. 1. С. 227—229—с заглавием: «Сиротка» и датой: «1813».

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Романсы и песни»); во всех изд. отнесено к 1813 г.

Датируется: 1813 г.

Во всех прижизненных изданиях текст романа «Сиротка» сопровождается примечанием Жуковского: *«Трогательное происшествие подало повод написать эти стихи. Одна забывчивая мать оставила своих детей (трех дочерей) в Москве, при нашествии неприятеля. Малютки спасены жалостью постороннего, бедного человека. Одна из девочек была принята в семейство А. И. Плещеевой, которая пеклась об ней с материнскою нежностью и не разнила ее ни в чем с собственными детьми своими. Другие две были возвращены матери».* Эти факты подтверждаются воспоминаниями А. П. Плещеева, внука А. А. Плещеева, который сообщает, что впоследствии А. И. Плещеева выдала сиротку замуж (ИВ. 1895. Т. 60. № 4. С. 340). Это вряд ли верно, поскольку А. И. Плещеева умерла 20 июля 1817 г., а девочка была еще слишком мала. Ее имя и дальнейшая судьба устанавливаются по письму М. А. Протасовой-Мойер к А. П. Елагиной от 29 апреля 1819 г.: известно, что после смерти А. И. Плещеевой М. А. Мойер хотела забрать в свою семью всех младших детей Плещеевых (УС. С. 195), однако ей удалось приютить только воспитанницу: *«(...) у меня еще новая дочка: Вера Бородина. Она осталась одна с мальчиками у Плещеева, и Мойер позволил мне выпросить ее себе»* (УС. С. 217). Сведений о том, что стало с Верой Бородиной после смерти М. А. Мойер, обнаружить не удалось.

О. Лебедева

Здравствуй

(«Справься, справься, мой голубчик...»)

(С. 292)

Автограф (ПД. Р. 1, оп. 9, № 20, л. 1)—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 121.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: вторая половина 1813 г.

Датировка предположительная. Скорее всего, стихотворение обращено к А. А. Плещееву, а упоминаемый в ст. 7 «эскулап» является доктором Фором. Известно, что летом 1813 г. Фор уже подолгу и регулярно гостил в Черни; в июле 1813 г. он начал лечить М. А. Протасову (подробнее см. примеч. «К доктору Фо-

ру»). В письмах Жуковского к А. И. Тургеневу за 1814 г. встречаются многочисленные свидетельства любви Фора к чтению (ПЖТ. С. 130, 133, 134). Еще один доктор («эскулап») из ближайшего окружения Жуковского — Фриоф, тоже отличавшийся страстью к чтению, жил в Муратове и пользовался библиотекой Жуковского (см. примеч. к стих. ⟨А. А. Воейковой⟩ («Не имею я кирхгофа...»), так что он вряд ли может быть тем лицом, которое упомянуто в послании.

О. Лебедева

К самому себе

(«Ты унываешь о днях, невозвратно протекших...»)

(С. 292)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 120) — белой.

Впервые: ВЕ. 1814. Ч. 73. № 4. Февраль. С. 286 — с заглавием: «К самому себе» и подписью: «Ж...»

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту ВЕ, со сверкой по автографу.

Датируется: конец 1813 г.

Требует уточнения вопрос о времени написания стихотворения. В С 7—10 и ПСС оно датируется 1814 г., однако уже А. Н. Веселовский не исключал возможность появления послания в 1813 г.: «Может быть, еще до приезда Воейкова, оживившего надежды Жуковского, написано было стихотворение «К самому себе» (Веселовский. С. 125). Этой же точки зрения придерживаются современные исследователи и комментаторы Жуковского. Так, Ц. С. Вольпе относит написание стихотворения к 1813 г. на основании расположения его в рукописи и фактов личной биографии поэта (Стихотворения. Т. 2. С. 154). И. М. Семенко датирует этот текст предположительно 1813 г. и связывает его возникновение с крушением надежд поэта на брак с М. А. Протасовой (СС 2. Т. 1. С. 406). Эти аргументы в пользу датировки стихотворения 1813 г. убедительно подтверждаются и датой ц. р. той части ВЕ, в которой впервые оно было напечатано: «19 декабря 1813 г.» Думается, в конце 1813 г. и было написано стихотворение.

Несомненно, что стихотворение имеет автобиографический исповедальный характер. Видимо, как слишком личное, оно никогда не включалось поэтом ни в одно прижизненное собрание сочинений. Характер стиха, его название и выраженная в нем жизненная позиция говорят о его связи с идеями гораццианской философии (см.: Вацуро. С. 93).

И. Поплавская

⟨Стихи, читанные в Муратове на Новый 1814 год⟩

(«Друзья, я восемьсот...»)

(С. 293)

Автограф (ПД. Р. I, оп. 9, № 31) — черновой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1877. Т. 2. № 7. С. 365 (ст. 1—4 и 9—12 — с неточностями).
Впервые полностью: РБ. 1915. С. 30—31. Публикация Н. В. Соловьева.
Печатается по РБ, со сверкой по автографу.
Датируется: 31 декабря 1813 г.

В мемуарной литературе о Жуковском сохранилось следующее описание этого праздника: «Декабрь подходил к исходу; собирались встретить весело Новый год. Жуковский приготовил стихи. Увеселения начались с игр и жмурок. Бегая друг за дружкой, молодые люди поглядывали, в ожидании сюрприза, на таинственный занавес, прикрепленный между двух колонн, поддерживающих переходы верхних этажей через большую высокую залу. В данную минуту занавес поднялся, и перед зрителями явился Янус. На его затылке была надета маска старика; голову окружала бумага, вырезанная короной; над лбом было написано крупными буквами число истекшего 1813, над молодым лицом стояла цифра 1814. Обе надписи были освещены посредством огарка, прикрепленного к голове Римского бога. (...) Старик Янус поклонился обществу и промолвил: [далее ст. 1—4]. Потом он обернулся к публике молодым своим лицом и продолжал: [далее ст. 9—12]. В ответ на слова Януса прозвучала полночь, выпили шампанское и сели за ужин» (Толычева Т. (Е. В. Новосильцева). Рассказы и анекдоты // РА. 1877. Т. 2. № 7. С. 365).

Н. В. Соловьев приводит дневниковую запись А. Ф. Воейкова, сделанную им на полях книги «Сочинения И. И. Дмитриева»: «18 1/1 14, Встретил Орловской губернии в селе Муратове очень приятно в доме Катерины Афанасьевны Протасовой. У нее тогда были Александр Алексеевич Плещеев с супругою своею Анной Ивановной, Нина Петровна [имеется в виду Анна Петровна.—О. Л.], Авдотья Петровна и Катерина Петровна Юшковы. Семейство К. А. Протасовой составляют Мария Андреевна, Александра Андреевна и Жуковский. Мне должно было быть очень весело в сем раю, обитаемом ангелами, но... *Où peut on être mieux qu'au sein de sa famille?* [Где может быть лучше, чем в своей семье? — *фр.*], и я иногда задумывался, даже грустил» (РБ. 1915. № 1. С. 29). Список присутствовавших на празднике лиц также сохранился на полях рукописи стихотворения Жуковского и воспроизведен Н. В. Соловьевым в примечании к его тексту. Кроме упомянутых Воейковым лиц, в списке Жуковского отмечены еще Букильон (управляющий имением Большая Чернь), доктор Фриоф (см. о нем в примеч. к стих. (А. А. Воейковой) «Не имею я кирхгофа») и пленный французский военный врач Фор, живший в имении Плещеевых.

Ст. 17—18. *Весельи есть приют // Близ Болховской дороги...*—Имение А. А. Плещеева Большая Чернь Болховского уезда Орловской губернии.

Ст. 27. *Вам Жучка в епанчи...*—Здесь Жуковский имеет в виду себя самого.

Ст. 29—30. *И будет Суринам // Убежище веселья...*—Суринам — каламбурное домашнее обыгрывание названия села Сурьянино (Сурьяново, Сурьяниново), от французского *souris* (улыбнись) — нам. Сурьянино находилось в 25 верстах от Муратова и принадлежало А. А. Плещееву (см. примеч. к стих. «Речь»). Около середины 1813 г. Сурьянино купила Е. А. Протасова. Муратовская и долбинская молодежь, сочувствовавшая любви Жуковского и Маши Протасовой, предполагала,

что Жуковский с Машей поселятся там после свадьбы. Сам Жуковский тоже мечтал о «Суринамской жизни» и в какой-то момент хотел, чтобы в его обители счастья поселилась и чета Воейковых: в письме А. Ф. Воейкову от 20 февраля 1814 г. Жуковский высказывает это пожелание: «Мы с тобою будем трудиться там, в Суринамском уголке (...). Брат, брат! вообрази нашу Суринамскую жизнь, вообрази наш тесный союз, наше спокойствие, основанное на душевной тишине и озаренное душевными радостями...» (РА. 1900. Т. 3. № 9. С. 26). После неудачи весеннего сватовства Жуковского словосочетание «Сурьяновские планы» стало обозначать несбыточные надежды на семейное счастье: «Только прошу не прыгать и не строить Сурьяновских планов. Ничего нет»,— писал он А. П. Киреевской после свадьбы Воейкова, в июле 1814 г. (РС. 1883. Т. 37. № 2. С. 446). Летом 1815 г. Сурьянино было продано, чтобы расплатиться с долгами Воейкова (см. письмо к А. Ф. Воейкову от 19-22 августа 1815 г. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома. 1980. Л., 1984. С. 99. Публикация Р. В. Иезуитовой). Сам каламбур Сурьянино—Суринам («улыбнись нам») принадлежит Е. А. Протасовой. На этот каламбур А. А. Плещеев написал следующий французский экспромт:

Sourianino qui dira —
Dix копеек payera,
Mais qui dira Sourî — nam,
Fera plaisir à Madame (РС. 1883. Т. 37. № 2. С. 446).

Перевод: Кто скажет Сурьянино, тот заплатит десять копеек. Но кто скажет Суринам, доставит удовольствие Мадам (фр.).

Ст. 61—67. *Вдохновенная котлетка ~ И с горчицею утенок...*—Н. В. Соловьев приводит сохранившееся в рукописи Жуковского меню новогоднего ужина, записанное его рукою, карандашом, по левому полю страницы: «Поросенок, колбаса, сосиски, горчица, икра, яичница» (РБ. 1915. № 1. С. 31).

О. Лебедева

1814

Письмо к ***

(«Я сам, мой друг, не понимаю...»)
(С. 296)

Автограф (ПД. Р. I, оп. 9, № 51)—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РВ. 1859. Т. 22. С. 598—600—с датой: «4 января 1814».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 4 января 1814 г.

В редакционном примечании к первой публикации сообщается: «Стихотворение это есть частное письмо В. А. Жуковского, не назначавшееся к печати. За дос-

тавление его из бумаг особы, к которой оно было адресовано, мы обязаны благодарностью В. А. Норову, родственнику ее».

Владимир Андреевич Норов, о котором идет речь, был зятем племянницы Жуковского Авдотьи Николаевны Арбеневой. Именно к ней было обращено известное стихотворное послание «Рассудку глаз! другой воображенью!», написанное 16 июля 1812 г. и при жизни не публиковавшееся (см. примеч «К А. Н. Арбеневой»).

В конце 1813 г. Жуковский возлагал надежду на ее помощь в деле женитьбы на Маше Протасовой. В письме от 15 декабря 1813 г. он называет ее «милым и истинным другом» и добавляет: «У меня еще сидит в голове и стихотворное к вам послание; но стихи пишутся тогда только, когда на душе ясно; на моей душе часто и очень часто сумерки» (РА. 1883. № 2. С. 309). По всей вероятности, послание «Я сам, мой друг, не понимаю...» и стало реализацией этого замысла. Подробнее см.: Касаткина В. Н. Адресат стихотворения В. А. Жуковского «Письмо к ***» («Я сам, мой друг, не понимаю...») // От Карамзина до Чехова. Томск, 1992. С. 94—105.

А. Янушкевич

〈Тост〉

(«Земным сопутникам, друзьям!..»)

(С. 297)

Автограф (ПД. Р. 1, оп. 9, № 21а—21г) — белой.

Копия (ПД. Р. 1, оп. 9, № 21е) — рукою неизвестного лица.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 127—128.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 6 января 1814 г.

Стихотворение представляет собой тост, произнесенный Жуковским на празднике, посвященном годовщине его возвращения из армии (6 января 1813 г.), который А. А. Плещеев дал в своем имении Большая Чернь 16 января 1814 г. Сохранилась дневниковая запись А. Ф. Воейкова, описывающего этот праздник: «18 1/16 14, в Черни, деревне А. А. Плещеева. Двойной праздник: fête des rois [Богоявление, Крещение—6 января] и возврат Жук.(овского) из армии в прошлом году. Меня выбрали в короли бобов. А. И. Плещеева пела „Светлану“ с оркестром (...). За ужином все кроме меня подпили; пито за здоровье Ангела-хранителя Жуковского, за любовь и дружбу. Горациянский ужин! благородное пьянство! изящные дурачества!» (цит. по: РБ. 1915. № 1. С. 33). Несмотря на то, что дневниковая запись Воейкова помечена 16 января, совпадение дат возвращения Жуковского из армии и праздника Крещения—6 января—позволяет отнести «двойной праздник» в Черни к 6 января и этим же днем датировать стихотворение.

Сохранился и текст стихотворного тоста, произнесенного на этом празднике А. Ф. Воейковым:

Ура, сегодня твой возврат
С полей отмщения и крови,

Под сень и дружбы и любви,
Поэт наш милый, милый брат.
Скажи, среди ужасов хранимый
Какого Ангела рукой
Ты возвратился невредимый?
Скажи, кто смерть смягчил мольбой?
Кто небо умолил слезами
Принять тебя в покров святой?
Сей добрый гений, твой спаситель,
Твой Бог нам будет божеством.
Ему, друзья, бокал с вином!
Ура! Жуковского хранитель!

(РА. 1912. Т. 1. № 3. С. 417—418; ср.: ПД. Р. I, оп. 42, № 2, л. 6).

Французские строфы тоста Жуковского написаны А. А. Плещеевым. В русских строфах, посвященных дружбе и любви, очевидно варьирование словесно-смысловых мотивов, метрики и строфики «Певца во стане русских воинов».

Ст. 9—16. *Ami, ton retour ~ pour notre tendresse.*— Перевод:

Друг, твое возвращение шестого [января]
Все еще воодушевляет нас.
Этот день, бывший счастливым для всех,
Стал счастливым концом твоего отсутствия.
Выпьем, выпьем! чтобы наш друг
Разделил наше упоение;
Все дни, проведенные с ним,
Подобны шестому для нашей нежности (*фр.*).

Ст. 25—32. *Contre le sort ~ un bonheur encore!*— Перевод:

Воодушевившись против судьбы,
Изгоним неправедный гнев!
Мы любим, мы любимы!
Дети! благословим нашего отца!
Дружба для всех людей
Сияет, словно заря,
Делить и самые горести —
Не есть ли это счастье! (*фр.*).

О. Лебедева

«Кто б ни был ты — зефир, певец иль чародей!...»

(С. 298)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 28) — белой, с датой: «1814. 12 января».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 2. С. 37.

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.
Датируется: 12 января 1814 г.

Стихотворение было опубликовано вторично П. И. Бартеневым по другому, несохранившемуся автографу в альбоме А. А. Воейковой 1814 г. («Из альбома «Светланы»: Извлечения из альбома А. А. Протасовой 1814 г. // РА. 1912. Т. 1. № 3. С. 414—415). Эта публикация позволяет восстановить творческую историю стихотворения. Жуковский написал его в ответ на следующее стихотворное посвящение А. Ф. Воейкова «К Екатерине Афанасьевне (Протасовой)»:

Цветами счастья, ума, высоких чувств,
Природы и искусств
Осыпавшей тебя Судьбине
Угодно было дать двух граций — дочерей
И отказать тебе в любезном сыне.
Но Благость щедрою десницею своею
Жуковского тебе усыновила,
И в нем вознаградила.
Он нежный сын. Нет, он нежнее сыновей,
Пример почтения, послушанья.
Сын есть дар случая, а он любви твоей
И твоего избранья.

Р. S. Сии стихи написаны безымянным автором, принесены зephyром, высочайше одобрены и внесены за скрепою в разрядную книгу. Контрасигнировал А. Воейков (РА. 1912. Т. 1. № 3. С. 414).

Ст. 1. *Кто б ни был ты — зephyр, певец иль чародей!*..— Обращение к А. Ф. Воейкову. Ср. в послании «К Воейкову»: «Добро пожаловать, певец»; «Ты чародей, а не поэт», а также в Р. S. к тексту стихотворения Воейкова: «принесены зephyром...»

Ст. 8. *И для кого надежд милейших исполненье...*— Ср в послании «К Воейкову»: «Милейшие души моей // Не совершились желанья».

О. Лебедева

К доктору Фору

(«Сын Эскулапа, Фебов внук...»)

(С. 299)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 128—128 об.)—беловой, с заглавием: «К доктору Фору».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 40 (ст. 1—8); полностью: ПЖТ. С. 121—123. Публикация И. А. Бычкова.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 12—16 января 1814 г. по положению автографа в рукописи.

Адресат послания—французский военный врач, доктор 1-го корпуса кавалерии во время кампании 1812 г. Раймонд Фор (Faure), захваченный в плен казака-

ми 18 октября 1812 г. во время отступления наполеоновской армии по Калужской дороге. Как явствует из воспоминаний самого Фора (см. ниже), он находился среди пленных сначала в Туле, а затем (15—20 ноября) в Рязани, чтобы ухаживать за тяжело раненым генералом Ш.-А. Бонами. 27 февраля 1813 г. вместе с генералом он приезжает в Орел, а затем переезжает жить в деревню, в семью, где, по его словам, «нашел бы счастье, если бы оно существовало для человека, видящего ужасные несчастья, грозящие его родине». Этой «деревней» оказалось имение А. А. Плещеева Чернь. Здесь доктор Раймонд Фор познакомился с возвратившимся 6 января 1813 г. из госпиталя в Вильне В. А. Жуковским.

Знакомство с пленным доктором постепенно перерастает в дружеские отношения. Жуковский ценит его за доброту, за участие в судьбе больной Маши Протасовой: в феврале 1813 г. у нее пойдет кровь горлом, и Фор примет самое живое участие в ее лечении. «Форово предписание» (Письма-дневники. С. 154; Дневники. С. 46) будет актуально для Маши и в 1814 г., да и сама Маша в письме А. П. Киреевской от 29 марта 1814 г. сообщает: «Скажи Фору, что я за него молюсь Богу. Я меньше боюсь за тебя по его милости» (УС. С. 174).

Жуковский в шутивном стих. «Похождения или поход первого апреля» (1814) так характеризует своего друга: «В картузе Форт, краса людей, // Унылый доктор одинокий, // Лишенный прелести своей // Рукою колики жестокой...» (РБ. 1915. № 1. С. 110; ср. наст. изд.). В письмах июня 1814—лета 1816 г. Жуковский будет постоянно обращаться с просьбами к А. И. Тургеневу сначала о предоставлении возможности Фору жить в имении Плещеевых, затем о «греческих книгах» для него и, наконец, о его освобождении из плена (ПЖТ. С. 121, 124, 130, 134, 147, 151, 157).

Вероятно, в 1817 г., вскоре после смерти А. И. Плещеевой и переезда А. А. Плещеева в Петербург, доктор Фор получает свободу и возвращается на родину. Во всяком случае, упоминания о нем исчезают из переписки Жуковского.

В 1821 г. в Париже появляется его мемуарная книга: *Souvenirs du Nord, ou la Guerre; La Russie et les Russes ou l'Esclavage*. Par M.-R. Faure, Docteur en médecine, Médecin du 1-er corps de cavalerie pendant la campagne de 1812. À Paris, 1821, отрывки из которой в нашем переводе приведены выше. Эта книга получила резонанс в России. Антикрепостнические пассажи Фора вызвали живой интерес П. А. Вяземского, который сделал из книги пространные выписки в третьей записной книжке (см.: Вяземский П. А. Записные книжки: 1813—1848. М., 1963. С. 364, 404) и, вероятно, подготовил ее критический разбор для французского журнала «Revue Encyclopédique». «Чтение работы г-на Фора о России, опубликованной в 1821 г. и, замечу в скобках, запрещенной у нас, породило во мне кое-какие мысли, которые я и занес на бумагу» (Русский литературный архив. Нью-Йорк, 1956. С. 44),— писал Вяземский в сопроводительном письме к редактору журнала М.-А. Жюльену.

К сожалению, у нас нет сведений об отношениях Жуковского и Фора после отъезда последнего на родину. Так, в «Парижском дневнике» Жуковского мая 1827 г. его имя отсутствует. Неизвестно, был ли знаком Жуковский с его мемуарной книгой, хотя в свете антикрепостнических настроений поэта и его интереса к

«Опыту теории налогов» Н. И. Тургенева (см.: БЖ. Ч. 1. С. 472—482), увлечения книгой Фора П. А. Вяземского такое знакомство было бы естественным.

Залогом же дружеских отношений русского поэта и французского доктора осталось стихотворное послание «К доктору Фору».

А. Янушкевич

⟨К 16 января 1814 года⟩
(«Прелестный день, не обмани!..»)
(С. 301)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 129)—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 40.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 16 января 1814 г.

Заглавие стихотворения — ключ к его пониманию. 16 января — день рождения Маши Протасовой, и стихотворение было одновременно и подарком, и заклинанием судьбы.

А. Янушкевич

⟨Стихи из альбомов⟩
(С. 301)

Автограф неизвестен.

Копия (ПД. № 27. 795 / СХСVIII.6.66., л. 4) — рукою М. А. Протасовой.

При жизни Жуковского не печатались.

В собрание сочинений включены впервые.

Тексты печатаются по рукописи.

Датируются: начало января 1814 г. (обоснование см. ниже).

Среди рукописных материалов фонда Жуковского в ОР ПД (Онегинское собрание) сохранились не только альбомы сестер Протасовых с автографами Жуковского и списками его текстов (описание альбомов см.: Вацуру В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840 гг.) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома. 1977. Л., 1979. С. 23—27), но и отдельные тетради, в которые они списывали стихи Жуковского из альбомов других лиц. Подобную тетрадочку из шести листов, заполненную рукою М. А. Протасовой, представляет собой № 27. 795. Судя по именам адресатов стихотворений, источником этих копий были записи Жуковского в альбомах А. А. и А. И. Плещеевых (послания «К Плещееву» и «Плещепупу» — л. 1—1 об., л. 2—3 об; стихотворение «К А. И. Плещеевой». 3 августа 1812 г. — л. 5), а также А. А. Протасовой-Воейковой («К Саше», «К Воейкову», «К нему же» — л. 4) и самой М. А. Протасовой («К Маше» — л. 4). Кроме того, в тетради сохранилась копия двух «Ответов на вопросы в игру, называемую секретарь» (№ 11, № [13] — л. 4 об.) и фрагмент «Коловратно-куриозной сцены между г-ном Леандром, Пальясом и важным г-ном доктором» (л. 5—6 об.).

Хронологические границы рукописи—от 1811 г. («Коловратно-куриозная сцена...») до 1814 г. (стихи из альбомов). Предлагаемая подборка текстов точно соответствует порядку их расположения в рукописи, сохранены также названия. Нумерация редакторская. Поскольку три из четырех стихотворений связаны с А. Ф. Воейковым, вся подборка отнесена к январю 1814 г. на основании реалий самих текстов (см. постишный комментарий) и того известного факта, что, приехав в Муратово по приглашению Жуковского в конце 1813 г., Воейков покинул на время протасовское поместье 31 января 1814 г. (ср. его стихотворение «К К.(атерине) Аф.(анасьевне) П.(ротасовой). При отъезде из ее деревни 31 января»—ВЕ. 1814. № 5. С. 33).

[1]

К Саше

(«Дразни меня, друг милый Саша...»)

(С. 301)

Печатается впервые.

[2]

К Маше

(«Пришли Воейкова посланье...»)

(С. 301)

Печатается впервые.

Ст. 1. *Пришли Воейкова посланье...*— Имеется в виду послание А. Ф. Воейкова «К Ж.(уковскому)», датированное автором «7 января 1813 г.» и напечатанное в ВЕ (1813. № 5—6. Март. С. 26).

Ст. 2. *Хочу ответ писать!*— ответное послание Жуковского «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец»), датированное автором «29 января 1814 г.» и напечатанное в ВЕ (1814. № 6. Март. С. 97—106).

[3]

К Воейкову

(«Хвала, Воейков! крот, сады...»)

(С. 301)

Впервые: РВ. 1871. Т. 96. № 11. С. 151.

История публикации этого экспромта Жуковского начинается с 1871 г., когда он впервые был напечатан в мемуарах В. П. Бурнашева о Воейкове и, со слов Воейкова, атрибутирован Д. Н. Блудову: «Да и Воейков не гневался, когда Дмитрий Николаевич приставал к нему с эпиграммой на него. (...) Вот она, господа! И Воейков с легким завыванием прочитал: (...)»—далее следует текст эпigramмы, с разночтением в 7-м ст.: «Он добр: Виргилия в толчки» (РВ. 1871. Т. 96. № 11. С. 151). Как известно, Воейков был великим мистификатором и вполне мог сознательно фальсифицировать авторство эпigramмы. В 1931 г. этот экспромт был включен В. Орловым в раздел «Смесь» издания: Эпigramма и сатира: Из истории

литературной борьбы XIX века: В 2 т. М., 1931. Т. 1. С. 402—403, без атрибуции (подп.: Аноним). С атрибуцией Д. Н. Блудову текст эпиграммы был включен в издание: Русская эпиграмма (XVIII—начало XIX века). Л., 1988. С. 194—195, с предположительной датировкой 1817 г., хотя в комментариях отмечено, что в ПД имеется «список эпиграммы, соседствующий с пародией Воейкова «Дом сумасшедших», где «автором [эпиграммы] назван Жуковский; однако никаких других свидетельств в пользу авторства последнего не обнаружено» (Указ. соч. С. 581). Эпиграмма атрибутирована Жуковскому Н. Б. Реморовой в ее статье: Книга Ж. Делиля из библиотеки В. А. Жуковского // Памятники культуры: Новые открытия. 1985. Л., 1987. С. 32., на основании местонахождения ее копии, выполненной рукою М. А. Протасовой, в составе рукописи, где нет ни одного не принадлежащего Жуковскому текста.

Ст. 1—2. *Хвала, Воейков! крот, сады // Делилевы изрывший...*— Эпиграмма Жуковского написана стихом «Певца во стане русских воинов», в характерной форме поэтического тоста. Первые два стиха имеют в виду перевод описательной поэмы Жака Делиля (1738—1813) «Сады», над которым А. Ф. Воейков интенсивно работал в 1813—1814 гг. См.: Лотман Ю. М. «Сады» Делиля в переводе Воейкова и их место в русской литературе // Делиль Жак. Сады. Л., 1988. (Литературные памятники). С. 191—209; см. также: Реморова Н. Б. Указ. соч. С. 27—32.

Ст. 7. *Он бодр! Виргилия в толчки!*...— Речь идет о переводе А. Ф. Воейковым отрывков из 3-й и 4-й песен «Георгик» (ВЕ. 1816. № 21; 23/24; 1817. № 4) и первой песни «Энеиды» Вергилия (ВЕ. 1817. № 7).

[4]

К нему же

(«Воейков-брат!...»)

(С. 302)

Впервые: РА. 1912. Кн. 1. № 3. С. 416. Публикация П. И. Бартенева, в составе подборки стихов А. Ф. Воейкова из альбома А. А. Протасовой (в настоящее время местонахождение этого альбома неизвестно, П. И. Бартенев пользовался подлинными автографами).

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии.

Датируется: около 11 января 1814 г.

Поводом к созданию этого экспромта Жуковскому послужили две сюжетно связанные между собой записи А. Ф. Воейкова в альбоме А. А. Протасовой 1814 г.: «К Александре Андреевне, победительнице в шахматной игре» (запись датирована автором «11 января 1814 г.») и «К Александре Андреевне Протасовой», без даты, следующего содержания:

Не сходно с вами мне играть, божусь,
Ничем не возратить мне первенства утрату:
Вы Шах мой — этим я горжусь,
Но, признаюсь... боюсь я Мату.

П. И. Бартенев, описавший этот альбом А. А. Протасовой по его подлиннику, отмечает, что текст экспромта Жуковского («К нему же») приписан его рукою сразу вслед за вышеприведенным текстом Восейкова (РА. 1912. Кн. 1. № 3. С. 416).

О. Лебедева

К арфе

(«Моя вторая мать, друг юношеских лет...»)

(С. 302)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 129) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 40 (ст. 1—2); полностью: С 10. С. 992.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 16 января 1814 г.

Вс. Рождественский назвал Жуковского «арфой русского романтизма» (Рождественский Вс. В созвездии Пушкина. М., 1972. С. 31). Это поэтическое определение неразрывно связано с образом «эоловой арфы», романтический миф о которой прошел через все творчество поэта — от баллады «Эолова арфа» (1814) до поэтического цикла с тем же заглавием (1838—1839; см.: Янушкевич. С. 221—227).

По положению автографа в рукописи стихотворение примыкает к четко датированным текстам: «К 16 января 1814 г.» (л. 129) и «29 января 1814 г.» (л. 133), что позволяет говорить о его связи с событиями января 1814 г. По всей вероятности, этот музыкальный инструмент был популярен в долбинско-муратовском кругу, и Жуковский от лица одной из обитательниц этого круга, скорее всего, А. П. Киреевской, получившей инструмент от Е. А. Протасовой (ср.: «Моя вторая мать, друг юношеских лет...») и затем подарившей его «своему другу» Маше Протасовой в день ее рождения, обращается к арфе как символу собственной поэзии. Соотношение стихотворения, предвосхищающего балладу «Эолова арфа», и реальной арфы, подаренной Музе, закрепляет то, что обозначил заглавием своей статьи современный исследователь А. Е. Махов: Эолова арфа: вещь и поэтический миф // Рус. речь. 1993. № 4. С. 3—9.

П. А. Ефремов, публикуя этот текст в С 10, указывает в конъектурных скобках дату: «17 января», правда, без ссылки на источник информации. Думается, точнее все-таки датой создания стих. «К арфе» будет считать 16 января — день рождения Маши Протасовой.

А. Янушкевич

К Саше Арбенеvu

(«Мой друг, младенец несравненный...»)

(С. 302)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 137 об.) — беловой, с заглавием: «К Саше Арбенеvu» и датой: «27 января».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 11. С. 131—132.

Печатается по ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: 27 января 1814 г.

Послание было ответом на поздравление, которое прислал «младенец несравненный» Жуковскому по случаю его приближающегося дня рождения — 29 января. Адресат послания — Александр Петрович Арбенин (ок. 1807 — после 1856 г.), сын племянницы Жуковского Авдотьи Николаевны Арбениной, брат Натальи Петровны, жены И. В. Киреевского. Конец 1813 — начало 1814 г. — период наиболее тесного общения Жуковского с матерью Саши Арбенина, участвовавшей в истории предполагаемой женитьбы Жуковского на Маше Протасовой и вскоре оказавшейся среди противников этой женитьбы.

Сын Авдотьи Николаевны из Москвы выражал те теплые чувства, которые питала к Жуковскому в то время и его мать. Не случайно Жуковский ценил это послание и даже хотел включить его в С 1. В списке произведений для этого издания под № 11 находится стих. «К Саше Арбенину» (РГАЛИ, оп. 3, № 8, л. 15 об.). Но, видимо, последующие события, связанные с поведением А. Н. Арбениной, изменили его планы.

О судьбе адресата послания известно немного. В архиве поэта (РНБ, оп. 2, № 77, л. 1—4) сохранились письма Жуковского к А. П. Арбенину от 31 октября и 16 ноября 1831 г. — с указанием адреса: Харьковской Губернии в городе Чугуеве, в штабе 2-го резервного кавалерийского корпуса. Его благородию Александру Петровичу Арбенину, поручику Екатеринославского кирасирского полка. Оба письма связаны с возможностью перевода адресата из кавалерии в пехоту или же его отставки за столкновение с полковым командиром. Жуковский не советовал ему уходить в отставку, так как не видел в нем хозяйских задатков. Поэт ходатайствовал за Арбенина перед генералом Главного штаба П. А. Клейнмихелем, но тот пожаловался на «плохое поведение» Арбенина. Все-таки Жуковскому удалось благополучно уладить дело. Подробнее см.: Чтения в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских при Московском ун-те. М., 1907. Кн. 1. С. 51—56 втор. паг.

Обнаружено еще 5 писем Жуковского А. П. Арбенину (РГАЛИ, оп. 1, № 54), где речь идет о переводе Арбенина в Одессу в канцелярию гр. Воронцова, высказывается сожаление о невозможности встречи с ним во время путешествия с наследником. В записке Жуковского из Кременчуга от 3 октября 1837 г., в частности, читаем: «Жаль очень, что не удалось свидеться нам в Одессе и еще больше жаль, что не вошло мне в ум искать вас в Воскресенске, где впрочем я пробыл не более 12 часов. Посылаю вам [письмо адресовано Александру Петровичу и Ивану Петровичу Арбениным] свой маршрут, если удастся поймать меня на дороге. Если же не поймаете, то верьте заочно моей неизменной к вам дружбе. Обнимаю вас всем сердцем» (л. 7).

Находящиеся в архиве письма А. П. Арбенина к сестре Н. П. Киреевской (РГАЛИ, ф. 236, оп. 1, № 167), последнее из которых датировано 27 июня 1856 г., лишь свидетельствуют о том, что адресат послания умер не ранее этого времени. Других сведений о его жизни не обнаружено.

А. Янушкевич

(29 января 1814 года)

(«Когда б родиться в свет и жить...»)

(С. 305)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 133) — беловой, с поправками Жуковского и надписью рукою А. А. Протасовой: «К маминьке».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 7. Т. 1. С. 505.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 29 января 1814 г.

П. А. Ефремов, впервые опубликовавший текст в 1878 г. не в основном корпусе произведений Жуковского, а в примечании к посланию «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...»), заметил: «К этому же времени относится недавно полученное нами стихотворение Жуковского, написанное в день его рождения (...). Стихотворение это имеет особенное значение в биографическом отношении: последние строки его относятся несомненно к М. А. Протасовой, на брак с которою Жуковский тогда еще не терял надежды» (С 7. Т. 1. С. 505).

Вряд ли адресатом стихотворения можно считать Е. А. Протасову, «маменьку», как на это указала ее младшая дочь (см.: Веселовский. С. 144). Обращение «мой ангел, мой хранитель» прямо указывает на Машу (ср.: «Мой друг, хранитель-ангел мой...» в «Песне» 1808 г. или «Мой друг утешительный...» в дневниковом стихотворении 1814 г.).

Стихотворение датируется днем рождения поэта — 29 января.

А. Янушкевич

К А. П. (Киреевской)

(«Сей памятник о нем мне дорог в день рожденья!..»)

(С. 306)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 133) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 40.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 29 января 1814 г.

Как явствует из содержания, стихотворение было написано в день рождения Жуковского и обращено к А. П. Киреевской. Память о ее муже, Василии Ивановиче Киреевском, умершем 1 ноября 1812 г., определяет содержание послания.

И. Потлавская

К Воейкову

Послание

(«Добро пожаловать, певец...»)

(С. 306)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14. л. 134 об.—137)—беловой.

Копия (РГАЛИ, оп. 1, № 5, л. 3—7 об.)—рукою А. А. Протасовой, с поправками Жуковского.

Впервые: ВЕ. 1814. Ч. 74. № 6. С. 97—106, с подписью «Жуковский», датой: «29 января 1814», с примечаниями А. Ф. Воейкова, снятыми в последующих прижизненных перепечатках и восстановленными П. А. Ефремовым (С. 7. Т. 1. С. 504).

В прижизненных собраниях сочинений: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Послания»); в С 1—3 отнесено к 1814 г., в С 5—к 1813 г.

Датируется: 29 января 1814 г.

Адресат послания, Воейков Александр Федорович (1778 или 1779—1839)—поэт, переводчик, критик, журналист и издатель, автор знаменитых сатир «Дом сумасшедших» и «Парнасский Адрес-календарь», соученик Жуковского и Андрея Ивановича Тургенева по Московскому университетскому благородному пансиону, член Дружеского литературного общества («поддевические вечера» — см.: Жихарев С. П. Записки современника: Воспоминания старого театрала. М.; Л., 1955. С. 192; см. также: стихотворения А. И. Тургенева «К ветхому поддевическому дому А. Ф. В(оейко)ва» — Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 238). В 1812 г. А. Ф. Воейков, как и Жуковский, вступил в ополчение; после окончания военных действий на территории России вышел в отставку и предпринял длительное путешествие по южным губерниям России и Кавказу. В начале 1813 г. Воейков написал Жуковскому письмо из Сарепты; в ответном письме (сентябрь 1813 г.: «Брат, я получил твое маленькое письмо из Сарепты, и получил его в то время, когда писал к Тургеневу послание, касающееся и тебя, ибо в нем говорится о прошлом времени, о нашем лучшем времени (...)» — РА. 1900. № 9. С. 16.; см. также: ПЖТ. С. 103). Жуковский пригласил Воейкова к себе в деревню: «Приезжай. (...) *Первое*: поживешь несколько времени вместе со мною. (...) *Второе*: познакомишься с двумя милыми семействами (...). *Третье*: получишь от меня посланье в ответ на твое прекрасное и слишком уже для меня обольстительное. Напишу его при тебе, и, верно, от того напишу лучше, и отдам тебе из рук в руки» (РА. 1900. Т. III. № 9. С. 16). Таким образом, замысел послания «К Воейкову» относится к сентябрю 1813 г.; о намерении писать послание Жуковский упоминает и в альбомном стихотворении начала 1814 г. «К Маше» (см. комментарий).

В конце 1813 г. Воейков приехал в Муратово, где познакомился с Е. А. Протасовой и ее дочерьми. Весной 1814 г. сделал предложение младшей племяннице Жуковского, А. А. Протасовой, получил согласие и 14 июля 1814 г. обвенчался с ней. Крайне недоброжелательно настроенный к Воейкову Н. И. Греч в своих мемуарах сообщает подробности этой истории, которые нельзя считать вполне достоверными, но которые свидетельствуют, что Воейков прибегнул к какому-то об-

ману: «В апреле 1814 года Воейков явился в дом Протасовых в глубоком трауре с плерезами и могильным голосом объявил, что брат его умер от ран, полученных при взятии Парижа.— У меня теперь две тысячи душ, а я — беднейший человек в мире (...). Воейков посватался, и Сашеньку за него отдали. Едва прошли две недели медового месяца, как явился брат Иван. (...) Две тысячи душ исчезли» (Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 638). Жуковский, впоследствии упрекавший себя за содействие сватовству Воейкова (см. письмо Жуковского А. Ф. Воейкову от 19-22 августа 1815 г.— Ежегодник Рукописного отдела ПД. 1980. Л., 1984. С. 92—93, 89—99), рассчитывал на дружеское участие последнего в своих попытках уговорить Е. А. Протасову дать согласие на его собственный брак с М. А. Протасовой. Поначалу Воейков как будто оправдывал эти надежды: поэтические и документальные тексты Жуковского и Воейкова первой половины 1814 г. свидетельствуют об их оживленном дружеском общении (см. публикацию альбомных стихотворений Жуковского в настоящем изд., а также публикацию И. Бартенева «Из альбома «Светланы» — РА. 1912. Т. 1. № 3. С. 410—428. См. также приписку Воейкова к письму Жуковского к А. И. Тургеневу от 26 марта 1814 г. и письмо Воейкова к А. И. Тургеневу от 30 марта 1814 г.— ПЖТ. С. 110—111). Отношения Воейкова и Жуковского начали портиться сразу после свадьбы — и в течение года Жуковский постепенно прекратил дружеское общение с Воейковым (см.: Гофман. С. 111—112, 122—128, 138—140, а также письмо А. Ф. Воейкова к Жуковскому от 18 сентября 1814 г. и письмо Жуковского к Воейкову от 19-22 августа 1815 г.— Ежегодник Рукописного отдела ПД. 1980. Л., 1984. С. 87—90, 90—102; публикация Р. В. Иезуитовой). Но поскольку близкие Жуковского оказались в зависимости от Воейкова, Жуковский продолжал поддерживать с ним отношения. Кроме того, Воейкова как поэта Жуковский ценил независимо от личных обстоятельств: «Но Воейков, как Русский поэт, достоин всякого одобрения. Он имеет истинное дарование, и с этим дарованием соединяет трудолюбие постоянное» (ПЖТ. С. 173). В 1814 г. Жуковский выхлопотал ему через А. И. Тургенева место профессора русской словесности в Дерптском университете (ПЖТ. С. 107—108, 110—113); в 1816 г. Воейков по рекомендации Жуковского был принят в «Арзамас»; в 1820 г., когда Воейков был вынужден оставить кафедру в Дерпте и переехать в Петербург, Жуковский и А. И. Тургенев доставили ему место инспектора классов и преподавателя русской словесности в Артиллерийском училище. В это же время по просьбе Жуковского редактор журнала «Сын Отечества» Н. И. Греч согласился на соредакторство Воейкова. По возвращении из первого заграничного путешествия в 1822 г. Жуковский поселился вместе с семьей Воейкова в квартире напротив Аничкова дворца (см.: Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 177), и такие отношения Жуковский продолжал поддерживать с Воейковым вплоть до смерти его жены (А. А. Воейкова умерла в 1829 г.)

Послание «К Воейкову», которое Жуковский датировал днем своего рождения, относится к периоду наибольшего дружеского сближения с Воейковым. Оно написано в ответ на послание Воейкова «К Ж(уковскому)», опубликованное в марте 1813 г. (ВЕ. 1813. № 5—6. С. 26—30). В своем послании Воейков призывал Жуковского к созданию крупного эпического произведения:

Напиши поэму славную,
В русском вкусе повесть древнюю,—
Будь наш Виланд, Ариост, Баян!

(Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 278). При этом он обнаружил явную осведомленность о творческих планах Жуковского. Поэмой К.-М. Виланда «Оберон» Жуковский очень увлекался в 1806—1811 гг. и в 1811 г. перевел из нее 11 начальных строф (подробно об отношении Жуковского к поэме «Оберон» и публикацию перевода см.: Реморова. С. 64—66). Эта работа была тесно связана с замыслом романтической эпопеи «Владимир» (замысел относится к 1805 г., см.: ПЖТ. С. 61; Реморова. С. 62—63; Ветшева Н. Ж. Концепция национально-исторической эпопеи в планах поэмы В. А. Жуковского «Владимир» // От Карамзина до Чехова. Томск, 1992. С. 67—76). Ответное послание Жуковского в своей заключительной части явилось своеобразным поэтическим конспектом этого неосуществленного замысла. Послание «К Воейкову» имело большой резонанс в русской литературе 1810—1820-х гг. В. К. Кюхельбекер упомянул его в числе немногих высоко оцениваемых им стихотворений Жуковского: «Печатью народности ознаменованы какие-нибудь восемьдесят стихов в „Светлане“ и в „Послании к Воейкову“ Жуковского (...)» (О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Мнемозина. 1824. Ч. 2. С. 37). Картины Кавказа в послании Жуковского оказали влияние на русские кавказские поэмы 1820-х гг. А. С. Пушкин в примечании 8 к поэме «Кавказский пленник» привел 53 стиха (ст. 99—151) послания «К Воейкову», сопроводив их следующей заметкой: «Жуковский, в своем послании к г. Воейкову, также посвящает несколько прелестных стихов описанию Кавказа» (ПСС. Т. 4. С. 116—117). Текст поэмы Пушкина несет явные следы влияния послания Жуковского, вплоть до текстуальных совпадений отдельных стихов.

Примечание. *А. Ф. Воейков, известный наш стихотворец ~ в одном только воображении...*—отсутствует в первой публикации ВЕ, впервые—С I (Т. 1. С. 320), со следующей заключительной фразой: «Свидание с приятелем и похвалы такой поэмы, которой еще нет, подали мысль сочинить это послание». В С 2—5 текст примечания перепечатывался без этой фразы. В копии РГАЛИ в конце текста послания сохранилась приписка Жуковского, первоначальный набросок примечания: «Воейков, бывши у меня, написал на заглавном листе белой книги похвальные стихи той поэме, которая еще не существует, но которая должна быть в этой книге написана. Такого рода похвалы самые невинные. Панегирист принял то, чего еще нет, за то, что бы быть должно, и дал волю своему воображению. Ж(уковский)».

Ст. 11. *Ты был под знаменами славы...*—Имеется в виду участие Воейкова в Отечественной войне 1812 г. (состоял при рязанском гражданском губернаторе по особым делам, затем находился в авангарде генерал-майора Паисия Сергеевича Кайсарова, брата Андрея Сергеевича Кайсарова, соученика Жуковского и Воейкова по Московскому университетскому благородному пансиону: см. примечание к ст. 192).

Ст. 18—19. *«Хвала, умеренность златая!»—// С певцом Тибурским восклицал...*—Римский поэт Квинт Гораций Флакк (65—8 до н. э.), которому принадлежало

имение в Тибуре. В 1809 г. Жуковский перевел оду Горация «К Делию», которая начинается стихом: «Умерен, Делий, будь в печали». Мотивы этого перевода Воейков перефразировал в своем «Послании «К Ж(уковскому)»» (Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 277).

Ст. 20—21. *Ты видел Азии пределы; // Ты зрел ордынцев лютых край...*— В анафористических зачинах «ты видел», «ты зрел» и в описаниях природы юга России и Кавказа сказалось влияние оды Г. Р. Державина «На возвращение графа Зубова из Персии» (1797), ср.: «Ты зрел, как ясною порою...», «Ты видел — Каспий, протягаясь...» А. С. Пушкин, в примечании 8 к поэме «Кавказский пленник», привел две строфы из этой оды, сопроводив их заметкой: «Державин в превосходной своей оде графу Зубову первый изобразил в следующих строфах дикие картины Кавказа» (ПСС. Т. 4. С. 115).

Ст. 24. *Там, где стоял Шери-Сарай...*— Древняя столица Золотой орды в низовьях Волги. В 1824 г. А. Ф. Воейков опубликовал в издаваемом им журнале «Новости литературы» свой очерк «Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая» (Новости литературы. 1824. Ч. 9).

Ст. 29. *Батлыя новых дней читал...*— Здесь: Наполеон.

Ст. 30—31. *В Сарепте зрелище иное: // Там братство Христиан простое...*— Сарепта—город, основанный в 1765 г. в нижнем течении Волги, неподалеку от Царицына (ныне г. Волгоград; бывшая Сарепта, в 1920 г. переименованная в Красноармейск, теперь находится в городской черте Волгограда). В 1810-х гг. в Сарепте находилась колония немцев-евангелистов. Своим названием Сарепта обязана упоминаемому в Библии финикийскому городу Сарепта Сидонская, который славился своими винами; считается также местонахождением гробницы пророка Илии. Весной 1814 г., после решительного отказа Е. А. Протасовой в руке М. А. Протасовой, Жуковский собирался уехать в Сарепту (Письма-дневники. С. 152).

Ст. 67. *И се, идут в усопших сени...*— В публикации ВЕ стих с разночтением: «И вот пошли в усопших сени». А. Ф. Воейков сделал к нему примечание: «У Евангелических братьев заутреню Светлого Христова Воскресения служат на кладбище».

Ст. 69—70. *Под тенью тополей, ветвистых // Берез, дубов и шелковиц...*— ВЕ: «В тени тополей, лип ветвистых, // Густых берез и шелковиц».

Ст. 108. *Как туча, Эльборус двуглавой...*— Ц. С. Вольпе приводит замечание кавказского краеведа XIX в. Е. Вейденбаума: «(...) топографическая неточность: Эльбрус не виден с берегов Терека» (Стихотворения. Т. 2. С. 494).

Ст. 128—131. *Гнездятся и балкар, и бах, ~ И чечереец, и шапсук...*— Примечание А. Ф. Воейкова: «Народы, обитающие в Кавказских горах, по большей части магометане». Е. Вейденбаум отметил, что «(...) некоторые названия: камукинец, чечереец совершенно неизвестны в этнографической номенклатуре Кавказа» (Стихотворения. Т. 2. С. 494).

Ст. 144—148. *И в братский с табаком горшок ~ Иль хвалят меткие пищали...*— По поводу этих стихов, вызвавших замечание А. И. Тургенева, Жуковский писал к нему в середине марта 1814 г.: «Критика твоя на *горшок* кажется мне несправедлива; я не стою за красоту стихов своих; но здесь это черта характерная — она изображает *обычай* народа; уж это одно делает благородным слово *горшок*. (...) Из ко-

их деды их стреляли. Это кажется тебе прозою? Не знаю — могу ошибиться, но тут нет ни поэзии, ни прозы» (ПЖТ. С. 106). Ст. 148 в ВЕ читался: «Иль славят меткие пищали».

Ст. 169—171. *Жилищу вихря-Атамана ~ Его здоровье на Цимле...*— Атаман донских казаков М. И. Платов (1751—1818), герой Отечественной войны 1812 г. В «Певце во стане русских воинов» Жуковский посвятил ему строфу, начинающуюся стихами: «Хвала, наш вихорь-Атаман; // Вождь невредимых, Платов!» Местожительством Платова была станица Цимлянская, расположенная на р. Цимле, притоке Дона; Цимлянская славилась в XIX в. своими игристыми винами.

Ст. 176. *Теперь ты случая рукою...*— В ВЕ: «И днесь ты дружества рукою». Это изменение носит не стилистический, а концептуальный характер, отмеченный Ц. С. Вольпе: «Впоследствии, перепечатывая послание, Жуковский убрал приметы особенной дружественности» (Стихотворения. Т. 2. С. 493). См. также примечание к ст. 274.

Ст. 180—183. *Когда мы — гости молодые ~ И счастье наше! говорили...*— Имеются в виду общие воспоминания Жуковского и Воейкова о годах учебы в пансионе, Дружеском литературном обществе и «поддевических вечерах»; ср. в письме Жуковского А. Ф. Воейкову от сентября 1813 г.: «Ты один из действующих лиц той прекрасной комедии, которую мы играли во время оно и которая называется *счастье*» (РА. 1900. № 9. С. 17).

Ст. 192. *Друг, оглянись... еще нет брата...*— Примечание А. Ф. Воейкова в ВЕ: «Поэт говорит здесь о незабвенном Андрее Сергеевиче Кайсарове, убитом в сражении с французами, в мае 1813 года». Кайсаров Андрей Сергеевич (1782—1813), публицист, филолог, поэт, выпускник Московского университетского благородного пансиона, член Дружеского литературного общества, друг Жуковского и братьев Тургеневых (с Ал-дром Ивановичем Тургеневым учился в Геттингенском университете). С 1810 г. до начала Отечественной войны 1812 г. занимал должность профессора русского языка и словесности в Дерптском университете. Эту вакансию, образовавшуюся после его гибели, А. И. Тургенев по просьбе Жуковского и выхлопотал потом для Воейкова.

Ст. 201—202. *Спешись волшебных струн игрою // В нем спящий гений пробудить...*— Отсылка к содержанию послания А. Ф. Воейкова «К Ж(уковскому)»:

Напиши четыре части дня,
Напиши четыре времени,
Напиши поэму славную,
В русском вкусе повесть древнюю (...)

(Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 278).

Ст. 205—207. *Я вижу древни чудеса ~ Владимир-Князь с богатырями...*— Фрагмент послания (до ст. 264), представляющий собой поэтический конспект замысла поэмы «Владимир», который занимал Жуковского с 1805 по 1819 г. и остался неосуществленным. В послании Воейкова среди возможных эпических замыслов для Жуковского упомянут и этот: «А Владимир — русско солнышко, // Наш Готфред или Великий Карл» (Указ. соч. С. 278). Ср. также высказывание самого Жуковско-

го в письме к А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г.: «Владимир есть наш Карл Великий, а богатыри его те рыцари, которые были при дворе Карла (...)» (ПЖТ. С. 62). После стиха 207 в ВЕ был еще один, исключенный из последующих перепечаток: «Вот темны Муромски леса».

Ст. 216. *Вот, дивной облечен броней...*— В ВЕ: «*Вот дивною покрыт броней*».

Ст. 217—218. *Добрыня, богатырь могучий // И конь его Златокопыт...*— Ц. С. Вольпе установил, что «все мифологические имена (...) взяты из „Русских сказок“ Левшина из цикла „Повесть о дворянине Заолешанине, богатыре, служившем князю Владимиру“ (см. в этом цикле „Повесть о коне Златокопыте и о мече Самосеке“)— Стихотворения. Т. 2. С. 494. Кроме того, Жуковскому, безусловно, известна была и книга А. С. Кайсарова «Мифология славянская и российская» (1-е изд.: М., 1807.; 2-е: М., 1810), где также встречаются мифологические имена Зилант и Полкан, упомянутые Жуковским в ст. 221, и Дубыня, Горыня (ст. 247—248).

Ст. 229—236. *О ветер, ветер! что ты въешься? ~ От друга-радости моей...*— Вольное переложение Плача Ярославны из «Слова о полку Игореве».

Ст. 241. *Возглавье щит; ночлег дубрава...*— В ВЕ: «Подушка щит, ночлег дубрава».

Ст. 262. *Красою белые колпицы...*— Птица с белым оперением, разновидность цапли.

Ст. 266. *Я залетел тебе вослед...*— В ВЕ: «Я занесен тебе вослед».

Ст. 267. *Ты чародей, а не поэт...*— В ВЕ вслед за этим стихом напечатан следующий фрагмент, исключенный Жуковским из позднейших изданий:

Ты всемогущими стихами
 Воздвигнул падший гений мой...
 Как древле статуя Мемнона
 Звучала арфой Аполлона,
 Когда главы ее пустой
 Касалось дневное сиянье,
 Там я, прочтя твое Посланье,
 Готов запеть, готов дерзнуть
 За обольстительною Славой!
 Что сделал ты, Певец лукавой!
 Мою ты душу погубил!

Образ *Мемнона* встречается еще в двух стихотворениях Жуковского 1814 г.— «Добрый совет. В альбом В. А. А(збукину)» и «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину». Поскольку эти стихотворения обращены к родственнику и ближайшим друзьям, а образ Мемнона символически отождествляется в них с любовью и поэтическим вдохновением (см. комментарий), эту авторскую купюру можно отнести к категории изменений, устраняющих приметы дружеских чувств Жуковского к адресату. К стиху *Так я, прочтя твое посланье* Воейков сделал в ВЕ примечание: «Напечатанное в Вестнике Европы 1813 года».

Ст. 270—273. *И кто, скажи мне, научил ~ Весь сокровенный жребий мой?..*— Примечание Воейкова в ВЕ: «Это место темно для тех, кто не читал сих осьми стихов, написанных на белой книге, в которой будет твориться Русская Поэма в роде Ви-

ландова Оберона». До сих пор считалось, что стихи Воейкова не сохранились. А. С. Архангельский высказал мнение, что они содержали намек на чувство Жуковского к М. А. Протасовой, а «книга с белыми листами» — это дневник Жуковского (ПСС. Т. 2. С. 139); И. М. Семенко предположила, что стихи в «белой книге» дублировали содержание послания «К Ж(уковскому)» (СС 2. Т. 1. С. 397). Однако стихи Воейкова сохранились: П. Бартенева опубликовал их по автографу из альбома А. А. Протасовой 1814 г. (местонахождение альбома в настоящее время неизвестно) в РА. 1912. № 3. С. 414—415:

*Надпись на белой книге,
которая определена Жуковским для эпической поэмы «Владимир»*

Не книга это — поле Славы!
В ней не бумажные — лавровые листы
И не каракульки — Альбановы черты.
Развеян прах царей, повержены державы.
Не устоял Гомер.
Певца Владимира стихи славнее будут,
Их станут приводить изящности в пример,
Когда и самого Гомера позабудут.
Гомер был Музою парнасской научен,
Жуковский Ангелом небесным вдохновлен.

В примечании П. Бартенева отмечено, что вслед за стихами Воейкова в альбом рукою А. Ф. Воейкова вписан текст «известных стихов Жуковского к Воейкову: „Добро пожаловать, певец“». Как это явствует из содержания стихотворения Воейкова, работа Жуковского над поэмой «Владимир» была прямо связана для поэта с чувством к М. А. Протасовой.

Ст. 274. *Признаться ли?.. Смотрю с тоской...*— В ВЕ: «Признаться ль, друг! Смотрю с тоской»

Ст. 295. *Мой верный Ангел вдохновенья...*— Ср. в вышеприведенных стихах Воейкова: «Жуковский Ангелом небесным вдохновлен». Имеется в виду М. А. Протасова, разделявшая увлечение Жуковского поэмой К.-М. Виланда «Оберон», с которой тесно связан замысел поэмы «Владимир»: см. многочисленные свидетельства совместного чтения «Оберона»; выписки и цитаты из поэмы в письмах-дневниках Жуковского и М. А. Протасовой 1814—1815 гг. (Письма-дневники. С. 157—158, 176, 185).

Ст. 302—303. *Милейшие души моей // Не совершились желанья...*— Эти стихи также можно рассматривать как свидетельство того, что в 1814 г. работа над поэмой «Владимир» была связана для Жуковского с его чувством к М. А. Протасовой. Написание поэмы или отказ от замысла ставятся здесь в прямую зависимость от осуществления его надежд на счастье. Ср. в письмах-дневниках 1814 г.: «Владимир будет написан. Мы не розно. Мой Ангел вдохновенья всегда со мною. Мои милейшие желанья исполнены в твоей любви. (...) Нет, моя белая книга не останется пустою» (Письма-дневники. С. 182). Эти же стихи Жуковский комически обыгры-

вает в письме А. Ф. Воейкову от 13 февраля 1814 г.: сообщая ему о том, как отзывается о Воейкове А. А. Протасова, Жуковский пишет: «(...) за обедом поят кошку цимлянским вином [см. комментарий к ст. 169—171] и увещевают ее пить за здоровье *черного негра*. А я уверяю, что все кошки от Муратова до Саратова будут тобою обстрижены и что ты привезешь к нам с собою большой пук кошачьих усов.

**В святой залог воспоминанья
И в верный знак, что в жизни сей
Милейшие души твоей
Свершаются желанья»**

(РА. 1900. Т. III. № 9. С. 18).

Пассаж о кошках и усах содержит намек на стихотворение Жуковского (А. А. Протасовой) «Что делаешь, Сандрок?» (см. комментарий).

О. Лебедева

Ответы на вопросы в игру, называемую секретарь
(С. 314)

Автограф (ПД. Р. I, оп. 9, № 10) — черновой, № 1—12, с заглавием: «Bouts-rimés» (буриме).

Копия (ПД, 27. 795 / СХСVIII.6.66, л. 4) — рукою М. А. Протасовой, № 11, [№ 13].

Впервые: № 1 и № 3 — РМ. 1815. № 10—11. С. 8 — с заглавием: «Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*», с подписью: «Жуковский» (№ 1), «Ж.» (№ 3).

№ 2 и № 4 — [13] при жизни Жуковского не печатались.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 119—120 (№ 1—12).

Печатается по рукописи. [№ 13] публикуется впервые.

Датируется: январь 1814 г.

«Секретарь» — популярная в начале XIX в. словесная салонная игра. В 1827 г. М. А. Дмитриезев в стих. «Игра в вопросы» пишет:

**Игра в вопросы и ответы
Жива, забавна и умна!
Как кстати тут даешь советы!
Как лесь и правда тут видна!
Как часто сердце открываешь,
Кому до сердца дела нет;
Как часто важно ожидаешь
И с смехом слушаешь ответ!**

(Дмитриев М. А. Московские элегии. М., 1985. С. 38).

Обитатели Муратова, Долбина и Черни тоже увлекались игрой «секретарь». Известная мемуаристка Е. В. Новосильцева (ум. 1885), писавшая под псевдонимом «Т. Толычева», следующим образом описывает литературные игры, популярные в кругу Жуковского, относя событие к рубежу 1813 — 1814 гг.: «(...) каждый

день общество, собиравшееся в Черни, каталось, плясало и играло в *Secrétaire*. Отличавшийся особенным остроумием был провозглашаем *le roi ou la reine de secrétaire* [король или королева секретаря — *фр.*]. Королевская роль выпадала чаще всего на долю Анны Петровны Юшковой. Лишь только ее избрание было решено общим советом, она надевала самый лучший свой наряд, и остальные члены общества обращались в ее придворных». К этому фрагменту воспоминаний Толычевой П. И. Бартенев сделал следующее примечание: «Игра *секретаря* состоит в следующем: все играющие садятся около стола, каждый пишет, какой ему вздумается, вопрос на клочке бумаги, который свертывается потом трубочкой. Эти записи кладутся в корзиночку или ящик; всякий берет наудачу которую-нибудь из них и пишет ответ на предлагаемый вопрос» (РА. 1877. Кн. 2. № 7. С. 366).

1.

Какая разница, или разнота, т. е. разность? — В прижизненной публикации РМ вопрос несколько изменен: «Какая разница между разноты и разности?»

Ст. 1. *Светлана — ангел красоты* — А. А. Протасова, которую близкие называли по имени героини посвященной ей баллады Жуковского «Светлана».

3.

Это стихотворение известно в двух редакциях. В посмертных собраниях сочинений Жуковского обычно печатается в редакции РМ:

В. (опрос) Что такое буква я?

О. (ответ) Губительного я

Нет в мире хуже слова;

Мне жизнь мила моя, —

Коль может жизнью быть друга.

Поскольку автограф или копия этой редакции неизвестны, в настоящем издании приводится по рукописи Жуковского тот же вариант текста, который впервые опубликован в подборке Н. В. Соловьева.

4.

Радость иль кручину? — цитата из баллады «Светлана», ср.: «Что сулишь душе моей, // Радость иль кручину?»

7.

Все так ли, как в старину? — реминисценция из стихотворения «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» [1813], ср.: «Все так ли там, как в старину?»

8.

Ст. 8. *И утесистый парик* — Н. В. Соловьев приводит ошибочное чтение этого стиха: «А у тетушки — парик» (Соловьев. Т. 2. С. 120).

11.

Отдельная копия этого стихотворения сохранилась в подборке шуточных экспромтов Жуковского 1811—1814 гг., переписанных М. А. Протасовой, по-видимому, из альбомов Плещеевых и А. А. Протасовой (поскольку в основном все стихо-

творения этой подборки адресованы А. А. и А. И. Плещеевым, А. А. Протасовой и А. Ф. Воейкову — ПД, 27. 795 / СХСVIII.6.66, л. 4 об.). Некоторые из них, ранее не включавшиеся в собрания сочинений Жуковского, опубликованы в настоящем издании (см. комментарий к стих.: «К Плещееву» («Ты, Плещепуп...»); «Плещепупу»; «Стихи из альбомов»).

[13].

Этот последний экспромт не входит в цикл из двенадцати «Ответов на вопросы в игру, называемую *секретарь*», которые сохранились единым рукописным массивом в архиве Жуковского и так же напечатаны Н. В. Соловьевым. Копия экспромта о Максиме находится в вышеупомянутой тетради М. А. Протасовой, сразу вслед за копией № 11 («С чем сравнить гремушку»), где оба стихотворения пронумерованы: № 1 («С чем сравнить гремушку») и № 2 («У Жуковского к Максиму страсть, или просто милая привязанность?»). Поскольку экспромт о Максиме тоже представляет собой ответ на вопрос в игре «секретарь», мы сочли возможным включить его в приводимую подборку. Максим Григорьев (Белевский Максим) — слуга Жуковского, адресат его шуточных стихотворений (подробнее о нем см. в комментарии к стих. «Максим»).

О. Лебедева

La grande pensée

(«Лягушке вздумалось: сем сделаю с быка...»)

(С. 316)

Автограф (ПД. Р. I, оп. 42, № 2, л. 7) — белой, с заглавием: «La grande pensée».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РБ. 1915. № 8. С. 26.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: предположительно начало 1814 г.

В РБ (автор публикации Н. В. Соловьев) двустишие «La grande pensée» («Великая мысль») включено в общий состав «Шуточных стихов» из альбомов А. А. Воейковой и расположено вслед за «Ответами на вопросы в игру, называемую *секретарь*», относящимися к началу 1814 г. По своему характеру двустишие вполне вписывается в жанр этой игры. Источник этой публикации специально не оговаривается, но в известном нам альбоме А. А. Воейковой, где находится автограф, стихотворение идет вслед за «Тостом Жуковскому» А. Ф. Воейкова от 6 января 1814 г., дня годовщины возвращения Жуковского из армии (см. примеч. к стих. «Тост»). Такой контекст автографа позволяет считать временем создания двустишия начало 1814 г. — период черненско-муратовских развлечений и игр.

Не исключено, что эпиграмма имеет какой-то французский источник, но, возможно, французское заглавие лишь подчеркивает связь и переключку двустишия Жуковского с известным басенным сюжетом Лафонтена «La grenouille qui veut se faire aussi grosse que le bœuf» («Лягушка, хотевшая сделаться такой же большой,

как и бык»), обработанным на русской почве А. П. Сумароковым в баснях «Лягушка» и «Возгордевшая лягушка», Ю. А. Нелединским-Мелецким («Бык и лягушка») и И. А. Крыловым («Лягушка и Вол»). У Крылова эта басня входила в первое издание 1806 г., о котором Жуковский подробно говорил в своей статье «О басне и баснях Крылова».

А. Янушкевич

⟨К А. Ф. Воейкову⟩

(«О друг мой! жизнь крылатый час...»)

(С. 317)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 121.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: последние числа января 1814 г.

Совместный экспромт М. А. Протасовой (первые два стиха были написаны ее рукою — Соловьев. Т. 2. С. 121) и Жуковского связан с первым отъездом А. Ф. Воейкова из Муратова 31 января 1814 г. (см. стих. Воейкова «К Ек. (атерине) Аф. (анасьевне) П. (ротасовой)» — ВЕ. 1814. № 5. С. 33).

Ст. 2. *Мы радость ловим здесь украдкой...* — Ср. в стихотворении Воейкова «К Ек. Аф. П.»: «О, радость полная превыше бед моих! (...) И месяц радостей за год скорбей заплатата!»

Ст. 4. *Настал в Саратов ехать час.* — Вероятно, Воейков, уезжая в конце января из Муратова, по неизвестным причинам ввел Жуковского и Протасовых в заблуждение, сообщив, что он едет в Саратовскую губернию, тогда как на самом деле отправился в Москву и Петербург хлопотать о месте профессора в Дерптском университете. О том, что в Саратовской губернии Воейков имел какое-то пристанище, свидетельствует первое письмо Жуковского к Воейкову от сентября 1813 г., в котором он пригласил Воейкова погостить в Муратове: это письмо адресовано в Балашов, город в Саратовской губ. (РА. 1900. Т. 3. № 9. С. 16—17). В письме Жуковского Воейкову от 13 февраля 1814 г., также отправленном в Балашов, Саратов тоже упоминается как цель поездки Воейкова (Там же. С. 18). И только в конце февраля, получив письмо от Воейкова из Москвы, Жуковский узнал об истинной цели его поездки (Там же. С. 20—21).

О. Лебедева

⟨К А. А. Протасовой⟩

(«Что делаешь, Сандрок...»)

(С. 317)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Москвитянин. 1853. № 12. Отд. IV. С. 14 — в составе публикации Н. А. Маркевича «Письма В. А. Жуковского, А. Ф. Воейкова и И. И. Дмитриева».

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по другим изданиям.

Датируется: конец января 1814 г.

Автор первой публикации Николай Андреевич Маркевич (1804—1860)— поэт, мемуарист, историк Украины, сын соученика Жуковского по Московскому университетскому пансиону А. И. Маркевича. Стихотворение Жуковского, по утверждению Маркевича, было сообщено ему А. Ф. Воейковым, который сопроводил его примечанием: «Писано к А. А. Протасовой из Орла в Петербург». Эти сведения не могут быть достоверными: А. А. Воейкова впервые поселилась в Петербурге лишь в 1820 г. А. С. Архангельский отнес стихотворение к 1814 г. (ПСС. Т. 2. С. 84—85). Н. В. Соловьев, не предприняв попытки датировать стихотворение, которое он напечатал по автографу из альбома А. А. Воейковой (РБ. 1915. № 1. С. 27—28), поместил его в подборке текстов, относящихся к 1812 г. Наиболее вероятным в указанных хронологических пределах представляется 1814 г.: реминисценции из стихотворения содержатся в двух датированных текстах: стих. А. Ф. Воейкова «К осьмнадцатилетнему младенцу» (1814) и письме Жуковского к А. Ф. Воейкову от 13 февраля 1814 г. (см. ниже).

Ст. 4. *Стрижешь ли морды кошкам?..*— Вероятно, здесь имеется в виду какая-то конкретная шалость А. А. Протасовой: в письме к А. Ф. Воейкову от 13 февраля 1814 г. Жуковский называет ее «кошачьим брадобреем» и предлагает ему обстричь усы «всем кошкам от Муратова до Саратова» и привезти «большой пук кошачьих усов» в подарок А. А. Протасовой (РА. 1900. Т. 3. № 9. С. 17—18).

Ст. 7. *На Вицмановой рожке?..*— Сведений о Вицмане обнаружить не удалось, за исключением упоминания этого имени в послании (Протасовым) («Друзья! пройдет два дни...») и в долбинском стихотворении «К Кавелину». Из последнего явствует, что Вицман был врачом в Орле.

Ст. 10. *Иль мух сажаешь в банки...—* В публикации Н. В. Соловьева: «Иль мух собираешь в банки».

Ст. 11. *Иль проповедь с лежанки...—* У Соловьева: «Иль лежа на лежанке».

Ст. 13. *И рыжим парикам...—* У Соловьева: «Иль сальным парикам».

Ст. 14. *И разным женихам...—* У Соловьева: «И рыжим женихам». Может быть, в этом стихе содержится намек на сватовство А. Ф. Воейкова: он сделал предложение в конце марта— начале апреля 1814 г., однако уже в конце первого его пребывания в Муратове было ясно, что он сделает его (см. письма Жуковского к Воейкову первой половины 1814 г.— РА. 1900. Т. 3. № 9. С. 17—28).

Ст. 19. *Ты милое творенье...; ст. 23. Веселость, бог крылатый... (у Соловьева: «Веселость, гость крылатый»)*— Эти два стиха перефразированы А. Ф. Воейковым в его стихотворении «К осьмнадцатилетнему младенцу»:

Один любезный мне поэт,
Сказав в одном стихотвореньи,
«Что ты прелестное творенье
И что веселость спутник твой»,
Мое предупредил лишь мненье
Такой правдивою хвалой.

Это стихотворение с датой: «1814» и подписью: «Воейков», а также указанием на место написания: «Муратово» было напечатано Воейковым позднее в его журнале «Славянин» (1827. Ч. IV. С. 432—436).

О. Лебедева

К Тургеневу, в ответ на стихи, присланные им вместо письма

(«В день счастья вспомнить о тебе...»)

(С. 318)

Автографы:

1) ПД, № 102, I с — в письме Жуковского к А. И. Тургеневу, без даты, с припиской Воейкова.

2) РНБ, оп. 1, л. 134 об. — беловой, с незначительной правкой, с датой внизу: «26 марта».

Впервые: С. 1. Ч. 2. С. 67. Отдел «Смесь».

В прижизненных изданиях: С 2—5 (в С 1—4 отдел «Смесь»).

Датируется: 26 марта 1814 г.

Требует уточнения вопрос о времени написания послания. В С 1—3 оно датируется 26 марта 1814 г. В С 5 указывается 1810 г. В рукописном оглавлении к С 5 (РНБ, оп. 1, № 26, л. 78 об., 83) отнесено к 1811 г. В С 7—9 датируется 1813 г. В С 10 и ПСС отнесено к 1814 г. Веселовский считает временем написания послания 26 марта 1814 г. (Веселовский. С. 145). Этой же точки зрения придерживается и Ц. С. Вольпе (Стихотворения. Т. 2. С. 504), а также современные комментаторы и исследователи Жуковского (см.: СС. Т. 1. С. 439). Такая датировка послания представляется убедительной, о чем свидетельствует и его расположение в рукописи после стихов, датированных январем 1814 г., а также и факты личной биографии Жуковского и Воейкова первой половины 1814 г. (поездка Воейкова в Петербург для получения места профессора в Дерптском университете, вновь воскресшие надежды Жуковского на возможность брака с М. А. Протасовой). Наконец, в письме к Тургеневу 30 марта 1814 г. Жуковский говорит именно об этом произведении: «Стихи, сочиненные на твои два стиха итальянские, написаны для тебя и для нее, для *двух нераздельных в моем сердце*. Твоя бумажка будет всегда при мне. Первый день счастья запишу на ней» (ПЖТ. С. 112).

Реминисценции из этого послания (ст. 15—16) встречаются в письме Жуковского к Тургеневу от мая 1814 г. Ср.: «Не упрекай меня, брат! При всем этом мысль о тебе есть лучшее мое наслаждение.

О, что бы ни было, я знаю,

Где мне прибежище обрести»

(ПЖТ. С. 119).

Автографы несколько отличаются друг от друга. Так, имеющийся в автографе ПД ст. 16 «Ты судия избранный мой» в автографе РНБ отсутствует. Есть и некоторые разночтения. Ср. в письме Жуковского к Тургеневу: ст. 12 — Оно мой *лучший* утешитель; ст. 23 — О том, мой *милый брат*, ни слова; ст. 25 — Все ты мне *гением*

вождем (см.: ПЖТ. С. 110). Также в автографе ПД больше слов, выделенных курсивом. Все это позволяет говорить о том, что автограф в ПД является более ранним по времени написания, чем автограф, хранящийся в РНБ. И, по-видимому, все последующие публикации этого послания давались по рукописи РНБ, позднее доработанной поэтом. В настоящем издании текст печатается по этой рукописи.

Адресатом послания является Александр Иванович Тургенев, ближайший друг Жуковского, воспитанник Благородного пансиона при Московском университете, брат Андрея, Николая и Сергея Тургеневых (подробнее о нем см. примеч. к посланию «Тургеневу, в ответ на его письмо»). Послание представляет собой как бы дальнейшую поэтическую разработку авторской концепции счастья, ранее изложенной поэтом в его письме к Воейкову от сентября 1813 г. (РА. 1900. № 9. С. 16—17), М. А. Протасовой от 1814 г., в дневнике, а также в стихотворениях «Тургеневу» («Друг, отчего печален голос твой...»), «Светлане», «К самому себе». Общий контекст письма Жуковского к Тургеневу от 30 марта 1814 г. (именно эта дата стоит на письме-приписке А. Ф. Воейкова) переводит тему счастья из общеэстетического и этического в биографический план (поэт надеялся с помощью вмешательства ректора Петербургской духовной академии архимандрита Филарета добиться от Е. А. Протасовой согласия на брак с ее дочерью).

Эпиграф с итальянского «*В твои счастливые дни*

Вспомни обо мне!» (Источник неизвестен).

Поводом для написания послания послужило, видимо, любовное чувство Тургенева. Косвенно об этом можно судить на основании его письма к Жуковскому от середины декабря 1814 г. Ср.: «... по невольному движению Ею исполненного сердца, душа моя обращается к другому другу души моей, к тебе, мой милый, и тебе желает открыть себя. (...) Молчи, если любишь твоего друга Тургенева. Молчи о его тайне...» (цит. по: Ларионова Е. О. К истории стихотворения Жуковского «Императору Александру» // РЛ. 1991. № 3. С. 77).

Ст. 10—12. *Воспоминанием иным ~ Оно мой верный утешитель!*..— видимо, речь идет об умерших Андрее Ивановиче и Иване Петровиче Тургеневых.

Ст. 28. *Одна мольба: не упреди!*..— см. эти стихи в письме Батюшкова к Жуковскому из Италии от 1 августа 1819 г.: «Уведомь меня о твоих занятиях: что начал нового, что кончил? И отсюда я следую за тобою, желая счастливого пути твоему таланту, иди, одна мольба: не упреди» (цит. по : Батюшков. Т. 2. С. 555).

И. Поплавская

〈Первое апреля 1814 г.〉

(С. 319)

Редакторский цикл под условным названием 〈Первое апреля 1814 г.〉 группирует три стихотворения Жуковского из числа тех, которые опубликованы впервые Н. В. Соловьевым, с сохранением заглавий, в двух первых текстах произвольных, данных им при первой публикации:

[1] 〈Александре Андреевне Протасовой, описание поездки Жуковского к своему другу А. А. Плещееву〉 («По кочкам, колеям...»);

[2] (Письмо Жуковского в стихах и прозе, писанное у Плещеевых к Протасовым) («Я собирался к вам...»);

[3] «Похождения или поход первого апреля. (La bonne aventure)» («Был-жил в свете Букильон...»).

Это объединение предпринято для удобства комментария, поскольку все три стихотворения написаны в непосредственной хронологической близости, и название редакторского цикла (Первое апреля 1814 г.) обозначает дату, вокруг которой группируются их тексты. Н. В. Соловьев, опубликовавший эти стихотворения без фиксации их взаимосвязей, отнес их к 1810—1812 гг. Между тем некоторые реалии текстов заставляют пересмотреть эту датировку. В двух № [2] и № [3] упоминается доктор Фор: «Но в лапах у Лефорта...»; «В картузе Форт, краса людей...». В № [1] фамилия Фора прямо не названа, но фигурирует доктор, играющий с А. А. Плещеевым на биллиарде (известно, что Фор был отличным биллиардистом — см. стихотворение «К доктору Фору» в настоящем издании). По мемуарам Раймонда Фора, военного медика Первого кавалерийского корпуса французской армии, взятого в плен казаками под Тарутином, точно устанавливается дата его прибытия в Орел вместе с генералом Бонами (см. о нем в комментарии к стихотворению (А. А. Протасовой) «Лишь я глаза открыл...») — это 27 февраля 1813 г. (Faure M.-R. Souvenirs du Nord, ou la Guerre; La Russie et les Russes, ou l'Esclavage. P., 1821. P. 84—88). Даже если допустить, что в течение марта 1813 г. Жуковский и Плещеев познакомились с Фором (знакомство с Бонами документировано письмом Жуковского к А. И. Тургеневу от 9 мая 1813 г. — ПЖТ. С. 99), маловероятно, чтобы за такой короткий срок они успели подружиться настолько, чтобы Фор мог стать своим человеком в доме Плещеева и героем весьма вольной первоапрельской стихотворной шутки Жуковского. Вероятно, близкие дружеские отношения сложились у Жуковского с Фором в течение лета 1813 г., когда последний лечил тяжело заболевшую М. А. Протасову (см. письмо к А. П. Киреевской от июля 1813 г. — РС. 1883. Т. 37. № 1. С. 199—201). Несколько позже, 21 июня 1814 г., Жуковский от имени Плещеевых просил А. И. Тургенева выхлопотать для Фора разрешение остаться в Черни (ПЖТ. С. 121). Фор принимал участие в новогоднем празднестве в Муратове (см. комментарий к стихотворению «Стихи, читанные в Муратове на Новый 1814 год»). Все это позволяет с большой долей вероятности отнести тексты комментируемых стихотворений к 1814 г. Конкретизировать время их создания последними числами марта — началом апреля позволяют недвусмысленные указания на время года в их текстах: «По кочкам, колеям, // Преследуем суровым // Морозом...» (№ [1]); «Что будто в грязь по стуже // Поеду я домой...» (№ [2]), а № [3] называется «Похождения или поход первого апреля». Свидетельство того, что ранней весной 1814 г. Жуковский собирался нанести очередной визит в Чернь, находим в письме А. Ф. Воейкову от 20 февраля 1814 г.: «Плещеевы были у нас один только раз, а мы у них ни разу, и не думаю, чтобы скоро собрались. Из этого *мы* исключая *я*» (РА. 1900. Т. 3. № 9. С. 25). Наконец, последним аргументом, позволяющим локализовать три комментируемых текста в хронологических рамках последних чисел марта — первых чисел апреля 1814 г., является прозаическая приписка к № [2]: «Лихорадка моего Плещученьки обма-

нула нас для первого Апреля и не пришла, хотя и обещала» (полный текст см. в постишном комментарии). Таким образом, все три текста оказываются приурочены к одному месту — они написаны в имении А. А. Плещеева Чернь, одному времени года — концу марта — началу апреля 1814 г., что и позволило объединить их в редакторский цикл.

[1]

**〈Александре Андреевне Протасовой,
описание поездки Жуковского к своему другу А. А. Плещееву〉**
(«По кочкам, колеям...»)

(С. 319)

Автограф (ПД. Р. 1, оп. 9, № 38) — беловой, без заглавия и даты.

При жизни не печаталось.

Впервые: РБ. 1915. № 1. С. 25.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: около 31 марта 1814 г.

30 марта 1814 г., как свидетельствует письмо к А. И. Тургеневу, помеченное этой датой, Жуковский был еще в Муратове. Следующее письмо к А. И. Тургеневу, также написанное из Муратова, датировано 16 апреля 1814 г. (ПЖТ. С. 111—113).

Ст. 3. *Морозом, с Дербичовым...* — О каком лице идет речь, установить не удалось.

Ст. 14—15. *И с доктором долбил // В столовой шаропехом...* — Доктор — Раймонд Фор. Шаропех — бильярдный кий; слово — пародия на славянские неологизмы А. С. Шишкова.

(Приписка). *А Светлана? Ох, хороша!* — Имеется в виду А. А. Протасова, которую родные и друзья стали называть «Светланой» после публикации баллады Жуковского «Светлана» с посвящением «Ал.〈ександре〉 Ан.〈дреевне〉 Пр.〈отасовой〉» (ВЕ, 1813. Ч. 67. № 1—2. С. 67—75).

[2]

**〈Письмо Жуковского в стихах и прозе,
писанное у Плещеевых к Протасовым〉**
(«Я собирался к вам...»)

(С. 320)

Автограф (ПД. Р. 1, оп. 9, № 83) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РБ. 1915. № 1. С. 25—26.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: первые числа апреля 1814 г., на основании прозаической приписки в конце послания (текст см. в примечании к ст. 76).

Ст. 1—3. *Я собирался к вам ~ И с нежным поздравленьем...* — Первое апреля — день именин М. А. Протасовой. Кроме того, здесь вероятно предположить, что речь идет и о помолвке А. Ф. Воейкова с А. А. Протасовой, известие о которой Жу-

ковский получил, будучи в Черни у Плещеевых. Воейков вернулся в Муратово из деловой поездки в Петербург 26 марта 1814 г. (см. его приписку в письме Жуковского к А. И. Тургеневу от 16 апреля 1814 г.: «В 24-й день счастья. *Лето первое*» — ПЖТ. С. 115). В совместном письме Жуковского и Воейкова к А. И. Тургеневу от 30 марта 1814 г. о том, что Воейков сделал предложение, ничего не говорится. Учитывая строгую религиозность Е. А. Протасовой и дипломатичный характер обращения с ней Воейкова, представляется маловероятным, чтобы он мог просить руки А. А. Протасовой на Страстной неделе (Пасха в 1814 г. приходилась на 29 марта). Н. И. Греч, описывая в своих мемуарах сватовство Воейкова, приурочивает его к апрелю 1814 г. (Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 638). Может быть, Воейков сделал предложение 31 марта: сохранилось стихотворение, записанное им в альбом А. А. Протасовой под этой датой, текст которого косвенно свидетельствует о том, что его намерения были уже известны в семье Протасовых:

В грозу, прогуливаясь с Александрой Андреевной, 31 марта 1814 г.

ФАНТАЗИЯ

Гремит! Покойны мы душою —
 Твой Бог и я с тобою,
 Чего бояться нам?
 Отец, рази! С надеждой ожидаем,
 С любовью, верю в тот мир перелетим,
 И перед громом мы Твоим
 Свою молитву окончаем (РА. 1912. Т. 1. № 3. С. 415).

Ст. 14. *Без кенег, без тулуна...* — «Кенги, калоши, головка с подошвами сверх сапог, теплая обувь» — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.; СПб., 1881. Т. 2. С. 105.

Ст. 32. *Трофимовне сове...* — Трофимовна сова — персонаж басни Жуковского «Кот и мышь» (1806).

Ст. 35. *Но в лапах у Лефорта...* — Ле Форт, доктор Фор.

Ст. 43. *Зато уж наша Нина!*.. — Анна Ивановна, жена А. А. Плещеева.

Ст. 76. *Их быстрое стремленье...* — За этим последним нерифмованным стихом послания следовала прозаическая приписка, воспроизведенная Н. В. Соловьевым: «Но должно кончить прозой... Анна Ивановна, которая изволила нас с Букильоном обмануть жестоким образом (верно уже она тем и похвасталась в своем письме), кричит вдобавок в дверь: печатай письмо.

Будьте здоровы, милые друзья! Дни через три, или четыре я непременно буду у вас! Напишите, куда приехать, в Муратово или в Орел? Прошу Вас исполнить следующую мою просьбу. Завтра или послезавтра придет мой староста с рекрутами в Орел. Прикажете Вам позаботиться об поставке. Я велел прямо к нему явиться. Второе — узнайте, нет ли писем из Петербурга на мое имя.— Наши здешние дела, слава Богу, идут хорошо. Лихорадка моего Плещученьки обманула нас для первого Апреля и не пришла; хотя и обещала. Целую Ваши ручки». Н. В. Соловьев сделал к этому тексту следующее приме-

чание: «Вася — вероятно, В. А. Азбукин». Это не может быть так, поскольку весной 1814 г. об Азбукине в Муратове ничего не знали: он вернулся к родственникам только после взятия Парижа, в июле-августе 1814 г. (см. примечания к стихотворению «Добрый совет. В альбом В. А. А. (збукину)»).

[3]

Похождения или поход первого апреля (La bonne aventure)

(«Был-жил в свете Букильон...»)

(С. 322)

Автограф (ПД. Р. 1, оп. 9, № 19) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 8. Т. 1. С. 532, фрагмент: стихи 1—18, с разночтениями.

Впервые полностью: Соловьев. Т. 2. С. 108—111.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: первые числа апреля 1814 г.

Стихотворение представляет собой образец автопародии Жуковского, аналогичный пародийной балладе «Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста». Не случайно и мотивы французских куплетов, на которые написаны первые строфы «Похождения...» (*La bonne aventure* — прекрасное приключение; *Oui poire, mais pas si diable* — Да, черен, но не так уж дьявольски; *Triste gaiçon* — грустное соображение), использованы также во французских куплетах, принадлежащих перу А. А. Плещеева в балладе «Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста» (см. комментарий).

Ст. 1. *Был-жил в свете Букильон...* — Букильон Осип Петрович — управляющий именем А. А. Плещеева Большая Чернь. Ему посвящено также долбинское стихотворение «*De Vouquillon*».

Ст. 22. *Прошел ли пароксизм, пришел ли пот и сон?..* — Вероятно, имеется в виду состояние здоровья А. А. Плещеева, сильно простудившегося накануне (ср. со ст. 19—25 «*А лихорадка с нами ~ И мерзнул, и потел...*» в предыдущем стихотворении).

Ст. 41. *Но что, Тераль, что нам твой вид вещает!..* — По всей вероятности, эта строфа описывает состояние больного Плещеева. Однако этимологию слова или принадлежность фамилии Тераль установить не удалось. Возможно, это ошибочное прочтение.

Ст. 50—51. «*Monsieur Vouquillon!*» // «*Aimable Жуковский!*»... — Перевод: Господин Букильон! // Любезный Жуковский! — *фр.* Этот куплет написан метром романса «Тоска по милом» (1807, перевод стихотворения Ф. Шиллера «*Des Mädchens Klage*»). А. А. Плещеев положил этот романс Жуковского на музыку.

Ст. 53. *Наш лекарь заморский...* — Доктор Раймонд Фор.

Ст. 58. *И слова еще звучали...* — Первый стих последней строфы баллады «Кассандра» (1809). Вся эта строфа представляет собой смеховой парафраз последней строфы баллады «Кассандра», также положенной Плещеевым на музыку.

Ст. 72. *И Визар, всплеснув руками...*— У Соловьева неверное прочтение фамилии («Вилар»). Мсье Визар — Wisard Jean-Elie (1765—1828, швейцарец, родился в Лозанне, похоронен в Москве на иноверческом кладбище на Введенских горах) — гувернер детей А. А. Плещеева. Т. Толычева (Е. В. Новосильцева) упоминает эту фамилию в «Рассказах и анекдотах»: «Француз, mr. Visard, гувернер маленьких Плещеевых, играл обыкновенно роль хранителя печатей (канцлера) [в игре «секретарь» — О. Л.], и на его груди красовалась надпись: *Garde des sots* [«Хранитель дураков» — О. Л.], вместо *sceaux* [«печатей» — оба слова произносятся одинаково — О. Л.]; каламбур относился к его воспитанникам, с которыми он не умел ладить» (РА. 1877. Кн. 2. № 7. С. 366—367).

Ст. 86—93. *В картузе Форт, краса людей ~ Степан Максимыч там страдает...*— Эта строфа написана метром романса «Цветок» (1811, перевод одноименного романса Ш.-Ю. Мильвуа), музыку к которому написал А. А. Плещеев.

Ст. 96—105. *Сей друг, кого запор вовек не побеждал! ~ И сделался тако больным человеком!..*— В этой строфе использован метр стихотворения «Песнь араба над могилою коня» (1810, перевод стихотворения Ш.-Ю. Мильвуа), положенного на музыку А. А. Плещеевым.

Ст. 104. *И сном он спокойным заснул над Левеком...*— Левек Пьер-Шарль (1736—1812) — французский историк, член Академии надписей и изящной словесности (1787), посетивший Россию по рекомендации Д. Дидро, автор труда «История России» (французское издание — 1780; русский перевод — 1787).

Ст. 114—127. *Что же? что ужасный сон! ~ Пойте: Многи леты!..*— Последняя строфа «Похождения...» написана с использованием метрики и строфики баллады «Светлана» (1812), к которой А. А. Плещеев написал музыку.

О. Лебедева

⟨Постскриптум к посланию А. Ф. Воейкова⟩

(«Мое postscriptum, брат Дашков!..»)

(С. 326)

Автограф неизвестен.

Копия (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1104, л. 12 об.—13) — рукою В. Ф. Вяземской.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1962. № 4. С. 142 (публикация В. С. Нечаевой); вторично, с уточнением датировки: РА. 1986. № 3. С. 123 (публикация С. А. Кибальника).

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по рукописи.

Датируется: середина мая — начало июня 1814 г. Обоснование датировки см.: Кибальник С. А. Из предыстории «Арзамаса» // РА. 1986. № 3. С. 122.

Копия ⟨Постскриптума⟩ обнаружена В. С. Нечаевой в записной книжке П. А. Вяземского, которую он завел специально для фиксации материалов литературной борьбы; на предыдущих двух листах (11—12 об.) рукою В. Ф. Вяземской переписано послание А. Ф. Воейкова «Дашкову»; в конце копии ⟨Постскриптума⟩ рукою П. А. Вяземского приписано: «Постскриптум Жуковского».

Адресат послания А. Ф. Воейкова и (Постскриптума) Жуковского — Дашков Дмитрий Васильевич (1788—1839), соученик Воейкова и Жуковского по Московскому университетскому благородному пансиону — переводчик, критик, прозаик, один из инициаторов литературной полемики архаистов и новаторов; рецензия Д. В. Дашкова на «Перевод двух статей из Лагарпа» А. С. Шишкова (Цветник. 1810. № 11—12), а также брошюра «О легчайшем способе возражать на критики» (отд. изд.: СПб., 1811) послужили непосредственным поводом к столкновению членов «Беседы любителей русского слова» с будущими арзамасцами (в 1815 г. Д. В. Дашков стал одним из членов-учредителей общества «Арзамас»; см.: Арзамас—1. С. 24). Как отметил С. А. Кибальник, «непосредственным импульсом к написанию послания [«Дашкову»] А. Ф. Воейкову послужило письмо к нему В. А. Жуковского от 20 февраля 1814 г.: «Не заводя партий, мы должны быть стеснены в маленький кружок. Вяземский, Батюшков, я, ты, Уваров, Плещеев, Тургенев должны быть под одним знаменем простоты и здравого вкуса. Забыл важного и весьма важного человека: Дашкова. Обними его за меня и по-братски» (Кибальник С. А. Указ. соч. С. 122; РА. 1900. № 9. С. 26). Ср. начало послания А. Ф. Воейкова «Дашкову»: «Дашков! Хранитель бодрый вкуса...» О том, что к концу июня послание Воейкова с постскриптомом Жуковского было уже известно Дашкову, свидетельствует письмо последнего П. А. Вяземскому от 25 июня 1814 г.: «Не знаю, прислал ли Вам друг наш Воейков новое свое послание к Вашему покорному слуге. (...) Если у Вас нет сего послания, то я пришлю его к Вам при первом удобном случае» (Арзамас—2. Т. 1. С. 226). Таким образом, можно предположить, что источником копии в записной книжке Вяземского был автограф письма Воейкова с текстом послания «Дашкову» и стихотворной припиской Жуковского.

Ст. 3. *Твою прозою целебной...*—имеются в виду критические выступления Д. В. Дашкова против архаистов в 1810-х гг. Они не только создали ему репутацию блестящего полемиста, но и послужили поводом исключения Дашкова из «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» в 1812 г. (РС. 1884. № 7. С. 106—108). После этого Дашков на несколько лет прекратил свою литературно-полемическую деятельность (см.: Кибальник С. А. Указ. соч. С. 122). Послание А. Ф. Воейкова и (Постскриптум) Жуковского имели целью побудить Дашкова к ее возобновлению; ср. в послании Воейкова: «Но тщетно мы средь восхищений // Ждем новых от тебя творений. // Ты спишь... проснись, любимец муз!» (Арзамас—2. Т. 1. С. 257).

Ст. 6. *Какой-то, слышу, дух враждебный...*—С. А. Кибальник считает этот стих намеком на А. С. Шишкова (Указ. соч. С. 124). Скорее, здесь речь идет об оживлении литературной полемики архаистов и новаторов в 1814 г. (см. комментарий к стихотворению «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину»).

Ст. 8—9. *Что Феб, озлясь, их заключил // В бедлам...*—Бедлам — название лондонского сумасшедшего дома, ставшее нарицательным.

Ст. 14. *Сидит наш друг, певец во стане...*—Жуковский имеет в виду самого себя. После того как стихотворение «Певец во стане русских воинов» приобрело широкую популярность, Жуковского стали отождествлять с его лирическим героем.

Текст стихотворения «Певец во стане русских воинов» печатался с примечаниями Д. В. Дашкова (см. комментарий).

Ст. 22—24. *Сады Делиля в огород ~ Напасть с гекзаметром врасплох!*.— Жуковский подразумевает перевод описательной поэмы Ж. Делиля «Сады» (Воейков работал над ним в 1814 г; изд.: Делиль Ж. Сады, или Искусство украшать сельские виды. СПб., 1816), а также замысел перевода поэмы Вергилия «Георгики» (отд. изд.: Вергилий. Эклоги и Георгики. Т. 1—2. СПб., 1816).

Ст. 31. *И будет добрая сатира...*— В. С. Нечаева и С. А. Кибальник единодушно интерпретируют (Постскриптум) Жуковского как источник замысла сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» (см.: РЛ. 1962. № 4. С. 144—145; РЛ. 1981. № 3. С. 124).

О. Лебедева

⟨К Марии Андреевне Протасовой⟩

(«Нет, право, мочи нет...»)

(С. 327)

Автограф (ПД. Р. 1, оп. 9, № 34, л. 1—1 об.)—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РБ. 1915. № 1. С. 28. Публикация Н. В. Соловьева.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: январь-март 1814 г.

Датировка предположительная. По тону, лейтмотивным словесным образам, метрике стихотворение явно напоминает ряд шуточных обращений Жуковского к членам семейства Протасовых и А. П. Киреевской (см.: «Первое апреля 1814 г.», «Авдотья, напишите...» и т. д.). Маловероятно, что оно было написано в 1812 г., как его датирует Н. В. Соловьев (С. 26—27): в первой половине года Жуковский получил отказ Е. А. Протасовой в руке Маши; с 3 августа 1812 г. по 6 января 1813 Жуковский отсутствовал в Муратове; летом 1813 г. М. А. Протасова серьезно заболела; весной 1814 г. Жуковский еще раз получил отказ в ее руке. За этот промежуток времени есть только два момента, когда он мог обратиться к Протасовой с комментируемым посланием: это первые месяцы по возвращении из армии (январь-май 1813 г.) и первые месяцы 1814 г. (январь-март), до вторичной попытки сватовства. Последнее предположение представляется более вероятным.

Ст. 16. *А Теофраст докажет...*— Теофраст (Теофраст; кон. IV—1 пол. III в. до н. э.)—афинский философ-моралист, ученик Аристотеля, схолярх перипатетиков в афинском Ликее, автор трактата «Характеры». В контексте стихотворения ссылка на Теофраста носит иронический характер. В трактате Теофраста нет ни одного тезиса, хотя бы приблизительно напоминающего эту максиму: «*Пьяный никогда // Истинны не скажет*». Однако само возникновение имени Теофраст глубоко закономерно: как классический моралист, Теофраст безусловно присутствовал в круге чтения Жуковского и М. А. Протасовой, постоянно читавших вместе сочинения моралистов.

Ст. 19—21. *Давно Сократ сказал ~ Создатель в жизни друга.*— Это высказывание восходит к басне Лафонтена «Parole de Socrate» («Сократово слово»). По мотивам сюжета этой басни написал свое стихотворение Ю. А. Нелединский-Мелецкий (см.: Русская басня XVIII—XIX веков. Л., 1977. С. 194, 558).

Ст. 25. *Но Нина шепчет мне...*— речь идет об Анне Ивановне Плещеевой.

О. Лебедева

«Мой друг утешительный!..»

(С. 329)

Автограф (ПД. Р. I, оп. 9, № 3, л. 15, лицевая сторона верхней части обложки тетради)— беловой, с датой: «Июнь».

Впервые: Письма-дневники. С. 145. Ср.: Веселовский. С. 163—164.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: июнь 1814 г.

Стихотворение открывает дневник Жуковского за 1814 г. и является своеобразным эпиграфом к нему. Текст произведения находится на обложке одной из маленьких тетрадок (всего их 5; форматом 9,5 x 10,1 см.), с крышкой из синей бумаги, что дало возможность самому Жуковскому называть их «синенькие книжки» (подробнее см.: Письма-дневники. С. 145). Адресатом всех этих записей, получивших ответную реакцию в виде писем, что и дало возможность назвать этот тип дневников поэта письмами-дневниками, является М. А. Протасова. Первая датированная запись относится к понедельнику, 21 июня 1814 г., и это позволяет говорить и о предположительной датировке произведения именно этим временем.

Это был один из самых драматических периодов в жизни поэта, когда его надежды на брак с Машей Протасовой были разрушены (подробнее см.: Веселовский. С. 162—164). Письма-дневники становятся формой исповедания новой жизненной философии, отражением мучительных поисков новых отношений с Машей и ее окружением, прежде всего с матерью, Екатериной Афанасьевной, и Воейковыми. Образ Маши как «ангела утешителя», как верного и вечного друга, мысли о «счастливом вместе» определяют все пространство этого «человеческого документа». Стихотворение «Мой друг утешительный!..» поэтически концентрирует эти настроения.

Любопытно, что для выражения своего чувства Жуковский обращается к собственному переводу стихотворения Гёте «Моя богиня» (1809). Последние 10 стихов перевода: «Мой друг утешительный ... Надежда отрадная!» он перелагает на язык писем-дневников 1814 г. и своих отношений с Машей Протасовой.

А. Ялушкевич

(К И. П. Черкасову)
(«Володьковский Барон!..»)
(С. 329)

Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 187, № 10840, л. 12)—рукою И. П. Черкасова в письме А. И. Тургеневу от 23 сентября 1814 г. из села Володьково.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1974. Вып. 35. С. 248. Публикация Е. П. Мстиславской.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по рукописи.

Датируется: 1 сентября 1814 г. на основании даты, стоящей в конце стихотворного текста.

Черкасов Иван Петрович, барон (ок. 1761—после 1830)—хозяин поместья Володьково (Белевского уезда Тульской губ.), находившегося в близком соседстве с тульскими поместьями рода Буниных. О роде Черкасовых сохранилось очень мало сведений. Наиболее полную подборку см.: Мстиславская Е. П. Послание В. А. Жуковского к И. П. Черкасову // Записки ОР ГБЛ. Вып. 35. С. 251—252. Знакомство Жуковского с И. П. Черкасовым состоялось в начале 1800-х гг.; в дневниковой записи «Прошедшая жизнь» Жуковский отнес его к 1802—1803 гг. (Дневники. С. 40). Первое документированное свидетельство о близком и доверительном общении Жуковского с Черкасовым — дневниковая запись, датированная 16 июля 1805 г. 1806 г. датируется записка «Герой Володьковский да знает...» (см. комментарий в настоящем изд.); в архиве Жуковского сохранились два дружеских письма Жуковского к И. П. Черкасову от 1808 г. (РНБ, оп. 2, № 452). Особенно близко Жуковский сошелся с семьей Черкасовых в 1813—1814 гг., после возвращения из похода 1812 г. и в период своего неудачного сватовства к М. А. Протасовой в начале 1814 г. Жене и детям И. П. Черкасова посвящено несколько долбинских посланий поэта.

В мае 1813 г. И. П. Черкасов ездил в Петербург по тяжбному делу; Жуковский дал ему рекомендательные письма к своим друзьям, А. И. Тургеневу и Д. В. Дашкову. Вероятно, после этой первой поездки отлучки И. П. Черкасова в Петербург стали частыми, а тяжбы приобрели регулярный характер: летом 1822 г. М. А. Мойер-Протасова, приехавшая из Дерпта в Муратово, писала Е. А. Протасовой и А. А. Воейковой: «Ив.(ан) Петр.(ович Черкасов) опять в уголовном суде и, говорят, получил опеку (...)» (УС. С. 280). Послание Жуковского вызвано одной из таких затянувшихся отлучек.

Ст. 9. *Нахмурен круглый стол...*— Стол в каминной гостиной володьковского дома часто упоминается в письмах и посланиях Жуковского 1814 г., ср.: «Не правда ли, что жизнь была бы прекрасною вещью, когда бы половина или хотя утро каждого дня было таким, какое провели мы вместе в Володькове за круглым столом» (РС. 1883. Т. 37. № 2. С. 447).

Ст. 14—15. *О том, как победитель // У Бельта встречен был...*— Речь идет о возвращении русской армии во главе с Александром I из заграничного похода; Бельт — один из западных проливов Балтийского моря.

Ст. 18. *Каков собор Казанский...*— Казанский собор в Петербурге, в связи с тем, что в нем в 1813 г. был захоронен прах М. И. Кутузова, а также размещены отбитые у французов знамена и другие трофеи и реликвии войны 1812 г., стал в это время своеобразным пантеоном славы русского оружия.

Ст. 20. *Поет ли старец Званский...*— Г. Р. Державин, имение которого на берегу р. Волхов называлось Званка. В 1811 г. отношения Жуковского и Державина резко обострились из-за неудовольствия последнего по поводу помещения его од в первых двух томах СРС, издаваемого Жуковским (см. письмо Г. Р. Державина к А. И. Тургеневу // Державин Г. Р. Сочинения. 2-е изд. СПб., 1876. Т. 6. С. 208—210). Жуковский, в свою очередь, заметил в письме А. И. Тургеневу от 27 марта 1811 г.: «... в поступках его [Державина] тот же самый сумбур и беспорядок, который в его одах» (ПЖТ. С. 90).

Ст. 22—24. *И Батюшков-ленивец ~ Парнасския проказы?..*— К. Н. Батюшков вернулся из заграничного похода русской армии в июле 1814 г. Эпитеты характеристики Батюшкова в данном послании восходят к поэтической фразеологии самого Батюшкова (ср. в «Моих Пенатах»: «Беспечные счастливыцы // Философы-ленивцы»); «малютка» относится к маленькому росту поэта (ср. в стих. Жуковского «Ареопагу»: «Малютка Батюшков, гигант по дарованью»); «герой» имеет в виду недавнее военное прошлое поэта; «парнасская проказа» — здесь: новые стихи.

Ст. 27—30. *Какие вам указы ~ И ябед, и крючков...*— Д. В. Дашков, о котором идет речь в этом фрагменте послания, служил в департаменте Министерства юстиции и мог оказать Черкасову реальную помощь в тяжбе. Ожидание новых указов связано с либеральными реформами первых лет царствования Александра I. «Ябеды и крючки» (ложные обвинения и препятствия в судопроизводстве) — судебские идиомы XVIII — начала XIX в.

Ст. 32. *Что мой Тургенев-брат...*— А. И. Тургенев, в 1810—1824 гг. директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий, был очень влиятельным лицом, поэтому Жуковский направил Черкасова именно к нему (рекомендательное письмо от 15 мая 1813 г., ПЖТ. С. 100—101). А. Н. Веселовский в связи с этим стихом приводит следующую цитату из неопубликованного письма А. И. Тургенева к Жуковскому от 29 сентября 1814 г.: «Слова „Что мой Тургенев брат“ в послании к володьковскому барону меня тронули до глубины сердца и несколько укротили дружеский гнев мой на тебя за долгое и тщетное ожидание того длинного письма, которое давно, давно обещано было» (Веселовский. С. 175).

О. Лебедева

• ДОЛБИНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ •

Октябрь, ноябрь и декабрь 1814 г. имеют в творческой биографии Жуковского особенное значение. Получив разрешение жить в Дерпте со всем семейством Протасовых, Жуковский испытал невиданный прилив творческого вдохновения. За три с небольшим месяца он написал около 60-ти произведений самых разных жанров, в диапазоне от бытовой юмористической записки к соседям («Записка к Полонским») и автопародии («Любовная карусель...») до крупных лироэпических опытов в жанрах послания («К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину», «Императору Александру»), лирического гимна («Певец в Кремле»), стихотворной повести («Аббадона») и баллады. Переломный момент человеческой судьбы поэта и необыкновенная интенсивность творчества определили новизну эстетической позиции Жуковского: «(...) писать и жить как пишешь. Стоить своего счастья, а оно будет наше. (...) быть поэтом и писать не для низкого всеобщего одобрения, а для семейства прекрасных людей, с которыми породнишься посредством высоких, неложных и хорошо выраженных чувств, которые, может быть, останутся и для потомства? Слава, истинная слава! А для меня она выше, нежели для других» — эти слова из письма к А. И. Тургеневу от 20 октября 1814 г. (ПЖТ. С. 125), в которых варьируются основные эстетические тезисы послания «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину», почти дословно совпадают с «Выпиской из моего устава» на обороте титульного листа одной из рабочих тетрадей Жуковского осени 1814 г.: «Заниматься беспрестанно и всегда самым лучшим образом. Во всякую минуту думать: не могу не сделать это лучше — *и делать*. Доверенность к творцу и надежда на все хорошее. Аминь! *Activité dans mon petit cercle. Persévérance!* Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten. Счастье впереди! Вопреки всему будь его достоин, и оно будет твое». (РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 13, л. 1об. Перевод: Деятельность в моем маленьком кругу. *Терпение!* — фр.; Единый миг все может изменить — нем.). Этот эпиграф, предпосланный Жуковским целому периоду его творческой жизни, свидетельствует о том, что сам поэт хорошо осознавал переломный характер трех последних месяцев 1814 г. Излюбленные словесные мотивы и нравственные постулаты, сформулированные в этой записи, надолго определяют его жизненную позицию. Слово «*Persévérance*» (настойчивость, упорство, твердость, терпение) — лейтмотивное в эпистолярных документах Жуковского 1814 г.: еще 31 июля 1814 г. он писал А. Н. Киреевской: «Подумаем же вместе, какую бы одну фразу выбрать покороче, но такую, чтобы ее можно было растянуть на всю жизнь (...). *Persévérance* да и только (...). Что ни есть доброго в настоящем и будущем, все можно прицепить к этому слову» (РС. 1883. Т. 37. № 2. С. 448). Слово «*Persévérance*», так же как и любимая Жуковским цитата из поэмы К.-М. Виланда «Оберон» (Единый миг все может изменить) — это лейтмотивы его переписки с М. А. Протасовой в 1814—1815 гг. (Письма-дневники. С. 157, 176, 180, 185, 200).

По названию поместья А. Н. Киреевской Долбино (находящегося в Лихвинском уезде Калужской губернии, но расположенного недалеко от тульского города Белева), где Жуковский прожил вторую половину 1814 г., он назвал стихотворе-

ния, созданные в этом пространственно-временном локусе, «долбинскими». Автографы практически всех текстов, созданных Жуковским в октябре-декабре 1814 г. (за исключением двух: «Ноябрь» и (А. А. Воейковой) «Сашка, Сашка...»), сосредоточены в двух рабочих тетрадах, озаглавленных рукою Жуковского «Долбинские стихотворения I» (РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 13) и «Долбинские стихотворения II» (РГАЛИ, ф. 198, оп. 3, № 8). Обе тетради являются черновыми; фрагменты тетрадей, содержащих беловые копии долбинских стихотворений, выполненные В. И. Губаревым (см. о нем в комментарии к стихотворению «К А. А. Плещееву» — «Ну как же вздумал ты, дурак...») и А. А. Протасовой, сосредоточены в подборках разрозненных листов и тетрадей, которые описаны И. А. Бычковым под № 15 (РНБ, ф. 286, оп. 1, № 15, лл. 1—2; 16—19; 66—77; см. также: Бумаги Жуковского. С. 41—46) и № 26 (РНБ, ф. 286, оп. 1, № 26, лл. 7—19 об; см. также: Бумаги Жуковского. С. 56—57). Эти материалы свидетельствуют о том, что Жуковский осознавал долбинские стихотворения как особый этап своей творческой биографии и определенное художественное единство. Обе рабочие тетради открываются списками произведений, созданных Жуковским долбинской осенью; еще один такой список сохранился в папке с планами и набросками стихотворений Жуковского, которая описана И. А. Бычковым под № 77: последний представляет собой подневную хронологическую роспись за ноябрь-декабрь 1814 г.; два предыдущих — жанрово-тематическую роспись, в которой долбинские стихотворения сгруппированы по рубрикам. Оба списка открываются стихотворением «Библия» (№ 1), далее под № 2 собраны антологические стихотворения (эпиграммы, эпитафии), под № 3 — альбомные стихи, под № 4 — домашняя поэзия и шуточные послания, под № 5 — литературно-критические послания, под № 6 и далее — лироэпос: баллады, «Аббадона», «Императору Александру», «Певец в Кремле». Поскольку эти списки чрезвычайно важны для датировки долбинских стихотворений, приводим их здесь полностью. Сокращения Жуковского дополняются в конъектурных скобках, зачеркивания воспроизведены в квадратных.

I. Хронологическая роспись долбинских стихотворений (РНБ, оп. 1, № 77, л. 25; в столбец).

27 сент.(ября) — 1 окт(ября) В Мишенском. 2 окт.(ября) Добрый совет (в альбом В. А. Азбукину). 4—5 (октября) Библия. 5(октября) Записка (Бесподобная записка к трем сестрицам в Москву). Росписка (Маши). Мотылек. Желание (и наслаждение). Мелочи. 9—10 (октября) У баронессы (М. А. Черкасовой). 11 (октября). В альбом (баронессе Е. И. Черкасовой). 14 (октября) К Вяземск.(ому) и Пушк.(ину). 15 (октября) Послание к Плещееву. 17 (октября) Записка к барон.(ессе М. А. Черкасовой). [Белев]. 19 (октября) К Полонским. 14—19 (октября) Старушка. 20—22 (октября) У баронессы (М. А. Черкасовой). 23 (октября) Мелочи. 24—27 (октября) Варвик. 28—30 (октября) Алина и Альсим. Эльвина и Эдвин. 31 (октября) У Плещеева. 1—3 нояб.(ря) Ахилл. 4 (ноября) В альбом Анне Ив.(ановне Плещеевой) (У Плещ.(еевых)). 5 (ноября) Послание к Вяз.(емскому). 8—9 (ноября) Посл.(ание) к Вяз.(емскому). 12 (ноября) В Белеве. 9—13 (ноября) Эолова арфа. 14—16 (ноября) Посл.(ание) к Госуд.(арю — «Императору Александру»).

17—23 (ноября) Ответ, Посл(ание) к Госуд.(арю), Искупл.(ение), Аббадона. 24 (ноября) к баронессе (М. А. Черкасовой). 1—4 декаб.(ря) Планы. Отобр.(ать все). Теон (и Эсхин). Начало Певца (в Кремле). 4—11 (декабря) Аббад.(она). К Голиц.(ыной — неосуществленный замысел). 21—24. У бар.(онессы). План для Авд.(отьи) Петр.(овны Киреевской). Писать к Павл.(у) и Мих.(аилу). 25—31. К Ант.(онскому) и Увар.(ову — неосуществленные замыслы).

II. Жанрово-тематическая подборка долбинских стихотворений (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 1 — «Долбинские стихотворения I»).

1. Библия. 2 Мотылек. Желание (и наслаждение). Эпитафии и пр.(очие) мелкие пиесы. Амур и мудрость. Феникс и голубка. Безрассудное мщение. Бесплезная скромность и все, что случилось написать мелочи. 3. Добрый совет (в альбом В. А. Азбукину). Записка к трем сестр.(ицам) в Москву. Росписка Маши. В альбом баронессы (Е. И. Черкасовой). В альбом Петруше (барону И. П. Черкасову). 4 Записка к баронессе (М. А. Черкасовой). Записка к Полонским. Послание к Плещееву. 5. Послание к Вяземскому и Пушкину. Послание к Вяземскому. 6 Варвик, Эльвина и Эдвин, Алина и Альсим. 7 Ахилл. 8. Старушка. 9. Послание к Государю. 10. Песнь на 25 декаб.(ря — «Певец в Кремле»). 11. Искупление («Вадим»). 12. Нина (в альбом А. И. Плещеевой). 13. Эолова арфа.

III. Жанрово-тематическая подборка долбинских стихотворений с указанием времени написания (РГАЛИ, оп. 3, № 8, л. 1 — «Долбинские стихотворения II»).

1. Библия 4—5 окт.(ября). 2. Мотылек 7 окт.(ября). Желание (и наслаждение). 8 окт.(ября). Эпитафии и пр.(очие) мелочи 8 окт.(ября). Амур и мудрость 23 о.(ктябрь). Феникс и голубка 23 о.(ктябрь) Безрассудное мщение, Бесплезная скромность 23 о.(ктябрь). 3. Добрый совет (в альбом В. А. Азбукину) 2 о.(ктябрь). Записка к трем сестрицам (в Москву). 6 о.(ктябрь) Росписка Маши. 6 о.(ктябрь). В альбом баронессы (Е. И. Черкасовой). 11 о.(ктябрь). 4. Записка к баронессе (М. А. Черкасовой). 17 (октябрь). Записка к Полонским 19 (октябрь) Послание к Плещееву 15 о.(ктябрь) 5. Послание к Вяземскому и Пушкину 14—17 о.(ктябрь). Послание к Вяземскому. 6. Алина и Альсим 27—30 (октябрь). Эльвина и Эдвин 28—30 (октябрь). 7. Варвик 24—27 окт.(ября). 8. Старушка 14—19 окт.(ября). 9. Послание к государю 13 (ноября). 10. Песнь на торжество («Певец в Кремле»). 11. Аббадона. 12. Ахилл 1—3 ноября. 13. [Нина. Искупл.(ение)]. 14. Искупление («Вадим»). 15. Эолова арфа. Ноября 9—13. 16. Послание к Вяземскому 7 (ноября). 17. Послание к Вяз.(емскому). 8—9 (ноября). 18. Послание к Антонскому (Неосуществленный замысел). 19. Пиндар. 20. К Воейкову. («О, Воейков! видно, нам...»). 21. Тульск.(ая) балл.(ада). 22. Максим. 23. К Кавелину. 24. К Букильону. 25. Теон и Эсхин. 26. Ребенок в челноке («Стансы» («Можно ль в жизни молодой...»)).

Эти списки свидетельствуют прежде всего о том, что в сознании Жуковского все произведения, написанные долбинской осенью 1814 г., существовали как целостное художественное единство. Намек на то, что Жуковский даже собирался напечатать их отдельным сборником, можно усмотреть и в жанрово-тематической структуре, традиционной для эдиционной практики Жуковского, и в письме

А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 г.: «Прошедшие Октябрь и Ноябрь были весьма плодотворны. Я написал пропасть стихов; написал их столько, сколько силы стихотворные могут вынести. Всегда так писать невозможно: ухлопаешь себя попустому. А почти так всегда писать можно и должно. Жизнь мне изменяет; уцепился за бессмертие! (...) Переведены четыре баллады, да две сочинены, да еще три послания к Вяземскому, не считая всякого рода мелкой дряни, и годной, и негодной. Все это будет доставлено к тебе вместе с прочим, (...) совсем готовое для печати» (ПЖТ. С. 131—132).

Однако при жизни Жуковского такое издание не было осуществлено. Из 56 текстов, написанных им долбинской осенью, Жуковский напечатал чуть больше половины: баллады, «Императору Александру», «Аббадону», «Теона и Эсхина», «Библию», одно из трех посланий к Вяземскому и В. Л. Пушкину, отрывок из послания «Ты, Вяземский, хитрец, хотя ты и поэт...», послание к нему же «Нам славит древность Амфиона...», отрывок «Бесподобной записки к трем сестрицам в Москву», а также несколько мелких антологических и альбомных стихотворений. Двадцать четыре долбинских стихотворения, которые остались в рукописях поэта и в основном относились к разряду «домашней поэзии», пародии и сатиры, были впервые напечатаны П. И. Бартеневым в РА, 1864 (С. 1005—1050, публикация подготовлена П. А. Вяземским к 50-летней годовщине долбинской осени, со следующей вводной заметкой: «Рядом с произведениями, составившими его славу, он много писал стихов просто потому, что писалось стихами, и для того, чтоб позабавить друзей (...). Стихи, разумеется, не назначались в печать, но теперь, через 50 лет, могут служить для его биографии и для показания того, как великий мастер русского языка овладевал, про себя, стихотворными приемами речи» (РА. 1864. С. 105). Эта публикация имела решительное влияние на последующую эдиционную практику: название «долбинские стихотворения» прочно отождествилось с домашними и шутивными стихами поэта. В С 8—10, вышедших в 1878—1901 гг. под редакцией П. А. Ефремова, очевидна тенденция собирать под титулом «Долбинские стихотворения» только этот пласт текстов долбинской осени и помещать их не в основном корпусе издания, а в примечаниях. Эта же тенденция просматривается в изданиях XX в.: В СС I долбинские стихотворения даны, правда, в основном корпусе текстов, но из этой подборки исключен высокий лироэпос: послания, баллады, «Аббадона», а также стихотворения «Библия» и «Теон и Эсхин». Только в ПСС под редакцией А. С. Архангельского строго соблюден хронологический принцип; но несмотря на максимальную полноту состава долбинских стихотворений (54 текста), они не выделены в особую подборку.

Для Жуковского долбинскими стихотворениями были все произведения, созданные в период с октября 1814 г. по 6 января 1815 г.: их автографы сосредоточены в двух тетрадах, их списки соединяют в одной авторской подборке тексты самой разной жанровой принадлежности, созданные в одном пространственно-временном локусе долбинской осени 1814 г. Поэтому в настоящем издании долбинские стихотворения выделены специальной рубрикой, скомпонованной строго по датам, которые имеются в черновых долбинских тетрадах. Несмотря на то, что хронологические рамки первого тома ограничены 1814-м г., редакторы сочли не-

обходимым включить в подборку долбинских стихотворений три произведения, написанные в Долбине до 6-го января 1815 г.: «Первое генваря» («Пред судилище Миноса»), «Ареопагу» и «Прощание», поскольку они являются логическим завершением долбинского цикла. Из состава долбинских стихотворений в настоящем издании исключены баллады и стихотворная повесть «Аббадона» — это продиктовано жанрово-хронологическим принципом расположения текстов по томам, общепринятым в современной эдиционной практике.

О. Лебедева

Добрый совет
В альбом В. А. А. (збукину)
(«Любовь, Надежда и Терпенье...»)
(С. 330)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 5 об.) — беловой, с заглавием: «Добрый совет» и датой: «2 октября».

Копия (РНБ, оп. 1, № 26, л. 15) — рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «Добрый совет».

Впервые: С 1. Ч. 2. С. 71 — с заглавием: «Добрый совет. В альбом В. А. Азбукину».

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Смесь»). Начиная с С 3, адресат обозначен аббревиатурой: «В. А. А.» Во всех изд. отнесено к 1814 г.

Датируется: 2 октября 1814 г.

Василий Андреевич Азбукин (ум. 1832 г.) — внебрачный сын А. И. Протасова, сводный брат М. А. и А. А. Протасовых. Военный, кампанию 1812—1814 гг. окончил владимирским кавалером, в чине штабс-капитана. В 1812 г. Азбукин был начальником Жуковского в Московском ополчении. После возвращения Жуковского из действующей армии о судьбе Азбукина долго ничего не было известно. В июне 1814 г., получив о нем известие, Жуковский писал А. П. Киреевской из Черни в Долбино: «Vivat! Азбукин нашелся. Раstopчин видел его в Париже. Три ордена» (РА. 1883. Т. 37. № 2. С. 448). После возвращения русской армии из Парижа Азбукин приехал в Долбино. Стихотворение «Добрый совет», согласно данным хронологической росписи долбинских стихотворений (РНБ, оп. 1, № 77, л. 25), является первым стихотворением, с которого сам Жуковский начал отсчет этого периода своего творчества. О том, насколько тесно стихотворение «Добрый совет» связано с умонастроением Жуковского в долбинскую осень, свидетельствует и цитата из неопубликованного письма Жуковского В. А. Азбукину, которое приводит А. Н. Веселовский: «Activité dans un petit cercle. Persévérance. Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten; Счастье впереди! Вопреки всему, будь его достоин, и оно будет твое» (Веселовский. С. 180. Перевод: Деятельность в тесном кругу. Терпение.— *фр.* Единый миг все может изменить.— *нем.*). Эти слова в точности воспроизводят текст «Выписки из моего устава» в тетради «Долбинские стихотворения I» (см. вступительную заметку к долбинским стихотворениям). Зимой 1814 г. (предположительно в конце октября — начале ноября) В. А. Азбукин женился на млад-

шей из сестер Юшковых — Екатерине Петровне. Свадьбе Е. П. Юшковой и Е. А. Азбукина посвящено стихотворение «Любовная карусель, или Пятилетние меланхолические стручья сердечного любления» (см. комментарий). В 1815—1816 гг. Жуковский через А. И. Тургенева и С. П. Жихарева хлопотал в Герольдии об узаконении дворянства Азбукина, которое не было признано за ним как за внебрачным сыном, но на которое он получил право, став кавалером ордена Св. Владимира (ПЖТ. С. 154, 158, 161; УС. С. 123). После смерти жены (Е. П. Азбукина умерла в 1817 г.) Азбукин, видимо, опустил. В 1822 г., навещая родных в Орловской и Тульской губ., М. А. Мойер-Протасова писала К. К. Зейдлицу: «Теперь я у моего доброго Азбукина — он очень изменился. (...) Мой деятельный Мойер не может понять, как могут люди жить так; целый день они на охоте, ночи за картами, а утром спят. Шампанское тянут как квас — а по дорогам валяются нищие» (Подлинник по-немецки, цит. по: Загарин. С. 327).

Стихотворение «Добрый совет. В альбом В. А. Азбукину» было написано Жуковским в ответ на четверостишие самого Азбукина, текст которого сохранился в процитированном А. Н. Веселовским неопубликованном письме Жуковского к В. А. Азбукину (четверостишие впервые напечатано П. А. Ефремовым в С 7. Т. 1. С. 508):

**Живу без страха меж людей,
Мой кров — святое Провиденье,
А спутники грядущих дней —
Любовь, надежда и терпенье.**

В одном из альбомов А. А. Воейковой, находящихся в ПД (Собрание гр. Бреверн де ла Гарди) имеется автограф этого четверостишия с разночтением в первом стихе: «Я сирий странник меж людей!» (ПД. Р. 1, оп. 42, № 2, л. 17, с подписью: «В... А...» и датой: «27 сент. 1814 г.»).

Ст. 1. *Любовь, Надежда и Терпенье...* — цитата из четверостишия В. А. Азбукина.

Ст. 10. *Бездушен, кладен, тих Мемнон...* — Образ Мемнона является лейтмотивным в лирике Жуковского 1814 г.: он встречается в первой редакции послания «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...») и в послании «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (см. комментарий к этим текстам). На фронтисписе первого тома С 1 помещено гравированное изображение статуи фараона Аменхотепа III, которую греки называли Мемноном из-за ее способности издавать звуки, похожие на звон струны, на восходе солнца (в греч. мифологии Мемнон — сын богини утренней зари Эос).

О. Лебедева

Библия

(«Кто сердца не питал, кто не был восхищен...»)

(С. 331)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1. № 13, л. 2—2 об.) — белой, с поправками, с заглавием «Библия».

Впервые: РМ. 1815. Ч. 1. № 1. Январь. С. 3—5 — с заглавием: «Библия, подражание Фонтану» и подписью «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Смесь»). Источник перевода указан лишь в оглавлении и не всегда: в С 1 и С 3 «Подражание Фонтану», в С 5 — «Из Фонтана».

Датируется: 4—5 октября 1814 г.

Основанием для датировки являются собственные указания Жуковского в списках «Долбинских стихотворений» (РНБ, оп. 1, № 77, л. 25; РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 1; оп. 3, № 8, л. 1).

Фонтан Луи де (1757—1821), маркиз — поэт-классицист; с интересом относившийся и к романтизму. Стихотворение «Библия» Фонтан задумал как пролог к переложению библейской книги Иова — неосуществленному.

Французский текст «Библии» был переписан Жуковским в феврале 1813 г. (ПД, ф. 244. 22. 726 / CZVIII.b.I, л. 30—31 об.), но работа над переводом состоялась свыше полутора лет спустя. Сохранив стихотворный размер, Жуковский заменил двестишестидесять свободной рифмовкой и вместо 76 строк дал 74. Перевод мог бы считаться относительно точным и весьма последовательным, если бы не существенные разночтения, оговоренные здесь в реальном комментарии. Жуковский предполагал перевести и стихотворение Фонтана «Страшный суд», но этот замысел не осуществил (ПСС. Т. 2. С. 139, — комментарий А. С. Архангельского). В перечне стихотворений для перевода, относящемся в 1805 г., Жуковский также указывает: «Монастырь, подражание Фонтану» (Резанов. Вып. 2. С. 256).

Ст. 4—5. *Полночный наш Давид на лире обновленной // Пророческую песнь псалтыри пробуждал...* — Давид — царь Израиля в 1000—961 гг. до н. э., автор нескольких псалмов из большого числа ему приписываемых (согласно филологическим данным, к додавидовскому времени относятся 8 и 28 псалмы, к X в. до н. э. — 17, 23, 67). Вместо девяти стихов, посвященных Фонтаном характеристике творчества Ж.-Б. Боссюэ, Ж. Расина и Ж.-Ж. Руссо, Жуковский дал три, явно имея в виду Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765). По новейшему мнению Жуковского, «Ломоносов, гениальный человек, создавший наш поэтический язык, прежде всего обогатив его множеством поэтических выражений, а затем введя в него новые формы... Он показал также пример того, как заимствовать из славянского языка слова и обороты для обогащения и украшения ими языка русского», ибо «они священны как выражение мыслей и образов Священного Писания, обладают большим величием и мощью»; Жуковский упомянул также «„Переложения Псалмов“, богатые поэтическими выражениями» — Эстетика и критика. С. 317—319. См. также статью А. С. Янушкевича «Жуковский и Ломоносов»: БЖ. Ч. 1. С. 52—70.

Ст. 7. *...где цвел Эдем...* — Согласно Быт 2: 10, 14, Эдем (рай) находился близ рек Хиддекель (Тигр) и Евфрат.

Ст. 12. *В чудесном торжестве творения Творец ...* — Быт 1: 1—27.

Ст. 13—14. *И слова дивного прекрасное рожденье, // Се первый человек...* — Контаминация Быт 1: 26 («И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему...») и Ин 1: 1 («В начале было Слово, и Слово было у Бога...») подразумевает явление в перво-

человеке Христова образа (Рим 5: 14; 1 Кор 15: 45). У Фонтана она отсутствует: «Dieu parle, l'homme naît...» — «Бог изрекает, и человек рождается...» В первой публикации Жуковский, как и положено, дал «Слово» с заглавной буквы, но в С 1 поставил строчную — вероятно, во избежание прямой аналогии с Христом; ср. ст. 21.

Ст. 14—15. *...вкусил минутный сон — // Подругу сладкое дарует пробужденье...* — Быт 2: 21—22.

Ст. 16. *Уже с невинностью блаженство тратит он.* — Речь идет о грехопадении первых людей — Быт 3: 6—23.

Ст. 17. *Повержен праведник — о грозен Бог! о мщенье!..* — После убийства Каином Авеля (Быт 4: 8) и последующего человеческого развращения Бог истребил в потоке всех потомков Каина и оставил в живых лишь семью Ноя из потомства Сифа — Быт 6: 13, 17—18.

Ст. 18—20. *Потоки хлынули... земли преступной нет; ~ Возносится ковчег над бурными валами...* — Быт 7: 11—24; 8: 1.

Ст. 21. *И в нем с Надеждою таится юный свет...* — Подразумевается начало нового рода человеческого. В С 1—5, вопреки Фонтану, дав слово «Надежда» с заглавной буквы, Жуковский подчеркнул свое единодушие с отцами Церкви в уповании на возрождение человечества в ином, духовном, облике, прообраз которого Христос как некий новый Адам.

Ст. 22—25. *Вы, пастыри, вожди племен благословенных, ~ В родительских шатрах...* — Иаков (Израиль, XVIII в. до н. э.), сын Исаака, и Авраам (XIX в. до н. э.), сын Фарры — патриархи еврейского народа. Подчиняясь более правильным ударениям в еврейских именах, Жуковский пожертвовал хронологичностью подлинника: «Abraham et Jacob...»

Ст. 29—31. *Но сын ее зовет меня ко берегу Нила; ~ Жив Бог — и он спасен...* — Речь идет об Иосифе, сыне Иакова, проданном братьями в Египет, где впоследствии фараон назначил его правителем государства — Быт 37: 23—28; 39; 41; 14—43.

Ст. 31—32. *О! сладкие с тобой, // Прекрасный юноша, мы слезы проливали...* — У Фонтана: «O Joseph, que de fois se couvrit de nos pleurs / La page attendrissante ou vient tes malheurs!» — «О Иосиф, заставлявший не раз покрывать слезами / Трогательные страницы, где живут твои несчастья!» Вероятно, Жуковский держится ближе к Библии и подразумевает встречу Иосифа с родными — Быт 45: 2, 14—15; 46: 29.

Ст. 33—34. *И нет тебя... увы! на чуждых берегах // Сыны Израиля в гонении, в цепях...* — Исх 1: 6—22. Израиль — здесь и далее: еврейский народ. Выражение «в цепях», отсутствующее у Фонтана, употреблено Жуковским как фигура речи.

Ст. 36—40. *Кто ты, спокойное дитя среди шумных волн? ~ В сей колыбели скрыт Израиля предел...* — Моисей не был утоплен, как обычно поступали в Египте с родившимися еврейскими мальчиками, а был оставлен в корзине на берегу реки, где его нашла дочь фараона — Исх 2: 1—6. В описании плывущей колыбели Жуковский следует за Фонтаном. «Предел» — здесь: судьба. В 1230 г. до н. э. Моисей вывел евреев из Египта.

Ст. 41. *Раздвинься, море... пой, Израиль, искупление!*...— Согласно Исх 14: 21—22, море раздвинулось при побеге евреев из Египта. Исследователи полагают, что, вопреки Библии, нужно говорить не о Красном море (Исх 15: 4), а о Тростниковом, одном из болотистых Горьких озер в дельте Нила. Песнь искупления— Исх 15: 1—19.

Ст. 42—44. *Синай, не ты ли день завета в страхе зрел? ~ Гремящим облаком Егова низлетел?..*— Исх 19: 16—24. Синай— гора в Аравии, на которой Господь заповедал евреям Свой закон. Егова (Иегова)— Сущий, одно из имен Бога, Им впервые открытое Моисею— Исх 3: 14.

Ст. 45. *... дивный столп в день мрачный, в ночь горящий...*— «Господь же шел пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном...»— Исх 13: 21.

Ст. 46. *И изумленную пустыню от чудес...*— Имеются в виду чудеса, описанные в книге Исход: превращение горькой воды в сладкую— 15: 23—25,— появление манны— 16: 14—15, 31,— добывание воды из скалы— 17: 6; Числ 20: 11.

Ст. 47. *И солнце, ставшее незатно средь небес...*— На пути евреев в обетованную землю, по закланию Иисуса Навина, солнце и луна остановились во время битвы израильтян с союзом аморейских царств— Ис Нав 10: 12—13.

Ст. 48. *И Руфь, и от руки Сампсона храм дрожащий...*— Руфь— героиня одноименной книги, прабабка царя Давида. Сампсон (Самсон, XI в. до н. э.), тринадцатый по счету судья (вождь) Израиля, разрушил над собой здание, в котором филистимляне собрались для жертвоприношения— Суд 16: 23—30.

Ст. 49—51. *И деву юную, которая в слезах, ~ О жизни сетуя, два месяца бродила?..*— По обету, девятый судья Израиля Иеффай (XI в. до н. э.) принес в жертву то, «что выйдет из ворот дома моего на встречу мне»,— собственную дочь, которая перед заклятием два месяца оплакивала свою участь— Суд 11: 30—39.

Ст. 52—54. *... рука Судей Израиль утомила; ~ Саул помазан...*— После неудачной попытки пятнадцатого израильского судьи Самуила сделать власть наследственной народ потребовал упразднить теократическое правление и избрать царя; предостережения Самуила о будущих царских гонениях силу не возымели (I Цар 8: 1—19), и он объявил царем Саула (I Цар 10: 21—24), царившего с 1025 по 1000 гг. до н. э. Ритуал помазания на царство совершался возливанием священного елея на голову. В первой публикации дан перевод «aveugles» как «безрассудные», Жуковский уже в С I вынес поведению евреев свою оценку: «неблагодарные».

Ст. 54. *... пал— и пастырю венец...*— Саул кончил самоубийством в проигранном бою с филистимлянами— I Цар 31: 4—5. Царем был избран Давид (2 Цар 2: 4), некогда пастух при стадах своего отца,— I Цар 16: 11—13. Слово «пастырь» у Жуковского означает и то, что как правитель Давид повел вверенный ему Богом народ по должному пути; ср. ст. 22.

Ст. 55. *От племени его народов Искупитель...*— Родословие выводит Иисуса Христа от рода Давидова— Мф 1: 6—16.

Ст. 56. *И воину-царю наследник царь-мудрец...*— Давиду, прославившемуся личными воинскими качествами и победоносными войнами, наследовал его сын Соломон (3 Цар 3: 12), правивший в 961—922 гг. до н. э., автор многих притч в од-

ноименной библейской книге и, вероятно, книги Екклесиаста (Проповедника,— псалмы 126 и 131 ему приписаны, как и Песнь Песней, которая является обработкой свадебного фольклора; неканоническая книга Премудрости Соломона создана гораздо позже).

Ст. 57—58. *Где вы, Левиты? Ждет божественный строитель; // Стеклись... о торжество! храм вечный заложен...*— Левиты— здесь: семья из рода Левия, посвященная на отправление жреческих обязанностей. Соломон выстроил храм (3 Цар 6: 1, 38) в 950 г. до н. э. после семи лет работы; в 587 г. до н. э. по приказу халдейского царя Навуходоносора храм был впервые разрушен, потом отстраивался и при покорении Иерусалима вновь разрушался.

Ст. 59. *... десяти во граде нет колен!..*— В 922 г. до н. э. Израильское царство распалось на два— Израиль с десятью коленами еврейского народа и Иудею с одним коленом и прежней столицей Иерусалимом— 3 Цар 11: 31—32; 12: 19.

Ст. 60. *Падите, идолы! рассыптесь в прах, божицы!..*— в Израильском государстве в X—IX вв. до н. э. впали в двоеверие и идолопоклонство.

Ст. 61. *В блистаньи Илия на небо воспарил!..*— 4 Цар 2: 11. Илия (IX в. до н. э.)— пророк в Израильском царстве.

Ст. 62. *Иду под вашу сень, Товия, Рагуил...*— Речь идет о персонажах неканонической книги Товит, зяте и тесте.

Ст. 63. *Се мужи Промысла, Предвечного зеницы...*— Имеются в виду пророки VIII—VI вв. до н. э. Во всех публикациях, кроме С 5, Жуковский в ст. 61 и 63 использовал анафору: «Се в блеске Илия на небо воспарил!.. /(<...> / Се мужи Промысла...» — что позволяло видеть смысловую связь между Илией и позднейшими пророками и не столь привязывало ст. 63 к 62-му, где шла речь о жизни бытовой.

Ст. 65—66. *И в час показанный народы исчезают. // Увы! Сидон, навек под теплом ты утих!..*— Пророчество о разорении финикийского города Сидона изрекли в VII—VI вв. до н. э. Иеремия— 25: 16—17, 22: 27: 2—3, 6—8; 47: 2—4 (эту главу ныне приписывают Варуху),— Иезекииль— 28: 22—23,— Иоиль— 3: 4—8. Пророчество Захарии— 9: 1—2,— как считают исследователи, интерполировано в его книгу много позднее падения Сидона. В 351 г. до н. э. при восстании против персидского царя Артаксеркса III Сидон сгорел вместе с жителями, но впоследствии был отстроен— об этих, конкретных, событиях Библия не упоминает.

Ст. 67—68. *Какие вопли ток Евфрата возмущают? // Ты, плакавший в плену, на вражеских брегах...*— Пс 136: 1. В 597—582 гг. до н. э. основная часть населения Иудеи была уведена в халдейский плен,— 2 Пар 36: 17—20.

Ст. 69—72. *Иуда, ободрись; восходит день спасенья! ~ Сион, восторжествуй свиданье с племенами...*— Иуда— здесь: иудейский народ. В 539 г. до н. э. халдейский царь Валтасар, как говорится в книге пророка Даниила, увидел руку, написавшую на стене три слова, что, по истолкованию пророка, означало: «мене— исчислил Бог царство твое и положил конец ему; текел— ты взвешен на весах и найден очень легким; перес— разделено царство твое и дано мидянам и персам», и «в ту же самую ночь» персидский царь Кир взял Вавилон и Валтасара убили— 5:5, 26—28, 30. В 538 г. до н. э. Кир позволил евреям вернуться на родину— 2 Пар 36: 23. Си-

он — один из холмов, на которых построен Иерусалим; здесь указан еще и в значении святыни.

Ст. 73. *Се Эздра, Маккавей с могущими сынами...* — Эздра (Ездра, V в. до н. э.) — священник и вероучитель, составитель и редактор библейских канонических книг, автор обеих книг Паралипоменон (т. е. «о пропущенном» в книгах Царств), 1-й книги Ездры и, вероятно, 2-й и 3-й книг, известных под его именем (последние две неканонические). Маккавей — священник Маттафия, благословивший своих детей на борьбу с эллино-сирийской династией Селевкидов, и его сыновья Иуда, ставший военачальником и прозванный Маккавеем («Молотом»), Иоанн, Симон, Елеазар, Ионафан; восстав в 167-м, Маккавеи в 165—37 гг. до н. э. были правителями Иудеи, — их деяния описаны в трех неканонических книгах и четвертой, апокрифической, т. е. той, что Церковью совершенно отринута.

Ст. 74. *И се Младенец-Бог Мессия в пеленах.* — Лк 2: 16.

Н. Серебрянников

**Бесподобная записка
к трем сестрицам в Москву
(«Скажите, милые сестрицы...»)
(С. 333)**

Автографы:

1) РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 3 об. — белой, с заглавием: «Записка к трем сестрицам в Москву».

2) РГАЛИ, оп. 1, № 5, л. 20—20 об. — белой, без заглавия, с датой: «6 октября 1814 г.»

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 15, л. 68 об. — 69 — рукою В. И. Губарева, с заглавием: «Бесподобная записка к трем сестрицам в Москву».

2) РНБ, оп. 1, № 26, л. 15 об. — рукою А. А. Воейковой, с заглавием: «Записочка в Москву к трем сестрицам», фрагмент (начиная со ст. 13 «Не возвратили ль воспоминанья...»).

3) РГАЛИ, ф. 195 (Вяземский), оп. 1, № 1104, л. 15 об. — 16 — рукою В. Ф. Вяземской, с пометами П. А. Вяземского, с датой: «6 октября 1814 г.»

Впервые: Памятник отечественных муз. СПб., 1827. С. 8—10, фрагмент (начиная со ст. 13 «Не возвратили ль воспоминанья...»), с заглавием: «Отрывок из письма в Москву», с подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Впервые полностью: РА. 1864. Стб. 1006—1008.

Печатается по тексту РА, со сверкой по рукописи и первой прижизненной публикации.

Датируется: 6 октября 1814 г.

До сих пор точно не установлено, кто из близкого окружения Жуковского является адресатом записки. Наиболее распространено мнение, высказанное А. С. Архангельским (ПСС. Т. 2. С. 139), что это баронесса М. А. Черкасова и две ее сест-

ры (ср.: СС 1. Т. 1. С. 441, комм. В. П. Петушкова; Мстиславская Е. П. Послание В. А. Жуковского к И. П. Черкасову // Записки ОР ГБЛ. М., 1974. Вып. 35. С. 250). Однако «Бесподобная записка...» датирована 6 октября 1814 г., а 9—10 октября, как это явствует из хронологической росписи долбинских стихотворений, Жуковский гостил в Володькове у баронессы Черкасовой (РНБ, ф. 286, оп. 1, № 77, л. 25). П. А. Висковатов, опубликовавший в РС за 1883 г. большую подборку писем Жуковского к А. П. Киреевской за 1813—1815 гг., предположил, что адресатами записки могут быть московские родственницы, упомянутые в письме Жуковского из Черни в Долбино, которое Висковатов датировал концом сентября — началом октября 1814 г.: «Наши московские дуры смешны и милы! Буду к ним писать, когда возвращусь в свой уголок, к своему бюро, к своим детям, к своей сестре» (РС. 1883. Т. 37. № 2. С. 455). Однако эта датировка неверна, поскольку далее в письме сообщается, что А. А. Плещеев пишет музыку к балладам «Старушка» и «Эолова арфа», а также что Жуковский начал писать «Певца в Кремле». Если учесть, что «Старушка» написана 14—19 октября, «Эолова арфа» — 9—13 ноября, а «начало Певца» отнесено хронологической росписью к 1—4 декабря 1814 г., письмо следует датировать первыми числами декабря (до 5) 1814 г., и упомянутые родственницы (скорее всего, это сестры Вельяминовы) адресатами записки тоже быть не могут.

Наиболее вероятно, что записка адресована трем сестрам Юшковым (А. П. Юшковой-Киреевской, А. П. Юшковой-Зонтаг и Е. П. Юшковой-Азбукиной). Как свидетельствует целый ряд фактов, почти весь октябрь 1814 г. Жуковский прожил в Долбине в отсутствие хозяйки. В послании «К Плещееву» («Ну как же вздумал ты, дурак...»), написанном 14 октября, Жуковский так объясняет ему причину отложенного визита в Чернь:

Скажу тебе, что я один,
То есть что я уединенно
И не для собственных причин
Живу в соседстве от Белева <...>
То есть, что мне своих детей
Моя хозяйка поручила <...>

Два упоминания о том, что в октябре 1814 г. все родственники Жуковского находились в отлучке, содержатся в письмах к А. И. Тургеневу от 20 октября 1814 г. («Мои все разъехались, кто в Москву, кто в Тамбов» — ПЖТ. С. 126) и от 1 февраля 1815 г. («<...> все они уехали в Тамбов, а я остался в Белеве и прожил почти один <...>» — ПЖТ. С. 138). В Тамбов, к родственникам А. Ф. Воейкова, уезжало семейство Протасовых-Воейковых (см. комм. к стихотворению «К Воейкову» — «Воейков, дай же знать...»). Следовательно, А. П. Киреевская с сестрами уехала в Москву, и произошло это в первых числах октября (между 2-м — дата написания стихотворения, посвященного жениху Е. П. Юшковой, — «Добрый совет. В альбом В. А. А. (збукину)» — и 6-м — дата написания «Бесподобной записки...»). Целью поездки была, вероятно, подготовка к свадьбе младшей сестры Е. П. Юшковой и В. А. Азбукина: свадьба состоялась в начале ноября 1814 г. (см. комм. к стихотво-

рению «Любовная карусель, или Пятилетние меланхолические стручья сердечного любления»). Кроме того, из содержания самой записки явствует, что три сестры впервые попали в послепожарную Москву и что у Жуковского с ними общие юношеские воспоминания, связанные с жизнью в Туле. Это исключает постоянных московских жительниц Вельяминовых, а также баронессу Черкасову и ее сестер.

«Бесподобная записка к трем сестрицам в Москву» — одно из самых ранних долбинских стихотворений. При том, что она представляет собой типичный образец домашней поэзии, в ней ярко отразились настроения Жуковского тех дней, когда он окончательно утратил надежду на семейное счастье, но утешал себя мыслью о будущей совместной жизни с семьями Протасовых-Воейковых в Дерпте (разрешение ехать в Дерпт он получил от Е. А. Протасовой между 15 и 26 сентября 1814 г. — Письма-дневники. С. 185). Близость основных мотивов записки к сквозным мыслям писем и дневников 1814—1815 гг. делает это стихотворение своеобразной декларацией нравственной философии и жизненной позиции Жуковского.

Ст. 5—8. *По Туле много ли гуляли? ~ Вы наших прежних лет следы?* — Здесь речь идет о том периоде детства и ранней юности Жуковского, когда он был тесно связан с семьей Юшковых (Варвара Афанасьевна, рано умершая мать трех сестер, была крестной матерью Жуковского), живя у них в Туле и в Москве. Этот период жизни Жуковского подробно описан в мемуарах А. П. Зонтаг «Несколько слов о детстве В. А. Жуковского» (Москвитянин. 1849. № 9. С. 3—13). Ср. также ст. 12—14: *«А в Туле прах минувших лет ~ О том, что было в оны дни»*.

Ст. 30—31. *Что просто, но что сердцу мило, // Собрав поближе в малый круг...* — Ср. своеобразный девиз, которым открывается тетрадь «Долбинские стихотворения I»: *«Activitée dans mon petit cercle»* (Деятельность в моем маленьком кругу — *фр.*); см. также комментарий к стих. «Добрый совет. В альбом В. А. А(збукину)» и дневниковую запись от 28 июля 1814 г.: «В том маленьком кружку, в котором суждено мне действовать, может найтись доброе занятие для каждой минуты» (Письма-дневники. С. 161).

Ст. 33—36. *Мечты уступим лишь начавшим ~ Для них надежды сон златой!* — Ср. аналогичные мотивы в стих. «Мечты» (1812), а также в дерптском дневнике 1815 г.: «Надежда пустое слово. Оно прекрасно только для неопытности, которой жизнь неизвестна» (Гофман. С. 129).

Ст. 39—40. *Терпеньем усладим печаль, // Веселью верой в Провиденье...* — Вариация на тему излюбленных нравственных постулатов Жуковского после неудачи его сватовства к М. А. Протасовой в начале 1814 г. Ср. девиз из тетради «Долбинские стихотворения I»: «Доверенность к Творцу и надежда на все хорошее», *«Persévérance!»* (терпение, упорство, постоянство — *фр.*)

Ст. 42—44. *Сей день покоем озлатим ~ И прелестью полезных дел...* — Ср. в дневниковой записи от 28 июля 1814 г.: «Ограничить себя настоящим. (...) будем стараться пользоваться настоящею минутою и соберем *вокруг себя все то*, что у нас есть — предоставив все *будущее без всякой заботы* попечению Промысла» (Письма-дневники. С. 160—161). Ср. также надпись на титульном листе тетради «Долбинские стихотворения I»: «Заниматься беспрестанно и всегда самым лучшим образом» и

один из пунктов плана совместной жизни в Дерпте, который Жуковский написал в октябре 1814 г.: «Общая цель, чтобы день принёс пользу или голове, или карману. (...) Чтобы была и для других польза» (Дневники. С. 47).

О. Лебедева

Росписка Маши

(«Что ни пошлет судьба, все пополам!...»)

(С. 335)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 5)—беловой, с заглавием: «Росписка Маши» и датой: «6 октября».

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 15, л. 69—рукою В. И. Губарева, с заглавием: «Росписка Маши Киреевской».

2) ПД. 9625 / LV. 8. 9, л. 1 об.—рукою А. П. Зонтаг.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1864. Стб. 1007—1008—с заглавием: «Росписка Маши».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 6 октября 1814 г.

Существуют две версии комментария к этому стихотворению. А. С. Архангельский, ориентируясь на заглавие в копии № 1, которой он пользовался при публикации текста (ПСС. Т. 2. С. 139—140), связывает его с Машей Киреевской (1811—1859), младшей дочерью А. П. Киреевской, неоднократно упоминаемой в долбинских стихотворениях. В одном из писем А. П. Киреевской весной 1814 г. Жуковский приводит «слова малютки Киреевской: *О люди, люди! О мода, мода!*» (РС. 1883. Т. 37. № 2. С. 452). Некоторыми своими мотивами стихотворение «Росписка Маши» переключается с посланием 1813 г. «К А. П. Киреевской в день рождения Маши» (см. примеч.).

Другая интерпретация стихотворения предложена А. Н. Веселовским: «... дело идет о Маше Протасовой и об октябре 1814 года; (...) Это—программа будущего совместного житья [в Дерпте]; Протасова согласна, Маша приложила руку» (Веселовский. С. 185). Действительно, между 15 и 26 сентября 1814 г. Жуковский, совершенно для него неожиданно, получил разрешение ехать со всей семьей Протасовых-Воейковых в Дерпт (Письма-дневники. С. 185—186); 20 октября 1814 г. он пишет об этом А. И. Тургеневу (ПЖТ. С. 126). Если учитывать колебания источников в заглавии стихотворения («Росписка Маши» — «Росписка Маши Киреевской»), обе эти версии равноценны — и в стихотворении есть явная реминисценция из романа «Пловец» (см. ниже), творческая история которого тесно связана с любовью Жуковского к М. А. Протасовой. Но все-таки очевиднее связь его с историей отношений Жуковского с Машей, да и заглавие в копии № 1 может быть прочитано как: Росписка, данная Машей Протасовой своей задушевной подруге А. П. Киреевской, — и тогда малолетняя Маша Киреевская уже не является героиней этого стихотворения.

Ст. 2. *Без робости, дорогою одною...*— Ср. в стихотворении «К А. П. К. (иреевской) в день рождения Маши»: «Приди сказать немым ей языком, // Что вам одна в сей мир лежит дорога».

Ст. 4. *Идти — тебе вперед, нам за тобою!..*— Ср. в том же стихотворении: «Что ей твоим ко счастью быть вождем».

Ст. 5. *Лишь вместе бы, лишь только б заодно*— Ср. в письме-дневнике М. А. Протасовой от 26 сентября 1814 г.: «Мы будем вместе; *вместе!* как мило это слово после двух месяцев горькой мысли, что мы расстались» (Письма-дневники. С. 185). Ср. также в письме Жуковского к А. И. Тургеневу: «Мы вместе— это много, это все» (ПЖТ. С. 126).

Ст. 6. *Лишь в час один, одна бы нам могила!..*— Ср. в стихотворении «Пловец»: «Пусть им радость — мне страданье; // Но... не дай их пережить».

О. Лебедева

Мотылек

(«Вчера я долго веселился...»)

(С. 335)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 2 об.)—беловой, с датой: «7 октября».

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 1)—рукою В. И. Губарева.

Впервые: РМ. 1815. № 4. С. 11—с подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 7 октября 1814 г.

Вольный перевод стихотворения И.-В. Гёте «Die Freuden» («Радости»), входящего в цикл лейпцигских стихотворений 1768 г. На источник перевода впервые указал И. Эйгес (Сирена. № 4—5. Воронеж, 1919. С. 79—80). См. также: Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе. Л., 1982. С. 83.

Жуковский значительно изменил форму оригинала: 15-ти строкам астрофического стихотворения Гёте у Жуковского соответствует 6 четверостиший; унифицирован метр: свободное чередование стихов трех-, двух-, четырех- и пятистопного ямба у Гёте заменено повторяющимся чередованием четырех- и трехстопного ямба в нечетных и четных стихах соответственно. Направление содержательных отступлений от текста подлинника В. М. Жирмунский охарактеризовал как «смысл, едва ли не противоположный смыслу подлинника; если анакреонтическое стихотворение учит наслаждаться жизнью, то Жуковский кончает элегическим вздохом о том, что никакое наслаждение не вечно...» (Жирмунский В. М. Указ. соч. С. 83). Эта элегизация и связанная с ней символизация проявилась в изменении заглавия, через выдвигание в центр стихотворения образа-символа мотылька (см.: Вацуро. С. 137).

О. Лебедева

• ЭПИТАФИИ •

(С. 336—337)

Автографы:

1) РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 3 — беловой, с датой: «8 октября»; эпитафия № 5 — с заглавием: «Молодому эгоисту».

2) РНБ, оп. 1, № 77, л. 25—26 — беловой.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 1 об.) — рукою В. И. Губарева, с общим заглавием: «Эпитафии» (6 нижеприведенных стихотворений в той же последовательности).

Печатаются по тексту первой публикации (см. ниже), со сверкой по автографу.

Датируются: 8 октября 1814 г.

I. Могу

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1864. № 10. Стб. 1009.

II. Хромому

Впервые: РМ. 1815. Ч. 2. № 4. С. 13 — с подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

III. Пьянице

Впервые: РМ. 1815. Ч. 2. № 4. С. 13 — с подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Перевод популярной эпиграммы французского поэта Пьера Вийе (Villers; 1760—1849) «*Ci-gît Broc qui toute sa vie...*» Ср. перевод А. П. Бенитцкого (Русская эпиграмма XVIII — начало XX века. Л., 1988. С. 153).

Ст. 1. *Под камнем сим Бибрис лежит...* — Бибрис — (от лат. *bibere*) — пить.

IV. Грамотею

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1864. № 10. Стб. 1009—1010.

V. Толстому эгоисту

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 2. С. 44.

Вольный перевод эпитафии Жака д'Асейи (псевд. французского поэта Жака де Кайи; 1604—1673) «*Je sais bien qu' un homme d'église...*».

VI. Завоевателям

Впервые: РМ. 1815. Ч. 2. № 4. С. 13 — с подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Н. Реморова

Желание и наслаждение

(«Что так, дружок, приуныло...»)

(С. 337)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 2 об.)—беловой, с датой: «8 октября».

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 1 об.)—рукою В. И. Губарева.

Впервые: РМ. 1815. № 5. С. 133 —с подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 8 октября 1814 г.

О. Лебедева

Совість

(«Сколь неизбежна власть твоя...»)

(С. 337)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 3)—беловой.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 2)—рукою В. И. Губарева.

Впервые: РМ. 1815. № 8. С. 137 —с подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 8 октября 1814 г. на основании положения автографа в рукописи и указания в списках долбинских стихотворений.

Возможный источник стихотворения — последнее трехстишие басни французского писателя Жана Пьера Флориана, к творчеству которого Жуковский неоднократно обращался в 1806 г. (см. примеч. к «Басням») — «Le parricide» («Отцеубийца»), являющееся ее моралью. Ср.:

O des vertus dernière amie

Toi qu'on voudrait en vain éviter ou tromper,

Conscience terrible, on ne peut t'échapper.

(Fables de Florian. À Berlin, 1797. Livre III. Fable 19. P. 98).

Это издание французского писателя имеется в библиотеке Жуковского (Описание. № 1032) и было для него источником текстов при переводе басен Флориана в 1806 г.

Любопытно, что в самом конце XVIII в. эту басню именно под заглавием «Совість» перевел И. И. Дмитриев (Басни и сказки И. Дмитриева. СПб., 1798. С. 36), где последнее трехстишие звучит так:

О совесть! добрых душ последняя подруга!

Где уголок земного круга,

Куда бы не проник твой глас?

Неумолимая! везде найдешь ты нас.

А. Янушкевич

Смерть

(«То сказано глупцом и признано глупцами...»)

(С. 338)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 3 об.) — белой.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 2) — рукою В. И. Губарева.

Впервые: РМ. 1815. № 8. С. 137 — с подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 8 октября 1814 г. на основе положения автографа в рукописи и указания в списке долбинских стихотворений.

В многочисленных списках «Долбинских стихотворений» Жуковский относил «Смерть» в разряд «Мелочи» или «Мелкие пиесы» и датировал в одном случае хронологическим промежутком между 6 и 9 октября, в другом — 8 октября, что и позволяет определить время создания стихотворения в долбинскую осень 1814 г.

Как установлено (см.: Русская эпиграмма: XVIII — начало XX века. Л., 1988. С. 581), источником стихотворения является эпиграмма французского поэта Жана Франсуа Гишара (1731—1811) «M'effrayer de la mort, serait un grand abus...», восходящая к изречению Эпикура. Ср.: «Мысль Эпикура о смерти»:

Смерть совершенно не тревожит

Воображение мое:

Пока я емь — не может быть ее,

А есть она — меня уж быть не может

(Французская классическая эпиграмма. М., 1979. С. 259).

В творческом сознании Жуковского эта эпиграмма была связана и с афоризмом римского философа и писателя Луция Аннея Сенеки (ок. 4 до н. э.—65 н. э.) из его «Нравственных писем к Луциллию» (Seneca. Ad Lucilium Epistulae morales. IV). Ср. с русским переводом С. Ошерова: «Пришла к тебе смерть? Она была бы страшна, если бы могла оставаться с тобою, она же или не явится, или скоро будет позади, никак не иначе» (Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луциллию. М., 1977. С. 8).

Об интересе Жуковского к сочинениям Сенеки свидетельствует включение его произведений по морали в «Роспись сочинений, из которых большей части должно сделать экстракты» (1805; Резанов. Вып. 2. С. 243).

В письме к А. И. Тургеневу от 4 декабря 1810 г., говоря о своей программе самообразования и связанной с ней «пользе», Жуковский вопрошает: «Но разве я пишу к тебе эпистолы à la Sénèque?» (ПЖТ. С. 87). Впоследствии, в 1846 г., в статье «О меланхолии в жизни и поэзии» Жуковский выразит свое несогласие с этим афоризмом Сенеки, который П. А. Вяземский толковал как «вероисповедание древнего мира» (Эстетика и критика. С. 341, 349).

А. Янушкевич

Что такое закон?

(«Закон — на улице натянутый канат...»)

(С. 338)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 3 об.) — черновой; против текста вопросительный знак.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 2 об.) — рукою В. И. Губарева.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1864. Стб. 1043—1044.

Датируется: 8 октября 1814 г.

Стихотворение входит в цикл «Долбинских стихотворений» и примыкает во всех известных рукописях к стих. «Смерть». Их положение в рукописях и списках «мелочей» и «мелких пьес» определяет датировку (см. примеч. к стих. «Смерть»).

Сам Жуковский, видимо, сомневался в возможности публикации стихотворения, что отметил специальным вопросительным знаком в автографе. Не включил поэт стихотворение и в подборку «долбинских мелочей», непосредственно соотносящихся по времени создания и расположению в рукописи, опубликованную в РМ (1815. № 8).

Не исключено, что стихотворение Жуковского имело какой-то источник, но очевидна его связь с размышлениями поэта о законе как регуляторе общественных отношений. Так, во время чтения сочинений немецкого просветителя И.-Я. Энгеля он на титульном листе одного из томов записывает: «Три истины знать должен каждый: закон, человек, время, Бог» (БЖ. Ч. 1. С. 485), штудируя же книгу дерптского профессора Густава Эверса «Политика», он констатирует: «Закон есть порядок, направляющий движение» (Там же. С. 508).

А. Янушкевич

В альбом баронессе Е. И. Черкасовой

(«Где искренность встречать выходит на крыльцо...»)

(С. 338)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 3) — белой, с датой: «11 октября» и заглавием: «В альбом Е. И. Черкасовой».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1864. Стб. 1010—1011 — с заглавием: «В альбом бар.(онессе) Елене Ивановне Черкасовой».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 11 октября 1814 г.

Елена Ивановна Черкасова (даты жизни неизвестны) — дочь барона И. П. Черкасова, близкая подруга сестер Протасовых и Юшковых, которую они нежно называли «баронессой Еленочкой». В. А. Жуковский также относился к ней с глубокой симпатией: покинув Долбино зимой 1815 г., он часто осведомлялся в письмах к родным о Е. И. Черкасовой и передавал ей приветы (см.: УС. С. 8, 9, 17): «Ми-

лой Елене Ивановне кланяюсь дружески. Я уверен, что она помнит и любит меня как всегда» (Там же. С. 20).

Неоднократные упоминания Е. И. Черкасовой встречаются и в письмах 1815—1818 гг. М. А. Протасовой к А. П. Киреевской из Дерпта (УС. С. 145, 150, 159). В письмах 1815 г. есть свидетельство оживленной переписки М. А. Протасовой с Е. И. Черкасовой (УС. С. 160, 163). В августе 1815 г. М. А. Протасова пишет А. П. Киреевской, что последняя в своих письмах избегает упоминать Е. И. Черкасову и спрашивает о причинах охлаждения дружбы (УС. С. 177. Подлинник по-французски). В письме от 28 мая 1818 г. вновь содержится просьба написать «⟨...⟩ об Еленочке баронессе. Я уже давно, давно ничего об этом прелестном человеке не знаю» (Там же. С. 214).

Как это явствует из одного из многочисленных перечней долбинских стихотворений, содержащего хронологическую роспись местопребываний Жуковского за октябрь-ноябрь 1814 г., 9—11 октября 1814 г. он провел в Володькове, имении Черкасовых: «9—10. У баронессы. 11. В альбом». Стихотворение «В альбом Е. И. Черкасовой» было написано именно в итоге этого визита (РНБ, оп. 1, № 77, л. 25).

О. Лебедева

Послание к Плещееву

(«Ну, как же вздумал ты, дурак...»)

(С. 339)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 4)—черновой, без заглавия, с датой: «14 октября».

Копии:

1) РНБ. оп. 1, № 15, л. 18—рукою В. И. Губарева, с заглавием: «К Плещееву».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 68 об.—рукою В. И. Губарева, без заглавия, фрагмент (ст. 1—15).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1864. Стб. 1011.

Печатается по РА, со сверкой по автографу.

Датируется: 14 октября 1814 г.

Название дано по спискам долбинских стихотворений (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 1; оп. 3, № 8, л. 1), где стихотворение названо «Послание к Плещееву». Написано в ответ на упрек Плещеева в долгом отсутствии.

Ст. 17. *Ты не боишься белой книги!*..— Имеется в виду тетрадь, предназначенная для поэмы «Владимир». В 1814 г. Жуковский прямо связывал осуществление этого замысла с реализацией своих «планов счастья», женитьбы на М. А. Протасовой. Мотив «белой книги» возникает в письмах и стихах Жуковского, обращенных к тем друзьям, которых он считал сочувствующими своей любви. Так, письмо А. Ф. Воейкову от 13 февраля 1814 г. Жуковский начинает эпиграфом: «Я белой книги не боюсь» (РА. 1900. Т. 3. № 9. С. 17); в послании «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...») возникает тот же мотив «книги с белыми листами», и

Жуковский, имея в виду замысел поэмы и свои надежды, призывает Воейкова: «⟨...⟩ молись судьбе, // Чтоб в ней наполнились страницы!» (см. примеч. «К Воейкову»). В середине марта 1814 г. он пишет Тургеневу: «Молись, брат, чтобы в моей белой книге наполнились страницы» (ПЖТ. С. 107); наконец, тот же мотив повторяется в дневниковой записи от 15 сентября 1814 г., адресованной Маше Протасовой: «Нет, моя белая книга не останется пустою — я белой книги не страшусь» (Письма-дневники. С. 182). Обращаясь к А. А. Плещееву с этими словами, Жуковский имел в виду его искреннее дружеское участие в своих попытках уговорить Е. А. Протасову дать согласие на его брак.

Ст. 21—24. *Скажу тебе, что я один ~ Живу в соседстве от Белева...*— Речь идет о пребывании в имении А. П. Киреевской Долбино, которое находилось недалеко от уездного города Тульской губ. Белева.

Ст. 25. *Под покровительством Гринева...*—Гринев Иван Никифорович (годы жизни неизвестны)—учитель уездного училища в Белеве. В 1811 г. был учителем сестер Протасовых (упоминается в шуточном домашнем рукописном журнале «Муратовская вошь» — Соловьев. Т. 2. С. 124). Впоследствии — управляющий имением Долбино.

Ст. 26—30. *То есть, что мне своих детей ~ Я дал и верно исполняю...*— Почти весь октябрь Жуковский прожил в Долбине в отсутствие хозяйки. А. П. Киреевская с сестрами уезжала в Москву (см. примеч. к стих. «Бесподобная записка к трем сестрицам в Москву»).

Ст. 32. *Давно бы был я уж в Черни!..*—По данным хронологической росписи долбинских стихотворений (РНБ, оп. 1, № 77, л. 25), Жуковский уехал в Чернь 31 октября 1814 г. и провел в поместье Плещеевых 5 дней (по 4 ноября включительно).

Ст. 35—36. *Меня и Музы посещают, // И Аполлон доволен мной!..*—Долбинской осенью 1814 г. Жуковский испытал редкий прилив вдохновения. 1 декабря 1814 г. он писал А. И. Тургеневу: «Прошедшие Октябрь и Ноябрь были весьма плодородны. Я написал пропасть стихов; написал их столько, сколько силы стихотворные могут вынести» (ПЖТ. С. 131).

Ст. 40. *Да и писать к Царю посланье!..*—Имеется в виду послание «Императору Александру».

Ст. 58. *А Губареву — киселя!..*—Губарев Воин Иванович (1781 — ок. 1868)—пансионский друг Жуковского, небогатый помещик Кромского уезда Орловской губ. долбинской осенью 1814 г. В. И. Губарев переписывал набело стихи Жуковского и помогал ему готовить первое собрание стихотворений (см.: РС. 1883. Т. 37. № 2. С. 455—456; ПЖТ. С. 130, 132, 134). В 1818 г. Жуковский хлопотал через А. И. Тургенева об устройстве Губарева на службу, заметив при этом: «... вообще он благородный человек и стоит твоего дружеского покровительства» (ПЖТ. С. 189). В. И. Губарев был старинным приятелем семьи И. С. Тургенева; в 1813—1814 гг. он познакомил Жуковского с В. П. Тургеневой и, вероятно, несколько раз возил его гостить в Спасское-Лутовиново. И. С. Тургенев в «Литературных и житейских воспоминаниях» упоминает о визитах Жуковского в Спасское, о домашних спектаклях, в которых Жуковский принимал участие. Здесь же дается портретная за-

рисовка В. И. Губарева, который, возможно, послужил прототипом героя повести И. С. Тургенева «Часы» — дяди Егора, ссыльного вольтерьянца (см.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1983. Т. 11. С. 68—70, 361—362). О том, что Губарев и Жуковский поддерживали отношения и позже, свидетельствует совместный визит 16-летнего И. С. Тургенева и В. И. Губарева к Жуковскому в Зимний дворец (Там же. С. 69) — время действия этого фрагмента «Литературных и житейских воспоминаний» относится к 1834 г.

Дать кому киселя — вытолкать коленком — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1881. Т. 2. С. 110.

О. Лебедева

〈Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину〉

Среди долбинских стихотворений три послания Жуковского к П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину составляют своеобразный микроцикл, объединенный временем создания (13—17 октября 1814 г.), личностью адресатов, общностью жанровой формы дружеского литературного послания и темой. Поводом для создания всех трех текстов послужила главная литературная дискуссия 1810-х гг.: столкновение т. н. «архаистов» и «новаторов», приведшая в конце 1810-х гг. к созданию и противостоянию двух литературных обществ: «Беседы любителей русского слова» (1811—1816) и «Арзамас» (см. об этом: Вацуро В. Э. В преддверии пушкинской эпохи // Арзамас—2. С. 17—19).

Стихотворную дискуссию со стороны поэтов нового поколения открыл еще в 1810 г. В. Л. Пушкин своим посланием «К В. А. Жуковскому» (Цветник. 1810. № 12. С. 357—363), направленным против А. С. Шишкова и славянофилов «Беседы» в защиту Н. М. Карамзина и его литературной школы. Будучи соредактором М. Г. Каченовского в журнале ВЕ, Жуковский тогда отказался напечатать в нем послание В. Л. Пушкина, сославшись на мнение Каченовского: «А стихов его я не поместил для того, что они слабы, заключают в себе одну только брань, которая есть бесполезная вещь в литературе; впрочем, поместить их более не хотел Каченовский, не желая заводить ссоры, в чем и я согласен» (ПЖТ. С. 62—63). Однако еще до публикации в «Цветнике» Жуковский включил послание В. Л. Пушкина в свою антологию СРС (ПЖТ. С. 92; СРС. Ч. IV). Публикация послания В. Л. Пушкина имела определенный резонанс (см.: Арзамас—2. С. 508), и в конечном счете его тема послужила непосредственным поводом для стихотворной переписки В. Л. Пушкина, П. А. Вяземского и В. А. Жуковского в 1814 г.

В июне-сентябре 1814 г. В. Л. Пушкин в своем «Послании к кн. Петру Андреевичу Вяземскому» (РМ. 1815. № 2. С. 135) вернулся к теме зависти, губящей талант, в связи с трагической судьбой драматурга В. А. Озерова, которого будущие арзамасцы считали жертвой зависти и интриг одного из членов «Беседы», А. А. Шаховского (подробнее см. комментарий к стих. «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину»). Вяземский откликнулся на него «Ответом на послание Василью Львовичу Пушкину» (РМ. 1815. № 3. С. 261). Этот диалог друзей-поэтов и вызвал к жизни три послания Жуковского к П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину.

При жизни Жуковского напечатано только одно из этих посланий («К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину»), вошедшее во все прижизненные собрания сочинений. Два других впервые опубликованы П. А. Вяземским в 1866 г. В посмертных собраниях сочинений эти три послания размещаются очень произвольно. Так, П. А. Ефремов, впервые включивший все три текста в С 7. Т. 1, поместил послание «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» («Друзья, тот стихотворец — горе...») в основной корпус текстов, а два других — «Preamble» («На этой почте все в стихах...») и «Вот прямо одолжили...» — отнес в подборку «домашних» долбинских стихотворений. В С 8. Т. 1 все три послания напечатаны под общим титулом (Три послания к князю Вяземскому и В. Л. Пушкину) среди долбинских стихотворений, но в другом порядке: 1. «Вот прямо одолжили...», 2. «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину», 3. «Preamble» («На этой почте все в стихах...»). Наконец, в С 9 послание «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» («Друзья, тот стихотворец — горе...») вновь отделено в основной корпус текстов на том основании, что Жуковский при жизни печатал только его (С 9. Т. 1. С. 525), а два других включены в подборку долбинских стихотворений под общим титулом (Два послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину), но в обратном порядке относительно С 7: 1. «Вот прямо одолжили...», 2. «Preamble» («На этой почте все в стихах...»).

А. С. Архангельский в ПСС. Т. 2, печатает эти три текста под общим названием «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину»; Ц. С. Вольпе в Стихотворениях Т. 2 приводит только «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» («Друзья, тот стихотворец — горе...»), а И. М. Семенко в СС. Т. 1. воспроизводит структуру публикации С 9, но в пределах рубрики «Долбинские стихотворения».

В настоящем издании тексты посланий Жуковского расположены согласно той логике, которая просматривается в их содержании, под общим редакторским титулом (Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину), с сохранением тех авторских названий, которые зафиксированы в существующих автографах и авторизованных копиях.

I

Preamble

(«На этой почте все в стихах...»)

(С. 340)

Автографы:

1) РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 8 об. — черновой, без заглавия, с датой: «17 октября».

2) РГАЛИ, оп. 1, № 5, л. 11—11 об. — белой, с заглавием: «Preamble».

Копия (РНБ, оп. 1, № 26, л. 14—14 об.) — рукою А. А. Воейковой, без заглавия и даты.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1866. С. 863—865, публикация П. А. Вяземского, под назв. «Preamble».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по рукописи.

Датируется: 17 октября 1814 г.

Стихотворение «Preamble» (предисловие) хронологически самое позднее из трех посланий и «является своеобразным резюме стихотворной дискуссии» (Стихотворения. Т. 2. С. 495). Но, как это явствует из его названия, логически оно должно открывать подборку: не случайно и в первой публикации оно помещено П. А. Вяземским на первом месте. Судя по характеру и виду бумаги, на которой записаны беловые автографы всех трех посланий (РГАЛИ, оп. 1, № 5), они были отправлены адресату в одном конверте (следы сгибов совпадают по формату). Таким образом, функция «Preamble» в этой корреспонденции сводится к тому, что стихотворение служит сопроводительной запиской, комментарием к двум другим текстам. Не случайно и Вяземский назвал «Preamble» «почтовыми стихами», заметив, однако, что «поэт здесь отыскивается и в почтовых стихах» и что «для полной оценки дарования Жуковского и подобные стихи имеют свое значение и неминусом должны входить в общий итог поэта» (РА. 1866. С. 873—874).

Ст. 3. *Вот два посланья вам — обновы...* — подразумеваются послание «Вот прямо одолжили»: ср. ст. 5: «Одно из них для вас, а не для света...» и ст. 8 в послании «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» («Друзья, тот стихотворец — горе...»): «Другим я отвечать хотел вам на посланье». Таким образом, начало послания «Preamble» устанавливает логику всей подборки: 1. Сопроводительная записка («Preamble»); 2. Критический разбор посланий В. Л. Пушкина и П. А. Вяземского («Вот прямо одолжили...»), послуживших стимулом для создания собственного текста; 3. Реплика Жуковского в поэтической дискуссии («К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину»).

Ст. 20. *Бедой своей ума мы можем прикупить!*... — Перефразированная цитата из басни И. И. Дмитриева «Чижик и Зяблица»: «Ах! всяк своей бедой ума себе прикупит».

Ст. 33. *Или напишутся одни иносказанья!*... — К этому стиху П. А. Вяземский сделал следующее примечание: «Иносказание. Слово, употребляемое тогда Шишковым и которым беседчики заменяли слово аллегория» (РА. 1866. С. 877). Шишков Александр Семенович (1754—1841) — литератор и критик, автор книги «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803), противник иноязычных заимствований, предлагавший заменять их адекватными по смыслу неологизмами на основе славянских корней. Беседчики — члены литературного общества «Беседа любителей русского слова» (1811—1816), организованного А. С. Шишковым и объединявшего сторонников его литературной позиции и лингвистической теории.

II

«Вот прямо одолжили...»

(С. 342)

Автографы:

1) РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 7—8 — черновой, без заглавия, с датами: «13 октября» в начале, «16 октября» — в конце текста.

2) РГАЛИ, оп. 1, № 5, л. 16—17 об. — беловой.

Копия (РНБ, оп. 1, № 26, л. 7—9) — рукою А. А. Воейковой, с правкой Жуковского, без даты, с заглавием: «Послание к кн. П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1866. С. 865—869. Публикация П. А. Вяземского.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по рукописи.

Датируется: 13—16 октября 1814 г.

Стихотворение представляет собой первый образец впоследствии продуктивного жанрового варианта дружеского литературного послания — литературно-критический разбор в стихах (ср. «Ареопагу», «Благодарю, мой друг, тебя за доставленье...» и др.). Здесь Жуковский анализирует послание В. Л. Пушкина Вяземскому и ответ последнего, вероятно, по просьбе авторов высказать свое мнение. При первой публикации Вяземский так охарактеризовал это послание: «Вместе с поэтом отыскивается хладнокровный и дельный прозаик, тонкий и верный критик, грамматик, педагог, не только ценитель и судья содержания, но и строгий браковщик каждого выражения (...) для полной оценки дарования Жуковского и подобные стихи имеют свое значение (...). В них Жуковский, поэт-мечтатель, поэт-идеалист, явился поэтом *реальным* (...)» (РА. 1866. С. 873—874).

Ст. 3. *Посланья ваши — в добрый час сказать...* — Имеются в виду «Послание к кн. Петру Андреевичу Вяземскому» В. Л. Пушкина и «Ответ на послание Василью Львовичу Пушкину» П. А. Вяземского.

Ст. 6. *Но вы желаете херов...* — Здесь старославянское название буквы «х», крестообразная форма которой уподобляет ее знаку перечеркивания, употреблено в значении «критическое замечание». В дружеской переписке Жуковского, Вяземского и В. Л. Пушкина оно обозначало неудачный стих или слово, подлежащее исправлению. Данный стих указывает на то, что послание Жуковского было написано в ответ на просьбу авторов высказать свои критические замечания об их стихах.

Ст. 22—25. *«Зоилы жить нам не дают! ~ Молчанье!»*... — Вольная перефразировка фрагмента «Послания к кн. Петру Андреевичу Вяземскому» В. Л. Пушкина.

Ст. 26—32. *Потом ты говоришь: «И я любил писать ~ И так, пришлось молчать!»* — Парафраз стихов Пушкина: «И я на лире пел, и я стихи любил ~ И так, я стал ленив и празден поневоле».

Ст. 35—36. *Гоненье ль зависти? Или иносказанья, // Иль оды пачкунов без смысла, без конца?..* — Ср. у В. Л. Пушкина: «Печатать вздорные свои иносказанья», «Похвальных кучу од, не годных ни к чему!» См. также комментарий к ст. 33 предыдущего стихотворения.

Ст. 41—46. *Конец прекрасен! ~ Уж руку, не найду ль волшебного бокала...* — Имеются в виду заключительные стихи послания В. Л. Пушкина, описывающие воображаемую встречу друзей-поэтов: «Жуковский, Батюшков, Кокошкин и Дашков // Явятся вечерком нас услаждать стихами»; «Шампанское в бокал пенистое польется, // И громкое ура! веселью разнесется!»

Ст. 48. *Лишь Друга юности и всяких лет!*... — Примечание П. А. Вяземского при первой публикации: «Друг юности и всяких лет. Журнал, издаваемый Невзоровым. Он тоже был в то время мишенью, в которую направляли мы свои незлобные шутки» (РА. 1866. С. 877). Невзоров Максим Иванович (1762—1827) — масон из кружка Н. И. Новикова, И. П. Тургенева и И. В. Лопухина. С 1805 по 1815 г. был

начальником Московской университетской типографии, где печатался ВЕ. Издавал журнал «Друг юношества» (1807—1812, с 1813 по 1815 гг. журнал выходил под названием «Друг юношества и всяких лет»). Невзоров неоднократно упоминается в ПЖТ (см. Указ. имен). О Невзорове см.: Русская беседа. 1856. С. 97 и далее, сост. жизнеописания П. А. Бессонов.

Ст. 77. «У каждого свой вкус, свой суд и голос свой!»...— точная цитата из стихотворения П. А. Вяземского «Ответ на послание Василью Львовичу Пушкину».

Ст. 79—81. «Язык их — брань; искусство ~ А демон зависти — их мрачный Аполлон!»...— Точная цитата двух с половиной стихов того же послания.

Ст. 105—106. Ты из моих стихов *потомство* // В свои стихи отмежевал...— Жуковский имеет в виду возможное возражение Вяземского на свое критическое замечание: рифма Вяземского *потомство* — *вероломство* использована Жуковским в послании «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину», ср.: «Свои надежды в мир потомства» — «От хитрых, полных вероломства» (ст. 55, 57).

Ст. 123—124. «Что век зоила — день! век гения — потомство!» // Есть лишь бессмыслицы обманчивый наряд...— Ст. 123 — точная цитата из послания П. А. Вяземского, вызвавшая критическое замечание Жуковского: как слово «вероломство» применительно к литературным противникам Жуковский счел неподходящим для передачи основного смысла понятия «завистники», так и сочетание понятия «век» (время жизни) с понятием «потомства» (будущие поколения) не удовлетворяет критерию точности в понимании Жуковского, ср. ст. 136: «Нельзя потомству веком быть».

Ст. 156—157. При этой критике есть и ответ: // Прочти и сделай замечанье...— Жуковский имел в виду свое собственное послание «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» («Друзья, тот стихотворец — горе...»), на которое П. А. Вяземский действительно сделал замечание, учтенное Жуковским (см. комментарий к ст. 1—2).

III

К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину

Послание

(«Друзья, тот стихотворец — горе...»)

(С. 346)

Автографы:

1) РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 4—5 — черновой, без заглавия, с датами «13 октября» в начале текста, «16 октября» — в конце.

2) РГАЛИ, оп. 1, № 5, л. 12—13 — белой.

Копия (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5083 (Альбом П. А. Вяземского), л. 274—275) — рукою В. Ф. Вяземской, авторизованная (окончание рукою неустановленного лица), с правкой П. А. Вяземского и В. Л. Пушкина.

Впервые: РМ. 1815. № 7. С. 257—261, с заглавием: «Послание к Вяземскому и Пушкину», с подписью: «Жуковский».

В прижизненных собраниях сочинений: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Послания»). Во всех изданиях отнесено к 1814 г.

Датируется: 13—16 октября 1814 г.

Единственное послание цикла, напечатанное Жуковским при жизни, создано в те же дни, что и предшествующий текст. В тетради, озаглавленной рукою Жуковского «Долбинские стихотворения I» (автограф № 1), тексту послания предшествует следующий план: «На что вам нравится.— Какое горе?— Озеров погиб от себя — нет, друзья, не клеветайте на поэзию, чтоб она была причиной несчастья. Только умеете ее уважать! Кто в душе поэт, тот верно ценит наслаждение выше похвалы! Сладостная мысль быть понимаему.— Но если бы все понимали. Мемнон ждет солнца и поет для него, но для мрачной окружающей его природы он нем и безгласен. Что же достояния дарования, что не все его понимают, что оно только для добрых. В мнении завистников только то тяжело, что оно есть злоба — а быть предметом злобы тяжко. Но дарование невредимо. И без потомства поэт имеет много; все благородные души на его стороне. Сверх того потомство. Ему передает он свою славу как добродетельный свое счастье будущей жизни. А здесь наслаждаться собою; писать для добрых, быть счастливу с друзьями и в кругу их забывать ничтожных завистников — стихи, только их помнить можно. Того же Карамзина возьмем в пример.

Как добродетельный, не подчинимся року; здесь несмотря на его гонения, переносить свои надежды в лучший мир. Так поэт — надеется на потомство, но он как добрый имеет наслаждение собой и одобрение истинных душ. Наш Озеров — если он убит, о, для чего не верил он себя добрым, для чего надеяться, что все будут плести венок — завистник ввязывается в это дело, чтобы разорвать его... Ах! Если бы мог дойти до него глас участия и истинного удивления его дару: но та же чувствительность, которая его вдохновила, и погубила его! Да отмстит за него потомство! Друзья, чтобы быть счастливыми, поэтам удалиться от той сцены, на которой раздается слава, и любить более наслаждение, нежели хвалу! Слава и брань низки — это скелет, обвитый цветами! Работа сама собой служит и наградою! А голос немногих — вот слава, которою питаются несуетность и сердце! Тот же Карамзин будь нам примером» (Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в С 9. Т. 1. С. 529, с неточностями и пропусками нерасшифрованных слов).

Ст. 1—2. *Друзья, тот стихотворец — горе, // В ком без похвал восторга нет...* — В белом автографе № 2 эти стихи читаются: «Ты, Пушкин, стихотворец-горе, // Ты, Вяземский, прямой поэт...» В авторизованном списке из альбома П. А. Вяземского (копия) эти стихи поправлены рукою П. А. Вяземского в общепринятой редакции. В «Выдержках из старых бумаг Остафьевского архива» Вяземский так прокомментировал эту правку: «Забавно и для характеристики Жуковского нелишне заметить, что в послании его (...) было прежде сказано: „Ты, Пушкин, стихотворец-горе, // Ты, Вяземский, прямой поэт...“ И не подумайте, чтобы заключался тут эпиграмматический намек и умысел. Ему только хотелось попенять Пушкину за то, что он жалуется на зависть и завистников, что он скорбит и хнычет, а меня похвалить за то, что я не унываю, сам вступаю с завистниками в рукопашный бой и смело отгрызываюсь. В детском простосердечии ему и не приходило в догадку, что Пушкин мог обидеться. Насилу уговорил я его переменить стих, которым насмешники могли бы заклеить нашего доброго приятеля» (РА. 1866. С. 876—877).

Ст. 21—28. *Его блаженство прямо с неба ~ От недостойных одобренья?..*— О влиянии этого фрагмента послания на пушкинский «Разговор книгопродавца с поэтом» см.: Семенко. С. 134—136.

Ст. 29. *Один, среди песков, Мемнон...*— Мемнон, в греч. мифологии сын богини утренней зари Эос, пал от руки Ахилла в Троянской войне. Греки называли Мемноном одну из статуй египетского фараона Аменхотепа III близ Фив. Будучи повреждена землетрясением, на утренней заре статуя издавала звук, подобный звуку струны: считалось, что это душа Мемнона приветствует свою мать. В лирике Жуковского 1814 г. образ Мемнона встречается весьма часто, как метафора поэтического вдохновения, ср. стихотворение «Добрый совет. В альбом В. А. А. (збукину)» («Пока заря не воссияла—// Бездушен, хладен, тих Мемнон...»), а также фрагмент первопечатной редакции послания «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...»), исключенный из редакции С 1—5 («Как древле статуя Мемнона // Звучала арфой Аполлона...»; подробнее см. в комментарии к посланию «К Воейкову»). Гравированный фронтиспис первого тома С 1, выполненный по эскизу А. Н. Оленина (УС. 13), изображает статую Мемнона. П. Н. Сакулин и И. П. Галюн отмечают, что интерпретация образа Мемнона Жуковским свидетельствует о явном знакомстве последнего с «Фрагментами» Новалиса, ср.: «Дух поэзии есть утренний свет, заставляющий статую Мемнона издавать звуки» (Сакулин П. Н. Взгляд Жуковского на поэзию // Вестник воспитания. 1902. № 5. С. 86; Галюн И. П. К вопросу о литературных влияниях в поэзии Жуковского. Киев, 1916. С. 24).

Ст. 56. *Увы! Димитрия творец...*— Владислав Александрович Озеров (1769—1816), драматург, автор трагедии «Димитрий Донской» (1806), имевшей огромный успех, тяжело переживал неудачу своей последней трагедии «Поликсена» (1808), провал которой современники, и особенно будущие арзамасцы, приписывали интригам и зависти А. А. Шаховского (1777—1846), драматурга и режиссера, репертуарного члена дирекции императорских театров и члена «Беседы любителей русского слова». Душевное расстройство Озерова, прекращение литературной деятельности и вскоре за этим последовавшую смерть поэта круга Жуковского негласно вменяли в вину Шаховскому: под «завистниками» и «вероломными» в посланиях В. Л. Пушкина, П. А. Вяземского и В. А. Жуковского подразумевается именно он (см. об этом: Варпаховский И. К биографии В. А. Озерова // РА. 1869. Стб. 2029—2032; Вяземский П. А. По поводу предыдущей статьи // Там же. Стб. 2032—2045; Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 3—34).

Ст. 62—65. *Из лавров сей венец свила ~ Их иглы славное чело...*— Эти стихи Жуковского вызвали образ «терна славы» в пушкинском «Разговоре книгопродавца с поэтом» и «венца тернового, увитого лаврами» в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» (см.: Лебедева О. Б. «Разговор книгопродавца с поэтом» // Примеры целостного анализа художественного произведения. Томск, 1988. С. 11; Девицкий И. И. В. А. Жуковский и стихотворение Лермонтова «Смерть поэта» // Тезисы докладов и сообщений I научно-методической конференции Кокчетавского пед. ин-та. Кокчетав, 1967. С. 45—47).

Ст. 74. *Моинь душу создала...*— Моина, героиня трагедии В. А. Озерова «Фингал» (1806) на сюжет «Поэм Оссиана».

Ст. 96. *Обвитый розами скелет...*— Жуковский неоднократно цитирует этот свой стих в письмах к родным из Петербурга в 1815 г.: «Беспрестанно уверяюсь, что я написал божественные истины в моем послании к Вяземскому и Пушкину. Нет ничего презрительнее той славы, которой все обыкновенно ищут! *Обвитый розами скелет* — выражение, разительно справедливое» (УС. С. 19); «*Обвитый розами скелет!* Это можно сказать не об одной славе, но и о жизни, то есть о том, что называют жизнью в обыкновенном смысле, об этом беспрестанном движении, об этих разговорах без интереса, об этих свиданиях без радости и разлуках без сожаления, об этом хаосе света—скелет! скелет!» (Там же. С. 21). Этот последний фрагмент письма А. И. Елагиной С. П. Шевырев процитировал в своей речи «О значении Жуковского в русской жизни и поэзии» (Москвитянин. 1853. Т. 1. Кн. 2. Отд. 1. С. 86).

О. Лебедева

Записка к Свечину

(«Извольте, мой полковник, ведать...»)

(С. 349)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 19)—черновой, с заглавием: «Записка к Свечину».

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 67 об.)—рукою В. И. Губарева, с тем же заглавием.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Впервые: РА. 1864. № 10. Стб. 1049.

Печатается по тексту этой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 16 октября 1814 г.

В тетради долбинских стихотворений автограф «Записки к Свечину» находится в контексте «Записки к баронессе» (17 октября) и «Записки к Полонским» (19 октября, понедельник), что позволяет точно ее датировать пятницей, 16 октября 1814 г., т. е. накануне «завтрашнего субботнего дня».

Адресатом записки является Николай Петрович Свечин (1776—1823), профессиональный военный, который, будучи командиром первого пехотного полка, участвовал в Отечественной войне 1812 г. в составе Московского ополчения. С 1811 по 1816 г. он занимал должность предводителя дворянства Белевского уезда Тульской губ. и наездами жил в Туле и Белеве.

С Жуковским его связывало не только участие в военных действиях в составе одного полка, но и родственные отношения: он был мужем племянницы Жуковского Марии Николаевны Вельяминовой, которой в юности увлекался поэт (Письма Андрея Тургенева. С. 378, 392). Менее известна деятельность Н. П. Свечина как переводчика, автора нескольких комедий, которые даже шли на московской сцене. Именно эта сторона его личности и привлекала к нему Жуковского, делала его собеседником поэта и слушателем его произведений.

За биографические сведения о Н. П. Свечине автор выражает глубокую признательность Н. В. Самовер, любезно предоставившей ему материалы статьи «Н. П. Свечин» для словаря «Русские писатели. 1800—1917». Т. 5. (В печати).

А. Янушкевич

Записка к баронессе

(«И я прекрасное имею письмецо...»)

(С. 350)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 9)—черновой, без заглавия, с датой: «17 октября».

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 17—17 об.)—рукою В. И. Губарева, с заглавием: «Записка к баронессе».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1864. № 10. Стб. 1014—1015.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 17 октября 1814 г.

Адресат записки—Мария Алексеевна Черкасова (урожд. Кожина; ум. между 1816 и 1821 гг.: к 1816 г. относится последнее упоминание М. А. Черкасовой в письмах М. А. Протасовой к А. П. Киреевской, а в 1822 г. в качестве жены И. П. Черкасова М. А. Мойер-Протасова уже называет Пелагею Андреевну Полонскую—УС. С. 177, 280)—первая жена барона И. П. Черкасова. Жуковского связывали с ней отношения дружбы и взаимной симпатии. М. А. Черкасова участвовала в попытках друзей и родственников Жуковского склонить Е. А. Протасову к согласию на брак поэта с Машей Протасовой. В письме к А. П. Киреевской от 16 апреля 1814 г. Жуковский просил ее поговорить о его обстоятельствах с баронессой Черкасовой: «Я уверен, что Марья Ал.(ексеевна) много для нас сделать может. Скажите ей, что, узнавши о ее участии, о том, что она за меня молилась, я привязался к ней, право, сыновнею благодарностию» (РС. 1883. Т. 37. № 2. С. 436). В письме к А. И. Тургеневу от 5 мая 1814 г. из Черни Жуковский тоже говорит о баронессе Черкасовой как о своей стороннице (ПЖТ. С. 116). Согласно данным хронологической росписи долбинских стихотворений (РНБ, оп. 1, № 77, л. 25), Жуковский гостил в Володькове у баронессы Черкасовой 9—10 октября, 20—22 октября, 6 ноября, 24 ноября, 13 и 22—24 декабря 1814 г. С одним из этих визитов (20—22 октября) и связана «Записка к баронессе», предупреждающая адресата о скором приезде Жуковского.

Ст. 2—3. *От нашей Долбинской Фелицы // Притисывают в нем и две ее сестрицы...*—Фелица, персонаж сказки Екатерины II «О царевиче Хлоре» и героиня оды Г. Р. Державина «Фелица» (1783), посвященной Екатерине II как олицетворению мудрости, добродетели и справедливой власти. «Долбинской Фелицей» Жуковский здесь называет хозяйку поместья А. П. Киреевскую; «две ее сестрицы»—А. П. Юшкова-Зонтаг и Е. П. Юшкова-Азбукина. «Письмецо», о котором говорится в первом стихе—вероятно, уведомление о сроке возвращения трех сестер из Москвы (см. примеч. к стих. «Бесподобная записка к трем сестрицам в Москву»).

Ст. 8. *То есть во вторник, быть с детьми располагаю...*— Жуковский собирался выехать навстречу А. П. Киреевской в Володьково с ее детьми, Иваном, Петром и Марией (см. примеч. к стих. «Записка к Полонским»).

Ст. 14. *Мои цыпляточки с Натальею-наседкой...*— Т. е. дети А. П. Киреевской, оставленные под присмотром Натальи Андреевны Азбукиной, сводной сестры Протасовых. Н. А. Азбукина, жившая в 1814—1815 гг. в семьях Протасовых и Киреевских, неоднократно упоминается в письмах Жуковского этого периода (РС. 1883. Т. 37. № 2. С. 443, 453) и в письмах М. А. Протасовой к А. П. Киреевской (УС. С. 136, 178).

Ст. 39. *Как ведьму черт унес...*— Имеется в виду «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди». Над этим переводом Жуковский работал с 14 по 19 октября 1814 г. В конце текста баллады в ее черновом автографе (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 6—11) стоит дата: «19 октября, понедельник»; следовательно, 20 октября, день приезда Жуковского в Володьково, был вторником, а 21 октября— день возвращения А. П. Киреевской— средой (ср. ст. 10—11: «Чтоб в среду обнять // Свою летунью всем собором»).

О. Лебедева

Записка к Полонским
(«Обещанное исполнять...»)
(С. 351)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 10—10 об.)— черновой, без заглавия, с датой: «19 октября».

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 17 об.— 18 об.)— рукою В. И. Губарева, с правкой Жуковского и заглавием: «Записка к Полонским».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1864. № 10. Стб. 1015—1016. При первой публикации адресатом «Записки к Полонским» ошибочно сочтена баронесса М. А. Черкасова. В таком виде стихотворение перепечатано в С 6—7, и только в С 8 П. А. Ефремов установил истинного адресата.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 19 октября 1814 г.

Об адресатах «Записки к Полонским» сохранилось крайне мало сведений. Известно, что Полонские были близкими соседями Киреевских и Черкасовых. Барон И. П. Черкасов был женат вторым браком на Пелагее Андреевне Полонской. Полонские (отец и сын) упомянуты в письме М. А. Мойер-Протасовой от 4 июля 1822 г. (УС. С. 280); Жуковский в письме А. П. Юшковой-Зонтаг от 22 июня 1819 г. также упоминает Полонских в связи с денежными делами (Там же. С. 94).

Стихотворение «Записка к Полонским» тесно связано с «Запиской к баронессе». Собираясь в Володьково с детьми А. П. Киреевской встречать свою племянницу, Жуковский написал эту записку с просьбой о карете для поездки через два дня после того, как уведомил М. А. Черкасову о своем предстоящем визите.

Ст. 35. *Когда на них Григорий наш трясется...*— Григорий Дементьевич, слуга Протасовых в Муратове, часто упоминается в домашних шуточных экспромтах Жуковского 1811—1813 гг. Ср. в стих. «Друзья, пройдет два дни...»: «Единственный Григорий» (РБ. 1915. № 1. С. 20); в шуточных журналах «Муратовский сморчок» («Григорий Дементьевич ходил целый день в тулупе и башлыке») и «Муратовская вошь» («Угощал посетитель Григорий Дементьевич в синем сертуке с большими пуговицами, которые сияли на нем, как звезды на сапфире небесном») — Соловьев. Т. 2. С. 123, 125.

О. Лебедева

Амур и Мудрость

(«Богиня Мудрости на землю ниспустилась...»)

(С. 353)

Автограф (РГАЛИ, оп. 3, № 13, л. 5)—черновой, с заглавием: «Любовь и Мудрость».

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 2 об.)—рукою В. И. Губарева, с заглавием: «Амур и Мудрость».

Впервые: Памятник отечественных муз на 1827 г. СПб., 1827. С. 64—с заглавием: «Амур и Мудрость» и подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 23 октября 1814 г. на основании даты в хронологических списках долбинских стихотворений.

О. Лебедева

Бесполезная скромность

(«Демид, под одою своею, боясь Зоила...»)

(С. 353)

Автограф: (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 5)—черновой, с заглавием: «Бесполезная скромность».

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 2 об.)—рукою В. И. Губарева, с тем же заглавием.

Впервые: РМ. 1815. № 8. С. 138—с тем же заглавием и подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 23 октября 1814 г. на основании хронологического списка долбинских стихотворений.

А. Янушкевич

Феникс и голубка

(«Я на костре себя сжигаю!..»)

(С. 353)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 11) — черновой.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 2 об.) — рукою В. И. Губарева.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 41 (ст. 1—2).

Впервые полностью: ПСС. Т. 2. С. 85.

Печатается по тексту ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: 23 октября 1814 г. на основании хронологического списка донских стихотворений.

По всей вероятности, стихотворение является переводным, хотя источник обнаружить не удалось.

Н. Ветшева

⟨К Воейкову⟩

(«Воейков, дай же знать...»)

(С. 353)

Автограф (РГАЛИ, оп. 3, № 8, л. 2 об.) — черновой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1864. № 10. Стб. 1049.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 25—27 октября 1814 г. по положению в рукописи.

Стихотворение написано по поводу предстоящего отъезда А. Ф. Воейкова с семьей в Дерпт. Жуковский выхлопотал Воейкову место профессора по кафедре русской словесности в Дерптском университете (см.: ПЖТ. С. 107—108, 113—114), с отсрочкой занятия должности до сентября 1814 г. (Воейковы уехали в Дерпт лишь в январе 1815 г.). Осенью 1814 г. Воейков с семьей ездил в Тамбов к брату И. Ф. Воейкову (ср. в письме Жуковского к А. И. Тургеневу от 20 сентября 1814 г.: «Мои все разъехались, кто в Москву, кто в Тамбов» (ПЖТ. С. 126). О том, что в начале декабря 1814 г. они еще не вернулись, свидетельствует письмо Жуковского к А. П. Киреевской, написанное между 1 и 4 декабря: «Я и еще раз писал к Тамбовским — Вася послал эстафет к Воейкову (по приказанию рассудительного Воейкова), дабы уведомить, что на Болховской почте нет к нему пакета. К затылку этого эстафета я пришил свое письмо» (РС. 1883. Т. 37. № 2. С. 455). Выделенные Жуковским слова имеют почти цитатное сходство с последним стихом послания. Известно, что подчеркиванием (курсивом) Жуковский имел обыкновение выделять цитаты в своих текстах. П. А. Висковатов, опубликовавший это письмо, тоже высказал предположение: «Не к этому ли относится послание Жуковского к Воейкову по поводу отъезда его в Дерпт», приведя и текст стихотворения (Там же. С. 455). Если учесть, что упомянутое письмо Жуковского в Тамбов было вторым («я и еще раз писал»), то можно с достаточной долей уверенности предположить,

что стихотворное обращение Жуковского к Воейкову было отослано с первым, в конце октября — начале ноября 1814 г.

О. Лебедева

К Кавелину

(«Кавелин! друг, поэт, директор...»)

(С. 354)

Автограф (РГАЛИ, оп. 3, № 8, л. 2 об.) — с заглавием: «К Кавелину» и датой: «27 октября».

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 19 об.) — рукою А. А. Протасовой, без правки.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1864. № 10. Стб. 1043—1046.

Датируется: 27 октября 1814 г.

Адресат послания, Дмитрий Александрович Кавелин (1778—1856), друг В. А. Жуковского. Родился в Калужской губернии. Шести лет был записан солдатом в Измайловский полк и в 18 лет был уже секунд-майором. С 1792 по 1797 гг. обучался в пансионе при Московском университете, после окончания которого поступил в военную службу. В 1803 г. Кавелин переходит в статскую службу и в чине надворного советника назначается секретарем к правителю Грузии кн. Д. М. Волконскому. В Тифлисе Кавелин сблизился с бывшим царем Грузии Георгием и его семейством и впоследствии поддерживал с ними отношения и в Петербурге. В 1805 г. Кавелин перешел на службу в Петербург, в Министерство внутренних дел. В этом же году он женился на Шарлотте Ивановне Белли (род. 23. II. 1787), дочери шотландца Джона Белли, придворного архитектора при императоре Павле I. В 1812—1816 гг. Кавелин занимал должность директора Медицинского департамента. В этот период и начинается наиболее тесное общение Жуковского с Кавелиным. В 1812 г. в Медицинской типографии, находившейся под начальством Кавелина, печатались на отдельных листах сочиненные им патриотические песни. Вот одна из них:

**Мать Россия, веселися,
Уж у нас опять Москва!
От конца в конец несися
Быстро радостна молва.
Многи лета Александру!
Слава Белому Царю!
Михаил наш с сатаною
Славно, братцы, поступил,
Счастье он к нему спиною
Навсегда оборотил.
Многи лета Александру!
Слава Белому Царю!
Русских мужество, терпенье
Бог сторицей наградит,**

**Бонапарта посрамленье
Вся вселенна прозвучит.
Многи лета Александру!
Слава Белому Царю!**

(цит. по: ВЕ. 1886. № 5. Май. С. 10).

В этой связи отметим, что Л. Н. Толстой включил стихи Кавелина «В приятну ночь, при лунном свете...» в свой роман «Война и мир» (Т. 1. Ч. 1. Гл. XVII). В 1815 г. Жуковский ввел Кавелина в «Арзамас», где он получил прозвище «Пустышник». В это же время в медицинской типографии печатается первое издание стихотворений Жуковского (СПб., 1815—1816). В 1816 г. Кавелин становится директором главного педагогического института в Петербурге (с февраля 1819—Петербургского университета) и учрежденного при нем в 1817 г. Благородного пансиона. В 1821 г. Кавелин участвовал в преследовании либеральных профессоров Петербургского университета Арсеньева, Галича, Германа, Раупаха и др. и добился отстранения их от должности. В 1823 г. он сам был уволен из университета. После этого служил в Министерстве внутренних дел, в департаменте Сената в Москве и в 1832 г. вышел в отставку. С этого времени Кавелин жил зимой в Москве в собственном доме, а летом в селе Иваново, Белевского уезда, Тульской губ. Дети Кавелина—Софья (род. в 1808), Александр (1811—1880), Константин (1818—1887, известный русский историк, юрист, философ, публицист и общественный деятель, был крестником Жуковского) и Павел (1822—1869).

Об обстоятельствах, предшествующих появлению этого послания, Жуковский сообщает в письме к Тургеневу от 24 марта 1814 г. из Муратова: «Здесь есть в Орле Гаспари-доктор. Он еще в прошлом году представлен к Анне 2-го класса. (...) Люди, с ним в одно время представленные, получили награждения, а он нет. Узнай, похлопочи» (ПЖТ. С. 108—109). Перед этим Жуковский также обращался к Кавелину и Тургеневу с просьбой о докторе Фриофе. Поэтика прозаических писем Жуковского к Кавелину (РА. 1900. № 9. С. 29—31) во многом перекликается со стихотворным посланием к нему и прочитывается в традициях шутилой арзамасской галиматши.

Ст. 5. *Чтоб я в Орле узнал Гаспари...*— Орловский врач (о нем см. выше).

Ст. 10. *Нет! доктор—Антиной!..*— В греч. мифологии предводитель женихов Пенелопы, домогавшихся ее руки в отсутствие Одиссея, самый знатный и самый красивый из них. Имя Антиноя стало нарицательным обозначением мужской красоты.

Ст. 14. *С известным генерал-штаб-доктором Вицманом...*— Об этом докторе сведений нет.

Ст. 28. *Он Эскулапов сын!...*— В греч. мифологии бог врачевания, его сыновьями были Подалирий и Махаон, о которых Гомер упоминает как об искусных врачах.

И. Поплавская

(К Букильону)
(«De Vouquillon...»)
(С. 355)

Автограф (РГАЛИ, оп. 3, № 8, л. 8—8 об.)— черновой, без заглавия.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 16 об.)— рукою В. И. Губарева, с подзаголовком: «À voix: bouton de rose» («На голос: Бутоны розы», *фр.*).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1864. № 10. Стб. 1049—1050.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: между 1 и 3 ноября 1814 г. на основании хронологической росписи долбинских стихотворений.

После первой публикации в РА стихотворение включалось в собрания сочинений только П. А. Ефремовым (С 8. Т. 1. С. 432) и А. С. Архангельским (ПСС. Т. 2. С. 78). Ефремов сопроводил публикацию текста следующим примечанием: «Этому чудачу-управляющему Плещеевых Жуковский уделял место и в русских стихах своих. Приводим имеющийся у нас отрывок»— и далее 2 первые строфы шуточного стих. «Похождение, или поход первого апреля» (С 8. Т. 1. С. 532).

Кроме того что Осип Петрович Букильон был управляющим Плещеевых, о нем почти ничего не известно. В письме к А. И. Тургеневу от 30 января 1814 г. из Муратова Жуковский просит «любезнейшего друга» помочь племяннику Букильона, пленному адъютант-майору François, перебраться к родным (РС. 1901. № 4. С. 129). Данное стихотворное обращение Жуковского (вероятно, это текст куплетов, спетых на мелодию какого-то популярного французского романса) написано в честь дня рождения Букильона.

Перевод:

Букильонов
Я хочу воспеть праздник.
Я ломаю голову,
Но чувствую себя слишком глупым,
Чтобы прославить праздник
Букильонов!

Дражайший Букильон!
Я слишком безрассуден,
И лучше бы мне промолчать,
Но как же не вскричать,
Что твой праздник мне дорог,
Дражайший Букильон!

Букильоном
Украсила себя натура!
Его душа прекрасна и чиста,
Я говорю иеложно,
Что я люблю его, и в этом я клянусь
Букильоном! (*фр.*)

Во имя Букильона
Призовем же рифму
И взберемся на вершину
Возвышенного Олимпа!
Муза нас воодушевит
Во имя Букильона!

О, Букильон!
Тот день, который наступит,—
Он уже видел тебя родившимся,
Но он же заставляет меня признать,
Что более тебе уж не родиться,
О, Букильон!

О. Лебедева

В альбом к Нине

(«Кто нашу жизнь своим добром считает...»)

(С. 356)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, оп. 1, № 26, л. 16 об.) — рукою А. А. Воейковой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 56—57.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по рукописи.

Датируется: 4 ноября 1814 г.

Нина — Анна Ивановна Плещеева, жена А. А. Плещеева, которую муж и близкие друзья семьи так называли (см. примеч. к стих. «Нина к своему супругу в день рождения»).

С 31 октября по 4 ноября 1814 г. Жуковский гостил у Плещеевых в Черни. В хронологической росписи долбинских стихотворений послание «В альбом к Нине» помечено датой 4 ноября, с уточнением места написания: «У Плещ. (еевых)».

Ст. 3. *О счастии — как мы — за нас мечтает...* — Известно, что А. И. Плещеева была поверенной в любви Жуковского к М. А. Протасовой и безусловно сочувствовала их планам. Е. А. Протасова, напротив, считала ее одной из виновниц семейного неблагополучия: «Нашлись друзья, которые разрушили все мое спокойствие. Мне нечаянно попало письмо Ан. Ив. Плещеевой к Маше, которым открылись мои глаза» (УС. С. 295).

Ст. 6. *В кругу семьи наш празднует возврат...* — Вероятно, Жуковский имеет в виду праздник в имении Большая Чернь, состоявшийся в связи с годовщиной возвращения Жуковского из армии.

Ст. 8. *Ты мне сестра, а он мне брат!* — Не только метафорическое определение степени родства Жуковского с Плещеевыми. А. А. Плещеев доводился Е. А. Протасовой племянником по мужу, а ее дочерям он был двоюродным братом. Поскольку Е. А. Протасова поставила условием дальнейших отношений Жуковского с М. А. Протасовой признание их фактического родства, в дневниках, письмах и плане совместной жизни в Дерпте Жуковский все время называет себя братом М. А. Протасовой (см.: Дневники. С. 24, 45; Гофман. С. 113—114).

О. Лебедева

(А. А. Воейковой)

(«Сашка, Сашка!..»)

(С. 356)

Автограф (ПД. Р. 1, оп. 9, № 44) — белой.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 68 об.) — рукою В. И. Губарева, с заглавием: «Послание к А. А. Воейковой».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 46.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 6 ноября 1814 г.

Текст этого шуточного послания неточно, видимо по памяти, цитирует А. П. Зонтаг в одном из своих писем к А. М. Павловой, сопровождая его следующим примечанием: «...он однажды, посылая из Петербурга в Дерпт цветных бумажек кузине моей Воейковой, написал: (далее идет текст стихотворения)» (см.: Отчет ИПБ за 1893 г. СПб., 1896. С. 135). На этом основании стихотворение должно бы быть отнесено к зиме 1815 г., однако это — ошибка памяти мемуаристки, поскольку в копии РНБ текст послания находится среди долбинских стихотворений 1814 г.

И. М. Семенко считает послание «самым ранним образцом использования в литературе народного стиха («раешника»)» (СС 2. Т. 1. С. 427).

Ст. 5—6. *Говорю тебе: здравствуй ~ благодарствуй...*— Как удалось установить, это цитата из либретто волшебного-комической оперы А. А. Шаховского «Русалка» (Ч. 4). Видимо, после шумного успеха премьеры (с 1807 по 1810 г. зафиксировано 17 представлений; см.: ИРДТ. Т. 2. С. 517) эта фраза была на слуху у современников. В частности, ее специально отметил П. Арапов: «Самая забавная сцена в 4 части „Русалки“ была та, когда Тарабар и Кифар вылезают из котлов, один чихает и говорит: здравствуй, а другой ему отвечает: благодарствуй» (Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 182). Ср. также стих. «Любовная карусель...», где цитатный характер обмена репликами: «Здравствуй — благодарствуй» удостоверен авторским подчеркиванием в рукописи.

Ст. 8. *Как здесь, в губернии маркиза Паулучия...*— Паулуччи Филипп Осипович (1779—1849)—лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор в 1812—1829 гг. Упомянув его, Жуковский имеет в виду предстоящий отъезд Воейковых в Дерпт.

Ст. 11. *И сохрани тебя Бог от Грбовского...*— Сведений об этом лице обнаружить не удалось.

О. Лебедева

К князю Вяземскому
(«Нам славит древность Амфиона...»)
(С. 357)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 12)—черновой, без заглавия, с датой: «Ноября 7». Прозаический план послания: РНБ, оп. 1, № 78, л. 40.

Копия (РНБ, оп. 1, № 26, л. 9 об.—10 об.)—рукою А. А. Воейковой.

Впервые: РМ. 1815. № 9. С. 253—255—с заглавием: «К Вяземскому», подписью: «Жуковский» и датой: «1814, ноября 7».

В прижизненных изданиях: С 1—5 (отдел «Послания») — с заглавием: «К князю Вяземскому»; во всех изд. отнесено к 1814 г.

Датируется: 7 ноября 1814 г.

Повод для создания этого стихотворения раскрывает А. П. Зонтаг в письме М. П. Погодину, содержащем ответы на его вопросы в связи с повторной публикацией в «Москвитянине» ее статьи «Несколько слов о детстве В. А. Жуковского»: «Дом Петра Николаевича Юшкова был Пречистенской части в приходе Успенья на Могильцах, и продан Николаю Ильичу Муханову. После разорения Москвы

весь этот квартал выгорел; священник этой церкви умер в бедности, оставя жену и трех дочерей. (...) Для старшей нашелся жених, но приданого не было, а было много долгов. Стали собирать подписку для осиротевшего семейства. Жуковский был тогда в деревне у Авдотьи Петровны, ему нечего было дать бедным; он написал послание к князю Вяземскому *Нам славит древность Амфиона*, и князь Вяземский прислал бедному семейству 300 рублей ассигнациями. Это было в 1815 году, перед отъездом Жуковского в Петербург» (Москвитянин. 1852. Т. 5. № 18. С. 125—126).

Ст. 1—3. *Нам славит древность Амфиона ~ Воздвигся город сам собой...*—Амфион и Зет, в греч. мифологии братья-близнецы, сыновья Зевса и Антиопы, строители города Фивы; от игры Амфиона на волшебной кифаре, подаренной ему Гермесом, камни сами складывались в городские стены.

О. Лебедева

К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям

(«Ты, Вяземский, хитрец, хотя ты и Поэт!..»)

(С. 359)

Автографы:

1) РГАЛИ, оп. 3, № 8, л. 2—черновой фрагмент начала послания до ст. 27, с заглавием: «К Вяземскому» и датой: «25 октября». Весь текст перечеркнут.

2) РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 12 об.—13 об.—черновой, без заглавия, с датой: «8 ноября—9 ноября»

3) РГАЛИ, оп. 1, № 5, л. 18—19 об.—беловой.

Копия (РНБ, оп. 1, № 26, л. 11—13)—рукою А. А. Воейковой.

Впервые: РМ. 1815. № 3. С. 257—261, с подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4—отдел «Смесь»), с заглавием: «Отрывок из послания к кн. Вяземскому», заключительная часть стихотворения, начиная со ст. 90 («Надежда сердцем жить в веках...»); в «Общем оглавлении» отнесено в отдел «Послания» с тем же заглавием (Матяш. С. 154). В С 5 (Т. 12, посм.) напечатано полностью, по публикации РМ, с примечанием: «Вторая половина сего стихотворения помещена в собрании сочинений Жуковского, изданном в Карлсруэ, т. 2, с. 119—121». Во всех изд. отнесено к 1814 г. В. П. Петушков (СС 1. Т. 1. С. 443) и И. М. Семенко (СС 2. Т. 1. С. 399) приводят неверные сведения о прижизненных публикациях, относя фрагментарную (С 1—5) к первой прижизненной (РМ).

Печатается: до ст. 90—по РМ, со сверкой по автографу № 3, далее—по С 5.

Датируется: 8—9 ноября 1814 г.

Стихотворение написано в ответ на послание П. А. Вяземского «К друзьям», обращенное к Жуковскому и Батюшкову: эти последние постоянно призывали Вяземского к систематическому литературному труду: «Пиши, любезный друг, пиши стихи и более всего прозу к твоему старому приятелю» (письмо К. Н. Батюшкова к П. А. Вяземскому от 27 июля 1814 г.—Батюшков. Т. 2. С. 297); «Выдумай, изобрази и басню, и рассказ, и подробности. Ты можешь. Сперва обдумай все. Это

тебя займет приятным образом, а там и за перо. (...) Но не пиши мелочей: обдумай один род» (Там же. С. 327). В этом письме Батюшкова к Вяземскому от 25 марта 1815 г. есть цитата из послания Вяземского «К друзьям»: «Успехов просит ум... а сердце славы просит». Ср. также аналогичные побудительные письма Жуковского: «Если ты не поэт, то кому же сметь называться поэтом! Пиши более для собственного счастья, ибо *поэзия есть добродетель*. Следовательно счастье! (...) Пиши более для чести и славы своего времени (...)!» (письмо Жуковского к Вяземскому от 19 сентября 1814 г., содержащее две автоцитаты: из послания «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину»: «Поэзия есть добродетель», а также из комментируемого послания: «Надежда сердцем жить в веках» — СС 1. Т. 4. С. 562).

Послание Вяземского «К друзьям» — «своего рода декларация литературного дилетантизма» (Вяземский П. А. Стихотворения: В 2 т. Л., 1986. Т. 1. С. 449) — вызвала ответную полемическую декларацию Жуковского: стихотворение «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям» утверждает концепцию ответственности поэта перед своим дарованием и тесно связано со всем циклом посланий Жуковского к Вяземскому 1814 г. своей эстетической проблематикой.

Ст. 3. *Ты вздумал доказать посланьем...* — Имеется в виду послание П. А. Вяземского «К друзьям».

Ст. 17. *Страшися, мой певец, не смелости, но лени!*... — Послание Вяземского начинается стихом: «Гонители моей невинной лени».

Ст. 18. *Под маской робости не скроешь ты свой дар...* — Намек на следующие стихи Вяземского: «Но не ленив, а осторожен я!», «Но признаюсь, хотя и лестно, а робею».

Ст. 20. *Сильнее, чем друзей и похвалы и пени...* — Ср. у Вяземского: «Благодарю за похвалы и пени».

Ст. 59. *И музы не страшись!*... — Ср. в послании «К друзьям»:

Но музы — женщины, не нужны объясненья!
Смешон, кто с первых ласк им ввериться готов;
Как часто нас они коварно задирают,
Когда вы их не ищите даров!
А там еще коварней покидают (...)

Ст. 81. *Но нет! Потомство не мечта!*... — Ср. этот же мотив славы в грядущих поколениях в посланиях Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину», «Вот прямо одолжили...».

Ст. 115. *Давно в развалинах Сабинский уголок...* — Имеется в виду поместье в Сабинах (Италия), подаренное Меценатом римскому поэту Квинту Горацию Флакку (65—8 гг. до н. э.).

Ст. 118. *И, мнится, не забыл их звука тот поток...* — Источник Бандузии, по преданию находившийся недалеко от Венузии, родины Горация, или же от его Сабинского поместья. Источнику Бандузии посвящена ода 13 книги III од Горация.

Ст. 132—136. *Вдруг разливается как будто тихий звон ~ И путник, погружен в унылость, слышит глас...* — Образная реминисценция из послания «Евгению. Жизнь

Званская» Г. Р. Державина. Ср.: «Шепнешь вслух страннику, вдали как тихий гром: // «Здесь Бога жил певец, Фелицы».

Ст. 137—139. «О смертный! жизнь стрелою мчится! ~ Он, улетев, не возвратится» — Парафраз известнейшего афоризма Горация из оды 11 книги I «К Левкое» — «Carpe diem». Этот же афоризм Горация Жуковский цитирует, но в противоположном смысле, в письме к А. П. Елагиной (Киреевской) от 17 декабря 1815 г.: «Настоящая минута — вот жизнь. Я говорю здесь не так, как Гораций, который велит ловить летящий миг и посвящать его наслаждению, потому что жизнь скоротечна, и за собою ничего не оставит. Нет! Всякую настоящую минуту (если можно) прекрасному делу, мысли, чувству» (УС. С. 21).

О. Лебедева

Младенец

(В альбом графини О. П.)

(«В бурю, в легком челноке...»)

(С. 363)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 14) — черновой, без заглавия, с датой: «17 ноября». В списке долбинских стихотворений (РГАЛИ, оп. 3, № 8, л. 1) имеет заглавие: «Ребенок в челноке».

Впервые: РМ. 1815. № 5. С. 132—133 — с заглавием: «Стансы» и подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 3—4 (отдел «Романсы и песни») — с заглавием: «Младенец» и подзаголовком: «В альбом графини О. П.»

Печатается по тексту С 4, с уточнением по автографу.

Датируется: 17 ноября 1814 г.

Творческая история стихотворения, созданного в долбинскую осень 1814 г., позволяет говорить о его второй жизни после первой публикации в РМ. Первоначально стихотворение существовало как авторская рефлексия на тему судьбы. В черновых набросках отчетливо звучит мотив противопоставления поэзии и жизни. Ср.: «Лучше прозы и стихов // Взгляд на мир нас ободряет»; «Вкруг тебя цветущий мир // Полон жизни и отрады, // Он прекрасней звука лир, // Убедительней баллады»; «Вкруг тебя прекрасный свет // Полон жизни и отрады, // Что пред сей красой поэт, // Что пред ней его баллады!» Эти варианты, появившиеся после первой строфы, зачеркнуты поэтом, но они актуализировали столь важную для Жуковского-романтика тему мечты и действительности. Балладный контекст стихотворения (Жуковский параллельно работал над «Эоловой арфой», «Вадимом», «Ахиллом», «Алиной и Альсимом», «Эльвиной и Эдвином», «Варвиком») получает свой отзвук в отвергнутых набросках второй строфы. При первой публикации Жуковский вообще снимает первую строфу:

Можно ль в жизни молодой
Сердце мучить лживой тенью?
Нет, считай мечту мечтой,
Остальное ж — Провиденью!

Заглавием «Стансы» Жуковский подчеркнет философский подтекст своего мышления о Судьбе и Провидении.

Вторая жизнь стихотворения начинается с публикации его текста в С 3 (Т. 1. С. 362). Жуковский не только дает ему новое заглавие, но и снабжает подзаголовком: «В альбом графине О. П.» Как удалось установить уже первым комментаторам, речь идет о гр. Ольге Станиславовне Потоцкой (1802—1861), дочери графа С. С. Потоцкого, обер-церемониймейстера польского двора; с 1 ноября 1823 г. жены ген.-майора Л. А. Нарышкина (Черейский. С. 284). Пока нет возможности сказать, когда и при каких обстоятельствах появилась запись стихотворения в альбоме. Невозможно убедительно объяснить, почему Жуковский изъясил это произведение из последнего прижизненного издания (С 5), но именно вариант стихотворения в С 3—4 станет последней авторской волей.

Очевидны переключки стихотворения Жуковского с появившимся одновременно в 1815 г. стих. Батюшкова «Любовь в челноке» (Пантеон российской поэзии. М., 1815. Ч. 4. С. 186—188). Возможно, именно этот факт и определил изменение заглавия в РМ: вместо «Ребенок в челноке» — «Стансы».

А. Янушкевич

**Любовная карусель
или Пятилетние меланхолические стручья сердечного любления**

Тульская баллада
(«В трактире тульском тишина...»)
(С. 364)

Автограф (РГАЛИ, оп. 3, № 8, л. 11—11 об.) — черновой, без заглавия, с датой: «20 ноября».

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 67—67 об.) — рукою В. И. Губарева, с заглавием: «Любовная карусель, или Пятилетние меланхолические стручья сердечного любления».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 8. Т. 1. С. 526—527, первая и последняя строфы.

Впервые полностью: ПСС. Т. 2. С. 86, с заглавием: «Любовная карусель. Тульская баллада».

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 20 ноября 1814 г.

Пародийная баллада Жуковского, посвященная свадьбе Е. П. Юшковой и В. А. Азбукина (см. комментарий к стихотворению «Добрый совет. В альбом В. А. Азбукину»), является образцом соединения «домашней семантики» с эстетической насыщенностью. Еще Ц. С. Вольпе заметил, что «Любовная карусель...» представляет собой один из опытов Жуковского создать жанр русской бытовой баллады путем пародийного переосмысления балладного стиха» (Стихотворения. Т. 2. С. 521). Будучи совершенно справедливым в целом, это замечание не совсем точно в частности: как раз стих «Тульской баллады» восходит не к балладной, а к гимнической лирике Жуковского, являясь полным метрическим (и строфическим)

адекватом стиха и строфы «Певца во стане русских воинов» (1812)—а также «Певца в Кремле», работу над текстом которого Жуковский начнет через несколько дней после создания «Тульской баллады» (по данным хронологической росписи долбинских стихотворений, начало работы над «Певцом в Кремле» отнесено к 1—4 декабря 1814 г.—РНБ, ф. 286, оп. 1, № 77, л. 25). Таким образом, автопародия Жуковского является смелым жанровым экспериментом по объединению трех жанровых форм лирики и лироэпоса поэта: панегирической поэзии, домашнего экспромта и баллады.

Балладное начало воплощено в сюжете стихотворения, почерпнутом из области частной жизни близкородственного Жуковскому круга людей. Стихотворение озаглавлено «Любовная карусель...» далеко не случайно. А. С. Архангельский, впервые попытавшийся прокомментировать название, счел «не совсем понятным» упоминание в заглавии о карусели, но при этом точно соотнес название с реалией 1810-х гг.: «проходившим в Москве, в 1811 г., в июне *каруселем*». Московский карусель был подробно описан в ВЕ: «В последней половине минувшего июня в Москве, у Калужской заставы (...), два раза дано было прекрасное и великолепнейшее зрелище *каруселя* (...). Благородные рыцари показывали искусство свое в верховой езде, меткость рук и умение управлять оружием. Богатый убор церемониймейстеров и кавалеров, устройство кадрилей, порядок шествия, самые игры (...), все это выше всякого описания (...» (ВЕ. 1811. Ч. 58. № 13. Июль. С. 62—65). По этому же случаю В. А. Пушкин издал особую брошюру, содержащую не только описание московского каруселя, но и исторические сведения о каруселях и рыцарских турнирах: «О каруселях. Благородному московскому обоюбого пола собранию посвящает кавалерского карусельного собрания член Василий Пушкин. М., 1811, июня 20 дня». «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля дает следующее значение слова: «карусель — представление в подражание рыцарскому турниру» (СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 94). И если учесть, что, по точному наблюдению И. М. Семенко, текст «Тульской баллады» «изобилует бытовыми деталями и намеками на соперничество двух сестер (Екатерины и Анны)» в любви к В. А. Азбукину, «закончившееся великодушной уступкой со стороны Анны» (СС 2. Т. 1. С. 427), то направление пародийной реализации балладного сюжета становится совершенно очевидным. При том, что высокое понятие рыцарского благородства сохраняет свое этическое достоинство, сюжетная ситуация классической рыцарской баллады оказывается пародийно перевернута; в турнире благородства участвуют не рыцари-мужчины, кавалеры прекрасной дамы, а наоборот, прекрасные дамы соперничают в благородстве перед своим избранником.

Ст. 1—2. *В фрактуре тульском тишина, // И на столе уж свечки...*—Ср. первые два стиха «Певца во стане русских воинов»: «На поле бранном тишина, // Огни между шатрами...»

Ст. 3. *Като на канаве одна...*—Имя «Като» — галлицизм, уменьшительное от *фр. Catherine*. Като или Катошей родные называли Екатерину Петровну Юшкову.

Ст. 5—6. *Авдотья, Павлов Николай // Тут с ними — нет лишь Анны...*—Авдотья — А. П. Киреевская; Анна — А. П. Юшкова (Зонтаг). Кто такой Павлов Николай, не установлено (возможно, шафер В. А. Азбукина).

Ст. 13. *Катюшка милого комшит...*— «Комшить: мять, уминать, заминать; есть» — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 149.

Ст. 22—24. *Катюша тотчас: здравствуй ~ И нежно: благодарствуй...*— «Здравствуй—благодарствуй» — цитата из либретто волшебной оперы А. А. Шаховского «Русалка» (см. комментарий к стих. (А. А. Воейковой) («Сашка, Сашка...»).

Ст. 25. *Близ них Плезирка-пес кружит...*— Ср. в балладе «Пустынник» (1812): «Кружится резвый кот пред ними».

Ст. 37. «*О милый! милый! что с тобой?*» — ср. в балладе «Людмила» (1808): «Где ты, милый! что с тобою?»

Ст. 44. *И прочие конжеты...*— «Конжеты» здесь: атрибуты супружества (от французского *conjoints*—соединенный, супруг; возможно также от *congénère*—однородный, подобный, т. е.: и тому подобное).

Ст. 81—84. «*Кто наш — для счастья тот живи ~ И киселя терпенью!*» — Ср. в «Певце по стане русских воинов»: «Тот наш, кто первый в бой летит». Заключительные четыре стиха баллады, в которых упоминаются «Провидение», «надежда», «любовь» и «терпение» представляют собой парафраз четверостишия В. А. Азбукина, которое в начале октября 1814 г. послужило Жуковскому поводом для создания стихотворения «Добрый совет. В альбом В. А. А. (збукину)»:

Живу без страха меж людей,
Мой кров — святое Провиденье,
А спутники грядущих дней —
Любовь, надежда и терпенье

(опубликовано П. А. Ефремовым в С 7. Т. 1. С. 508).

О. Лебедева

Императору Александру

(«Когда летящие отсюда шумны клики...»)

(С. 366)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 78, л. 11, 17 об., 26—26 об.—отдельные фрагменты плана и общий план, рукою Жуковского, с заглавием: «План послания к Государю».

2) РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 15—18 об.—черновой, без заглавия, с датой в начале: «10 ноября», в конце: «н. (оября) 24»; разбито на стихи и пронумеровано.

Копии:

1) РГАЛИ, оп. 1, № 30, л. 23—31 об.—рукою неустановленного лица, с правкой Жуковского.

2) РГАЛИ, оп. 2, № 8, л. 2 об.—15—рукою В. И. Губарева, с посвящением императрице Марии Федоровне, с заглавием: «Стихотворение Жуковского Василия Андреевича „Послание императору Александру“, преподнесенное императрице Марии Федоровне», с подписью: «Василий Жуковской» и датой: «1814».

3) РНБ, оп. 2, № 3, л. 37 об.—50—рукою В. И. Губарева, рукописный экземпляр первой части стихотворения Жуковского, с правкой карандашом рукою Жуковского.

Впервые: Отдельное издание. СПб.: В типографии Ф. Дрехслера, 1815 (ц. р. от 15 января 1815 г.).

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Послания»).

Датируется: 10—24 ноября 1814 г.

Процесс работы над этим посланием отражен в письмах и дневнике Жуковского 1814—1815 гг. Возникновение замысла стихотворения относится, по-видимому, к апрелю-маю 1814 г. (см.: ПЖТ. С. 120). В сентябре поэт сообщает Тургеневу: «...я хочу писать Послание к Государю. Принято ли это будет и не поздно ли?» (Там же. С. 125). Об этом же в письме к М. А. Протасовой от 15 сентября 1814 г.: «4 Послание к Государю и перевести Библию» (цит. по: Веселовский. С. 168). К 20 октября уже был готов общий план послания. Ср.: «(...) план сделан, кажется, хорошо, а это для меня всего важнее» (ПЖТ. С. 126). Основной текст создавался в период с 13 по 23 ноября 1814 г. в с. Долбино Калужской губ. Об этом можно судить на основании сохранившегося перечня долбинских стихотворений, составленного поэтом. См. в РНБ (ф. 286, оп. 1, № 77, л. 25) след. запись: «Ноябрь. (...) 14—16. Посл(ание) к Госу(дарю) 17—23. Ответ, Посл(ание) к Госуд(арю), Искупл(ение), Аббадона». В одной из долбинских тетрадей, хранящихся в РГАЛИ (ф. 198, оп. 3, № 8, л. 1), поэт записывает: «9. Послание к государю 13», что соответствует порядковому номеру стихотворения в авторской росписи («9») и началу работы над ним (13 (ноября)). Сходная запись существует и в другой долбинской тетради: «9. Послание к государю» (РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 13, л. 1). Об окончании работы над посланием Жуковский сообщает в письме к Тургеневу от 1 декабря 1814 г. Ср.: «Ты ждешь от меня плана моего Послания к Государю, а я посылаю тебе его совсем написанное. Первое условие: прочитать вместе с Батюшковым, с Блудовым, с Уваровым и (...) с Дашковым. Что найдете необходимым поправить — поправляйте (...). Ты должен его переписать и доставить к Государыне Императрице...» (ПЖТ. С. 130—131). В этом же письме приписка В. И. Губарева: «(...) мы здесь очень им восхищаемся; я для вас его спешил переписывать» (Там же. С. 134). См. также запись в дневнике Жуковского 1814 г. в графе «Сочинения»: «(...) баллады, Послание к государю, Приветственное послание» (Дневники. С. 49).

Процесс работы Жуковского над посланием продолжался и после его написания. Так, известно, что Тургенев привлек к обсуждению послания Блудова, Батюшкова, Крылова, Гнедича и отдельно прочел его Уварову и Нелединскому-Мелецкому. На замечания Батюшкова, высказанные им в письме к А. И. Тургеневу от 20—21 декабря 1814 г., Жуковский ответил стихотворением «Ареопагу» (подробнее об этом см. в примечаниях к этому посланию). Согласившись с частью замечаний Батюшкова, поэт исправил ст. 11, 23, 63, 91 (в первой публикации), ст. 26, 88, 92—93, 126 (в С 1). Замечания Нелединского и Блудова, изложенные в письме Тургенева от 8 января 1815 г., Жуковский также почти все учел. Ст. 113—114 «И скоро сдавленный губителя стопою, // Угасший пепел их покрылся мертвой

мглою», ст. 318 «И Бога с небеси сразить кинжалом мнило», ст. 363 «Предтеча в славе сей, Герой спасенья спит» изменены уже в первой публикации, а ст. 304—305 «Полки его идут при гласе их отцов, // И счастье прежних лет с победой к ним влетает!» исправлены поэтом в С 1 (подробнее об этом см.: Ларионова Е. О. К истории стихотворения В. А. Жуковского «Императору Александру» // РЛ. 1991. № 3. С. 75—81). В письме к Тургеневу от 25 января 1815 г. поэт просит его исправить в первом издании ст. 126 «Спешащих раздробить еще приют свободы» и ст. 184 «О, сколь тогда велик, наш Царь, ты нам предстал» (ПЖТ. С. 136). Однако обе эти поправки были сделаны только в С 1. И в дальнейшем поэт вплоть до С 5 продолжал вносить в текст послания незначительные изменения. Это касается ст. 2 «В один сливаясь глас, к Тебе зовут: Великий!», ст. 18 «И юны *рамена* склонял под багряницу», ст. 23 «Ниспровергала, *бич* земных народов, Брань», ст. 226 «И вождь наш смертью *отягощенны* вежды».

Послание адресовано императору Александру I (12. XII. 1777—19. XI. 1825). Жуковский через Тургенева преподнес его матери Александра I императрице Марии Федоровне. 30 декабря 1814 г. Тургенев читал послание в присутствии членов царской семьи, на которых оно произвело сильное впечатление (РА. 1864. № 4. Стб. 450). По распоряжению императрицы послание было напечатано на ее счет отдельным изданием. Это произведение послужило поводом для личного знакомства поэта с императрицей в мае 1815 г. и приглашения его на службу ко двору.

Послание «Императору Александру» представляет собой образец высокой патриотической лирики. Изучая в это время русскую историю, летописи, обращаясь к поэме Ломоносова «Петр Великий» и к его «Слову похвальному ее Величеству Государыне Елизавете Петровне», поэт создает вокруг послания своеобразный эпический контекст и одновременно определяет для себя основные эстетические принципы разговора с царем (см.: БЖ. Ч. 1. С. 52—70; 400—465). Они связаны с отказом от хвалы в адрес героя, с установкой на благодарность от лица всей нации, с изображением эпохальных исторических событий, с осмыслением уроков истории, ее суда (об этом см.: Янушкевич. С. 105). Это верно почувствовал друг Жуковского Тургенев, который в одном из писем поэту отмечает: «Девизом для всей твоей пиесы можно взять твои же два стиха:

О дивный век, когда певец Царя — не льстец!

Когда хвала — восторг, глас лиры — глас народа

(ИРЛИ, ф. 309, № 4713-а, л. 49).

Так формируется в творчестве Жуковского новая жанровая разновидность: высокое гражданское послание. Это послание как бы концентрирует в себе основные темы, образы, настроения, звучащие в «Певце во стане русских воинов», в послании «Вождю победителей», в «Молитве русского народа», в «Певце в Кремле». Написанное шестистопным ямбом, оно и ритмически открывало возможность поэту для создания современного национального поэтического эпоса.

Послание «Императору Александру» стало эпохой в русском культурном сознании первой четверти XIX века. Первые отклики на него встречаются в письмах

друзей поэта. См. в письме Уварова Жуковскому от 20 декабря 1814 г.: «Прекрасно! Прекрасно! — Чувства возвышенные, мысли глубокие и сильные; похвала благородная и смелая» (РА. 1871. № 2. Стб. 0163). В письме Батюшкова Жуковскому от 29 декабря 1814 г.: «Твое новое произведение прелестно. В нем все благородно, и мысли и чувства. Оно исполнено жизни и поэзии, одним словом: ты наравне с предметом, и с каким предметом!» (цит. по: Батюшков. Т. 2. М., 1989. С. 317—318). Один из первых печатных откликов на послание появился в журнале «Российский музеум». В нем анонимный автор, отмечая несомненные достоинства стихотворения, вместе с тем говорит и об его недостатках. К ним относятся сосредоточенность на излишних подробностях, стремление «обнять в описаниях все малейшие части своего главного предмета, как, например, изображая плывущего на корабле Бурбона и проч.» (РМ. 1815. № 5. С. 204). В это же время послание Жуковского получило необыкновенную популярность и среди широких читательских кругов. По свидетельству современников, в некоторых губерниях устанавливался бюст Александра I, обвитый цветами, и перед ним вслух читалось послание поэта к нему (см.: Загарин. С. 175; Зейдлиц. С. 66). Спустя десятилетие, Пушкин в письме А. А. Бестужеву от 1825 г. отзывался об этом стихотворении Жуковского: «Наши таланты благородны, независимы (...) Прочти послание А(лександру) Жук(овского) 1815 году. Вот как русский поэт говорит русскому царю!» (Пушкин А. С. ПСС. Т. 13. С. 179). Белинский, давая общую оценку послания Жуковского, приводит ст. 44—50 «Так! и на бедствия земные положил ~ Как бури в зной поля, беды их возрождают» из послания к Александру как образец «высоких мыслей» (Белинский. Т. 7. С. 191). В сороковые и пятидесятые годы современники поэта тоже нередко обращались к этому стихотворению. См., например, строки в письме Уварова Жуковскому от июля 1845 г., где автор, говоря уже о Николае I, цитирует ст. 423 из послания Александру: «Вот все, что я могу принять из Вашей радушной похвалы, но Ему и чашу первую и первый гимн» (РА. 1871. № 2. Стб. 0169). А. С. Стурдза в своих воспоминаниях, появившихся в 1851 г., тоже упоминает об этом стихотворении Жуковского. Ср.: «„Певец во стане русских воинов“ и послание к Императору Александру I останутся навсегда живыми памятниками славных дней с 1812 по 1816-й год, т. е. славы побед над Европою и ее умиротворения» (цит. по: Арзамас—2. Т. 1. С. 54).

Ст. 14—18. *Когда, исполнены любви и упованья ~ И плечи юные склонял под багряницу...*— Речь идет о торжественной коронации императора Александра I в Москве в 1801 г., на которой присутствовал и Жуковский (см. об этом в примечаниях к посланию «К Блудову»).

Ст. 22—24. *А в отдалении внимая, как державы ~ Как троны падали под хищникову длань?..*— Имеются в виду войны Наполеона I против Австрии 1800—1801 гг., с которых началось подчинение Франции почти всех государств Западной и Центральной Европы.

Ст. 51. *Давно ль одряхший мир мы зрели в мертвом сне?..*— Подразумевается состояние Европы до событий Великой французской революции 1789—1792 гг.

Ст. 62. *И первый Лилий трон у Галлов над главами...*— Описываются события, связанные с началом Великой французской революции 1789 г. и с низвержением

10 августа 1792 г. Людовика XVI, представителя французской королевской династии Бурбонов, на гербе которых были изображены лилии. Галлы — многочисленные кельтские племена, населявшие в древности территорию Центральной Европы, здесь — французы.

Ст. 64—67. *С его дымящихся развалин великан ~ И взорами на мир ужасно засверкал...*— Наполеон I, Бонапарт (1769—1821) — первый консул Французской республики (1799—1804), французский император в 1804—1814 и 1815 гг.

Ст. 90. *И стала Галлия сокровищницей брани...*— Франция, страна галлов.

Ст. 115—116. *От Рейнских твердынь до Немана валов, // От Сициллы древняя до Бельта берегов...*— Имеются в виду завоевательные войны Наполеона в Западной и Центральной Европе 1805—1809 гг. Сицилла (мифол.) — название пролива между Италией и о. Сицилией. Здесь подразумевается юг как пространственный образ. Бельт — Балтийское море.

Ст. 131. *...спасенья страшный год!*— 1812 г.

Ст. 164. *И Старец-вождь средь них с невидимой Судьбой!*— Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813), русский полководец, генерал-фельдмаршал. 8 августа 1812 г. назначен главнокомандующим русской армией. 6 декабря 1812 г. получил звание князя Смоленского.

Ст. 181. *И брошенными в прах потухшими громами...*— Военные орудия.

Ст. 212. *И вайями Твой путь смиренный облекли*— Вайя (с греч.) — пальмовая ветвь. Символизирует торжественную встречу, приветствие.

Ст. 238. *И чуждый вождь — увь! — судьба его щадила...*— В отдельном издании послания Жуковский сделал примечание к этой строке: «Моро». Моро Жан Виктор (1763—1813) — французский военачальник, генерал. Будучи противником единоличной диктатуры Бонапарта, удалился от службы, поддерживал отношения с оппозиционными кругами (роялистами). Эмигрировал в США. В 1813 г. по приглашению императора Александра I возвратился в Европу и стал советником при штабе союзных армий. 27 августа 1813 г. смертельно ранен в Дрезденском сражении.

Ст. 247—248. *Как всколебалися Тевтонов племена! // К ним Герман с норда нес свободы знамена...*— Тевтоны — германские племена, обозначение германцев вообще. Имеется в виду Пруссия, которая 28 февраля 1814 г. заключила союз с Россией против наполеоновской Франции.

Ст. 253. *О славный Кульмский бой! о доблесть Славянина!*— Кульм — населенный пункт в Чехии, возле которого 17—18 августа 1813 г. произошло сражение между Богемской союзной армией под командованием М. Б. Баркляя-де-Толли и французским корпусом генерала Д. Вандама. Здесь французская армия потерпела поражение и начала отход к Лейпцигу.

Ст. 272. *Союза мстителей младой Агамемнон...*— В греческой мифологии сын Атрея и Аэропы, микенский царь, предводитель греческого войска во время Троянской войны. Здесь имеется в виду Александр I.

Ст. 278. *И загорелся день... Бог грянул... пал губитель!*— Здесь говорится о лейпцигском сражении 16—19 октября 1813 г. в войне России, Австрии, Пруссии и Швеции против наполеоновской Франции, которое завершилось разгромом

французской армии. В результате Франция лишилась всех территориальных завоеваний в Европе, что привело к освобождению Германии и Голландии от наполеоновских войск и образованию Рейнского союза.

Ст. 296. *Гром Русский берега Секваны огласил...*—Секваны—одно из кельтских племен, жившее в Центральной Европе. Здесь—древнеримское название реки Сены.

Ст. 304. *По стогнам радостным ряды Его полков...*—Площади, улицы в городе.

Ст. 312—325. *Коленопреклонен, на страшном месте том ~ И звучно грянуло: воскреснул Искупитель!..*—К последнему стиху в отдельном издании послания Жуковский сделал примечание: «Известно, что торжественное молебствие Российской армии совершено было в день Светлого Воскресения на той площади, где погиб Людовик XVI». Речь идет о событии 29 марта (10 апреля) 1814 г. в Париже, которое Александр I расценивал как «апофеоз русской славы между иноплеменниками», как «духовное наше торжество» (цит. по: Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 3. С. 223).

Ст. 329—330. *И гордо по зыбям потек от Альбиона // Спасительный корабль, несущий кровь Бурбона...*—Речь идет о возвращении из Англии Людовика XVIII (1755—1824), французского короля в 1814—1815 и 1815—1824 гг. из династии Бурбонов, родного брата казненного Людовика XVI. Альбион—древнее кельтское название Британских островов.

Ст. 360—364. *Когда, свершивший все, ко храму приступил ~ Предтеча в славе Твоей, герой спасенья спит?..*—Здесь: Казанский собор в Петербурге и погребенный в нем Кутузов.

Ст. 379. *Объемлет пред Тобой тот усыпленный храм...*—Собор в Петропавловской крепости, где погребен Петр I.

Ст. 431. *Пенатам посвятив изрубленный свой щит...*—В римск. мифологии божества—хранители дома.

Ст. 465. *Предстатель за Царей народ у Провиденья...*—Нелединский-Мелецкий говорил об этом стихе: «Этот стих, встречающийся раз в столетие; который делает честь веку и дает ему особенный характер» (цит. по: Ларионова Е. О. Указ. соч. С. 80).

Ст. 481. *Здесь, окружая Твой престол, Благословенный...*—Титул «Благословенный» был предложен Александру I Святым Синодом, Государственным Советом и Сенатом 30 июля 1814 г., но император его отклонил (см. об этом: Загарин. С. 173).

И. Поплавская

«Ноябрь, зимы посол, подчас лихой старик...»

(С. 378)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 8. Т. 1. С. 447—449—с заглавием: «Ноябрь».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 7—11 ноября 1814 г.

Стихотворение написано, вероятно, в связи с бракосочетанием В. А. Азбукина и Е. П. Юшковой, младшей сестры А. П. Киреевской. Свадьба состоялась в Туле, в первых числах ноября (Жуковский посвятил этому событию шутовское стих. «Любовная карусель...», написанное 20 ноября 1814 г.— см. примеч.). Как явствует из хронологической росписи долбинских стихотворений (РНБ, оп. 1, № 77, л. 1) и из текстов стихотворений, посвященных свадьбе, Жуковский на венчании не присутствовал и остался в Долбине. 31 октября—4 ноября он гостил в Черни у Плещеевых, 6 ноября был в Володькове у Черкасовых, 7—11 ноября провел в Долбине, а под датой «12 (ноября)» записано: «В Белеве» (ср.: «И вас уже встречать готовится в Белеве»). Вероятно, он выехал в Белев навстречу возвращающимся со свадьбы родственникам. Таким образом, наиболее вероятное время создания стихотворения—это 7—11 ноября 1814 г., что подтверждает и контекст публикации в С 8: вместе с посланиями к П. А. Вяземскому от 7—9 ноября. Местонахождение рукописи, имевшейся в распоряжении П. А. Ефремова, установить не удалось: в тетрадах «Долбинских стихотворений» автограф текста не обнаружен.

О. Лебедева

Теон и Эсхин

(«Эсхин возвращался к Пенатам своим...»)

(С. 380)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 78, л. 28—набросок плана, с зачеркнутым заглавием: «Абдала и Мирза», которое перешло из списков предполагаемых сочинений (Там же. Л. 36 об.). Сверху зачеркнутого заглавия—«Теон и Эсхин».

2) РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 14 об.—черновой набросок ст. 1—7, отличных от окончательного текста (см. ниже); в рукописи—за автографом «Младенца», датированным 17 ноября.

3) РГАЛИ, оп. 3, № 8, л. 13—14—черновой полный текст, с первоначальным заглавием: «Теон и Пилад», зачеркнутым—и датой: «Декабря 3—7»; после заглавия—ритмический рисунок стиха:

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

Впервые: ВЕ. 1815. Ч. 80. № 5—6. Март. С. 27—32—с заглавием: «Теон и Эсхин» и подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 отдел «Смесь») с датой: «1814» (С 1—3); в С 5 датировано 1813 г.

Датируется: 3—7 декабря 1814 г.

Творческая история стихотворения—свидетельство напряженного поиска Жуковским своеобразной поэтической философии и формы ее выражения. Еще в первоначальных планах, имеющих «восточный» колорит (автограф № 1), Жуков-

ский намечает основные моменты философии внутренней жизни. Ср.: «Абдала возвратился к своему другу Мирзе // из дальнего пути. Он нашел его у дом.(ашне-го) ручья / Спокойного. // Лицо важное, хотя и видно было на нем успокоение. / Солнце заходило / У входа в лавровую рощу стоял гроб, осып.(анный) цветами // На лице Абдалы беспокойство // Что ты нашел: // Я попытался найти идеал // Но от чего это беспокойство // Я его искал вокруг себя // Я любил — // Я наполнял душу выс (окими) мыслями // Сердце было довольно // А ум украшался мыслью // Поэзия утраты не возвратна // Все мое осталось при мне...» (№ 78, л. 28; план записан в колонку и напоминает структуру стиха).

Следующий этап работы, относящийся к началу декабря 1814 г.— поиск стихотворного размера и античного колорита. Черновой набросок семи строк четырехстопного ямба передает этот поиск (автограф № 2):

Теон на время из Афин
К своим Пенатам возвратился
На брег Алфея; там Эсхин [Там верный друг его Эсхин]
От света в тишине таился.
Уж Гелиос в десятый раз
Свершал вокруг земли теченье
С тех пор,—...

(впервые: С 9. Т. 1. С. 526).

В последнем по времени известном автографе (№ 3), самом полном тексте стихотворения, Жуковский еще колеблется в номинации героев: сначала—Теон и Пилад, затем—Теон и Эсхин, но роль будущего Теона выполняет Эсхин: «Эсхин возвращался к Пенатам своим...» Меняется ритмический рисунок стиха, что визу-ально отражено в схеме. Идет поиск стиля, античного антуража, через насыщение мифологическими реалиями.

Стихотворение действительно стало «программой всей поэзии Жуковского», «изложением основных принципов ее содержания» (Белинский. Т. 7. С. 194). Имя Теона в сознании последующей критики было связано с Жуковским. Так, Л. И. Поливанов называл поэта «нашим Теоном» (Загарин. С. 58, 119). Для современников это стихотворение было эпохальным. Так, по воспоминаниям В. Ф. Одоевского, «Стихи Жуковского были для нас не только стихами, но было что-то другое под звучною речью; они уверяли нас в человеческом достоинстве. (...) До сих пор стихами Жуковского обозначены все происшествия моей внутренней жизни—до сих пор запах тополей напоминает мне Теона и Эсхина...» (цит. по: Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский: Мыслитель—Писатель. М., 1913. Т. 1. Ч. 1. С. 90).

Сам Жуковский рассматривал поэтическую философию своего героя в неразрывной связи с реальной жизнью. Послание «Старцу Эверсу» он называл «дерптским повторением „Теона и Эсхина“», соотнося в дневниковых записях 1815 г. образы Теона и дерптского профессора богословия Лоренца Эверса. Вслед за «Теоном и Эсхином» в рукописях Жуковского (автограф № 3) идет черновой набросок послания «В альбом барону П. И. Черкасову», начинающегося словами: «Мой

опытный старик Теон // Сказал: „Прекрасен свет!“ Слова из стихотворения: «Все в жизни к великому средство» становятся жизненным девизом Жуковского: «У меня есть одно правило, которого теперь не отдам за миллион. *Все в жизни к великому средство*. Это правило можно применить не только ко всей жизни, но и ко всякой минуте, ко всякому обстоятельству жизни» (Запись в дерптском дневнике от 12 апреля 1815 г.—Гофман. С. 121). Этот девиз выражает самые различные ситуации биографии поэта и варьируется в различных словесных выражениях: «Все в жизни к прекрасному средство», «средство к великому заключено для нас в разлуке!», «самое страдание есть средство к прекрасному!» (Гофман. С. 110, 111, 115).

Еще П. А. Плетнев в письме к Я. К. Гроту от 20 октября 1843 г. высказывал предположение, что «„Теон и Эсхин“, если не из Шиллера, то из другого какого-нибудь немецкого поэта, не помню» (Переписка. Т. 2. С. 134). Впоследствии мысль о «немецкой прописке» стихотворения неоднократно варьировалась в критике, но все попытки отыскать какой-то конкретный источник произведения не увенчались успехом. Думается, речь должна идти не о конкретном источнике, а о типологической близости «Теона и Эсхина» к идеям немецкого романтизма.

Очевидна связь и переключка мотивов «Теона и Эсхина» с образной системой стихотворной сказки К. Н. Батюшкова «Странствователь и Домосед» (1815), которую можно рассматривать как отклик на произведение Жуковского (см.: Венок поэту: Жизнь и творчество К. Н. Батюшкова. Вологда, 1989. С. 65—67).

Ст. 1. *Эсхин возвращался к Пенатам своим...*— Пенаты—образ римской мифологии: домашние боги, охраняющие домашний очаг. В переносном смысле слово употребляется как «жилье, дом, родина». Приобрело особый смысл после появления послания К. Н. Батюшкова «Мои Пенаты».

Ст. 2. *К брегам благовонным Алфея...*— Главная река на полуострове Пелопоннес, берущая начало в аркадских горах и впадающая в Ионическое море.

Ст. 124. *Хвала жизнедавицу-Зевесу!..*— В черновом автографе № 2 последний стих имел другой вариант: «Живи... остальное Зевесу!»

А. Янушкевич

Древние и новые греки

(«Счастливым путем на берега Фокиды!..»)

(С. 384)

Автографы:

1) РГАЛИ, оп. 3, № 8, л. 1 об.— черновой, с датой: «Декабря 8».

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 6— беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1864. Стб. 1018—1019— с большими неточностями.

Печатается по тексту белового автографа.

Датируется: 8 декабря 1814 г.

Судя по содержанию стихотворения, оно адресовано какому-то конкретному лицу, отъезжающему в Грецию. Адресата послания установить не удалось.

Ст. 1. *Счастливей путь на берега Фокиды!..*— Фокида— страна в центральной части Греции, с горой Парнас (в греч. мифологии обителью бога— покровителя искусств Аполлона и девяти Муз) и святилищем Дельфы, также посвященном Аполлону— прорицателю будущего.

Ст. 6. *И аромат, и пламенный мока...*— Здесь: мокко— сорт кофе.

Ст. 13. *Вот на волнах рассытаны Циклады...*— Киклады, острова Эгейского архипелага, кругообразно расположенные вокруг центрального острова Делос.

Ст. 14. *И пифиев пророческий Делос!..* Пифия— жрица-прорицательница Аполлона в его святилище в Дельфах. На Острове Делосе также существовал культ Аполлона, поскольку, согласно мифам, Аполлон и его сестра Артемида были рождены богиней Латоной на Делосе.

О. Лебедева

К неизвестной даме

в ответ на лестную от нее похвалу

(«Хваля стихи певца, ты нас сама пленяешь...»)

(С. 384)

Автограф (РГАЛИ, оп. 3, № 8, л. 1 об.)— черновой, в 2-х вариантах, с небольшими стилистическими разночтениями, без заглавия.

Копия (РНБ, оп. 1, № 26, л. 16)— рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «Ле:...ь той же».

Впервые: РМ. 1815. № 2. С. 147 (ц. р.— 22 декабря 1814 г.)— с заглавием: «К неизвестной даме, в ответ на лестную от нея похвалу» и подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 8 декабря 1814 г.

Датировка текста, традиционно включавшегося в подборки 1815 г. (см.: ПСС. Т. 2. С. 99), была основана на времени первой публикации в РМ. Но, во-первых, ц. р. для № 2 было получено 22 декабря 1814 г., что дает основание говорить о создании стихотворения до 1815 г. А во-вторых, и это главное, в черновом автографе, включенном в рукопись с точными датировками, стихотворение относится к 8 декабря 1814 г., что снимает всякие предположения о более позднем его создании.

Вопрос об адресате стихотворения остается открытым.

А. Янушкевич

Максим

(«Скажу вам сказку в добрый час!..»)

(С. 385)

Автограф (РГАЛИ, оп. 3, № 8, л. 15)— черновой.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 16—16 об.)— рукою В. И. Губарева (строфы 8—15).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1864. Стб. 1046.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: около 7 декабря 1814 г.

Основанием для датировки является положение автографа в тетради «Долбинских стихотворений»: на последнем листе, вслед за черновиком «Теона и Эсхина», законченным 7 декабря.

Максим Григорьев (годы жизни неизвестны), также «Белевский Максим» — слуга Жуковского, живший с ним в Муратове, Долбине и Мишенском в 1811—1815 гг. В домашних экспромтах Жуковского этих лет он упоминается довольно часто (ср. № 13 в «Ответах на вопросы в игру, называемую *секретарь*). Балагур и шутник, Максим Григорьев — прототип героя документально-мемуарной повести А. П. Зонтаг «Путешествие на луну», где он описан следующим образом: «(...) встретил я маленького седого старика [время действия в повести отнесено к первой половине 1830-х гг.—О. Л.], с огромным пузом, густыми бровями, нависшими на маленькие серые глаза, с расплюснутым носом и красным лицом» (РА. 1904. Т. 3. № 2. С. 590). П. Загарин со слов А. П. Петерсона приводит рассказ о том, как Жуковский, «выведенный из терпенья своим Максимом (...), любившим порядком выпить, ударил его по лицу. Надобно видеть, (...) с каким чувством совестливости и сожаления о своем поступке он потом просил у Максима прощения и целовал его при этом» (Загарин. С. 390—391).

Уезжая из Долбина в Петербург, Жуковский отпустил Максима в Белев с ежемесячным пенсионом в 10 рублей (УС. С. 27, 94), а в 1823 г. выкупил его на волю вместе с остальными своими крепостными людьми (УС. С. 38; см. также: РА. 1863. Стб. 708—709; РА. 1865. Стб. 319—322).

Несмотря на то, что прототип героя стихотворения «Максим» является реальным лицом, сам текст, как это установлено Н. О. Лернером, представляет собой вольный перевод французских комических куплетов «Monsieur de la Palice» (РБ. 1912. № 7—8. С. 208). Общий сюжетный и смысловой стержень куплетов восходит к французской солдатской песне, возникшей после битвы при Павии (1525), в которой один из храбрейших командиров, Жак Шаванн де ла Палис, был убит. В одном из куплетов этой песни были такие стихи: «Un quart d'heure avant sa mort // Il était encore en vie» («За четверть часа до своей смерти он был еще жив» — *фр.*). Эти два стиха, первоначально означавшие только то, что командир сражался до последней капли крови, послужили впоследствии основой многочисленных комических вариаций. Сводный текст «Monsieur de la Palice» насчитывает 51 куплет. Н. О. Лернер приводит текст всех 15 куплетов, соответствующих переводу Жуковского (Там же. С. 208—209).

О. Лебедева

В альбом барону П. И. Черкасову
(«Мой опытный старик Теон...»)
(С. 387)

Автограф (РГАЛИ, оп. 3, № 8, л. 14) — черновой, без заглавия.

Копия (РНБ, оп. 1, № 26, л. 16) — рукою А. А. Воейковой, с заглавием: «В альбом Б.(арону) П.(етру)».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1870. Стб. 0709 — с датой: «12 декабря 1813». Публикация М. Н. Лонгинова.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 12 декабря 1814 г.

В комментариях А. С. Архангельского (ПСС. Т. 2. С. 141) и В. П. Петушкова (СС 1. Т. 1. С. 440—441) к адресату послания ошибочно отнесены сведения о его старшем брате Алексее Ивановиче Черкасове, декабристе (см.: Мстиславская Е. П. Послание В. А. Жуковского к И. П. Черкасову // Записки ОР ГБЛ. М., 1974. Вып. 35. С. 251). М. Н. Лонгинов, впервые опубликовавший текст в РА, ошибочно датировал его: «Жуковский собственноручно вписал эту пьесу [речь идет о «Теоне и Эсхине»] в альбом молодого барона Петра Ивановича Черкасова (...), а в заключение приписал к «Теону и Эсхину» следующее обращение к своему молодому другу, помеченное 12 декабря 1813 г.» (РА. 1870. Стб. 0708). Местонахождение этого альбома не установлено. И по положению в рукописях Жуковского, и по авторской датировке стихотворения «Теон и Эсхин» (см. примеч.) речь может идти только о 12 декабря 1814 г. Что же касается записи в альбоме, то 13 декабря 1814 г. Жуковский был в имении Черкасовых Володькове и вполне мог вписать упомянутые тексты в альбом П. И. Черкасова, пометив их предшествующим днем (см.: РНБ, оп. 1, № 77, л. 25).

Петр Иванович Черкасов (1797—1867) — сын барона И. П. Черкасова и его первой жены Марии Алексеевны (урожд. Кожиной). А. С. Архангельский ошибочно называет его «пасынком» Марии Алексеевны, путая ее со второй женой (урожд. Полонской) — ПСС. Т. 2. С. 141. Он был приятелем долбинской и муратовской молодежи, и Жуковский ему искренне симпатизировал. «Наш добрый Pierrot» и «барон Петруша» неоднократно упоминается в переписке Жуковского с А. П. Киреевской и в письмах М. А. Протасовой к родным (УС. С. 2, 280). В 1813 г. Жуковский хлопотал через А. И. Тургенева об устройстве П. И. Черкасова в Петербургский университет или педагогический институт (ПЖТ. С. 100). Впоследствии, став военным, П. И. Черкасов был арестован по подозрению в причастности к тайным обществам, но в ходе следствия подозрение не подтвердилось, и по высочайшему повелению 10 января 1826 г. он был освобожден с оправдательным аттестатом (см.: Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 194). Последнее свидетельство того, что Жуковский поддерживал с П. И. Черкасовым более или менее регулярные отношения, относится к 1841 г.: в письме А. П. Елагиной от 30 марта 1841 г. содержится просьба передать П. И. Черкасову экземпляр портрета Жуковского (УС. С. 69).

О. Лебедева

Плач о Пиндаре

Быль

(«Однажды наш поэт Пестов...»)

(С. 387)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 14 об.) — черновой; первоначальное заглавие: «Слезы о смерти Пиндара» поправлено на: «Плач о Пиндаре»; подзаголовок: «Сказка» — на «Быль»; с датой: «20 декабря».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1864. Стб. 1019.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 20 декабря 1814 г.

После первой публикации в РА текст «Плача о Пиндаре» был перепечатан в С 6 (Т. 4. С. 483), с добавлением подзаголовка: «С французского», без комментариев и указания источника. Оригинал (если он имеется) не установлен.

Начиная с Ц. С. Вольпе, комментаторы видят в «Плаче о Пиндаре» «сатиру на поэта гр. Д. И. Хвостова (1757—1835), члена «Беседы» (Стихотворения. Т. 2. С. 521; см. также: СС 1. Т. 1. С. 443; СС 2. Т. 1. С. 427). Предполагается также, что «ученая дама» — это поэтесса А. П. Бунина (1774—1828), которую А. С. Шишков «весьма уважал за ученость» (Стихотворения. Т. 2. С. 523). Действительно, имя Пиндара часто упоминается в текстах Д. И. Хвостова. И. И. Дмитриев в письме Жуковскому от 15 ноября 1805 г. также отмечает страсть Хвостова к Пиндару: «лирик наш или просто протодьякон Хвостов беспрестанно кадит Гомеру и Пиндару и печет оду за одою» (Дмитриев И. И. Сочинения. М., 1986. С. 380). Однако, как убедительно показал В. Э. Вацуру, слово «ода» и имя «Пиндар» были знаковыми в литературной полемике архаистов и новаторов (Вацуру В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век. Сб. 16. Л., 1989, С. 144—145, 156, 170—173) и относились к другим архаистам, например, к П. И. Голенищеву-Кутузову, переводчику Пиндара, не в меньшей степени, чем к Хвостову (см. также послание «К Воейкову» («О, Воейков! Видно, нам...»), где переводы Голенищева-Кутузова из Пиндара прямо упомянуты). Поэтому представляется справедливым мнение, что «по самой ситуации стихотворение [«Плач о Пиндаре»] скорее юмористическое, нежели сатирическое или литературно-полемическое» (Арзамас—2. Т. 2. С. 488). Образ «поэта Пестова» не обязательно имеет однозначную памфлетную соотнесенность с авторской личностью Д. И. Хвостова, но может быть и обобщенным, типизирующим общую склонность поэтов-архаистов к пиндарической оде.

Ст. 10—13. *Коснулось до Пиндара слово! ~ И что он умер в тридцать лет...* — Пиндар (522 или 518—446 до н. э.) — знаменитый греческий поэт-лирик, автор похвальных песнопений в честь победителей общегреческих спортивных игр (в Олимпии, Дельфах; Немее и т. д. — ср. ст. 61: «Певал на скачки греков оды»). Как это явствует из дат жизни Пиндара, скончался он не в 30 лет, а, напротив, в глубокой старости.

О. Лебедева

К Воейкову

(«О Воейков! Видно, нам...»)

(С. 389)

Автографы:

1) РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 21 об.—22 об., черновой, с датой: «21 декабря».

2) РНБ, оп. 1, № 26, л. 2—6 об., белой, с заглавием: «К В.», сшит в отдельную тетрадь, на л. 2 карандашная помета: «Жуковский к Воейкову (из долбинских стихов) 21 декабря 1814 г.» «В описании И. А. Бычкова неверная атрибуция: «писано неизвестной рукою» (Бумаги Жуковского. С. 56); Ц. С. Вольпе также неверно атрибутирует рукопись как «список рукою А. И. Тургенева» (Стихотворения. Т. 2. С. 523), тогда как она представляет собой несомненный автограф Жуковского.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 15, л. 66—67,—рукою В. И. Губарева.

2) ПД, 9. 625 / LV. S. 9, л. 2 об.—рукою А. П. Зонтаг.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Современник. 1856. № 11. С. 48 (публикация М. Н. Лонгинова). Вторично, с уточнениями — РА. 1864. Стб. 1021—1028.

Печатается по тексту публикации РА, со сверкой по автографу № 2.

Датируется: 21 декабря 1814 г.

Сатирическое послание «К Воейкову» представляет довольно сложный текстологический случай. В первой публикации М. Н. Лонгинова текст послания изобилует разночтениями; кроме того, Лонгинов заменил условные антропонимы «Грузочкин», «Хлыстов», «Пустопузов» на реальные фамилии «Грузинцев», «Хвостов», «Шихматов». Источник этой публикации неясен — скорее всего, им был не автограф Жуковского и не достоверная копия, а какой-нибудь список из числа ходивших по рукам за пределами родственного и дружеского круга Жуковского. Публикация в РА осуществлена по черновому автографу в тетради «Долбинские стихотворения I» с восстановленными условными антропонимами. В текстологическом отношении она является несомненно достоверной, однако наличие белого автографа Жуковского делает необходимым учет более поздних по сравнению с черновиком вариантов отдельных стихов, тем более что и в копии № 2, до сих пор не учтенной в текстологии послания, эти варианты подтверждены соответствующими исправлениями А. П. Зонтаг.

Адресация сатирического послания А. Ф. Воейкову, скорее всего, продиктована полемическим выступлением последнего против членов «Беседы любителей русского слова» в послании «Дашкову», к которому Жуковский в конце мая — начале июня 1814 г. приписал стихотворный постскрипtum (см. комментарий к стихотворению «Постскрипtum к посланию А. Ф. Воейкова»). В заключительной части послания Воейкова «Дашкову» в числе прочих беседчиков упомянуты А. Н. Грузинцев, Д. И. Хвостов и Львов, скрытые в послании Жуковского под антропонимами «Грузочкин», «Хлыстов» и «Шлих»: возможность четкой идентификации объектов сатиры Жуковского дают наброски прозаического плана послания, сохранившееся в черновом автографу № 1 на свободных частях листов в тексте послания.

Ст. 19—20. *Зрел обверткой тифогов // Я недавно Андромаху...*— Имеется в виду перевод трагедии Ж. Расина «Андромаха», выполненный гр. Д. И. Хвостовым в 1794 г. и неоднократно переиздававшийся.

Ст. 24—29. *На заклею окон Грея ~ Зрел, как Сафу бил голик...*— Адресатом этого выпада является поэт-архаист П. И. Голенищев-Кутузов (1767—1829). В 1803 г. он издал сборник своих переводов из поэзии Т. Грея (в том числе и перевод элегии «Сельское кладбище»), в 1804—сборник переводов из Пиндара, в 1805—из лирики Сафо. В особенности переводы Голенищева-Кутузова из лирики Пиндара стали поводом длительной литературной полемики: Д. И. Хвостов посвятил переводчику похвальные послания (Друг просвещения. 1805. № 9; 1806. № 3), поэт и прозаик карамзинской ориентации П. И. Шаликов напечатал резкую критическую статью «О стихотворениях Пиндара, переведенных Павлом Голенищевым-Кутузовым» (Московский зритель. 1806. № 6). Подробную сводку материалов полемики, затянувшейся до середины 1810-х гг., см.: Вацуру В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век. Сб. 16. Л., 1989. С. 170—174. Может быть, и ст. 30 *Как Расин кряхтел под тестом* имеет в виду Голенищева-Кутузова, поскольку известно, что он перевел трагедию Расина «Баязет».

Ст. 31—32. *Зрел окутанный парик // И Электрой и Орестом*— Т. е. парик в папильотках, сделанных из книжных листов. Здесь подразумевается перевод трагедии Вольтера «Электра и Орест», выполненный в 1810 г. поэтом и драматургом А. Н. Грузинцевым (1779—между 1819 и 1821), творчество которого в кругу Жуковского воспринималось как полемическая антитеза драматургии В. А. Озерова, тем более что апологетом Грузинцева, возможно, выступил А. А. Шаховской (см.: Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. Л., 1978. С. 164. См. также комментарий к стихотворению «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину»). В 1811 г. Жуковский поместил в ВЕ резко отрицательный критический разбор «Электры и Ореста» в переводе Грузинцева («Электра и Орест» // ВЕ, 1811. Ч. 56. № 7. С. 205—222, подп.: «Ж.»), который, в свою очередь, тоже вызвал полемику (см.: Эстетика и критика. С. 399—400). В «Коловратно-куриозной сцене между Леандром, Пальясом и важным г-ном доктором» Жуковский назвал «Электру и Ореста» «вздором».

Ст. 37. *А в деснице грозный Ик...*— «Ик»— старославянское название буквы «У» (игрек); здесь— намек на любовь членов «Беседы» к архаической славянщизне.

Ст. 63. *И пустилась голубца...*— Голубец— народный танец, изображающий ссору и примирение влюбленных.

Ст. 105. *Мук там бездна!.. Вот Хлыстов...*— При первой публикации М. Н. Лонгинов заменил этот антропоним фамилией «Хвостов». Фамилия Хвостова упомянута и в черновых набросках плана послания (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 21 об.). Ср. также в послании А. Ф. Воейкова «Дашкову»: «Хвостов Расина распинает» (Арзамас—2. Т. 2. С. 258).

Ст. 115. *Пустопузов, как Сизиф...*— М. Н. Лонгинов заменил антропоним на фамилию «Шихматов» («Там Шихматов как Сизиф...»). Вслед за этой расшифровкой Ц. С. Вольпе, В. П. Петушков и В. Э. Вацуру комментируют стих как намек на поэта-архаиста С. А. Ширинского-Шихматова (1783—1837), см.: Стихотворения. Т. 2. С. 523; СС 1. Т. 1. С. 444; СС 2. Т. 1. С. 428; Арзамас—2. Т. 2. С. 529. Однако в

черновом наброске плана строф об адских муках читается фамилия «Кутузов», безусловно, более созвучная антропониму,— таким образом здесь имеется в виду П. И. Голенищев-Кутузов.

Ст. 118. *Здравый смысл торчит маяком...*— Рукописи и ранние публикации послания отражают колебания Жуковского в выборе окончательного варианта этого стиха. В черновых набросках плана строфы читается: «Стих другой торчит маяком...»; так же и в публикации РА (Стб. 1027—1028). В беловом автографе № 2 стих имеет небольшое разночтение: «Стих другой стоит маяком». В копии № 2 ст. «Стих другой торчит маяком» поправлен рукою А. П. Зонтаг на «Здравый смысл торчит маяком»; в копии № 1 также читается «Здравый смысл торчит маяком». Поскольку копия в записной книжке А. П. Зонтаг является наиболее поздней, окончательным вариантом стиха можно считать этот последний.

Ст. 121—123. *Вот Груздочкин-траголюб ~ И хитонем свой тулуп...*— Имеется в виду А. Н. Грузинцев, автор многочисленных трагедий на античные сюжеты: «Электра и Орест» (1809), «Эдип-Царь» (1811); «Ираклиды, или Спасенные Афины» (1814). Ср. в послании Воейкова «Дашкову»: «Смотри, как просится Грузинцев // В Вергилии из разночинцев...» (Арзамас—2. Т. 2. С. 258).

Ст. 129—132. *Полон треску и огня ~ Лезет Шлих коротконогий...*— В черновых набросках строфы читается не фамилия, а тоже условный антропоним: «Гремушкин». В черновом автографе послания в ст. 129 антропоним «Фирс», традиционно печатающийся вслед за А. С. Архангельским, в собраниях сочинений Жуковского XIX века поправлен на «Шлих». В беловом автографе № 2, в копии № 2, в публикации М. Н. Лонгинова, публикации РА и в изданиях под ред. П. А. Ефремова (С 7—9) стих читается как «Лезет Шлих коротконогий...» Антропоним «Фирс» читается только в копии № 1, которая, видимо, и послужила источником публикации А. С. Архангельского в ПСС. Слово «Шлих» образовано, вероятно, от диалектного смоленского «шлихотать» — клокотать (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. 4. С. 455). А. С. Архангельский прокомментировал стих как намек на поэта, прозаика и публициста Ф. П. Львова (1766—1836), одного из наиболее активных членов «Беседы». Вслед за ним эту же версию поддерживали Ц. С. Вольпе (Стихотворения. Т. 2. С. 523), В. П. Петушков (СС I. Т. 1. С. 444) и И. М. Семенко (СС 2. Т. 1. С. 428). Более справедливым, однако, представляется мнение В. Э. Вацура, считающего, что адресатом этого сатирического выпада является П. Ю. Львов (1770—1825), прозаик, переводчик и публицист, также член «Беседы», удостоенный золотой медали Российской академии (1806) за беллетризованные панегирики «Похвальное слово великому Государю, царю Алексею Михайловичу», «Пожарский и Минин, спасители Отечества», «Избрание на царство Михаила Федоровича Романова» (отд. изд.: СПб., 1810—1812); см.: Арзамас—2. Т. 2. С. 529. О том, что здесь речь идет об ораторе, свидетельствуют предшествующие стихи: «Полон треску и огня, // Но на смысл весьма убогий...»; ср. также в послании Воейкова «Дашкову»: «Кряхтит над книжищею Львов, // На слог и на руку нечистый» (Арзамас—2. Т. 2. С. 258)—о том, что здесь имеется в виду П. Ю. Львов, свидетельствует оборот «на руку нечистый»: в 1812 г. П. Ю. Львов был обвинен во взяточничестве и в результате расследования освобожден от

должности губернского прокурора Пб. губ. (Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 421). Ср. также эпиграмму Г. Р. Державина на П. Ю. Львова:

Историческо-хвально слово,

О муж витийственный, твое отлично, ново.

Тут красота и блеск

И слова в слово арабеск

(Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1876. Т. 6. С. 168).

Ст. 140—141. *Я за ведьм, за привиденья, // За чертей, за мертвецов...*— Жуковский имеет в виду свои «страшные» баллады, особенно «Балладу о том, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди», написанную в Долбине 14—19 октября 1814 г.

Ст. 143—144. *Очутился из Садов // Под капустой в огороде!..*—Подразумевается перевод описательной поэмы Ж. Делиля «Сады», над которым Воейков особенно интенсивно работал в 1814 г. Ст. 144, возможно, содержит намек на памфлет А. Ривароля «Капуста и брюква. Г-ну Делилю на его поэму „Сады“» (1782). Русский перевод см.: Делиль Ж. Сады. Л., 1988. С. 94—95. Ср. также «Постскриптум к посланию А. Ф. Воейкова».

О. Лебедева

(А. А. Воейковой)

(«Не имею я кирхгофа...»)

(С. 393)

Автограф (ПД. Р. I, оп. 9, № 33, л. 1)—беловой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 118.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: вторая половина 1814 г.

Стихотворение является ответом на записку А. А. Воейковой следующего содержания: «Сделайте отеческую милость, одолжите, Батюшка, с сим гонцом, пожалуйста, препроводите мне на несколько часов Грея Вашего английского—где кладбище, если он у вас во владении обретается». Стихотворение Жуковского написано на обратной стороне листка с текстом послания Воейковой (Соловьев. Т. 2. С. 118).

Основанием датировки служит следующее соображение: библиотека Жуковского находилась в имении Протасовых Муратова до тех пор, пока поэт не переехал в Долбино—это произошло в начале августа 1814 г. (см. письмо А. П. Киреевской от 31 июля 1814 г. // РС. 1883. Т. 37. № 2. С. 451—452). 18 сентября 1814 г. А. Ф. Воейков уже писал Жуковскому из Муратова в Долбино: «Несчастный друг! Увозя свою библиотеку, ты отнял одно из прелестнейших наших очарований» (Ежегодник Рукописного отдела ПД. 1980. Л., 1984. С. 88). Среди книг Жуковского сохранилось издание: Gray Thomas. The poems. L., 1814 (Описание. № 1171).

Возможно, к этому времени оно уже было в библиотеке поэта, но, разумеется, не раньше самого конца года.

Ст. 1. *Не имею я кирхгофа...*—Kirchhof (*нем.*)—кладбище. Речь идет о стихотворении Т. Грея «Элегия, написанная на сельском кладбище», входящем в состав томика его произведений и еще в 1801 г. переведенном Жуковским.

Ст. 2. *Он во власти у Фриофа...*—Доктор Фриоф (Früauf Johann Ludwig Wilhelm; Иван Федорович; 1765—после 1826)—по национальности немец, военный врач, переводчик, художник и поэт-дилетант. В составе библиотеки Жуковского сохранился изданный в Петербурге в 1819 г. сборник его переводов из русской поэзии: *Gedichte verschiedenen russischen Dichtern, nachgebildet von Dr. Johann Ludwig Wilhelm Früauf. St.-Petersburg, 1819* (Описание. № 1061). В предисловии к книге Фриоф изложил обстоятельства, при которых он оказался в Муратове: будучи военным врачом и служа в передвижном госпитале во время кампании 1812 г., Фриоф вместе со своим корпусом на марше из Калуги через Серпухов, Тулу и Мценск в Орел заболел тифом и был оставлен в военном госпитале г. Орла. В Орле он познакомился с Е. А. Протасовой, которая забрала его в Муратово, и там, после выздоровления, Фриоф прожил два года—1813 и 1814. Переводы на немецкий язык стихотворений русских поэтов—своеобразная дань благодарности семейству Протасовых (сборник завершается оригинальной одой «Muratovo, das Landgut der Frau Katherina Afanasievna v. Pratasov im Jahre 1814»—«Муратово, имение г-жи Е. А. Протасовой в 1814 г.»). В состав сборника вошли переводы стихотворений Жуковского «Пловец», «Добрая мать», «Светлане», произведения Дмитриева, Державина, Крылова. Известно также, что Фриоф перевел на немецкий язык «Элегию» Андрея Тургенева (ПЖТ. С. 113), но этот перевод в сборник не вошел. В письме Жуковского А. Ф. Воейкову от 20 февраля 1814 г. упомянут портрет последнего, нарисованный Фриофом. В первой половине 1814 г. Жуковский через Д. А. Кавелина, управляющего Медицинским департаментом, хлопотал, вероятно, об устройстве Фриофа на службу (РА. 1900. Кн. 3. № 9. С. 23, 28, 31). Судя по тому, что сборник переводов Фриофа напечатан в типографии особой канцелярии Министерства полиции, Фриоф получил место в этом ведомстве. После выхода в отставку, в 1826 г. он был принят в Публичную библиотеку на должность библиотекаря. В Онегинском собрании ПД (муз. и. 4315/4) сохранились многочисленные рисунки Фриофа—иллюстрации к произведениям Жуковского (см.: «Тень Пушкина меня усыновила...»: Музей А. Ф. Онегина. Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997. С. 76—77).

О. Лебедева

1815

Пред судилище Миноса

(С. 394)

Автографы:

1) РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 25 — черновой, с заглавием: «Пред судилище Миноса» и датой: «1 января». Строфы пронумерованы от 1 до 12. Сбоку список персонажей: [баран], собака, корова, петух, кошка, ворон, попугай.

2) РНБ, оп. 1, № 26, л. 44 — черновой, с тем же заглавием, на бумаге с вензелем Николая I, напоминающий и по характеру почерка, и по типу бумаги (двойной лист) автограф «Ночного смотра» (1836).

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 15, л. 68 — рукою А. А. Воейковой, без заглавия; идентична автографу № 1.

2) РГБ, Елаг. 16.53 — рукою А. П. Елагиной; идентична автографу № 1.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1864. № 10. Стб. 1029—1032 (по автографу № 1).

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 1 января 1815 г.

Стихотворение завершает цикл долбинских стихотворений и является прологом к арзамасской поэзии. Как убедительно доказал Ц. С. Вольпе, стихотворение Жуковского является пародией на творчество Д. И. Хвостова, на его басни и притчи (Стихотворения. Т. 2. С. 524). Уже в «Арзамасе» Жуковский 11 ноября 1815 г. выступал с речью «в честь Хвостова», «покойника из «Беседы», где говорилось о горестном собрании «скотов» (осла, лягушки, собаки, свиньи и др.) по поводу смерти Хвостова (см.: Арзамас—2. Т. 1. С. 292—294). «Что стихотворение связано именно с борьбой против „Беседы“, подтверждает и опубликованный М. Лонгиновым стихотворный „Разговор в царстве мертвых“ неизвестного автора, высмеивающий членов „Беседы“ (Совр. 1857. Май. С. 65). Здесь действие происходит также пред судилищем Миноса. Наконец, напомню о „Видении на берегах Леты“ К. Н. Батюшкова» (Стихотворения. Т. 2. С. 525).

Вопрос об автографе № 2 остается открытым. Несмотря на его очевидное более позднее происхождение по сравнению с текстом 1815 г., можно только предположительно говорить о времени его создания — 1836 г. (Стихотворения. Т. 2. С. 524). Вполне возможно, что он предназначался для С 4, появившегося в 1835 г., и тогда датировка должна быть более ранней. По сравнению с автографом 1815 г. редакция 1830-х гг. принципиальных изменений не претерпела: в целом и ее пафос, и общая композиция остались теми же. Правка коснулась характеристики отдельных персонажей, общего объема и порядка строф: были убраны 2, 5 и 7 строфы, строфы 10, 11, 12 стали соответственно 7, 4, 6. Наибольшим изменениям подверглась 8 строфа — характеристика кота. Ср.:

Первая редакция

Я котом служил на свете
И имел одно в примете:
Бил мышей и сыр таскал;
Этот грех, по чести, мал.

Вторая редакция

Я, Минос, не очень грешен,
Я бывал с мышами бешен,
А с людьми бывал и плут;
Васька-кот меня зовут.

А. Янушкевич

Ареопагу

(«О мой Ареопаг священной...»)

(С. 396)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 26—27) — черновой, с датой: «4 января».

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 15, л. 69—69 об. — рукою М. А. Протасовой (ст. 1—67).

2) РНБ, оп. 1, № 26, л. 17—19 об. — рукою А. А. Протасовой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1864. № 10. Стб. 1035—1044.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 4 января 1815 г.

Стихотворение завершает цикл долбинских стихотворений и по своему характеру является разновидностью «стихотворной критики», ярко проявившейся в посланиях Жуковского к В. Л. Пушкину и П. А. Вяземскому. Именно в этих посланиях формируются важнейшие принципы «школы гармонической точности» (об этом см.: Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974. С. 35—36).

Стихотворение «Ареопагу» стало ответом Жуковского на те замечания, которые были вызваны его посланием «Императору Александру». Как явствует из эпистолярных источников, готовя текст послания к печати, Жуковский обращается к своим друзьям, будущим арзамасцам, с просьбой оценить этот труд.

1 декабря 1814 г. он пишет из Долбино к А. И. Тургеневу: «Ты ждешь от меня плана моего Послания к Государю, а я посылаю тебе его совсем написанным. Первое условие: прочитай вместе с Батюшковым, с Блудовым, с Уваровым и, если он состоит налицо, с Дашковым. Что найдете необходимым поправить — поправляйте. Пока пишу, по тех пор мараю сколько душе угодно, и могу мараить; написал — всему конец! (...) Не знаю, удалось ли. Мне нравится, другим нравится; но надобно, чтобы вам, мой священный ареопаг, против которого нет апелляций, понравилось! (...) Судьбу этого Послания передаю в руке твои...» (ПЖТ. С. 130—131).

В 10-х числах декабря петербургские друзья, члены Ареопага, прочитали послание Жуковского. Уже 20 декабря С. С. Уваров писал автору послания «Императору Александру»: «Jo! triumphe! Прекрасно! Прекрасно! — Чувства возвышенные, мысли глубокие и сильные, похвала благородная и смелая; язык поэта. Еще раз: прекрасно! — Примите, любезный Василий Андреевич, истинную мою благодарность за те приятные минуты, которыми я был одолжен. Мы читали ваше По-

слание с предубеждением, но вместе и с разборчивостью дружбы, и кроме малого числа слов и двух или трех незначащих стихов, мы все одобрили. Мы с Тургеневым подумаем о лучшем способе представить ваше прекрасное произведение Государыне Императрице. Он вас обстоятельно о сем уведомят» (РА. 1871. Стб. 0163). Почти одновременно в письме А. И. Тургеневу от 20—21 декабря свои «замечания на стихи Жуковского» сообщил К. Н. Батюшков (Батюшков. Т. 2. С. 315—317; см. ниже), а в письме от конца декабря замечал: «Счастливы мы, что имеем такое дарование в наше время; а мы, твои приятели, еще счастливее: это дарование *наше*, ты наш — ты любишь нас» (Там же. С. 317). Им вторил А. И. Тургенев: «Чем более читаю я твое послание, тем более красот открываю, особливо во второй половине его. То же заметил за собою и строгий Батюшков. Блудов пророчит, что ты будешь певцом века освобождения и принадлежать славе Александра, как Вергилий принадлежит Августу, Державин Екатерине» (ПД, ф. 309, № 4713. цит. по: Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 53).

В ответ на эти отклики и замечания и родилось 4 января 1815 г. стихотворение «Ареопагу», о котором Жуковский в письме А. И. Тургеневу сообщал: «Приложенное письмо отдай Уварову. Писать некогда. Опоздал оттого, что вздумал вам отвечать стихами. Прошу их не критиковать, потому что они написаны нынче поутру, как письмо на почту. Они принадлежат Ареопагу. К тебе, Блудову и Батюшкову буду писать особенно. Письма ваши все получил. Они придали мне жизни. Славно иметь таких товарищей» (ПЖТ. С. 134). 5 января Жуковский сообщает С. С. Уварову: «Пишу к вам оттого так мало, что меня бес попутал писать ответ на замечания Батюшкова стихами. Как ни будь стихи — проза, все надобно было над ними возиться, и я боюсь опоздать на почту и, вероятно, опоздал» (РА. 1900. Кн. 3. № 9. С. 13). Именно в недрах этой переписки о послании «Императору Александру» рождалось то содружество, которое получит впоследствии название «арзамасское братство» и которое определит литературно-эстетическую позицию «Арзамаса».

В черновых набросках самого зачина послания Жуковского читаем: «Судилищу моих стихов, // Священному ареопагу» (автограф № 2) — и эти стихи становятся точкой отталкивания для определения нового содружества как «священного ареопага». Как явствует из истории публикации текста послания «Императору Александру» (ц. р. от 15 января 1815 г.), Жуковский многие предложенные поправки, в особенности замечания Батюшкова, учел в окончательной редакции.

«Ареопагу» — От холма Арея в древних Афинах, где происходили заседания суда, вершившего уголовные дела. Впоследствии — символ высшего суда.

Ст. 5. *Малютка Батюшков, гигант по дарованью...* — О смысле этой характеристики К. Н. Батюшкова см.: Кошелев В. А. Творческий путь К. Н. Батюшкова. Л., 1986. С. 11—28.

Ст. 30. *Дерзнет ли свой листок он в тот влести венец?..* — Комментируя этот стих, Батюшков писал: «Ужасный стих! (Замечание: я стану только выписывать дурные стихи; моя критика не нужна, он сам почувствует ошибки: у него чутье поэтическое)» — Батюшков. Т. 2. С. 315. Далее замечания Батюшкова приводим по этому изд., с указанием страницы в скобках. Согласившись с Батюшковым, Жуковский оставил стих без изменения.

Ст. 39. *Кто славы твоя опишет красоту!*..— Замечание Батюшкова: «Стих холодный, прозаический. Пусть поэт описывает славу Государя, увлеченный своим энтузиазмом, но никак не упоминает о слове *описывать*. Пусть его переходы будут живы и пр. Жуковский мастер этого дела. Пусть он начнет прямо с следующего стиха: «С благоговением, и проч.» (с. 315). Этот стих Жуковский изменил согласно собственной поправке.

Ст. 57. *Нет! выше бурь венца...*— Жуковский принимает замечание Батюшкова и заменяет: «бурь венца» на «бурь земных».

Ст. 68—69. *Ведь невнимательных царей // В Послание нет...*— У Жуковского стих читается так: «Цари сей грозный сон считали за покой; // И невнимательны, с беспечной слепотой...»

Ст. 78—79. *Под наклонившихся престолов царских сень // Народы ликовать стекли толпами...*— Батюшков по поводу этих стихов писал: «Эти стихи так спутаны, что в них и смысл теряется» (с. 316). Однако Жуковский остался при своем мнении и стихи не исправил.

Ст. 92. *Вспылал, разверзнувшись как гибельный вулкан...*— Этот вариант стиха был вызван неприятием Батюшковым первоначального: «Трон разгрянулся над главой галлов в куски» (с. 316).

Ст. 97. *Тут, право, милый друг, карикатуры нет!*..— Батюшков не принял стих, характеризующий Наполеона: «Взорами на мир ужасно засверкал», заметив: «Карикатура и ничего не значит. Бонапарте надобно лучше и сильнее характеризовать» (с. 316). Жуковский с этим не согласился, оставив свой вариант.

Ст. 108—110. *Там все ~ К его ужасному престолу приносило...*— Жуковский прислушался к негативной оценке Батюшковым трех стихов: «Первый дурен, а другие не хороши» (с. 316), но изменил только два последние.

Ст. 112. *И мздой свою постель страданье выкупало...*— Жуковский попытался прислушаться к замечанию Батюшкова: «Надо поправить» (с. 316), предложил даже вариант, но стих оставил без изменения.

Ст. 124. *И юность их была, как на могиле цвет!*..— Батюшков предложил свой вариант стиха: «И юность их была минутной жизни цвет», считая, что «На могиле — ничего не значит» (с. 316). Жуковский отстоял свой вариант, попутно развивая свою концепцию символического мышления: «И гроба гость, цветок — символ для нас унылый».

Ст. 142—143. *По ним свободы враг ~ шагал от боя к бою!*..— Этот вариант характеристики Наполеона возник и закрепился в окончательном тексте по просьбе Батюшкова. Первоначально: «И скоро, сдавленный губителя стопою, // Угасший пепел их покрывлся мертвой мглою» (слова, выделенные курсивом, Батюшков считал «слабыми местами», с. 316).

Ст. 147. *Спешащих раздробить еще приют свободы...*— По поводу этих стихов Батюшков писал: «Рати, спешащие раздробить еще приют свободы. Приют свободы раздробить! Какие ошибки! Но как легко их поправить этому варвару Жуковскому!» (с. 316—317). Жуковский переменял этот стих следующим образом: «Да ратей изредка шумели переходы, // Спешащих истребить еще приют свободы!»

Ст. 148. *...их смуглый мой зюл...*—А. Ф. Воейков после женитьбы на А. А. Протасовой в это время жил рядом с Жуковским в Муратово, и его замечания известны только в изложении Жуковского.

А. Янушкевич

〈Прощание〉

(«Воейков, этот день для сердца незабвенный!..»)

(С. 400)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 27 об.—28)—черновой, без заглавия; л. 28 оборван: нет последней строки и даты (ср. с публикацией РА по этой же рукописи).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1864. № 10. Стб. 1031—1035—с датой: «6 января 1815».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 6 января 1815 г.

Заглавие стихотворения было дано при первой публикации, возможно П. А. Вяземским, который передал тетрадь долбинских стихотворений в редакцию РА. Композиционно текст в рукописи членится на три части, каждая из которых—обращение к свидетелям и участникам событий долбинской осени 1814 г. Слова прощания подводили итог важнейшему этапу творческой биографии поэта. Начинается новый петербургско-дерптский период его жизни и творчества.

Ст. 1. *Воейков, этот день для сердца незабвенный!..*—Речь идет о 6 января 1814 г., когда Жуковский в кругу Протасовых и друзей в Муратове праздновал годовщину своего возвращения из армии.

Ст. 11. *Тебя в душе твоей Светлана наградило!..*—Имеется в виду женитьба Воейкова на А. А. Протасовой, которой Жуковский посвятил балладу «Светлана». Это литературное имя стало ее вторым именем.

Ст. 21—29. *Вам, милая, наш друг-благодетель ~ А общий жребий свой—оставим небесам!*—Этот фрагмент стихотворения обращен к Е. А. Протасовой.

Ст. 38. *Вас, добрая сестра, на жизнь друг верный мой...*—Жуковский обращается к А. П. Киреевской, в доме которой он провел долбинскую осень 1814 г. и которая была его вдохновительницей в это время.

Ст. 40. *Ваш брат, ваш долбинский минутный житель...*—Возможная автореминисценция из перевода «Делилева Дифирамба на бессмертие души»: «О жертва мирная, минутный гость земной...»

Ст. 49. *Мой ангел, Ванюшка...*—Речь идет о старшем сыне А. П. Киреевской, будущем известном писателе и общественном деятеле И. В. Киреевском (1806—1856). Жуковский примет активное участие в его воспитании и станет поистине его духовным наставником. Об этом см.: Сахаров В. Воспитание ученика: В. А. Жуковский и И. В. Киреевский // ВЛ. 1990. № 7. Июль. С. 275—280.

Ст. 54. *И Машенька, и мой угрюмый Петушок...*—Дети А. П. Киреевской: М. В. Киреевская (1811—1859) и П. В. Киреевский (1809—1856), будущий фольклорист и общественный деятель.

А. Янушкевич

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архивохранилища

ПД — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (С.-Петербург).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва), ф. 198 (В. А. Жуковский).

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва), ф. 104 (В. А. Жуковский).

РНБ — Российская Национальная библиотека (С.-Петербург), ф. 286 (В. А. Жуковский).

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Москва).

Печатные источники

АБТ — Архив братьев Тургеневых. СПб.: Изд. Отд. рус. яз. и словесности Рос. Академии наук, 1911—1921. Вып. I—VI.

Арзамас — Арзамас и арзамасские протоколы / Ввод. ст., ред. протоколов и примеч. к ним М. С. Боровковой-Майковой; Предисл. Д. Благого. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.

Арзамас—2 — «Арзамас»: Сборник в 2 книгах. М.: Худож. лит., 1994.

Афанасьев — *Афанасьев В. Жуковский*. М.: Мол. гвардия, 1986. («Жизнь замечательных людей»).

Барсуков — *Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1888—1901. Кн. 1—22.

Батюшков — *Батюшков К. Н. Сочинения*: В 2 т. М., 1989.

БдЧ — Библиотека для чтения.

Белинский — *Белинский В. Г. Полн. собр. соч.*: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959.

БЖ — Библиотека В. А. Жуковского в Томске: В 3 ч. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978—1988.

БЗ — Библиографические записки.

БиП — Баллады и повести, сочинение В. А. Жуковского: В 2 ч. СПб., 1831.

Бумаги Жуковского — *Бычков И. А.* Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Имп. Публичную библиотеку в 1884 г. // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1884 г. Приложение. СПб., 1887.

Вацуро — *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994.

ВЕ — Вестник Европы.

Веселовский — *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.

ВЛ — Вопросы литературы.

Вяземский — *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 1—12. СПб., 1878—1896.

Галюн — *Галюн И. П.* К вопросу о литературных влияниях в поэзии В. А. Жуковского. Киев, 1916.

Гиллельсон — *Гиллельсон М. И.* Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842—1852) // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1979. Л.: Наука, 1980. С. 34—75.

Гоголь — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Т. 1—14. М.; Л., 1937—1952.

Гофман — *Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926. (*Hoffmann Modeste. Le Musée Pouchkine d' Alexandre Onéguine à Paris: Notice, catalogue, extraits de quelques manuscrits.* P., 1926).

ДК — Дон Кишот Ла Манхский. Сочинение Серванта / Переведено с французского Флорианова перевода В. Жуковским. 2-е изд. М., 1815. Ч. 1—6.

Дневники — Дневники В. А. Жуковского / С примеч. И. А. Бычкова. СПб., 1903.

Дубровин — *Дубровин Н. Ф.* Василий Андреевич Жуковский и его отношения к декабристам // Русская старина. 1902. № 4. С. 45—119.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

Ж. и русская культура — Жуковский и русская культура: Сборник научных трудов. Л.: Наука, 1987.

Загарин — *Загарин П.* (Поливанов Л. И.). В. А. Жуковский и его произведения. М., 1883.

Зарубежная поэзия — Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского: В 2 т. / Сост. А. А. Гугнин. М.: Радуга, 1985.

Зейдлиц — *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883.

Зонтаг — *Зонтаг А. П.* Воспоминания о первых годах детства В. А. Жуковского // Русская мысль. 1883. № 2. С. 266—285.

ИВ — Исторический вестник.

Иезуитова — *Иезуитова Р. В.* Жуковский и его время. Л.: Наука, 1989.

Из дневника Андрея Тургенева — Из дневника Андрея Тургенева / Публ. и комм. М. Н. Виролайнен // Восток—Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1989. Вып. 4. С. 100—139.

Из неизданной переписки — Из неизданной переписки В. А. Жуковского с русскими литераторами 1810—1820-х годов / Публ. Р. В. Иезуитовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1980 год. Л.: Наука, 1984. С. 78—110.

ИРДТ—История русского драматического театра: В 7 т. М.: Искусство, 1977—1987.

Канунова—*Канунова Ф. З.* Вопросы мировоззрения и эстетики В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990.

Лебедева—*Лебедева О. Б.* Драматургические опыты В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992.

Левин—*Левин Ю. Д.* Английская поэзия и литература русского сентиментализма // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1970. С. 195—297.

ЛН—Литературное наследство.

Матяш—*Матяш С. А.* Неизданное «Общее оглавление» последнего прижизненного собрания сочинений В. А. Жуковского: К вопросу о жанровой системе поэта // Русская литература. 1974. № 2. С. 150—154.

МВ—Московский вестник.

МТ—Московский телеграф.

ОА—Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметьева, 1899—1913. Т. I—IV / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова; 1909—1913. Т. V. Вып. 1 / Под ред. и с примеч. П. Н. Шеффера.

ОЗ—Отечественные записки.

Описание—Библиотека В. А. Жуковского: Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.

Памяти Жуковского—Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. СПб., 1907—1909. Вып. 1—3.

Переводы в прозе—Переводы в прозе Василия Жуковского. М., 1816—1817. Ч. 1—5.

Переписка—Сочинения и переписка П. А. Плетнева. Т. 1—3. СПб., 1885.

Петухов—*Петухов Е. В.* В. А. Жуковский в Дерпте // Сборник в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, изданный Юрьевским университетом. Юрьев, 1902. С. 45—101.

ПЖТ—Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.

ПЗ—Полярная звезда, карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности [на 1823, 1824, 1825 гг.], изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. СПб., 1823—1825.

Письма Андрея Тургенева—*Вацуфо В. Э., Виролойнен М. Н.* Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л.: Наука, 1987.

Письма-дневники—Письма-дневники В. А. Жуковского 1814 и 1815 годов (числом пять), приготовленные к печати П. К. Симони // Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. I. СПб., 1907. С. 145—213.

ПМиЖ—Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979—1997. Вып. 6—19.

ПП 1—*Жуковский В. А.* Переводы в прозе. М., 1816—1817. Ч. 1—5.

ПП 2—*Жуковский В. А.* Переводы в прозе. М., 1829. Ч. 1—3.

ПСС — Полн. собр. соч. В. А. Жуковского: В 12 т. / Под ред., с биограф. очерком и примеч. А. С. Архангельского. СПб., 1902.

Пушкин — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 1—16. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949.

РА — Русский архив.

РБ — Русский библиофил.

РВ — Русский вестник.

Резанов — *Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб.; Пг., 1906—1916. Вып. 1—2.

Реморова — *Реморова Н. Б.* Жуковский и немецкие просветители. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989.

РЛ — Русская литература.

РМ — Российский музей.

РС — Русская старина.

Русские писатели — Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 1. А—Г (М., 1989); Т. 2. Г—К (М., 1992); Т. 3. К—М (М., 1994).

С 1 — Стихотворения Василия Жуковского: В 2 ч. [1-е изд.]. СПб., 1815—1816.

С 2 — Стихотворения Василия Жуковского: В 3 ч. 2-е изд. СПб., 1818. Часть 4: Опыты в прозе. М., 1818.

С 3 — Стихотворения Василия Жуковского: В 3 т. 3-е изд., испр. и умнож. СПб., 1824.

С 4 — Стихотворения Василия Жуковского: В 9 т. 4-е изд., испр. и умнож. СПб.: Изд-во А. Ф. Смирдина, 1835—1844.

С 5 — Стихотворения Василия Жуковского: В 13 т. 5-е изд., испр. и умнож. Т. I—IX. СПб., 1849. Т. X—XIII. СПб., 1857.

С 6 — Сочинения В. Жуковского / Под ред. К. С. Сербиновича. 6-е изд. СПб., 1869. Ч. 1—6.

С 7 — Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд., испр. и доп. СПб., 1878.

С 8 — Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885.

С 10 — Сочинения в стихах и прозе В. А. Жуковского: В 1 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 10-е изд., испр. и доп. СПб., 1901.

Семенко — *Семенко И. М.* Жизнь и поэзия Жуковского. М.: Худож. лит., 1975.

Семинарий — *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский: Семинарий. М.: Просвещение, 1988.

СиН — Старина и новизна.

Смирнова-Россет — *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С. В. Житомирская. М.: Наука, 1989.

СО — Сын Отечества.

Совр. — Современник.

Соловьев — *Соловьев Н. В.* История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1916. Т. 1—2.

СП — Жуковский В. А. Сочинения в прозе. 2-е изд. СПб., 1826.

СРС — Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским. М., 1810—1815. Ч. I—VI (1810. Ч. I—II; 1811. Ч. III—V; 1815. Ч. VI).

СС 1 — Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. / Вст. ст. И. М. Семенко. М.; Л.: ГИХЛ, 1959—1960.

СС 2 — Жуковский В. А. Собр. соч.: В 3 т. / Сост., вст. ст. и комм. И. М. Семенко. М., 1980.

Стихотворения — Жуковский В. А. Стихотворения: В 2 т. / Вст. ст., ред. и примеч. Ц. С. Вольпе. Л.: Сов. писатель, 1939—1940. (Библиотека поэта. Большая серия.)

СЦ — Северные цветы.

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы.

Топоров — Топоров В. Н. «Сельское кладбище» Жуковского: К истокам русской поэзии // Russian Literature (North-Holland Publishing Company). 1981. Vol. X. P. 242—282.

Тургенев — Тургенев А. И. Хроника русского: Дневники (1825—1826 гг.) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М.; Л.: Наука, 1964.

УЗ — Утренняя заря.

УС — Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904.

Ц. р. — Цензурное разрешение.

Черейский — Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1988.

Эстетика и критика — Жуковский В. А. Эстетика и критика / Вст. ст. Ф. З. Кануновой и А. С. Янушкевича; Подгот. текста, сост. и примеч. Ф. З. Кануновой, О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Искусство, 1985.

Эткинд — Эткинд Е. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л.: Наука, 1973.

Янушкевич — Янушкевич А. С. Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985.

Eichstädt — Eichstädt H. Žukovskij als Uebersetzer. München, 1970. (Forum slavicum. Bd. 29).

FWДН — Für wenige. Для немногих.

Gerhardt — Gerhardt D. Aus deutschen Erinnerungen an Žukovskij, mit einigen Exkursen // Orbis scriptus: Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966. S. 245—313.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редакции	7
-----------------------	---

СТИХОТВОРЕНИЯ 1797—1814 годов

1 7 9 7

Майское утро	19	421
Ода. Благоденствие России, устрояемое великим Ея самодержцем Павлом Первым	21	422

1 7 9 8

Добродетель («Под звездным кровом тихой ночи...»)	25	423
Добродетель («От Света светов луч излился...»).	27	424

1 7 9 9

Его Превосходительству, Господину Тайному Советнику Императорского Московского университета куратору и кавалеру Михаилу Матвеевичу Хераскову...	30	425
Могущество, слава и благоденствие России.	30	426
Стихи на Новый 1800 год	35	428

1 8 0 0

К Тибуллу. На прошедший век.	37	428
Платону неподражаемому, достойно славящему Господа	38	429
Мир	38	430
Герой	41	431

1 8 0 1

Элегия («Вечерний колокол печально раздается...»).	45	432
Человек	49	434

1 8 0 2

Сельское кладбище. Элегия	53	436
-------------------------------------	----	-----

1 8 0 3

Стихи, сочиненные в день моего рождения.		
К моей лире и к друзьям моим	58	438
На смерть А(ндрея Тургенева)	59	439
К К. М. С(оковнин)ой	59	441

1 8 0 4

К *** («Увы! протек свинцовый год...»)	61	442
К поэзии	61	444

1 8 0 5

Опустевшая деревня	64	448
Дружба	67	451
Моя тайна.	67	452
Брутова смерть	67	452
Милосердие	68	453
⟨Антипатия⟩	68	454

1 8 0 6

Послание Элоизы к Абельяру	69	455
⟨Отрывок перевода элегии)	71	457
Песня («Когда я был любим...»)	72	459
Отрывок (Подражание)		
⟨О счастье дней моих! Куда, куда стремишься?..⟩	73	460
Сафина ода	74	461
Идиллия	74	462
Прощание старика	75	464
Вечер. Элегия	75	465
К Эдвину	78	467
Отрывок из Делилева Дифирамба на бессмертие души.	78	469
Песнь барда над гробом славян-победителей	79	471
Разговор	87	475
«Мой друг бесценный, будь спокойна!..»	87	476

Б А С Н И		476
Мартышка, показывающая китайские тени.	88	478
Сокол и голубка	89	479
Мартышки и лев	89	480

Ссора плешивых	91	480
Кот и зеркало	91	481
Голубка и сорока	92	481
Сурки и крот	93	482
Истина и Басня	94	482
Смерть	95	483
Цапля	96	483
Сон могольца	97	484
Старый кот и молодой мышонок	98	485
Капун и сокол	99	486
Кот и мышь	100	486
Орел и жук	102	487
Амина и Эндимион	103	488
Сокол и Филомела	105	489
Похороны львицы	105	489
Комар	107	490
Э П И Г Р А М М Ы		491
1. «Пускай бы за грехи доход наш убавлялся!..»	108	495
2. «Ты драму, Фефил, написал?..»	108	496
3. «Не знаю почему, по дружбе или так...»	108	496
4. «С повязкой на глазах за шалости Фемида!..»	108	497
5. «О непостижное злоречие уму!..»	108	497
6. «Для Клима все как дважды два!..»	108	497
7. «Сей камень над моей возлюбленной женой!..»	109	499
8. «Трим счастья искал ползком и тихомолком...»	109	499
9. «Ты сердисься за то, приятель мой Гарпас...»	109	500
10. «Испытанных друзей для новых забывать...»	109	500
11. Новопожалованный.	110	500
12. «Румян французских штукатура...»	110	501
13. «У нас в провинции нарядней нет Любви!..»	110	502
14. На Чичерина.	110	502
15. «Скажи, чтоб там потише были!..»	110	503
16. Новый стихотворец и древность	111	503
17. «Дидона! как тобой рука судьбы играла!..»	111	504
18. «Барма, нашед Фому чуть жива, на отходе...»	111	505
Сонет.	111	506
Эпитафия лирическому поэту	112	506
Старик к молодой и прекрасной девушке. Мадригал.	112	507
Эльмина к портрету своей матери, писанному ее дочерью, которых она в одно время лишилась	112	508
Руше к своей жене и детям из тюрьмы, посылая к ним свой портрет	113	509

— Содержание —

«Пленять, а не любить я некогда искал...»	113	509
Младенец	113	510
«Опять вы, птички, прилетели...»	114	510

1 8 0 7

⟨М. А. Протасовой⟩		510
[1] М* на Новый год при подарке книги	115	512
[2] При посылке альбома	115	513
[3] «Собой счастливить всех — прелестный жребий твой!..»	115	513
Тоска по милom. Песня	115	514
На прославителя русских героев, в сочинениях которого нет ни начала, ни конца, ни связи	117	515

1 8 0 8

К Нине. Романс	118	516
Мальвина. Песня	119	519
Монах	120	519
Стихи, сочиненные для альбома М. В. П.	120	520
Гимн	122	521
⟨Из письма к П. А. Вяземскому⟩	125	523
Песня («Роза, весенний цвет...»)	127	524
Стихи, вырезанные на гробе А. Ф. С(оковнино)й	128	525
Расстрояка семейственного согласия	128	526
Песня («Мой друг, хранитель-ангел мой...»)	129	527
К Нине. Послание	130	528

1 8 0 9

⟨На смерть Е. М. Соковниной⟩	134	529
На смерть фельдмаршала графа Каменского	134	530
К Эрминии	135	532
К А*** при подарке Аполлона	135	532
В альбом («Когда неопытной рукою...»)	136	533
«Прельщать поэзией я дара не имею...»	136	533
«Ты прав, мой друг, ты прав — хвалить ее не смей!..»	136	533
Плач Людмилы	137	533
Песня («Счастлив тот, кому забавы...»).	137	535
К Филалету	138	536
Счастье	141	539
К Делию	142	540
Моя богиня	143	541
Путешественник. Песня	147	542

1 8 1 0

На смерть семнадцатилетней Эрминии	149	543
К Б(лудов)у. Послание	149	544
Надпись к солнечным часам в саду И. И. Дмитриева	153	546
Песнь араба над могилою коня.	153	547
Свисток. Посвящено Анне Петровне Юшковой.	155	548
«По щучьему веленью...»	157	549

1 8 1 1

Певец	159	551
Жалоба. Романс	160	552
Цветок. Романс	161	553
Желание. Романс	162	554
⟨В альбом 8-летней Н. Д. Апухтиной⟩	163	555
⟨А. А. Протасовой⟩ («Честные господа...»)	163	556
«Стонет витязь наш косматый...»	164	557
Ода («Тебя хочу я днесь прославить...»)	165	558
Песня («О милый друг! теперь с тобою радость!..»)	165	558
П. А. Вяземскому («Мой милый друг...»).	166	559
Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста. Греческая баллада	169	560
Добрая мать.	175	564
Стихи, присланные с комедиями, которые К*** хотели играть	176	565

1 8 1 2

Послание к Плещееву. В день Светлого Воскресения	178	566
Стихи на портрете ⟨А. А. Плещеева?⟩	184	570
Элизиум. Песня	184	571
К Батюшкову. Послание	186	572
Нина к своему супругу в день его рождения («Друг! в тот миг, как из безвестной...»).	203	579
Речь ⟨А. А. Плещееву⟩.	204	580
Пиршество Александра, или Сила гармонии	206	581
К Плещееву («Ты, Плещепуп...»)	210	584
⟨К П. А. Вяземскому⟩ («Князь Петр, жилец московский!..»)	211	585
Мечты. Песня	212	586
К А. Н. Арбенева («Рассудку глаз! другой воображенью!..»)	215	589
⟨К А. Н. Арбенева⟩ («Хорошо, что ваше письмо коротко...»)	218	590
⟨К Екатерине Афанасьевне Протасовой⟩ («Скажите, Катерина!..»)	220	591
К А. И. П.⟨лещеевой⟩ («В час веселый всяк пророк!..»)	221	592
Пловец	221	592
«Друзья! „прости“ — словцо святое...»	223	594

Песня в веселый час	224	594
Певец во стане русских воинов.	225	595
К N. N. при посылке портрета	244	606
Вождю победителей. Писано после сражения под Красным. Послание	245	607
⟨К А. А. Плещееву⟩ («Плещеев! Сколько сходств с тобою!..»)	248	609

1813

К Филону	249	609
Светлане	249	610
⟨К А. А. Плещееву⟩		609
[1] «На бал, обед и ужин!..»	250	611
[2] «Итак — всему конец?..»	251	612
⟨Протасовым⟩ («Друзья! пройдет два дни...»)	253	612
Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу	255	614
Государыне Императрице Марии Федоровне.	257	615
К Ив. Ив. Дмитриеву («Итак — ее уж нет...»)	260	616
Уединение. (Отрывок)	262	619
⟨К А. А. Плещееву⟩ («Друг милый мой...»)	264	621
К Плещееву («Напрасно я, друг милый, говорил...»).	266	622
Рай	266	622
Обет	267	623
Первое июня 1813	268	623
Нина к супругу в день его рождения («Друг, сопутник и хранитель...»)	269	624
Путешествие жизни	270	625
⟨К А. А. Протасовой⟩ («Лишь я глаза открыл...»)	271	626
⟨К Н. П. Свечину⟩ («Сам Бог тебе порука...»)	273	627
Песня матери над колыбелью сына	274	627
Плещепупу («Есть ли же толк?..»)	276	628
К А. П. К.⟨иреевской⟩ в день рождения Маши	279	630
Молитва детей.	280	631
Русскому Царю	281	631
Тургеневу, в ответ на его письмо. Послание	281	632
Эпимесид	285	636
Молитва Русского народа	287	637
Надпись на картинке, изображающей три радости и подаренной Е. И. П.	287	638
⟨Авдотье Петровне Киреевской⟩ («Авдотья, напишите...»)	288	638
⟨К А. А. Плещееву⟩ («О Негр, чернилами расписанный Naturой...»)	288	639
Сиротка	290	640
Здравствуй («Справься, справься, мой голубчик...»)	292	640

К самому себе	292	641
〈Стихи, читанные в Муратове на Новый 1814 год〉.	293	641

1 8 1 4

Письмо к *** («Я сам, мой друг, не понимаю...»)	296	643
〈Гост〉 («Земным спутникам, друзьям!..»)	297	644
«Кто б ни был ты — зефир, певец иль чародей!..»	298	645
К доктору Фору	299	646
〈К 16 января 1814 года〉	301	648
〈Стихи из альбомов〉		648
1. К Саше	301	649
2. К Маше	301	649
3. К Воейкову	301	649
4. К нему же	302	650
К арфе	302	651
К Саше Арбенеvu	302	651
〈29 января 1814 года〉	305	653
К А. П. (Киреевской)		
(«Сей памятник о нем мне дорог в день рожденья!..»)	306	653
К Воейкову. Послание («Добро пожаловать, певец...»)	306	654
Ответы на вопросы в игру, называемую <i>секретарь</i>	314	661
La grande pensée («Лягушке вздумалось: сем сделаюсь с быка...»)	316	663
〈К А. Ф. Воейкову〉 («О друг мой! жизнь крылатый час!..»).	317	664
〈К А. А. Протасовой〉 («Что делаешь, Сандрок...»)	317	664
К Тургеневу, в ответ на стихи, присланные им вместо письма	318	666
〈Первое апреля 1814 г.〉.		667
[1] 〈Алекса́ндре Андре́евне Протасовой, описание поездки Жуковского к своему другу А. А. Плещееву〉 («По кочкам, колеям...»)	319	669
[2] 〈Письмо Жуковского в стихах и прозе, писанное у Плещеевых к Протасовым〉 («Я собирался к вам...»)	320	669
[3] Похождения или поход первого апреля (La bonne aventure)	322	671
〈Постскриптум к посланию А. Ф. Воейкову〉 («Мое postscriptum, брат Дашков!..»)	326	672
〈К Марии Андреевне Протасовой〉 («Нет, право, мочи нет...»)	327	674
«Мой друг утешительный!..»	329	675
〈К И. П. Черкасову〉 («Володьковский Барон!..»).	329	676

ДОЛБИНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Добрый совет. В альбом В. А. А. (збукину)	330	682
Библия	331	683

Бесподобная записка к трем сестрицам в Москву	333	688
Росписка Маши	335	691
Мотылек	335	692
Э П И Т А Ф И И		693
1. Моту	336	693
2. Хромому	336	693
3. Пьянице	336	693
4. Грамотею	336	693
5. Толстому эгоисту	336	693
6. Завоевателям	337	693
Желание и наслаждение.	337	694
Совесть	337	694
Смерть	338	695
Что такое закон?	338	696
В альбом баронессе Е. И. Черкасовой	338	696
Послание к Плещееву («Ну, как же вздумал ты, дурак...»)	339	697
⟨Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину⟩		699
I. Preambule.	340	700
II. «Вот прямо одолжили...»	342	701
III. К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину. Послание («Друзья, тот стихотворец — горе...»)	346	703
Записка к Свечину	349	706
Записка к баронессе («И я прекрасное имею письмецо...»)	350	707
Записка к Полонским	351	708
Амур и Мудрость	353	709
Бесполезная скромность.	353	709
Феникс и голубка.	353	710
⟨К Воейкову⟩ («Воейков, дай же знать...»)	353	710
К Кавелину	354	711
⟨К Букильону⟩ («De Vouquillon...»)	355	713
В альбом к Нине	356	714
А. А. Воейковой («Сашка, Сашка!...»).	356	714
К князю Вяземскому («Нам славит древность Амфиона...»)	357	715
К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям («Ты, Вяземский, хитрец, хотя ты и Поэт!...»)	359	716
Младенец (В альбом графини О. П.)	363	718
Любовная карусель, или Пятилетние меланхолические стручья сердечного любления. Тульская баллада	364	719
Императору Александру.	366	721
«Ноябрь, зимы посол, подчас лихой старик...»	378	726
Теон и Эсхин	380	727
Древние и новые греки	384	729

— Содержание —

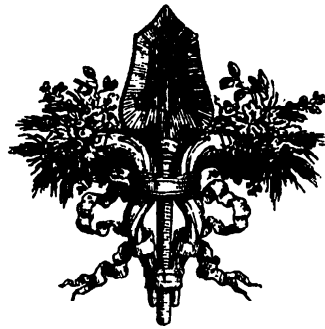
К неизвестной даме в ответ на лестную от нее похвалу	384	730
Максим	385	730
В альбом барону П. И. Черкасову.	387	732
Плач о Пиндаре. Быль	387	733
К Воейкову («О Воейков! Видно, нам...»).	389	734
⟨А. А. Воейковой⟩ («Не имею я кирхгофа...»)	393	737

1815

Пред судилище Миноса	394	739
Ареопагу	396	740
⟨Прощание⟩ («Воейков, этот день для сердца незабвенный!..»)	400	743

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. С. Янушкевич. Лирика Жуковского	405
Примечания к текстам стихотворений.	419
Условные сокращения	745

Научное издание

Василий Андреевич Жуковский

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В двадцати томах

Том I

Стихотворения 1797–1814 гг.

Издатель А. Кошелев

Корректор М. Н. Григорян

Оригинал-макет подготовлен А. С. Касьяном

Подписано в печать 22.02.99. Формат 70х100 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная,
гарнитуры: Елизаветинская, Баскервилл.

Усл. п. л. 61,275. Заказ № 536 Тираж 3000.

Издательство «Языки русской культуры».

129345. Москва, Оборонная ул., 6-105; ЛР № 071105 от 02.12.94.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ

<http://postman.ru/~lrc-mik>

Отпечатано с оригинал-макета во 2-й типографии РАН.

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 17 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.

(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order the above titles

by E-mail: Lrc@koshelev.msk.su

or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153)

ТОМ
I

В. А. ЖУКОВСКИЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
1797—1814 годов

